

А. К. Салмин

**История
чувашского народа:
анализ основных версий**

Пестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 63.5 (2)

ББК 94 (3)

С 16

Рецензенты:

С.А. АРУТЮНОВ — д.и.н., член-корреспондент РАН, зав. отделом Кавказа ИЭА РАН; **В.А. ДМИТРИЕВ** — д.и.н., научный сотрудник главной категории РЭМ; **Н.А. ДУБОВА** — д.и.н., заведующая Сектором этнической экологии ИЭА РАН; **Е.В. ИВАНОВА** — д.и.н., ведущий научный сотрудник МАЭ РАН; **А.В. ПСЯНЧИН** — д.и.н., врио директора ИИЯЛ Уфимского НЦ РАН; **Р.И. СЕФЕРБЕКОВ** — д.и.н., ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН; **MİNÁLY NORRÁL** — PhD in Anthropology, Director, European Institute of folklore; **PÉTER VERES** — PhD in Anthropology, Senior research fellow, Institut of Ethnology, Hungarian Academy of Science

С 16 Салмин А. К.

История чувашского народа: анализ основных версий. — СПб.: Нестор-История, 2017. — 464 с.

ISBN 978-5-4469-1252-0

Монография посвящена анализу имеющихся основных версий происхождения чувашского народа. Междисциплинарное исследование охватывает хронологические рамки со II в. до середины XX в. Анализируются савирская, болгарская, тюрко-монгольская, гуннская, персидская и угорская версии.

На обложке: Савиры на Кавказе // [Мамедова 2005, ил. 11].

УДК 63.5 (2)

ББК 94 (3)

ISBN 978-5-4469-1252-0

9 785446 912520

© А. К. Салмин, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

БЛАГОДАРНОСТИ

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность всем, кто в течение многих лет способствовал созданию настоящего труда. Прежде всего, глубоко признателен коллегам из Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Чувашского государственного института гуманитарных наук, Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова и Чувашского государственного педагогического университета за доброжелательное отношение. В этих пяти научных сообщениях в разные годы автору этих строк посчастливилось учиться и работать. Особенно признателен академикам РАН И. М. Стеблину-Каменскому и В. А. Тишкову, членам-корреспондентам РАН С. А. Арутюнову и А. В. Головневу, докторам исторических наук В. А. Дмитриеву, Н. А. Дубовой, Н. Л. Жуковской, Е. В. Ивановой, Е. А. Резвану, В. В. Серову, Р. И. Сефербекову, Ю. К. Чистову, А. К. Шагиняну, доктору географических наук А. В. Псянчину, докторам филологических наук Н. И. Егорову и Ю. Н. Исаеву, кандидатам исторических наук Г. А. Николаеву и А. И. Терюкову, кандидату филологических наук Л. П. Петрову, младшим научным сотрудникам Е. Ю. Захаровой и Н. С. Терлецкому. Благодарен зарубежным коллегам: Peter Golden, Marjorie Mandelstam-Balzer, John Rupnow (USA), Barna Gábor, Péter Veres, Mihály Hoppál, Klára Agyagási (Hungary), Hideaki Sakamoto (Japan), Руже Нейковой, Живко Войникову, Петко Колеву (България), Ildikó Lehtinen (Finland) за ценные советы и моральную поддержку.

Геродот Галикарнасский:
«Если не высказаны противоположные мнения,
то не из чего выбирать наилучшее» [Lang 1984: 54].

Л. Я. Штернберг:
«Кто знает один народ, не знает ни одного»
[СПбФ АРАН. Ф. 282. Он. 1. Ед. хр. 125: 4].

Степанов Ю. С.:
«В книге много цитат: мы хотели, как того требует исторический
метод, чтобы звучали голоса самих участников
историко-культурного процесса...
Кто-нибудь может спросить: но где же голос автора?
Это то же самое, что требовать голоса дирижера в опере
среди голосов солистов. Роль автора, как и роль дирижера, не в этом»
[Степанов 1998: 179].

ВВЕДЕНИЕ

Методология

В истории происхождения и формирования чувашского народа слишком много неясных страниц. До сих пор остается за семью печатями истина, которую желает узнать читатель. Чрезмерное желание читателей быстрее узнать, с одной стороны, и великое намерение авторов скорее доставить свои соображения до читателя, — с другой, порождали третье — компиляцию, сумбур и беллетристику. Большинство работ по этногенезу чувашей на сегодняшний день выполнено не выше уровня любительского краеведения. Одна из основных причин таких неудач — отсутствие прямых источников об исторических предках чувашей: «История была крайне немилостива к чувашам и языку их. В течение целого ряда веков они оставались в полном забвении и неизвестности, как бы в положении народа без роду и племени» [Егоров 1953: 66]. В аналогичных случаях историческая наука за помощью всегда обра-

щается к ретроспекции и сравнительно-исторической методологии. Ведь любые племена с самой загадочной историей непременно имели соседей, обязательно общались с другими племенами, входили в союзы.

Свое можно познать только в сравнении с другими культурами. При сравнительном изучении «вдруг» станут заметными и общие, и особенные черты этноса. Тогда выход один — искать и изучать предков чувашей, исследуя их взаимоотношения с соседними общинами. Так родилась идея структуры исследования. Порой читателю будет думать, что автор уходит от темы, увлекаясь соседними и родственными племенами. Однако любая картина действий может реализовываться только в контексте времени и пространства. Народ не существует сам по себе. Не поняв, кто же были соседями изучаемого народа, невозможно ответить на главный вопрос. Не зная причину, невозможно говорить о сути произошедшего события. Контекстное изучение соседей предков чувашей, естественно, не самоцель, главное, таким образом пролить луч истины на изучаемую проблему. Выбранный подход позволяет использовать метод исключения и приближения. Предлагаемая методология, надеюсь, будет способствовать корректировке степени родства со сравниваемыми племенами, народами и религиями.

Ведущие исследователи историко-этнографического направления обращают внимание на необходимость комплексного (или междисциплинарного) подхода в освещении этногенетических процессов. При всем превосходном исполнении частный взгляд представителя любой научной дисциплины на происхождение и формирование народа всегда ущербен. Во-первых, он охватывает отрезок времени и пространства, во-вторых, — оставляет в стороне все остальные аспекты исторического процесса. В результате к бесчисленным гипотезам прибавляется еще одна и поэтому не может претендовать на полноту убедительности [Алексеев 2009: 208–209]. Поэтому, например, «в работах археологов совершенно необходим комплексный подход, а именно сочетание этнографических, лингвистических, антропологических данных и письменных источников» [Молодин 1985: 5]. Например, горные группы грузин, карачаевцы, балкарцы и осетины — классические представители высокогорной культуры. Но говорят они на разных языках. Однако некоторые из них (карачаевцы и балкарцы) перешли

на современный их язык (тюркский) в историческом плане недавно. В то же время есть веские основания полагать, что предки всех перечисленных народов говорили на кавказских языках. Одновременно известно, что этим центральнокавказским народам характерна особая комбинация антропологических черт. В данном случае совпадают границы этнической и антропологической общности. Именно в силу указанных причин выдвижение на первый план данных только одной дисциплины всегда недостаточно [Алексеев 2008: 28, 155–156]. Естественно, этническая проблематика — тем более междисциплинарный подход — требует синтеза знаний многих научных дисциплин. К тому же, чем дальше от исследователя отстоит время формирования изучаемой общности, тем уже и скуднее круг искомых источников. А это подталкивает к соблазну исходить из современной картины мира при поиске темных пятен истории. Иначе говоря, исследователь может оказаться в плену априорных суждений. Отсюда и до методологических ошибок рукой подать: появляется желание современное состояние источников принять за древние истоки.

Несмотря на ратование за мультидисциплинарный подход в изучении этногенеза, ощутимых сдвигов в этом направлении не произошло. Каждый исследователь оставался преимущественно в своей ячейке.

При изложении содержания автор старался следовать первоисточникам и оригинальным мыслям, высказанным предшественниками. Меня могут упрекнуть в чрезмерном цитировании, однако это лучше, чем породить сомнительные факты и события. В конце концов, цитирование — это обращение к оригиналу, тем более, если это — первоисточник. Анализ первоисточников и критической литературы по теме проводится в целях выяснения исторических, генетических и контактных связей предков чувашей с упоминаемыми племенами и народами. Такую многотрудную работу необходимо было сделать в целях системного изучения достоверного материала. Для выяснения исторической правды важно знать, в каких годах, где, с какими племенами имели контакты изучаемые племена. Изучение истории исторических соседей необходимо для установления и корректировки истории самих предков чувашей. Ведь контекстное изучение источников увеличивает их информативную отдачу. Задача настоящего исследования — систематизиро-

вать имеющиеся по теме источники и литературу и получить из них адекватное заключение. Возможно, главы получились местами излишне пространными. Сделано это для того, чтобы не упрекнули автора в лаконичности и категоричности. Хотя источники можно было бы и добавить.

В работе понятия «история», «исторические» подаются расширительно. Помимо собственно истории, автор по мере необходимости и по мере доступности пользуется экстраисторическими доводами этнонимии, географии, генетики, антропологии, археологии, религии, языка, этнографии, искусства и фольклора. Таким образом, предпринята попытка исследования истории народа как единого целого, т. е. системы.

Совершенно справедливо предупреждение о трудностях использования междисциплинарного подхода. Например, всем известно скептическое отношение лингвистов к археологам и наоборот. Да и опубликованный труд, написанный с использованием междисциплинарного подхода, часто не находит отклика. Объясняется такое явление приверженностью каждого к своей специальности. В результате многие исследователи остаются нецитированными и уходят в более востребованные ниши. Например, занимаются изучением проблем национализма [Шнирельман 2016: 434–435]. Использование источников и трудов заведомо не этнографического и не исторического плана не говорит о желании автора этих строк взять на себя всю ответственность по этим дисциплинам. Из них используются источники и исследования преимущественно обобщающего характера. Они в монографии занимают место дисциплин, призванных построить наиболее полную систему. При этом следует признать, что деление исторических фактов и событий, скажем, на чисто исторические и географические весьма условно и носит рабочий характер.

Естественно, факты — это кирпичики истории. Однако настоящее исследование предполагает и осмысление фактов, и предварительное умозаключение, вытекающее из приведенных фактов. Насколько удалось автору разрешить поставленные задачи — судить читателям. А вообще, изучение запутанной истории чувашей — занятие труднейшее. Питер Голден обсуждаемую тему называет самой запущенной (one of the largely neglected and vexing problems) [Golden 2011: 146].

Хронологический диапазон исследуемых событий — с середины II в. до середины XX в. Более ранние источники, увы, пока не поддаются достоверной идентификации. В книге больше внимания уделяется событиям I тысячелетия н. э., которые стали решающими в судьбе исторических предков чувашей.

Может вызвать вопрос и часто используемая в книге терминология «сопредельные племена»: а почему «сопредельные племена», а не часто используемое словосочетание «сопредельные территории»? Потому что в доисторические времена, в древности и в Средневековье территории, занимаемые племенами и народами, как правило, не имели четких границ. Более того, границы соприкосновений были «плавными», менялись очень часто. Племена не только постоянно мигрировали, но менялись и их наименования. В понимании Византийской империи границы — это, во-первых, пределы сферы деятельности ее администрации на землях, разделенных на римские провинции; во-вторых, это пределы стран, имеющих местных правителей, но находящихся в сфере Византийской юрисдикции. Однако и эти границы между эллинизмом и варварским миром были весьма условные, расплывчатые, к тому же часто менялись. Заклятые враги — гунны и византийцы — имели условленный район, предназначенный для дипломатических переговоров и торговли. Что касается территорий, над которыми властвовал Атиллы, то тут имеются самые разные высказывания. Не было четких границ в Волжской Булгарии. В пространстве между Хазарией и Буртасией не имелось постоянных поселений. От Итиля до соседних буртасов лежали степи, для преодоления которых нужно было 20 дней пути [Ал-Идриси 2006: 120; Бартольд 1973: 37]. Кроме того, между племенами и народами (например, между хуннами и китайцами, гуннами и ромеями, а также между булгарами и суварями) имелись нейтральные полосы. По состоянию на IX — начало X в. расстояние между булгарами и башкирами, подчиненными Булгарии, составляло 25 дней пути [Бартольд 1968: 494]. Еще более аморфными были границы Золотой Орды. Что касается термина «сопредельные территории», то он используется, как правило, при исследовании сформировавшихся народов и государств. В принципе, можно было пользоваться и терминологией «сопредельные территории», но тогда работа приняла бы историко-географический крен. А автору хотелось, чтобы в книге было больше историко-этнографических сюжетов.

Успехи в генетике позволяют проникнуть в самые древние слои истории человечества. Уместно заметить, что используемый генетиками термин «этногеномика» еще требует уточнений. На самом деле вернее было бы сказать «генегеография», что «гораздо более адекватно описывает цели и результаты их научной деятельности» [Тишков 2016: 14]. Термином «генегеография» историки и генетики пользуются широко. Этому есть веское основание, ибо генетическое сходство популяций определяется их географическим соседством, а не лингвистическим сходством [Балановский 2015: 70; Балановская и др. 2016: 76, 77].

Как известно, маркеры ДНК с позиций популяционных исследований разделяются на три группы: маркеры митохондриальной ДНК (мтДНК), ауtosомные маркеры и маркеры Y-хромосомы. В отличие от генетических маркеров, религия, язык, этнические особенности — явления изменчивые. Например, крещение Руси привело к коренным преобразованиям верований жителей Восточной Европы. Совершенно справедливо утверждение, что исследование генетической структуры народов Кавказа может послужить значительным вкладом в решение проблем этногенеза, истории и культуры не только самих кавказских народов, но и многих других, в частности народов Восточной Европы [Кутуев и др. 2010: 18–19].

В популяциях Волго-Уральского региона подавляющее большинство (82,7%) представлено западно-евразийскими гаплогруппами (HV, H, V, J, T, U, R1, N1a, N1b, N1c, W, X). Наибольший вклад в митохондриальный генофонд региона вносят линии гаплогрупп H (25%), U (21%) и T (11,5%). В сумме они составляют около половины всех гаплогрупп мтДНК в Волго-Уральском регионе. Исключение составляют пермские башкиры, в генофонде которых обнаружены высокие частоты восточно-евразийских гаплогрупп F1b (23%) и D4 (14,6%). Основная доля отцовского генофонда изученных популяций приходится на гаплогруппы R-M269, R-M198 и N-M231 [Трофимова 2015: 8, 16, 21].

Естественно, в процессе этногенеза племена трансформируются. Причин много: нашествие более мощных соседей, разделение по родовым коленам, массовое принятие другой религии (например, исламизация египтян и превращение их в египетских арабов). Как будет выяснено, аналогичная трансформация произошла в истории болгар. Поэтому априорное увлечение болгарскими

истоками предков чувашей, а заодно прямая идентификация болгар с древнетюркским миром приводит к весьма ненаучным обобщениям. Аналогично интернациональным следует считать верховное божество чувашей *Турă* (*Тор, Тур, Торă*) [Салмин 2016: 255–263]. Он стоит в одном ряду со скандинавским *Тор*, ирландским *Торан*, шотландским *Торун*, *Тора* у африканских бушменов, пигмеев и бамбути, мансийским *Нума-Торум* и *Таром*. Говоря словами коллеги, «Тору удалось перешагнуть этнические границы» [Головнев 2009: 38].

Язык также содержит в себе историю. Для анализа его надо сравнивать с родственными языками и языками соседних племен и народов. Язык во времени может расщепляться на несколько языков-потомков. Связано это с нарушением единства социума, в котором он функционирует. Когда различия начинают затруднять взаимопонимание между членами общества, тогда появляются разные, но родственные языки. Изменение является обязательным свойством языка хотя бы потому, что застывшая система не могла бы обеспечивать коммуникацию социума в изменяющемся мире. Лингвистами на ряде языковых групп установлена скорость размывания 5 слов из списка Сводеша за 1000 лет. При такой скорости за 20000 лет список Сводеша должен вымываться полностью [Дыбо 2015: 338, 344, 370]. Выходит, нет статичных языков, существовавших 20000 лет. При изучении влияния фактора языка на происхождение народа наряду с современной графикой следует вводить в научный оборот и другие формы письменности (руническую письменность, тамги и прочие символы).

Основным термином в работе будет «племя» как этническая общность на ранних этапах исторического процесса. Как правило, изучаемые в работе племена, вовлеченные в поток Великого переселения, более цивилизованными соседями назывались варварами. Этот термин ничем, по сути, не отличается от греческого ἔθνος (у Приска — ἔθνεσι [Prisc 1979: 9]), использовавшегося в Византии по отношению к «варварским» племенам, т. е. не принявшим христианство. Аналогично тартары (монголо-татары) иноземцев, которых они не уважали, называли варварами, говорили о них, что те видят одним глазом, а сами тартары — двумя [Витсен 2010: 4]. В то же время некорректно подменять термины «племя» и «варвары» понятием «народ», как часто встречается и у вполне серьезных историков. Поэтому «принципиально неверно переводить выражение

hominum genus словом «народ» [Анфертьев 1994: 141]. В таких случаях лучше подходят термины «род», «племя». Так, на тюрко-китайском двуязычном памятнике в честь Кюль-Тегина (730-е гг.) имеется, в частности, фраза: *Qayanın anta ölürtümüz elin altımız* «Их кагана мы там убили, а их племенной союз покорили» [Наделяев и др. 1969: 168]. Здесь слово *el* верно переведено как «племя», «племенной союз». А для понятия «народ» в древнетюркском языке использовали слово *bodun*. К тому же при родоплеменном строе языковой фактор еще не мог играть этноразделительную роль.

Радует то, что отдельные представители отдельных наук ведут поиски способов объединения локальных культур в наднациональные (надэтнические) целостности. Пока исследователи истории народов и народных традиций используют устоявшийся прием: следуют лингвистическим группировкам языков по семьям. Например, «известны попытки создать музыкальное славяноведение, музыкальное финно-угроведение, музыкальную тюркологию» [Кондратьев 2011: 6]. М. Г. Кондратьев справедливо считает, что такие подходы не помогают проникнуть в суть. В. С. Виноградов видел 5 групп музыкальных групп: «К первой группе мы относим азербайджанцев, у которых имеются родственные связи с армянами. Вторая группа — [волжские] татары, башкиры, некоторые алтайские племена, ойроты, тувинцы, в музыке которых есть черты общности с музыкой монголов и марийцев. Третья группа — узбеки; их музыка родственна музыке таджиков. Четвертая группа — казахи и туркмены. Пятая — киргизы, хакасы и некоторые алтайские племена» [Виноградов 1961: 278]. Как видим, не всегда признаки и границы языка и музыкальной культуры совпадают. В качестве примера, как применение классификационных категорий внемузыкального порядка при изучении музыки порождает тенденции расчленения феноменов регионального характера и искажения их масштабов, М. Г. Кондратьев приводит Волго-Уральский регион. Действительно, при изучении культур народов этого региона музыкальные и поэтические явления сравниваются у тюркоязычных народов только с аналогами у других тюрков, у финно-угорских — только с финно-угорскими и т. п. «Аналогично обстоит дело и с конфессиональной ориентацией: у исламизированных народов региона поиски родственных явлений иногда ограничиваются параллелями в исламских культурах, порой весьма далеких,

и не замечаются более близкие параллели у рядом живущих немусульманских народов. Это обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость разработки собственно музыковедческих классификаций, независимых от лингвистической, конфессиональной или даже этнической принадлежности культур, составляющих целостности. Музыка — в определенных отношениях самодостаточная и саморазвивающаяся система» [Кондратьев 2011: 6–7]. Исследователям следует находить иногда совсем далекие отзвуки у изучаемых народов. Например, музыковеды доказали краткосюжетность и афористичность поэтики Волго-Уральской цивилизации. Как показал М. К. Кондратьев, ветвь афористических традиций поэтики Востока занесена к чувашам с юга более тысячи лет тому назад. Для выхода на новый уровень знаний необходимо разработать собственно музыковедческие классификации изучаемых культур. Они должны быть надэтническими, надлингвистическими и надконфессиональными, констатирует М. Г. Кондратьев. «По особенностям традиционной ритмики культуры Поволжья являют собой пример редкой сохранности архаической квантитативной системы, известной главным образом территориально и хронологически отдаленным цивилизациям (индоиранские, средиземноморские культуры)» [Кондратьев 2011: 10]. Концепции В. С. Виноградова и М. Г. Кондратьева имеют прямое отношение к методологии изучения обсуждаемой темы.

В главах, сопровождаемых термином «версии», изучаются племена и народы, с которыми входили во взаимодействие исторические предки чувашей. В каждой главе автор пытается выявить адекватность очередной анализируемой версии. Однако, когда имеет место историческое (в широком смысле) несоответствие фактов, приходится ставить под сомнение рассматриваемую версию, признать только частично или отказать в правдоподобности.

Историография

Гипотез о происхождении чувашей много. Предками чувашей называли сянну, хунну, сянъби, ухуаней, огуров, угров, гуннов, болгар, древних тюрков, иранцев, шумеров. Весь этот длинный и в то же время неполный перечень племен говорит не только

о плохой изученности, но, прежде всего, о сложности обсуждаемой проблематики. Одни исследователи с одинаковым успехом пишут как о тюркских, так и финно-угорских корнях чувашей. Другие уверенно относят этот народ к тюркской группе. Например, историко-этимологические штудии позволили Густаву Рамstedту говорить о принадлежности чувашей к финно-угорской семье языков [SUS. Kotelo 644: 1]. В. Н. Татищев первым назвал чувашей «бол-горами» [Татищев 1962: 252]. А. А. Куник допускал, что чувашаи составляют часть болгар, а до V–VI вв. предки чувашей и болгары еще не выделились в отдельные племена, но тут же выразил сомнение: «Или, может быть, чувашаи никто иное, как отуречившиеся черемисы?» [Куник 1878: 145]. Язык чувашей очень отличается от других тюркских языков, их религия также не похожа на религии других тюркских народов [Chuvash 1994], заявляют другие. В то же время антропологический тип, этнография (традиционные обряды и верования), народное искусство тяготеют к финно-уграм, а также к кавказцам.

Если исходить из взглядов авторов публикаций, то материнскими лонами исторических предков чувашей являются соответственно Сибирь, Индия и Месопотамия. К первому направлению относим работы Н. И. Ашмарина, В. Ф. Каховского, С. Р. Малютина, Н. И. Егорова, В. П. Иванова. Хронологический диапазон обсуждаемых материалов — с древнейших времен до начала н. э. Второе направление представлено фрагментарными высказываниями искусствоведа А. А. Трофимова, ссылающегося на труды Мегасфена, Арриана, Плиния Старшего, охватывает период с древнейших времен и завершается описанием ирано-индийских походов Александра Македонского. Третье направление (назовем его условно шумерским) представлено публикациями Н. Я. Марра, А. А. Трофимова, Г. П. Егорова и Д. Ф. Мадурова. Что касается книг, изданных В. В. Николаевым, то в них размыты все три направления. Таким образом, в предлагаемых гипотезах имеются хронологические провалы, т. к. они не в состоянии довести свои доводы к началу н. э. Теоретически все три предположения должны быть доведены до логического конца: доказаны или отвергнуты.

Этнографам известно, что не было и нет чистокровного племени и народа. Можно говорить лишь о синхронном срезе на определенный отрезок времени или о диахронии длиной в несколько

веков. История народа — это череда перерождений. Следует писать только о пространственно-временных параметрах племен и народов. Одновременно полезно распрощаться с иллюзиями и свыкаться со многими вновь открытыми фактами.

В. В. Бартольд историческими предками чувашей признавал гуннов, выступавших в истории Китая в III в. до н. э. [Бартольд 1926: 23]. В. Ф. Каховский и Антей Илитвер идентифицировали племена чэши в качестве предков чувашей, основываясь лишь на далеком созвучии. В то же время потомками княжества Чэши в литературе признаются скорее эфталиты.

По мнению Андраша Рона-Таша, к V в. до н. э. началось формирование изоглосс r/l , z/ζ . Названные важные для определения этнической принадлежности фонетические варианты он связывает с пратюрками, а пратюркской прародиной определяет Западную Сибирь и прилегающие к ней с юга территории. Однако им же оговаривается, что под прародиной тюрков имеются в виду не исторические регионы их проживания, а регион, где жили пратюрки непосредственно перед распадом их единства. Таким образом, Андраш Рона-Таш началом распада пратюркского единства считает V в. до н. э., а локусом обитания — юг Западной Сибири [Róna-Tas 1998: 67–80]. Однако в раннее Средневековье название «тюрк» распространилось на половине территории Азии. Арабы называли тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы. Степняк стал образцом доблести и геройства. Затем этот термин трансформировался и стал названием языковой семьи. По мнению Л. Н. Гумилева, некоторые тюрки (например, балкарцы и чувашаи) сложились раньше, чем сами тюрки [Гумилев 1993: 6].

Автор этих строк склонен считать, что положение о чувашах-тюрках не так уж неизбежно. Пока в науке, особенно в лингвистике, сохраняется тенденция априорно утверждать о тюркских основах чувашей. Так, Андраш Рона-Таш уверенно заявляет, что «существуют два подхода к изучению чувашского языка. С одной стороны, можно исходить из пратюркских форм и подбирать современные чувашские соответствия к отдельным пратюркским фонемам. С другой стороны, можно исходить из фонетики современного чувашского языка, выявляя затем пратюркские соответствия чувашским звукам» [Рона-Таш 1987: 43]. Он использует оба эти подхода. Обыкновенно начинать свои книги и статьи с априор-

ного утверждения «Чуваши — название тюркского народа» имел М. Р. Федотов [Федотов 1996а: 394]. Этот метод — кредо почти всех тюркологов, заведомо загоняющих чувашский язык и культуру в тюркскую «одежду». Между тем подход М. Р. Федотова и Андраша Рона-Таша о подборе соответствий ни «с одной», ни «с другой стороны» методологически не оправдан. Такой подход игнорирует все, что не тюркское (шире: не тюрко-монгольское), т. е. преследует заведомо заданную цель. Используя эту методику, можно с таким же успехом подобрать общие корни чувашей с этрусками, яфетидами, японцами и т. д., что, впрочем, и имеет место.

Среди чувашей можно найти и европеоидный, и монголоидный антропологические типы. Трудность и в том, что невозможно (особенно когда речь идет о племенных объединениях до н. э.) определить этническую принадлежность встречающихся в источниках названий по имеющимся признакам. Чаще всего эти термины обозначают их образ жизни, а не языковую или антропологическую принадлежность. Например, *кыпчаки* — степняки, чье имя происходит от «дупло», *уйгуры* — «объединившиеся», *канглы* — «люди в повозках». Также и относительно *хунну*: слово это не носит ни этнический, ни антропологический, ни религиозный признак. «Оно ни турецкое, ни монгольское, а китайское и очень древнее», — писал французский ориенталист Леон Каен [см.: Иностранцев 1926: 15]. Для китайцев хунну были *гуй-фан* — «демонами». Китайцы почти всем своим соседям раздавали уничижительные прозвища. К. А. Иностранцев различал хуннов как турков, а гуннов — как угров. В период расцвета в государство хуннов входили монгольские, тунгусские, корейские и тибетские племена. На римской карте от 7 г. до н. э. гунны размещены около Серики, т. е. Китая, и обозначены как *Huni-Scythae* (гунны-скифы). Однако менялись и они. Так, невозможно поставить знак равенства между подданными Модэ и Аттилы. Ведь «поток событий обновляет этничность, которая не существует вне движения» [Головнев 2009а: 53].

В целом загадка этногенеза неразрешима без комплексного подхода. При разборе точек зрения оставляю без внимания особенно те, которые имеют априорный и необоснованный характер. Нет доказательств — нет и науки. Даже самая солидная для своего времени книга «Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории», изданная в 1965 г. В. Ф. Каховским,

сегодня вызывает множество упреков. Так, в частности, еще в 1974 г. Р.Г. Кузеев справедливо писал: «Несколько неожиданно является его заключение о том, что “древние болгары и сувары вышли из древнетюркской этнической общности, сложившейся в Семиречье и Центральном Казахстане”» [Кузеев 2010: 391]. Речь идет об априорности основных положений в книге В. Ф. Каховского. На это уже указывали. Например: «Упоминаемый в письменных источниках этнос *чеши* он (В. Ф. Каховский. — А. С.) ошибочно признавал за чувашей» [Димитриев 2014: 79]; «этноним *чйваш* никак нельзя связывать с названием *чеши/чеши*» [Филиппов 2008: 10]. Впрочем, таких априорных заявлений в обсуждаемой теме предостаточно. Так, брошюра С. Р. Малютина со звучным названием «Этногенез чувашского народа» (Чебоксары, 2000) построена на бессвязных «рассуждениях» ни о чем.

Возможно, достоверная и общепризнанная история предков чувашей начинается со II в. н. э. В середине II в. *Σαύαγοι* зафиксированы Птолемеем на Кавказе южнее аорсов и пагиристов. С VI по IX в. на Северном Кавказе шло смешение и взаимовлияние трех основных культур: иранской, угорской и тюркской. Одно из заметных племен — савиры — оказалось в водовороте разноязыких племен: оно взаимодействовало с соседними племенами, то входя в состав раннегосударственных объединений, то возглавляя конфедерации. Так, оставили отпечаток в этногенезе хазар. Даже в первой половине IX в. тюрки называли хазар савирами. Тем не менее исследователи продолжают называть савиров тюркокультурными племенами ранних булгар. Например, [Боталов 2007: 236].

Х Х Х

В целом из-за априорных констатаций и квазинаучных взглядов проблематика этногенеза чувашей загнана в тупик.

Остальные аспекты по методологии, теории и историографии темы можно найти в главах книги. В монографии проанализировано 6 основных версий, имеющих место в публикациях о происхождении чувашей, а также рассмотрены факторы влияния/невлияния соседей. А всего этих версий, по подсчетам автора этих строк, 14. Соответственно, в книгу не вошли еще 8 версий (восточнославян-

ская, хазарская, восточнофинская, каварская, арабская, сяньбийская, суарская, ухуаньская). По некоторым из этих менее приемлемых и неприемлемых версий автор имел возможность высказаться [Салмин 2013 (историография, суари); 2015 (восточные финны); 2016а (славяне); 2017 (хазары); Salmin 2015 (кавары)].

В предлагаемой книге уделяется особое внимание наиболее спорным (если не сказать — совершенно новым) эпизодам истории этногенеза чувашей. Ранее опубликованные автором тезисы в этот раз подвергались критическому анализу и уточнялись.

Глава 1. САВИРСКАЯ ВЕРСИЯ

Согласно имеющимся публикациям, исторические предки чувашей известны как *савиры/сабиры/сувары*. Хотя тезис и остается открытым, он содержит достаточную почву для научных разысканий. Проблема в том, что активно бытуют две наиболее обсуждаемые версии происхождения чувашей: болгарская и суварская. До сих пор безапелляционно главенствовала первая теория, но в последнее время вторая приобретает более достоверные черты [Димитриев 1958: 50; Булатов, Димитриев 1962: 226–236; Каховский 1972: 200–217; Таймасов 2001: 7–33; 2011: 140–141; Мухамадиев 2011: 80, 86]. Чтобы проверить истинность той или иной версии, нужны аргументы в виде системы фактов. Попытаемся их выявить и анализировать.

Этнонимика

В 1925 г. Н. И. Ашмарин в письме к автору брошюры «О происхождении чуваш» М. П. Петрову писал, что «слово “чăваш” до сих пор еще научно не было объяснено: все существующие объяснения были неудовлетворительны» [Петров 1925: Прил. 2]. Попробуем проанализировать не решенную и по сей день проблематику. Для этого обратимся к источникам и наиболее заметным толкованиям.

В первой половине II в. н. э. Клавдий Птолемей зафиксировал этноним *Σαβαροι* [Ptolemae 1843: 171; Птолемей 2009: 186].

У греческого грамматика Элия Геродиана (первая половина III в. н. э.) имеет место *σάπειρ/σάπειρ* [Guilielmi 1823: 51].

Сапиров в IV в. н. э. упоминает Псевдо-Орфей в своем произведении «Поход аргонавтов» [Псевдо-Орфей 1948: 268]. В «Римской истории» Аммиана Марцеллина этноним зафиксирован в форме *Sapires* [Ammianus 1970: 26; Аммиан 1996: 255], это 361–362 гг. н. э.

Стефан Византийский в V в. писал: «*Сапиры* (*Σάπειρες*) народ Понтийской области, ныне называемый через β — *сабирами* (*Σάβειρες*)» [Stephan 1849: 555]. В другом месте у него находим варианты *Σάπειρ* и *Σάσπειρ* [Stephan 1849: 166]. Несомненно, во всех перечисленных источниках речь идет об одном и том же племени: *сапирах* — *савирах* — *сабирах*. Просто византийцы произносили

вместо звука *в* звук *б* (не *Византия*, а Βυζάντιο, не *варвар*, а βαρβαρ). В большинстве старых славянских заимствований из греческого языка эта буква передается звуком *в* (например, Βασίλειος — *Василий*). Обе формы отражены в византийских источниках. Кстати, звук *б* урартских клинописей в армянском языке аналогично передается звуком *в* [Тер-Саркисянц 2015: 42]. Лингвисты также указывают переход **w* → **b* в прасеверокавказских и праиндоевропейских языках [Старостин 2007: 358]. То, что *в* и *б* являются фонетическими вариантами, писали и другие исследователи [Németh 1929: 81–88; 1991: 150, 153, 265]. Например: **täwä* → **täbä* «верблюды». У Ксенофонта (ок. 430–355 гг. до н. э.) встречаем армянский антропоним *Сабарис*. Так звали младшего сына армянского царя [Ксенофонт 1993: 58]. Тут надо учесть, что имеем факт персидского влияния + греческое окончание *-ис*.

В целом историки идентифицируют этнонимы Σάβιροι, *Sapires*, *Savares*, *Saviri* [Буданова 2000: 335, 342, 345].

Этимон слова *савир/савар/савир/савир/сувар* восходит к персидскому *sāvar* — «всадник», «наездник», «умельный» [Миллер 1953: 294], на кл. перс. *savār*. В османском диалекте слово приняло форму *сүвар* [Радлов 1905: 851]. В сасанидском войске имелись привилегированные корпуса *асавира* (*asawîra*, в новоперсид. — *sawâr/suwâr, asâwîra*). Их набирали из аристократического сословия, и они составляли основную ударную силу. *Асвары* находились в боевой готовности. Так, в 32 г. х. (654 г.) эмир ал-Ахнав б. Кайса написал наместнику персидских шахов в Армении Базану, а также всадникам (*асавира*) и иранцам с предложением вместе с всадниками принять ислам [Ат-Табари 1987: 34]. Из письма ясно, что всадники *асавиры* занимали в персидском обществе привилегированное положение и от их приверженности зависел успех государства. Из истории Персии также понятно, что *asawîra* и *asavar* — грамматические варианты одного и того же слова. Поэтому следует констатировать, что форма Σάβαροι (перс. *savar*) в птолемеевской фиксации является фонетическим вариантом слова *савиры*. Аналогичная точка зрения была высказана еще в XIX в. [Забелин 1876: 371]. Об этнонимах *савар* и *сувар* как вариантах пишут многие исследователи. Например, [Гейбуллаев 1986: 18]. Кстати, Юлиус Немет писал о трех племенных подгруппах венгров, под которыми они были известны соседним племенам: *оногуры*, *тюрк* и *савар* [Немет 1963: 131].

Как известно, сванские имена существительные имеют несколько видов множественного числа. Наиболее часто используемыми аллоформами являются — *ær* и его варианты: *-æl*, *-æ: r*, *-æ: l*, *-i: r*, а также *-ar/-al/-a: r/-e: l* [Tuite. A short]. Например, этноним «сваны» в основном выступает лишь во множественном числе: *šwan-ār*, форма единственного числа — *тә-šwan* [Климов 1964: 174]. Но суффикс *-ār* как основная форма множественного числа обычен также в грузинском и мегрело-чанском языках [Дондуа 1975: 72]. О суффиксе множественного числа *-ar* в кавказских языках писали и другие исследователи [Дьяконов 1968: 193]. В основном фонде чувашского языка множество слов с окончаниями на *-ar*, *-ur*, *-ac*, *-аш*. Например: *кавар* — «уговор», «заговор» (чуваш. «восставший», «смешивать»), *январ* — «животное», «несмышленный» (от перс. *джанвār* — «имеющий душу»), *кавар* — «жар», «горячий уголь» (от иран. *хвар* — «солнце», «огонь»), *чукмар* — «дубина» (от звукоподр. *чок*), *Пихамтар* — название божества (от перс. *пэйамбар* — «пророк, посланник»), *хытар* — «весть» (от араб. или перс. *хәбәр* — «весть»), *масар* — «кладбище» (от араб. или перс. *мәзар* — «могила», «место посещения»), *пасар* — «базар» (от перс. или араб. *базар*); *кавир* — «ковер» (ср. название пустыни *Кавир* в Иране), *кәшемур* — «кашемировый», т. е. изготовленный из пуха горной козы (Индия, Иран, Афганистан), *пәхаттур* — «богатырь» (от др.-монг. *баһадур* и перс. *пәһләван*), *кефир* — «кефир» (ср. мегрел. *кiрiрi*, балкар. *гәрә*, осетин. *кәрүкәри*); *палас* — «палас» (от перс. *пәлас* — «грубый шерстяной ковер без ворса»), *атлас* — «атласный» (от араб. *атлас* — «гладкий»); *йәваш* — «тихий, смиренный» (от перс. *йәваш* — «тихий») [Егоров 1964; Скворцов 1985; Желтов и др. 2009]. В этом же ряду этнонимы *авары*, *кавары*, *сапирь*, *савары*, *савиры*, *сувары*, *булгары*, *хазары*, *балкары*, *мадьяры*. Все они являются обитателями Кавказа. Большинство слов из данного ряда восходит к персидскому языку. Также можно, исходя из вышеизложенных доводов, говорить об универсальности форм множественного числа у всех перечисленных племен. Упрощенно говоря, во всех случаях к основе этнонима прибавляется один и тот же аффикс *-ar*, указывающий на множественность. Одновременно этот длинный ряд слов свидетельствует об историческом переходе звуков *p* → *c* → *ш* в этнонимике. Как видим, в нескольких кавказских языках (а также в табасаранском, агульском, рутульском, бу-

духском, лезгинском, крызском) показатель множественного числа также имеет облик *-ar/-är*. А в хиналугском и удинском языках суффикс множественного числа представлен в варианте *-r*. Однако такая же картина встречается в чувашском языке: *эӗ* «я» + *p* = *эӗр* «мы». Эта форма в чувашском языке раньше могла встречаться чаще [Дерфер 1986: 111–112]. Также имеется мнение о переходе *-ar* в *-аш* (*сувар* → *суваш* → *чуваш*) [Мухамадиев 1980: 134].

В армянских источниках (Иоанн Католикос и др.) встречается форма *севордик*. Народная этимология гласит, что *севордик* значит «черные дети». По поводу такой этимологии крупный знаток армянской истории, этнографии и филологии Кероп Патканов (Патканян) недоумевал и признавал: «Не знаю, почему... Едва ли так» [Патканов 1877: 51]. Действительно, армянское слово *сий-ав* «черный» никак не связано с этнонимом *савир*. Прав и Йозеф Маркварт, считавший **Sev-ordik* «черные дети» армянской народной этимологией [Marquart 1903: 69].

Римские, греческие, иранские, армянские, сирийские и арабские авторы писали об этом народе, искажая этноним каждый на свой лад. В древних и средневековых рукописях он передавался через согласные *с.в.р*, где гласные звуки восстанавливаются исходя из правил консонантизма. В сочинении Ибн-Хордадбега, у Иосифа и подлинном документе хазарских евреев Киева так и написано: «SWR» [Прицак 2003: 56]. В связи с распадом в 658 г. Западно-тюркского каганата, в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. Эту дату следует считать переходной для этнонима *савир* на *сувар*. Должно быть, смещение произошло из-за арабско-исламской экспансии на Кавказ (ср. арабские антропонимы и топонимы *Сувар*). Именно с этого времени начинают появляться на Кавказе этнонимы с основой *Сувар*. Например, *Биялсувар* на азербайджанско-иранской границе. Здесь таких объектов несколько: село, таможенная застава, урочище. Исследователи считают, что это следы обитавших в этих местах суваров.

На языке гебров рассматриваемый этноним имел форму *sâvîr*, а тюрки называли их *sâbîr* [al-Masûdî 1894: 83; Golden 2013: 52]. Вариант *sâbîr* означает «допустимые», «терпимые», «сносные», что, впрочем, вполне согласуется с поговоркой *Чăваш — йăваш* «Чуваш — смиренный, кроткий». В поэме Юсуфа Баласагунского

«Qutadı bilig» (чуваш. «Хӓтлӓ нӓлӓ» — «Знание, приносящее счастье», XI в.) зафиксированы арабские термины *sabir* и *sabur* в значениях «терпеть», «терпение». В чувашском языке арабское *sābr* и персидское *sabr* сохранились в виде *санӓр* «тихий», «смирный», «кроткий». В турецком — *sabir*, кабардино-балкарском и татарском — *сабыр*. Производные значения — «миролюбивый», «деликатный», «снисходительный». Однако еще раз заметим, что *сабыр* — это исламизированное название.

Это же племя в арабских источниках известно и как *савардийя*. Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Дюла Немет указывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi*. Этноним *savardi* он отождествлял с этнонимом *savir* [Németh 1929: 81–86; Дмитриева, Адягаши 2001: 62–63]. В. П. Шушарин полагал, что саварты — это мадьярские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии [Шушарин 1997: 112, 157, 159]. Если в терминологии Константина Багрянородного *саварты-асфалы -т* примем за условно допустимый древнетюркский аффикс множественного числа [Мухамадиев 2011: 60], то слово *Σάβαρτοι* будет означать *савар* + тюркский аффикс множественности *-т* + еще аффикс множественного числа *-οι* из греческого языка.

Ибн Фадлан вполне отчетливо упоминает племя *сувар* в составе Волжской Булгарии. Отъехав с зимней стоянки, Алмуш «захотел, чтобы произошла перекочевка (племен), и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. Р. Г. Фахрутдинов верно полагал, что Ибн Фадлан писал о суварах, а не о сувазах [Фахрутдинов 1986: 97]. Естественной следует считать констатацию, что «волжские сувары являлись потомками кавказских сувар (савиров)» [Каховский 1972: 215]. И по мнению Питера Голдена, сувары Поволжья имеют (родственные) связи (to be connected) с сабирами (савирами/саварами), которые ассоциируются с Северным Кавказом [Golden 1980: 87; 2008: 235]. А. П. Смирнов признавал, что упоминаемые Птолемеем савары, откочевавшие из района р. Кубани савиры и основавшие г. Сувар на Средней Волге сувары есть одно и то же племя [Смирнов 1951: 11]. Предков чувашей в составе Волжской Булгарии в литературе идентифицируют как саваров и называют «савары-чувашы». Например: «Савары-чувашы, бур-

тасы и финские насельники возделывали поля, сеяли пшеницу, ячмень, просо, а собственно болгары торговали хлебом с суздальской землею по Волге и Оке» [Спасский 1912: 226]. Прямую историческую связь между этнонимами *savar*, *savir*, *sav̄ir*, *sab̄ir*, *sabar*, *suvārin*, *suvār* и мадьярскими антропонимами *Szavárd*, *Szovárd*, *Zuard* видел Дюла Немет. Согласно его мнению, вариант мадьярского этнонима *szavardi* также является производным от этнонима *sabir* [Németh 1991: 17, 131, 150]. М. Р. Федотов на совокупности приводимых предпосылок утверждал об исторической преемственности марийского *сувас* (*suvas*) и чувашского *чăваш* (*t'šāvāš*) [Федотов 1996а: 399]. О преемственности этнонимов *савар* → *савир* → *сувар* → *с̄авар* → *чуваш* (или: *сувары* ≈ *сабиры* ≈ *савиры*) писали и другие исследователи [Март 1935: 401; Мухаметшин, Хакимзянов 1987: 12]. Например: «Национальное название чувашей возникло от названия племени савиров-суваров-сувазов» [Димитриев 1962: 23].

Следует также иметь в виду, что г. Сувар в Волжской Булгарии имеет чувашское название *С̄авар*. Нынешние населенные пункты — с. Кузнечиха и д. Новая Кузнечиха на месте бывшего г. Сувар — чуваша называют *Кувё С̄авар* «Старый Сувар» и *С̄енё С̄авар* «Новый Сувар», а татары — соответственно *Иске-суар* и *Янгя-суар*. Их русские названия распространены только среди русских, писал Гайнутдин Ахмеров, первым обследовавший в XIX в. это городище.

Махмуд Кашгарский зафиксировал г. *ас-Сувар*, расположенный вблизи г. *Булгар* [Ал-Кашгарй 2005: 409]. По поводу названия г. Сувар В. В. Бартольд сделал существенную оговорку, приняв его как название племени [Бартольд 1968: 66]. Аналогичного мнения придерживаются многие исследователи. Например, [Смирнов 1951: 26]. В рукописи марокканского географа ал-Идриси (сочинение написано в 1154 г.) говорится: «Буртасы следуют за хазарами, и нет между ними и хазарами другого народа. Они имеют деревянные дома, а также войлочные палатки. У них [есть] два города — Буртас и Сувар» [Ковалевский 1954: 25]. Пока оставим выяснение историко-этнографических обстоятельств и уточнение местоположений этих городов, а лишь заметим, что в 1154 г. зафиксировано название г. Сувар, передающее название одноименного племени. Естественно, слово *сувар*, как и *булгар*, было в одно и то же время и названием племени, и названием города.

Весьма примечателен и взгляд Йоханнеса Бенцинга, который считал, что этноним *savar* (чуваш. *săvar*, татар. *suar*) может представлять собой результат фонетического развития этнонима *sabir* [Бенцинг 1986: 26]. Он связывает в единую линию этноним *săvar* и имя *Savar*, зафиксированное в 1322 г. на могильном камне в Булгарии (*Savar ioli Ağnab* «Агнаб — сын Савара»). Притом такие надписи типичны. Например: «Сувар, сын Мухмуда, внук Филадельфа, правнук Шагима Мелика», «Сувар, сын Хасана Геира Белука» [Эрдман 1832: 1221, 1227]. Несомненно, речь идет о потомках исламизированных суваров. Таким образом, мы имеем прямую перекличку поволжских эпитафий с зафиксированным во II в. Птолемеем этнонимом *савар*.

Чуваши-сувары как народность сформировались в Волжской Булгарии, точнее в ее южной части, а завершился этот процесс на правом берегу Волги в X–XV вв. С начала же X в. в Волжскую Булгарию входили местные племена: черемисы, вотяки, мордва и русы. Следы суварских субстратов сохранились до сих пор в Чувашии в виде топонимов. Например, в Красноармейском районе имеется д. *Супар* (в произношении *Субар*). Дорогу, идущую из д. Мунъялы Вурнарского района через Большой овраг (*Мән сьрма*) в волостной центр, местные жители называли *Саваш сүлэ* «дорога Саваш» [Терентьева 2013: 224], видимо, изначально *Саваш*. Ручеек *Савартер* имеется в Красноармейском районе. В числе зарегистрированных чувашских антропонимов есть такие, которые прямо указывают на этнический состав Волжской Булгарии: *Булгар*, *Савир*, *Савирка*, *Саврик*, *Саврила*, *Чуваш*, *Ахван*, *Аварин*, *Авер*, *Хосар*, *Касар* и др. [Магницкий 1905].

Из «Слова о погибели Русской земли» известно, что буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на великого князя Владимира (970–1015 гг.) [Слово 1969: 326]. Упоминаемый здесь народ *веда*, живший между черемисами и мордвой, несомненно, чуваш. Затем присутствует этот термин в форме топонима *Веда-Суар* на карте Фра Мауро от 1459 г. на месте нынешнего города Чебоксары. *Веда* — искаженное чувашское слово *вӑта* «средний», *суар* — вариант этнонима *сувар*. В Чувашии и ныне есть множество названий населенных пунктов, содержащих слово *вӑта*: *Вӑта Пукаш*, *Вӑта Уна касси*, *Вӑта ел* и т. д. Основателями населенного пункта Веда-Суар были рыбаки — предки чувашей. По поводу нынешне-

го названия Чебоксар — *Шунашкар* — Н. Я. Марр писал: «Очевидно, этот “Шубаш-кар”, т. е. город шубашов или суваров, — тот город эпох болгарского владычества, который арабские географы называют *Suvāg*’ом, т. е. чувашем» [Марр 1935: 369]. Заметим: признавая однозначность *шунаш* и *сувар*, Н. Я. Марр одновременно указывал на переход звука *p* в *ш* в конце этнонима. Он также справедливо идентифицировал этнонимы *сувар* и *чуваш*.

Как утверждал Карл Фукс, этноним *чуваши* впервые появляется в 1469 г. В этот год хан Ибрагим провел перепись земли Казанского ханства. Согласно ей, к жителям нагорной стороны, к горным людям, причислены чувашаи, черемисы, мордва, можары и тарханы. Карл Фукс при этом сослался на «Полное собрание русских летописей». Сама ссылка выглядит так: «Сузд. VI. 234. Царств. кн. 772» [Фукс 1914: 4]. Однако ни в указанных местах, ни по ПСРЛ в целом упоминание чувашей под 1469 г. не зафиксировано. Видимо, Карл Фукс располагал неопубликованным документом, пока нами не обнаруженным. Например, оригиналом или копией ярлыка, принадлежавшего хану Казани Ибрагиму. Тем не менее, есть основание считать, что первое письменное упоминание чувашей было сделано именно в 1469 г. Источниками являются летописи. В них имеется запись, сделанная в 1469 г. под названием «Послал князь велики судовую рать на Казань». Это повествование о походе российских войск на Казань по Волге. Накануне и после боя московские суда останавливались «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 8: 156; 12: 122; 18: 222]. К тому же по пути из Новгорода в Казань московские войска «начевали на Чебоксари, а от Чебоксары шли день весь да и ночь ту всю шли и приидоша под Казань» [ПСРЛ 12: 121; 18: 221; 22, 1: 472]. Согласно Софийской и Львовской летописям, в 1470 г. русские войска под предводительством Ивана Руно также встали «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 6, 2: 168; 20, 1: 281]. В Патриаршей летописи говорится о событиях 1552 г. «на Волге у Ирохова острова» [ПСРЛ 13: 175]. Исследователь истории чувашей В. Д. Дмитриев справедливо принимал слово *Ирых* за название чувашского божества *Йёрёх*. Расположен *Йёрёх утравё* «остров *Йёрёх*» в 20 верстах выше Казани [Дмитриев 2003: 44]. Действительно, слово чисто чувашское, будь оно татарское, мы бы имели *Ирык* вместо *Йёрёх*. Таким образом, следует утверждать, что в 1469 г. в 20 верстах выше Казани по Волге

зафиксировано чувашское название острова. Видимо, на острове люди не жили, он служил чувашам святилищем для совершения молений. Несколько выше по Волге, напротив поселка Шомиково, было еще одно аналогичное островное святилище под названием *Амаксар*. Оно затоплено после ввода в строй Чебоксарской ГЭС в 1980 г. Иначе говоря, иметь на волжских островах (т. е. в наиболее укромных местах) святилище было характерно для верховых чувашей и горных марийцев.

Второе (непосредственно — первое) описание событий близ Казани, в которых зафиксирован этноним в форме *чуваши*, выглядит так: «Тогда же нечестивый царь, со всеми своими князи и мурзы, и со многим поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из дальних мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града, во время праздника своего поганского, наньже прихождаху народы татарские и черемиские и чувашские, и пребываху ту пиюще и веселящися многи дни, и куплю между собой деюще. Воинство же российское в то самое время нападоша на поганых, идеже многих побиша, и вся становища их плениша» [Лызлов 1787: 96].

В третий раз этноним *чуваши* в форме *чюваша* зафиксирован в 1510 г. в «Жалованной льготной и несудимой грамоте Василия III каринскому татарину Девлечьяру Магмет Казыеву сыну на деревни в Чепецком стане Хлыновского у.» (РГАДА. Ф. Уфимской приказной избы. Оп. 1. Д. 862: 9–10) [Гришкина 1988: 35–36]. В документе говорится, что в Чепецком стане «жили наши люди чюваша на Якимцове и на Иштинникове».

Затем следует назвать упоминание чувашей (*Schuwaji, Czubashi, Zuwaschi*) Сигизмундом Герберштейном в 1517 и 1527 гг. [Герберштейн 1988: 129, 173].

Чюваши упоминаются также в царских грамотах и летописи под 1522, 1524 и 1548 гг. [Грамота 1905: 81; ПСРЛ 31: 127; Акты 1836: 209]. В 1552 г. всплывает летописное упоминание об острове *Иерех* в связи с казанско-московскими противостояниями. Говорится о событиях «на Волге у Ирохова острова» [ПСРЛ 29: 71, 170]. В «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом» за 1567 г. также упоминается Ирехова заводь у р. Волга на месте впадения речки Сумка [Невоструев 1877: 73]. На современной карте это примерно в районе г. Зеленодольска.

Таким образом, пока выстраивается следующая сокращенная схема происхождения этнонима *чăваш* «чуваши»: *савар* → *савир* → *сабир* → *сувар* → *сувас* → *суваиш* → *сăваш* → *чăваш*. Пример из словаря В. В. Радлова: *Кірăк суваиш, кирăк чирмӗш, кирăк ар, кирăк нӗдӗ кишӗ булсын барысыда алланьы, мӑндӑлӑри ӗкӑн!* «Будь это чувашаи, черемисы, вотяки или другие какие-либо люди, все они рабы Божиѣ» [Радлов 1899: 1354–1355]. Кстати, в Сабинском районе Республики Татарстан имеется село с названием *Субаиш*, а в Арском районе — *Субаиш-Аты*. Это еще одно подтверждение того, что этноним *суваиш/субаиш* в Средние века на Средней Волге имел распространение. В данной деревне к тому же проживают татары-кряшены, своими традиционными обрядами и верованиями предельно близкие чувашам [Исхаков, Николаев 2014: 32, 56, 64]. В. В. Радлов зафиксировал и форму *сăваш* [*сăваш, сьăваш*] [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107: 2833]. По мнению Н. И. Ашмарина, слово *тăваш* [*тăваш*] последовательно прошло через стадии: *жуаś, ъуаś, цуаś, цуаиш (чуаиш), чываиш (чываиш)* [Ашмарин 1902: 132]. О. Г. Большаков также считает верной указанную схему. В частности, он уточняет, что арабское *с* часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук *ч*, отсюда: *суваз* → *чуваз* → *чуваиш* [Большаков 1971: 67]. Башкиры и татары до сих пор называют чувашей *сыуаиш* или *чуаиш*. Разбирая упоминание названия города *Сувар*, И. Г. Коновалова также замечает, что «начальное *сад* в слове *Сувар* у ал-Идриси можно рассматривать как передачу звука ‘ч’, отсутствующего в арабском языке» [Коновалова 2006: 244]. Дело в том, что мы, изучая арабские источники, фактически учитываем только письменные начертания, а не их произношение. Ссылаясь на надгробные памятники Волжской Булгарии, Азгар Мухамадиев отмечает, что буква *с* обычно пишется оригинальным образом: с тремя точками внизу. Это явный признак того, что данная буква имела своеобразное произношение между буквами *с* и *ч* [Мухамадиев 2011: 87]. Здесь уместно разъяснение Питера Голдена, изложенное в письме к автору этих строк от 2014 г.: «В арабском, древнееврейском и сирийском языках отсутствует фонема *ч*. *Ч* передается через букву *ц* (древнееврейская *צ*, или арабская *ص* так называемая эфаптическая *с*, похожа на русский *с* перед *ы*) из семитских языков, арабский сохраняет более древнее произношение *ص*. В древнееврейском и сирийском, быть может, уже на рубеже нашей эры, *ص* стали произносить как *ц*.

В X в. арабский *гим* стали произносить как *джим* (ج). Раньше арабоязычные источники передавали тюркские имена и титулы вроде *külçur/külçor* как *لوصروك* (*kürşül*) — *ç* передает *ч*».

Здесь же относим фонетический пример чередования *с* → *ш*: *суваз/сувас* → *чуваш*. Ср. также: *сенкер* → *шенкер* («голубой цвет»), *салам* → *шелом*, название хеттской столицы *Хаттусас/Хаттушаи*, историческая область в Закавказье *Сакасен/Шакашен*, *сумеры* → *шумеры*, а также название армянской провинции *Чуаш* и марийское произношение этнонима чувашей в форме *суас*. Об этом же свидетельствуют китайские и монгольские источники начала XIII в.: *Сибир* → *Шибир*. В. Г. Егоров, сопоставляя *сувас*, *шупаш* и *чуваш*, определил особенности языка предков чувашей. По всей вероятности, писал он, само название племени — *сувас*, *суас* — приняло форму *чуваш* (*сувас*, *суас* → *шувас*, *шуас* → *шупаш* → *чуваш*) [Егоров 1971: 10]. Как видим, происходил исторический процесс перехода звука *с* в *ш* и *ч*: *сувас/суваз* → *суваш* → *чуваш*.

В длинном ряду языковых различий *з* — *р* и сам этноним *суваз/сувар*. А. П. Ковалевский верно назвал их диалектными различиями [Ковалевский 1956: 21, 35]. Вместо *з* и *р* в арабской графике мог быть и звук *н*, *суван* — это еще один вариант этнонима. Впрочем, именно этот вариант чтения в рукописи Ибн Фадлана считают правильным некоторые казанские исследователи и называют его реально бытовавшим этнонимом [Юсупов 1971: 221; Фахрутдинов 1986: 97]. Действительно, аналогичные варианты в истории встречались, например: *tatar* ~ кит. *дань* или *тань-тань*; *taḫwâr* ~ кит. *давань* или *даюань* «тохары». Среднекитайский *-нь* часто передается как *-р*. Форма *суан* встречается у Приска Панийского. Характеризуя события 468 г., он, в частности, писал: «Римляне и лазы были в сильном раздоре с суанами (Σουάνων). Этот народ (суаны?) готовился к бою. Когда персы хотели воевать с ним (Лазским владетелем?) за замки, отнятые у них суанами, то он отправил посольство к царю (Византийскому), и просил, чтоб выслано было к нему войско, охранявшее пределы Римской Армении» [Prisc 1829: 164–165; Приск 1860: 97]. У Менандра суаны (Σουάνων, Suani) также имеют место. Комментаторы Менандра называют суанов близкими по происхождению к лазам племенем (Suani, gens Lazis finitima) [Menandr 1829: 225, 407; Дестунис 1860: 339–365]. Интересно отметить, что форма *суаны* является также вариантом

грузинского рода *сваны*. Сюда же отнесем *Суанию* (*Сванетию*). По-моему, Г. Ф. Миллер необоснованно считал ошибкой написанную Ф. И. Страленбергом фразу *rudera urbis Bulgan* «остатки города Булган». Он полагал, что у Страленберга погрешность, а надо было, как и восточные авторы, писать *Булгар* [Миллер 1791: 4–5]. Однако, скорее всего, Ф. И. Страленберг в начале XVIII в. зафиксировал редкий (но верный) факт написания названия столицы Волжской Булгарии в форме *Булган*, т. е. мы имеем пример фонетических вариаций консонантных звуков *p — z — n*. К тому же в арабской графике все эти буквы имеют сходные начертания.

Булгары называли своих соседей экзоэтнонимом *сувазы*, вариантом которого является слово *сувары*. Зигизмунд Герберштейн в первой половине XVI в. использовал две формы: *Zuwaschi* и *Czubashi* (*w = b*) [Герберштейн 1988: 170].

Старой чувашской формой этнонима был **šávaš/šávaš* «жертвоприносите́ль», пишет Н. И. Егоров. Он полагает, что старочувашская форма **šávaš* в конечном итоге восходит к древнетатарскому апеллятиву **jayıçı* — «жертвоприносите́ль» (< *jayı* — «жертвоприношение», < *jay* — «приносить жертву») [Егоров 2012: 38–39]. Против такого видения выступал В. Д. Дмитриев: «Даже остепененные чувашские филологи стали утверждать, что этноним *чăваш* произошел от созвучного ему слова *šáva* “могила”, означающего якобы язычника» [Дмитриев. Фальсификация]. Тем не менее с фонетической точки зрения (*ç* → *ч*), взгляд Н. И. Егорова (*šávaš* → *чăваш*) вполне допустим. Выступление фонемы *ç* вместо тюркских фонем *й ~ ж ~ ж ~ дь ~ ч* — особая характерная черта чувашского языка [Баскаков 2008: 106]. Должно быть, это явление более древнее. Аналогичный факт имеет место в случае с марийцами: *šarmäs* → *черемис* (*ç* → *ч*). По мнению Р. Г. Ахметьянова, *šüäš* → *чюваш* → *чуваш* могло означать «крестьянина, земледельца». С таким видением соглашается Д. М. Исхаков. Он считает, что *šüäš* в Казанском крае функционировал как обозначение оседло-земледельческого тяглого населения («черные люди») и вполне могло быть использовано как этническое определение [Исхаков 1998: 94, 95].

Чувашей, проживавших в северных районах современной Чувашской Республики, в официальных документах часто называли черемисами. Или же в одной и той же грамоте писали в одном месте *чюваши*, а в другом — *черемисы*, особенно в XVI–XVIII вв.

Исследователи на такой факт обращали внимание не раз. Например, в письме одного иезуита от 1712 г. находим такие слова: «Я проехал через землю нагорных черемис, обыкновенно называемых чувашами» [Милан 1904: 206]. Анализ путаницы этнонимов «черемисы» и «чувашаи» см.: [Димитриев 1964: 118–132]. На этот раз укажу еще на две редко цитируемые публикации: [Магницкий 1900: 20–24; 1903: 24–43]. Здесь приведены материалы 1524–1877 гг., относящиеся к присурским чувашам. В грамотах и любовных записях о тяжбах на землю и оброчных деньгах чувашаи Ядринского и Курмышского уездов, как правило, назывались черемисами, хотя речь идет явно о чувашских деревнях (Сорма, Хочашево, Тораево, Абашева, Токшихова, Чурашево, Яушево, Лебедкино, Аккозиной, Новые Атаи, Кумашка и т. д.). По этому поводу В. К. Магницкий в своих публикациях документов справедливо делал пометки типа: «Селения, помеченные нами цифрами 2, 3... 9, все издревле чувашские»; «Приводимая ниже грамота может служить указателем того, до какой степени произвольно в старые годы приводились в грамотах названия инородческих племен».

Соседние мордва предков чувашей звали *ветке*. Так, И. Г. Георги по этому поводу писал: «Чуваши, которые так называются ими самими и русскими, мордвинами называются *Wiedke*, а черемисами — *Kurk Mari* (горными людьми)» [Georgi 1776: 38]. Согласно Г. Ф. Миллеру, «и сейчас можно услышать, что мордва называет их *Wiedke*, каковое название, однако, впоследствии было перенесено на вотяков и на заселенную ими реку Вятку» [Миллер 2009: 39]. Аналогичное видение зафиксировано в «Истории» В. Н. Татищева и в «Географическом лексиконе Российского государства» [Татищев 1963: 207; Полунин, Миллер 2012: 463]. В мордовских народных песнях чувашская земля называется *Веткень мастор*. Мордва, проживающая в Чувашской республике (села Малые Кармалы и Атрать), также называет чувашей *ветке* [Мокшин 1978: 282]. Г. Ф. Миллер привел еще один вариант, согласно которому мордва называла чувашей *вьедене* [Миллер 1791: 33].

Во второй половине XVI в. многие чувашаи из Казанской губернии были принудительно переселены в западные регионы Европейской части России — Новгородскую, Псковскую и Смоленскую губернии. Это был ответ на недовольство порядками царского правительства. На новых местах чувашаи влачили жалкое существова-

ние и вскоре были ассимилированы. В этот период местное население называло их *чува́ша*, а затем этноним в виде уничижительного прозвища было перенесено и на других людей в значении «неопрятный человек» [Даль 1982: 611].

В русских летописях XVI в. под термином *чюваши* однозначно имеется виду этноним, а не социальный слой без этнической определенности, как это хотят преподнести некоторые казанские историки и этнографы. Например: «Казанских людей побили многих и языков, татар, и черемисы, и чюваши» [ПСРЛ 6: 37]; «И на том бою многих князей и мурз и татар и черемису и чювашу избиша»; «И Магметь с товарищи государю били челом ото всее Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков» [ПСРЛ 13: 164]. Кстати, в документах XVII в. по Казанскому уезду (Зюрейская, Арская и Алатская дороги) присутствует не только форма *чюваши*, но в одних и тех же рукописных книгах и спорных земельных делах писали *чуваши*, *чювас*, *чюваши*, *чювашенин*. Например, «чуваши Янус Ишеев», «чюваша дер. Ащермы», «чювасская земля», «чювашенин Чемейка Чепаяев», «чуваши д. Мереть», а также «дер. Чюваши» [Яковлев 1950: 11–25, 67]. В отписях, наказных памятях, грамотах, челобитных и в других исторических записях 1656–1673 гг. также часты варианты этнонима *чуваши* в виде *чювас*, *чювашенин*, *чюваши*, *чювас* [Мустафина, Амерханова 2008: 16–56]. Например: «чюваша турмышевские всею деревнею». В 1658 г. Онофрейко с сорока товарищами совершил разбой в д. Норваш (в нынешнем Батыревском районе) и забрали у чювашенинов много добра, в том числе дорогие женские украшения *сарбаны* (*сурпаны*), *кашпов* (*хушпу*) и *тафьи* (*тухъя*). Следуя «логике» некоторых казанских историков и этнографов, в данном случае можно утверждать доведенный до абсурда факт: оказывается, «чювашки-татарки» массово жили в глубинной, совершенно чисто чувашской деревне. Тогда получается, что в это время в Казанской и Симбирской губерниях вообще не было чувашей, только татары. Вот такой абсурд.

То, что *чюваши/чуваши* — это этноним для этнических чувашей, признает и казанский этнограф [Исхаков 1998: 93]. Однако этот же автор в другой работе пишет, что в Казанском ханстве государствообразующий этнос состоял из двух сословий: феодалов разного ранга из «татар» и «черной» части — ясачных чувашей (или бесермен).

Оказывается, эти ясачные чувашаи значительно превосходили собственно «татарскую» часть в Казанском ханстве [Исхаков 2001: 103–105].

Кстати, документы свидетельствуют о фонетических преобразованиях *c* → *ш* (*чувас* → *чуваши*). Говорить, что *чуваши*, *човаши* и *чювашенин* — социальные термины или политонимы, просто нелогично, ибо они перечисляются наряду с другими этнонимами (черемис, татар, татарин, татаровя, вотяк, мещеряк) в одних и тех же текстах (например: «и чювашу, и черемису, и вотяков» [Яковлев 1950: 163]). А также в документах уточняется религиозная принадлежность: «А велено сыскать всякими многими людьми всякими сыски накрепко, рускими людьми по святей непорочной евангильской заповеди, а чувашею и черемисою по их вере по шерти» [Яковлев 1950: 151].

Согласно писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. (т. е. в непосредственной близости к Казани), среди чувашей были люди, обслуживавшие господское хозяйство («лющкие чувашские дворы»), одинокие крестьяне без земельного надела (бобыли), зависимые от помещиков крестьяне, платившие дань продуктами или деньгами, а также платившие исключительно натуральный налог (ясачные). Притом в этом уезде преобладали служилые татары и ясачные чувашаи. Их земли были размечены и четко разделены: «Направе земля и луги служилых татар, а налеве земля и луги ясачные чувашаи» [Степанов 1978: 104].

Служилых чувашей в Казанском, Свияжском и Чебоксарском уездах почти не было, ибо чувашаи, перешедшие из ясачных в служилые, тут же стали именоваться татарами. В купчих грамотах они также указаны как «новокрещены из служилых татар» [Насыров 2016: 182], что для последней трети XVIII в. выглядит явным анахронизмом. Так как служилых чувашей в документах записывали как «служилых татар», то им ничего не оставалось, как назваться именно так. В противном случае они не могли претендовать на наследство своих предков. Не вызывает сомнений, пишет А. С. Смирнов, ссылаясь на писцовую книгу 1602–1603 гг., что ясачными людьми в Казанском уезде на начало XVII в. являлись преимущественно представители чувашской народности. Имеются данные, что поместье служилого татарина Сабакая Еникеева, жившего с братом Чувашаем Еникеевым, ранее принадлежало ясачному чувашу Ондрюшке Мордвину. Выясняется, что имя брата слу-

жилого татарина — Чувашай, а фамильное прозвище — Мордвин [Смирнов 2014: 189]. Также выясняется, что служилый татарин на самом деле природный чуваш.

Служилые чувашаи в количественном отношении составляли незначительную часть. Из их числа назначали князей *пӳ*, сотных *сӗрпӳ*, десятных *вунпӳ*, а также тарханов и казаков. В основном это новокрещенные чувашаи Свияжского и Чебоксарского уездов (территориально наиболее близкие к Казани земли). Некоторые из них имели поместья в чувашских деревнях [Димитриев 2005: 53]. Как правило, служилые чувашаи тут же стали называть себя или татарамии (до середины XVI в.) или русскими (после взятия Казани).

Служилые татары владели землями чувашей не только в Казанском уезде, но и на западе Чебоксарского уезда. Например, земли д. Чандырево в конце XVI в. принадлежали служилому татарину Ишею Наурусову и башкирскому князю Темигеню Муралееву. Естественно, в такой ситуации шел интенсивный процесс ассимиляции чувашей с более крепким в экономическом плане этносом, в данном случае с татарами: резко увеличивается тенденция назваться татариним, носить татарские имена, принять их религию — ислам. А желание современных казанских исследователей определить «чуваша» как татар — это уже лишь стремление закрепить достижения вынужденной ассимиляции. Ведь в тех же писцовых книгах татары, чуваша, черемисы, вотяки, латыши и немцы — понятия одного этнонимического уровня. «Чуваша» — это всего лишь фонетический вариант этнонима «чувашаи» в произношении русских. Именно этот вариант в основном фигурирует в русской канцелярской стилистике XV–XVIII вв. «Чуваша» — продукт казанских походов Московии, когда русскоязычные летописцы впервые вплотную сталкиваются с незнакомым этносом. Термин «чуваша» массово не употреблялся как до, так и после XV–XVIII вв.

Имеется грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софии Алексеевны от 1869 г. на владение чувашаии Киньярской волости деревни Отучевой угодьем, называвшимся Масловым островом. Здесь чувашей назвали татарами: «...Деревни Отучевы чуваша Яшкубарка Яштеев с товарищи... Да они ж, чуваша... горные служилые татаровя Чебоксарского уезду Киньярской волости...» [Михайлов 2004: 307–310]. Однако известно, что Киньярская волость в Козьмодемьянском уезде существовала до 1840.

Но татар там не было. Во многих документах здешних чувашей называли горными татарами (по аналогии — горными черемисами). Татары к тому времени на территории современной Чувашской Республики проживали ближе к Свияжскому уезду, т. е. в приграничных к Татарстану землях. Из документов также известно, что упоминаемый чувашский сотник Отучка, ходатайствовавший в 1594 г. об острове Маслов, являлся родоначальником чувашей села Оточева Ядринского уезда. А его брат Бахтышка Пигилдеев (также фигурирующий в грамоте) — родоначальник чувашей деревни Бахтыгильдиной Козьмедемьянского уезда. Назвав чувашей татарами, писари, видимо, имели в виду, что чувашаи — племя тюркского (т. е. татарского) племени.

Еще один документ. Он касается общеизвестного архитектора XVIII в. из чувашей П. Е. Егорова — автора многих шедевров Санкт-Петербурга и не только. В сохранившихся архивных источниках имеются переписки, связанные с его службой. Так, одно из дел называется «Гоф-интендатская контора: Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку». Это 1755 г. Здесь имеются такие строчки: «Новокрещеной из чуваш Петр Егоров поданною наивысочайшее Ея Императорского Величества имя челобитною, объявляя, что он желает быть в службе Ея Императорского Величества архитектуры учеником, просит об определении в ведомство канцелярии от строеней, а поуже о нем отставной артиллерии господин генерал-майор, князь Дадян пишет ко мне с рекомендацією, что упомянутой Петр Егоров из чуваш и в малолетстве окрещен, и выучен при доме его грамоте читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать и прилежен к учению, и никаких пороков за ним не присмотрено» [РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111: 1]. И далее: «Бьет челом из чуваш новокрещенон Петр Егоров, а в чем мое прошение, тому следуют пункты; 1 одом я прежде был чувашенин» [РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111: 2]. Разумеется, во всех этих примерах речь идет о природном чуваше Петре Егоровиче Егорове, поистине исторической личности, который собственноручно писал, что он чуваш. В те годы в прописях и скорописях буква «ю» передавалась знаком ♂ (не путать со знаком ♂, означавшим строчную букву «е»). Например, *чѳѳаицѳ* «чю-

ваш», *чювашенин* «чювашенин» или *чюваш* «чюваш». В последнем случае использовано уже современное начертание буквы ю. Напомню: все эти примеры взяты из собственноручного обращения П. Е. Егорова к императрице Елизавете Петровне в 1755 г.

Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин составленный им словарь назвал «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих; имянно Россиян, Татар, Чювашей и Черемис» [ОР РНБ. Ф. 885. Ед. хр. 223]. И в этом случае прозрачно значение слова *Чюваши* как передающее этноним *чуваши*. При всем старании утверждать обратное невозможно. Вскоре, уже со второй половины XVIII в., букву «ю» в слове *чуваши* начинают писать с «у», т. е. так, как она произносится.

Исследователи готовы спорить о равнозначных фонетических вариантах, в то же время забывая, что в историческом процессе этнонимы пережили трудно узнаваемые трансформации, (например: *да-да* → *татар*). Во всяком случае, между этнонимами *савир* и *чуваши* имеется прямая связь — и в историческом, и в этимологическом планах. Не следует видеть между летописным *чюваши* и этнонимом *чуваши* смысловых различий — они являются лишь фонетическими нюансами, передаваемыми графически в XVI–XVII вв. На самом деле *чюваши* — графическая передача звука *у* в этнониме *чуваши*. Поэтому из-за графических особенностей XV–XVIII вв. историкам и этнографам выдумывать новые социальные слои и этнонимы, а также напрасно ломать копыя не стоит. Говоря словами одного из известных этнографов, тут важно учесть, что самосознание и неразрывно связанное с ним самоназвание являются решающими демаркаторами этноса [Арутюнов 1989: 9]. Коль такое название (*чйваши/чуваши*) существует и оно признается как самим народом, так и всеми соседями, значит, существует такая этническая общность.

Таким образом, этноним *чуваши* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*сапир, савар, сабир*) → *сувар* (*сувас, суван*) → *суваши* (*сйваши*) → *чйваши* (*t'šāvāš*). Такова судьба этнонима *чуваши* в лабиринтах времени. Как видим, вопреки расхожему мнению, что этнонимы не могут быть надежным источником в исследованиях по этногенезу, они отражают подлинную историю народа и даже указывают на хронологическую последовательность судьбоносных событий.

История

Клавдий Птолемей зафиксировал савиров в форме *Σαβάρου* на Кавказе, ниже аорсов и пагиритов, в первой половине II в. [Ptolemae 1843: 171; Птолемей 2009: 186]. Поэтому исследователи справедливо говорят о появлении савиров, как и барсиллов, на Северном Кавказе «еще в догуннское время» [Федоров, Федоров 1978: 83]. Историк В. Д. Дмитриев принимал мнение Клавдия Птолемея о наличии во II в. на Северном Кавказе групп саваров и полагал, что предки чувашей оказались там «во II и III веках» [Дмитриев 1958: 50; 1993: 20–21; 2014: 89]. В целом на сегодня идентификация птолемеевских саваров с поволжскими суварями не подлежит сомнению [Смирнов 1951: 11].

В начале III в. военно-политическое объединение кочевников Северо-Западного Прикаспия, пройдя в ворота Чора (т. е. Дербендские ворота), переправилось через реку Кура и вторглось в Армению. Исследователи опираются на труды Хоренаци и Бардесана (154–222 гг.) и верно полагают, что среди этих кочевников, несомненно, были хазирь (хазары) и басылы (барсилы) [Гаджиев 2010: 69]. Учет всей исторической и географической ситуации позволяет говорить, что среди кочевников, напавших на земли Армении, были и гунны, и савиры. В первой половине III в. греческий грамматик Элий Геродиан писал о племенах *σάπειοι/σάβειοι* [Guilielmi 1823: 51].

Под 361–362 гг. сапиров (*Sapires*) фиксирует Аммиан Марцелин [Amnianus 1970: 26; Аммиан 1996: 255].

Поэтому исследователи истории Кавказа придерживаются мнения, что в степную и предгорно-плоскостную зоны Северного Кавказа савиры/сабиры стали проникать не позднее первых веков н. э. Например: [Чеченов 2014: 288].

Ясность увеличивается с V в., когда сабиры/савиры (*Σάβειοι*) как активные участники персидско-византийских войн вовлекаются во взаимодействие с персами, восточными римлянами, уграми, аварами, армянами, аланами и лазами [Prisc 1829: 158; Приск 1948: 264; 1860: 87; Procopi 1905: 74, 292, 294; Прокопий 1998: 40]. Стефан Византийский, описывая события V в., упоминает отряды *σαπιρῶν/савиров/сабиоров* (*Σάπειρες/Σάβειρες*), обитавших на реке Акампис (Чорох) между Колхидой и Персией [Stephan 1849: 166, 555; Стефан 1948: 325].

Аттила становится единоличным лидером гуннского союза после насильственного устранения им родного брата Влиды/Бледы (Βληΐδα/*Bleda*) в 445 г. Затем он объединял многие племена и вовсе узурпировал власть. До кончины Аттилы фиксируются только отдельные боевые эпизоды, в которых проявляли особую храбрость савиры/сабиры. В остальных случаях они действовали как составная часть войск Аттилы и были известны как гунны или в лучшем случае как «гунно-савиры» и «гунны, называемые савирами».

После смерти Аттилы в 453 г. и разделения гуннского союза по автономным племенам на Кавказе начинается господство савирской конфедерации. Государство оногуров распалось, а на его смену пришло новое военно-политическое объединение во главе с савирами. Сюда же входила оставшаяся часть гуннов, а также вошли болгары. «Распад на Северном Кавказе первого гунно-булгарского объединения во главе с оногурами обусловил начало параллельного процесса объединения кочевников Восточного Предкавказья и становления нового военно-политического союза во главе с сабирами» [Джафаров 1985: 69].

Примерно в 463 г. савиры, кочевавшие в северокавказских степях, напали на сарагуров, урогов и оногуров. Сарагуры в свою очередь вторглись в земли акациров. Такое действие сабир/савиров (Σαβίρων) было продиктовано тем, что к ним вторглись якобы авары. А самих аваров изгнали племена, жившие на побережье [Prisc 1829: 158; Приск 1860: 87]. Однако, как показывают археологические исследования на Паласа-сырте, движение савиров было продиктовано давлением персидских войск. Говоря о первом упоминании савиров, большинство исследователей берет эту присковскую дату. Однако этноним «савиры» и его варианты были известны за несколько веков до Приска. Еще в птолемеевской фиксации они были соседями северокавказских аорсов и пагиритов. Если быть корректнее, у Приска в оригинале речь идет не точно о 463 г., а о 461–465 гг. По Приску невозможно упомянутое событие привязать именно к определенной дате, она начала фигурировать в исследованиях с чьей-то легкой руки.

Во второй половине V в. савиры обосновались в районе р. Кума, вдоль Каспийского моря. Как видим, этноним Σάβειροι в византийских источниках вновь активно всплывает после кончины Аттилы. В начале 60-х гг. V в. савиры/сабиры вынуждают оногуров

(т. е. болгар) покинуть занятые ими земли и передвинуться на запад Предкавказья. Таким образом, юго-восточные кочевья становятся полностью подконтрольными савирам [Гадло 1986: 14].

Опираясь на имеющиеся данные, можно предположить о вооружении савиров. Так, погребения IV–V вв. на Паласа-Сыртской возвышенности (в 30 км к югу от Дербента) содержат оружие ближнего (длинные и короткие мечи-кинжалы) и дистанционного боя (луки со стрелами). По своей конструкции они относятся к числу «гуннских» типов. Взрослое мужское население, так или иначе принимавшее участие в ратном труде, обладало высоким уровнем военной подготовки для того времени [Саидов 2014: 24–25]. Независимо от того, какую этническую принадлежность имело население Паласа-сыртской возвышенности, все эти характеристики полностью относятся и к савирам, ибо они также в те времена обитали в районе Дербента. Более того, они составляли основную силу, удерживающую Дербентскую крепость.

В литературе существует расхожая характеристика савиров как жадных до войн. Особенно перестарался в этом плане Агафий. Можно встретить и крайности в оценке действий савирских войск, к примеру: «...не брезгуя при этом в течение одной кампании переходить из одного военного лагеря в другой» [Семенов 2015а: 234]. Однако такая оценка однобокая. Как известно, савирские правители постоянно учитывали внутреннюю обстановку и международное положение двух главных соперников на Кавказе — Ирана и Византии. Тем не менее, из-за постоянных войн между Ираном и Византией, а больше всего — из-за выступления савиров то на одной, то на другой стороне, в савирском объединении образовались две группы: иранской и византийской ориентации. Савиры в эти годы представляли собой ряд самостоятельных «колен». «Но уже в начале VI в. положение в савирском обществе изменилось. Из среды племенной знати выделилась династия, претендующая на управление всеми савирами. Представители этой династии вступили в открытую борьбу с сепаратизмом племенных вождей» [Федоров 1972: 21].

Дербентское и Дарьяльское ущелья служили главными военными и торговыми проходами. Учитывая это обстоятельство, савиры в начале VI в. стали контролировать восточные и центральные районы Северного Кавказа. Они заняли районы тех и других

стратегических ворот. Поэтому исследователи самое начало VI в. называют и началом савирской гегемонии. При этом некоторые называют даже точную дату — 506 г. [Róna-Tas 1999: 212; Рона-Таш 2011: 133]. В «Летописи» Феофана Византийца под 516–517 гг. записано: «Гунны, именуемые савир (Οὔννοι οἱ λεγόμενοι Σαβήρ), переправившись через Каспийские ворота (т. е. Дербентский проход. — А.С.), совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту» [Феофан 1980: 26, 49]. Поэтому обоснованно следует считать, что именно вторжение кочевников, прежде всего савиров, через кавказские перевалы на иранскую территорию заставило Кавада заключить мир с Византией.

Савиры представляли собой одно из сильнейших племен в регионе [Феофан 1980: 26, 50; Malalas 1831: 430–431]. Боарикс, «женщина из гуннов, именуемых савир» (Οὔνων τῶν λεγομένων Σαβήρ), стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха (Βαλαχ). Под ее властью находилось 100 000 воинов. В 527–528 гг. она пришла к ромеям. А персидский царь Кавад склонил двух племенных царей, родственных Боарикс, помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили через владения царицы Боарикс, она напала на них. Одного, Стиракса, взяла в плен и в оковах отправила в Константинополь. Другого, Глониса, убила в бою. Так она сделалась союзницей Юстиниана. Относительно этого эпизода Питер Голден пишет, что сабирская княгиня Боа управляла 100 000 людьми и могла иметь в поле сражения 20 000 армию [Golden 2011: 91]. На самом деле у Малалы сказано, что Боа имела «под своим началом сто тысяч». А в переводе этого фрагмента на латинский язык отчетливо говорится о 100 000 воинах: «Mater erat haec filiorum parvulorum; quae exercitum 100 000 *militum* (т. е. воинов, выделено мной. — А.С.) sub se habens, regionibus, Hunnicis, post Blach conjugis sui obitum imperabat» [Malalas 1831: 431]. Дюла Немет склонен был читать «100 000 солдат», но противоречил сам себе и полагал, что это число означает людей всего племени [Németh 1991: 151]. Видимо, он исходил из постулата, что каждый взрослый мужчина у савиров одновременно был воином. Однако в таком случае жены, родители и дети (т. е. те, кто не воин) остаются вне подсчета. Феофан утверждал, что Боарикс имела «при себе сто тысяч гуннов», т. е. гуннов, именуемых савир. На самом деле ни в одном

первоисточнике нет ясности, что означает 100 000: это воины или вообще численность савирского населения? Однако известно, что два полководца из числа внутренних гуннов (по контексту надо полагать, что они тоже были «савирами, называемыми гуннами», но союзниками персов) шли в поход на выручку персам с 20 000. Естественно, в этом случае речь идет только о воинах, а не о простом населении. Иначе говоря, Малала, несомненно, оперировал понятием «воины», а не «население». Кстати, автор анонимного персидского сочинения конца X в. (речь идет фактически о начале X в.) «Худūd ал-‘алем» относительно г. Булгар оставил запись: «...из него выходит до 20 000 всадников» [Бартольд 1930: 32]. Иначе говоря, понятия «воины», «всадники» и «иметь царице при себе столько-то гуннов» выступали синонимами. О наличии у Боарикс войска из 100 000 человек однозначно писал Иван Стриттер [Стриттер 1771: 82]. Наличие у правительницы Боарикс 100-тысячной армии признавал историк В. Д. Димитриев [Димитриев 2014: 92]. Она наголову разбила оба отряда. У нее численность войск в пять раз превосходила численность двух других савирских отрядов под предводительством Стиракса и Глониса. А это дополнительный аргумент в пользу многочисленности воинов под руководством Боарикс. Ссылаясь на Малалу, Хюн Ким пишет, что сабиры были мощной конфедерацией, которая могла выставить на поле битвы 100 000 всадников. Он полагает, что в преувеличении нет сомнений, но факт свидетельствует о силе сабирских войск в глазах византийцев [Kim 2013: 253]. Мысль о желании враждующих между собой персов и византийцев заполучить савиров как союзников высказывает Питер Голден. Он также считает, что цифра преувеличена, но, тем не менее, указывает на значительную военную мощь [Golden 1992: 105]. Поэтому Питер Голден не видит ничего удивительного в том, что Византия изыскивала пути вовлечения савиров в союзники в их постоянных схватках с сасанидским Ираном в целях доминирования на Кавказе [Golden 2008a: 259]. Таким образом, согласно Феофану и Малале, в 528 г. савирские вожди могли одновременно выступить с 120-тысячным войском.

Отсюда можно предположить и общую численность савирского населения, добавляя к числу воинов их жен, от 3 до 6 детей, а также родителей. Получается 1 миллион душ. Другой такой мощной силы в то время на Кавказе практически не было. Учитывая,

что численность семьи кочевника составляла от 2 до 11 человек (в среднем 6 человек), можно подсчитать и количество семей под властью Боарикс: будет 167 000 семей (подсчеты А. М. Хазанова и Л. Б. Гмыри). Естественно, использовать такую военную мощь савиров старались как персы, так и византийцы. Получается, вперед выходит аспект не «жадных до войн» савиров, а их многочисленность и военная мощь.

Несомненно, Боарикс ставила задачу ликвидации сепаратизма племенной аристократии, объединения вокруг Варачана всех савиров и укрепления своего государства [Федоров, Федоров 1978: 185]. Начальный этап формирования древних городов Дагестана охватывает III в. до н. э. — V в. н. э. В число таких городов наряду с Дербентом, Семендером, Таргу, Беленджером входит и Варачан.

В связи с описанием персо-византийских войн Прокопий, в частности, заметил: «Между тем Кавад отправил другое войско в подвластную римлянам Армении. Оно состояло из персоармян и суннитов, соседей аланов. С ними было три тысячи гуннов, так называемых саби́ров/савиров (Σάβειροι), воинственнейшего племени» [Просорі 1905: 74; Прокопий 1998: 40]. Вычислить год, в который происходило это событие, можно на основе упоминаемых в этом действе имен. Известно, что царь государства Сасанидов Кавад умер в 531 г., значит, событие происходило до 531 г. Упоминаемый Прокопием в этом же абзаце Сита имел должность стратига в Византии и был поставлен во главе всего войска Армении. Это 528–531 гг. А стратигом Армении был Дорофей. Он командовал битвой под Саталой в лето 530 г. [Адонц 1971: 135]. Таким образом, в 530 г. 3000 савиров в Армении воевали в составе персидских войск против византийской армии.

Вместе с хазарами савиры «составляли одно и то же военно-политическое объединение, во главе которого, однако, стояли савиры, так как в первой половине VI в. в большинстве исторических известий именно их наименование служит для обозначения варваров, обитавших севернее Дербента» [Артамонов 1962: 127].

В 541 г. развернулись военные действия между Ираном и Византией в Лазике. Это был стратегический район для обеих сторон. Важным пунктом стала мощная морская цитадель Петра, построенная по приказу Юстиниана к югу от реки Фасис. Однако местное население было недовольно византийской оккупацией. Лазы

обратились за помощью к персидскому шаху. Тот хорошо подготовился и взял крепость. В итоге в 545 г. было заключено перемирие между Персией и Византией. Однако лазы на этот раз обратились за помощью к византийцам. Юстиниан в 549 г. прислал сюда 7-тысячную армию. Царь лазов Гуваз наказал милитуму Армении Дагисфею послать кого-нибудь охранять ущелье, ведущее в Петру. Сам он двинулся к границам Лазики, чтобы охранять имеющиеся теснины. А до этого он заключил союз с аланами и савирами. «Между тем василевс Юстиниан послал племени савиров (*Σαβείρων*) условленную сумму денег» [Procopi 1905: 300; Прокопий 1998: 143]. Как верно заметила комментатор Прокопия А. А. Чекалова, «союз с гуннами-сабирами был действительно важен, поскольку это был народ воинственный и хорошо знавший осадное дело» [Чекалова 1998: 422]. Прокопий не раз отмечал эти качества у савиров в книге «Война с готами».

В начале 551 г., используя помощь гунно-савиров, византийский военачальник Бесса овладел, наконец, Петрой. При этом савиры применили тараны (*κρίβς*) особой конструкции, что сыграло решающую роль для разрушения стен крепости. Эти тараны существенно отличались от тяжелых и неуклюжих типов сооружений, передвигаемых запряженными быками. Как писал Прокопий, случайно в этом войске римлян было несколько варваров из племени савиров. Прибыв к осаждавшим стены Петры, савиры увидели, что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают, что делать, и попали в безвыходное положение. Тогда сабиры/савиры (*Σαβείροι*) «придумали такое приспособление (машину), какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров» [Procopi 1905a: 538–540; Прокопий 1996: 47]. Прокопий дает подробное описание савирского изобретения. На этой машине не было бревен, их заменили толстыми веревками. Только в середине разместили свободно передвигающееся бревно с заостренным концом. Савиры приготовили три такие машины. Человек сорок из римлян, одетых в панцири, легко разместили тараны к стенам Петры. По сторонам машины встали воины, снабженные шестами с железными крючками на концах. Когда удары бревна расшатывали ряды камней, они вытаскивали этими крючками рассыпающиеся камни и откидывали

их. Так были разрушены стены Петры. Вскоре при осаде Археополя уже персы воспользовались услугами савирских легких таранов. Персидский военачальник Мермероес, прежде всего, «велел сабирам ($\Sigma\alpha\beta\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$) делать много стенобитных машин, которые можно было бы людям носить на плечах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть к укреплениям Археополя, так как они были расположены на подъеме горы. Он слышал, какие машины были сделаны союзными с римлянами савирами ($\Sigma\alpha\beta\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$) около стены Петры немного раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, он из этого опыта хотел извлечь для себя пользу. Они стали делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стенобитных орудий, таких же, какие сделали для римлян недавно, как я рассказывал, союзные с ними савиры ($\Sigma\alpha\beta\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$)... И вот персы и савиры ($\Sigma\alpha\beta\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$), пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они, можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений» [Гросори 1905а: 538–540; Прокопий 1996: 59–60].

Конечно, Прокопий несколько преувеличивает и отдает пальму первенства савирам в изобретении таранов при взятии и разрушении фортификаций. О таранах и «черепахах» и их применении в военном деле подробно писали древнегреческий инженер Афиней Механик (умер ок. 21 г. до н. э., сочинение «О машинах»), Аполлодор Дамасский (начало II в. н. э., сочинение «Полиоркетика»), Флавий Вегетий Ренат (писал как очевидец о событиях 390–410 гг., сочинение «Краткое изложение военного дела»), Аноним Византийский (VI в., сочинение «Инструкции по полиоркетике»). Однако все это несколько не умаляет заслуги савиров в военном искусстве, в изготовлении и практическом применении облегченных вариантов переносных таранов и «черепах» при разрушении крепостей противников.

Анализ действий отдельных отрядов на стороне византийской армии с 543 по 556 гг. позволяет выявить реальное положение савиров в качестве «наемников». Это время правления Юстиниана Великого. Исследователи в таких ситуациях применяют термины *симмахи* и *энспонды*. Симмахи (*syn* «вместе» + *tachomai* «сражаюсь») — это военный союз древнегреческой армии с отдельными племенами. *Энспонды* — независимые отряды в составе армии, состояли из моноплемен и возглавлялись командирами из их же

племен. Как видим, речь идет о вполне самостоятельных отрядах без кабальных условий. Естественно, такие взаимоотношения строились на определенных условиях и носили временный характер. Вспомним царицу Воа, которая исчезла как из источников, так и из поля зрения византийских военачальников. Видимо, никакого долгосрочного договора не получилось. Воа решила свои краткосрочные общеплеменные задачи при поддержке Юстиниана и навсегда прервала с ним отношения. А это уже говорит о несомненной самостоятельности и понимании своей силы и чувстве собственного достоинства.

Также следует подчеркнуть, что кратковременное привлечение савиров в войнах на своей стороне не требовало от Юстиниана больших расходов. Видимо, существовала какая-то такса найма. Ее размеры зависели от удаленности от эпицентра военных действий. Со слов Прокопия известно, что Хосров I, получивший в 545 г. от Византии за перемирие в войне 2600 фунтов золота, полностью истратил их на наем сабиров. А царю лазов Губазу было достаточно 300 фунтов золота, чтобы нанять сабиров и аланов охранять горные проходы из Иверии в Лазику. Эти суммы исследователи и считают крайними в ценовом спектре изучаемого феномена. «Объединив все известные случаи использования отрядов сабиров на службе Византии (в последний раз сабиры становились симмахами в 555–556 гг.) и умножив полученное число на 300 ф. з., получим в итоге 30 кентариев (или несколько больше) за весь период правления Юстиниана; таков дополнительный расход казны на симмахию с сабирами» [Серов 2011: 170].

В 552 г. персидские войска под командованием военачальника Мермероеса хитростью взяли лазское укрепление Уфимерей. У персов было 70 000 отборных воинов и большое количество сабиров/савиров (*Σαβείροις*). Таким образом, для римлян и лазов все эти плодородные земли от Мохерезиса до Иберии стали недоступны [Просорі 1905а: 570–572; Прокопій 1996: 68–69].

По истечении зимы 552–553 гг. между персами и римлянами утвердилось перемирие. Но Хосров I не пожелал отказаться от Лазики. Деньги, вырученные за продажу римлянам яичек шелковичных червей, он раздал в качестве подарка гунно-савирам (*Οὐννων των Σαβείρων*, букв.: «гуннам, состоящим из савиров») и набрал их в свои войска большое число. Всех их он отправил к Мермероесу.

Хосров приказал вести в Лазике дела со всей энергией и послал ему еще много боевых слонов. Вместе со всем персидским и гунно-савирским войском Мермероес двинулся к крепости лазов. Римляне, будучи в крепости, в открытый бой не вступали. К ним присоединился и царь лазов Губаз. Узнав, что в одной из крепостей находится сестра Губаза, персы решили взять ее. Однако римляне защищались решительно. Им способствовал узкий горный проход к крепости. Персы повернули обратно. Римляне преследовали отступающих и в неудобном для персов месте убили многих, среди них был и начальник сабиров (*Σαβείρων*). Около его тела закипел сильный бой, в результате чего персы одолели противника и обратили в бегство [Procopi 1905a: 578–579; Прокопий 1996: 72–73].

В 552–558 гг. отряды савиров упоминаются на реке Техури в Западной Грузии. Агафий, в частности, писал: «Наемники же из гуннов, которых называют савирами (*Σαβείρων*)... расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей» [Agathi 1828: 177; Агафий 1996: 108], т. е. в княжестве лазов. «К середине VI в. савиры, являвшиеся наиболее сильным и многочисленным народом на Кавказе, захватили всю Северную Албанию (Ширан и Аран) в зоне Дербенд-Кабала, бывшую центром савирских поселений, и пробыли там более 100 лет» [Ашурбейли 1983: 62].

В кампании 554–555 гг. тяжеловооруженные савиры (*Σαβείροι*) под предводительством «знаменитнейших у них людей» — Балмаха (*Βαλμάχ*), Кутилзиса (*Κούτιλζις*) и Илигера (*Ίλιγερ*) — приняли активное участие в войне на стороне Византии и разгромили сильный отряд воинственных дилимнитов — союзников персов. Однако в следующем бою в Иверии войска из гунно-савиров (*Ούννοι Σάβειροι*) в количестве 500 человек выступали уже на стороне персов [Agathi 1828: 177; Агафий 1996: 108–110, 143–144].

В середине VI в. савиры владели Прикаспийским проходом, который армянские историки называют Чора и где в 568–569 гг. возник Дербент [Мерперт 1958: 565–566]. Как писал Менандр в 558 г., «авары вскоре завели войну с утигурами, потом с залами, которые уннского племени, и сокрушили силы савиров (*Σαβείρους*)» [Menandr 1829: 284; Менандр 2003: 236], т. е. нанесли тяжелый урон их воинским подразделениям.

В 559 г. во время осады Херсонеса савиры изготовили небольшие шлюпки из длинного и крепкого тростника, а также изобрели

импровизированное устройство для укрепления весел на борту лодки и шлюпки с выносными ключичинами в обе стороны [Golden 2011: 113].

572 г. был ознаменован началом глубоких разногласий между Персией и Византией по кавказскому вопросу. Узнав, что гунны направили посольство к Юстину II, Хосров I забеспокоился. Дело в том, что василевс выплачивал персам ежегодно золото, чтобы вторгающиеся племена не беспокоили оба государства. Тут Юстин расторг мир, сказав, что ему позорно платить дань персам. «Из-за этого имела место та самая великая война персов и ромеев» [Феофан 1980: 30, 54]. Как полагал И. С. Чичуров, под «вторгающимися племенами», о которых конкретно не говорил Феофан, следует иметь в виду, прежде всего, кавказских гуннов, в основном гунно-савилов [Чичуров 1980: 89]. Действительно, в это время гунны, под которыми имелись в виду савиры, владели Дербентом и были восточными соседями аланов. Савиры беспокоили византийцев и тем, что совершали дерзкие походы на их малоазиатские провинции.

В 576 г. шли военно-тактические передвижения персидских и римских войск за превосходство в Алвании. Кесарь гневался на своих полководцев Курса и Феодора, упрекал их за то, что по вступлении в Алванию они не перевели на другое место сабилов/савилов (*Σαβείρων*) и аланов. Военачальники же ограничились взятием у этих племен заложников. Действительно, савиры немедленно свергли с себя господство римлян. Тогда римские военачальники опять вступили в Алванию и заставили сабилов/савилов (*Σαβείρους*) и аланов переселиться на западную сторону р. Кир (Кура) [Menandr 1829: 394; Менандр 2003: 294–295]. Таким образом византийцы хотели удержать эти племена на своей стороне. В 578 г. Хосров отправил из Кавказа в Месопотамию конницу, щитоносцев и стрельцов общим количеством около 20 000 воинов. Из этого числа 12 000 были персы, остальные — саракины и савиры/сабиры (*Σαβείροι/Sabiri*).

В армянском источнике, описывающем события 579–590 гг., повествуется о вступлении многочисленных персидских войск на васпураканские земли. Были захвачены и преданы огню многие крепости, уведены в плен жители. Пострадали тогда многие области, в том числе и область Чуаш, и были отданы захваченные земли ишханам [Багратуни 1971: 94].

В 657–659 гг. распался Западно-тюркский каганат. Одновременно в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. По инерции армянские источники продолжают называть его Царство гуннов, а арабские хронисты — Джиданом.

К концу VII в. Царство гуннов представляло собой вполне самостоятельное государство со своим политическим центром. У него были свои органы управления, духовная и светская аристократия, многотысячная армия. Если в эти годы на Кавказе из-за вторжения кочевых тюркутов и из-за византийско-иранских войн исчезали народы, то Царство гуннов сумело сохранить свою целостность [Магомедов 1994: 47].

Сразу же после вступления Вараз-Трдата на княжеский престол Кавказской Албании (первенствующий князь в 681–699 гг. [Шагинян 2014: 423]) многочисленные войска гунно-савиров во главе с князем Алп-Илитуером (правильная форма — *Алп-Илутуэр*) вторглись в страну Алуанк и стали опустошать области у подножия Кавказских гор и поселения гавара Капалак. Сам Алп-Илитуер переправился через реку Кура и перешел в гавар Ути, стал угонять скот, грабить и уводить всех в плен. Затем гунно-савиры расположились лагерем в долине у пределов Лпинка. Узнав об этом, Вараз-Трдат отправил своего доверенного к Алп-Илитуеру с мирными предложениями. Послу удалось склонить Алп-Илитуера к миру и дружбе. Тогда гунно-савиры вернулись в свою страну [Каланкадуацци 1984: 102–103].

В 723 г. арабский полководец ал-Джаррах вторгается на территорию Вабандара, т. е. Варачана. В городе в то время было 40 000 домов [Ал-Куфи 1981: 20].

Согласно Баладзори, арабский полководец Мерван в 737 г. вступил в савирские владения Хамзина. Однако жители отказались заключить с Мерваном мирное соглашение. Замок был взят силой после месячной осады. Крепость была сожжена и разрушена. Принудительный договор предполагал доставку в Баб единовременно 500 юношей и девиц, а также 30 000 мер зерна ежегодно [Баладзори 1927: 18]. О взятии арабами Хамзина писали и другие источники. Ал-Куфи, например, говорил, что защитники крепости вступили с арабской армией в сражение. «Марван и владелец крепости сразились в жарком бою, и муслимы потеряли много

убитыми» [Ал-Куфи 1981: 55]. Армянские источники писали, что Мерван при поддержке армянского князя Ашота предпринял поход на землю гуннов. Он овладел городом Варачан и вернулся оттуда победителем, захватив огромную добычу [Вардан 1861: 96; Гевонд 1862: 81–82]. Конечно, под «дагестанскими гуннами» в данном случае имеются в виду савиры, ибо к этому времени гунны не представляли ни единый этнос, ни военно-политический союз. Гуннами по инерции называли савиров, до смерти Аттилы состоявших в их конфедерации. Полагают, что столица «гунно-савиров» прекратила свое существование после 737 г. [Комар 2010: 192; Гмыря 2012: 4]. Действительно, савиры покинули эти места, но ушли не на Среднее Поволжье, как преподносят некоторые историки [Каховский 1972: 215], а в междуречье низовий Волги и Дона, где вместе с аланами, хазарами и мадьярами образовали салтово-маяцкую археологическую культуру, просуществовавшую в VIII–IX вв.

Как видим, Царство гуннов первым приняло на себя удар арабских войск. Конечно, это значительно ослабило арабов, чем и воспользовались хазары. Тогда же, после событий 737 г., в дельте Волги возникает хазарская столица — г. Итиль. Поэтому исследователи верно считают, что включение территории страны гуннов (т. е. савиров) в сферу влияния Хазарского государства происходило на фоне арабо-хазарской войны за Кавказ [Гадло 1979: 126, 153; Гмыря 1995: 75].

Во второй половине VIII в. военно-политическая ситуация меняется еще больше в пользу Хазарии. Хазары возлагают дань и на сувар, и на болгар. Страна Сувар становится хазарским федератом. Однако по состоянию на середину VIII в. Дербент был в руках арабов. Хазары не могли с этим мириться, они делали в это время несколько попыток одолеть крепостные стены, однако безуспешно. Халиф дал приказ правителю Дербента Езиду восстановить старые укрепления. Были восстановлены и населены несколько разрушенных ранее крепостей, в том числе и Сувари. Кроме того, Езид поставил на границах, особенно в крепости Сувари, по тысяче караульных. Таким образом, все укрепления вокруг Дербента были переполнены войсками, а город огражден от хазар [Мухаммед-Аваби 1898: 83–84]. Как видим, задолго до VIII в. рядом с городом Дербент была крепость Сувари, первоначально построенная, несомненно, суварами.

Во второй половине IX в. Ибн Хордадбех фиксирует царство Сувар на северной стороне от Баба [Ибн Хордадбех 1986: 110]. Таким образом, савары/савиры/сувары обитали на Северном Кавказе и побережьях Каспийского моря по меньшей мере более семи веков (II–IX вв.). Из них два с лишним века (от смерти Аттилы до вхождения в Хазарское царство, 453–650 гг.) они занимали на Восточном Предкавказье главенствующее положение. При этом выступали то на стороне Персии, то — Византии (впрочем, совершенно так же поступали аланы). Вели то кочевническую, то оседлую жизнь. У них на Кавказе была и своя государственность со столицей Варачан. Во всех случаях они сохраняли целостность, укрепляли свой племенной союз, зарабатывали в ратных делах, выторговывали богатство у своих временных союзников. Источники по инерции продолжают называть страну савиров со столицей Варачан «Страной гуннов». Как правильно отмечается, по уровню социально-экономического развития «Страна гуннов» (т. е. савиров) была «на пути формирования государственности раннефеодального типа» [Гмыря 2007: 111].

895 г. в южнорусских степях становится поворотным пунктом из-за агрессивной активизации печенегов. Разорение поселений заставило искать подходящие по природным условиям места обитания. Происходит сдвиг населения салтово-маяцкой культуры [Хлебникова 1984: 131]. Печенеги двигаются дальше на запад и вытесняют венгров из насиженных мест на северном побережье Черного моря. В 896 г. атака печенегов вынуждает венгров уйти на Карпаты [Moravcsik 1983: 87; Zimonyi 2014: 157–159]. Беспокойство населения Северного Кавказа было выгодно Византии. Письма византийского императора, адресованные печенегам, свидетельствуют о том, что византийское правительство поддерживало постоянную дипломатическую связь с печенегами через апостолов и регулярно посылало им императорские подарки. Именно тогда (почти одновременно с мадьярами) сувары берут курс на север и, поднимаясь вверх, в самом конце IX в. достигают южных рубежей Волжской Булгарии. С этого времени эльтебер волжских болгар начинает контролировать также барсилы и савиров [Комар 2010: 193].

Город Сувар на Волге изначально был столицей суварского племени. Нумизматический материал и письменные документы позволяют утверждать, что в начале X в. он был независим от г. Булгара

и подчинялся хазарскому царю. Но затем, в эпоху между Насром и Талибом, произошло объединение этих двух городов под началом сыновей Ахмеда, которые в 941–992 гг. чеканили монеты как в Суваре, так и в Булгаре (монеты Наср бен-Ахмед-Суvara, Талиба бен-Ахмеда, Мумина бен-Ахмеда). Окончательная потеря самостоятельности г. Суvara произошла в 976 г. В этот год Мумин чеканил монеты в обоих городах [Смирнов 1951: 38; Мухаметшин, Хакимзянов 1987: 88].

Разумеется, каменный город Сувар на Волге возник реально не ранее середины XIII в. Поэтому ал-Гарнати (Ибн Саид) в 1135–1136 гг. писал просто «жители Суvara» [Ал-Гарнати 1971: 27], т. е. жители страны Сувар. Во всяком случае, г. Сувар, возникший на левобережье, «в золотоордынскую эпоху... экономической и политической роли уже не играл» [Егоров 1985: 96].

Вследствие монголо-татарского нашествия происходит переселение части населения Булгарии на северные земли. «В восточной части Закамья, в бассейне р. Омарки, возникает целая группа новых городов во главе с Керменчуком, известным летописным городом» [Фахрутдинов 1984: 117].

Любопытно отметить, что савиры/сувары в своей длинной истории не терпели судьбоносных поражений в боевых действиях. В экстремальных обстоятельствах они не вступали в конфликты или меняли место дислокации.

Известно, что суваров от Алмуша увел их князь *Выр'ах* (араб. *غريغ wuyrgh*) — суварская форма древнетюркско-общетюркского *bujruq* (титул и должность) [Наделяев и др. 1969: 121]. Выходит, Ибн Фадлан имел в виду не антропоним *Вырыг*, а титул *вырыг*, т. е. «князь». В примечании 604 А. П. Ковалевский замечает: «Само слово... у Ибн Фадлана означает не только царя булгар (ибо царь тоже князь, только главный. — А.С.), но и племенных князей его царства». Эти четыре князя представляли четыре основных племени — булгаров, суваров, эскэлов и барсула. Они присутствовали на всех официальных церемониях. Все четверо встречали посольство на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя; в другом случае (т. к. племена располагались на достаточном расстоянии друг от друга) ожидают их прибытия целых четыре дня (с воскресенья до четверга). На приеме у Алмуша они опять упоминаются на церемонии застолья, и, заметим, именуется царями. Сувар-

ский царь и этнарх Вырѣх принимал участие на этих церемониях. Тем более А. П. Ковалевский считал, что встреча посольства с местными князьями произошла на территории этого народа [Ковалевский 1956: 37]. В целом из контекста рукописи Ибн Фадлана ясно, что сувары находились на юге Булгарии. Вскоре вследствие разногласия с Алмушем сувары уходят на правобережье. Стратиграфические данные с Тигашевского городища позволяют констатировать, что к первой половине X в. здесь появляется новое святилище на месте старого городища.

Конец XIV — первая треть XV в. оказались для суваров и болгар наиболее трагичными. Едигей и его преемники во время своих кочевий приближались к землям суваров и болгар с весны до осени и систематически уничтожали города и села, истребляли население. Постепенно территория, расположенная южнее нижней Камы в левобережье, а в правобережье — южнее современных населенных пунктов (Красновидово на Волге, Средний Биябаш, Чутеево, Кошелеи), южнее Барышской слободы на Суре — превратились в Дикое поле — кочевья мангытов (с середины XV в. они известны как ногайцы). В результате было уничтожено 32 города и около 2000 селений. Оставшиеся болгары и сувары перебрались в Нижнее Предкамье, в Ногайскую даругу, Приказанье и Заказанье, где образовалась Чувашская даруга. Некоторые беженцы поселились на р. Чепца в Северной Удмуртии. Население с современных территорий Пензенской и Ульяновской областей, юга Татарстана и Чувашии оказалось в Центральной и Северной Чувашии. К тому же в 1366 г. в Булгарском улусе, как и во всей Орде, разразился голод из-за бесснежных морозных зим и летних засух. Затем разразился мор. Умерших хоронили по 5–20 человек в одной могиле. Таким образом, в XIII–XV вв. численность населения Булгарской земли сократилась на 75%. В том числе не стало светской и духовной элиты. Состоялся невиданный геноцид. Историки полагают: не будь этого геноцида, численность чувашей приблизилась бы ныне к 10 миллионам человек. Для сравнения: на территории бывшей Волжской Булгарии ныне проживает именно такое количество населения [Димитриев 2001: 22, 24–25; 2014: 124, 142].

География

Как известно, в первой половине II в. н. э. Птолемей на Кавказе, ниже аорсов и пагиритов, зафиксировал племя *Σαβαροι* [Ptolemae 1843: 171; Птолемей 2009: 186]. Есть мнение, что речь идет о Северо-Западном Прикаспии [Федоров, Федоров 1978: 57]. Скорректировать пространство поможет «География» Страбона (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.). Если начинать с северных народов, то получается такая картина: сарматы, затем скифы-кочевники, живущие в кибитках, потом аорсы и сираки, обитающие на юг до Кавказских гор. «Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса» [Страбон 1994: 480]. Хотя между Страбоном и Птолемеем более века, картина передвижения народов со второй половины I в. до н. э. до второй половины II в. н. э. кардинально не изменилась. Притом не трудно вычислить и пространство, занимаемое этими племенами: от р. Танаис до Рипейских гор (τὰ Ριπαῖα) по параллели и от низовий Итиля до Кавказских гор включительно по меридиану. Таким образом, опубликованные источники однозначно утверждают, что в первой половине II в. аорсы занимали «степи по Каспийскому побережью как к востоку, так и к западу от Волги» [Артамонов 1962: 65]. Тогда, по Птолемию, выходит, что савары в первой половине II в. обитали по Каспийскому побережью Дагестана.

Согласно Элию Геродиану (ок. 180 — ок. 250 гг.), сапиры были соседями бехиров и бизеров [Геродиан 1948: 258]. Согласно Аммиану (ок. 330 — после 395 гг.), сапиры жили между бизарами и тибаренами на юго-восточном побережье Понтийского моря [Ammianus 1970: 26; Аммиан 1996: 255]. Названные авторы имели в виду события, происходившие до них и ставшие историей.

Византийский дипломат Приск Панийский не позднее 463 г. упоминает савиров/сабирос (*Σαβίρων*) во взаимодействии с соседними племенами — сарагурами, урогами, оногурами и аварами, «жившими на побережье океана» [Prisc 1829: 158; Приск 1948: 264]. Аналогично изложены эти события, зафиксированные Приском, и в издании Г. С. Дестуниса. Здесь также повествуется о племенах, живших «на берегах океана» [Приск 1860: 87]. В комментарии В. В. Латышева сказано, что эти «племена должны быть локализованы где-либо в районе Кавказа, ибо именно там свидетельства греческих и латинских авторов помещают изгнанных аварами из их

родины сабиров» [Латышев 1948: примеч. 97]. Практически так же понимал ситуацию и И. Е. Забелин. Он утверждал, что действия происходили на берегах океана, а точнее — в районе устьев Дона и Днепра. После этого потесненные аварами савиры ушли с донских земель к Тереку. Их владычество простиралось тогда от Дона до Боспора [Забелин 1876: 370–371]. При этом следует обратить внимание на сам источник — на фрагмент из Приска. Из контекста выясняется, что изгнанные савирами племена (сарагуры, уроги и оногуры) к этому времени уже обитали на Северном Кавказе, это во-первых. Во-вторых, жаловаться на обидчика они пошли к ромеям, т. е. к византийцам. Если бы действие происходило в Сибири, как это подается в литературе в большинстве случаев, то говорить о покровителях-византийцах не приходилось бы: слишком большое расстояние и ромеям нет дела до племен, обитающих в Сибири. В-третьих, в тексте предельно ясно говорится о действиях и племенах у океана (т. е. моря), что никак не относится к сибирским лесостепям. Судя по источникам и исторической литературе, речь идет о Северном Кавказе. Заодно следует согласиться с утверждением, что савиры/сабиры (чей этноним часто скрывается под названием «гунны») являлись предшественниками аварцев на Северном Кавказе [Цароева 2016: 30], т. е. были на Кавказе до аваров (до 463 г.). Поэтому предположения некоторых авторов о том, что описываемые события происходили в Сибири, а заодно и миф о первом появлении саваров/савиров в Европе лишь в 463 г., не имеют под собой никаких оснований. Заодно ошибался и комментатор Н. М. Карамзина А. М. Кузнецов, писавший, что угры и болгары были вытеснены из Азиатской России савирами, которые скоро перешли к Кавказским горам и воевали там с римлянами и персами до 578 г. [Карамзин 1998: 298]. Неуверенность в названном факте просматривается в литературе. Например, пишут: «Савиры (сабиры) — кочевой народ, первоначально обитавший, *вероятно* (выделено мной. — А.С.), в Западной Сибири, между Алтаем и Уралом, вытесненный оттуда аварами и переселившимися в области к северу от Кавказа» [Филатов 2011: 267]. Путаница с географией, тем не менее, в литературе продолжает сохраняться. Порой один и тот же автор излагает противоположные суждения. Так, пишут: «Сувары — это объединение прикаспийских племен, обитавших на Северном Кавказе со II века нашей эры». Но этот же автор

через строку утверждает, что теснимые аварами из Западной Сибири сувары (савиры, сабиры) во второй половине V в. обосновались в юго-восточной, прикаспийской части европейских степей и владели долиной вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента [Гусейнзаде 1979: 33]. Если согласиться с такой констатацией, то выходит, что во II в. савиры обитали на Кавказе, а в V в. авары их погнали из Сибири. Вот такой абсурд. В силу названного историко-географического контекста невозможно согласиться с мнениями типа: «В начале VI в. в составе других кочевых племен сабиры прибыли в кавказские степи» [Zimony 2014: 258].

В самом начале V в. союз племен, возглавляемый гуннами, кочевал на Дунае. К примеру, предводитель гуннов Ульдин в конце 400 г. находился на северном берегу Дуная. Однако говорить, что все входившие в гуннский союз племена компактно обитали на Дунае, не приходится. В частности, савиры в это время продолжали находиться на Северном Кавказе.

В VI в. действия савиров локализовались по Черноморскому побережью Кавказа: к северу от лазов вдоль Черного моря, где обитали абазги (абхазы), зихи (адыги), сагины. В Приазовье находились гунны-утригуры, по другую сторону (к северу) от Кавказского хребта кочевали аланы. Стефан Византийский в VI в. писал о группе *сапиров/сабиров* (*Σάπειροι/Σάβειροι*), кочевавших на реке Акампис (Чорох) между Колхидой и Персией [Stephan 1849: 166, 555]. Имеющиеся на первый взгляд нестыковки пространственно-временного плана следует объяснять тем, что часть сапиров/саваров во II в. оказалась в Северо-Западном Прикаспии, а часть находилась (скорее, в военных походах) на Южном Кавказе. Допустимо и то, что византийский историк писал о событиях, произошедших задолго до него.

В описаниях племен, в 550–552 гг. населявших районы Кавказского хребта и Кавказских гор в целом, Прокопий говорил о гуннах, так называемых сабирах (*Σάβειροι*), и некоторых других гуннских племенах. Обитали они восточнее зихов, которые располагались в северной части побережья Понта [Procopi 1905: 291–292; 1905a: 497, 538; Чекалова 1998: 422]. Во второй половине VI в. они обосновались в районе р. Кумы вдоль Каспийского моря. Против них Византийская империя в основном использовала аварские племена, к этому времени ворвавшиеся в степи Западного Прикаспия и да-

лее в Северное Причерноморье [Акимова 1991]. Агафий описывал события 552–558 гг., в которых принимали участие отдельные войска савиров. Действия разворачивались у Археополя (столичный город колхов Цихе-Годжи) на плодородной Рионской низменности и в Иверии [Agathi 1828: 177–180; Агафий 1996: 108–110, 143–144].

Расположение племен по состоянию на 555 г. указал Захария Ритор. Он перечислил их с юга на север: Армения с Араном, Сисган, затем базгуны, чья земля простирается до Каспийских ворот и моря. Тут жили гунны. Потом авнагуры, затем следуют агары и сабиры. Все они в пределах Даду [Захария 2011: 595]. Далее на север размещены бургары, аланы, куртаргары, авары, хасары и т. д. Иначе говоря, болгары размещались к северо-западу от савиров. В этот период савиры владели кавказским проходом, т. е. Дербентом. По состоянию на 576 г. савирские племена фиксируются в Алвании. Однако вскоре римлянам удалось оттеснить савиров на западную сторону реки Кир (Кура). В 578 г. несколько тысяч савиров в составе персидских войск были отправлены в Месопотамию [Менандр 2003: 294–295, 311]. Фиксация савиров во II–VI вв. на большом пространстве Кавказа (северо-восток, юг) говорит об их многочисленности и высокой мобильности.

Характеризуя времена правления князя Алуанка Вараз-Трдата, Мовсес Каланкатуаци упоминал и прекрасный город Варачан — тогдашнюю столицу савиров. Сюда было перевезено бревно от срубленного священного дуба гунно-савиров, поклонников божества *Куара*. Посланники великого князя гунно-савиров Алп-Илитуера просили епископа Израэля согласиться быть учителем и утвердить престол в их городе Варачане [Каланкатуаци 1984: 124–128]. В 684 г. просьба гунно-савиров была удовлетворена. Дуглас Данлоп и А. В. Тоган считали, что Варачан располагался между Баку и Дарбандом. А. В. Тоган полагал, что слово *Варачан* содержит элемент *var*. С таким видением соглашается Питер Голден [Golden 1980: 244]. Естественно, *var* в слове *Варачан* совпадает с чувашским словом *вар* в значении «овраг». С. Т. Еремян и М. И. Артамонов локализовали город Варачан на месте современного города Буйнакса. В. Г. Котович указал на место городища Урцеки близ с. Уллу-Бойнак [Котович 1974: 182–196]. Археологические источники и соотношение их с ойконимией позволили идентифицировать г. Варачан с городищем Шах-Сенкер/Шах-Сенгер (чуваш.

сенкер — «голубой»), расположенным в 36 км к северу от Дербента. [Гаджиев 2002: 5, 11, 79; 2001: 168]. Просуществовал г. Варачан до 737 г. После разгрома его арабами столичным городом «Страны гуннов» становится Семендер [Гмыря 1995: 138].

Опираясь на «Армянскую географию» VII в., И. Г. Семенов значительно расширяет устоявшиеся представления о расположении савиров. На современной карте Северо-Западного Прикаспия область обитания савиров должна локализоваться на территории от нижнего течения Терека до низовий Волги. При этом он учитывает уровень стояния Каспийского моря и иную гидрографическую картину этой зоны Прикаспия в VI–VII вв. [Семенов 2012: 36].

Л. Б. Гмыря дает географические ориентиры мест обитания прикаспийских гуннов, что также помогает уточнить районы обитания гунно-савиров. Это «равнинный регион протяженностью в 300 км, ограниченный руслами рек Аксай и Самур, имеющий в основном узко вытянутую конфигурацию шириной 10–30 км, обусловленную расположением его южной части между береговым урезом Каспийского моря и передовой линией горных хребтов Кавказа... Южная часть Прикаспийского Дагестана (от г. Махачкалы до дельты р. Самур) включает Приморскую низменность протяженностью 160 км, имеющую на трех участках сужения, образованные близким подходом к берегу моря горных хребтов, у гг. Махачкалы (ширина 3,5–4 км), Избербаша (4–5 км) и Дербента (3,5 км)» [Гмыря 2007: 112]. О многочисленности и мобильности савиров на Кавказе свидетельствует сохранившаяся топонимия. Например, в Северной Осетии и Дигории: *Савир-ком* («Савирское ущелье»), р. *Савир-дон* («Савирская река»), гора *Савартизон-хох* («Савирская гора»).

В годы хазаро-арабских войн ставка каганата находилась в междуречье Терека и Сулака. А на территории Сувара-Жидана располагалась позиция войск Хазарского каганата против арабов. Дружина правителя Жидана (зятя кагана, т. е. дочь хазарского кагана была замужем за князем г. Сувара-Жидана) составляла передовой отряд хазарского войска. К тому же территория Сувара-Жидана была удобной для маневров, а земледельческое население предгорий Северо-Восточного Дагестана предоставляло необходимый провиант. После разгрома Мерваном хазар в состав Сувара-Жидана вошли территории междуречья Терека и Сулака с городом Семендер [Федоров-Гусейнов 2000: 159,160].

В конце IX — начале X в. Иованнес Драсханакертци зафиксировал часть савиров в армянских провинциях Ути и Чуаш. Местное население называло их *севордик* [Иованнес 1986: 162–163, 309]. Все это несомненные факты, указывающие на обитание предков чувашей на армянских землях.

По пути с юга на Волгу предки чувашей оставили ряд топонимических следов. Так, в Пензенском крае имеются такие метки: ручей *Тугай* — от чувашского мужского имени *Тукай*, курган *Укся-Тем* — по-чувашски *Укса т ми* «Денежный холм» (т. е. клад), гора *Хулату* — чуваш. (букв.) «Город-гора», овраг *Хурамала* — от *хурама* «вяз» [Полубояров 2010: 185, 189, 194]. В Чувашской Республике есть несколько населенных пунктов с названием *Хурамал*. Однако с таким же успехом можно утверждать, что названные пензенские топонимы — результат поздних переселений.

Можно признать верным утверждение, согласно которому Волжская Болгария складывалась в результате объединения под одной властью самостоятельных этнополитических территорий [Мухамадеев 2014: 3–4]. Поэтому важно определить и уточнить местоположение суварских племен в составе Волжской Булгарии. Надежным источником в этом плане является дневник Ахмеда Ибн Фадлана. На юге Волжской Булгарии Ибн Фадлан последовательно перечислил встреченные их караваном реки: Ирхиз (Иргиз), Бачаг (Моча), Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кюнджюлю (Кундурча). На последней реке арабская миссия встретила башкир. После Кондурчи была река Джарамсан (Большой Черемшан), где и обитали сувары. Встреча арабского посольства произошла на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя. Здесь представители Алмуша стояли четыре дня, ожидая прибытия всех князей Волжской Булгарии для встречи гостей [Ковалевский 1956: 131]. Князья представляли четыре основных племени страны — болгар, сувар, эскэл и барсула.

По определению неизвестного персоязычного автора конца X в., *Sūvar* — город, расположенный недалеко от г. *Bulghar* [Minorsky 1970: 163]. Ибн Са'ид ал-Магриби (ал-Гарнати, XIII в.) отметил, что г. Савдā (Сувар) лежит на такой же широте, что и Булгār [Ибн Са'ид 2009: 31–32]. Стараниями Шигабудтина Марджани и Г. Н. Ахмарова было определено точное местоположение г. Суvara. Это местность в 4 км от с. Кузнечихи, на запад по р. Утка. Затем были планомерные

раскопки А. П. Смирнова. «Городище четырехугольной формы расположено в 4 км к западу от Кузнечихи и в 0,5 км к юго-востоку от Даниловки, на равнине, по левому берегу реки Утки» [Смирнов 1941: 137–138]. Относительно обитания племени сувар А. П. Ковалевский дал вполне логичное предположение: «Поскольку позднейший город Сувар несомненно связан с этим народом, то область их поселения в то время находилась к югу от болгар в долине реки Утки и на запад вдоль этой реки до берега Волги» [Ковалевский 1954: 39]. По современным ориентирам земли суваров определяются в основном небольшой юго-западной частью Спасского района Республики Татарстан и всем Старомайным районом Ульяновской области. Выходит, встреча арабской миссии произошла на земле суваров. А это говорит о том, что ко времени прибытия Ахмеда Ибн Фадлана сувары жили компактно в южной части Волжской Булгарии и не смешивались с болгарскими и другими племенами.

«Кроме того, он [Алмуш] захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. Иначе говоря, царь Волжской Булгарии общался с суварами через посланника. А это означает и политическую, и территориальную независимость суваров от болгар. Вскоре, в том же 922 г., основная часть суваров, не согласных с политикой (в основном с религиозной переориентацией) Алмуша во главе с предводителем *Вырэх* переправляется на правобережье Волги, на земли нынешних чувашей, юг Чувашской Республики и север Ульяновской области. Фактически происходит окончательное территориальное отделение суваров от государства Волжская Булгария.

По состоянию на XI в. на карте Махмуда Кашгарского Сувар помещен на правом берегу Итиля [Умняков 1940: 103–131], при этом не уточняется, что это: город или народ. Исследователи строят догадки, но всем известно, что г. Сувар размещен на левобережье. Конечно, у Махмуда Кашгарского речь идет об этносе, а не о городе.

Расшифровка эпитафии, найденной на архиерейской даче в Казани, позволила Н. И. Ашмарину прийти к выводу, что в конце XIII в. в окрестностях Казани существовало культурное наследие на языке, близком к языку нынешних чувашей [Ашмарин 1905: 23].

Из-за раздоров среди эмиров Золотой Орды, из-за разорительных походов Тамерлана в Булгарский улус в 1391 и 1395 гг., а так-

же походов русских князей в 1376–1431 гг. территории ниже устья Камы (нынешние Самарская и Ульяновская области, юго-западные части Татарстана, южные районы Чувашской Республики) пришли в запустение и превратились в «Дикое поле». Основная часть оставшегося населения ушла на северные земли. На пустырных землях нашли место для кочевий ногайские орды [Димитриев 1993: 48].

На карте, составленной венецианцем Фра-Маура, на месте современного г. Чебоксары зафиксировано название средневекового города *Veda Suar* [Чекалин 1890: карта]. Автор карты умер в 1459 г. Выходит, составление карты было закончено не позднее этого года. Но на ней запечатлены факты более раннего времени. А это позволяет говорить о существовании не позднее первой половины XV в. на месте современных Чебоксар столицы средневековых суваров.

Согласно Царской жалованной грамоте от 1548 г., на Чепце совместно с вотяками жили чувашаши [Акты 1836: 209]. В описаниях событий 1551 г. под Казанью летописи называют арских чувашей («Чаваша Арьскаа», «Чюваша Арьская», «Чюваша Арская») [ПСРЛ 13: 166, 467; 29: 63, 163]. Летописцы в 1552 г. зафиксировали также Чювашьскую дорогу [ПСРЛ 13: 214; 29: 200, 227], ведущую из Казани в Сибирь. Она проходила через чувашские деревни. Позже дорога была переименована в Зюрейскую по названию чувашской деревни Зюри. Из писцовой книги Ивана Болтина (1602–1603 гг.) видно, что на территории Зюрейской дороги чувашских и чувашско-татарских поселений насчитывалось 64, на Арской — 54, Ногайской — 41, Алатской — 33, Галицкой — 17. Конфигурация их напоминала, скорее, треугольник, острый конец которого выходил на г. Казань, а основание уходило в районы расселения местных нетатарских народов. По писцовой книге Свияжского уезда 1565–67 гг. имеем 24 чувашские деревни и 11 татарско-чувашских. В начале XVII в. чувашаши фиксируются фактически на всей территории Казанского уезда [Исхаков 1998: 14, 89, 90]. О чувашских деревнях по Зюрейской и Галицкой дорогам имеются сведения и в других источниках второй половины XVII в. [Мустафина, Амерханова 2008: 16–56]. В середине XVI в. начинается заселение приказанских земель русскими людьми. Например, в писцовой и межевой книге города Свияжска и уезда за 1565–1567 гг. чувашское село Бежбатман уже числится исключительно как русское [Список 1909: XI]. Ныне это обрусевшее село Бишбатман входит в Зеленодольский район Татарстана. Согласно

писцовым книгам г. Казани с уездом, на 1566–1568 гг. за рекой Булак, у озера Кабан, было 150 татарских и чувашских дворов. Летом многие дворы стояли порожними, а зимой приезжали жить хозяева. А у р. Казань насчитывалось 33 чувашских двора. Кроме того, архиепископ Казанский и Свияжский Герман в Казанском уезде имел 106 дворов татарских и чувашских крестьян [Невоструев 1877: 53, 69, 74]. Имеется солидный сводный список чувашских деревень, расположенных во второй половине XVI–XVII вв. в Казанском уезде. Составлен он по писцовым описаниям, межевым книгам и другим грамотам [Димитриев 2014: 168–181]. Выходит, по состоянию на XVI–XVII вв. Казань и Приказанье были заселены не только татарами, но и чувашами. Притом до XVI в. такое явление следует считать более характерным, а после XVII в. — менее типичным.

Согласно писцовым и переписным книгам, а также актовым материалам XVI — первой половины XVII вв. в Казанском и Свияжском уездах (в сердце формирования казанских татар) проживали «ясачные чуваша» (чюваша). Во второй половине XVII в. их уже начинают называть татарами [Исхаков 1998: 80]. Конечно, этот процесс не что иное, как уход чувашей в татары. Причина сугубо административная и экономическая: у записанных в татары чувашей появляются возможности поменять юридический статус из тягловых на служилых крестьян.

С начала XVII в. идет процесс возвращения чувашей на покинутые южные земли, известные в истории как Дикое поле. Все это получило отражение и в ойконимах. Например, названия населенных пунктов Батыревского района имеются в верховых (Цивильском, Ядринском и Козловском) районах. Так, Старое и Новое Ахпердино, а также Бахтиярово вернулись на свои места из Цивильского уезда. В с. Батыреве имеются носители фамилии Вирьяловы (букв. «верховые»), являющиеся переселенцами из с. Ибреси, а ибресинцы, в свою очередь, переселенцы из Ядринского уезда. «Таким образом, намечается, вероятно, вторичное и сравнительно недавнее, передвижение чуваш на юг с севера и северо-запада обитаемой ими территории» [Вишневский 1929: 234].

В XVIII в. происходит переселение части чувашей с правобережья Волги на плодородные луга Причеремшанья, практически на земли, которые занимали сувары по состоянию на 922 г. По характеристике Ивана Лепехина, здесь простирались обширные

и тучные поля по луговой стороне, а по правую сторону — перелески, покрытые дикими розами. Экспедиция Ивана Лепехина оставилась в чувашской деревне Якушкино. Около этой деревни целые поля были покрыты арбузами и дынями, которые, по рассказам жителей, давали неплохой урожай. Как следует из отчета экспедиции, пашней занимались чуваша, а бахчевыми и табаком — кызылбаши (видимо, имеются в виду предки современных мишарей). Чувашское село Биляр следовало за Новой Максимкиной в 11 верстах, рядом — деревня Биляр, оба Биляра были расположены при озере того же имени [Лепехин 1771: 121, 131].

Геногеография

Генетики утверждают о близости популяций Кавказа к популяциям Передней Азии. Такая картина свидетельствует об общей истории данных популяций. Из нее выпадают только кубанские ногайцы и караногайцы, которые тяготеют к популяциям Европы и Центральной Азии. Временем образования автохтонного населения Передней Азии называют период, следовавший за окончанием последнего ледникового максимума (ПЛМ, примерно XXIV в. до н. э.), а регионом — Юго-Восточное Причерноморье. Впоследствии оттуда племена мигрировали на территории Кавказа. Самые древние линии гаплогруппы Н (человеческая митохондриальная эталонная последовательность, с которой сравниваются все другие) встречаются с максимальной частотой на территории Южного Кавказа и северной части Передней Азии. А это позволяет предположить, что возникновение и начальная эволюция гаплогруппы Н имела место именно в данном регионе. Генетики считают очевидным взаимное влияние популяций Кавказа и Передней Азии. Это генетическое единство имеет глубокие исторические корни, а происхождение кавказских популяций связано с территорией этого региона. Средняя частота западно-евразийских гаплогрупп мтДНК в популяциях Кавказа составляет 88,58% (HV, H, V, J, T, U, N1, I, W, X), однако если рассматривать популяции Кавказа без ногайцев, то частота западно-евразийских линий составляет 92,78%. Выводы генетиков однозначно свидетельствуют об автохтонности народов Кавказа и указывают на переднеазиатское происхождение их генетического

субстрата. Наиболее высокие частоты гаплогруппы Н в популяциях Кавказа и Передней Азии составляют армяне, затем — карачаевцы, балкарцы и народы Дагестана [Кутуев 2010: 6–14; Кутуев, Хуснутдинова 2011: 170–195; Хуснутдинова и др. 2012: 752].

Существенную долю генетического пула кавказских популяций составляет гаплогруппа U. Большая часть данных субклейдов первоначально возникла и эволюционировала на территории Передней Азии. А это позволяет предположить, что субгруппы U, распространенные на территории Кавказа, пришли именно из Передней Азии. Например, U1 практически не встречается в Европе и Центральной Азии, но широко распространена в популяциях Передней Азии, что вкупе с ее сравнительно невысокой частотой на Кавказе может свидетельствовать о проникновении U1 в данный регион именно из Передней Азии. Изучение главных компонентов популяций Кавказа свидетельствует, что этот регион разделяется на два отдельных кластера: один представляет Северо-Западный и Южный Кавказ, а другой — Северо-Восточный [Кутуев 2010: 15, 33, 36].

Что касается Y-хромосомы, то тут выделяется специфический для автохтонных популяций Кавказа профиль распределения частот гаплогруппы: высокая частота G-M201, J-12f2 (J1-M267 и J2-M172) и R1-M173 (преимущественно R1a1a-M198 и R1b1b269). Подобный профиль распределения частот гаплогрупп характерен только для автохтонных популяций Кавказа и не встречается больше нигде в мире. Гаплогруппа G-M201 встречается преимущественно на Кавказе, в Передней Азии и в Средиземноморье. Для этнических групп Северо-Западного и Южного Кавказа характерно повышенное содержание гаплогрупп J2-M172 и G-M201, в то время как на Северо-Восточном Кавказе они встречаются гораздо реже, основная доля приходится на гаплогруппу J1-M267. Например, генетики указывают на связь субварианта гаплогруппы J2-M172 абхазов с народами Закавказья [Теучеж 2013: 22]. Кроме того, по частоте перечисленных мажорных гаплогрупп следует отметить два отдельных региона внутри Кавказа. Так, для популяций северо-западной и южной частей региона характерна высокая частота гаплогрупп G2-P15, J2-M267 и R1a1a-M198. Этот регион включает в себя популяции абазингов, адыгов, балкарцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, осетин, мегрелов, армян и абхазов. Для Северо-Восточного Кавказа, представленного популяциями

андийцев, аварцев, багуалинцев, чамалинцев, чеченцев, даргинцев, ингушей, кумыков, лезгинов и табасаранов, характерны высокие частоты гаплогрупп J1-M267 и R1b1b2-M269 [Кутуев 2010: 37; Кутуев и др. 2010: 18–23; Хуснутдинова и др. 2012: 754–755]. Особенно высока частота гаплогруппы J1 у коренных малочисленных народов Дагестана. Например, у гунзибцев она составляет 100%, у цезов — более 99%, у бежтинцев — около 98% [Раджабов и др. 2014: 219]. Таким образом, популяции Северо-Восточного Кавказа, с одной стороны, и Северо-Западного и Южного Кавказа, — с другой, являются в значительной степени разделенными по генетическому признаку. В то же время у них выражено общее переднеазиатское происхождение генетического субстрата. Подобная картина в значительной степени соотносится с представлением о двух путях заселения Кавказа, связанных с Западным Прикаспием и Восточным Причерноморьем, известных еще с глубокой древности.

Изучение этнических групп Кавказа с использованием маркеров Y-хромосомы, митохондриальной ДНК, а также полногеномного анализа показало наличие преимущественно (за исключением ногайцев) переднеазиатского компонента. Характерный для народов Кавказа переднеазиатский предковый компонент практически отсутствует у непосредственных северных соседей — народов Восточно-Европейской равнины [Хуснутдинова и др. 2012: 750].

Вариации аутосомных (неполовых) генов на Кавказе показывают значительное единообразие среди этнически и лингвистически разнообразного населения и согласуются преимущественно с версией ближневосточного происхождения кавказцев с незначительными внешними воздействиями. В отличие от аутосомных и мтДНК вариаций, показатели региональных Y-хромосом дают основание различать восточных и западных северокавказцев. Кроме того, племена Кавказа и Восточной Европы в период после последнего ледникового максимума, возможно, послужили рефугиумом для заселения Восточной Европы. Произошло это 26 000 лет назад. В это время первые переселенцы через Кавказ достигали северных районов [Yunusbayev et al. 2012].

В целом распределение гаплогрупп мтДНК, как и Y-хромосомы, а также анализ линий в популяциях Кавказа свидетельствуют о том, что генетическую популяцию Кавказа составляет автохтонный субстрат.

Анализ аутосомных данных показывает, что кластер (объединение нескольких однородных элементов) $K = 7$ является основным родословным компонентом кавказских народов. Данный кластер присутствует на Ближнем Востоке, но практически отсутствует среди непосредственных северных соседей — населения Восточно-Европейской равнины. Однако по аутосомным данным есть некоторые доказательства противоположного потока генов из Восточной Европы в Северный Кавказ, что подтверждается наличием Y-хромосомных гаплогрупп R1a1. Таким образом, налицо генетические разрывы между Кавказом и Восточно-Европейской равниной. Это свидетельствует о том, что ядро аутосомно-генетической структуры популяций Кавказа сформировано до его современного языкового разнообразия.

Составленная карта изменчивости генофонда народов Кавказа показывает регион как арену проникновения северных степных и малоазийско-ближневосточных импульсов. При этом важную роль играли такие пути проникновения, как Дарьяльский и приморский Каспийский. В целом карта показывает ближневосточный путь заселения Кавказа [Ковалевская 2016: 49–50].

В то же время гаплогруппа H занимает одно из первых мест по частоте распространения у большинства народов Волго-Уральского региона (у башкир, татар, чувашей, мордвы и марийцев). По частоте распространения в популяциях Волго-Уральского региона важное место занимает кластер U, считающийся одним из самых древних, его эволюционный возраст составляет 50 000 лет. Данный кластер в регионе имеет наибольшее значение у чувашей (43,6%), коми-зырян (37,1%), татар (29,4%) и башкир (28,5%). В Волго-Уральском регионе наибольшее распространение получили гаплогруппы U5 и U4. Наряду с финно-угорскими популяциями гаплогруппа U5 с высокой частотой выявлена у башкир, татар и чувашей. Подкластер U3 в Европе встречается редко и не обнаружен в Центральной Азии. Высокий уровень генетического разнообразия гаплогруппы U3 выявлен в популяциях Кавказа (Осетия, Грузия, Армения) и в Турции. В популяциях татар и чувашей данный подкластер представлен двумя линиями, найденными ранее у турков, армян и ногайцев [Бермишева и др. 2002: 992–994, 996].

Своеобразие генофонда чувашей, в сравнении со всеми соседями, генетики видят в первую очередь в резко повышенных частотах

гаплогрупп Е и J. А эти гаплогруппы типичны для Передней Азии. Частота гаплогруппы J очень характерна и для народов Кавказа. Например, у кубачинцев J1* составляет 99%, кайтагцев — 85%, у ингушей J2a4b* — 87% [Балановский 2015: 79, 181]. Имеется исследование структуры генофонда коренного населения Дагестана, принадлежащего к цезской группе народов, по маркерам Y-хромосомы. Изучены популяции, представляющие цезов, гунзибцев, бежтинцев и гинухцев. Основной чертой их генофонда является очень низкое генетическое разнообразие за счет преобладания гаплогруппы J1. Наблюдаются сильные эффекты основателя. Как известно, цезские группы живут в пограничных с Грузией районах. Здесь частота гаплогруппы J1 достигает практически 100%. «Выявленная структура генофонда свидетельствует о сильной и длительной генетической изоляции этносов цезской группы от остальных народов Кавказа и сохранении у них исходного гаплогруппного состава, характерного для первых коренных жителей западного Дагестана» [Глазунова и др. 2016: 30]. Как видим, современные чуваша по показателям Е и J сильно тяготеют к народам Кавказа и Передней Азии.

Среди урало-поволжских тюркских народов чуваша обладают наибольшими частотами гаплогрупп Н, К, U2 и V, что, несомненно, свидетельствует о высоком проценте линий мтДНК в своем генофонде [Булыгина, Соловьев 2013: 73–74]. Если сказать более определенно, то следует признать западно-евразийское происхождение исторических предков чувашей. Точнее, они имеют историческую и генетическую связь с автохтонным населением Кавказа, в том числе Закавказья.

Распределение частот гаплогрупп Y-хромосомы среди народов Волго-Уральского региона свидетельствует о преобладании здесь гаплогруппы R1a1a-M198 [Трофимова и др. 2015: табл. 1]. Самая высокая частота у мордвы — 42,4%. У чувашей эта частота составляет 29,5%. Близкими к чувашам по частоте являются бесермяне (32,1%). В этом отношении народы Волго-Уральского региона близки к автохтонам Кавказа: у них R1a1a-M198 также входит в число преимущественных мажорных гаплогрупп. Притом у чувашей большое сходство с народами северо-западной и южной частей Кавказа. При этом следует учесть, что рассматриваемая гаплогруппа R1a1a-M198 на территории современного Дагестана изначально отсутствовала [Хуснутдинова и др. 2012: 755]. Изучение популяций

в генетическом пространстве евразийской степи и смежных регионов по набору 24 гаплогрупп Y-хромосомы показывает близость чувашей, прежде всего, к карачаевцам и балкарцам [Схаляхо и др. 2013: Рис. 3].

Однако у народов Волго-Уральского региона достаточно высокие показатели и гаплогруппы N-M231, имеющие параллели с Южной и Западной Азией, а также с Внутренней Азией и Южной Сибирью [Трофимова и др. 2015: 123]. У чувашей N-M231 имеет 27,3%, близкие показатели у казанских татар (28,3%), самые высокие показатели N-M231 у марийцев — 79,5%. По частоте гаплогруппы N в мтДНК среди популяций Волго-Уральского региона чувашаи занимают первое место. Этот показатель составляет у них 69%, у бурзянских башкир и казанских татар — соответственно 57 и 56%. Почти аналогичная картина по частоте гаплогрупп Y-хромосомы среди популяций Волго-Уральского региона. Чувашаи по этим показателям близки к марийцам, коми и туймазинским татарам. По данным мтДНК, в целом чувашаи в Волго-Уральском регионе ближе всего к казанским татарам и дальше всего от пермских башкир [Трофимова 2015: 8, 16, 17]. В разрезе гаплогруппы N приходится признать значительное влияние племен Внутренней Азии и Южной Сибири на чувашей, даже больше, чем на урало-поволжских башкир и татар. Притом по ДНК-локусам ядерного генома чувашаи ближе к марийцам и удмуртам, чем к татарам и башкирам. Генетическую близость популяции чувашей к удмуртам и марийцам можно объяснить их территориальной близостью, а также историческими смешениями чувашей с марийцами [Васильева и др. 2013: 3, 18].

Современные исследования европеоидных компонентов в митохондриальном (внеядерном) генофонде народов Волго-Уральского региона позволило обнаружить большую пропорцию европеоидности в популяциях коми (83%) и мордвы (76%), меньшую — в популяциях марийцев (53%) и чувашей (63%). В то же время по данным ДНК-локусов чувашаи в регионе показывают наибольшую долю европеоидности (98,3%, наименьшая у башкир — 66,3%).

Вся эта генетическая картина свидетельствует, по крайней мере, о соединении в популяции чувашей трех основных геномов, имеющих кавказское, европейское и южно-сибирское сближение.

Образцы 96 неродственных лиц из Чувашии были секвенированы по показателям молекул митохондриальной ДНК. Большинство

обследованных людей, как и все представители западных и северных европейцев, обнаруживает гаплогруппы H (31%), U (22%) и K (11%), но названные показатели отсутствуют в алтайских или монгольских популяциях. Таким образом, исследования митохондриальной ДНК-маркеров показывают, что исходно чувашки не связаны с алтайским и монгольским населением по материнской линии [Graf et al. 2010; 2012: 17–67]. В то же время анализы отдельных генов в популяции чувашей говорят в пользу их монголоидности (например, аллели 240), а некоторые (например, аллели 244) — в пользу европеоидности [Хуснутдинова и др. 2003: 1557]. Притом чувашки сменили автохтонный язык на тюркский, а генофонд их остался без значительных изменений [Балановский 2012: 20].

Чрезвычайное значение имеет изучение аллелей лейкоцитарных антигенов (Human Leukocyte Antigens — HLA) путем анализа ДНК. Анализ HLA аллелизма вместе с другими генетическими маркерами представляет собой ценный инструмент для трассировки миграции древних людей, а также для определения этнического состава современного населения. Эта система является полезным инструментом для изучения происхождения определенных групп, в том числе и чувашей. Частота гаплотипов чувашей подтверждает различный вклад центральных европейцев и кавказцев, евроазиатов и средиземноморцев. С другой стороны, конкретные тюркские аллели или гаплотипы (при сравнении чувашей с современным тюркским населением) не были найдены у тюркоговорящего чувашского населения. Некоторые гаплотипы уральских народов, найденные у чувашского населения, отражают определенное влияние населения, проживающего в соседних с чувашами районах. Родство чувашей с кавказцами и народами Ближнего Востока показывает, что генофонд чувашей характерен популяциям древнего Ближнего Востока, Кавказа и Северной Месопотамии [Arnaiz-Villena et al. 2003: 375–392].

Антропология

В составе Центрального Кавказа выделяют кавкасионский тип. Сюда отнесены осетины и картвельская группа (сваны, пшавы, рачинцы и др.). Кавкасионский тип представлен и в Западном

Дагестане (аварцы и андийская группа). В целом все население Кавказа, проживающее по отрогам центральной части Кавказского хребта, объединяет морфологическое сходство. Антропологи пишут о формировании кавказского типа на той же территории, какую он занимает в настоящее время. Это результат консервации особенностей древнейшего населения, восходящего к эпохе неолита или верхнего палеолита и относившегося к палеоевропейскому типу европеоидной расы. Изоляция в труднодоступных районах высокогорья способствовала сохранению этих особенностей. Поэтому есть основание говорить не только об антропологических, но и культурно-исторических особенностях [Алексеев 1963: 28–64]. Сходство популяционных характеристик Северного Кавказа и Западного Закавказья показывает, что основу одонтологического статуса северокавказских популяций составляет морфологический комплекс западного подтипа южного грациального типа [Кашибадзе 2007: 30–31].

Анализ краниологического материала с территории Северного Кавказа от эпохи бронзы до Средневековья, связанного с предками балкарцев, приводит к выводу о том, что он не выявляет ни аланский, ни тюркский компоненты. Современные балкарцы, как и карачаевцы, чеченцы, ингуши, осетины и представители горно-грузинских групп, входят в круг популяций понтийского антропологического типа, хотя всеми признается существенное влияние огузских племен на карачаевский язык и доминирование в балкарском языке кыпчакского слоя. Таким образом, тюркизация на Кавказе не сопровождалась сменой населения. Если допустить биологическое смешение, то оно имело спорадический характер, хотя связи с кочевниками южнорусских степей на этнографическом уровне очевидны [Герасимова 2013: 52–53, 68–69]. Савиры, обитавшие на Кавказе с древнейших времен до конца IX в., фактически должны характеризоваться теми же антропологическими показателями.

Антропологические исследования салтово-маяцких могильников показали, что все похороненные относятся к брахикранам-европеоидам. Такие же показатели обнаружены в образцах из Волжской Булгарии и Дунайской Булгарии [Плетнева 1981: 70].

Судить об антропологическом типе жителей города и страны Сувар (VI–VIII вв., северо-западное Прикаспийское побережье) можно по краниометрическим данным серий из могильни-

ков Урцеки, Дегва, Агач-кала, Узун-тала. «Тип, представленный в этих могильниках, коренной дагестанский, связанный с древним пластом автохтонного населения обширного этнокультурного региона, в границы которого входят как предгорья, так и некоторые горные районы Дагестана» [Федоров, Федоров 1978: 186–187]. Прослеживаются также связи этого региона с Закавказьем и Передней Азией.

Как считала Т. А. Трофимова, в состав формировавшейся чувашской народности вошли несколько основных антропологических типов: лапоноидный тип, европеоидный восточно-средиземноморский тип, европеоидный относительно широколицый тип, широконосый и прогнатный тип с «негроидными» особенностями, монголоидный длинноголовый тип с относительно узким лицом [Трофимова 1950: 64].

В могильнике Донауровского некрополя г. Джукетау (на западной окраине современного г. Чистополь Республики Татарстан), датированного XI–XII вв., выявлено около 30 захоронений. Антропологический материал свидетельствует о начальном этапе этнокультурного и этногенетического взаимодействия между местным населением, имеющим поволжско-приуральские истоки, и группами населения, переселявшегося на Среднюю Волгу с территории распространения салтово-маяцкой культуры. Для первых характерен брахикранный мезоморфный тип с небольшой монголоидной примесью, для вторых — резко европеоидный долихокранный комплекс [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22].

Остеологические данные средневекового населения Поволжья позволяют реконструировать физический тип. Тогда люди были брахиморфны, с укороченными нижними конечностями. Чувашаи, наряду с марийцами и удмуртами, имеют наибольшее сходство со средневековым населением Поволжья [Тихонов 2003: 222].

Согласно М. С. Акимовой и Т. И. Алексеевой, мужские черепа северных и южных чувашей очень сходны между собой. Различия очень незначительны и позволяют отнести мужские черепа южных и северных чувашей к одному антропологическому типу. Т. А. Трофимова допускала также включение и другого монголоидного компонента, который, видимо, был принесен гунно-булгарскими племенами. Уральский тип в смягченном варианте — субуральском — наиболее ясно выявляется в женской серии

с территории южной Чувашии [Акимова 1955: 82, 84, 86]. Конечно, под гунно-булгарскими племенами в южной части Чувашии следует иметь, прежде всего, суваров.

По визуальным наблюдениям, у верховых чувашей во второй половине XVIII в. волосы на голове и бороды были желтыми или рыжими, рост средний [Миллер 1791: 11]. Исследователи отмечают чрезвычайную пестроту антропологических типов среди чувашей. Например, в первой половине XIX в. А. А. Фукс заметила, что среди чувашей из 20 человек невозможно найти 2 лица, одинаковые между собой [Фукс 1840: 95]. Данные по чувашам на конец XIX в. по Уфимской епархии обнаружили следующие отличительные показатели: цвет кожи желтоватый, волосы преимущественно русые, скулы выдающиеся, лоб низкий, глаза узкие, борода редкая, рост средний, телосложение слабое [Златоверховников 1899: 34]. По данным на 1911 г., чувашаи характеризуются смешанным типом по цвету волос и глаз, но с резким преобладанием темного типа над светлым. По головному указателю больше брахицефалов (42%), но значителен и процент долихоцефалов (32%) и мезоцефалов (26%) [Ивановский 1911: 387].

В 1936 г. в Чувашской Республике работала экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ. Результаты свидетельствуют, что чувашаи в целом характеризуются низким ростом, длинной и средней ширины головой, средневысоким переносьем, пониженным ростом бороды. По одним признакам они сходны с левобережными мари, ижевскими удмуртами и коми-пермяками, по другим — с татарами [Алексеева 2004: 50–51]. Исследования низовых и верховых чувашей в середине XX в. свидетельствуют, что суммарно население характеризуется средними показателями по многим параметрам. У них средний рост, в основном темные волосы, слабый рост бороды и очень слабый волосяной покров на теле, средневысокое и среднеширокое лицо со средней профилировкой. Нос также средней высоты и ширины, высота переносья чуть ниже средней, профиль носа и профиль костной части носа прямой. Однако голова брахицефальная, лоб средненаклонный, надбровье среднее [Алексеева 1955: 94].

По данному вопросу за наиболее точное можно принять утверждение В. П. Алексеева: «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, что краниологически чувашаи похо-

жи на своих финноязычных соседей и что, следовательно, их антропологический тип формировался при интенсивном участии той комбинации признаков, которая характерна для финноязычных народов Поволжья и получила наименование субуральской» [Алексеев 1971: 248]. Краниоскопические и краниометрические показатели свидетельствуют о близости чувашей к мордве, луговым марийцам, а также о наличии у них значительного финского субстрата [Козинцев, Моисеев 1995: 85, 86]. Замеры Т. И. Алексеевой говорят о близости чувашей к горным марийцам [Алексеева 1955: 94]. С. Г. Ефимова пишет о сходстве морфологических особенностей чувашских черепов с таковыми у финно-угорских групп Поволжско-Приуральского региона [Ефимова 2004: 60]. Исследования современного населения северных районов Чувашской Республики позволяют говорить о том, что наибольшую и практически одинаковую генетическую близость чуваша обнаруживают с марийцами, двумя субэтническими группами коми и татарской популяцией [Спицын и др. 2009: 1274]. Такой вывод фактически, с исторической точки зрения, ожидаемый. Расширение района исследования включило бы и некоторые другие народы региона, имеющие антропологические сходства. Например, особенности изменчивости пальцевых узоров народов Волго-Камского региона демонстрируют сходные тенденции во всех изученных группах. Особенности распределения признаков на пальцевых подушечках указывают в целом на преобладание европеоидной компоненты в дерматоглифике башкир, марийцев, татар и удмуртов Башкирии, чувашей Чувашской Республики, а также мордовских и русских мужчин юго-восточной Мордовии [Шпак и др. 2015: 162]. Данные антропологические сходства разноразличных народов Волго-Камья объяснимы не столько их генетическим родством, а, прежде всего, их географической близостью и многовековым соседством.

Население Чкаловского района (ныне входит в Батыревский район) является наиболее европеоидным. В целом оно приближается к валдайскому или балтийскому типу. К чкаловцам больше всего близки яльчикцы. Здесь люди имеют свой набор признаков: у них более темная пигментация, рост выше среднего, большой процент высоких переносий и сильной профилировки лица. Все это обнаруживает в них черты понтийского типа.

Население Первомайского района, хотя и южное, характеризуется теми же признаками, что и население северных районов. От батыревцев и яльчикцев они отличаются более низким ростом, но, как и они, имеют несколько большую европеоидность по сравнению с верховыми чувашами [Алексеева 1955: 94]. Как подтверждают краниологические исследования, чуваша (особенно южные) относятся к ряду наиболее европеоидных народов [Моисеев 1999: 47, 50, 62]. Современные исследования европеоидных компонентов в митохондриальном (внеядерном) генофонде народов Волго-Уральского региона позволили обнаружить большую пропорцию европеоидности в популяциях коми (83%) и мордвы (76%), меньшую — в популяциях марийцев (53%) и чувашей (63%) [Хуснутдинова и др. 2006: 142, 146].

Монголоидный признак по всей Чувашской Республике выражен неравномерно. Проявляется он резче всего в горизонтальной профилировке лица и наличии эпикантуса. В степных районах этот признак выражен совсем слабо, население этих районов тяготеет к европеоидам Среднего Поволжья, в частности к мордве. Монгольские признаки чувашей не являются следствием физического воздействия Золотой Орды. Антропологи считают, что смешение европеоидных и монголоидных типов произошло в Среднем Поволжье на более раннем историческом этапе. Появление монголоидности на территории Среднего Поволжья, возможно, имело место на рубеже эр [Алексеева 1955: 94, 96, 97].

Как верно отмечают антропологи, сходство между общностями по культурным характеристикам не всегда может считаться свидетельством общности происхождения. Также сходство физических характеристик представителей отдельных общностей не всегда говорит об их культурном единстве. Как биологические, так и этнические общности в своей истории проходят «переплавку» в новой социально-экологической обстановке. Формы, темпы и конкретика такой «переплавки» и должны быть темой тщательного исследования. Иначе говоря, социально-исторические и биологические факторы племен и народов «являются сторонами единого процесса — освоения человеком земного пространства, приспособления к нему» [Дубова 2002: 72–73].

Археология

В 2014 г. в низовьях р. Рубас (Дербентский район Дагестана) были проведены раскопки. Совпадение хронологии архитектурного объекта (середина V в.) с заключительным этапом бытования Паласа-сыртского поселения (VI в.), резкая смена облика, датируемая серединой V в., а также верхняя дата могильника (середина V в.) указывают на то, что внедрение в регион и закрепление в его пределах Сасанидского Ирана вытеснило обитавшие здесь племена за пределы своего влияния, к северу от Дербентского прохода [Гмыря и др. 2015: 166]. Данное открытие дагестанских археологов трудно переоценить, и вот почему. История показывает, что в V в. в регионе происходили значительные события. В 445 г. Атилла насильственно устраняет родного брата Бледу, командовавшего восточными гунно-савирами, и захватывает власть в свои руки. В 453 г. умирает сам Атилла и таким образом для савиров открывается перспектива. Примерно в 463 г. савиры, обитавшие на западном побережье Каспийского моря, якобы из-за вторжения аваров нападают на земли соседних племен (сарагуров, урогов и оногуров). Сарагуры, как утверждается в литературе, в свою очередь, нападают на акациров. Вскоре савиры и вовсе вынуждают оногуров (булгаров) покинуть их земли и передвинуться на запад Предкавказья. Как видим, в середине V в. савиры покидают Дербентский регион не из-за аваров, а в первую очередь из-за наступления Сасанидского Ирана и полностью овладевают Юго-Восточным Предкавказьем. Археологическое открытие 2014 г. окончательно объясняет глобальные передвижения племен в середине V в. на Северном Кавказе.

На Кавказе нас больше всего интересуют могильники: например, в Верхнем Чирюрте (Кизилюртовский район Республики Дагестан). Неустойчивая ориентировка здешних погребений свидетельствует об этнической неоднородности населения Присулакской низменности эпохи раннего Средневековья. Это отражается и в краниологическом материале. Принимая во внимание свидетельства источников, можно допустить, что в составе населения, оставившего этот могильник, определенное место занимали пришлые элементы, связанные с савирами и булгарами. К тому же грунтовые могилы занимают здесь особый участок.

Впускное погребение на кургане Уч-тепе (Азербайджан) связан с походами северных племен в Закавказье. Здесь найдена золотая византийская монета Юстина I (518–527 гг.). Инвентарь из погребения (меч с односторонним лезвием, золотой поясной набор, золотой перстень с пехлевийской надписью) позволяет датировать погребение концом VI – началом VII в. [Федоров, Федоров 1978: 61, 64]. Это время расцвета великолепного Варачана и «Царства гуннов» (т. е. савиров) в целом.

Археологический материал позволяет судить об ассимиляции савиров аборигенами Кавказа. «Интересен факт наличия на поселениях Северного Дагестана серой и черной глиняной посуды, аналогичной той, которая в значительном числе известна в болгарских городах Среднего Поволжья как по левобережью Волги, так и правому берегу, включая территорию Чувашии» [Смирнов 1973: 133]. Такая посуда встречается на Средней Волге только с X в.

Значительный интерес представляют находки с земель салтово-маяцкой археологической культуры (VIII–IX вв.). Среди них орудия земледелия: тяжелые наральники, серпы, косы-горбуши, виноградные ножи и жернова. В число орудий труда, которыми работали ремесленники, входят щипцы, долота, напильники, сверла, молоты, ножницы, пряслица, шила, кочедыки. Обнаружены предметы повседневного быта: ножи, рыболовные крючки, точила, путы для лошадей, крючки и цепи для подвешивания котлов, кресала, шампуры и вилки для мяса. Деревянную посуду салтовцы изготавливали на токарном станке. Края сосудов для прочности оковывали бронзовыми пластинками [Плетнева 1981: 72].

Несомненный интерес представляет вопрос о ситуации на Среднем Поволжье к приходу сюда племен из южных регионов в VIII–IX вв. В их числе – население городища и селища Новая Беденьга в Ульяновском Предволжье в эпоху Великого переселения [Вязов, Семькин 2016]. Как отмечают археологи, основной деятельностью населения изучаемых памятников была черная металлургия. Об этом свидетельствуют заготовки руды, скопления железного шлака и следы производственных сооружений. В слоях середины VIII–IX вв. обнаружено сочетание древностей салтово-маяцкого круга с вещами и керамикой прикамского облика.

Археологами подтверждается заселение суварями правобережья Волги в начале X в. На территории Чувашской Республики

булгарские и суварские поселения появились на черноземных полях вдоль р. Булы, Улемы и Кубни. Здесь близ селений Большие Яльчики, Байдеряково, Арабузи, Новое Ахпердино, Старые Тойси, Русские Норваши, Янашево и др. открыты селища. Найдены обломки гончарной посуды, пряслища, кости домашних животных и другие культурные остатки [Каховский, Смирнов 1972а: 116].

На основе синтеза аборигенных культур и принесенных сюда из южнорусских степей булгарских и суварских культур в X–XIII вв. на Средней Волге складывается булгарская археологическая культура. В ней большую долю занимает и суварское наследие. Наиболее типичным материалом среди археологических находок является керамика (кувшины, горшки, миски). Значительную долю составляют изделия кузнецов и ювелиров (замки, сельскохозяйственные орудия, оружие, украшения). Грунтовые могильники незначительной глубины ориентированы по линии запад – восток. Преимущественно содержится большое количество вещей: украшения, оружие, конская упряжь, сосуды. На могильниках в изголовьях погребений зафиксированы деревянные столбы *юпа*, известные на чувашских кладбищах и в наши дни. С начала X в. появляются черты мусульманской культуры: отсутствие или минимальное количество инвентаря, некоторые погребенные повернуты лицом к югу, т. е. к Мекке, иногда они лежат на боку. В XIII в. появляются каменные надгробия с арабографичными эпитафиями. На общем фоне Волжской Булгарии также выделяются могильники в бассейне р. Черемшан. Если могильники с других территорий характеризуются однообразием погребального обряда, то черемшанские выпадают из этой серии. Возможно, это рудименты суварских (домусульманских) традиций.

Город Сувар в 895–922 гг. был построен суварами и служил им в эти годы столицей. Раскопки показали, что с трех сторон (СВ, ЮЗ и Ю) городище было окружено валами и рвами, имеющими по состоянию на 30-е гг. XX в. до 10 м глубины. С северной стороны на берегу р. Утки уцелели следы основания башни четырехугольной формы (12 x 12 м). Облик города, его размеры, пригород, занимающий площадь около 10 кв. км, дают основание видеть в этом памятнике один из крупных центров. Об этом же свидетельствует большое количество находок, собранных на городище. Высота вала на месте раскопа в 30-х гг. XX в. составляла 2 м над слоем

погребенного чернозема. Насыпь состоит из глины, смешанной с черноземом и кусками глиняной обмазки. Вся эта масса плотно утрамбована и трудно поддается кирке и лому. Раскопки показали, что вал сохранил в себе остатки деревянной стены из ряда срубов, поставленных впритык один к другому по окружности города. Срубы были засыпаны глиной и черноземом, смешанным с кусками глиняной обмазки, обломками кирпичей и шлаков. Вскрытая площадь дала границу двух срубов, из которых один является крайним, так как бревна следующего сруба рядом не прослежены. Ширина сруба составляет от 3,5 до 4 м при длине около 5 м. Обнаружены сваи моста через ров. Обилие дерева в верхних слоях раскопа заставляет считать, что со стороны р. Утки город был окружен также деревянной стеной из ряда срубов. В нижней части стены обнаружены остатки сгоревшего многоугольного сооружения из трех венцов дубовых бревен 0,20–0,22 м в поперечнике, соединенных между собой «в обло». Судя по расположению бревен, они представляют собой остатки крепостной стены (ширина около 3 м). Перед стеной выступала башня. С внешней стороны вал огражден рвом, следы которого заметны в виде впадины до 1 м глубины и 10 м ширины. Второй вал, судя по размерам, мог быть укреплен тыном [Смирнов 1941: 138–140]. Аналогичные конструкции имели городища в Биляре, Булгаре и Ошеле.

Особый интерес представляет Тигашевское городище, расположенное на правом берегу Булы. Всего за 3 года на городище было вскрыто почти 6000 кв. м площади. Установлено, что история памятника расчленяется на четыре периода:

- 1) Срубная стоянка.
- 2) Сооружение первого святилища (Г. А. Федоров-Давыдов обобщенно назвал его болгарским, но оно явно суварское), окруженного рвом (без валов).
- 3) Сооружение городища с мощной системой укреплений; внутри строится второе святилище с деревянной фигурой божества.
- 4) Внутренняя площадка городища застраивается жилыми и ремесленными сооружениями; второе святилище разрушено: жилая территория городища расширена за счет уничтожения внутреннего кольца обороны [Федоров-Давыдов 1962: 49–89].

Мощность стоянки эпохи бронзы в среднем составляет 0,6–0,7 м (3 пласта по 20 см). Г. А. Федоров-Давыдов относил ее к первой половине II тысячелетия до н. э. Первое святилище представляло собой прямоугольную площадь, обнесенную деревянным забором. Сохранились лишь канавки, куда были вставлены деревянные доски. В середине юго-восточной стены святилища вход шириной 2,4 м, по бокам которого стояли деревянные столбы. Пройдя этот вход, посетитель оказывался в прямоугольном пространстве. Напротив первого входа имелся второй. Он не был оформлен столбами, как первый. В центре святилища на глиняной забутовке находилось большое пятно очень сильно прокаленной земли, на которой лежал слой белой золы. Такие следы говорят о кострище, огонь которого горел здесь очень долго. Площадь прокаленной земли составляет 0,5 м в овале. Период существования святилища был достаточно продолжителен. Это святилище явно служило местом для культовых действий, а не жильем. Г. А. Федоров-Давыдов допускает, что именно перед святилищем было главное скопление народа, а не внутри его, куда допускались не все. В сравнение он приводит славянские источники.

Затем на месте разрушенного святилища было построено мощное укрепление. Оборонительная система Тигашевского городища представляет собой сложное фортификационное устройство из трех валов и рвов. Три линии вала и рвов прикрывают городище с востока, юга и юго-запада. С севера и северо-запада городище защищено рекой и непроходимым болотом. Городище соединял с материком перекидной мост. Осаждающие войска, прорвав первые ворота внешнего оборонительного кольца, попадали в пространство между первым и вторым валами. Это заставляло противника развернуть свои силы. Таким образом, они подставляли свои бока защитникам крепости. Если нападающие прорывали вторую линию, то они попадали в закрытое пространство между вторым и третьим валами. Силы противника шаг за шагом значительно таяли. Автор раскопок считал, что крепость представляла собой в это время феодальный замок. Он был построен на месте старого святилища. Рядом со старым *Киреметем* внутри было построено новое святилище. Внутри прямоугольной ограды, в средней части, напротив входа, стояла фигурка божества в виде столба. От столба сохранилась лишь нижняя часть, врытая глубоко в материк. В сырой глине дерево сохранилось хорошо. Его нижняя часть

обработана топором, диаметр столба в нижней части 65 см, в верхней — 50 см. Сохранившаяся часть имеет высоту 1,26 см. С внешней стороны забора, около восточного угла, в яме найдены кости лошади. У восточного угла ограды обнаружен расчлененный скелет собаки. Еще два костяка собаки найдены на северном валу городища. Со временем второе святилище было расширено и застроена его внутренняя территория. Здесь имелась печь. Положение печи в углу дома и наличие деревянных брусьев под печью свидетельствуют о параллелях с устройством чувашского крестьянского дома. Площадь самого жилища с печью 45 кв. м. Рядом был обнаружен подпол другого дома. Найденные здесь обломки бронзовых и медных шлаков, а также бронзовых гвоздей говорят о том, что здесь жил и работал кузнец и бронзолитейщик.

Керамика Тигашевского городища представлена большим количеством обломков посуды. Всего поднято более 19000 фрагментов. Процент лепной керамики соответствует обычной для X–XI вв. доле лепной посуды в общем количестве черепков. Типичен для X–XI вв. высокий процент коричневой керамики. Найденная ручка кувшина из трех витых стволов имеет очень близкие аналогии в памятниках первой половины I тысячелетия н. э. из Нижнего Подонья, в том числе из поздних слоев Танаиса. На городище найдены также стрелы, пряжки, топор, бусы, плинфа и шиферные пряслица. Весь памятник в целом датируется X–XI вв.

Тигашевское городище богато остатками ремесленной и сельскохозяйственной деятельности, оружием, бытовыми и культовыми предметами. Ремесленник покупал металл в слитках. Такие обрубленные слитки найдены при раскопке мастерской. В переплавку шел бронзовый и медный лом. Сохранилась бронзовая ложка, которой лили расплавленный металл. В мастерской найдена стрелка от весов, что свидетельствует о связи мастера с рынком. Имеются предметы (обрезки костей, костяные пластины с витым узором), говорящие о косторезном ремесле. О ткацком производстве свидетельствуют шиферные пряслица. О сельском хозяйстве дает представление плужный нож. Найдены также обломки косы, жернова с плоской рабочей поверхностью, рыболовный крючок и грузила. Большая редкость среди археологического материала — пила XI в. — свидетельствует о высоком уровне обработки дерева. Из оружия железные стрелы, обломок боевого топора.

В целом Тигашевское городище представляет собой памятник доисламской религии и памятник зарождающегося феодализма в Волжской Булгарии. Г. А. Федоров-Давыдов пришел к выводу о том, что «Тигашевское святилище было религиозным центром племени или группы племен, переселившихся на территорию юга современной Чувашской АССР в X в.» [Федоров-Давыдов 1962: 85]. Переселение на р. Булу не было, видимо, медленным и постепенным. Можно предположить, что произошло переселение больших масс, и связано это было с перенесением племенного святилища. Полное отсутствие костей свиньи на городище свидетельствует о том, что здесь вскоре восторжествовало мусульманство.

В XVIII–XIX вв. городище близ д. Тигашево почиталось как *киреметище*. При раскопках было найдено свыше десятка монет этого времени – приношения божеству местности. Земля, занятая святилищем, не вспахивалась. «В южной части внешнего вала виден проем, сделанный, как сообщили жители дер. Тигашево, сравнительно недавно; через этот проем прогоняли скот... После этой церемонии считалось, что скот защищен от болезней и падежа» [Федоров-Давыдов 1962: 89]. В 1995 г. городище включено в федеральный список охраняемых государством памятников. Однако следует отметить, что археологические раскопки на юге Чувашской Республики не ведутся. Здесь ждут своего часа памятники начала X в. В том числе есть настоятельная необходимость дальнейших работ на Тигашевском городище.

В 2010 г. у с. Большие Ключищи Ульяновской области обследовано два поселения. Анализ керамического материала позволил отнести его к срубной культуре и датировать XVI–XIII вв. до н. э. А во второй половине XIII–XIV вв. н. э. на этом месте существовала уже другая археологическая культура, о чем свидетельствуют два фрагмента гончарной керамики. Участники раскопок относят их к группе булгарской керамики [Воробьева, Федулов 2016: 235, 238, 245]. Из истории известно, что южные районы современной Чувашии и северные районы Ульяновской области занимали сувары. Данную керамику характеризуют такие признаки, как запесоченность, шершавость, звонкий черепок.

Городище Хулаш, датируемое X–XII вв., расположено в 3 км от с. Кошки-Новотимбаево Тетюшского района Республики Татарстан. Общая площадь 40 га вместе с пригородом. Оно возникло

в 922 г. одновременно с Тигашевским городищем как суварская крепость. Это была резиденция князей с укрепленной цитаделью и посадом. Сама крепость имела вид неправильного четырехугольника, северная сторона которого составляла 230 м, восточная — 150 м, южная — около 300 м и западная — 100 м. Ландшафт благоприятствовал хозяйственным занятиям населения [Каховский, Смирнов 1972].

Раскопки городища и могильника у с. Большая Таяба позволили датировать слой концом XII — началом XIII в. Керамика (за исключением красной) и шиферные прясла, найденные здесь, обычно встречаются в домонгольских культурных слоях. А в золотоордынский период, например, выделка пряслиц из розового шифера прекратилась [Смирнов 1950: 134–135].

На территории нынешнего Батыревского района в X–XIII вв. также функционировало Новоахпердинское селище.

Естественно, со временем материальных свидетельств остается все меньше и меньше. Однако археологические находки позволяют восстановить их. Так, старые кладбища Свияжского округа местные татары относят к чувашам. Например, близ д. Татарские Нартли в конце XIX в. почву начало отмывать водою. На месте было найдено много железных предметов (кочедык, ножик и т. д.) [Ахмеров 1998: 216]. Однако известно, что татары не кладут в гроб вещи. Поэтому следует признать, что аналогичные кладбища принадлежат чувашам.

Религия

Д. Е. Еремеев в слове *тур/тор/тар* склонен видеть индоевропейский субстрат. В подтверждение он приводит имя армянского бога войны *Торз/Торк/Турк*, имя древнеанатолийского бога грозы, связанное с хеттским глаголом *тарх* «побеждать» [Еремеев 1990: 132–133]. Очевидно сходство названий главных божеств у чувашей и армян — *Тур/Тор* и *Тарк/Торк*. Как верно замечают исследователи, армяне заимствовали это название у хетто-хурритского божества плодородия и растительности *Тарху* [Тер-Саркисянц 2008: 100]. Именно эти функции исконно были присущи и чувашскому божеству *Тур/Тор*. Добавим сюда абхазское божество *Ай-Тар*.

Главное божество ингушей носит имя *Ерд*. В то же время второй составной частью имен большинства божеств также является *ерд*. Например, *Тхоба-Ерды*, *Геаль-Ерды* [Акиева 2016: 171]. Аналогично у чувашей: почти к каждому имени божества прибавляется нарицательный термин *турă*. Например, *Уйăх турă* «божество Луна», *Карта турри* «божество Прясла», *Сёр турри* «божество Земли».

Прототипом известного злого духа *Алмасты/Албасты*, насылающего болезни роженице и новорожденному, называют эламско-ассирийское *Ламассу/Ламасту*. Этот образ в женском обличье распространился на весь Древний Восток и за его пределы. Полагают, что первоначальное значение восходит к семитоязычному ареалу с основой *al* «мираж». Затем произошла контаминация с той же основой в иранском ареале: перс. *al* «ведьма». Поздние контаминации имеют место в тюркских языках [Климов, Эдельман 1979: 62]. В верованиях большинства дагестанских народов выступает как богиня-мать и богиня плодородия. Вариантами его имени являются *Алтаб*, *Албаслы*, *Албасты*. Первая часть имени восходит к слову *ал* (*дал*), передающему у многих кавказских народов понятия «божество», «всемогущий», «всевышний». В шумерской и хеттской мифологии было божество *Алалу*, принадлежащее к старшему поколению. Имя *Алале* встречается в старинных грузинских песнях. Вторая часть слова *Албасты* отражает понятия «мать», «женщина». Согласно фольклорной традиции, данное божество представляет собой безобразную волосатую женщину с громадными грудями и вывернутыми пятками. Она убивает рожениц. Исследователи считают, что в этом образе выражена идея единства жизни и смерти [Котович 1983: 9]. Согласно мировоззрению карачаевцев и балкарцев, данные духи делятся на водных (*Суу-алмасты*), лесных (*Чегет-алмасты*) и живущих среди людей (*Юй-алмасты*). Облик антропоморфный: узкое, удлиненное лицо с узкой переносицей, нос горбинкой, сросшиеся пальцы (кроме большого), большие глаза, седые волосы до пят. Если его прогневать, то у человека могут отняться язык, руки, а изо рта пойдет пена. *Алмасты* мужского облика сожительствуют с женщинами, а те, кто имеет женский облик, сожительствуют с мужчинами. Но детей от такого общения не бывает [Каракетов 2014: 396]. Аналогичный персонаж есть в верованиях чувашей, это божество *Алмастă* (*Алмас*). Относится к злым духам из класса *усалов*. Обычно предстает в облике женщины с распущенными

волосами. К девушкам приходит в облике парня, к парням — в виде девушки. Когда уходит, наказывает, чтобы ему в спину не смотрели, так как со спины он отвратительный. При непослушании сильно избивает [Салмин 2016: 325]. От контакта с *Алтас* возникают разные болезни: сглаз, лихорадка, горячка. Человек не может двигаться, говорить, мучается кошмарами.

Из свидетельств начала VI в. видно, что гунно-савиры почитали фигурки божеств, изготовленные из серебра и сплава золота и серебра [Феофан 1980: 27, 51]. В 90-х годах VI в. в конфедерацию тюркских племен входили уары (авары), хунни, барселты (барсилы), уннугуры, савиры (*Σαβίροι*) и многие другие племена. Все они, писал Феофилакт Симокатта, «чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю» [Theophylact 1887: 258; Феофилакт 1996: 190]. Своему верховному божеству они приносили в жертву лошадей, быков и мелкий скот. Тех людей из своей среды, которые могут предсказать будущее, выбирали жрецами.

В VII–VIII вв. царство, расположенное в прикаспийской долине, Гардизи называется Царством гуннов, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих — Царством сувар по имени гунно-савиров. После арабского нашествия страна разделилась на две части. Сувары заняли ее южную часть. Их главным городом стал Хамзин (так у Ибн-Русте, а у Гардизи — Джедан). Царь и жители Хамзина исповедовали три религии одновременно: в пятницу они молились с мусульманами, в субботу — с евреями, а в воскресенье — с христианами [Бартольд 1897: 124; Артамонов 1962: 228]. И это были не капризы царя страны. Его поведение было продиктовано наличием приверженцев всех этих религий. Ведь каждая группа думала, что именно ее вера истинная. В стране сохранялись и древние формы религии. Например, жители городов Ранхаз и Хамзин каждую среду собирались у громадного дерева, вешали на дерево свои приношения и поклонялись ему. Как известно, культ дерева для народов Кавказа является исконным, особенно для народов адыгской группы и абхазов. От них, считают, этот культ распространился на соседних аланов и гуннов Кавказа [Marquart 1903: 15], а также на савиров.

Небесные светила представлялись живыми существами. Грузины, болгары и гагаузы во время затмения поднимали шум, били в печные заслонки, бросали вверх горящие головешки, желая та-

ким образом отпугнуть злого духа, стремящегося проглотить луну. Дагестанцы большие надежды на исполнение желаний возлагали на новолуние и полнолуние. Например, лезгины солнце и луну считали священными. «Любой лезгин, увидев новую луну, останавливался и обращался к ней с какой-либо просьбой» [Сефербеков 2009: 88]. Автор этих строк в детстве, по подсказке мамы, всегда старался увидеть «серп» (т. е. молодую луну) через правое плечо: согласно верованию чувашей, именно такое видение приносит добрые поступки в будущем. На сходные черты в народных верованиях чувашей и ряда народов Кавказа на примерах культа радуги, звезд, солнца, луны и железа указал и В.Ф. Каховский. Он отмечал ряд сходств у чувашей и народов Кавказа в области космологии и мифологии [Каховский 1965: 260–262].

Определенное место в мифологических представлениях народов горного Дагестана (аварцев, даргинцев и лакцев) занимал образ персонифицированного ветра. Данная стихия природы в их представлении представлялась то Матерью ветров, то Дочерьми ветра в виде прелестных девушек с длинными распущенными волосами, охотящимися за красивыми мальчиками [Сефербеков 2009: 117–118]. В верованиях чувашей им соответствует божество *Ҷил амӓшӗ* «Мать божества *Ҷил*». Она одна из почитаемых божеств. Однако ее характер иногда определяется словом *усал*, т. е. «вредная», «злая», ибо, как и у дагестанцев, время от времени уносит вещи, срывает крыши. В списках она стоит в ряду таких персонажей высокого класса, как *Турӓ*, *Пӓлӓх*, *Тур амӓшӗ*. Слепая. Согласно легендам, она держит ветер в закрытой бочке. Когда вытаскивает пробку бочки, начинается ветер. Затем, слепая, она долго не может заткнуть дыру в бочке. В этом случае ветер начинает шалить. Как видим, ветрами правит не божество *Ҷил*, а его мать. Поэтому, советуют мельники, чтобы остановить разгулявшийся ветер, надо обращаться к Матери божества *Ҷил* [Салмин 2016: 315].

В религиозных представлениях народов Дагестана довольно хорошо и полно сохранился архаический образ божества *Суванасы* («Матери воды»). В представлении кумыков она имела образ женщины огромного роста, полуголая и большой физической силы. Обитала в реках, ибо охраняла воду. Люди могли столкнуться с ней вечером или ночью. В темноте она могла ударить или утащить в воду. Чтобы набрать воды из реки, надо было обратиться

к ней со словами: «Мать воды, Мать воды, ты — золотой столб Вселенной, разреши нам набрать воды» [Сефербеков 2009: 131–132]. Такие же моления произносили чувашаи в адрес своего божества *Шыв* «Вода». Из молений видно, что у этого божества есть свое семейство. Во-первых, оно наделено сорока одной ипостасью, т. е. этих божеств много. Во-вторых, у него есть дед, бабушка, отец, мать и т. д. [Салмин 2016: 315–316].

Демон *Елмауз* у кавказцев бывает мужского и женского рода. Имеет огромный нос и рот. Прожорлив, ест людей [Сефербеков 2009: 124]. У чувашей ему соответствует дух *Йёлмевёс*.

Верховное божество у некоторых народов Дагестана является одновременно и громовержцем, у других народов функции верховного божества и громовержца разделены. Так, божеством грома и молнии у лакцев был *Асс*. Живет на небесах и ездит на колеснице. Подковы коней при езде по ухабам грохочут, отсюда гром, а искры из-под колес — это молнии. «Гром Асс говорит», — объясняли лакцы [Сефербеков 2009: 167]. Чувашаи в таких случаях полагали, что божество *Турй* шумно ездит по ухабистым облакам, оттого раздается грохот. В народе его чаще называют *Аслати* (*аслй* «старший» + *ати* «отец», т. е. дедушка) [Салмин 2016: 259].

Очаг как центр жилища и все входящие в его пространство вещи пользовались исключительным почитанием. Особенно это относится к надочажной цепи (крючку), предназначенной для подвешивания котла. Такие котлы могли быть в доме, на летней кухне или во дворе. Например, у осетин очаг располагался посреди комнаты, а в крыше имелось четырехугольное отверстие. К очагу от этого отверстия с деревянной перекладки спускалась железная цепь, к которой подвешивали медный котел для варки пищи. Невеста, посетив впервые дом мужа, прикасается рукой этой цепи. Через три дня после родов к ней подносят ребенка и проводят моление охранителю цепи — божеству Сафе — с просьбой стать патроном новой душе дома. Хозяин дома в трудной ситуации может продать все (корову, быка, лошадь, движимое имущество), но не может продать котел и надочажную цепь [Ковалевский 1886: 78, 88, 146]. У ингушей убийца, которому удавалось дойти до очага убитого, схватить надочажную цепь и попросить прощения, оказывался под защитой и покровительством хозяина дома. С этого момента преступник становился родственником дома. «Отказать какой бы то ни было

просьбе человека, державшегося за цепь, у ингушей считалось равносильным святотатству, преступлением перед предками, а потому между этими враждующими фамилиями состоялся мир и установилось родство» [Далгат 2004: 104]. Аналогично у осетин, чеченцев, абхазов, балкарцев и карачаевцев надочажная цепь играла важную роль. Например, перед ней давали клятву, невесту обводили вокруг цепи в знак прощания с родительским домом. У шапсугов никто, кроме хозяйки дома, не имел права вешать котел на очажную цепь и варить пищу. Когда старуха-хозяйка не в состоянии была больше справляться с домашней работой, она передавала очаговую цепь жене старшего сына [Кунина 1940: 19].

Особым почитанием пользовалась надочажная цепь (крючок) для подвешивания котла и у чувашей. Например, согласно верованию, во время окончательных проводов души умершего (*юна*) можно заметить, как слегка качнется крючок для подвешивания котла: это душа умершего родственника хватается за него, не желая покинуть свой дом навсегда. Особенно это свойственно душам умерших женщин. Следят за «поведением» крючка и во время проводов в солдаты: если при выходе рекрута из дома крючок качнется, то сын не вернется или вернется раненым [Поле 90; Дерюжев 1874: 188]. О наличии в лачуге у чувашей железного крючка над очагом писал автор середины XIX в. [Михайлов 2004: 92]. Для удобства висевший на крюке котел регулировали, поднимая или опуская его над огнем [ЧГИ 209: 444]. Конечно, у чувашей могли быть и другие верования, связанные с надочажным крючком, но они своевременно не зафиксированы. Поэтому исследователи в целях реконструкции обращаются к материалам по этнографии народов Кавказа.

С 922 г. в жизни суваров правобережья Волги важное место занимало Тигашевское культовое место. Фактически мы имеем общеизвестное *киреметище*, в доисламское время носившее другое название (должно быть, *Учук*). Исследователи сопоставляют его с болгарским капищем в Плиске. Тигашевское святилище представляло собой вписанные один в другой два прямоугольника. Пришельцы, освоив места по Буле, вытеснили отсюда коренное население, воздвигли родовое святилище [Смирнов 1964: 25]. Место для совершения общественных жертвоприношений и других религиозных обрядов имелось на городище Хулаш.

Религия — идеология всеохватывающая. Она имеет сильное влияние на хозяйственно-культурный тип. Средневековые булгары, все еще придерживавшиеся традиций кочевников, стояли у власти, и им нужна была религиозная монополярная идеология для большей власти. А исконные земледельцы — сувары — не захотели бросить свой уклад и следовать за болгарским князем Алмушем. Вспомним этот пассаж из книги Ибн Фадлана: «Потом он (Алмыш) [вновь] захотел переехать и послал [посланника] к народу, называемому сувар, приказав им выступить вместе с ним. Они отказались [подчиниться] и разделились на две группы. Одну из [этих групп] возглавил его зять, которого звали Вайрыг, он был их правителем» [Ибн Фадлан 2016: 4]. Как видим, разногласия были основательные: противоречие новых и старых верований в государстве, несоответствие хозяйственно-культурных типов, сохранение традиций одними и смена государственных интересов у других. Итак, с этого времени булгары официально стали исповедовать ислам, а сувары оставались при дедовских традициях. Этот тезис в литературе повторяется многократно, и он, в принципе, соответствует действительности.

Однако желание суваров остаться при своих древних верованиях, считают некоторые исследователи, есть пример неправильного поведения. Беренджеры и барсилы добровольно согласились на объединительный шаг Алмуша, а эсегелы, хотя и сомневались, в итоге все же не посмели ослушаться царя. А вот сувары почему-то посмели, и это якобы плохо. Но ведь «наказание столь категорического ослушника являлось острой необходимостью», замечает Алмаз Мухамадеев. «Фактически сувары посмели открыто противостоять всему болгарскому сообществу. На сувар не действовали ни уговоры, ни угрозы Алмыша, и, похоже, им все это сошло с рук. На что или на кого могли надеяться сувары в такой обстановке?» — вопрошает тот же автор и сам же дает ответ: — «На хазар». Далее он как бы раскрывает «суварскую карту» в руках хазар. Алмаз Мухамадеев пишет, что сувары переправились за Волгу и «формировали предков чувашей» [Мухамадеев 2014: 4–10]. Аналогичный вопрос поднимает другой татарский исследователь и сам же дает ответ: «Почему же все-таки они выступали против царя Алмуша, принявшего ислам? Причина, по-видимому, кроется в том, что сувазами была принята уже другая “мировая” религия —

иудаизм» [Ахметьянов 1978: 148]. Он же напоминает, что в языках Северного Кавказа (особенно у народов Дагестана) а также у карачаевцев отмечены следы иудаизма.

Естественно, савиры и хазары имели много общего в истории, религии и языке. Но едва ли этот фактор был решающим для суваров в 922 г. Основная масса по-прежнему придерживалась своих дедовских традиций. В принципе, все верно: и то, что суварам хазары были ближе, чем болгары, и то, что сувары — предки чувашей. Для того чтобы убедиться в этом, надо просто детально изучить историю чувашского народа. Тогда пройдет удивление, и все станет на свои места. А упрекать народ, что он не так поступил в угоду болгарам, не стоит. Болгары сами виноваты в том, что они развалили такое могущественное государство, как Волжская Булгария. Можно было жить в согласии со всеми племенами, мирно обитающими в одном регионе, укреплять далее экономику, а не брать курс на диктаторские замашки. Тем более для этого были все предпосылки: выгодное географическое расположение, плодородные земли с развитым зерноделием, отличное состояние ремесленничества, продвинутое военное дело, торговые связи. Все это было утеряно в одночасье. Как результат, в дальнейшем Волжская Булгария стала объектом нападков и, в конце концов, сошла с исторической арены. Причина — болгары потеряли надежного союзника. Более того, болгары сошли на нет как народ: они переняли на себя чужие нравы и отказались от своего замечательного прошлого.

Эпитафии конца XIII — начала XIV в. сохранили образцы лексики и морфологии суваров, по сути, чувашей позднего средневековья. В них мы встречаем такие словосочетания, как *Savar ĩoli*, чуваш. *Сăвар ыăйӗ* «сын Сăвара»; *ġiäti ġür ġirimi ikinis ġal* — чуваш. *çич çĕр çирĕм иккĕмĕш çул* «722 год = 1332 г.»; *ayıxi van küän* — чуваш. *уйăх(ăн) вун(ăнмĕш) кун(ĕ)* «десятый день месяца» [Бенцинг 1986: 20]. Как видим, современные чувашаи во многих случаях являются единственными живыми носителями языка эпитафий Волжской Булгарии. Поэтому при исследовании народных обрядов и верований следует учитывать, что верования и обряды суваров в основных чертах совпадают с чувашскими верованиями и обрядами, известными по описаниям XVII–XIX вв. [Димитриев 2014: 97, 107] и более ранних времен.

На месте Введенского кафедрального собора в Чебоксарах располагалось *киреметшице*. Такие святилища, в принципе, являлись местом проведения всечувашских молений.

Язык

В древности все племена Предкавказья говорили на одном из широко распространенных языков. Но на каком? Ответа на этот вопрос пока нет. В то же время следует говорить об этнокультурной неоднородности и полиэтничности населения или наличии диалектов какого-то древнего одного или нескольких языков. Видимо, была велика роль языковой ассимиляции, а генофонд сохранялся прежний. На сегодня доказан факт общности происхождения древнекавказских языков и ныне мертвых языков Передней Азии. Имеется тесная связь корневых языков народов Западного и Восточного Кавказа с языками Малой Азии (абхазо-адыгских с хаттским, нахско-дагестанских с хурритско-урартским) [Старостин 1988: 112]. Такую гипотезу подтверждают и археологи [Кореневский 2004: 98]. Для примера возьмем слово явно кавказского происхождения — *кефир*. Ср. мегр. *kipiri* «простокваша, приготовляемая в мехе», балкар. *гэрэ* «кефир», осет. *кæрфкæри* «кефир», «грибки кефира». Однако первоисточник для данного слова пока не установлен.

Весьма показательна история названия города Дербент. На этом месте в стране *Чор* иранским шахом Йездигердом II (438–457 гг.) или еще его предшественником Варахраном (420–438 гг.) была сооружена крепость. Г. — р. А. — К. Гусейнов полагает, что название страны *Чор*, прохода *Чора* (*Джора*, Тџѳр), города *Чора* (*Чола*, *Чога*, *Чол*), ворот *Чола* (*Чога*) пришло из болгарского языка и означает «яр», «откос», «берег», «обрыв» [Гусейнов 2014: 54–59]. Он же указывает на возможную этимологическую связь рассматриваемого топонима с чувашским *сыр* в том же значении. Такая этимология более чем оправданна. Сюда же следует отнести предположения о связи топонима с армянским *дзор/цор* в значении «ущелье» [Артамонов 1962: 120–121; Тревер 1959: 276]. Так обнаруживаются древние армяно-грузино-савиро-дагестанские общие языковые субстраты и проникновения.

В пределах Даду (Дагестана) живет 13 племен, писал Захария Ритор, говоря о событиях V–VI вв. И он перечислил эти этнонимы. Переводчик и комментатор Захария Н. В. Пигулевская заметила: «Девять имен из тринадцати имеют общий тип окончания на *ар, ур, ир* и представляют, несомненно, видоизменения одного общего корня, с различными приставками. Имена эти: аунгур, аугар, сабир, бургар, кутаргар, авар, хазар, дирмар, сирургар» [Пигулевская 1939: 111]. Известно, что авары также являлись племенами разного происхождения. В 555 г. они прошли Северный Кавказ и в 568 г. оккупировали Карпатский регион. Их первого правителя звали Баян. Это имя огурское (ср. чуваш. *пуян*, во всех огурских языках — *бай* «богатый»).

Палеографическая систематика делит степные рунические письмена на два самобытных класса, никак не связанных друг с другом корнями. Это евразийский и азиатский типы. А на территории Восточной Европы имели место два самостоятельных рунических алфавита: кубанский и донской [Кызласов 1994: 14–40; 2016: 253]. Поэтому вполне обоснованно следует говорить об использовании савирами/суварами рунической письменности. При этом образцы с Маяцкого городища и надписи из Мурфатлара (Румыния) имеют ряд совпадений и сходств с чувашскими тамгами.

Как отмечают исследователи, руническая письменность чувашей была достоянием широких народных масс. Рунические знаки наносились в виде вышивок на женские рубахи, платки, на надгробные памятники, а также на орудия труда. Как правило, их можно увидеть на так называемых пастушьих палках *карт патакки*. Сам термин *карт* восходит к персидскому *Денкарт*, т. е. письменность в виде зарубок. Искусствовед А. А. Трофимов считает, что поиски истоков чувашской рунической письменности приводят на Кавказ [Трофимов 1993а: 12, 29–30].

В Венгрии в селении Надь-Сент-Миклош найден клад из золотых сосудов, изготовленных в промежутке между V и X вв. Для нас интерес представляет круглая чаша с надписями греческими буквами.

Текст читается практически современным чувашским языком:

**Pulē eppin* (~ *šav abən*) *teze* **šijət-xa!*

**puta vbl eppin* (~ *šav abən*) *tavbr-ya, əš-xe teze.*

«Князь, следовательно, так сказать, веди себя достойно! (~ прославься!) А вот — чаша, следовательно, опрокинь и выпей, так сказать» [Мудрак. Аварская].

О. А. Мудрак считает, что коллекция золотой утвари принадлежит аварам, прибывшим в Паннонию. Тем не менее основной состав слов надписи на чаше чувашский (т. е. савирский): *šav* – *čav* «этот», *apa-n* – *эптин* «итак», «следовательно», *tesī* – *тесе* «говоря», *ul* – *ул* (*вал*) «он» и т. д. Выходит, авары принесли в Западную Европу заимствованную у савиров лексику.

Кстати, соответствие чувашских *r* и *l* тюркским *z* и *š* свойственно и монголам, и тунгусам. И вообще, термины «ротацизм» и «лямбдаизм» выведены из греческих букв <ρ> *rho* и <λ> *lambda* и были использованы изначально в описании латинского языка. В языковом отношении чувашей считают единственными живыми потомками огуров, т. е. носителями *r*-языка [Golden 2013a: 49]. В то же время чувашский и якутский языки, как известно, отступают от общетюркской системы согласных. Эта черта была характерна для чувашского языка еще в древности, что доказывается некоторыми словами, дошедшими до нас в качестве заимствований в венгерском (мадьярском) языке, а также немногочисленными остатками из языков дунайских болгар и гуннов [Ашмарин 1928б: 60–61]. Чередование *r/l* имеет место и в закавказских языках. Например, хетт. *ḫawarkina/ḫawalkina* – «железо» (ср. чуваш. *кавар* – «горячий уголь»); хетт. *pur*, грузин. *pir*, сван. *pil* – «рот» [Иванов 1979: 112, 120].

Согласно «Сказанию» Приска Панийского, жену вождя гуннов звали Крѣка [Prisc 1979: 52; Приск 1860: 59]. Многие исследователи идентифицируют это имя с чувашским дохристианским именем *Хѣркке*. Отсюда есть возможность указать на ее савирское происхождение. Атилл имел от нее трех детей, старший из которых был владельцем акациров и других народов, занимающих припонтийскую Скифию. Прокопий, Приск и Феофан зафиксировали имена савирских царей-воевод: *Валах* (*Волах*, *Валах*, *Болах*), *Вама́х/Варма́х*, *Тлу́ер*, *Κοβτιλζις*, *Воа*. Прокопий считал, что имя *Βοα* (*Воа*, *Воа*, *Боа*) происходит от названия реки Боа (Воа), являющейся верхним течением р. Чорох и берущей начало в горах Тавра (Цанские горы) [Адонц 1971: 25, 61, 62, 65]. Притом Прокопий добавил, что по течению этой реки живут гунны, называемые сабирами/савирами (*Σάβειροι*) [Procopi 1905: 291–292; Прокопий 1998: 139]. Предложенная Денисом Синором этимология *ρηξ* в *Βωαρήξ* как германское *reiks* некоторыми исследователями отклоняется [Маенхен-Гельфен

2010: 485]. Агафий также писал о савирских предводителях Балмахе, Кутилзисе и Илигере, которые показали храбрость в войне 554–555 гг. [Agathi 1828: 177; Агафий 1996: 108].

Заметим также, что на территории Арана имелись топонимы Сабир, Сабироба-Хачмас, Гала Сувар. Топонимы с компонентом *сувар* в основном зафиксированы в Южном Азербайджане [Гейбуллаев 1986: 18].

Современные лексические и грамматические формы чувашского языка были активными и во второй половине VII в. Так, у Мовсеса Каланкатуаци имеет место предложение: «Все вместе одобрили этот совет, и он [князь гунно-савиров Алп-Илитуер] отправил к епископу Израэлю некоего знатного князя по имени Авчи, имевшего титул тархана, и постельника своего Чаткасара» [Каланкатуаци 1984: 132]. Во-первых, *Авчи* не что иное, как чувашское *евчи* «сват», «посредник», «посланник», общетюркское *авчи* «охотник». Оно уже успело принять тюркскую окраску: корень *-ев* + тюркизированный словообразовательный аффикс *-чѣ*. Здесь *авчи*, конечно, не антропоним, а «посол». Мовсес Каланкатуаци, писавший в X в. о событиях VII в., мог и не знать имя этого князя. Поэтому он использовал термин *авчи* как персонифицированное имя. Истинное савирское звучание (до VII в.) вполне могло быть *евсѣ* (позже произошел переход *с* → *ч*). Другим семантически равным словом является *ав* в значении «дом», т. е. жениться, занять дом (осман. *evlen*, барабин. татар. *əv*). Во-вторых, в этом предложении имеется активное слово *тархан* (или *турхан*) «знатное лицо у степняков-номадов». В-третьих, наличие чувашского словообразовательного суффикса *-сар* в слове *Чаткасар* (ср. *юмансар* «дубрава», «дубовая роща»: *юман* + *сар*).

Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Полагаю, что в данном варианте этнонима имеет место армянский (шире — индоевропейский) ласкательный (уменьшительный) аффикс *-ик*.

Исследователи правомерно обращают внимание на параллели диалектных особенностей в кавказских и чувашском языках. Например, в кумыкском языке имеет место чередование *у/о*: *чунур/чопор* (чуваш. *чӱнар*) — «рябой». Н.Я. Марр указывал на *у/о* диалекты в грузинском и армянском языках. А чувашский язык делится по этому же принципу на два основных диалекта. Впрочем,

такая же картина в южнорусских говорах по принципу аканья и уканья. Можно назвать общие арабские заимствования в чувашском и кавказских языках. Например, встречаются арабизмы в адыгских языках и чувашском языке: *акъыл* — *ӓс-хакӓл* «разум», *ахӓрӓт* — *ахрат* «загробный мир», *ахмакъ* — *ухмах* «глупец», *ӓӓ-заб* — *асап* «мучение», *зэман* — *саман* «время», *къӓӓмӓт* — *хӓӓмат* «конец света» [Шагиров 1977].

Относительно истории Поволжья IX–XI вв. В. В. Бартольд заметил: «Среднее и нижнее течение Волги были заняты болгарами и хазарами, говорившими на одном и том же языке, непонятном ни для турок, ни для финнов; по всей вероятности, имеется в виду язык, сохранившийся теперь только у чувашей» [Бартольд 1928: 10]. В. Ф. Минорский полагал, что язык основной группы хазар представлен старобулгарскими надписями и современным чувашским языком [Минорский 1963: 142]. Другими словами, савирский, болгарский и хазарский языки имели одну и ту же основу. В то же время в IX–XI вв. на всей Средней и Нижней Волге можно было сносно объясняться на языке предков чувашей.

Многие исследователи XVIII в. включали чувашей в перечень финноязычных народов. Например, директор Петербургской академии наук С. Г. Домашнев финнами считал финнов современной Ленинградской области, коми, удмуртов, мари, чувашей, тептярей, мордву, хантов и манси. Ряд исследователей (например, Н. Н. Поппе) полагал, что чувашский язык не принадлежит ни к тюркской, ни финской группе языков, его следует отнести к третьему звену и признать дотюркским.

Совершенно неожиданным может показаться возможное объяснение истории еще одного слова. Речь идет о слове *ӓӓкан*, дважды встречающемся у Константина Багрянородного в связи с печенегам и с обрядом возведения Арпада на престол. В обоих случаях совершается обряд «согласно их законам» (*κατὰ τὰ ӓӓκανα αὐτῶν*) [Багрянородный 1991: 161, 290]. Следует особо заметить, что при избрании Арпада правителем его возвели на престол по обычаю (*ӓӓканος*) хазар. В письме к автору этих строк от 2014 г. американский исследователь Питер Голден по поводу разбираемого слова особо отмечает, что для Константина Багрянородного иностранное слово, употребленное северными «варварами», означает «обычай». Многие считают *ӓӓканος* заимствованным из славянского

(«закон»). Питер Голден считает такое объяснение не вполне удовлетворительным: «Во всяком случае, греческая буква ζ у византийских историков передает з и иногда чуждые греческому звуки *ж*, *дж* и *ч*». Также следует напомнить, что названным звукам в савирском языке предшествовал звук *ç*, сохранившийся в современном чувашском языке. Тогда динамику слова *закан* можно предполагать в следующей схеме: **çăкăн* → *çăкан* → *çакан* → *джакан* → *жакан* → *чакан* → *закан*. Н. И. Ашмарин в своем словаре дал его как восклицание неизвестного значения [Ашмарин 1937а: 10]. Слово *çăкăн* у чувашей сохранилось в речи старшего дружки со значениями «опускаться», «падать на колени», «приседать», «делать реверанс», «преклонять колена». После произнесения такого восклицания старшего дружки участники свадьбы хором совершают коленопреклонение [Салмин 2016: 149]. Выходит, слово *çăкăн* означает не что иное, как позу клятвы, заверения, торжественное принятие присяги. Тем не менее данное объяснение не последнее предположение, это возможное видение, близкое к реалиям.

В то же время существует группа слов, которая присутствует в чувашском, марийском и в некоторых других поволжских языках, но не имеет этимологического объяснения ни через тюркские, ни через иранские, ни через финно-угорские языки. Так, чувашским названием жука является *нăрă*. Слово встречается также в марийском языке как *нор/нйр* в том же значении, оно есть в башкирском языке в той же форме. Однако его невозможно присоединить ни к одной из известных групп языков [Róna-Tas 2007]. Совсем труднообъяснимы англ. *woud*, чуваш. *вут* «дрова», «огонь», нем. *Eichel*, чуваш. *йёкел* «желудь», «яичко мужское». Изучение такого рода слов открыло бы новые стороны истории чувашей.

Пока следует констатировать, что все ссылки на язык чувашей даются на источники, зафиксированные не раньше X в., а чаще всего — XVI в. Иначе говоря, исследователи изучают язык значительно ассимилированных (иранизированных, угризированных, тюркизированных и т. д.) чувашей. Задача же попытаться проникнуть в более древнее состояние языка, выявлять его исконные слои. Многие исторические соседи, входившие в близкие языковые семьи, или перешли на другие языки (булгары), или влились в другие племена (хазары, эскелы). Пока мы все еще находимся на таком этапе познания, что наличие таких общих языковых совпадений

«в современном чувашском языке представляет явление весьма странное и загадочное, вызывающее большое недоумение и затруднение у исследователей» [Егоров 1953: 81].

Этнография

Примерно в 613 г. в Верхней Месопотамии (современный юго-восток Турции) завязался бой за крепость Беиудаес между местными жителями, персами и римскими войсками. Ромеи с необыкновенной силой осаждали крепость. У них в отряде был воин по имени Сапеир/Сапир (*Σάπειρ*). Феофилакт Симокатта дает ему самую возвышенную характеристику: Сапир физической силой был похож на воспетого Гомером Тидея, разумом превосходил Тидея, духом он был Геракл, а по доблести даже выше Геракла. Этот Сапир захватил с собой заостренные колья, и, вставляя их в стену, забрался на крепость. Однако на башне крепости появился некто из персидского войска и толкнул на Сапира большой камень. Сапир покотился вместе с этим камнем вниз. При этом он рухнул вниз головой. Но раненый Сапир с упорством опять быстро стал подниматься по стене. И вот он схватился за зубцы стены. Но противник толкнул его вместе с расшатавшимся зубцом стены. Смелычак скатился вниз, «держа в своих объятиях эту бойницу, как дорогую любовницу». Но Сапир в третий раз пошел на подвиг. На этот раз ему удалось забраться на стену и срубить персу голову. Один из братьев Сапира, став свидетелем доблести брата, повторил подвиг. За ним пошли и другие воины. Ворота были открыты, крепость — взята [Theophylact 1887: 107–109; Феофилакт 1996: 69–70]. Комментатор Феофилакты Симокатты К. А. Осипова считала, что Сапир не есть собственное имя, в данном случае речь идет о человеке из гуннского племени саби-ров (точнее, сапиров). Кроме того, из контекста узнаем, что у этого Сапира в отряде было несколько братьев. Действительно, Феофилакт уточнял: «Один из братьев этого Сапира (он был из них по возрасту старший)...». Выходит, под именем в этом случае обозначены воины одного племени, а именно сапиры. Некоторые исследователи придерживаются аналогичного мнения [Goubert 1951: 101; Семенов 2015: 283].

В VI–VII вв. савиров, пребывавших в Армении, местные жители называли севордик (севардийцы). Часть этих савиров была арменизирована [Новосельцев 1990: 83].

Как известно, к середине VI в. савиры стали наиболее сильным и многочисленным племенем на Кавказе. Они захватили всю Северную Албанию (Ширван и Аран), закрепились в зоне Дербенд-Кабала. Пробыли они в этих местах более 100 лет. По мнению Сары Ашурбейли, в это время савиры перешли к оседлой жизни, ассимилируясь с коренным населением страны [Ашурбейли 1983: 62]. Согласно Ибн Хордадбеку, за пределами ал-Баба идут земли владык суваров, лакзов, аланов, мускутов, сариров и город Самандар [Ибн Хордадбек 1986: 110]. Персидский автор, должно быть, повествует в данном параграфе о ситуации в первой половине VIII в. Во всяком случае, речь идет о Северном Кавказе и ставропольско-астраханской степи, а не о Поволжье, как объясняла комментатор Ибн Хордадбека Н. М. Велиханова (примеч. 133). К тому же в X в. Самандар уже носил название Джидан. Поэтому временной диапазон рассказа Ибн Хордадбека о суварах следует отнести к VIII – первой половине IX вв. Фонетическая форма этнонима *сувары* явно говорит об арабском произношении названия племени. Контекст позволяет поместить их между городами Дербент и Итиль. Семендер – город, входивший в Хазарию, был населен савирами [Ал-Истахри 1901: 49].

Первоисточники смешивают савиров не только с гуннами, но и с хазарами. Так, у Мовсеса Каланкатуаци в 43-й главе II книги «История страны Алуанк» говорится, что великий и благочестивый князь гуннов Илитуер снарядил двоих вельмож своей страны Итгина и Чата-хазра вслед за святым Израэлем с просьбой назначить его духовным предводителем страны гуннов. Из 45-й главы под названием «Ответ на письмо гуннов» узнаем, что католикос страны Алуанк Елиазр и князь Вараз-Трдат отказали послам и не захотели дать Израэля в духовные предводители хазарам. Явная подмена понятий «гунны» и «хазары». А на самом деле в тексте речь идет о савирах, князем у которых в это время (684 г.) был Алп-Илитуер, а веровали они в могущество своего божества молнии *Куар*. Савиров гуннами называли потому, что в это время этноним *гунны* в основном относился к савирам. А перепутали гуннов и савиров с хазарами, потому что в это время савиры уже были в составе Хазарского каганата. В 724 г. арабский источник заметил, что

300-тысячное войско хакана состояло «из хазар и других племен безбожников» [Ал-Куфи 1981: 22]. Конечно, под «другими племенами безбожников» в основном имелись в виду савиры. Тюрки не зря называли хазаров *сабирами*. Сегодня исследователи согласны с мнением о том, что встречающиеся в источниках рядом этнонимы *савиры/сабиры* и *хазары/хазаран* служат «весомым аргументом в пользу близости этих народов» [Калинина 2015: 40].

Этноним *сабартой аспалой*, встречающийся у Константина Багрянородного, обычно переводят как *непобедимые сабарты*. А. П. Новосельцев же увидел в слове *аспалой* иранское «белый» и предложил перевести обсуждаемый этноним как *белые сабиры*. Такой подход, несомненно, указывает на связь венгерских племен с савирами. Высказывается еще мнение, что вскоре после гибели Атиллы и поражения при Недао гуннское племя акациров отступило в Поволжье, где они слились с булгарами. Примерно в это время, полагают казанские этнографы, одно из огурских племен отступило в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей [Исхаков, Измайлов 2001: 45]. Едва ли это так. Скорее правы те, кто считает, что акациры после смерти Атиллы обитали на юге Восточной Европы [Иордан 2013: 67] или перекочевали за Дон [Тортика 2015: 374].

Конечно, савиры и не гунны, и не авары, и не тюрки, и не акациры, и не хазары. Конечно, они и не булгары. В том числе невозможно согласиться с утверждением, что савиры наряду с утригурами и кутригурами составляли протобулгарское население [Боталов 2007: 268]. В частности, Алексей Комар, говоря о Боарикс, сделал весьма любопытное замечание. «Ни у гуннов, ни у авар, ни у тюрков не было традиции управления племен женщинами. Вместе с тем из источников известно о правительнице савиров — Боарикс, — получившей власть после смерти мужа» [Комар 2008: 196]. Женщины-предводители были, конечно, и у сарматов. Однако его замечание о том, что савиры представляли собой вполне самостоятельное племя, — правда.

Было высказано замечание о том, что под названием «гунно-савиров» скрывается местное (автохтонное) население Северо-Восточного Дагестана — предки современных жителей Каякентского, Карабудахкентского, Кумторкалинского, Буйнакского и частично Кайтакского районов. А после изгнания арабами хазар с террито-

рии Дагестана в составе государственного образования Сувар-Жидан оказалась также территория Терско-Сулакского междуречья с городом Семендером. Заодно следует согласиться с мнением о гунно-савирах как о собирательном этнониме [Федоров-Гусейнов 2000: 155–156]. Такое видение весьма важно и верно. Поэтому этническими наследниками савиров следует считать не только суваро-чувашей, но и жителей названных районов Дагестана, включая район Шах-Сенкерского городища. Ныне в этих районах проживают в основном кумыки, а также авары и даргинцы.

Взаимоотношения гунно-савиров и тюркютов на Кавказе не были простыми. Исследователи считают, что с приходом тюркских племен часть гунно-савиров вынуждена была уйти в горы, где совместно с местным горским населением образовало конгломерат (например, Сарир). Сами гунно-савиры называли эту горную страну *Тавйак* «Горная сторона». Название *Даг-и стан* — это полная калька топонима *Тавйак* [Аликберов 2010: 45, 61]. Название *Тавйак* является калькой также чувашскому *тăв айк(ки)* — «склон», «подножие горы» (букв. «гора» + «склон»). Массовую миграцию части гуннов (т. е. «гуннов, называемых савирами») в горы подтверждает и археологический материал. Раскопки на территории нагорной Балкарии выявили множество погребений с материальными следами гуннского типа.

События 922 г. подтолкнули к подъему самосознания единого племени, хотя и позже сильны были различия между северными и южными группами. Эти особенности в виде двух культурных основных диалектов лесных и степных чувашей в рудиментарной форме сохранились до сегодняшнего времени. Однако они несколько не помешали образованию единого этноса. В. В. Бартольд утверждал, что современные чуваша, очевидно, могли происходить не от жителей городов на Волге, а только от таких частей населения Булгарии, которые всегда обитали в лесах и были мало затронуты мусульманской городской культурой [Бартольд 1968: 520]. Однако следует уточнить, что сувары занимались хлебопашеством, разводили скот. Они продолжали придерживаться традиционных обрядов и верований своих предков: некоторые — вплоть до нашего времени Золотой Орды, некоторые — до принятия православия, некоторые — и поныне. 922 г. следует считать началом формирования предков чувашей как народа и четвертым обретением родины.

Первая родина располагалась в составе Хазарского каганата с центром — городом Варачан. Вторая родина — Причеремшанье и северные территории Ульяновской области, центрами следует считать город Сувар и крепость Биляр (895–922 гг.). Третья родина — городище Тигаши на правом берегу Волги, на реке Буле (после 922 г.). Четвертая столица (с 1236 г.) — Веда Суар (Шупашкар, Чебоксары). Время с 922 по 1469 гг. является периодом формирования чувашского народа и утверждения его самосознания. При этом еще раз следует согласиться с мнением, что савары/савиры/сувары составили субстратную базу для образования современных чувашей [Димитриев 1958: 50; Баскаков 2008: 107]. В. Д. Димитриев справедливо полагал, что до X в. сувары были племенами, а в XII в. сформировалась древнечувашская народность [Димитриев 2014: 107]. Говоря о событиях лесостепного Поволжья XIII–XV вв., археолог Ю. А. Зеленева считает, что именно в эти века произошло формирование чувашского этноса [Зеленева 2013: 42]. Согласно Н. И. Егорову, современная этническая идентичность чувашей на базе этнонима *чăваш* окончательно сложилась в период Казанского ханства (1438–1552 гг.) [Егоров 2012: 39]. Какие мотивы двигали народом в его многовековой и непростой истории — вопрос также непростой. Ведь «дрейф этничности напоминает скорее цепь ситуативных реакций, чем линейную эволюцию, и его направление не копирует зигзаги политической истории: взлет этничности часто зарождается в политической смуте, а спад приходится на фазу социального благоденствия» [Головнев 2009: 120]. Парадоксально, но так и есть. Ясно одно: люди, племена и народы живы до тех пор, пока не теряют свое этническое лицо.

В Поволжье чувашаи и черемисы жили «без разбору, так, что их по всем обстоятельствам почти за один народ почесть можно» [Миллер 1791: 6]. Конечно, речь идет только о чувашах верховых (северных районов), с которыми Г. Ф. Миллеру через переводчика удалось пообщаться в течение короткого времени.

В сравнительном плане интересны представления ингушей о времени, в частности о неделе и о днях недели. Как утверждают исследователи, у ингушей исконно отсчет дней недели велся по пятидневкам соответственно числу пальцев на руке. Названия большинства дней недели соответствовали ингушскому счету с добавлением аффикса родительного падежа — *pa: ши* → *шинара*

«второй», *кхоъ* → *кхаъра* «третий». В числе наиболее древних дней недели называют вторник, среду и четверг, а также пятницу и понедельник. С каждым днем были связаны определенные верования. Например, среда (*кер-сели*) — это третий день, названный в честь божества *Сели*. В этот день, т. е. в день божества грома и молнии *Сели*, не давали огня [Акиева 2016: 36, 40–41].

Действительно, неделя протяженностью в семь дней была характерна не для всех народов. Так, пять дней в неделю у африканских йоруба, а у народа дед калабар — восемь. У татар в древности неделя состояла из пяти дней, а среда считалась серединой недели. Аналогично у русских (среда < *середина*), немцев (*Mittwoch*). Та же картина у чувашей. Так, известно, что пасхальный праздник *мункун* длится пять дней, а по другому источнику — неделю. В пятый, заключительный, день проводят *сёрен* с целью очищения. *Юн кун* (среда) — букв. «день крови», т. е. жертвоприношений и отдыха. Такое название сохранилось у татар-кряшен, башкир, карaimов, крымских татар (*кан кўн*), а также марийцев, мордвы, удмуртов (*вўр, вяр, вир*). Естественно, речь идет о жертвоприношениях в среду у данных народов. Здесь у этнографов разногласий нет [Салмин 2016: 414–419].

По состоянию на 555 г. непосредственными соседями савиров были племена аугар, бургар, куртаргар, авар, хазар, дирмар и др. Живут они все «в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием», сообщил о них современник [Захария 2011: 595]. Охота и рыбалка с целью добывания пищи, война с целью защиты и завладения новыми угодьями были повседневными занятиями всех кочевников. Савиры и их предки не составляли исключения в этом плане. Согласно Захарии, в 555 г. сабиры имели при себе оружие, промышляли на диких зверей и питались мясом скота и рыб, впрочем, как и их соседи (бургары, аланы, куртаргары, авары, хасары и т. д.). В Волжской Булгарии водились белки и бобры. Жители торговали шкурами животных [Ибн Са'ид 2009: 32]. В начале XVI в. Московия лисьи меха и беличьи шкуры получала из Сибири. «А те, что благороднее всех прочих, — из Чувашии (*Schuwaji*), недалеко от Казани» [Герберштейн 1988: 129].

Стабильные оседлые традиции коренного населения Дагестана также не подлежат спору. В укрепленных и неукрепленных поселениях люди занимались земледелием, скотоводством и различными

видами ремесла [Гмыря 1980а: 165]. На месте Урцекского феодального замка прослеживаются остатки террасовых полей. «Вероятно, это были земледельческие угодья жителей посада» [Федоров, Федоров 1978: 191]. Целые амфитеатры террас, спускающиеся гигантскими ступенями по склонам гор, можно увидеть в горном Дагестане и сегодня. «Это — следы террасного земледелия, возникшего в эпоху ранней бронзы. Сооружение террас происходило путем длительного распахивания горного склона, причем пахотное орудие направлялось поперек покатости, сдвигая культурный слой сверху вниз. При этом терраса расширялась, и поверхность ее становилась все более горизонтальной» [Федоров 1983: 88–89]. Земли между Баб-ул-Абвабом и Семендером занимали многочисленные виноградные сады, принадлежащие Семендеру [Ал-Истахри 1901: 49]. Значит, савиры возделывали виноград. Несомненно, слово *исём* «виноград», «изюм» у предков чувашей исконное и оно бытовало еще на Кавказе. Затем слово распространилось и среди тюрков-колонистов.

Как показывают исследования (прежде всего, археологические), в салтово-маяцкое время сувары непосредственно земледелием, видимо, не занимались. Скорее всего, они пользовались готовым урожаем (например, мололи зерно дома). На примере Чугуевского городища показано, что здесь не найдены орудия труда, связанные с производственными земледельческими процессами (пахотные средства, мотыги, серпы, косы). Этот пример распространяется и на другие памятники Северско-Донецкого региона. Должно быть, плодородная почва региона позволяла применять разделение труда. А это способствовало развитию ремесленничества и обмена товарами. Так образовывались «гнезда» поселений. Иначе говоря, так называемые города сливались с сельскими поселениями так, что найти границы между ними было невозможно. Поэтому городища типа Чугуевского в литературе называют или «гнездами», или протогородами [Свистун, Горбаненко 2011: 39–40].

У жителей города Сувар в Волжской Булгарии было много посевной площади, а хлеба — в изобилии [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. В X в. население пользовалось развитыми земледельческими орудиями. Переход к плужной обработке земли потребовал большое количество железных изделий (сошников, плужных ножей, топоров). А это содействовало еще большему развитию металлургии.

Деревянный плуг примитивной конструкции с металлическими режущими частями *сабан*, использовавшийся чувашами до середины XX в., восходит к культуре обработки земли X в. Его металлические части (лемех *тёрен* и резец *шарт*) нынче можно увидеть в музеях. Должно быть, такой тип орудия сложился на Средней Волге, т. к. он приспособлен для тяжелых почв. Скорее всего, сабан бытовал в регионе еще до прихода булгар и суваров [Смирнов 1951: 17, 84–85]. Хлеб, мясо и просо были основными продуктами для повседневного употребления у населения Волжской Булгарии. Именно ими встречали четыре царя посольство, прибывшее из Багдада [Ибн Фадлан 2016: 32]. В XI–XII вв. у предков чувашей в Причеремшанье основными сельскохозяйственными культурами были просо и овес [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22]. В XVIII в. здесь больше всего сеяли рожь, овес и полбу. Лен и коноплю возделывали ровно столько, сколько необходимо было иметь. Гречка не пользовалась успехом, а пшеницу сеяли мало [Лепехин 1771: 144].

На Маяцком комплексе наблюдается значительное превалирование числа профессиональных наездников, причем не только среди мужской, но и среди женской части популяции. У них отмечены следы воспалительного процесса на голеностопе в области присоединения связки между больше — и малоберцовыми костями. Подобные раны могут быть следствием травмирования голеностопа при неудачном использовании стремени. В жизни Дмитриевского населения антропологи обращают внимание на резкое увеличение количества мужчин. В этот же период регистрируется резкое увеличение числа профессиональных всадников из женщин. Все это позволяет заключить, что женщины в этом обществе могли достойно сражаться в момент острой необходимости. Травматические поражения как наиболее характерные маркеры военной жизни широко отмечены и у жителей Маяцкого комплекса [Бужилова 2010: 862, 863]. Суварцы занимались и домашним скотоводством. В ходе раскопок найдены кости лошадей, коров, овец, свиней, кур и собак. В кухонных остатках больше всего костей овец, коров и лошади [Смирнов 1951: 264].

Агафий Миринейский писал о временных лагерях, устраиваемых савирами. «Около пятисот савиров (*Σαβειρων*) помещались на каком-то возвышенном пункте». Изгороди таких временных укреплений были не очень высоки, так что можно было видеть лицо

стоящего за оградой всадника. Лагерь представлял собой ограждение из кольев, внутри которых находились «хижины, построенные из кольев и шкур» [Agathi 1828: 180; Агафий 1996: 109–110, 144]. Подобные городища возводились очень быстро и состояли из шалашей на каркасах. Эпизод относится к событиям 554 г. в Лазике (Западная Грузия). Жилища гунно-савиров имели турлучный (плетеный) каркас. Они покрывались шкурами животных или войлоком, а у долговременных строений оплетались камышом или обмазывались глиной. Обычно в литературе их называют по-разному: палаткой, шатром или тюркским домом [Гмыря 1980: 9]. На западе Кавказа археологи находят жилища, на стенах которых, обмазанных глиной, имеются отпечатки прутьев. Выходит, что жители возводили легкие плетеные постройки и обмазывали их глиной. Такому типу строительства способствовали местные материалы и климатические условия. Такие же постройки можно было видеть в XIX в. в Западной Грузии, Абхазии и Адыгее [Федоров 1983: 66]. В гунно-савирском городе Варачан (городище Шах-Сенкер) укрепления представляли собой деревянный тын. Аналогичные конструкции имели широкое распространение в Волжской Булгарии с X в. На городище Шах-Сенкер присутствуют обломки турлучной обмазки. Здесь были жилища «с турлучными или сырцовыми стенами» [Гаджиев 1995: 33]. Подобные жилища затем были широко распространены на памятниках салтово-маяцкой культуры. У строений в городе Хулаше также стенки «были сделаны в виде каркасной опоры из плетня, обмазанного глиной» [Каховский, Смирнов 1972: 21].

В 555 г. сирийский источник фиксирует у савиров палатки [Захария 2011: 595].

В начале X в. сувары на территории современных южных районов Чувашской Республики имели городища в виде круговой крепости. Традиции строения таких городищ у суваров были еще на Кавказе. Они весьма напоминают аварские *хринги* с круговыми укреплениями. Дома и хозяйственные постройки в городе Хулаше располагались скученно. Этим городище напоминает южные поселения, в частности Саркел. Допускается, что в Хулаше селились вокруг дома старейшины [Федоров-Давыдов 1962: 49–89; Каховский, Смирнов 1972: 10–11; Димитриев 2014: 93].

Жилища, открытые археологами в городе Суваре, в основном принадлежали к двум типам: это или глинобитные дома, или де-

решенные срубы. Реконструкция позволяет представить и типовую схему постройки: это были сооружения общей площадью $7,1 \times 7,16$ м с деревянным полом и с подполом около 70 см глубиной, где хранили зерно. Таких зернохранилищ в Суваре обнаружено множество. В некоторых ямах найдены остатки дубового тлена, выходит, дно ям и, возможно, стены были обложены дубовыми досками. Обнаружены и органические остатки злаковых. Близ стены ставили печь.

Согласно фиксации Приска, относящейся к концу первой половины V в., в доме у Аттилы «скамьи стояли у стен комнаты» [Приск 1860: 67]. Аналогичное расположение длинных скамеек из половых досок вдоль всей стены характерно для южных чувашей. Они стали вытесняться покупной мебелью лишь в конце XX в.

Сувары входили в тесные взаимоотношения с окружающим миром. Вырабатываются общие традиции в культуре, особенно в одежде. Например, появляются «удлиненные пуговицы-стерженьки с кубиками на концах и петлей посередине для пришивания к одежде» [Федоров 1972: 37]. Эта традиция прослеживается и по археологическим памятникам Волжской Булгарии. Материалы Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв., принадлежащие кочевникам Западного Прикаспия, содержат богатые коллекции височных привесок, нагрудных комплектов женщин, занимавших достаточно высокую ступень в иерархии населения [Гмыря 2014: 37–38]. Все они находят отклик в праздничной одежде чувашек в виде *сурпан сакки*, *хӑлха сакки*, *шӳлкеме*.

В Поволжье одежда и украшения чувашей продолжают кавказские традиции. Однако имеет место влияние восточнофинского и тюркского миров. Так, нагрудные украшения из куска кожи с застежкой и нашитыми или подвешенными на кожу монетами (прототипы современных чувашских украшений *сурпан сакки* и *шӳлкеме*) очень близки к нагрудным украшениям эрзи и марийцев. Близки к марийским наcostникам украшения из шерстяных жгутов с кистями, вставленных в медные трубочки (чуваш. *хӳре*). Что касается украшенных монетами кожаных шапочек *хушту*, *масмак*, головного полотенца *сурпан* и перевязей *тевет*, то они не имеют аналогов у марийцев и мордвы и являются специфически чувашскими, восходящими к волжско-булгарскому времени [Краснов 2011: 272–273].

У гунно-савиров была моногамная семья с сохранившимся обычаем левирата. Причины такого явления сводятся к экономическим основам. Не имеющие семьи родственники (сыновья, братья) считали долгом поправить положение, женившись на вдове и усыновив ее детей. Имеется специальная статья, рассматривающая родственные браки у гуннов Прикаспийского Дагестана в VII в. [Гмыря 2008а: 25–31]. Притом Л. Б. Гмыря делает существенную оговорку. Такие брачные обряды составляли часть похоронно-поминальных церемоний. Родственник вступал в супружеские права после похорон умершего родственника. Конечно, такие левиратные формы имели более широкое распространение. Тем не менее для нас имеет значение факт бытования этого обычая у гунно-савиров. Положение женщины в гуннском обществе в таком контексте не имело высокого статуса. В источниках не находим сообщений об участии женщин в важных общественных делах [Гмыря 1995: 213–215]. Пример с Боарикс — исключение, когда вдова великого князя, не оставившего сына, заняла место мужа. У чувашей, как и у многих народов, также имел место левират. Однако это была моногамная семья с рудиментами левирата. Желу умершего брата мог взять младший брат. Другие формы левирата у чувашей не зафиксированы или сильно завуалированы. О том, что данное обычное право чувашей идет еще с кавказского периода их истории, свидетельствует аналогичный осетинский обычай левиратного брака. Осетинский обычай рекомендовал выход вдовы за брата мужа, т. е. за деверя [Ковалевский 1886: 260]. Есть рассказы о сорорате в недавнем прошлом. В Чувашии семьи были большими. Например, по данным на 1920 г. в Батыревском уезде средняя семья состояла из 6 человек [Вишневский 1929: 233]. В 1950-х гг. в этой же местности имелись семьи из 12–15 человек.

Что касается колесного транспорта, то его появление на Северном Кавказе связывают с территорией Ближнего Востока, где он бытовал еще в IV тысячелетии до н. э. Об этом свидетельствует конструктивное сходство колес в обоих регионах. Параллели майкопской керамике, известные по восточноанатолийским погребальным памятникам, и находки моделей колес на поселениях майкопской культуры, по-видимому, маркируют конкретные пути проникновения повозок в степную часть Северного Кавказа [Изибицер 2013: 115]. Поэтому следует признать, что савиры на Кавказе

несомненно знали колесный транспорт. Об этом же говорит постройка гунно-савирами временных стоянок в виде привязанных друг к другу повозок, опрокинутых на бок и образующих круговую оборону.

Исследователи истории этнического устройства чувашей обращали внимание на социальный термин *турхан*. П. К. Коковцев, А. П. Новосельцев, В. И. Абаев и А. В. Дыбо считают его иранским заимствованием (согдийским *trχ'n*). Обозначал он понятия «судья», «переводчик», «титул» [Абаев 1979: 276–277; Дыбо 2006: 772]. Затем слово перешло в хазарский, тюркский и русский языки. Видимо, оно присоединялось к имени собственному (например, как в Турции титул «паша»). В Хазарии термин обозначал привилегированный класс [Новосельцев 1990: 117–119]. Присутствует он как антропоним, название селений, околотков и улиц, обозначает привилегированный класс, названия божеств и духов, топонимы, святилища. В Казанской губернии населенных пунктов с таким названием было 15. Из них одно селение было татарское, одно — черемисское, остальные — чувашские. Поэтому, считал А. И. Артемьев, сословие тарханов преимущественно состояло из чувашей [Артемьев 1866: LXXIV]. Кроме того, имелись они и в Симбирской губернии. В современной Чувашской Республике населенные пункты *Турхан* есть в Батыревском, Красночетайском, Шумерлинском, Цивильском, Моргаушском и других районах. Р. Г. Кузеев заметил, что топонимы с элементом *тархан* распространены почти на всей территории к западу от Алтая и Центральной Азии. «Контакты между этими образованиями могли иметь место на Северном Кавказе и Приазовье, где образовались этнонимические параллели, перенесенные затем на Дунай и Волгу» [Кузеев 2010: 323]. Действительно, из работы Мовсеса Каланкатуаца «История страны Алуанк» узнаем, что у гунно-савиров в VII в. был титул *тархан* [Каланкатуаца 1984: 132].

Ибн Фадлан зафиксировал форму приветствия и оказания почтения у жителей Волжской Булгарии. Так, когда увидят проезжающего царя, то все снимают с головы шапки и кладут под мышки. Надевают их только тогда, когда царь проедет. Точно так же поступают, когда имеют беседу с ним [Ибн-Фадлан 1956: 136–137]. Аналогичное поведение имело широкое распространение у чувашей: во многих обрядовых ситуациях они, как правило, держали

шапку под мышкой. Так поступали, например, при обращении к *Киремтю*, в обряде *чўклемe*, а также на семейных молениях. Как правило, шапка закладывается под левую подмышку. Традиция распространяется как на моления стоя, так и на моления в положении коленопреклонения. Желательно молельщику иметь хотя бы на время новую шапку. Естественно, речь идет только о мужчинах. Женщинам в особых случаях разрешается молиться, имея под мышкой шапку мужа. Если за хозяина молится другой человек, то он обязан под мышкой иметь шапку хозяина того дома, где проводится действие. В правой руке молельщик держит предметы жертвы (хлеб, сырок, мясо). Если перед молением присутствующим раздают в руки кусочки жертвенной еды, то и они повторяют жесты молельщика: под левую подмышку мужчины закладывают шапки, правые ладони с полученными кусочками протягивают чуть вперед [Салмин 2016: 559–560].

Несомненную ценность представляют сцены официальной трапезы по случаю визита византийского посольства к предводителю гуннов Аттиле (448 г.) и арабской миссии к царю Волжской Булгарии Алмушу (922 г.). Особенно интересно сравнительное изучение церемонии застолий. Первый вариант изложен Приском Панийским, второй — Ибн Фадланом. Оба писали то, что видели сами. Не верить очевидцам нет оснований. Притом текст Приска полнее, чем рассказ Ибн Фадлана. Приведу некоторые детали. Приск: «Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле, поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был первый в ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему не было позволено сесть прежде, чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино, или отведав его. Когда он садился, то присутствующие чтили его таким же образом: принимали чаши и, приветствовав, вкушали из них вино. При каждом из гостей находилось по одному виночерпцу, который должен был входить в очередь по выходе виночерпца Аттилы. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям, Аттила приветствовал и нас наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того, как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтоб каждый мог брать из наложенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седа-

лиц. Первый вошел слугитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанье и хлеб» [Приск 1860: 67–68]. Ибн Фадлан: «Цари [сидели] с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один [сидел] на троне, покрытым византийской парчой. Он велел принести стол [с яствами], и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал, — взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Сусану послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол. Потом он вручил [мясо] мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю, который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол..., потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом [это продолжалось], пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и кроме него никто не брал с его стола ничего» [Ибн-Фадлан 1956: 132]. За исключением нюансов (простота Аттилы и пышность Алмуша и т. д.), обе трапезы проходили по одному и тому же сценарию. Иначе говоря, во дворце Алмуша повторили то, что было у гуннов на пять веков раньше.

Следы увиденных Приском и Ибн Фадланом церемоний застолья явно просматриваются в чувашских родовых обрядовых трапезах *чӱкӼеме* и *ал валли* [Салмин 2016: 79–87]. Приглашенных усаживают за стол в передний угол. Здесь проводят предварительную часть действий. Женщины в *чӱкӼеме* занимают определенное место. Жена хозяина, например, повторяет те же действия и слова, что и муж. В обряде ее сажают за стол вслед за супругом. Тут же приносят и ставят на стол в большой деревянной посудине пиво, подают ковши в количестве до 9 штук. У каждого из участников обязательно должны быть ритуальная еда и питье, поднесенные хозяином дома. Именно они служат официальным допуском к обряду вообще и к совместной еде в частности. Такая доля, полученная в руки, называется *ал валли* (букв. «для руки», «на руки»). Как сидящие

за столом, так и другие участники обращены лицом в сторону двери. На свадьбе моление начинается с подачи пива из непочатой бочки и хлеба. Глава дома или его жена раздают каждому присутствующему по кусочку хлеба с намазанным маслом. И сам процесс, и полученный кусок хлеба одинаково называются *ал валли*. Все встают, смотрят в сторону чуть приоткрытой двери и держат бутерброд в правой руке. Зажигается свеча. Вначале обращаются к *Турй* и *Пулёх*, затем — к другим божествам. Просят здоровья новой паре, выражают желание иметь целый пол ягнят и целую скамейку детей. Также просят у *Турй* возможность ходить друг к другу в гости. После совместного моления и съедения кусков хлеба с маслом брачный договор считается фактически заключенным.

По состоянию на V в. эта церемония была общей для всех трех племен. То, что сувары Волжской Булгарии, упоминаемые хазарским царем Иосифом рядом с булгарами, и есть савиры, проживавшие на Северном Кавказе, не подлежит сомнению [Петрухин, Раевский 2004: 230]. Об этнической преемственности суваров Волжской Булгарии с савирами пишет и Питер Голден. Он прямо заявляет, что северокавказские сувары, конечно, имеют отношение («should certainly be connected») к суварам/сувазам, которых застал Ибн Фадлан на Волге [Golden 1980: 35; 2011: 146–147]. В литературе признается тезис о том, что «сувары (сувазы)... явились основным компонентом в сложении чувашского народа и передали ему свое имя» [Краснов 1974: 113]. Признается также этническая преемственность: савиры → сувары → чуваша. Есть мнение, согласно которому, и хазары являются потомками сабиров/савиров [Буданова 2000: 395]. Такое видение не лишено оснований. Согласно другому мнению, «хазары стояли во главе реорганизованного союза савиров» [Исхаков, Измайлов 2001: 53].

Много общего в традиционной обрядности народов Кавказа и чувашей. Например, одинаковые обрядовые действия имеем у народов Кавказа и чувашей в обрядах «От затмения солнца и луны», «Прохождение под радугой».

Обряды вызывания дождя, как правило, проводятся у воды. Авторы исследований указывают на семантику выбора локуса. Так, генухцы (Дагестан) жертвенного барана резали с таким расчетом, чтобы кровь животного сливалась с водоемом [Ризаханова 2003: 80]. Чуваша с той же целью проводили аналогичный

обряд у родника или речки [Салмин 2016: 28]. С просьбой ниспослать влагу на землю участники обряда обращались к духам предков: представители шли на кладбище и обливали некоторые могилы, полагая, что умершие не дают дождя. Затем потусторонние родственники являлись своим детям во сне и жаловались: «Пока сам находился на севе, дом мой залили водой». Как правило, лили воду на могилы умерших недоброй смертью (пропойц, утопленников, висельников). Объектом поливания оказывались и холмики колдунов. Говорят, на них имеется дырка, через которую они выходят наружу. Должно быть, истоки такого обряда ведут на Кавказ. Так, в VII в. зафиксирован обычай номадов Прикаспийского Дагестана обливать могилу знаменитого человека. В сухую погоду они выносили гроб с костями и испрашивали над ним дождь. Но сам обряд с использованием мощей выдающихся людей, по всей видимости, имел у населения Прикаспия еще более глубокие традиции. Исследователи полагают, что обряд местный. В более раннем варианте труп «странного» человека следовало закопать в землю [Гмыря 2009а: 58–62]. Согласно источникам, баланджарцы в бездожде выкапывали кости арабского полководца Сальмана ибн Раби'а и выставляли под открытое небо. «Погружение костей покойника в воду практиковалось до недавнего времени с магической целью у сванов, карачаевцев, абхазов, черкесов и русских Северного Кавказа» [Генко 1941: 101].

У черкесов семья не могла распоряжаться убранном хлебом до тех пор, пока не совершит специальное моление *хама умухо*. На этот обряд приглашали ближайших родственников. После пира новый хлеб можно было использовать: есть, продавать, отдавать в долг [Чурсин 1913: 57]. Сходные церемонии имели место у абхазов и других народов Кавказа. Аналогичный родовой праздник по случаю начала употребления нового урожая бытовал у чувашей, назывался он *чӱкӼеме* [Салмин 2016: 79–87].

Большинство источников говорит о проведении свадеб в *сӱмӱк* («Семик»). «В *сӱмӱк* кто желал, тот женился», «А в *сӱмӱк* шумели свадьбы», — читаем в записях XIX–XX вв. «Все» или «в основном» — такие утверждения относительно проведения свадеб в *сӱмӱк* встречаются в громадном количестве материалов, которыми располагает автор. Некоторые информанты подчеркивают, что у всех чувашей (имея в виду придерживающихся дедовских традиций)

свадьбы бывают на *симёк*. Имеются только некоторые уточнения: после завершения сева, в то время бывают молодежные хороводы *Вайй*, в день *симёк*, за день-два до *симёк* или на следующий день после *симёк*, или более абстрактно — летом [Салмин 2016: 142–143].

Свадьбы можно было проводить до начала полевых работ, точнее до сенокоса. Косвенным подтверждением могут служить частушки, исполняемые на свадьбах: «Глупость нашего отца (видна из того), что он выдает дочь перед полевыми работами». Или: «Девуц, не умеющих работать, выдают замуж перед полевыми работами» [Ашмарин 1929б: 141].

Имеются факты проведения свадеб в начале зимы. Конечно, здесь на первое место выходят соображения, связанные с экономической выгодой: урожаем собран, скот набрал вес, а накрывание стола обходится дешевле. Тем не менее конец осени, начало зимы и середина зимы для проведения чувашских свадеб нехарактерны. «В старину зимой свадеб у чувашей было очень мало. Если и были, то их проводили исключительно нищие. И те, кто играл свадьбу без сватовства», — сообщал в 1928 г. А. С. Семенов из деревни Новое Аксубаево Чистопольского кантона Татарской Республики [ЧГИ 623: 1–2]. Можно допустить, что случаи проведения чувашами свадеб в период осени и зимы — это влияние традиции русских. Например, в 1886 г. воспитанник симбирской чувашской школы Яков Егоров из деревни Новые Атаи Курмышского уезда Симбирской губернии писал: «Если чуваша устраивают свадьбы, то они не проводят, как русские, зимой, свадьбы всегда приурочивают к *симёк* до полевых работ» [ЧГИ III-152: 111 об.]. Фактически чувашские свадьбы продолжались ровно неделю. Но к ним тщательно готовились. Этот период чуваша буквально называют «праздником свадеб» [ЧГИ III-536: 54]. Свадьбы у чувашей, согласно имеющимся источникам, начинались неизменно в пятницу.

Прямой отклик по времени проведения свадеб находим у дунайских болгар — исторических соседей чувашей по Кавказу [Арнаутов 1931: 9; Денисов 1969: 123–129]. Строгие даты проведения свадеб устойчиво держались в районах Македонии и северо-восточной части Болгарии. Называют даже конкретное число — 29 июня. У македонских болгар регламентированным временем считался период с 20 июля по 15 августа. За соблюдением традиции следила община. Должно быть, в старину учитывали удобство: лето — пре-

красное время для проведения свадеб с участием большого количества людей во дворе или на природе, это с одной стороны. С другой стороны, явно просматриваются южные традиции.

Обряд хождения молодой после брачной ночи за водой в сопровождении новых родственников имеет сходство как в целом, так и в деталях у народов Кавказа и чувашей [Сефербеков 2009: 145–146; Салмин 2016: 166]. Цель этого обряда — умилоствление божества воды. В обрядах вайнахов, абхазо-адыгских народов и даргинцев молодая высыпала горсть зерна в родник как дань божеству, затем подносила всем присутствующим ковш воды. Кайтагцы у родника обливали ноги молодой. Табасаранцы в этот обряд вкладывали пожелание родить семь сыновей. Аналогичные ритуалы были у дагестанских азербайджанцев. У чувашей молодая утром после свадьбы должна идти за водой. Ходила она не к колодцу, а к реке или ближайшему ключу. Видимо, учитывался культурный характер колодца. Молодую сопровождали женщина, маленькая девочка, молодежь, девушки. Обыкновенно она несла ведра на коромысле. У воды девочка или сопровождающая женщина два или три раза черпала воду, но каждый раз молодая нарочно ее проливала. Затем она дарила колечко девочке и со словами «Я и сама могу» черпала воду. Разумеется, она откупается колечком за воду. При этом молодая должна была сказать: «Воду беру для божества Туря, не для самих, эта вода не для нас». Если она скажет: «Для *Туря*», то божество, находящееся в воде (*Шыв турри*), не будет препятствовать. Если она не скажет так, то божество воды найдет порчу.

В трудах Захарии, Малалы, Феофана и Каланкатуаца отражены способы и формы клятвенных договоров гуннов и савиров в V–VII вв. Так, Феофан в сообщении от 522 г. указал, что царь гуннов Залгивин получил от Византии богатые дары. А Залгивин «отеческими клятвами скрепил договор об оказании военной помощи императору против персов» [Феофан 1980: 50]. Фраза «отеческие клятвы» здесь означает прочность данных слов, т. е. по традициям предков. Конечно, под гуннами у названных авторов следует иметь в виду не иначе, как савиров, ибо после Аттилы так называли именно их. Аналогичное мнение в литературе уже имеется [Гмыря 2008: 63, 66].

У гунно-савиров был обычай хоронить умерших обычной смертью людей в гробу, а погибших в бою — сжигать. Например, Аттилу, умершего в дома, хоронили в гробу. У чувашей способ

кремации не зафиксирован, однако поддается реконструкции. Например, о родственниках, погибших на войне, чувашки говорят: *Tav-rainman*, т. е. «Не вернулся». Иначе говоря, от его тела не осталось физических следов. Аналогично у гунно-савиrow: «Улетел». Традиции погребений в ямах с подбоем характерны для равнинных районов Дагестана гуннских времен. В длинной стенке вырывался подбой, куда помещали труп, а также сопровождающий инвентарь, украшения, оружие и посуду [Гмыря 1980а: 167–169]. Должно быть, встречающиеся среди чувашей могилы с подбоем [Салмин 2016: 191–192] имеют непосредственную связь с кавказскими традициями. Носители салтово-маяцкой археологической культуры (VIII–IX вв.) хоронили умерших в ямах с малым количеством вещей. Притом их погребальный обряд тесно перекликается с формами погребений как в Волжской Булгарии, так и в Дунайской Болгарии [Плетнева 1981: 70].

Л. Б. Гмыря анализирует особенности погребальной практики кочевников Западного Прикаспия, проявившиеся в намеренной порче убора женского костюма, зафиксированные в материалах Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. Она рассматривает содержание специфических манипуляций с убором костюма умерших женщин, определяет характер искажений системы размещения убора и их целенаправленность в погребальном обряде. Отмеченный ритуал отражает представления населения, основанные на противопоставлении мира живых (средний мир) миру умерших соплеменников (нижний мир). Исследователи Паласа-сыртского могильника отмечают перемещение уборов со своих мест. Притом такие нарушения порядка не связаны с ограблениями. «Манипуляции с предметами убора умершего производились в погребальной камере непосредственно перед его захоронением, т. е. в процессе проведения погребального обряда, что позволяет квалифицировать эти действия как ритуал» [Гмыря 2015: 224]. Археологи (например, С. А. Яценко, А. В. Мастыкова, Л. Б. Гмыря) также отмечают намеренные поломки и деформацию вещей, сопровождающих умершего. Разбивание посуды, сопровождающей умершего родственника, в похоронно-поминальной обрядности чувашей имеет системный характер [Салмин 2016: 96, 229, 576]. Например, в день окончательного провода души похороненного на могиле разбивают утварь (ковш, ложку), необходимую на том свете.

Согласно воззрению чувашей, заколотая на поминках скотина переходит в собственность умершего. Поскольку смерти нет, то перешедшие в иной мир родственники пользуются теми животными, которые были принесены в жертву в их честь. Обязательно учитывают тот факт, что мужчина на том свете ездит на лошади, а женщина — на корове или овце. С целью «претворения в жизнь» такого замысла устраивали обрядовые скачки. В Сванетии еще в 30-х гг. XX в. сохранился пережиток хоронить вместе с покойником его любимого коня. При выносе покойника наездник вскакивает на лошадь и начинает гонять ее во всю прыть по ближайшим окрестностям. Обреченную лошадь стараются загнать так, чтобы, доскакав до могилы, она свалилась замертво. В других вариантах лошадь стараются не губить. Друзья покойного уговаривают родственников сбересть взмыленное животное, чтобы она могла послужить еще наследникам умершего [Шаншиев 1931: 115]. У черкесов такой обряд назывался *кебек*. Основной смысл данного обряда — санкционированный переход коня умершего лучшему родственнику. Г. Ф. Миллер зафиксировал интересный эпизод, согласно которому чуваша и марийцы в день окончательных проводов души умершего на дворе вколачивают «в землю две палки, и между оными протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников, или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первой во оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник ездил; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором, и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную лошадь у черемис на дому, а у чуваш на кладбище, в память умершего заколовши, варят и едят» [Миллер 1791: 79]. Рудименты таких скачек запечатлены и в записях XIX — начала XX вв. Например, при возвращении с кладбища всадника, прискакавшего к дому первым, встречают пивом. Позже заклятие лошади после скачек заменили актом дарования этой скотины, принадлежавшей умершему, тому, кто скакал на кладбище и обратно. Еще позже стали ограничиваться скачками. Сокращенный, «испорченный» вариант мотива скачек на лошади умершего прослеживается и в эпизоде отправления одного всадника на могилу умершего родственника в конце поминок [Салмин 2016: 219–220].

После монгольского похода на Волжскую Булгарию в юго-восточной части Чувашии осталось пепелище около 200 городищ и селищ. Вся эта территория превратилась в Дикое поле, используемое ногайскими ордами для кочевий. Оставшееся в живых население ушло в Заказанье, Приказанье и северные районы Чувашии. В результате монголо-татарского геноцида XIII – начала XV вв. осталась лишь одна пятая часть предков чувашей [Димитриев 1994: 27]. Ужасный урон суваро-чувашам, как и всему населению Поволжья, нанесла черная чума 1340–1350 гг. Эти годы принесли депопуляцию, коллапс власти, анархию, упадок общей культуры. Утверждение Юлая Шамильоглу о конце волжско-булгарского языка в годы черной чумы [Шамильоглу 2001: 18–19] одинаково верно и для суваро-чувашей.

Традиционная культура в широком смысле, известно, хранит словарный состав, этикет, менталитет, а также сведения о жилище, пище, одежде, религиозно-обрядовой стороне этноса. Все эти исконные элементы культуры в живом бытовании теперь можно встретить лишь в среде некрещеных и не исламизированных до сих пор чувашей (в основном в Причеремшанье). Исследование именно их быта обещает наиболее плодотворные научно-практические результаты.

Искусство

На Хаританинском святилище (Дагестан) фигура основного божества значительно превосходит все остальные, что однозначно подчеркивает ее особое положение. Поднятые в позе Оранты руки, широкая конусовидная юбка, украшенная ромбическими клетками, придают божеству особое смысловое значение. Как известно, фигуры ромба интерпретируются как символы женского начала. Ромб символизировал также возделанное и засеянное поле. А символ поля одновременно означает и женщину, и поле, и растение, что в конечном счете олицетворяет идею плодородия. Интересно отметить, что ромбы особенно украшают грудь богини. Такие же фигурки имеются в древней Передней Азии, что говорит о связях населения Дагестана и Передней Азии [Котович 1983: 5]. Основным узором лезгинских ковров также является крупный восьмиуголь-

ный ромб. По их числу определяли размеры ковров. На больших коврах размещается до пяти ромбов, на маленьких — один. Называется этот ромб *гюзги* «зеркало». Внутренние стороны *гюзги* украшаются крючкообразным узором. Каймы ковров заполняются геометрическими рисунками [Салько 1951: 204–213]. Аналогичные геометрические вышивки-розетки с большим искусством наносятся на грудной части женской рубашки. Они так и называются — *кёскё* «зеркало» — и призваны обеспечить плодородие.

Многие типы украшений из городища Хулаш имеют аналогии в материалах памятников салтово-маяцкой культуры. А это свидетельствует о сохранении жителями города культурных традиций своих степных предков [Каховский, Смирнов 1972: 59].

Фольклор

Согласно преданиям, чуваша на Волгу пришли из-за Черного моря, из-за далеких гор. Своим предком, родоначальником они считают человека по имени Чуваш [Михайлов 2004: 53; Риттих 1870: 46]. Тексты также повествуют о проживании древних чувашей на северном побережье Каспийского моря [ЧГИ III. 195: 240]. Предание гласит, что чуваша в древности жили в теплой стране на морском побережье [Димитриев 1993: 25]. В целом фольклорные данные дают положительный ответ на вопрос об исторических связях чувашей с Кавказом.

Чувашские легенды имеют множество сходных сюжетов с фольклорными текстами народов, обитавших и живущих на Кавказе. Например, народы Кавказа, болгары и чуваша почитают раду-гу. Если женщине удастся пройти под радугой, то она превратится в мужчину, и наоборот.

Или легенда о низком небе. Говорят, небо и облака в старину находились очень близко к земле, на уровне домов. Их можно было достать, встав на ограду. Рассказывают, что однажды женщина, не имея под рукой тряпки, вытерла экскременты своего ребенка куском хлеба. Подумав, что хлеб на землю бросить нельзя, она сунула испачканный хлеб в облако. А облако как чистое существо не выдержало оскорбления, ушло высоко. С тех пор облака плывут на высоте [Тимофеев 1972: 67]. Естественно, легенда о низком

небе могла сложиться лишь в высокогорной стране, память о которой сохранилась в легендах чувашей.

Как у народов Дагестана (табасаранцев, даргинцев и аварцев), так и у чувашей бытовало верование в домашнего змея. Вариации таких легенд только в локусе обитания такого змея (под фундаментом, в межпотолочном пространстве, под лабазом), но иметь его в каждом доме обязательно. Он оберегает дом от бед. Если его чем-либо обидеть, то он покидает такую семью и уводит с собой благополучие, достаток и изобилие [Сефербеков 2014: 223–225; Ашмарин 1934: 212–213].

Источники свидетельствуют о тесной связи собаки с верховным божеством *Турӑ*. В первую очередь это легенда о том, почему хлеб одноколосный. Согласно текстам, изначально хлеб по всей длине стебля имел колосья. Но одна женщина стала роптать, что изобилие колосьев мешает жать, из-за чего случаются частые порезы руки. Тут явился *Турӑ* и начал срывать со стебля колосья и спрашивать: «Достаточно ли оставить на верхушке столько колосьев?» Женщина молчала, а *Турӑ* продолжал срывать колосья. Наконец на соломинке остался всего один колос. Но женщина продолжала молчать. Тогда находившаяся рядом собака завыла жалобным голосом, и *Турӑ* оставил последний колос. Поэтому говорят, что одноколосные хлебные растения оставлены ради собаки. Чуваша дома по вечерам часто спрашивают друг у друга: «Дали ли сегодня собаке поесть?» В противном случае собака может пожаловаться божеству *Турӑ* [Рекеев 1898: 8]. Имеются и другие варианты этой легенды, однако все они сводятся к одному инварианту. Согласно сказанию дунайских болгар, предки которых также обитали на Кавказе, хлебные колосья изначально были от корня до вершины. Но однажды женщина, убиравшая хлеб, осквернила его, обтерев колосьями обмаравшегося ребенка. За такой поступок Бог решил наказать человека и захотел оставить хлеб без колосьев. Но тут собака завыла и попросила Бога оставить на стебле один колос ради нее. С тех пор, гласит болгарская легенда, люди едят хлеб, предназначенный собаке [Денисов 1969: 90].

Перекликаются с кавказскими сюжетами чувашские сказки. Так, в обоих случаях имеются тексты об отправлении падчерицы на выполнение трудной задачи. В данном случае как у кавказских

народов, так и у чувашей в качестве отправителя выступает Мать ветров [Сефербеков 2009: 124; Салмин 2016: 315].

В предании о правобережных чувашах повествуется, что они жили между Волгой и Свиягой в землянках среди лесов и степей. Поэтому их селения не были заметны. Даже их главный город состоял из землянок. При проведении неоднократных раскопок по реке Утке археолог Р.Г. Фахрутдинов записывал у местных старожилов фольклорные произведения, проникнутые любовью к своему древнему городу. Они называли Сувар *Шам-Суар*. Этот татарский эпитет применяется при передаче величия и славы [Фахрутдинов 1986: 96–97]. *Шам* является символом красоты и света. Само слово *шамс* в переводе с арабского означает «солнце».

Широко распространены легенды о происхождении деревень. Так, сохранившаяся архивная запись от 1905 г. была выполнена крестьянином деревни Большие Крышки Чебоксарского уезда Казанской губернии Федором Алексеевым. В ней рассказывается об образовании некоторых населенных пунктов Чебоксарского и Цивильского районов. В центре событий три брата: Пичурин, Айттарин и Чинкей. В основе сюжета — следование за быком в поисках лучших земель, обильных родников, лесов, лугов и пригодных для земледелия полей [ЧГИ 154: 172–177]. А жители г. Чебоксары о происхождении своего города еще в XVIII в. объясняли, что на месте их города в старину была деревня, в которой между прочими жителями был один крестьянин именем Чебокшар, человек честного жития и изрядного рассуждения. Поселяне имели к нему почтение и любовь и в прославление его имени называли свою деревню и протекающую сквозь оную речку Чебошками или по-нынешнему — Чебоксарами [Миллер 2012: 592].

Выводы

Этноним *чуваш* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*сатир*, *савар*) → *сувар* (*сувас*, *суван*) → *суваши* (*сйваши*) → *чйваш* (*t'š'avaš*). Вопреки расхожему мнению, что этнонимы не могут быть надежным источником в исследованиях по этногенезу, они отражают подлинную историю народа и даже указывают на хронологическую последовательность судьбоносных

событий. Каждый вариант этнонима *чуваши* является определенной пространственно-временной характеристикой народа. Следы суварских субстратов сохранились до сих пор в Чувашии в виде топонимов. Например, в Красноармейском районе имеется деревня *Супар* (в произношении *Субар*). Дорогу, идущую из деревни Мунъялы Вурнарского района через Большой овраг (*Мӓн сьрма*) в волостной центр, местные жители называли *Саваш сӓлӓ* — «Дорога Саваш» (видимо, изначально *Сӓваш*). Ручеек *Савартер* имеется в Красноармейском районе. В числе зарегистрированных чувашских антропонимов *Савир*, *Савирка*, *Саврик*, *Саврила*, *Чуваши* и др.

Клавдий Птолемей зафиксировал савиров в форме *Σάβαροι* на Кавказе, ниже аорсов и пагиритов, в первой половине II в. В первой половине III в. н. э. греческий грамматик Элий Геродиан писал о племенах *σάπειρ/σάπειρ*. Под 361–362 гг. сапиров (*Sapires*) фиксирует Аммиан Марцеллин.

Аттила становится единоличным лидером гуннского союза после насильственного устранения им родного брата Влиды/Бледы (*Βλήδα/Bleda*) в 445 г. Затем он объединил многие племена и вовсе узурпировал власть. До кончины Аттилы фиксируются только отдельные боевые эпизоды, в которых проявляли особую храбрость савиры/сабиры. В остальных случаях они действовали как составная часть войск Аттилы и были известны как гунны или в лучшем случае как «гунно-савиры» и «гунны, называемые савирами». После смерти Аттилы в 453 г. и разделения гуннского союза на автономные племена на Кавказе начинается господство савирской конфедерации.

В 657–659 гг. распался Западно-тюркский каганат. Одновременно в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. По инерции армянские источники продолжают называть его Царство гуннов, а арабские хронисты — Джиданом.

В 737 г. арабский полководец Мерван вступил в савирские владения Хамзина (так называли тогда арабы Варачан). Савиры покинули эти места. Но ушли они не на Среднее Поволжье, как преподносят некоторые историки, а в междуречье низовий Волги и Дона, где вместе с другими племенами образовали салтово-маяцкую археологическую культуру. Тогда же, после событий 737 г., в дельте Волги возникает хазарская столица — город Итиль. Поэтому иссле-

дователи считают, что включение территории страны гуннов (т. е. савиров) в сферу влияния Хазарского государства происходило на фоне арабо-хазарской войны за Кавказ.

Во второй половине IX в. Ибн Хордадбех фиксирует царство Сувар на северной стороне от Баба. Таким образом, савары/савиры/сувары обитали на Северном Кавказе (и побережьях Каспийского моря) по меньшей мере более семи веков (II–IX вв.).

Изучение этнических групп Кавказа с использованием маркеров Y-хромосомы, митохондриальной ДНК, а также полногеномного анализа показало наличие преимущественно (за исключением ногайцев) переднеазиатского компонента. Характерный для народов Кавказа переднеазиатский предковый компонент практически отсутствует у непосредственных северных соседей — народов Восточно-Европейской равнины.

Среди тюркских народов чувашаи обладают наибольшими частотами гаплогрупп H, K, U2 и V. Если сказать более определенно, то следует признать западно-евразийское происхождение исторических предков чувашей. Точнее, они имеют историческую и генетическую связь с автохтонным населением Кавказа, в том числе Закавказья.

Образцы 96 неродственных лиц из Чувашии были секвенированы по показателям молекул митохондриальной ДНК. Большинство обследованных людей, как и все представители западных и северных европейцев, обнаруживает гаплогруппы H (31%), U (22%) и K (11%), но названные показатели отсутствуют в алтайских или монгольских популяциях. Таким образом, исследования митохондриальных ДНК-маркеров показывают, что исходно чувашаи не связаны с алтайским и монгольским населением по материнской линии.

Анализ краниологического материала с территории Северного Кавказа от эпохи бронзы до Средневековья, связанного с предками балкарцев, приводит к выводу о том, что он не выявляет ни аланский, ни тюркский компоненты. Современные балкарцы, как и карачаевцы, чеченцы, ингуши, осетины и представители горно-грузинских групп, входят в круг популяций понтийского антропологического типа. Хотя всеми признается существенное влияние огузских племен на карачаевский язык и доминирование в балкарском языке кыпчакского слоя. Таким образом, тюркизация

на Кавказе не сопровождалась сменой населения. Если допустить биологическое смешение, то оно имело спорадический характер, хотя связи с кочевниками южнорусских степей на этнографическом уровне очевидно. Савиры, обитавшие на Кавказе до VIII в., фактически должны характеризоваться теми же антропологическими показателями. Действительно, у них присутствует европеоидный восточно-средиземноморский тип.

Антропологическое сходство разноязычных народов Волго-Камья объяснимо не столько их генетическим родством, а, прежде всего, их географической близостью и многовековым соседством.

В 2014 г. в низовьях реки Рубас (Дербентский район Дагестана) были проведены раскопки. Совпадение хронологии архитектурного объекта (середина V в.) с заключительным этапом бытования Паласа-сыртского поселения (VI в.), резкая смена облика, фиксируемая в середине V в., а также верхняя дата могильника указывают на то, что внедрение в регион и закрепление в его пределах в середине V в. Сасанидского Ирана вытеснило обитавшие здесь племена из Паласа-сыртской возвышенности и долины реки Рубас за пределы своего влияния, к северу от Дербентского прохода. История показывает, что в регионе происходили значительные события. В 445 г. Атилла устраняет родного брата Бледу, командовавшего восточными гунно-савирами, и захватывает власть в свои руки. В 453 г. умирает сам Атилла и таким образом открывается перспектива савирам. Примерно в 463 г. савиры, обитавшие на западном побережье Каспийского моря, якобы из-за вторжения аваров нападают на земли соседних племен (сарагуров, урогов и оногуров). Сарагуры, как утверждается в литературе, в свою очередь, нападают на акациров. Вскоре савиры и вовсе вынуждают оногуров (булгаров) покинуть их земли и передвинуться на запад Предкавказья. Таким образом, в середине V в. савиры, покинув Дербентский регион не из-за аваров, а в первую очередь из-за наступления Сасанидского Ирана, начинают полностью владеть юго-восточным Предкавказьем. Археологическое открытие 2014 г. окончательно объясняет глобальные передвижения племен в середине V в. на Северном Кавказе.

Археологами подтверждается заселение суварами правобережья Волги в самом начале X в. Особый интерес представляет Тигашевское городище, расположенное на правом берегу Булы.

Оно является памятником доисламской религии и зарождающегося феодализма в Волжской Булгарии. Г.А. Федоров-Давыдов пришел к выводу о том, что Тигашевское святилище было религиозным центром племени или группы племен, переселившихся на территорию юга современной Чувашии в X в. Переселение племен на реку Булу не было медленным и постепенным. Произошло одновременное переселение больших масс, и связано это было с перенесением племенного святилища.

Религия — идеология всеохватывающая. Она имеет сильное влияние на хозяйственно-культурный тип. Средневековые булгары, все еще придерживавшиеся традиций кочевников, стояли у власти, и им нужна была религиозная монополия для большей власти. А исконные земледельцы — сувары — не захотели бросить свой уклад и следовать за болгарским князем Алмушем. Как видим, разногласия были основательные: противоречие новых и старых верований в государстве, несоответствие хозяйственно-культурных типов, сохранение традиций одними и смена государственных интересов у других. С этого времени булгары официально стали исповедовать ислам, а сувары оставались при доисламских традициях. Этот тезис в литературе повторяется многократно, и он, в принципе, соответствует действительности.

Эпитафии конца XIII — начала XIV в. сохранили образцы лексики и морфологии суваров, по сути, чувашей позднего средневековья. В них мы встречаем такие словосочетания, как *Savar ıvli* (чуваш. *Сăвар ывăлĕ* «сын Сăвара»); *ġiäti ġür ġirimi ikiniş ġal* (чуваш. *çич çĕр çирĕм иккĕмĕш çул* «722 год = 1332 г.»); *ayıxi van küän*, (чуваш. *уйăх(ăн) вун(ăнмĕш) кун(ĕ)* «десятый день месяца»). Как видим, современные чувашаи во многих случаях являются единственными живыми носителями языка эпитафий Волжской Булгарии. Поэтому при исследовании народных обрядов и верований следует учитывать, что верования и обряды сувар в основных чертах совпадают с чувашскими верованиями и обрядами, известными по описаниям XVII–XIX веков и более ранних времен.

С XVI в. в Чувашском крае набирает силу православие.

Пока следует констатировать, что все ссылки на язык чувашей даются на источники не раньше X в., а чаще всего — XVI в. Иначе говоря, исследователи изучают язык уже ассимилированных чувашей. Задача же — попытаться проникнуть в более древнее

состояние языка, выявлять его исконные слои. Многие исторические соседи, входившие в близкие языковые семьи, или перешли на другие языки (булгары), или влились в другие племена (хазары, эскелы).

Как известно, к середине VI в. савиры стали наиболее сильным и многочисленным племенем на Кавказе. Они захватили всю Северную Албанию (Ширван и Аран), закрепились в зоне Дербенд-Кабала. В это время савиры перешли к оседлой жизни, ассимилируясь с коренным населением страны. Конечно, савиры и не гунны, и не авары, и не тюрки, и не акациры, и не хазары. Конечно, они и не булгары.

Взаимоотношения гунно-савиров и тюркютов на Кавказе не были простыми. Исследователи считают, что с приходом тюркских племен часть гунно-савиров вынуждена была уйти в горы, где совместно с местным горским населением образовало конгломерат (например, Сарир). Сами гунно-савиры называли эту горную страну *Тавйак* («Горная сторона»). Название *Даг-и стан* — это полная калька топонима *Тавйак*. Название *Тавйак* является калькой также чувашскому *тăв айк(ки)* «склон», «подножие горы». Массовую миграцию части гуннов (т. е. «гуннов, называемых савирами») в горы подтверждает и археологический материал. Раскопки на территории нагорной Балкарии выявили множество погребений с материальными следами гуннского типа.

Время с 922 по 1469 гг. является периодом формирования чувашского народа и утверждения его самосознания. При этом еще раз следует согласиться с мнением, что сапиры/савиры/сувары составили базу для образования современных чувашей.

Своим предком, родоначальником они считают человека по имени Чуваш. Тексты также повествуют о проживании древних чувашей на северном побережье Каспийского моря. Предание гласит, что чувашаи в древности жили в теплой стране на морском побережье. В целом фольклорные данные дают положительный ответ на вопрос об исторических связях чувашей с Кавказом.

Глава 2. БУЛГАРСКАЯ ВЕРСИЯ

Следование устоявшейся болгарской теории в разработке вопроса происхождения в конце концов привело к тупиковой проблеме деления болгарского наследия между татарами и чувашами, это во-первых. Во-вторых, совершенно неразработанным оставался вопрос о суварском наследии в истории чувашей. А это, как полагает автор, верный путь в освещении истории предков чувашей. До сих пор в чувашеведении однобоко преобладала тенденция увлечения тюркскими корнями чувашского народа. М. Г. Худяков не без основания полагал, что чувашей никак нельзя считать ни создателями, ни носителями болгарской культуры. А сама болгарская теория происхождения чувашей опирается на односторонний и плохо истолкованный лингвистический материал [Худяков 1927: 136]. Впрочем, поставив цель показать автохтонность поволжских татар, некоторые исследователи изучают ананьинскую археологическую культуру. Конечно, субстратных связей татар с этой археологической культурой нет. Да и нельзя так ставить вопрос. Невозможно в ту доисторическую эпоху серьезно говорить о каком-либо конкретном этносе, а порой и об антропологическом однообразии. Нет также оснований идентифицировать всех жителей Волжской Булгарии X–XIII в. с предками татар или чувашей.

«Болгарская теория, понятая узко и односторонне, в начале 20-х годов подхвачена была татарскими и чувашскими буржуазными националистами в своих узконационалистических интересах... Некоторые чувашские националисты, например, добивались даже переименования Чувашской республики в болгарскую» [Егоров 1953: 69]. Впрочем, эта тенденция жива и сегодня. Например, открытое письмо доктора исторических наук, профессора Г. И. Тафаева Правительству и Госсовету Чувашской Республики с аналогичным содержанием в самом серьезном тоне обсуждалась в СМИ и кулуарно.

С. А. Токарев в теоретической статье о проблеме этногенеза чувашей и болгар, в частности, писал: «Трудно было бы что-либо возразить против достаточно убедительно доказанной исторической связи между древними булгарами и современными чувашами» [Токарев 1949: 13]. Но, рассуждал далее С. А. Токарев, даже самая прямая историческая связь еще не есть тождество, об этом не всегда помнят. Необходимо дать себе отчет в том, что даже убедительное

сближение современного народа с древними предками мало помогает понять его происхождение. Это, скорее, объяснение известного искомого через неизвестное. Поэтому даже доказанная связь, например, нынешних чувашей с древними булгарами не дает ответа на вопрос об их происхождении. Можно ли считать «булгарскую теорию» решением проблемы этногенеза чувашского народа? Скорее, наоборот, эта теория может служить ответом на вопрос о том, кто такие были булгары. Нельзя безоговорочно сближать современный народ с древним племенем. В таком контексте заявления типа «чувашаи — прямые потомки булгар» [Димитриев 2014: 105] звучат, по крайней мере, априорными. Поэтому верно признание самими чувашеоведами уязвимости теории булгарского происхождения чувашей [От издателя 2004: 3].

Определение булгар как предков казанских татар было сделано далеко не вчера. Например, А. П. Смирнов на конференции 1946 г., отвечая на вопросы, сказал об этом достаточно ясно: «Основной упрек заключался в том, что я ставлю знак равенства между булгарами и татарами. Ни в своих тезисах, ни в докладе я этого не делал. Я говорил о булгарах как о предшественниках татар, как об одном из основных компонентов, который вошел в состав татарского народа» [Смирнов 1948: 148]. Булгарский компонент в этногенезе казанских татар сегодня признается однозначно. Однако начиная с XIII в. татары подверглись сильной кыпчакизации. Поэтому исследователи разделились на так называемых булгаристов и татаристов. Хотя истина где-то, как всегда, посередине.

Изучение этнической принадлежности и страны происхождения булгар началось еще в XVI в. В XIX–XX вв., опираясь на более или менее удовлетворительные лексические соответствия булгарского языка с тюркскими языками, они были названы родственными гуннам и монголам, а исходной родиной признаны Алтай и Западная Монголия.

По большому счету пока проблема истории и наследия булгар нисколько не сдвинулась с места. В этом плане приходится повторить то, что было сказано еще в середине XX в.: «Утверждения сторонников булгарской теории, что чувашаи — прямые потомки булгар, не выдерживают критики» [Егоров 1953: 75]. Кроме того, нет никаких доказательств того, чтобы чувашаи когда-либо называли себя булгарами [Golden 1992: 397].

Этнoним

В литературе само слово *булгар* как экзоэтноним выводится из тюркского *буһа* «смешивать»; «мутить»; «вредить»; «сеять смуту» (ср. чуваш. *пӑлхав* — «бунт»; *пӑлхат* — «мутить»). Игнорирование чувашского прочтения этнонима *булгар* до сих пор вызывает вопросы типа: «Являются ли булгары “смешанными” или “восставшими”?» [Маенхен-Гельфен 2010: 451]. Т. е. нам следует учесть оба значения в одном слове. В казанском наречии *бөлгөт* имеет значение «мутить», «взбалтывать», «делать болтушку», «месить», а также «смущать», «волновать» [Радлов 1905: 1713]. Согласно Дьюле Немету, булгары были сформированы из огуров и гуннов, а их наименование — *булгар* «смесь» — отразило этот процесс [Németh 1991: 129–130]. Но к концу своей жизни Дьюла Немет предпочитал значение «восставшие». Питер Голден считает, что *булга* «микс» подразумевает «смешанные». В то же время он подчеркивает, что такая этимология не является общепринятой, но она отражает суть конфедерации, состоявшей из многих племенных союзов [Golden 1980: 42; 2011: 143]. К значениям «микс», «смесь», «смешанные» склонялся Луи Базен [Bazin 1974: 651]. Латинскими вариантами этнонима являются *Bulgari*, *Bulgares* и *Vulgares*. Кожу и кожаные изделия, изготовленные в Волжской Булгарии, называли *булгар*, *булгары* [Радлов 1905: 1850]. Оригинальное самоназвание реконструируется как *bulgar* [Zimonyi 2014: 57], именно такое написание зафиксировано в латинских, арабских и русских источниках (а не *bolgar*).

В 70-х годах XI в. *булгар* как этническое название и как название города зафиксировано Махмудом Кашгарским.

Патриаршая летопись в описании событий 1229 г. булгар называет «казанцами» («болгаре, глаголемии казанци»), а в 1236 г. — «землю болгарскую, глаголемую казанскою» [ПСРЛ 9: 98, 104].

После XIII в. по известной причине среди булгар зарождается тенденция называть себя «казанскими тюрками», «казанскими мусульманами» или просто «мусульманами».

В 1370 г. князь Суздальский и Новгорода Нижнего Дмитрий Константинович посылает «рать на Болгарского князя Асана, еже ныне глаголются казанцы» [ПСРЛ 11: 12].

А в 1431 г. великий князь Василий II отправляет войска во главе с князем Федором Пестрым на булгар. «Он же, шед, взя их,

и всю землю их плени», — кратко сообщает об этом летописец [ПСРЛ 27: 102]. В этот раз город Булгар был полностью разрушен. Столица Волжской Булгарии практически прекратила свое существование. Южные территории Булгарии перешли под контроль московского княжества. Центром северных территорий стала Казань. С этого времени начинается формирование Казанского ханства, а заодно и нового этноса — казанских татар.

При описании событий 1524 г. население г. Казани и близлежащей округности летописи называют уже то «казанцами», то «татарами» [ПСРЛ 23: 203]. В 1552 г. царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, видя, как проливается кровь православных христиан, собрал многие силы и град великий Казань взял, говорится в житии царя Федора Ивановича. Притом население Казани и окрестной области летопись называет «нечестивыми болгарами» и «страной Болгарской» [ПСРЛ 14: 3–4]. А Русский хронограф использует фразу «болгары, иже наричются казанцы» [ПСРЛ 22, 2: 175].

Все эти факты, естественно, говорят об идентификации со второй половины XIII в. по XVI в. булгар с казанскими татарами. В литературе также сохраняется тенденция использования сложного этнонима — «булгары (татары)», «булгары (татары Поволжья и Приуралья)» [Мухамадиев 2011: 80, 81, 85].

По инициативе местной интеллигенции к концу XIX в. появляется ностальгия по утраченной Волжской Булгарии — родине казанцев. Так, в начале XX в. Гаяз Исхаки в произведении «Исчезновение через 200 лет» называл своих соплеменников не татарами, а булгарами [Ахунов 2010: 10]. Он сожалел, что народ может исчезнуть, если не будут приняты меры по его сохранению и развитию.

В то же время поиск древних корней булгар в Центральной Азии следует считать бесперспективной задачей. Даже предлагавшиеся ранее тюркские этимологии этнонима *булгар* не обязательно приводят в Центральную Азию. Там этот термин не был известен ни в раннесредневековый период, ни в предшествующие ему периоды. Притом форма *булгары* используется только в некоторых русскоязычных публикациях. Во всей западной литературе (латинице) всегда писали и пишут *bulgar*.

История

Часть современных историков полагает, что отдельные подразделения болгар появились на Северном Кавказе в I — середине IV вв. (например, [Чеченов 2014: 288–289]). Пока же многие исследователи продолжают считать, что первое упоминание болгар относится к 354 г.: в форме *Vulgares* у латинского Анонима в его «Хронографии» [Mommsen 1892: 105].

Во времена Аттилы болгары были в сфере влияния гуннов, а также воевали в составе их войск [Németh 1991: 147], хотя речь не идет о полном подчинении. В 493, 499 и 502 гг. болгары (*Βούλγαροι*) совершают опустошительные походы в северные пограничные области Византийской империи [Чичуров 1980: 75; Moravcsik 1983: 108]. Притом у Феофана Исповедника имеется уточнение: «И возвращаются назад, прежде чем о них узнали» (501/502 г.) [Феофан 1980: 25, 49]. (См. также: [Комит 2010: 77]). Например, в 499 г. у реки Цурты произошло сражение между болгарами и иллирийцами, в бою полегло более 4000 человек. Но источник не уточняет: цифра относится к обеим сторонам или только к иллирийцам? Видимо, речь идет о погибших воинах из войска под командованием иллирийца Ариста, ибо автор источника, прежде всего, говорит о византийских событиях. Из контекста следует, что до конца V в. болгары дальние походы не совершали и не были известны в византийских землях. К началу VI в. они уже приобрели военный опыт внезапного появления и исчезновения. Под 499, 502, 515, 530 гг. Комит Марцеллин также повествует об иллирийско-фракийско-булгарских войнах [Комит 2010: 86, 119, 120].

Под 538–539 гг. Феофан отмечал крупные военные столкновения между болгарами и византийцами. Хотя, говоря об этих действиях, Малала, чьим компилятором являлся Феофан, повествовал не о булгарах, а о гуннах. Понятно, что в эти времена гуннов в этническом смысле уже не было. В 555 г. Захария Ритор писал, что бургары имели города [Захария 2011: 595]. Согласно Михаилу Сирийцу, который опирался на «Церковную историю» Иоанна Эфесского (умер в 586 г.), Сасанидский царь Бахрам VI Чубин решил восстать против юного ромейского ставленника Хосрова на Кавказе. Поэтому Хосров за помощью обратился к ромейскому царю Маврикиану (582–602 гг.). Маврикиан отправил для поддержки

Хосрова армию, в числе которой были армяне и булгары в количестве 2000 человек [Сириец 1960: 36]. Судя по контексту, событие произошло в 590 г. или сразу после этого, но не позднее 602 г. Значит, в эти годы в составе ромейских войск на Кавказе (скорее всего, на территории Армении) были и булгары.

В 626 г. булгары осаждали Константинополь [Чичуров 1980: 98]. Под предводительством Кубрата в 635 г. ими было сокрушено аварское могущество в Причерноморье. С угасанием власти тюрков в эти годы в западных степях набирают силу булгары и хазары. В результате возникло новое государство Великая Булгария со столицей в Фанагории. Так пишут многие исследователи [Кляшторный 2009: 171–172; Golden 2011: 148; Измайлов 2012: 178]. Однако имеется и другое мнение, согласно которому «связь между образованием Великой Булгарии и распадом Западно-Тюркского каганата в 630-е гг. не прослеживается ни хронологически, ни сущностно» [Галкина 2011: 7].

После смерти властителя булгар и котрагов Кубрата (*Κοβροῦτος*, Куврат) у него остались пять сыновей. Дата его смерти указывается по-разному: от 642 [Семенов 2013б: 61] до 665 г. [Рашев 2006: 46]. Сторонники 665 г. ссылаются на «Именник болгарских ханов», где говорится о Безмере, занявшем престол после смерти Кубрата в *шегор вечем*, т. е. в год вола, что соответствует периоду с 665 по 668 г. Безмер — это старший сын Кубрата Баян (Батбаян).

Находясь при смерти, Кубрат завещал сыновьям ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, чтобы они властвовали над всем и не попадали в рабство к другому народу. Однако сыновья поступили как раз наоборот: они удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом. Исследователи по-разному трактуют этот рассказ: одни считают его просто легендой, другие считают сведения Феофана достоверными. Первый сын Батбаян/Ваян (имя аварского кагана), храня завет отца, остался на месте. Затем Батбаян попадает под данничество хазар. Второй, Котраг, перешел реку Танаис (Северский Донец) и поселился напротив первого брата. Третий, Аспарух, переправился через Днепр и Днестр и, дойдя до местности Огл (*Onglos*) севернее Дуная, поселился там. Как полагают болгарские археологи (например, Рапо Рашев), местность Огл находилась в Северной Добрудже к западу и к северу от Дуная, ограничиваясь на востоке побережьем Черного моря.

При этом Аспарух рассудил, что место это укрепленное и неприступное, ибо вокруг реки и болота. Видимо, он опасался хазар. Позже, вступив в сражение с ромеями, Аспарух прогнал противника до Варны. Здесь болгары покорили славянов и северов. Напуганный василевс был вынужден заключить с булгарами мир. Четвертый и пятый сыновья переправились через Истр (Дунай). Один остался в подчинении аваров в Паннонии, а другой, достигнув Пентаполя, попал под власть христиан (иначе — византийцев) [Феофан 1980: 60–62; Никифор 1950: 363].

В своей ранней истории хазары входили в военно-политический союз савиров, известный из источников как «Страна гуннов» [Гмыря 2012: 3]. Весь VII в. савиры и хазары состояли в едином военно-политическом союзе. В 670 г. хазары в союзе с венграми громят болгар [Рона-Таш 2005: 117]. О конфликтах между хазарами и булгарами в письме Иосифа говорится довольно прозрачно: «В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы (т. е. болгары. — А.С.). Наши предки, хазары, воевали с ними, В-н-нт-р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они (булгары. — А.С.) оставили свою страну и бежали, а те (хазары. — А.С.) преследовали их» [Коковцев 1932: 92]. Выходит, в это время не только хазары, но также савиры (союзники хазаров) воевали против болгар.

После распада империи гуннов савиры на Кавказе в V–VIII вв. не имели себе конкурентов в военной силе. Именно тогда болгары были серьезно потеснены савирами [Гумилев 2007: 261] и хазарами [Golden 2008: 235]. Затем савиры состояли в военно-политическом союзе, возглавляемом Хазарским каганатом. Они по призыву кагана выступали против внешних врагов Хазарии, в первую очередь арабов. Более того, и накануне прихода на Среднее Поволжье болгары и савиры обитали врозь.

Историк В. Д. Димитриев считал, что изменение этнического состава населения Среднего Поволжья было связано с вторжением сюда в VII в. болгарских и в VIII в. суварских племен [Димитриев 2003: 7]. Однако археологические материалы показывают, что болгары пришли в Среднее Поволжье во второй половине VIII в. В качестве причины называют арабо-хазарские войны [Казаков 1982: 390]. Временем откочевки болгар на Среднюю Волгу считал VIII в. и А. П. Новосельцев [Новосельцев 1990: 75]. См. также

[Zimouyi 1990]. Питер Голден пишет, что государство Волжская Булгария формировалось в период со второй половины VIII в. до второй половины IX — начала X в. [Golden 2013: 52]. Достоверны и близки к исторической действительности взгляды Андраша Рона-Таша на хронологию булгар. По его мнению, Булгарская империя к началу миграции на Волгу располагалась не в Прикубанье и Предкавказье, а между реками Донец и Южный Буг. Булгары, на его взгляд, находились тогда в зависимости от хазар. В 737 г., воспользовавшись нападением арабского полководца Мервана на хазар, они двинулись вверх по Волге [Рона-Таш 2011: 134]. О перемещении в конце VIII в. из районов Северного Причерноморья и Приазовья в регион Волго-Камья племен салтово-маяцкой культуры пишут и другие исследователи [Надырова 2010: 21]. Заодно прерывается прямое подчинение булгар хазарам. Булгары поднялись вдоль по Волге, пока около 750 г. не дошли до Самарской Луки. А согласно нумизматическому материалу, в конце VIII в. они были в районе Больших Тархан. Здесь археологи открыли самые ранние булгарские памятники. К концу VIII в. они оказались на Каме [Róna-Tas 1996; Дмитриева, Адягаши 2001: 155].

Как видим, булгары пришли на территорию будущей Волжской Булгарии в конце VIII в., а сувары — в самом конце IX в. Еще раз заметим: булгарские и савирские племена пришли на Волгу отдельно друг от друга. Более того, после распада гуннского союза савиры начали сильно притеснять булгар. Возможно, это также стало причиной (дополнительной или основной — вопрос открытый) ухода булгар с плодородных земель региона Северного Кавказа и Дона. Как утверждают источники, в первой половине IX в. была вторая волна переселения булгар на Волгу. Подавление восстания сторонников старой религии в Хазарии — каваров (видимо, также булгар и суваров) — в 830 г. породило и другое историческое событие: недовольные булгары (т. е. оставшаяся их часть) двинулись на Дунай и в Волго-Камье [Плетнева 1997: 46]. По мнению Иштвана Зимони, булгары на землях Волжской Булгарии появились за два десятилетия до Ибн Фадлана [Zimouyi 2014: 156–157]. Должно быть, речь идет о второй волне.

Серьезной причиной ухода суваров, а также остатков булгар на Волгу стало движение печенегов. Как показывают археологические, нумизматические и лингвистические данные, в 895 г. идущие

в западном направлении печенеги разгромили передовые позиции хазар [Zimony 2014: 265]. Вполне возможно, часть оставшихся болгар постепенно была уничтожена, а часть влилась в состав печенегов [Zhivkov 2015: 129]. Именно тогда савиры и третья волна болгар уходят на Среднее Поволжье.

Главным врагом Волжской Булгарии во времена царствования Алмуша была Хазария. Алмуш ежегодно платил царю хазар от каждого дома в его государстве по шкуре соболя. Из рассказа Ибн Фадлана видно, что сын болгарского царя находился в заложниках у хазарского царя. «До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя “славян”, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой... Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя “славян”, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой» [Ибн-Фадлан 1956: 141]. Булгарский князь решил построить крепость и защищаться от «иудеев, поработивших его». Видимо, будучи на Средней Волге, в начале X в. сувары продолжали считать себя союзниками Хазарии. В такой ситуации между булгарами, находившимися в самых прохладных отношениях с Хазарией, и савирами, союзниками хазар, не могло быть взаимопонимания. Не было добрых отношений булгар и с другими соседями. Так, согласно Ибн Русте и Гардизи, во второй половине IX — начале X в. они совершали грабительские набеги на буртасов, уводили их в плен [Ибн-Даства 1869: 24; Заходер 1967: 24].

К началу X в. в Волжской Булгарии родовой строй был изжит. К этому времени сформировалось классовое общество дофеодалного типа: производителями являлись общинники, однако в хозяйстве использовался и труд рабов. В стране имелись четыре общепризнанных царя (князя) [Ибн-Фадлан 1956: 27, 35, 132]. Видимо, по идее они должны были занимать трон в определенной последовательности. Именно эти цари встречали 12 мая 922 г., в воскресенье, багдадское посольство.

Центром государства Волжская Булгария был город Булгар. «Из него выходит до 20 000 всадников», — сообщает источник «Худд ал-‘алем» [Бартольд 1930: 32]. Согласно этой рукописи, вблизи

города Булгар находился другой город — Сувар. Однако, по Ахмеду Ибн Фадлану, города Суvara еще не существовало. Переправившись через реку Утку, он никакого города на этом месте не упоминает, так как он тогда еще не существовал. Речь может идти не о городе, а поселении — центре суварского племени. Однако и позже город носил только номинальное наименование Сувар, ибо основная часть племени проживала на правом берегу. В городе Сувар жила лишь та небольшая часть суваров, которая приняла ислам. Вскоре они обугарились. Во время татаро-монгольского нашествия Сувар, оказавшись форпостом, был и вовсе стерт с лица земли. Остались лишь руины и фундаменты зданий.

В начале X в., согласно источникам, у Алмуша сородичей было то ли 500, то ли 5000 человек [Заходер 1962: 26]. А в конце X в. киевские князья воевали с волжскими булгарами. Союзниками киевлян были гуззы (огузы). По сообщению Ал-Бекри, булгары к этому времени были малочисленны и составляли около 500 отцов семейств [Ал-Бекри 1879: 63]. Иштван Зимони, подойдя к этому подсчету критически, полагает, что общая численность населения волжских булгар могла превосходить 100 000 человек [Zimonyi 2014: 180]. В 997 г. Владимир Святославович ходил «на болгары волжские и камские, и, одолев, плени их» [ПСРЛ 9: 66]. Вторая половина X — начало XIII вв. заполнены вторжениями в булгарские земли. Например, в 358 г. х. (968–969 гг.) русы, промышлявшие в этих местах за шкурками и мехами диких зверей, разрушили Булгар [Ибн Хаукал 2009: 89–90].

В 1117 г. к булгарам пришли половцы. Князь булгарский дал им питье с отравой: были отравлены хан Аепа и другие половецкие князья [ПСРЛ 2: 285]. В 1164 г. князь Владимирский Андрей Боголюбский со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Гюргем (Юрием) идет в Болгарскую землю. Был взят славный город булгар Брякимов (Бряхимов) и сожжены три города. Булгар иссекли множество, стяги их отняли, а сам Андрей воротился с победой, гласят летописи [ПСРЛ 1: 352; 20, 1: 122–123; 23: 46]. В 1172 г. ордынский царь Саин на Волге, в устье реки Камы, на месте бывшего булгарского города Бряхова, основывает город Казань [ПСРЛ 19: 13]. В 1182 г. русская конница подошла к великому городу серебряных булгар. Булгары, увидев множество противников, затворились за стенами [ПСРЛ 2: 625].

В 1202 г. монголо-татарские войска подошли к границам Волжской Булгарии и остановились, тут они и провели зиму [ПСРЛ 20, 1: 155]. В 1220 г. князь Святослав с полками и воеводами осадил болгарский город Ошел и сжег его [ПСРЛ 1: 444; 20, 1: 150; 23: 67–68]. А по Симеоновской летописи, это событие произошло в 1221 г. [ПСРЛ 18: 51]. Или одна из летописей ошибается, или в поход выступали два года подряд, что весьма сомнительно. В 1229 г. монголы оттеснили болгарские сторожевые отряды с Яика. Перед лицом реальной угрозы болгары отправили послов в Русь с предложением мира. Видимо, была мысль совместно обороняться от грозного врага. Соглашения не последовало, и болгарам одним пришлось отражать наступление, в котором они имели временный успех [Оллсен 2008: 356].

В 1231 г. татаро-монголы близко подошли к Великому граду Булгары, однако остановились и перезимовали там же [ПСРЛ 28: 209]. Согласно другим источникам, это произошло в 1232 г. [ПСРЛ 23: 73; 30: 87]. В 1236 г. основные силы монголов у Булгара встретились с родом Джучи: с Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом. В походе участвовали все четыре ветви ханской фамилии. А зимой против народа булар был направлен и Субэдай (Сүбэгэтэйбагатур, Субутай, Subutai bahadur) [Рашид-ад-дин 1960: 37–38; Данзан 1973: 228; Bretschneider 1910: 309]. «Они сошлись все вместе в землях булар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен» [Джувейни 2004: 185]. Пришли безбожники тотарове, «град их сожгоша», плениша всю землю Болгарьскоую, град их Великий взяша и иссекоша вся жены и дети, а инии в полон взяша, сожалеют русские летописцы [ПСРЛ 1: 514; 4, 1: 214; 6, 1: 287]. О том, что болгары были совершенно разгромлены татарами в конце 1236 г., свидетельствовал и венгерский монах Юлиан [Аннинский 1940: 83]. «Болгария пала, не будучи в состоянии отразить даже авангарда монгольских войск, шедшего под предводительством Субутая» [Грум-Гржимайло 1926: 463]. Был сожжен дотла, например, великий город Биляр. Мощные углистые прослойки, прослеженные археологами в верхних горизонтах, свидетельствуют о гибели города

именно от пожара. Все это хорошо согласуется с летописными сведениями [Казаков и др. 1968: 133].

Вскоре Булгар был восстановлен. Это было при Батые. Хан Батый сам в 1242–1246 гг. жил в этом городе. Примерно в те же годы были построены еще несколько городов. Например, возник Эстерхан (чуваш. *Астӑрхан* — Астрахань). Затем в Булгаре и Сарае находились ставки хана Берке (1257–1266 гг.) [Поло 1997: 193]. Итак, в 1236 г. столица Волжской Булгарии город Булгар был разрушен, но вскоре восстановлен. Поэтому «все постройки и надписи, сохранившиеся в нем теперь, относятся к эпохе монгольского владычества» [Бартольд 1968: 136] и к более позднему времени.

Археологические исследования, производившиеся на территории городища Булгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Это архитектурные обломки и бытовые вещи. Первые относятся к XIV в., вторые состоят из керамики золотоордынского времени и обломков китайского фарфора, датируемого XII–XIV вв. Таким образом, расцвет города Булгара относится к XIII–XIV вв. [Смирнов 1951: 228].

«Во второй половине XIV — начале XV веков 32 города и около 2000 селений Болгарской земли были уничтожены золотоордынскими ханами и эмирами, кочевыми ордами, Тамерланом, совершившим сюда походы в 1391 и 1395 годах, походами русских князей и новгородских ушкуйников... Территория Болгарской земли превратилась в дикое поле, где стали кочевать мангыты (ногайцы)» [Димитриев 2003: 10].

В 1370 г. булгарский престол занимает представитель русского княжества, который стал контролировать торговые дела. Много вреда было нанесено столице Булгарии и всему государству ушкуйниками, грабившими города. Например, в 1374 г. они взяли Булгар и хотели сжечь его. Город был спасен денежным откупом [ПСРЛ 28: 239; 34: 121]. В 1376 г. русские войска вновь напали на Булгар. Состоялась жестокая битва. Булгарские князья Осан и Махмат вышли к русским и откупились деньгами [ПСРЛ 25: 192]. В 1382 г. хан Тахтамыш посылает свои войска в Булгары и повелевает им грабить русских и других торговцев, а суда их с товарами отнять и препроводить к себе [ПСРЛ 4, 1: 327; 6, 1: 471–472]. Говоря об этом событии, летописец отождествляет названия городов Булгар и Казань: «Град нарицаемый Болгары, еже есть Казань

на Волзе» [ПСРЛ 11: 71]. Этот летописный факт свидетельствует о том, что центром Булгарского государства в то время становится уже не город Булгар, а Казань. В 1395 г. русские воеводы взяли города Булгар (Болгары Великия, Болгары Великы), Жюкотин (Жюкотинь), Казань (Козан) и Кеременчюк (Кеременьчюк, Корменьчюк), побыли там три месяца, повоевали и возвратились «с многою корыстию». Так следует из летописей [ПСРЛ 4, 1: 380; 17: 46–47; 22, 1: 423]. По «Степенной книге» это событие произошло в 1396 г. [ПСРЛ 21, 2: 417–418]. Согласно одному варианту Патриаршей летописи, были взяты города Болгар и Жукотин, согласно другому — Казань и Кеременчюк [ПСРЛ 11: 164]. По другим летописям, взятие Болгар Великих, Жукотина, Казани и Корменьчюка произошло в 1399 г. (6907 г.) [ПСРЛ 6, 2: 5–6; 18: 280; 28: 253]. Как видим, по данному событию зафиксированы не только разные даты, но и города. Все это говорит об интенсивных походах на Среднее Поволжье и об идентификации городов Булгара и Казани как столичных городов.

В период Казанского ханства торговля занимает еще большее место. Татарские купцы становятся известными в Евразии как активные торговцы [Валеев 2011]. Сувары же занимались земледелием, скотоводством, обменивали излишки на товары, производимые булгарами, а затем и татарами.

В самом начале XVIII в. голландский путешественник Корнелий Бруин, путешествовавший по Московии, назвал в числе российских городов и Булгар. Согласно его записи, г. Казань находится между страной Булгария и черемисами [Бруин 1989: 90,148]. А это значит, что в то время еще продолжали бытовать топонимы Булгар и Булгария.

География

Желая определить район упоминания булгар (*Vulgares*) латинским хронографом в 354 г. [Mommsen 1892: 105], А. П. Новосельцев остановил свой выбор на Западном Предкавказье [Новосельцев 1990: 73]. Он также сослался на Иордана. А Иордан, описывая события IV–V вв., заметил: «Над Понтийским морем места расселения булгар» [Иордан 2013: 67]. Е. Ч. Скржинская уточнила, что под

булгарами Иордан подразумевал гуннские племена северо-восточного Причерноморья. Однако Иордан, должно быть, все-таки имел в виду болгар, в соединении с антами и склавенами нападавшими на пограничные районы Иллирика и Фракии [Скржинская 2001: 217–218]. Поэтому следует под племенами болгар, упоминаемыми Иорданом, понимать ту их часть, которая позже ушла на Балканы. Именно так понимал и М. В. Ломоносов [Ломоносов 1952: 188].

Сирийский историк Захария Ритор в 555 г. в числе первых за Каспийскими (Дербентскими) воротами назвал бургар, т. е. болгар. Их непосредственными соседями являлись сабиры и аланы [Захария 2011: 595]. В 90-х гг. VI в. основная масса болгар жила на Северном Кавказе. Их соседями здесь были оногоры и савиры. О местоположении Оногории в «Космографии» Анонима Равеннского (конец VII в.) записано: «Затем у Понтийского моря расположена страна, которая называется Оногория и которая находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота, как точно определил философ Ливаний» [Аноним 2002: 192]. Видимо, имеется в виду греческий ритор IV в. Ливаний. Есть мнение, согласно которому название *Оногория* получилось от неверного прочтения *Phanagoria* — греческого города Фанагории в Керченском проливе. Тем не менее верен утвердившийся взгляд о происхождении названия страны от названия племени оногуров (*Ονόγουροι*), обитавших в районе Меотиды и Северного Кавказа [Подосинов 2002: 251–252]. Хотя в «Космографии» содержится противоречие (у Понтийского моря — у Меотиды), данный источник правдоподобен. Савиры же обитали и в основном перемещались на северо-восточном побережье Кавказа, а болгары — на северо-западе Кавказа. Они были географическими соседями, входили в разное время в разные конфедерации. Этот факт говорит о том, что на Кавказе савиры и болгары не смешивались.

Под 631 г. в источнике говорится о болгарях в Паннонии [Фредегар 2015: 227]. Однако их, болгар в Западной Европе, уже следует различать от болгар, обитавших на юге Восточной Европы.

Говоря о событиях 673 г., константинопольский патриарх Никифор заметил, что около Майотидского озера, по реке Кофин, была расположена издревле известная Великая Болгария (*μεγάλη Βουλγαρία*) [Nicephor 1880: 33; Никифор 1950: 363]. Имеющиеся исторические источники и литература позволяют делать досто-

верные выводы лишь о юго-восточной границе Великой Булгарии. Ориентир — река Куфис (Кубань). А данные по археологии и нумизматике свидетельствуют о расположении политического центра по Днепру [Феофан 1980: 60–61; Чичуров 1980: 161–162; Галкина 2011: 6–7, 14]. В целом выясняется: Великая Булгария под руководством Кубрата контролировала территории между реками Кубань и Днепр. Полагают, что жители Великой Булгарии имели зимнюю и летнюю ставки. Зимняя была где-то у моря, а летняя — на северной границе степи [Рашев 2006: 44]. Власть верховного правителя осуществлялась главным образом через гарнизоны и ставленников, которые имели право и обязаны были собирать дань и пресекать возможные беспорядки. Взгляд именно через такую призму показывает, что Кубрат был одновременно правителем основной группы булгар, а именно оногундугов, обитавших рядом (вероятно, к востоку от реки Кубань), а также котрагов [Stepanov 2016: 383384].

В 737 г. арабские войска во главе с полководцем Мерваном достигли города ал-Байда (*Атил*), в котором пребывал хазарский царь. Хакану пришлось покинуть столицу. Мусульмане добрались и до земель, расположенных за Хазарией. Они совершили набег на земли славян (сакалибов, т. е. булгар) и дошли до реки *нахр ас-Сакалиба* (Дон) [Ал-Куфи 1981: 50]. Что касается черных булгар, то речь идет о части булгарских племен, выделившихся после распада во второй половине VII в. Великой Булгарии. Это потомки орды старшего сына Кубрата Батбая. В 737 г. именно он, используя арабское нападение на хазар и избегая разгрома, отправился во главе своего племени вверх вдоль Волги [Рона-Таш 2011: 134]. Такая точка зрения поддерживается и казанскими археологами. Согласно археологическим данным, считается, что на территории Татарстана булгары появились именно в конце VIII — начале IX в. [Фахрутдинов 2011: 66]. Савиры же остались в южнорусских степях формально в составе Хазарского каганата.

По состоянию на конец IX — начало X вв. Булгария была смежной с землей бургасов. От земли бургасов до земли булгар насчитывалось три дня пути. Река, на которой жили булгары, называлась Игиль, протекала она между землями хазар и славян и впадала в Хазарское море. Территория Булгарии состояла из болотистых местностей и дремучих лесов [Ибн-Фадлан 1956: 136; Ибн-Даста

1869: 22–23]. Согласно аль-Балхи, в 920 г. владения Рума соприкасались и с Булгарией, а сам город Булгар был небольшим поселением, служащим гаванью [Аль-Балхи 1960: 274, 276]. *Bulghār* — город, которому принадлежит небольшая провинция на берегу реки *Atil* [Minorskt 1970: 163]. Ал-Бекри также помещал земли блкâров рядом со страной фрдâсов и славян. Жилища булгар находились на берегу Итиля [Ал-Бекри 1879: 62–63].

Ахмед Ибн Фадлан последовательно перечислял реки, которые пересекало посольство. Это Джарамсан (Большой Черемшан), Уран (Урень), Урам (Урым), Байнах (Майна), Ватыг (Утка), Нийасна (Неясловка), Джаушыр (Гаушерма) [Ибн Фадлан 2016: 32]. Хорошими ориентирами для определения местоположения булгар в X в. являются речки Джаушыр (Яуширма) и Утка. В середине лета из района Трех Озер в бассейн реки Джаушыр перекочевывали сам Алмуш и знать со всеми стадами. Таким образом, эти места служили пастбищем на время, пока около Трех Озер у Волги обновится трава. Как подсчитал А. П. Ковалевский, царь оставался у реки Джаушыр целых два месяца. Говоря о местонахождении речки Джаушыр, А. П. Ковалевский писал: «Я полагаю, что это современная речка Гаушерма выше по Каме, недалеко от бывшего булгарского города *Ṣakatu* — “Жукотина” и нынешнего Чистополя» [Ковалевский 1954: 33]. Должно быть, речь идет о реке Шентале, впадающей в Каму между нынешними районными центрами Алексеевским и Чистополем. Согласно Ибн Фадлану, здесь находилась обширная степь, были и деревья. Естественно, для летнего содержания скота это были идеальные места.

Исследователи обращают внимание на факты, указывающие на детальную осведомленность Ибн Фадлана о хазарах. Поэтому считают, что обратный путь арабского миссионера лежал по Волге к Каспию. «Это возвращение, очевидно, произошло не ранее весны 923 г.» [Заходер 1967: 184].

По Ибн Хаукалу, непосредственными соседями булгар значатся славяне, русы, башджарты, бургасы, хазары, печенеги [Ибн Хаукал 2009: 88]. Как видим, данный источник суваров близкими соседями булгар не называет. В это время (середина — конец X в.) сувары действительно были на другой от булгар (правой) стороне Атыла. Источник, говоря о событиях 985 г., отметил, что Булгар расположен по двум сторонам реки [Ал-Мукаддаси 1994: 289].

Однако он не уточняет, речь идет о городе или стране. Конечно, говорится о стране в целом, ибо действительно к этому времени границы Булгарии расширились. Например, болгары оставались на левобережье, а сувары почти в полном составе обитали на правобережье. Далее отмечено, что Булгар (город) расположен на Итиле, Сувар — на этой же реке.

В литературе имеется определение границы расселения болгар в XI–XII вв. Считается, что северная граница государственной территории Волжской Булгарии проходила по реке Казанке, западная — по Свияге, частично заходя на ее левый берег, восточная — по реке Шешме, а южная достигала Жигулевских гор. Конечно, политический статус внешних колоний и соседей мог быть различным и меняться в зависимости от общеполитической ситуации в регионе, но они в единое территориально-экономическое пространство Булгарского государства не входили [Руденко 2013: 20]. Не входили по большому счету в Волжскую Булгарию и сувары, бывшие южными (до 922 г.) и юго-западными (правобережными после 922 г.) соседями болгар.

Согласно источнику, «от [города] Исил до [города] Булгар по дороге степью около месяца, а по воде — два месяца, это вверх по воде, а вниз по реке — около двадцати дней пути» [Ал-Идриси 2006: 120]. Этот же автор поблизости города Булгар указывает город Сувар. Между этими городами составляло два дня пути. Все это значит, что Сувар находился в 70 км от Булгара. Столица Волжской Булгарии, по утверждению археологов, располагалась на месте городища близ Билярска (Алексеевский район Республики Татарстан).

В 1236–1242 гг. происходило массовое бегство болгар в восточном, северном и западном направлениях. Ушли они и из разгромленного города Суvara. Так на месте нынешнего города Чебоксары возник город *Веда-Суар* (по-чувашски *Вӑта Сӑвар* — «Средний Сувар») [Димитриев 2014: 115]. Ибн Са'ид в «Книге распространения земли в длину и ширину» назвал географические координаты города Б.р.гар («который называется у них ал-Булгар») — 45° 30' долготы и 57° широты [Ибн Са'ид 2009: 29], — что на современной карте значительно отклоняется от координат общепризнанного местоположения столицы Волжской Булгарии и почти совпадает с координатами г. Чебоксары (47° 15' в. д., 56° 08' с. ш.). Тут открывается много неясностей, и требуются дальнейшие исследования

географической направленности. Например, следует сравнить вычисления XIII в. и сегодняшнего времени и установить огрехи (отклонения) в измерениях. Однако вполне допустимо, что под Булгаром Ибн Са'ид имел в виду Веда-Суар.

Согласно Абу-л-Фиде (1273–1331 гг.), город Булгар расположен близ реки Атил, с северо-восточной стороны. По рассказам жителей, здесь в начале лета не исчезает вечерняя заря, а ночи бывают очень короткими. Такое наблюдение источник принимает за правдивое, ибо к северу от широты 48° 30' вечерняя заря в летнее время не исчезает [Абу-л-Фида' 2009: 125].

После военных действий XIII в. территории Волжской Булгарии оказались в неравном положении. Города и поселения южной части так и не смогли оправиться. В северной же части Улуса, не задетой войнами, активизировала экономическую жизнь [Зеленева 2013: 41].

Довольно пространной была география распространения булгарских монет: «В составе богатых кладов они обнаружены в различное время в Верхнем Поволжье, новгородской и псковской землях, в Прибалтике, скандинавских странах и Дании (монета, найденная в Дании, чеканена в Суваре)» [Фахрутдинов 1986: 100]. П. С. Паллас, побывавший на Булгарском городище в XVIII в., обнаружил надгробные памятники. Надписи на некоторых из них свидетельствовали, что усопшие родом из персидской провинции Шемахи, а один — из Ширвана [Паллас 1773: 193]. Естественно, эти люди прибыли в Волжскую Булгарию по торговым делам.

Булгары Поволжья и казанские татары (а также татары-мишари) занимают одни и те же территории (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье), что еще раз подтверждает их этническую преемственность.

Геногеография

Изучение генетической структуры популяций Кавказа по данным гаплогрупп Y-хромосомы свидетельствует о ближневосточном происхождении субстрата, участвовавшего в формировании народов региона. Наиболее высокие частоты гаплогрупп здесь G-M201 и J-12f2. Подобное распределение частот гаплогруппы характер-

но только для народов Кавказа и не встречается больше нигде в мире. В свою очередь, генетики делят Кавказ на два субрегиона. Для восточной части Северного Кавказа (андийцы, аварцы, багуалинцы, чамалинцы, чеченцы, даргинцы, ингуши, кумыки, лезгинны и табасараны) характерна высокая частота гаплогрупп J1-M267 и R1b1b2-M269, а для западной части Северного Кавказа и Южного Кавказа (абазины, адыги, балкарцы, черкесы, кабардинцы, карачаевцы, осетины, мегрелы, армяне и абхазы) — G2-P15, J2-M267 и R1a1a-M198.

Основное население балкарцев живет в трех крупных ущельях (Баксанском, Черекском и Чегемском), разделенных горными массивами. В результате генетического исследования не выявлено подразделенности групп, что позволяет говорить о единстве генофонда данной этнической группы. Популяции балкарцев оказались близки к европейским [Боготова и др. 2009: 23].

По линии мтДНК самой частой у балкарцев является гаплогруппа H (25%). С наибольшей частотой гаплогруппа H выявлена в Западной и Северной Европе — 40–60%, со средними значениями — в Северной Африке, Турции, Восточной Европе (20–40%), с низкой частотой — в странах Ближнего Востока, Индии, Центральной Сибири (менее 20%). На Кавказе эта гаплогруппа с наибольшей частотой встречается у армян (30%), адыгов, абазин, ингушей (по 28%), с наименьшей — у грузин и осетин (по 18%) [Кутуев и др. 2009: 17].

Балкарцы сохранили исконный кавкасионский тип европеоидной расы. Субстратной основой этногенеза балкарцев были древнейшие горские кавказские племена, являющиеся носителями кобанской культуры. На втором этапе формирования балкарцы претерпели аланское влияние. На протяжении семи столетий аланы проживали с местными племенами от Эльбруса до Казбека. В VI в. сюда проникают тюркские племена, и начинается процесс тюркизации. Тем не менее балкарцы (как и карачаевцы) обнаруживают наибольшее генетическое сходство с народами нахско-дагестанской группы (с чеченцами, народами Дагестана), а не с тюркоязычными народами степей Причерноморья. Так, у караногайцев частота восточно-евразийских линий Y-хромосомы достигает 36, 8% и 17,2% у кубанских ногайцев, а у балкарцев частота восточно-евразийских линий составляет 3,7%. Как видим, анализ распределения частот

гаплогрупп мтДНК показывает, что лингвистическая принадлежность балкарцев, скорее, результат замены языка без значительного включения тюркского компонента в генофонд.

Древние болгары долгое время рассматривались как тюркская популяция. Однако выявленные за последние три десятилетия материалы показывают, что это не так. До сих пор эти свидетельства не включались в анализ древних митохондриальных ДНК. С целью заполнения пустот болгарские генетики собрали коллекцию останков людей VIII–X вв. из трех некрополей Болгарии: село Ножарево (Силистренская область), монастырь в селе Мостич (Шуменская область) — оба расположены в Северо-Восточной Болгарии — и Туховишта (район Сатовча) в Юго-Западной Болгарии. Филогенетический анализ 13 древних образцов ДНК (извлеченных из зубов) идентифицируют 12 независимых гаплотипов, которые подразделяются на гаплогруппы митохондриальной ДНК, имеющиеся среди населения современной Европы и Западной Евразии. Результаты свидетельствуют, что по матрилинейным показателям протоболгары имеют западно-евразийское происхождение, а также имеется генетическое сходство между прото — и современными болгарами [Nesheva et al. 2015: 20–23].

Исследователи (такие как Петер Коледаров, Петер Добрев и Георги Бакалов) отвергают идею хунно-татарского (тюркского) происхождения болгар. Их отказ от хунно-татарского происхождения основан на архео-антропологических, исторических, лингвистических и этнографических доказательствах. За последние три десятилетия число приверженцев такого взгляда растет.

Чтобы минимизировать возможные огрехи, генетики проанализировали человеческие останки, найденные в разных районах Болгарии и в разные периоды существования первого болгарского государства — Дунайской Болгарии (VIII–X вв.). Население Дунайской Болгарии главным образом состояло из болгарских и славянских племен, которые оккупировали районы проживания древних фракийских племен. Булгары практиковали типичные погребальные традиции, тогда как славяне практиковали кремацию. Основываясь на этих, а также на исторических и антропологических данных, проанализированные останки признают болгарскими.

Болгарские генетики сравнили гаплогруппы древних образцов с ранее проанализированными пробами. Основные гаплогрупп-

пы Н (Н, Н1, Н5 и Н13) распространены в европейской популяции и имеют частоту 41,9% у современных болгар, 7 из 13 образцов были отмечены в протоболгарских образцах. Остальная часть древних мтДНК принадлежит к одной из следующих западно-евразийских гаплогрупп: HV1, J, J1, T, T2 и U3. Они встречаются у современных болгар с частотами 0,2%, 7,9%, 1,3%, 10,6%, 6,3% и 1,9% соответственно. Генетики не нашли никаких доказательств о наличии восточноазиатских (F, B, P, A, S, O, Y или производной M) и африканских (L) гаплогрупп. Таким образом, результаты не поддерживают теории монголо-алтайского, хунно-татарского и африканского происхождения болгар.

Также было установлено, что современные болгарские мтДНК и Y-хромосомы генофонда в подавляющем большинстве представлены западно-евразийскими гаплогруппами. С другой стороны, восточно-евразийские линии среди болгар представлены очень низкими частотами митохондриальных гаплогрупп C (0,2%), D (0,4%) и Z (0,1%) и также низкими Y-хромосомами гаплогрупп C, N и Q (каждый по 0,5%). А древние мтДНК в анализе человеческих останков протоболгар показали присутствие только западно-евразийских гаплогрупп [Karachanak-Yankova et al. 2015: 211].

Работа на древних болгарских образцах добавляет к генетической картине прошлого новые знания, представляя первые данные об образцах древних митохондриальных ДНК от лиц, которые населяли современную болгарскую территорию в VIII–X вв. Результаты показывают, что гаплогруппы, найденные в древних образцах, преимущественно шли из Западной Евразии. Этот вывод поддерживает концепцию западно-евразийского матрилинейного происхождения болгар и входит в противоречие с монголо-алтайской и хунно-татарской теориями. Сравнение древних болгар и современного евразийского населения (в том числе населения Волго-Уральского региона), свидетельствует, что, несмотря на разрыв во времени более чем одиннадцать веков, имеется генетическое сходство между древними и современными болгарскими.

Чтобы определить матрилинейные отношения между болгарскими и другими европейскими народами, генетики оценивали изменения митохондриальной ДНК в 855 образцах болгарских субъектов. Наблюдение вариаций мтДНК показывает, что болгарский митохондриальный пул в географическом отношении является

однородным по всей стране и характеризуется общей крайне высокой частотой западно-евразийских линий. Как показывает анализ принципиальных компонентов, болгары занимают промежуточное положение между восточноевропейским и средиземноморским населением, что согласуется с историческими событиями. В то время как население Средиземноморья можно возвести к фракийцам, коренным народам, изначально жившим на Балканах, то восточное влияние, скорее всего, восходит к протобулгарам и славянам, мигрировавшим из Северо-Восточной Европы. Как и ожидалось, болгарский генофонд почти полностью состоит из гаплогрупп, типичных для западно-евразийских популяций. Также прослеживается восточное влияние, которое, возможно, объясняется исходом протобулгар из стран Ближнего Востока [Karachanak et al. 2012: 497, 499, 502].

На сегодня изучены генофонды популяций с этнонимом *татары* трех регионов Евразии: крымские, поволжские и сибирские. Эти группы татар, с генетической точки зрения, оказались разнообразными, для них общий предковый генетический компонент не найден. Так, у крымских татар преобладает вклад переднеазиатского и средиземноморского населения. В генах поволжских татар преобладают варианты, характерные для Приуралья и Северной Европы, встречаются также переднеазиатские и центральноазиатские линии. Популяции сибирских татар еще разнообразнее: в одних значителен сибирский компонент, в других — генетические линии из Юго-Западной Евразии. Как видим, общность происхождения татар трех регионов отсутствует. И это несмотря на то, что их объединяет язык (тюркский) и вера (ислам, за исключением крышён). Например, в генофонде татар Альметьевского и Елабужского районов Татарстана преобладают западно-евразийские гаплогруппы мтДНК (H, U, T, J, W, I, R, N1). У казанских татар и мишарей митохондриальный генофонд включает западно-евразийский компонент (84%), а восточно-евразийский компонент составляет 16%. Казанских татар, мишарей и крышён объединяет высокая (более 60%) доля наиболее частых гаплогрупп Y-хромосомы — I1-M253, N1c-LLY22g, R1f-M198. Сочетание названных гаплогрупп характерно для населения Урало-Поволжья и севера Восточной Европы. Преобладание этого компонента может указывать на сохранение в генофонде татар Поволжья дотюркского автохтонного

(или, во всяком случае, до золотоордынского) населения региона [Балановский 2015; Балановская и др. 2016].

Популяционно-генетическое изучение населения Республики Татарстан показывает, что татарское население здесь подразделено на субэтнические группы: мишарей, тептярей и казанских татар. Притом тептяри и казанские татары оказываются в одном кластере с сельским русским населением, а мишари — в кластере с народами Поволжья. Подразделенности внутри этих трех субэтносов не обнаружено [Ельчинова и др. 2014: 619, 622].

Анализ полиморфизма митохондриальной ДНК и Y-хромосомы у казанских и туймазинских татар показал, что большинство обнаруженных гаплогрупп мтДНК характерны для народов Западной Евразии. Доля восточно-евразийского компонента у них мала — 11,4 и 23% соответственно. Мажорными гаплогруппами Y-хромосомы в обеих субпопуляциях являются R1a-Page07, N-M231 и I-M170. Притом у туймазинских татар, в отличие от казанских, относительно высока частота гаплогруппы R1b-M269, что указывает, по всей видимости, на эффект основателя в этой субпопуляции. Западно-евразийский компонент в изученных популяциях представлен гаплогруппами H, HV1, I1a, J1, K1, N, R2, T1a, T2, U1, U2, U4, U5, U5a, U5b, U8, V, V7, V13, W1, W3, W6, X2, Y1. Из них с максимальной частотой встречается гаплогруппа H, относящаяся к числу самых распространенных гаплогрупп мтДНК в Евразии. Ее частота составляет 40–50% всех гаплогрупп в большинстве стран Европы и около 20–30% гаплогрупп Ближнего Востока и Кавказа. У казанских татар ее частота составляет 20,8%, а у туймазинских — 25,2%. Восточно-евразийский компонент в изученных популяциях татар представлен гаплогруппами A, B4, B5, C4, D4, F1a, G2a, M3a и составляет 11,4% митохондриального пула у казанских татар и 23% — у туймазинских [Трофимова и др. 2013: 1466–1468]. Подавляющее большинство восточно-евразийских линий у татар либо уникально, либо встречается только у народов Волго-Уральского региона (линии гаплогрупп A, C, D, G). Полученная картина по распределению линий мтДНК у балкарцев и татар выглядит сходной. У обоих народов отмечается незначительное влияние пришлых кочевых племен (с момента возникновения Золотой Орды и позднее), несущих значительное количество восточно-евразийских линий [Кутуев и др. 2009: 20–21].

При рассмотрении гаплогруппы С–М130 обнаружилось, что она имеет азиатское происхождение. Так, самые высокие частоты этой гаплогруппы оказались среди бурят (83,6%), а также эвенков, нанайцев, ительменов и монголов. Среди народов Кавказа гаплогруппа С–М130 встречается с наибольшей частотой у караногайцев (10,5%) и у кубанских ногайцев (8,1%), у кабардинцев и адыгейцев. Что касается волго-уральских татар, то у них эта гаплогруппа встречается с крайне низкой частотой (порядка 2%), а у башкир — довольно редко или не встречается вовсе. Восточно-европейское и центральноазиатское влияние на народы Кавказа незначительное [Кутуев и др. 2010: 18, 21, 23].

Уровень генетических различий между субпопуляциями татар Республики Татарстан выше, чем у чувашей, и приближается к таковому у башкир [Васильева и др. 2013: 3]. Анализ популяционной структуры поволжских татар по данным о разнообразии мтДНК, в частности, показал, что татары Азнакаевского района не отличаются от башкир, а татары Буинского района — от чувашей. Авторы исследований объясняют это близостью азнакаевцев к Башкортостану, а буинцев — к Чувашии [Денисова и др. 2011: 389]. Но нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что буинские татары (в том числе мишари), по сути, ассимилированные чувашаи.

Антропология

В составе поволжско-приуральских татар выделяют четыре антропологических типа:

- 1) Понтийский тип — это мезокефалии, темная или смешанная пигментация волос и глаз, высокое переносье, выпуклая спинка носа, значительный рост бороды. Рост средний.
- 2) Светлый европеоидный тип — овальная форма головы, светлая пигментация волос и глаз, среднее или высокое переносье носа, среднеразвитая борода и средний рост. Ряд морфологических особенностей (строение носа, размеры лица, пигментация) сближает этот тип с понтийским.
- 3) Сублапоидный (волго-камский) тип — овальная форма головы, смешанная пигментация волос и глаз, широкое и низкое переносье, слабый рост бороды, среднеширокое лицо.

- 4) Монголоидный (южно-сибирский) тип — брахикефалия, темный оттенок волос и глаз, широкое и уплощенное лицо, слабое развитие бороды. Рост средний [Кравцова, Газимзянов 2011: 15–18, 154].

Антропологи связывают понтийский тип с салтово-маяцкой культурой. Этническая основа поволжских татар сформировалась еще в Волжской Булгарии. Татары этого региона проявляют несомненную близость к чувашам и узбекам, что говорит о тесном переплетении двух рас — европеоидной и монголоидной.

Понтийский тип, по данным Т. А. Трофимовой, у исследованных татар преобладает — 33,5% [Трофимова 1948: 34]. Он чаще встречается у татар и мишарей Чистопольского и Наровчатовского районов. Особенностью этих районов является населенность чувашами и мишарями, а также высокая взаимная ассимиляция (и даже унификация) за последние века.

Современные антропологи, анализируя краниологические серии волжских болгар домонгольского периода, выделяют морфологические комплексы, которые впоследствии прослеживаются в антропологическом облике поволжских татар. А антропологические материалы по эпохе Казанского ханства и последующим периодам свидетельствуют об их генетической близости к болгарскому населению. Выходит, антропологическая структура татар Среднего Поволжья и Приуралья складывалась в главных чертах еще в домонгольское время [Газимзянов 2001: 37]. Отсюда следует, что волжские татары являются наследниками болгар, формировавших антропологический тип в кавказский период своей истории. Краниологические данные дают также положительную связь волжских болгар и балканских болгар.

На Кавказе и в южнорусских степях кочевники-булгары, перейдя к оседлости и живя бок о бок с аланами, держались обособленно и сохраняли свой этнический тип. Верхнечирютовская серия черепов имеет небольшую монголоидную примесь, что характерно для болгарской краниологической серии Большетарханского могильника, а также для болгарских черепов могильника Нови-Пазар в Болгарии [Федоров, Федоров 1978: 59, 62].

Выяснено, что краниологическая серия из Дмитриевского комплекса в целом характеризуется чертами аланского (верхнесалтовского) антропологического типа: долихокранный тип черепа

со средним продольным и малым поперечным диаметрами, средней высотой, резко выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица. «Анализ показателей полового диморфизма и степень изменчивости краниологических признаков позволяют говорить о незначительной примеси людей болгарского (зливкинского) типа» [Бужилова 2010: 856].

Неоднородная антропологическая примесь татар практически отражает картину их исторического пути. Здесь есть европеоидный пласт (западносибирские татары), уральский длинноголовый монголоидный компонент, темный брахицефальный европеоидный и понтийский (в Чистопольском районе) типы. Среди всех исследованных татар преобладает темный европеоидный (понтийский) тип (33,5%) [Трофимова 1949: 231]. Однако следует помнить, что Чистопольский и Нурлатский районы населены в основном кряшенами, мишарями и чувашами. Как известно, понтийский тип характеризуется относительной длинноголовостью, темной или смешанной пигментацией волос и глаз, высоким переносем, выпуклой спинкой носа, значительным ростом бороды. Этот тип представлен более чем у трети татар — от 28% у кряшен Чистопольского района до 61% у мишар Нарочатовского и Чистопольского районов. Этот тип у сибирских татар не известен. В палеоантропологическом материале он хорошо выражен у домонгольских булгар, в современном — у карачаевцев, западных черкесов в восточной Болгарии, у местного болгарского населения, а также у части венгров [Халиков 1989: 34–35]. Сопоставление черепов тюркских племен, входивших в состав Золотой Орды, с черепами чувашского типа приводит к отрицательным результатам. Черепа кочевников, во-первых, шире и брахицефальнее, во-вторых, у них значительно более покатый лоб. Лицо шире и, если даже принять во внимание европеоидную примесь, нос у них все-таки более выступающий. Что же касается булгар, то характерный для них комплекс признаков не улавливается в составе чувашей по краниологическим данным [Алексеев 1971: 249].

Что касается кряшен Поволжья и Урала, то они представляют сложные в расовом отношении группы. Как правило, живут не компактно, а удаленно, небольшими сообществами, что говорит о сложности их этнической истории. У кряшен превалирует европеоидный компонент, в меньшей степени выражен монголоидный [Макеева 2015а: 62].

Судя по данным краниологии, южноевропеоидный компонент в формировании татароязычного населения Волго-Уральского региона прослеживается на территории Среднего Поволжья не ранее второй половины I тыс. н. э. и может быть обусловлен появлением раннебулгарских племен [Макеева 2015б: 120].

Антропологический тип чувашей различается от татар на глаз. Поэтому Карл Фукс справедливо писал: «Чуваши весьма различаются от татар и лицом и станом и даже отличаются от всех финских поколений» [Фукс 1840: 119]. По данным палеоантропологов, жители города Булгара не были предками чувашей, т. к. отличаются по многим характеристическим признакам. «Булгарские черепа более низкоорбитны, широконосы, лицо шире и абсолютно и главным образом относительно, т. к. оно вместе с тем ниже, чем у чуваш» [Дебец 1932: 56]. С антропологической точки зрения, генетическая связь чувашей с булгарами на том материале, который был в распоряжении М. С. Акимовой, не подтверждается [Алексеева 2004: 51].

Археология

Находка Перещепинского клада на Приднепровье позволяет утверждать, что правящий род Дуло, получавший дорогие подарки от византийского императора, накопил громадные сокровища. Среди находок есть два перстня с монограммами Органы и Кубрата. Как полагала С. А. Плетнева, клад был зарыт в конце VII в. в экстраординарных обстоятельствах.

Что касается салтово-маяцкой археологической культуры, то она прекратила свое существование к началу X в. Например, нижней границей существования Дмитриевского комплекса считается середина VIII в., а Маяцкого — конец VIII в. Все эти даты хронологически увязываются с датой ухода булгар на Волгу. На курганном могильнике у г. Новочеркаска найдена золотая монета середины VIII в., что также указывает о кипучей жизни в это время.

По мнению А. П. Смирнова, волжские булгары, несомненно, не автохтоны. Достаточно убедительно установлено наличие южного и северокавказского влияния на археологическую культуру волжских булгар. Такая картина говорит о компактном переселении булгар с Северного Кавказа на Волгу.

Наблюдения Я. А. Федорова, Г. С. Федорова, В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова и Е. А. Халиковой о сходстве некоторых видов керамики Агач-калы (Буйнакский район Дагестана) с керамическими изделиями Танкеевского могильника (Спасский район Республики Татарстан, в 20 км к югу от Булгара), относящемуся к раннебулгарским памятникам, вполне обоснованы. Наиболее ранние погребения Танкеевского могильника были сосредоточены у реки, а периферию занимали мусульманские захоронения. Между ними располагались промежуточные по времени могилы. «Танкеевский могильник дает возможность в известной мере проследить тот сложный этногенетический процесс, который происходил на Средней Волге в период сложения Волжской Булгарии, когда на протяжении веков, начиная с VIII–IX вв., в период крушения древних родоплеменных традиций из конгломерата разных племен постепенно складывался народ, вошедший в историю под названием волжских булгар» [Халикова 1971: 93].

Археологические находки связывают Северный Кавказ (прежде всего Дагестан) с Волжской Булгарией. В верхнечирюртовских могильниках костяки лежат в вытянутом положении на спине, руки расположены вдоль туловища, ноги скрещены в голенях. Все эти признаки характерны для погребального обряда ранних булгар: в таком же положении находились костяки в погребениях Большетарханского могильника (Волжская Булгария) и могильника Нови-Пазар (Дунайская Болгария). Ориентировка во всех этих памятниках западная, с некоторыми отклонениями к северу и югу [Федоров, Федоров 1978: 56, 60, 82]. Археологические работы, проведенные в Казанском Кремле, показали непосредственную преемственность культуры домонгольских булгар и казанских татар [Халиков 1989: 46].

Предметы, находимые в центре Волжской Булгарии (например, в могильнике на Бабьем бугре городища Булгары) указывают на прямое продолжение северокавказской археологической культуры конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э. А. М. Ефимова в числе таких предметов назвала бронзовое зеркало, серебряные серьги, ножницы. Затем форма серег, мотивы и технические приемы их отделки получают отражение в ювелирном искусстве казанских татар [Ефимова 1960: 191].

Очень важен вопрос и о первом проникновении булгар на Среднее Поволжье. Появление их на Волге документируется архео-

логическими материалами, найденными как на городищах, так и в могильниках. Они чрезвычайно характерны как по обряду, так и по инвентарю. Речь идет о тех типичных признаках, которые известны по памятникам на территории Дунайской Болгарии, где были открыты могильники аспаруховых болгар. Пришедшие на Волгу болгары стали доминирующими в политическом, культурном и языковом отношениях [Смирнов, Мерперт 1955: 52–53]. Наиболее ранними могильниками болгар на Среднем Поволжье являются Кайбельский, Большетарханский и II Уреньский некрополи, расположенные в юго-западной части будущей территории Волжской Булгарии. Для них характерна лепная плоскодонная горшковидная керамика степей Юго-Восточной Европы и круговая посуда салтовского облика, заимствованная у алан. Погребения имеют западную ориентировку, сопровождаются характерными для кочевников предметами конского снаряжения, саблями, колчанами, стрелами, огнивом. Детские и женские захоронения бедные. Основная масса захоронений ни по обряду, ни по инвентарю не отличается от соответствующих комплексов салтовской культуры [Казаков 2002: 187]. К настоящему времени есть твердая уверенность в том, что население салтово-маяцкой археологической культуры в основном составляли болгары, аланы и савиры [Багаутдинов, Хузин 2006: 120]. Металлографические исследования коллекции кузнечных изделий, происходящих из Больше-Тарханского могильника, показывают, что этот памятник принадлежал раннебулгарским кочевникам, осваивавшим в VIII–IX вв. правобережные районы Среднего Поволжья. Исследователи прослеживают истоки большетарханской группировки на территории салтово-маяцкой культуры. Видимо, часть кузнечных изделий привезена кузнецами салтово-маяцкого очага железообработки. А другая часть кузнечных изделий могла быть произведена на месте. Большетарханские кузнецы в основном применяли традиционные для салтовской железообработки технологические приемы. Среди наиболее часто встречающихся изделий — ножи, наконечники стрел и кресала [Семькин 2009: 213, 224, 225].

В VIII в. в Западном Поволжье появляются серьги с бусинками и подвески салтовского типа. В женском погребении найдена форма для отливки салтовской серьги в виде разомкнутого овального кольца с привеской в виде бус. Подобные серьги распространились

по рекам Цне, Мокше, Суре. Они продолжают бытовать и в IX в. В X в. на реке Оке встречаются монеты булгарской чеканки и множество булгарской круговой посуды [Белорыбкин 2003: 79–80].

Археологи пишут о салтово-маяцких истоках культуры волжских булгар. Самые ранние булгарские памятники на Среднем Поволжье они связывают со второй половиной VIII–IX вв. С них, по сути, начинается история волжских булгар. В круг ранних памятников включаются I Больше-Тарханский могильник у села Большие Тарханы, II Больше-Тарханский могильник, Маклашевское II городище и Девичье городище. Все они находятся на территории Республики Татарстан. Аналогичные материалы найдены в погребениях у села Малая Кондрать Ульяновской области. Как на названных объектах, так и на Верхне-Салтовском могильнике и цимлянских поселениях по среднему течению Дона найдены кувшинообразная посуда с характерным низким приплюснутым туловом, грубые плоскодонные лепные горшки. Эти же предметы широко представлены на Дмитриевском могильнике VIII–IX вв. и в Саркеле. «Принесшее из салтово-маяцкой культуры керамику население было разноплеменным по происхождению, но тесно связанным с болгарским союзом племен, непосредственно предшествующим возникновению салтово-маяцкой культуры... Почти все ее содержание по керамическому материалу в рассматриваемое время отразилось и в Волго-Камье» [Хлебникова 1984: 128].

На поселениях Самаро-Симбирского Поволжья, определяемых концом VIII – IX в., также выявлены предметы салтовского типа. На Самарском левобережье найдены фрагменты причерноморских амфор. Видимо, переселенцы обитали здесь с оставшимися представителями именьковского населения [Сташенков 2010: 118–120]. Как верно констатируют археологи, булгары, придя на Среднее Поволжье в конце VIII в., смешались с носителями именьковской и городецкой культур [Ефимова 1960: 191; Фахрутдинов 1986: 80].

В свете изучения взаимодействия ранних булгар с местным населением, относящимся к именьковской археологической культуре, исключительное значение имеет видение ведущих археологов (например, [Седов 2001: 5–15]). Памятниками, явно свидетельствующими о взаимодействии именьковского населения с булгарами, являются городище Пролетарское (Самарское Поволжье) и поселение у села Белымеры (Татарстан). В верхних слоях первого

памятника, датируемого VIII в., наряду с именьковской керамикой содержится глиняная посуда салтово-маяцкой и кушнаренковской культур. Поселение у села Бельмеры изначально принадлежало именьковскому населению, а в X–XI вв. — булгарам. Население этого города было смешанным, о чем говорит не только сосуществование булгарской и именьковской керамики, но и ритуальные сооружения аборигенов.

На южных перифериях территории Волжской Булгарии (при раскопках близ деревень Пальцино Ульяновской области и Тарновки Самарской области) наряду с материалом, типичным для племен городецкой культуры, обнаружен другой, характеризующий новую этническую волну приазовских булгар. Здесь найдена грубая лепная керамика позднего городецкого типа V–IX вв. н. э., которая встречается наряду с раннебулгарской желтого и коричневого цветов [Смирнов, Мерперт 1955: 52].

Исследователи пахотных орудий Восточной Европы подчеркивают, что булгарские наральники полностью идентичны именьковским, их можно рассматривать как продолжение традиции именьковского земледелия. С именьковского времени почти неизменным остается состав культивируемых злаков. А сопоставление технологий сельскохозяйственного производства волжских булгар и Древней Руси выявляет их заметное различие. Например, на Руси широко распространены были посевы озимой ржи, а в Волжской Булгарии в X–XIII вв. она неизвестна вовсе. Здесь культивировалась исключительно яровая рожь. Одной из основных культур в Булгарии была полба, а на Руси на ее долю приходился незначительный процент. Серпы, косы-горбуши, каменные жернова булгар эволюционировали из именьковских. В то же время наплыв населения из салтово-маяцкого ареала в большей степени способствовал быстрому подъему ремесленного дела. В целом сельское хозяйство волжских булгар имело преимущество перед другими народами в силу многовековых традиций.

В XI — начале XIII в. в Волжской Булгарии численно преобладал мелкий рогатый скот. Из-за запрета мусульманской религией употребления в пищу свинины, доля этого животного резко уменьшилась. Однако кости свиньи зафиксированы при раскопках целого ряда булгарских поселений: в Болгаре, Биляре, Хулаше, на Березовском, Муранском, Мало-Сундырском и других поселениях.

А в золотоордынских слоях Булгара они уже полностью отсутствуют. Представляется вероятным, что жителями поселений, употреблявшими в пищу свинину, были потомки местных земледельцев, для которых разведение этих животных было традиционным. Но в процессе мусульманизации они тоже отказались от свиней. Таким образом, Булгарское городище было основано не на пустом месте, а в зоне концентрации именьковского населения. Дань, поборы и грабежи, осуществляемые булгарами, привели к значительному понижению уровня жизни и быта, к обеднению оседлого населения. Анализ керамики домонгольского периода Волжской Булгарии позволил Т.А. Хлебниковой утверждать, что горшки с цилиндрическим горлом, с горлом в виде раструба наружу, а также высокие тулова горшков восходят к формам горшков местного населения. Биконические и цилиндрические пряслица булгар также издавна бытовали у носителей культуры Именьковского городища. Более того, лепная посуда, игравшая большую роль в сельской местности Булгарии, продолжала традиции керамического производства племен, обитавших в Среднем Поволжье к моменту появления здесь булгар [Хлебникова 1962: 139–142]. Выходит, потомки именьковского населения к началу XII в. окончательно влились в булгарский этнос. «Таким образом, изложенное позволяет утверждать, что в этногенезе волжских болгар участвовало довольно многочисленное местное земледельческое население, представленное именьковской культурой, т. е. славяне. Последние, очевидно, и придали болгарской культуре земледельческий облик с самого начала ее развития. Это население импульсировало постепенную смену кочевого образа жизни пришлых болгар на оседлый, участвовало в становлении городской жизни» [Седов 2001: 10].

Археологи также высказываются о перенимании булгарами у именьковцев полуземляночных жилищ и зерновых ям колоколовидной формы. А керамика была привнесена в Поволжье извне. Булгарская керамика более многообразна, качественнее в технологическом отношении, богато орнаментирована. Исходные формы кувшинов, корчаг, кувшинообразных и стаканообразных сосудов, как и элементы орнаментации, идут из салтово-маяцкой культуры. На месте до булгар доминировали горшковидные сосуды.

Позднее в Поволжье пойдет процесс этнической унификации, однако этому будут противиться некоторые племена, прежде всего сувары.

На городище Сувар местными крестьянами еще в XIX в. было найдено много вещей, представляющих археологический интерес. Это серебряная тарелка, кувшин с монетами, куски серебра, серебряный браслет, медный молоточек, конец которого служил печатью с надписью, женское украшение с надписью, медный кистень с надписью и т. д. Здесь крестьяне при разрытии погребов наталкивались на могилы. В погребениях скелеты находились в сидячем положении [Ахмеров 1893: 480–481].

Монеты в Волжской Булгарии чеканились в 907–992 гг. На дирхеме 907 г. стоит имя Джафара ибн Абдаллаха, т. е. Алмуша, правителя Булгарии. К 976 г. в городе Суваре чеканка монет прекратилась, что свидетельствует о потере политической и экономической самостоятельности и полном подчинении городу Булгару [Фахрутдинов 1986: 100].

Раскопки на городище Сувар позволяют приурочить время уничтожения нижнего укрепления с восьмигранной башней к нашествию Субугая в 1236 г. [Смирнов 1941: 140].

Город Джукетау, существовавший в X–XIV вв., располагался на западной окраине современного города Чистополя. Здесь зафиксированы надмогильные памятники начала XIV в. с выразительными эпитафиями [Набиуллин 2010: 373].

Религия

Захария Ритор определил бургар по состоянию на середину VI в. как «народ языческий и варварский» [Захария 2011: 595]. Это однозначно говорит в пользу того, что к этому времени болгарские племена не были подвержены ни христианизации, ни исламизации. Прав был и Бернат Мункачи, говоря о распространении ислама. Он предполагал, что болгары столкнулись с элементами ислама на Кавказе, а приняли эту веру на Волге [Munkácsi 1926: 42–64]. Но до появления на Волге некоторые болгары были знакомы и с христианством. Так, в 619 г. в Константинополе крещены правитель онногундуrow Кубрат и его дядя. Кубрат был даже удостоен чина патрикия [Никифор 1950: 359; Jean 1883: 580; Golden 1980: 44]. Однако преемники Кубрата и народ остались в прежней вере.

Масуди описывал событие, связанное со стычкой хазарских мусульман с русами. Действие происходило в 912 г. или сразу же после этого года. Большинство исследователей относит это событие к 913 г. Но явно до 922 г. русы на судах по Хазарской реке спустились до города Атиль, выходили в Хазарское море и совершали нападения на прибрежные города. Как писал Масуди, русы проливали кровь, делали, что хотели, захватывали имущество. Тысячи мусульман были убиты. Прибрежные народы были в смятении. Когда мусульмане Хазарского царства узнали об этом, они обратились к царю Хазарии с просьбой позволить им дать отпор русам и отомстить за кровь братьев-мусульман. Битва между ними длилась три дня. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спасшиеся из них (5 тысяч) пошли к стране буртасов: «Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам-мусульманам, которые [также] поубивали их» [Масуди 1963: 201]. Нам в данном описании важно выделить, что бургар Масуди называет мусульманами. Речь, конечно, идет о поволжских булгарах. Это происходило лет за десять до арабской миссии. Выходит, еще до Ибн Фадлана они имели контакты с мусульманским миром и некоторые из них приняли ислам. Также сообщается, что в Булгарии еще до прибытия посольства имелись муэдзины, были в употреблении молитвы, предписываемые исламом. На основе источников Д. А. Хвольсон делал допустимое предположение о знакомстве булгар с мусульманством с 912 г. [Хвольсон 1869: 8].

По поводу принятия булгарами ислама имеются ссылки и на более ранние периоды. Х. А. Амирханов (1814–1893 гг.), опираясь на трактаты «Бахджат ат-таварих» («Блеск истории», XV в.) Шукруллаха, «Джихан-наме» (1657 г.) Катиба Челеби и «Тасих мугалата Болгар», утверждал, что болгарский народ принял ислам во времена Аббасидов посредством своего письменного обращения, если более точно — в 210 (832) г., во времена аббасидского халифа Ма'муна [Амирханов 2010: 40–41, 44]. Видимо, такое утверждение частично имеет под собой реальную почву. В это время булгары были уже на Волге. Однако есть основание передвинуть эту дату на более раннее время. На раскопках Новгорода выявлен дирхем 907 г. с именем Джафара ибн Абдаллаха. Нумизмат С. А. Янина и археолог Р. Г. Фахрутдинов обоснованно считают, что это имя Алмаса, правителя Булгарии [Янина 1962: 182–184; Фахрутдинов

1986; 100]. Предполагаемую дату косвенно подтверждает и Ибн Рус-те. Он писал, что царь Болгарии Алмуш исповедует ислам. Он также говорил, что в стране есть мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами. Даже одежда и кладбища у болгар выглядят как у мусульман. Белые круглые дирхемы приходят к ним из мусульманских стран. Пребывающие в своих древних традициях люди при встрече с болгарам-мусульманами поклоняются им [Ибн-Даста 1869: 22–25]. Д. А. Хвольсон напоминал о распространении в начале X в. в Болгарии не только ислама, но и наук, известных мусульманам. Несколько лет спустя после Ибн Фадлана Ал-Бекри уже уверенно утверждал, что царя болгар зовут Алмас, а исповедует он ислам [Ал-Бекри 1879: 63]. Выходит, арабскую миссию Алмуш пригласил для официального закрепления уже предпринятых в сторону ислама шагов. Ведь он еще в 907 г. носил мусульманское имя Джафар и даже чеканил монеты под этим именем. Особый интерес представляет факт сопротивления царя болгар при сватовстве его дочери царем Хазарии. Арабский писарь об этом замечает так: «Тогда царь хазар завоевал ее силой, хотя он еврей, а она мусульманка» [Ибн Фадлан 2016: 42]. Выходит, еще до Ибн Фадлана дочь царя болгар была мусульманкой. Трудно сказать, в каком году это было. В источнике об этом сказано весьма уклончиво: «Как-то давно...». Нам также достоверно неизвестно, в каком году было сделано приглашение багдадской миссии посетить Булгарию. Понятно, что событие произошло после выдачи второй дочери за царя племени эскель, т. е. явно раньше, чем в 921 г.

Археологические следы ислама прослеживаются во второй половине IX в. в погребениях Танкеевского могильника (Спасский район Республики Татарстан). Здесь обнаружены перстни с арабскими надписями. Археологи также утверждают, что «ислам получил распространение в этом регионе уже с VIII–IX вв.» [Измайлов 2009: 49]. Мусульманские погребения хотя и расположены на периферии Танкеевского кладбища, свидетельствуют о том, что в конце X — начале XI в. основная часть населения стала исповедовать ислам [Халикова 1971: 67].

В X в. три мировые религии, зарождавшиеся в Средиземноморье, процветали в Европе: христианство распространилось среди русских, хазары приняли иудаизм, волжские болгары были включены в исламский мир. Зарождающиеся феодальные отношения

в начале X в. также диктовали великому князю Алмушу объединение народа вокруг единой веры. В качестве государственной идеологии царь предпочел ислам.

Как и любая новая религия, ислам насаждается среди населения Булгарского царства насильственно [Денисов 1959: 73]. Известно, например, что болгары вели против соседних буртасов джихад, т. е. священную войну. А непослушным суварам Алмуш пригрозил мечом. Конечно, стратегически все войны на земле велись для завоевания новых территорий и захвата военной добычи. В данном случае «идеологическим оправданием войн служило стремление распространить ислам среди других народов Поволжья и Приуралья» [Измайлов 2008: 191]. Окончательное оформление ислама в Булгарии произошло не на земле суваров, а ближе к башкирским степям, на реке Джаушыр (ныне Яуширма) [Ковалевский 1954: 51].

В связи с толкованием причины принятия Волжской Булгарии ислама, как мне представляется, звучит сомнительно замечание Б. В. Каховского. Он пишет, что якобы болгарскому царю нужны были от мусульманского правителя реальные средства, а не их «магическая» символика. Алмуш дал знать, что посольство могло бы и не приезжать, раз не доставило денег [Каховский 1983: 27–28]. Выходит, великому князю нужны были деньги для возведения крепости. Да, ему нужны были деньги, но как символ-благословение. Ведь единая вера в государстве гораздо дороже денег. Это прекрасно понимал Алмуш. Впрочем, вот диалог писаря миссии Ибн Фадлана с Алмушем: «Государство твое обширно, [денежные] средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на доставленные от него деньги, которым нет числа?» Он же сказал: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их [денежные] средства берутся из дозволенных [религиозным законом] источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом» [Ибн-Фадлан 1956: 141]. Как видим, первоисточник не оставляет места сомнениям.

Комментируя данный эпизод, И. В. Дубов справедливо пишет, что речь идет, прежде всего, о политической и религиозной ориен-

тации Булгара на Арабский халифат [Дубов 1989: 150]. Добавим: официально принимая имя повелителя правоверных — Джафар, — Алмуш, естественно, не стремится этим понравиться Востоку и выгадать деньги на крепость. Намерения его более серьезные: установить в стране государственную религию ислам, соблюдая все формальности. Действительно, монополия религии обеспечила бы великому князю подчинение племен с разными верованиями и объединение их вокруг единой религии. Таким образом царь рассчитывал поймать двух зайцев: покончить с феодальной раздробленностью и сформировать единую силу против внешних врагов, в первую очередь против сильной на то время Хазарии. Именно религиозная почва стала поводом для отказа царя булгар отдать свою дочь хазарскому кагану («он иудей, а она мусульманка»).

В доказательство решения Алмуша принять ислам можно привести и следующий эпизод из Мешхедской рукописи: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я — раб его (Аллаха), и это — дело, которое он возложил на меня» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. После официального принятия имени Джа'фар *хатиб* («проповедник») провозгласил *хутбу* «проповедь»: «О Аллах! Сохрани в [в благополучии] раба твоего Джа'фара ибн-'Абдаллаха, повелителя [эмира] булгар, клиента повелителя правоверных» [Ибн-Фадлан 1956: 133]. Иначе говоря, Алмуш-Джа'фар с этого момента стал называться уже не царем булгар, а их *эмиром* «повелителем». Ибн Фадлан как Алмуша, так и князей племен Волжской Булгарии называет *малик*, т. е. «вождем племени». Следует учесть, что исламизация булгар отвечала коммерческим интересам династии Саманидов. Поэтому в Волжской Булгарии скрестилось сразу же несколько интересов: желание Алмуша объединить племена и укрепить государство; объединение сил против сильной Хазарии; реализация коммерческих интересов арабского мира через распространение ислама на Волге.

Исследователи обращают внимание на градостроительную структуру города Биляра. Огромная многоколонная мечеть в центре цитадели позволяет предположить, что в основе архитектурно-пространственной организации лежит модель раннесредневекового мусульманского Багдада как центра местопребывания Аллаха на земле. Допускается, что строители из Багдада, прибывшие вместе с посольством, заложили столицу Волжской Булгарии

по образцу и подобию аббасидской столицы. Этим можно объяснить округло-квадратный план и гигантские для того времени размеры Биляра. «Определенная аналогия наблюдается в архитектурно-пространственных структурах Биляра и столицы Дунайской Болгарии г. Плиски» [Надырова 2010: 25].

Ибн Фадлан как миссионер называет иноверцев-суваров «отребьем». Впрочем, от ислама отвернулись не только сувары, так поступила и часть племени эскэл. Вообще, и сам Ибн Фадлан преувеличивал значение посольства в деле утверждения в стране ислама.

В г. Булгар все жители — мусульмане, сообщает рукопись «Худūd ал-‘Алем» о событиях X в. [Minorsky 1970: 163]. Согласно Ал-Истахри, болгары, живущие в г. Булгар, — мусульмане. В столице Волжской Болгарии находилась соборная мечеть. В г. Сувар также была соборная мечеть. Об этом сообщил арабскому автору тот, кто совершал хутбу в этих городах. О том, что болгары — мусульмане, писал и Марвази. Однако вокруг были неверные, против которых они совершали походы [Заходер 1967: 37]. В таком утверждении содержится мысль о том, что в г. Булгар жила верхушка общества в лице священников, купцов и ремесленников. Во второй половине X в. соборная мечеть г. Булгар располагалась в людной местности — на рынке [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. Исламские порядки Волжской Болгарии, должно быть, регулировались из мусульманских центров (Хорезма, Бухары, Хорасана и Багдада). Об этом свидетельствуют Ал-Омари, Ибн-Хаукал и другие источники. Например, в Болгарии из-за коротких ночей отменили вечерние молитвы (азаны). Разрешение на это было получено от бухарского правоведа [Заходер 1967: 44]. В 949–952 гг. в г. Суваре чеканились серебряные монеты болгарского царя Талиба б. Ахмеда [Бартольд 1968: 516], что лишний раз говорит об усилении исламских корней в Болгарии. Кроме того, состоятельные люди из Болгарии вносили огромные денежные средства на поддержание и развитие дела ислама в Средней Азии. Так, эмир Болгарии Ибн Балтавар в 415 (1024–1025) г. увидел сон, согласно которому он направил деньги государю Хорасана на постройку двух мечетей [Заходер 1967: 46].

Конечно, следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Все евразийские кочевники, массово обращенные

в новые религии (такие, как уйгуры, хазары, волжские болгары, огузы, сельджуки, карлуки), к этому времени имели государство, были организованы в племенные союзы или находились в стадии становления государственности. Как верно отмечает Питер Голден, «новая религия могла функционировать в качестве объединяющей силы, средства идеологического дистанцирования, символа независимости, и все это помогало процессу формирования государства» [Голден 2008: 334].

Во времена правления мадьярского герцога Таксони, примерно около 970 г., в Венгрию пришла толпа болгар-мусульман под начальством двух братьев Билла и Боксу. Чуть позже прибыла еще группа под начальством Хесена. В Венгрии их называли билерами. Видимо, эти люди были из Биляра (чуваш. *Пўлер*). Всех их встретили дружелюбно и поселили на левом берегу Дуная, где был основан город Пешт. Пришествие болгар стало следствием набега русов в 968 г. на страны болгар и хазар. Впоследствии они в Венгрии, несмотря на гонения, сыграли важную роль в качестве откупщиков и управляющих финансами [Хвольсон 1869: 108–109].

Согласно летописи, болгары стремились навязать свою новую веру и русам. Так, в 986 г. они пришли к великому князю Владимиру Святославовичу в Киев и предложили ему принять веру мухамеданскую («бохмици»). А на вопрос: «Како есть вера ваша?», болгарские посланники ответили: «Обрезати оуды таинныя, а свинины не ясти, а вина не нити». Однако такие правила не понравились Владимиру. «Руси есть веселие питие, не можем без того быти», — ответил он [ПСРЛ 4, 1: 60; 16: 251; 33: 25].

В 435 г. (1043–1044 гг.) 10 000 кибиток из неверных тюрков, совершавших ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, принимают ислам. Эти тюрки лето проводили в Булгарии, а зиму — в окрестностях Баласагуна. Затем они рассеялись в тех краях, в которых кочевали [Ибн ал-Асир 2006: 335]. Естественно, это событие также сыграло положительную роль в деле утверждения исламской религии в Волжской Булгарии. В целом к середине XI в. ислам стал религией подавляющего большинства населения Волжской Булгарии [Руденко 2013: 19]. Впрочем, эту же мысль применительно к первой половине XI в. констатировал Абу Райхан Беруни, назвав болгар мусульманами [Беруни 1975: 100].

Таким образом, религия сыграла историческую роль в Волжской Булгарии — она отныне стала одновременно и этнообъединяющей силой, и этноразделительным барьером. При этом наиболее достоверно предположение о том, что ислам распространился в Волжской Булгарии среди феодалов, купцов и ремесленников. Позже они составили ядро татарского народа. А сельское земледельческое население продолжало придерживаться своих прежних традиционных праздников, обрядов и верований. Часть историков склонна полагать, что эти земледельцы составили основу для формирования современных чувашей. Как констатировал А. Ф. Лихачев, «мусульманская религия главным образом укоренилась только в царствовавшей над Булгарией династией и между жителями г. Булгара; масса же народа осталась при своей прежней религии, сохранившейся до наших дней между немногими уже последователями ее» [Лихачев 1876: 3]. Затем аналогичную мысль высказывали В. Ф. Каховский, В. Д. Димитриев и другие историки. Однако такая мысль требует уточнения, ибо предки чувашей сувары жили в основном на правобережье, т. е. фактически отдельно от болгар.

В Булгарии жестко контролировали попытки манипуляции религиозным сознанием населения. Об этом свидетельствует житие св. Авраамия (Авраамия), мученика Булгарского. «Сей бысть иного языка, а не рускаго» [ПСРЛ 30: 87; 33: 65]. Авраамий как христианин занялся миссионерством и имел успехи. За все это он в 1229 г. в старческом возрасте поплатился жизнью [ПСРЛ 1: 453; 9: 97; Медведев 1878]. Согласно другим источникам, это событие произошло в 6738 (1230) г. [ПСРЛ 18: 54; Лахутинская 2012: 196].

На территории Волжской Булгарии действовали общенародные святилища. Одно такое святилище было открыто археологами в 2012 г. в Чебоксарском районе. Определяется оно по названию реки как *Шинер Куремет* [Березина и др. 2013: 56–65]. К этому времени объект уже был разворован черными копателями. находки в виде литой фигурки барса, куфических металлических и серебряных дирхемов X–XII вв., ременных накладок домонгольского периода, а также расположение объекта в северной части Волжской Булгарии позволяют говорить об изначальной принадлежности святилища булгарам. Здесь также были найдены кости жертвенных животных (лошадей), русские медные монеты конца XVIII — начала XIX в., каменные жернова. Структуру Шинерпосинского свя-

тилища археологи справедливо сравнивают с планировкой культового сооружения, исследованного Г.А. Федоровым-Давыдовым на Тигашевском городище в Батыревском районе. К.А. Руденко определяет Шинерпосинский памятник как болгарское племенное территориальное святилище. Хронологические рамки действовавшего *киреметища*, согласно участникам раскопок, — XII–XIX вв. Однако данное святилище как действующее в XX в. было описано В.К. Магницким и Н.В. Никольским. Изначально, видимо, это было болгарским святилищем. Но после татаро-монголов здесь проводили свои моления только чувашаи. В 13 км к юго-востоку археологами был обнаружен еще один культовый памятник Средневековья — Табанарское святилище.

По состоянию на конец XII — начало XIII в. жители г. Булгар исповедовали ислам ханифистского толка [Абу-л-Фида' 2009: 125]. Ибн Са'ид ал-Магриби констатировал, что большинство болгар являются мусульманами, но есть среди них и христиане [Ибн Са'ид 2009: 31]. Должно быть, речь идет о начале XIII в. Однако следует иметь в виду и свидетельство венгерского монаха Юлиана, утверждавшего в 1236 г., что в Великой Булгарии все являются приверженцами народных обрядов и верований [Аннинский 1940: 80]. Конечно, Юлиан говорил о южных перифериях Волжского государства, тем более его впечатление не относится к г. Булгару. Допустимо, что высказывание Юлиана относится к юго-западной (т. е. правобережной) части Булгарии, иначе говоря, в основном к суварам. Уже в 1253 г. фламандский монах-путешественник имел все основания утверждать: «Эти болгары — злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» [Рубрук 1997: 116]. Об исламизации предмонгольской Волжской Булгарии говорят также переход к каменному культовому зодчеству и погребальный обряд могильников. В конце XIII в. в Волжской Булгарии начинают ставить на могилах богатых покойников каменные памятники [Димитриев 2014: 121]. А в XIII — начале XIV в. вдоль улиц появляются арыки. Поэтому констатация типа «в предмонгольское время исламизация этого государства зашла достаточно далеко» [Зеленева 2013: 20, 23, 45] вполне обоснована.

О крепких корнях ислама в г. Булгаре свидетельствовал и известный арабский путешественник XIV в. Ибн-Баттута. Так, прибыв в Булгар, он вместе с местными людьми помолился на закате

солнца. Затем последовал призыв к вечерней молитве. Были исполнены молитвы теравих, шаф и витр [Ибн Баттута 1884: 297]. В 1323 г. был замучен за веру еще один христианин в Булгаре. Звали его Феодор [ПСРЛ 28: 67]. В рассказе, датируемом 731 г. х. (1330–1331 гг.), Булгар назван одним из известнейших городов Кыпчакии. Здесь дело ислама жило и побеждало. Например, в городе была специальная должность для определения времени молитв. Звали этого человека Масуд. Для исчисления точного астрономического времени он активно пользовался инструментами [Эломари 1884: 237]. В событиях 1376 г. жителей Булгара Великого летопись называет бесерменами, а их князей на исламский лад звали Осан и Маахмат Салтан [ПСРЛ 18: 117].

Ровно через три века после казни православного мученика Авраамия, в 1529 г., в Казани произошло аналогичное событие. На этот раз мучеником оказался Иван, пленный христианин из Нижнего Новгорода. Ему предлагали отречься от Христа, но он предпочел мученическую смерть [ПСРЛ 19: 261–262].

Однако говорить, что христианство в Булгарии было гонимо, тоже неправда. Еще в IX в. в Волжской Булгарии имелась колония армян христианского вероисповедания. Их надгробные памятники с письменами найдены у Греческой палаты в Булгаре. Имеются также надгробия армян XIII–XIV вв. Эти памятники написаны арабским шрифтом на *p*-языке (*хир* — «девушка»; *тохур* — «девять») и *z*-языке (*кыз*, *токуз*) [Лепехин 1771: 272–283; Мухаметшин, Хакимзянов 1987], т. е. на обоих государственных языках.

Археологические поиски подтверждают интенсивную исламизацию населения Волжской Булгарии в X–XIII вв. Например, для этого времени характерно практически полное отсутствие костей свиньи. На Билярском городище за время раскопок 1967–1971 гг. всего обнаружено почти 10 000 костей. Среди них не выявлено костей свиньи вообще. Нет их и на других памятниках. Исключение составляет отдельные кости свиньи, найденные близ усадьбы русского ремесленника. А это свидетельствует о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаниям и запретам ислама. Еще более выразительно свидетельствуют о распространении ислама могильники волжских булгар. Это неглубокие ямы, встречающиеся подбоя, ориентировка на запад, перекрытие над гробом, обращение лицом к Мекке, отсутствие вещей. В свою очередь, все это

свидетельствует о растворении различных этнокультурных и племенных групп в мусульманской среде. Естественно, как отдельные люди, так и целые группы, принимая ислам, становились одновременно булгарами. Таким образом, в средневековой Булгарии был распространен ислам с некоторыми региональными особенностями. К рубежу X–XI вв. ислам стал государственной религией и широко распространился во всех слоях общества. Некоторые небольшие поселения православных русских и армян-монофизитов, имевшие свои торговые колонии в Булгарии, оставались вне болгарского этноса и вне ислама. Также на перифериях отдельные группы населения сохраняли свои древние обычаи погребения [Измайлов 2011: 34–51]. В принципе, такое видение в основном отражает реалии.

Но мы бы слухавили, если бы сказали, что ислам среди болгар привился с начала X в. и массово. Новую арабскую религию приняли изначально городские жители, ремесленники, торговцы и другие зажиточные слои населения. Основной процент населения продолжал придерживаться своих старых традиций.

И в XVIII в. при татарских деревнях имелись кладбища, утопающие в зелени. Как болгарские, так и татарские кладбища располагались за рекой или оврагом. Таким образом люди стремились оградить поселение от духов умерших, которые могли причинить зло живым [Надырова 2010: 28]. Чуваши свои кладбища также выбирали в стороне от деревни, больших дорог, обязательными было наличие оврага (речки) между поселением и кладбищем. Точнее, традиционное их расположение — в углу, образуемом ближайшей рекой и впадающим туда оврагом. Конечно, семантика оврага и водной преграды здесь прозрачна: они обозначают границу между этим и тем мирами. Например, в 1987 г. археолог Е. П. Михайлов выявил старое кладбище «Кюльхири́нский могильник» в Красноармейском районе, в 600 м на юго-юго-восток от деревни Кюльхири, на краю речки Чукатай, левого притока реки Сормы.

Старое кладбище села Старые Алгаши Симбирского уезда располагалось на правом берегу реки Цильны, а по восточной стороне тянется овраг, по которому весной сбегает быстрые воды в пологие берега Цильны. Из-за того что кладбище в селе Старые Алгаши находилось за рекой, возникали серьезные трудности. Весной мост через реку разбирался, а река сильно разливалась и разрушительно

несла воды по своему положому руслу. «Тогда страшно было подойти к ней, а тем более переправиться... И беда, если тогда у кого-либо случится покойник... В таких случаях умершего обыкновенно несколько дней держали дома, поджидая, не убавится ли вода; потом переправляли его на воротах или бревнах, в виде плота устроенных, и преимущественно по утрам, так сказать, по морозу, когда вода немного убывает» [Лебедев 1905: 248]. По местам расположения старых кладбищ есть возможность выявлять места первых поселенцев деревни, проследив по порядку оставленные кладбища.

Архивные источники утверждают, что в 20-х гг. XX в. татары (в том числе и крещенные) проводили всеобщие полевые моления в знак благодарности божествам за выращенный урожай и благополучие деревни. В этих целях они общими силами резали быков и баранов, варили кашу. Места для жертвоприношений выбирали в стороне от деревни, у речки. Проводили также моления божествам с просьбой послать на землю теплый дождь, так нужный всходам. Еще в середине XX в. в татарских деревнях можно было записывать легенды о *киреметных* моленных рощах. В ряду старых традиций в XX в. у татар можно было видеть *симек*, *йле чыккан кён*. Не по исламским, а по вековым традициям велись ритуалы проводов в иной мир. Такие записи, к примеру, имеются из поселений Верхние Меретяки, Платоновки, Ахметьева, Владимировки (Татарстан), Старые Курбаши Цивильского уезда [ЧГИ 216: 442–443; 309: 21–22, 25; 319: 187–188 об.]. В этом плане поволжские татары сельской местности вписывались в общую религиозную культуру региона. Затем, в XX же веке, остатки *киреметей* были уничтожены по настоянию мусульманского духовенства как несовместимые с исламом.

История не любит сослагательного наклонения. Тем не менее следует признать, что вероотступничество верхушки государства, как ни парадоксально, сильно ослабило великую Волжскую Булгарию. Одно из ключевых племен страны — сувары, — желая сохранить свою древнюю веру, ушли на правобережье. Теперь Булгария уже точно не могла противостоять сильным соседям — Хазарии, Руси и Кыпчакии. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. У палки всегда два конца. С этого времени начинается счет годам в сторону упадка Волжской Булгарии, а заодно булгар как народа. Если бы булгары в 922 г. не приняли ислам, то название этого

племени сохранилось бы теперь как название народа. А повода вести дискуссию на предмет того, кто потомки булгар и кто такие казанские татары, не было бы. Одинаково верно (конечно, на ретроспективно-реконструктивном уровне) положение о том, что сувары вполне могли бы сохранить свой этноним в той форме, как он звучал на начало X в, а заодно и свою веру, и традиционную культуру.

Язык

Говоря о закономерности соответствия звуков z/r , \check{s}/l в тюркских и чувашском языках, Андраш Рона-Таш обращает внимание на важный нюанс. В случае тюркского *baş* «голова» и *köz* «глаз», пишет он, в чувашском языке следует ожидать *r* и *l*, но на самом деле имеем *риś* и *киś*. Ср. также западно-древнетюрк. *балч* — «голова». Объясняется это тем, что эти слова не попали под влияние процессов $z > r$, $\check{s} > l$, они хранят более древний фонетический облик до их совпадения. Выходит, замена z и r , \check{s} и l не являлась фонетическим законом без исключения, она была только сильной тенденцией на той территории, где позже формировались болгарские языки [Róna-Tas 1970: 209–228; Róna-Tas et al. 2011: 1104–1114]. А это означает, что современный чувашский язык сохранил генуинные следы болгарского и савирского языков дотюркского периода. Конечный звук *p* в этнониме *булгар*, естественно, говорит об исходной принадлежности к *p*-язычным племенам.

Н. Я. Мерперт родственным савирам племенам — булгарам — посвятил ряд работ. Он специально подчеркивал, что булгары составляли племенное объединение, независимое и от аваров, и от тюрков: «Кубрат успешно продолжал и завершил начатое Органой дело освобождения болгар из-под власти Западно-тюркского каганата» [Мерперт 1957: 17]. О независимости Великой Булгарии (особенно в последние годы царствования Кубрата) от аваров и тюрков писали и другие исследователи [Вернадский 1996: 214]. Кстати, имя *Кубрат* следует перевести как «собирать, скапливать». Именно в этом значении оно зафиксировано в V–VIII вв. на памятнике тюркского перевода ираноязычного сочинения из СЗ Китая «Покаянная молитва манихейцев» и на памятнике в честь Кюль-Тегина из Монголии. На этих документах имеются две формы слова:

qubrat и *quvrat* [Наделяев и др. 1969: 462, 475]. Обе формы отражены в византийских источниках. В состав булгарского объединения в разное время входили такие нетюркские племена, как аланы, кутригуры, оногуры, хазары, савиры. Все это явно говорит в пользу того, что савиры, как и болгары, не входили в тюркоязычную конфедерацию. И вообще, мнение об изначальной тюркоязычности болгар «покоится на крайне зыбкой почве» [Семенов 2013а: 333]. Кстати, Ибн Фадлан болгар называет сакалибами, отнеся их к северным нетюркским народам. Основные огурские племена — огуры, сарагуры и оногуры — в Приазовье и на Западном Кавказе редко действовали совместно. Именно в этом регионе из нескольких огуро-огузских племен возникло племенное объединение болгар [Кляшторный 2009: 171]. В этой связи следует указать на одну работу Берната Мункачи. В ней он, основываясь на болгарских заимствованиях в венгерском языке, заключал, что на Кавказе болгарские племена говорили на разных диалектах [Munkácsi 1927: 131–135; Дмитриева, Адыгаши 2001: 30]. Естественно, следовало бы говорить не только о диалектах болгарского языка, но и о заимствовании мадярами из языков своих соседей и родственных племен — гуннов, хазар, суваров и болгар.

Как утверждает Питер Голден, многие народы Евразии были знакомы с рунической письменностью, например кимаки, болгары, хазары, печенеги, уйгуры [Голден 2008: 311]. В Болгарии на руинах Плиски VII–IX вв. были найдены рунические письмена. Они выдолблены на камнях [Митяев 1943: 73–135]. В статье Кр. Митяева рисунок содержит знаки рунической письменности, которыми пользовались при хане Круме (802–814 гг.). Аналогичные рунические знаки известны на юге древней и раннесредневековой Восточной Европы. Такие же знаки можно было увидеть на орудиях труда в чувашских деревнях и в 60-х гг. XX в. В частности, автор этих строк на символикке под № 47 из рисунка № 146 узнал свой родовой знак. Его вырезали на деревянных частях орудий труда (лопатах, топорах, вилах, сохе, хомутах).

Д. А. Хвольсон не без основания вступал в полемику с Масуди, который утверждал, что по состоянию на начало X в. болгары представляли собой тюркское племя. Я не хочу оспаривать известие Масуди, но показания арабов большей частью не имеют цены, ведь они не умели отличать финские племена от тюркских, писал

уважаемый востоковед. Он также предлагал разобраться с именем болгарского царя *Алмуша*. При этом считал правильным произношение *Алмус* или *Алмос*. Так же звали отца Арпада. Поэтому следует сначала выяснить, финское (вернее, угорское) или это тюркское имя *Алмус* [Хвольсон 1869: 81, 91].

Факты говорят о том, что в Волжской Булгарии бытовали два близких основных языка, которые есть возможность рассматривать как диалекты. Однако это именно два отдельных языка со своей историей. Конечно, речь идет о болгарском и суварском языках. На различия в этих языках исследователи всегда обращали внимание. Так, А. П. Ковалевский для примера брал название реки *Джаушыз* и *Джаушыр*, что отражает два различных произношения названия одной и той же реки двумя местными племенами. Другой пример, который привел А. П. Ковалевский, это также название реки на юге Волжской Булгарии — *Кундурча* и *Кундузча*. Чуваши эту реку называют *Хайтърча* (*хайтър* «(бобер») + тюркский словообразовательный аффикс — *ча*, указывающий на местность, т. е. «река, изобилующая бобрами»). Игнорирование этих различий в двух близких языках порождает и поддерживает недоумение и разночтения вот уже второе столетие. Конечно, в болгарском и суварском языках были и другие различия. Например, в языке предков чувашей не было звонких согласных. Н. И. Ашмарин, С. Е. Малов и другие языковеды обращали внимание на это свойство чувашского языка и считали, что отсутствие звонких согласных — признак его древности. По этому поводу А. П. Ковалевский заключал: «Таким образом, древний чувашский диалект все же отличался от болгарского своими глухими согласными и нет основания полагать, что это была древнетюркская особенность» [Ковалевский 1956: 17]. Все исторические факты говорят о том, что суварский язык на Средней Волге формировался отдельно от языка соседних болгар. Данное положение автора этих строк подтверждают и другие исследователи болгар. Так, по мнению А. Г. Мухамадиева, язык суваров сложился «обособленно от других гунно-булгарских племен», «ни мишари, ни чуваша не имеют прямого отношения к болгарам» [Мухамадиев 2011: 36; 1980: 134].

«Язык болгар схож с языком хазар», — утверждал арабский источник [Ал-Истахри 2009: 85]. Действительно, по состоянию на X в. население Средней и Нижней Волги (в основном жители

Булгарии, во всяком случае, жители Южной Булгарии и Хазарии) говорило на понятных друг другу языках. Следы этих языков, полагал В. В. Бартольд, по всей вероятности, сохранились теперь только у чувашей [Бартольд 1968: 204]. Конечно, речь идет о суварско-чувашской языковой преемственности. По мнению Андраша Рона-Таша, волжские булгары в начале X в. еще говорили на языке чувашского типа. Их язык отражен и в эпитафиях, найденных на территории Волжской Булгарии, датирующихся 1281–1350 гг. Возможно, полагает Андраш Рона-Таш, этот язык не является предком современного чувашского языка, однако к нему очень близок [Róna-Tas 1996; Дмитриева, Адягаши 2001: 156]. Отсюда следует, что следы прежнего булгарского языка следует искать в языке чувашей. Примером бытования чисто чувашских слов у булгар является название местности *Хеллече*. Это было наиболее оживленное место в Волжской Булгарии рядом с Волгой. Место знаменито как торговая площадь, куда прибывали русы, тюркские племена, арабы и, видимо, северные соседи. Здесь же сам Алмуш и его окружение проводили большую часть года, фактически весь год, за исключением двух месяцев, на пастбище. Слово *Хеллече* образовано от суваро-чувашского *хёл(ле)* + тюркский словообразовательный аффикс *-че*. Вместе это означает «зимовье». Эта местность между реками Волгой, Уткой и Ниясной с учетом наличия здесь озер Чистое, Курышевское и Атманское называется Три Озера.

О наличии булгарского элемента в чувашском языке и культуре, а равно и чувашских элементов в языке булгар/болгар говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например, старосл. *белегъ* (у современных болгар — *белюк*) — чуваш. *палак* «знак», «намогильный памятник»; чуваш. *тёкёр* — болг. *тикёръ* «зеркало»; чуваш. *сум* «счет» — болгар. *самъчи* «казначей»; чуваш. *осй* — болгар. *осохъ* «польза»; чуваш. *кап* «форма» — болгар. *капъ* «идол»; *чавка* в обоих языках означает «галка»; чуваш. *кётес* — болгар. *кятъ* «угол» и т. д. [Егоров 1953: 83]. О хороших соответствиях языка памятников Придунавья конца I тысячелетия чувашскому языку пишут и современные исследователи. Они указывают на прямые соответствия типа *žit kon* — *сич кон* «семь дней»,

tul-čī — *тулчĕ* «наполнилось», *turtun* — *туртӑн* «подтянуться» [Мудрак 2005: 83–106].

Иоганн Бенцинг полагал: если отнесение языка дунайских болгар к числу тюркских языков может вызвать сомнение, то язык волжских болгар, вне всякого сомнения, тюркский. При этом он в качестве источников ссылался на лексикографа XI в. Махмуда Кашгарского и на волжско-булгарские надгробные надписи XIII–XIV вв. Иоганн Бенцинг свой тезис подкреплял примерами из хазарского языка, считая, что язык хазар и болгар — одно и то же. Бируни утверждал, что болгарский язык представляет собой смесь (а mixture) тюркского и хазарского языков [Biruni 1879: 51]. Однако число хазарско-булгарских параллелей скудно: город *Саркел*, река *Атил*, антропоним *Булан* [Бенцинг 1986: 18–19]. В то же время, все три примера — чисто чувашские слова: *сар кил* — «желтый (белый) дом»; *Атӑл* — «Волга»; *пӑлан* — «олень». Несомненно, эти слова были активной лексикой савиров. Поэтому аргументация тюркоязычности болгар через хазар не вполне корректна. Уместнее говорить о влиянии языка огузского типа на болгар. К тому же Иоганн Бенцинг почему-то разделяет болгар и болгар, считая первых тюрками, а вторых — нет. Ведь они на Северном Кавказе до разделения и ухода на Дунай и Волгу были единым народом. Хотя для более позднего времени его высказывание вполне справедливо.

Язык волжских болгар не сохранился. Причина состоит в неприменении его в дипломатии, образовании, богослужении и искусстве [Малютин 1996: 60]. Кроме того, на то время следует признать более цивилизованными болгар, чем сувар.

Письменный язык Волжской Булгарии известен исключительно на основе многочисленной арабской графики на погребальных памятниках на месте слияния рек Волги и Камы. В г. Булгаре самые ранние захоронения датируются 1271 г., а последние — 1356 г. Волжские болгары, язык которых является близким родственником современного чувашского языка, имели погребальные надписи на стандартном тюркском диалекте, поэтому язык эпитафий можно считать родоначальником современного языка казанских татар [Shamiloglu 1991: 157].

Татарские лингвисты считают брошюру Н. И. Ашмарина «Болгары и чувашаи» страдающей односторонностью. Так, Л. З. Залая утверждал, что Н. И. Ашмарин построил свои выводы, исходя лишь

из нескольких чувашизмов на надгробиях, при этом он совершенно игнорировал те языковые материалы в текстах этих эпитафий, которые имеют непосредственную связь даже с современным языком татар Поволжья. «Проф. Ашмарин хорошо знал, что на этих надписях рядом с чувашской формой “Джиат джур джал” (700 г.) имеется, даже в большем количестве, форма “Ете юз утуз ете” (737 год) и т. д. — чисто татарская форма. Но, несмотря на это, в своих выводах он пришел к заключению, что прямыми потомками болгар являются чуваша» [Заляй 1948: 157]. Сюда же следует отнести надпись на золотом ковше, поступившем в Кунсткамеру в XVIII в. Здесь имеется фрагмент «*алти йур ун ити*», т. е. 617, где вместо ожидаемого болгаро-татарского *йүз* имеем суваро-чувашское *йур* «сто [Мухамадиев 2011: 46]. При этом лингвисты признают, что татарский язык (тем более современный) не является целиком и полностью продолжением болгарского языка. Как и любой язык, татарский за свою историю пережил очень большие изменения. Тем не менее он является продолжением болгарского языка. Потомками болгар считал «настоящих татар» (т. е. казанских) и А. Ф. Риттих [Риттих 1870: 28, 54]. Большое количество надписей было выгравировано на эпитафиях XIII–XV столетий в Волго-Камском регионе с арабскими текстами, включающими тюркские фразы. В литературе их называют волжско-булгарскими надписями. Однако часть надписей выполнена языком чувашского типа, а остальные отражают диалект тюркского языка. Надписей чувашского типа с тюркскими элементами не было до середины XIV столетия, тогда как другие надписи продолжали бытовать.

Уже к XI–XII вв. заимствованные волжско-булгарские элементы имели место в русском языке. Так, слово *товар* происходит от волжско-булгарского **tavar*. Оно также присутствует в венгерском языке в форме *tár* «контейнер», а также в составе некоторых слов, например *kinctár* «дом сокровищ». От этого слова сформировалось слово *товарищ*, первоначальная форма которого присутствует в венгерском языке как *tars* «компаньон», «товарищ». Другим русским словом является *хозяин* от корня *hozja*, которое бытовало независимо в старорусском языке. Персидское *хуважа* было опосредованно через волжских болгар (ср. чуваш. *хуҫа*). Согласно некоторым источникам, известный район Москвы Арбат первоначально был торговым местом волжских болгар (позже — татар). Название

вернулось обратно к волжским булгарам в форме арабского слова *rabaṭ* – «пригород, квартал» (ср. название столицы Марокко – Рабат) [Róna-Tas 2007].

В XIII–XIV вв. оказывается мощное кыпчакское влияние на племена Волжской Булгарии, проникают многочисленные слова монгольского, арабского и персидского происхождения. Общеизвестно также, что татарский язык образовался на болгаро-тюркском субстрате. К середине XIII в., когда образовалась Золотая Орда, болгары начали испытывать влияние «тюрко-татар» и, в конце концов, восприняли их язык. Преподавание арабского языка в медресе и распространение его в науке и религии открывали широкую почву для проникновения в волжско-булгарский язык. Например, заимствованная лексика хорошо запечатлена на эпитафиях.

Большая часть кыпчакского населения появилась в Волжско-Камском регионе вместе с монголами и после них. Некоторые группы монголов могли входить в контакты с булгарами в более ранние времена. Современные татарский и башкирский языки включают определенное число слов, имеющих волжско-булгарское происхождение. Например, татарское и башкирское слово *izge* имеет значение «святой», «святейший». Слово присутствует также в казахском и в некоторых тюркских языках в значениях «хороший», «сакральный». Эта форма восходит к волжско-булгарскому **ezgi* < *ezgü*. Слово является волжско-булгарской формой старотюркского *edgü* «хороший». Оно было скопировано также в венгерский язык, где приобрело значение «святой». Многие слова часто получают вторую жизнь. Чувашское слово *шăрпă* «рыбья кость» является копией татарского слова *širpi*, которое само было заимствовано из языка волжских булгар (*širpi*). К черемисам слово *šarpă* могло прийти или от татар, или от чувашей [Róna-Tas 2007].

Известно, что в г. Булгаре чеканились монеты монгольских ханов. Из надписей на этих монетах видно, что население Волжской Булгарии сохранило свой домонгольский язык, наследником которого является теперь язык чувашей. Но этот булгарский язык подвергался постепенному и мощному влиянию тюрко-кыпчакского. Преобразованный язык постепенно и твердо сделался государственным. А в городах, основанных при монголах на Средней Волге (например, в Казани), татарско-кыпчакский язык стал начальным [Бартольд 1968: 136]. По мнению Широ Хаттори, болгары

приняли тюрко-татарский язык на основе своей собственной системы гласных, которая сохранилась как субстратное явление, а позднее преобразовалась в систему гласных современных татарского и башкирского языков [Хаттори 1980: 93]. Аналогично высказался Габор Берецки [Bereczki 1983: 207–236; Дмитриева, Адягаши 2001: 101]. Притом в первое время сильнее сказалось тюркское влияние на татарский язык, позже — татарское влияние на чувашский.

Таким образом, волжские булгары (в первую очередь мусульмане), в отличие от не исламизированных чувашей, перешли на кыпачкский язык и превратились в казанских татар [Кобищанов 1996: 93].

Огромные потери в генетическом, демографическом и языковом планах понесли булгары из-за черной чумы в 1340–50 гг. Не удержалась тогда и Золотая Орда. Именно в рамках этого десятилетия обозначается внезапный конец в практике написания надгробных надписей на волжско-булгарском языке. После этих событий булгарский язык не сохранился, ибо он не был родным разговорным языком, по крайней мере, у той лингвистической общности, которая возводила бы надгробия. Так не стало священного языка религиозных и ритуальных обычаев булгар. Его место прочно занял стандартный тюркский язык [Шамильоглу 2001: 18–19; 2007: 169–175].

Отсюда можно заключить, что среди волжских булгар были племена, говорившие на языке чувашского типа, которые позже были ассимилированы кыпчаками, проникшими на эту территорию в XIII столетии. Видимо, в этом есть большая доля исторической правды. Выходит, «наследниками булгарской культуры являются казанские татары, в кыпчакском языке которых от булгарского осталось в лучшем случае пара десятков заимствований» [Напольских. Пермско-угорские]. Тогда становится очевидным тезис об идентификации языка булгар как языка исторических предков поволжских татар, а не чувашей. Аналогичного мнения придерживается Иштван Зимони. Последние лингвистические и исторические исследования, пишет он, подтверждают, что чувашаи не происходят непосредственно от волжских булгар. Термин «булгары-тюрки» был основан на утверждении части историков, что все народы, называемые булгарами, говорили на булгаро-тюркском языке. Кроме того, в отношении к волжских булгар утверждалось, что ранние булга-

ры к северу от Черного моря и дунайские болгары на Балканах однозначно говорили на языке булгар-тюрков. Рассуждали об этом без приведения каких-либо подтверждений. Можно делать вывод о том, что волжские болгары, которые говорили на языке чувашского типа, были ассимилированы кыпчаками, переместившимися на эту территорию с XIII в. [Zimony 2014: 251, 266]. По мнению Луи Базена, болгары превратились в кыпчаков и представляют нынешних казанских татар. Он был убежден, что язык волжских булгар в основном был кыпчакизирован, их язык сохранился теперь по большей части среди чувашей [Bazin 1974: 652].

Также следует соглашаться с мнением о том, что болгары (главным образом болгары-мусульмане), связанные больше с городской культурой, окончательно отатарились к концу XIV в. [Фахрутдинов 2011: 34].

Все это примерно так. Однако еще со Средних веков остается дилемма: являлись ли болгары изначально славянами или тюрками? Их тюркоязычность исследователи пытаются подтверждать через тюркоязычность гуннов, с которыми болгары якобы имеют этногенетическую связь. В то же время исследователи, опирающиеся, прежде всего, на письменные источники, не делают выводов о тюркоязычности древних булгар и не видят прямых генетических связей с гуннами. Другие исследователи, в основном лингвисты, выдвигают гипотезу о центральноазиатских корнях булгар. Они же в подтверждение своих предположений приводят дунайские эпиграфические надписи IX в. («Именник болгарских князей»), а также волжские эпитафии XIII в. Приводимые языковедами признаки имеют отклики в сарагурском, оногурском, огурском, савирском и хазарском *r*-языках. Тем не менее, считает И. Г. Семенов, первые достоверные свидетельства о появлении в Европе носителей языков этой группы не имеют никакого отношения к болгарам, а связаны с сарагурами и оногурами, в этнониме которых присутствует компонент — *огур*. И. Г. Семенов выдвигает версию о смешанном (протославянском с иранским) языке булгар. «На начальном этапе, а именно в V — середине VI в., дунайские болгары являлись протославяноязычными и, возможно, уже включали в себя группы восточноиранского населения» [Семенов 2015: 12–13]. В таком раскладе нет ничего странного. Вспомним антов, в языке которых наряду со славянским имелись иранские элементы. Далее в двух

регионах произошли метаморфозы: на Дунае в славянский язык постепенно диффузировался огурский, а в Поволжье булгарский язык был вытеснен языком общетюркского типа.

Этнография

В известном письме царя Хазарии Иосифа, в частности, читаем: «В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними, В-н-нт-р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами» [Коковцев 1932: 92]. Об области венендеров говорится и в «Худуд ал-Алам» [Бартольд 1930: 32]. Еще исследователи XIX в. отождествляли *в. н.н.т.р* письма Иосифа с оногурами (уногундурами), что и ныне является бесспорным. Об идентичности оногундуrow и этнонимов *Olhontor Bulkar*, *Vlentur Bulkar*, *Vunundur*, *Wuludur*, *Vununtur*, а также мадьярского наименования балканских булгар как *Nandur/Nandor* пишет и венгерский академик [Róna-Tas 1999: 215]. «Булгары сумели подчинить кочевавших в северо-восточном Причерноморье оногуров и кутригуров, вместе с которыми и образовали Великую Булгарию... Но оногуры были лишь *одним* из племенных союзов, вошедших в Великую Булгарию... Эти осколки оногуров откочевали к Волге» [Галкина 2011: 10, 12]. Об оногурах писал и Константин Багрянородный. Так устанавливается связь между раннесредневековой письменной традицией и булгарами Кубрата и Аспаруха, объединяющая их именем *оногоундоуры* [Stepanov 2016: 384]. Таким образом, в лице волжских булгар мы имеем и отпрысков оногуров.

После смерти Атиллы (453 г.) входившие в гуннскую конфедерацию булгары начинают появляться в источниках под своим этнонимом чаще. Тем не менее, рассказывая о событиях второй половины V — первой половины VI в., связанных с гуннами, Иордан называл их то булгарами, то антами, то склавенами. В числе событий 539–540 гг. Феофан рассказал о выступлении множества булгар в Иллирикии (Западные Балканы). Однако союзные Византии гепиды истребили почти всех восставших булгар. Предводителя и нескольких воинов отправили в Константинополь, провели по ипподрому на триумфальном шествии. А плененных булгар

переправили в Армению и Лазику. Тут же Феофан вставил: «Во Фракии наступил прочный мир, так как гунны не осмеливались более переправляться через Дунай» [Феофан 1980: 28, 52]. Таким образом, Феофан называл болгар гуннами. Действительно, болгары (т. е. «смешавшиеся») на то время — это большой конгломерат огуров, гуннов и других элементов [Golden 2008a: 259]. Однако Бернат Мункачи справедливо считал, что военно-политическая связь между булгарами и гуннами не дает оснований отождествлять их на этническом уровне. По его мнению, болгары ни по своему происхождению, ни по языку не были гуннами, а вместе с другими кочевыми племенами Причерноморья оказались в подчинении гуннов и под воздействием их культуры [Munkácsi 1903: 67–68; Дмитриева, Адягаши 2001: 23].

Основная часть оногуров образовала ядро протобулгар. Под 635 г. Никифор называет Куврата «государем гунно-гундуров» [Никифор 1950: 359]. В оригинале — *Οὐνογοῦνδοῦρων*, т. е. не гунно-гундуров, а *овноговидоврон*, упрощенно — *уногундуры*. Название *уногундуры* является вариантом наименования «оногуры» [Чичуров 1980: 107–108, 111; Moravcsik 1983: 167] (**он ог* — чуваш. *вун йăх* («десять племен»)). Например, некоторые источники и этнографы болгар упоминают рядом с котрагами и считают, что эти племена одного происхождения [Феофан 1980: 60; Beyer 2009: 481].

Некоторые из исследователей не без основания считают одними из ранних групп болгарского союза племен утигуров [Болгов 2002: 169], т. е. утигуры стали одним из государствообразующих племен Великой Булгарии в Фанагории.

И. Г. Семенов развивает гипотезу о протославянской этнической принадлежности болгар [Семенов 2015: 12, 22, 25]. Как пишет этот исследователь, начиная с V в. этническая история болгар протекала в тесном политическом взаимодействии с тюркоязычными, точнее огуриязычными племенами, мигрировавшими из Центральной Азии. К концу VI — началу VII в. относится образование в Северном Причерноморье огуриязычного уногундурского объединения. После 640 г. к нему присоединились болгары. Союз болгар с уногундурами мог диктоваться как необходимость борьбы с аварами. С этого времени созданное уногундурами государство ввиду численного преобладания в нем болгар приобретает болгарский характер. Тогда же началась славянизация уногундуров.

Поэтому И. Г. Семенов предлагает считать древних булгар и огурские племена Восточной Европы изначально разными народами, у которых отсутствуют общие этногенетические корни и общая прародина. В пользу идентификации булгар с сакалибами свидетельствует и Ибн Фадлан. В своей книге он царя булгар называет *малик ас-сакалиба*. А вместо *правитель булгар* в оригинале стоит *сахиб ас-сакалиба* [Ибн Фадлан 2016: 20].

Когда булгары в Северном Причерноморье вошли в состав Тюркского каганата, их стали называть тюрками, хотя они сохранили свой язык и племенное название.

В целом говорить о синкретизме булгар есть полное основание. Этот синкретизм в них самих, а также во влиянии иранских и сасанидских традиций на искусство и архитектуру булгар. Кроме того, следует принимать во внимание этнокультурный симбиоз булгар с понтийскими сармато-аланскими племенами, чьи убеждения определенно содержат некоторые черты зороастризма, следы которого остались даже после миграции булгаро-алан на земли вдоль среднего течения Волги [Zhivkov 2015: 19].

В X в. в греческих и славянских источниках упоминаются черные булгары. Исследователи (Питер Голден, Андраш Рона-Таш, Иштван Зимони) идентифицируют их с остатками булгар в припонтийских степях и с волжскими булгарами. Также имеются сторонники идентификации карачаевцев и балкарцев с булгарами. Разбор мнений см.: [Zimonyi 2014: 264].

Примечательно и то, что Ал-Бируни (начало XI в.) Волгу именвал «Нахр ас-Сакалиба», т. е. «Славянской рекой». Все названные факты свидетельствуют, что в первой половине X в. в Волжской Булгарии довольно много было населения, называемого *сакалибы*. Восточные историки и географы раннего средневековья этим этнонимом называли славян. Арабы познакомились со славянами в VII в., когда они были расселены в малоазийских провинциях Византии. Термин *ас-сакалиба* восходит к греческому названию славян. Известно также, что в VIII–X вв. в халифате было много славян-невольников. Для исламского мира сакалибы — это воины славянских контингентов византийской армии, перешедшие в ходе боев в Малой Азии на сторону мусульман, а также невольники славянского происхождения, привезенные на Восток из славяно-германского региона, Чехии, русских земель, с Балкан

[Мишин 2002]. Ибн Фадлан всю эту ситуацию знал хорошо и не мог вложить в термин *саклибы* иное, чем *славяне*, понятие. У Ибн Фадлана этнонимы «сакалибы» и «славяне» вполне идентичны. Читая известные строки: «До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя “славян”, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой... Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя “славян”, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой» [Ибн-Фадлан 1956: 141].

Конечно, автору этих строк хорошо известны другие толкования этнонима *сакалибы*. В. В. Седов, Тадеуш Левицкий, А. П. Новосельцев, Т. М. Калинина, Д. Е. Мишин однозначно идентифицируют сакалибов и славян. Смешение их с другими этносами наблюдается в XII–XVII вв. До этого сакалибы во всех источниках — это славяне или в крайнем случае массив с преобладанием славян.

«Проживание славянского этноса в Среднем Поволжье с IV в. н. э. вплоть до конца I тыс., устанавливаемое по данным археологии, снимает все сомнения в достоверности сведений Ибн Фадлана. Во время его пребывания на Средней Волге славяне действительно составляли массив земледельческого населения, поэтому наименование этого края “страной славян”, а хана Волжской Болгарии “царем славян” представляется вполне оправданным» [Седов 2001: 12].

Список известных по рукописи Ахмеда Ибн Фадлана племен в Волжской Булгарии невелик. Это булгары, сувары, эскэл, башгард (башкиры), русийа (русы), вису (весь) и баранджары как домочадцы одного дома (видимо, речь идет о большом патриархальном роде).

Кыпчакские (кимакские, йемекские) племена, жившие на южных и юго-восточных границах Булгарии, были союзниками и васалами. Наемные отряды кыпчаков неоднократно использовались в междоусобных и внешних войнах [Измайлов 2008: 104]. Лаврентьевская летопись под 1229 г. гласит, что «половцы взбегоша из низу к болгаром перед татары» [ПСРЛ 1: 314], т. е. половцы спасались от монголо-татар, убежав к булгарам. Совершенно верно комментируют данный эпизод казанские этнографы: «Вряд ли кыпчаки пришли бы к булгарам, если не надеялись на какую-то

поддержку... Уже в домонгольское время началось этническое взаимодействие кыпчачков с волжскими булгарами. Об этом говорят и отдельные топонимические данные» [Исхаков, Измайлов 2000: 50]. В числе таких топонимов называются Тухчин, Собекуль, Кайбыч, Читай, Шырдан, Тарлау. На основе смешения с монголо-татарами и влияния кыпчакских племен в корне меняется традиционная культура булгар, главным образом за счет интерференций из Средней Азии, в основном из Хорезма [Егоров 2009: 155]. Поскольку монголо-татары господствовали над сильнейшими племенами и странами, то пользовались совершенным почетом. Ради почитания подчиненные им народы стали называть их татарами.

Как известно, в 1395 г. русские воеводы взяли города Булгар, Жюкотин, Казань и Керемечюк. Притом все названные земли летописи называют «татарскими». Иначе говоря, к этому времени понятие «булгары» уже заменяется на «татары».

Булгары, без сомнения, смешались с татарами [Куник 1878: 146], т. е. с монголо-татарами. С перенесением центра Булгарского государства в Казань это положение утвердилось. «С этого времени за населением Среднего Поволжья окончательно упрочилось наименование татар» [Смирнов 1948: 16]. Однако это была только смена экзоэтнонима, ибо булгары продолжали сами себя называть булгарами. Русские летописи XIV–XVI вв. продолжают называть булгар их собственным именем. Так, «Казанский летописец» под 1445 г. еще упоминает худых болгар. Перечисляя титулы российских царей, официальные документы включают и название страны Булгария. Например: «Василий III – Государь всея Руси и великий князь Владимирский и Московский, Ноугордский, Псковский, Тверский, Югорский, Пермский, Болгарский, Вяцкий и иных...». А также: «Иван Васильевич – великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси». Во второй половине XVII в. двойственное название (казанцы-болгары) еще сохраняется. Например, митрополит Иоасаф официально назывался митрополитом Казанским и Болгарским. «Булгар» присутствовал и в титулатуре Петра I: «Царь Московский, Киевский... Казанский... Булгарский». «Местное население, теперь называющее себя татарами, до XIX века включительно, да и не только до XIX века, а вплоть до Октябрю-

ской революции, называло себя булгарами. Именно простой народ претендовал на это наименование» [Раимов 1948: 145]. Эта тенденция сохраняется по сегодняшний день среди определенного слоя населения.

Как видим, вопрос о болгарской преемственности у татар имеет отчетливо положительный ответ. На совещании о происхождении казанских татар в 1946 г. А. Ю. Якубовский дал совершенно определенную формулировку: «Этническую основу казанских татар... составляют древние булгары, включившие в себя еще новые элементы, пока еще плохо обследованные и только впоследствии получившие имя татар» [Якубовский 1948: 133]. Тогда же А. П. Смирнов высказал почти аналогичную мысль. Он считал, что болгарская культура была фундаментом для создания более поздней татарской культуры [Смирнов 1948: 150]. Аналогичное мнение высказывалось и позже. Например, А. Х. Халиков рассматривал общеповолжскую народность, сформировавшуюся в домонгольское время, как этническую основу татар Среднего Поволжья и Приуралья [Халиков 1989: 117]. О болгарской основе происхождения казанских татар писали и другие исследователи, например, Р. Г. Фахрутдинов. Хотя, несомненно, следует учесть, что к XVI–XIX вв. в общинном самосознании народов Среднего Поволжья исторические связи с Волжской Булгарией почти утратились. А желание некоторых современных казанских татар вернуть себе имя *булгары* справедливо называют «изобретением традиций» [Шамильгоду 2011: 280]. Слишком большие перемены произошли в истории народов, когда-то населявших Волжскую Булгарию, время ушло. Желание вернуть казанским татарам этноним *булгары* теперь всего лишь академическое упражнение и бюрократическая процедура [Тишков 2013: XLV].

В литературе утвердилось мнение о чувашах как об этнических булгарах. Такой тезис был выдвинут еще в первой половине XVIII в. В. Н. Татищевым: «Ныне же за сущии остатки болгоров чуваша, черемиса, мордва и мокшане почестья могут» [Татищев 1964: 448].

С целью определения истины обратимся к мнениям других исследователей. Булгары еще в Приазовье сложились в союз племен. Но савиры в этот союз не входили и обитали в степях Западного Прикаспия. На Кавказе у савиров было свое объединение. Также

известно, что хазары, освободившись от власти Западно-тюркского каганата, включили в свою конфедерацию и савиров. Затем хазары развернули наступление против болгар [Жоковцев 1932: 92]. «Во времена Булгарского государства волжские болгары и предки чувашей, хотя генетически и были сравнительно близки друг к другу, представляли собой разные народы» [Хаттори 1980: 93].

Детальное ознакомление с этнографическими источниками позволяет утвердить тезис о том, что чувашаи не смогли произойти от болгарского племени. Даже ретроспективный, чистой воды теоретический взгляд не позволяет вывести такую схему. К тому же строки из книги Ибн-Фадлана подтверждают недружелюбные отношения между суварями и булгарами. Рукопись «*Hudūd al-'alem*», составленная в конце X в. и повествующая о начале этого же века, констатирует враждебные отношения не только между булгарами и суварями, но и о нахождении в состоянии войны болгар с барсула и иргиль. Об этом же пишет своих трудах Питер Голден [Golden 2008: 236]. Впрочем, говоря об этнических составляющих болгар и государства Булгария, первоисточники (Ибн Русте, Гардизи и «*Hudūd al-'alem*») один в один утверждают: один разряд из них называется *б. р.сула* (*Barchūla*), другой разряд — *ас.к.л* (*Ishkile, Asgil*), третий — *булгары* (*B.lkar*) [Заходер 1967: 28–29]. Как видим, источники суваров в подразделение болгар не включают. Это еще один довод в пользу того, что болгары и савиры (сабиры, сувары) не состояли в единой коалиции. Поэтому писать «булгары-сувары», как делают многие исследователи ([Егоров 1971: 14] и другие), а также утверждать, что древнейшие предки чувашей — савиры и болгары [Каховский 1965: 212], неверно. Они два разных народа на всем протяжении истории. Бернат Мункачи по вопросу, являются ли болгары предками чувашей, высказался весьма резонно. В этническом вопросе чувашей главное обстоятельство то, что они не называют себя булгарами, писал венгерский исследователь [Munkácsi 1903; Дмитриева, Адягаши 2001: 24]. Действительно, нет данных, чтобы чувашаи когда-либо называли себя булгарами [Golden 1992: 397]. Несомненно, этноним *čuvaš* не свидетельствует об исторической тождественности с булгарами. Однако, учитывая все остальные обстоятельства, следует признать, что *čuvaš* — это название народа, стоявшего с булгарами в исторической связи. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Тем не менее Бернат Мункачи совершил

явную историческую ошибку. Он заявил, что предки чувашей находились, по всей вероятности, в подчинении у болгар и в таком качестве поменяли свой язык на болгарский. Получается курьезная неувязка. Конечно, в истории происходило не так. Хотя Бернат Мункачи и не оговаривает, какой период истории предков чувашей он имеет в виду, в любом хронологическом разрезе его взгляд о перерождении племени *čuvaš* в болгар — это неправда. Да, савиры/сувары на Кавказе и на Волге вместе с булгарами изредка входили в политические и военные конгломераты. Но никогда эти племена не смешивались до неузнаваемости, хотя в процессе формирования болгаро-татарской народности, несомненно, частично были ассимилированы и сувары.

Булгары, обитавшие у Понтийского моря, активно пользовались дарами рек и водоемов. Они много употребляли рыбу, ели ее без соли [Аноним 2002: 192]. Об изобилии рыбы в Меотиде и Керченском проливе писали еще Геродот, Страбон и Иордан.

В Волжской Булгарии были широко распространены сошники. Двухзубые сохи бытовали в Волго-Камье без конструктивных изменений до начала XX в. Появление пахотных орудий сошного типа ознаменовало становление паровой системы земледелия. По конструктивным особенностям сохи абсолютно не приспособлены для обработки степных целинных почв. Они предназначались для старопашотных земель. Значительную часть болгарского сельскохозяйственного инвентаря составляли косы и серпы. Только в Биллярске и окрестности найдено около трех десятков этих орудий [Халиков 1985: 18]. А это свидетельствует о занятии горожан сельскохозяйственным промыслом.

В Волжской Булгарии интенсивно возделывали зерновые культуры. «Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо», — констатировал арабский писарь [Ибн-Фадлан 1956: 131]. Чаще всего источники называют пшеницу, ячмень и просо [Ибн-Даста 1869: 23–24; Рубрук 1997: 97–98]. Гардизи говорил о наличии в Булгарии хлеба, мяса, тыквы, чечевицы и бобов. В 1024 г. в Суждале (Суздале) поднялся великий мятеж и разразился голод. Аналогично голодали многие области Верхнего Поволжья. Тогда «идоше по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша», — гласит Лаврентьевская летопись [ПСРЛ 1: 148]. То же повторяют Новгородская и Софийская летописи. Только вместо «жито» в них

говорится более конкретно: «пшеницу и жито» [ПСРЛ 4, 1: 112]. При раскопках Биляра были найдены зерна проса, а в Суваре было открыто большое число зерновых ям. Получается, что горожане в известной степени также занимались земледелием [Смирнов 1951: 148]. Как видим, у болгар земледелие составляло основную отрасль хозяйства.

Тем не менее скотоводство также играло значительную роль в жизни населения [Греков 1959: 523]. Например, у них были вьючные животные. Из мясного болгары ели конину [Заходер 1967: 31, 32], что, несомненно, связывает их с казанскими татарами.

В деревнях основу социальных отношений составляло общинное земледелие, где участки пашен и угодий находились в пользовании отдельных семей. Судя по размерам жилищ, семьи состояли из 5–9 человек. С учетом родственников, селившихся поблизости, общее число составлявших родственный коллектив достигало 20 человек [Руденко 2013: 28].

Однако следует заметить, что нынешние южные черноземные районы Чувашии занимали сувары. В эту зону входят Батыревский, Комсомольский, Шемуршинский и Яльчикский районы. Именно эти земли до сих пор дают высокий урожай зерновых. Булгары же занимали левобережные территории Волжской Булгарии. Поэтому следует уточнить, что зерновые культуры Волжской Булгарии в основном поставляли сувары.

На конец XIII — начало XIV в. у болгар не было никаких фруктовых деревьев и винограда. Причину источник объясняет сильными холодами в этих местах. Но поспевал черный редис и вырастал он огромного размера [Абу-л-Фида' 2009: 125].

Для нового города Казани было выбрано удобное место не только с географической точки зрения, но и экономической. «Место пренарочито, и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцами семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодья», — подчеркивал летописец [ПСРЛ 19: 10].

На реке Атил у болгар находилось «торжище, на котором [расположен] постоянный рынок и где продаются многие важные товары» [Ибн Фадлан 2016: 39]. Булгарское государство было преимущественно торговое. С ним вели торговлю Хазария, Русь, а также все племена, живущие по обоим берегам Атыла. В качестве основного товара фигурировал мех: соболиный, горностаевый, беличий.

С приезжих купцов взимали пошлины в виде десятой части товаров. Чеканенные привозные монеты они меняли на свое основное богатство — куний мех. Дорогие меха разного рода отправляли в южные страны, например в Крым. Пользовались армянскими коврами. Такой ковер, например, был и в юрте у Алмуша: «Все они (живут) в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, усталая в большей части армянскими коврами» [Ибн-Фадлан 1956: 137]. Рассказы об армянском шелке (*эрмен турçанё*) можно было записать среди чувашей до 70-х гг. XX в. Конечно, в Болгарию шелк поставляли армяне, которые имели здесь свою колонию.

Из арабского источника XII в., характеризующего события X–XI вв., узнаем следующее. Болгарские купцы по торговым делам к своим северным соседям товары возили на санях, которые тащили собаки по сугробам. А сами «со скоростью ветра» передвигались на лыжах, изготовленных из бычьих голеней, отталкиваясь «двумя копыями» [Заходер 1967: 65].

На раскопках Болгарского городища обнаружены находки, свидетельствующие о торгово-ремесленной специализации этого района. Особый интерес представляют предметы торгового инвентаря. На площади раскопов найдены предметы, представляющие торговый инвентарь: обломки бронзовых весов, сферическая гирька, медные чашки к весам, медные и железные гири. А такие вещи, как обломки китайских селадоновых чаш, чашки крымского производства, обломки амфор попали в Булгар в результате международной торговли. Раковины каури, конечно, привезены из Индии. Встречены также осколки ближневосточных стеклянных сосудов. Такое скопление является свидетельством международной торговли в г. Булгаре в середине XIV в. [Полубояринова 2013: 252, 255–256].

Почти с момента образования Волжская Болгария становится центром транзитной торговли. Особенно оживленные сделки шли с хазарами и русами, которые завозили на Волгу соболей, горностаев и белок [Заходер 1967: 29]. В описаниях событий 40–60-х гг. X в. г. Булгар значился небольшим, в нем не было многочисленных округов. Он был известен, прежде всего, как порт, куда причаливали купцы соседних государств. После разгрома Хазарии киевским князем Святославом в 965 г. роль Болгарии как торгового центра возрастает еще больше. Налаживаются три торговых направления:

с Востоком, Русью и соседями. Строятся города, развивается ремесло. В качестве товара и средства обращения широко используются меха пушных зверей, зерно, мед. Развитию торговли во многом способствовали водные пути по Волге и Оке. Благодаря им Булгария становится центром транзитной торговли. Из Булгара был проложен путь в Киев. В городе возникали фактории, где хранили товары. Здесь купцы, охрана, носильщики, гребцы, слуги, путешественники останавливались на отдых, появилась целая сфера обслуживания. «Сюда же стремились речные пираты и грабители» [Белорыбкин 2003: 78]. Все эти факторы вкуче способствовали возникновению государства.

Чеканенные дирхемы здесь ломали и отдавали русам и славянам, т. к. те продавали товары только за дирхемы [Бартольд 1973: 58]. Господствующий класс скупал у инородческого населения Среднего Поволжья и других стран плоды земледелия и ремесла, затем вывозил их в восточные государства. Например, в Хорезм вывозили меха соболиные, беличьи, горностаевые, лисьи, куны, бобровые, заячьи, козы. Туда также шли воск, стрелы, колпаки, рыбий клей и зубы, мед, лесные орехи, мечи, кольчуги, бараны и коровы [Ал-Мукаддаси 1939: 203]. Кстати, под рыбьими зубами имелись в виду бивни мамонта и зубы моржей, которые булгары брали у манси [Фахрутдинов 1986: 67]. С жителями же Югры (т. е. с уграми) волжские булгары имели контакты с целью торговли мехом [Zimonyi 2014: 137]. В Булгарию ввозили восточные изделия, которые перепродавали северным и западным соседям. Посредничество давало прибыль торговцам [Фирсов 1866: 14]. Особо тесные торговые отношения были налажены с хазарами и русами [Ал-Бекри 1879: 63]. Именно такие традиции были характерны для татар Поволжья. Сувары, а позже и чуваша как народ, привязавшийся к земле, также являлись покупателями товаров у булгар, а затем — у татар. Поэтому еще в конце XIX в. Гайнутдин Ахмеров не без основания констатировал, что народ, ныне называемый казанскими татарами, является прямым потомком прославленных торговцев-булгар [Ахмеров 1998: 27]. Культура булгар золотоордынского времени складывалась на основе местных традиций. «Если провести сравнение культуры болгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то нетрудно убедиться в том, что болгарская культура явилась основой культуры казанских татар» [Смирнов 1948: 16].

Вопреки пониманию многими арабскими источниками и исследователями понятия Булгар как города, во времена Ибн Фадлана это слово означало страну. В энциклопедии Наджиба Хамадани «Диковинки творений» Булгар описывается как «большая область». Исследователи справедливо переводят его как Land [Ковалевский 1956: 153, 161]. Есть сомнение в том, был ли г. Булгар в собственном смысле к приезду Ибн Фадлана. В источнике от 895 г. (ко времени появления на Средней Волге самых первых суваров) Булгар представлен как состоящий из деревянных и тростниковых построек [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. По данным на XII в., в г. Суваре постройки были деревянные, в них укрывались жители зимой, а летом — в шатрах [Ал-Идриси 2006: 120]. Иначе говоря, только через более чем два века после Ибн Фадлана в Суваре появились деревянные дома и шатры. О кирпичных строениях нет и речи. «Все постройки и надписи, сохранившиеся в нем (Булгаре. — А.С.) теперь, относятся к эпохе монгольского владычества» [Бартольд 1968: 136]. Поэтому исследователям наследия Волжской Булгарии следует помнить этот факт, а не переносить данные XIII–XV вв. на IX–XII вв. Так, в первой половине XII в. ал-Гарнати увидел полностью деревянный город Булгар. Он писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена — из дуба... А холода зимой бывают очень сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза» [Ал-Гарнати 1971: 30]. Аналогичное свидетельство оставил автор XIII в. Якут: «Булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями» [Frähn 1832: 565]. Поэтому надо иметь в виду, что нынешние сохранившиеся каменные развалины г. Булгара — это уже остатки построек, возникших после 1236 г. и более поздний период. По крайней мере, существующий исторический памятник «Булгарский заповедник» — это не суварское наследие. Археологические раскопки полностью подтверждают свидетельства средневековых историков. Так, согласно А. П. Смирнову, в X–XIII вв. у булгар были простые деревянные срубы или каркасные постройки, оштукатуренные глиной снаружи и изнутри. Крыша у таких домов делалась плоская. Такой тип дома, видимо, сложился одновременно с появлением здесь булгар, принесших его с собой с юга, где он был широко распространен

у хазар и антов. Кроме того, масса жителей еще продолжала жить в землянках [Смирнов 1951: 139].

Экспедиции А. П. Смирнова накопили материал, позволяющий представить оборону Суvara, ставшего сугубо болгарским городом после ухода суваров на правобережье Волги в 922 г. Это земляные валы с дубовыми стенами в два ряда шириной 3,5–4 м, утрамбованные внутри земель, и сторожевые башни. Снаружи был ров, наполненный водой и напичканный острыми бревнами. Крепость охраняли воины с копьями, дальнобойными луками и стрелами. «Эти укрепления явились первой серьезной преградой на пути следования монгольского войска в Европу в 1236 г. Сувар, расположенный южнее остальных крупных городов Волжской Булгарии, бесспорно, одним из первых принял на себя удар неприятельской армии» [Фахрутдинов 1986: 102].

Ссылаясь на А. П. Смирнова и А. М. Ефимова, В. Д. Дмитриев также полагал, что каменное строительство в Волжской Булгарии освоили лишь в конце XIII в. [Дмитриев 2014: 101, 121]. На конец XIII — начало XIV в. в городе Булгаре имелись три бани. В первой половине XIV в. город представлял собой дома, выстроенные из соснового дерева, а стены крепости строились из дубового [Хвольсон 1869: 87]. По состоянию на 1220 г. город Ошель также был полностью деревянным. Летописный свод свидетельствует, что в этот год войска князя Юрия Всеволодовича окружили город Ошель. «Около града острог бе, тын дубов», «посекоше тын», «посекоша тын и оплоты», «зажгоша его», «град зажгоша», заметил летописец. «А Святослав стоя ту, дондеже згоре град, и взяша Ошель» [ПСРЛ 28: 48, 205–206; 33: 61–62]. Для сравнения: в 1437 г. города Рязань и Коломна были укреплены не камнем, а деревянными тынами, ибо в тех местах камня было мало [Барбаро 1971: 98]. Иначе говоря, по крайней мере, до XV в. в городах региона в целом преобладали деревянные строения.

Кирпичных строений в X–XII вв. в г. Суваре было чрезвычайно мало. На территории Волжской Булгарии X–XIII вв. известно всего семь кирпичных зданий. Скорее всего, все это общественные бани, построенные по исламским традициям [Измайлов 2013: 41]. Археологи обнаружили пока единственный богатый жилой дом-дворец. По характеру (устройство фундамента, квадратный кирпич, система кладки, связывающий материал, система отопле-

ния, обломки водопроводных труб) он напоминает среднеазиатские сооружения эпохи Исламского возрождения. Все это, а также технические приемы строительства указывают на участие в постройке кирпичных строений среднеазиатских мастеров. По состоянию на 985 г. здесь фиксируются также палатки.

Город Биляр в XII в. был столицей Волжской Булгарии. Существовал и процветал он и в XIII в. Еще в XVIII в. на поверхности земли были видны развалины городища. В ходе раскопок здесь был собран уникальный вещевой материал. По своему характеру вещи близки к суварским находкам. Развалины кирпичных построек, сохранившиеся в Суваре и Биляре, относятся уже к XIV в. [Смирнов 1951: 138, 229].

Несмотря на оседлость и возделывание богатого урожая зерновых, булгары по-прежнему продолжали жить в традиционных кочевых юртах. Кочевой образ жизни и оседлая жизнь в Волжской Булгарии существовали бок о бок [Golden 1980: 88, 47].

В монгольский и золотоордынский периоды в Булгаре имелись деревянные наземные дома с подпольями. В это время здесь появляется новый тип жилищ — сырцовые дома с подпольной системой отопления. На раскопках чаще всего встречаются печи с каналами капов, по которым проходил горячий дым. Судя по размерам и составу находок, они принадлежали состоятельным жителям [Полубояринова 2009: 436–437]. Наличие отопительных систем в виде капов, скорее всего, говорит об элементах восточноазиатской строительной традиции [Зеленев 2013: 24].

Наряду с деревянными строениями в Волжской Булгарии имелись и каменные постройки. Известно, что в те времена камень в качестве строительного материала использовался в Закавказье, Крыму и Хорезме. Поэтому о бане из камня в Булгаре можно утверждать, что способ постройки пришел к булгарам из Закавказья и Крыма. На это указывает и применение некоторых архитектурных форм и строительных приемов, обычных для тех мест. Должно быть, первыми строителями таких бань были армяне, у которых в Булгаре была своя колония [Смирнов 1951: 225].

Относительно истоков каменных строений в Поволжье есть и другое мнение, отличное от среднеазиатской версии. Согласно ей, переселенцы из салтово-маяцкого региона, входившего в состав Хазарии, имели собственный опыт строительства городов,

крепостей и поселений. По крайней мере, они были жителями Итиля, Саркеля, Баранджара и Семендера. Все эти и другие города-крепости (всего их насчитывают 12) были построены в традициях восточных регионов Византии. Поэтому мнение об участии среднеазиатских или ближневосточных мастеров берется под сомнение. Такое предположение применимо только к первой колонной мечети арабского типа. Видимо, и они ограничились поверхностным объяснением, а строили по их чертежам из бревен местные мастера. «Строительство в сер. 2-й пол. X в. каменной части соборной мечети в Биляре и кирпичных, кирпично-каменных зданий в городах Булгарии совпадает с новой волной переселенцев из Хазарии, которые, на наш взгляд, и принесли в регион опыт массового производства сырцового и обожженного кирпича. Диапазон габаритов сырцовых и обожженных кирпичей Булгарии практически аналогичен размерному ряду кирпичей в постройках крепостей Хазарского каганата: Семикаракорской, Саркельской и др.» [Надырова 2010: 29]. Вместе с тем известно, что здания из обожженного кирпича в Хазарии строили только для каганов. Поэтому практически все каменные здания в булгарских городах, первоначально признанные за дворцы и жилища знати, теперь считают банями-хаммамами. Кроме того, поволжские кирпичи по размерам отличаются от среднеазиатских.

В Волжской Булгарии в домонгольское время существовали общественные бани как простой, так и относительно сложной планировки. Оба типа продолжали иметь место в золотоордыское время. Простой тип представлен баней в Большой Тоябе и баней XIII в. в Булгаре. К сложному типу относится баня № 3 в Булгаре. В X в. здесь появляются банные сооружения с более развитой планировкой, такие, как Красная и Белая палаты [Зиливинская 1989: 232].

На Донце, в низовьях Дона и на Северном Кавказе древним булгарам принадлежит характерная керамика. Это котлы с внутренними ушками на венчике для подвешивания над открытым очагом.

Булгары на остриженной голове оставляли пучок длинных волос, которые иногда заплетали в косу [Артамонов 1962: 155–156].

Ряд предметов, обнаруженных в погребениях Верхнего Чирюрта (Кизилюртовский район Дагестана), привлекает особое внимание. Например, удлиненные пуговицы-стерженьки с кубиками на концах и петель посередине для пришивания их к одежде.

Они же широко распространены в инвентаре в Нови-Пазаре (Восточная Болгария) и в Большетерханском могильнике, принадлежащим ранним булгарам на Волге [Федоров, Федоров 1978: 67, 133].

Сравнительное изучение болгарского народного костюма и чувашского приводит к выводу об общности вышивок. Например, прослеживается параллель между вышивкой на женских рубахах капанцев и нагрудной вышивкой *кёскё* на женских рубахах чувашек. Считают, что чувашский женский головной убор *хушту* и болгарский *луб* имеют общие корни [Каховский 1965а: 204–205; Денисов 1969].

В начале X в. болгары носили длинные куртки. В этом они были похожи на хазар и баджанак (печенегов) и отличались от русов, носивших короткие куртки [Аль-Балхи 1960: 277–278; Ибн Хаукал 2009: 95]. В 985 г. новгородские воеводы Владимир и Добрыня одолели Болгарию. Однако, увидев, что те все носят сапоги, воздержались от претензий на дань. Иначе говоря, русские заранее знали, что такой народ не будет в угнетении. И был заключен между ними мир. Обе стороны решили: «Толи не боудеть межи нами мира, оли камень начнет в воде плавати, а хмель грязнути» [ПСРЛ 4, 1: 60; 6, 1: 71; 16: 250–251]. Золотоордынский хан Берке, помимо других дорогих одеяний, носил золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже [Эль-Муфадаль 1884: 193]. Упоминаемая болгарская кожа, больше известная как *булгари*, в Средние века славилась не только в Поволжье: «Есть полная уверенность в том, что татарская национальная узорная цветная обувь имеет глубокие, болгарские традиции» [Фахрутдинов 1986: 67].

Во второй половине IX – начале X в. болгары ездили верхом, носили кольчуги и имели полное вооружение. От всякого, кто женится, царь брал подать в виде верховой лошади [Ибн-Даста 1869: 24].

Оригинальной чертой погребального обряда на Танкеевском могильнике является захоронение с лицевыми покрытиями. В погребениях ранней (немусульманской) части кладбища на черепках имелись маски из тонкого листового серебра с прорезями для глаз и рта, а также рельефной выпуклостью для носа. В некоторых погребениях под масками сохранились шелковые подкладки [Халикова 1971: 81–82]. Как свидетельствуют находки в могильниках V–VI вв. у села Лихачевки Полтавской области, болгары хоронили своих умерших родственников в берестяных гробовищах [Комар

2008: 199]. В Волжской Булгарии умершего к месту погребения привозили на повозке. На месте его снимали с повозки и клали на землю. По его контуру очерчивали линию. Затем по этой линии копали яму, сделав в ней боковую нишу для тела [Ибн Фадлан 2016: 41].

Искусство

Несомненный интерес представляют женские захоронения Танкеевского могильника (VIII–XI вв.). Здесь на одежде погребенных зафиксированы украшения. У черепа находились височные подвески, в основном салтовского типа. Под головой (на шее) имелись остатки ожерелий из бус. В некоторых случаях бусы располагались двумя группами по обеим сторонам груди [Халикова 1971: 79].

Анализ мечетей Золотой Орды показал, что они представляли собой прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых было разделено рядами колонн. Такая планировка была заимствована из Анатолии, где подобные мечети получили распространение в сельджукский период (XI–XIV вв.). Малоазийский облик имели и минареты, связанные с мечетями и соответственно образующие с ними единый архитектурный ансамбль. На связь с Анатолией определенно указывают также архитектурные детали, украшенные искусной резьбой. Однако, восприняв анатолийский тип мечетей в целом, золотоордынские зодчие внесли много нового в его облик. В Волжской Булгарии и Крыму наиболее выраженным было армяно-малоазийское влияние на мемориальные памятники. Заметно присутствие элементов ширвано-апшеронской школы Азербайджана. Ярким примером отчетливо выраженного сельджукского влияния на архитектуру Золотой Орды являются бани, предназначенные для обслуживания социальных верхов. Архитектура усадебных зданий городов Золотой Орды отражает наличие двух составляющих — кочевой и оседлой [Зиливинская 2012: 30, 31, 33].

Ювелирное дело в Волжской Булгарии считается оригинальным явлением в мировой культуре. Особенно выделяются работы мастеров по золоту и серебру. Они в основном обслуживали зажиточную часть населения, прежде всего городского. Основным источником технологических заимствований и копирования форм изделий были страны Востока. Золото использовалось болгарски-

ми ювелирами экономно. Например, медное колечко обтягивали золотой фольгой. Украшения, выполненные из чистого золота, единичны. В качестве дополнительных вставок болгарские ювелиры использовали драгоценные и полудрагоценные камни, кораллы, янтарь, а в золотоордынский период в массовом порядке — жемчуг. Янтарь часто использовался как элемент декора серебряных перстней и некоторых типов браслетов [Руденко 2015: 350].

Ювелирные изделия болгарских земель Золотой Орды оцениваются как шедевры. Прежде всего, это относится к оружию, доспехам, одежде, а также украшениям. На Средней Волге производились пояса с золотыми чашами. Матрицы для изготовления были найдены на Булгарском городище. Их датируют 1245–1250 гг. Кроме украшений, здесь встречаются бронзовые зеркала, парадные чаши, котелки и подсвечники. Большой интерес представляют серебряные и золотые перстни, серьги, браслеты. Серьги имеют устойчивую форму в виде знака вопроса. Нередко они украшены привесками из жемчуга [Руденко 2011: 250].

Особый интерес представляют изделия, найденные на раскопках Старой Казани. Здесь имеются слои с обильным материалом домонгольской и золотоордынской Булгарии и Казанского ханства. «Изделия ювелирного и в целом народно-декоративного искусства не только XV–XVI вв., но и позднейших времен (XVIII — начала XX в.) по своим художественно-техническим средствам изготовления и основным орнаментальным мотивам восходят к болгарским» [Фахрутдинов 1990: 40].

Ювелирные изделия Волжской Булгарии имели успех и вне государственных границ. Так, известен широкий экспорт серебряных предметов на Югру. Хронологически это XI–XIV вв. Например, в югорском Музее Природы и Человека хранится богатая коллекция серебряных изделий, изготовленных мастерами болгарской ювелирной школы [Комова, Приступа 2012]. Здесь есть подвески с калачевидным щитком, щиток для защиты руки от удара тети-вы, привески, накладки поясные, бусины, браслеты, привезенные из Волжской Булгарии.

Исследователи видят преемственность украшений веревочным орнаментом на двери в Малый минарет г. Булгара и веревочным орнаментом на столбе ворот чувашского дома, зафиксированных в середине XX в. [Смирнов 1951: 77].

Выводы

В литературе само слово *булгары* как экзоэтноним выводится из тюркского *bulğa* — «смешивать», «мутить», «вредить», «сеять смуту» (ср. чуваш. *пӑлхав* — «бунт»; *пӑлхат* — «мутить»). Русский хронограф использует фразу «болгары, иже наричются казанцы». В то же время поиск корней древних булгар в Центральной Азии следует считать бесперспективной задачей. Там этот термин не был известен ни в раннесредневековый период, ни в предшествующие ему периоды.

Часть современных историков полагает, что отдельные подразделения булгар появились на Северном Кавказе в I — середине IV в.

На Волгу они пришли в конце 30-х гг. VIII в., а сувары — в последние годы IX в. В конце 1236 г. булгары были разгромлены монголо-татарами. Все археологические исследования, производившиеся на территории городища Булгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Расцвет г. Булгара относится к XIII—XIV вв.

Желая определить район упоминания булгар (*Vulgares*) латинским хронографом 354 г., А. П. Новосельцев остановил свой выбор на Западном Предкавказье.

Сирийский историк Захария Ритор в 555 г. в числе первых за Каспийскими (Дербентскими) воротами назвал бургар, т. е. булгар. Их непосредственными соседями являлись савиры/сабиры и аланы. Савиры обитали и в основном перемещались на северо-востоке Кавказа, а булгары — на северо-западе.

Говоря о событиях 673 г., Константинопольский патриарх Никифор заметил, что около Майотидского озера по реке Кофин была расположена издревле известная Великая Болгария. Имеющиеся исторические источники и литература позволяют делать достоверные выводы лишь о юго-восточной границе Великой Болгарии. Ориентир — река Куфис (Кубань).

В 737 г. булгары, используя арабское нападение на хазар и избегая разгрома, отправились вверх вдоль Волги. Такая точка зрения поддерживается и казанскими археологами. Согласно археологическим данным, на территории Татарстана булгары появились именно в конце VIII в.

Булгары Поволжья и казанские татары (а также татары-мишари) занимают одни и те же территории (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье), что еще раз подтверждает их этническую преемственность.

Работа на древних булгарских образцах дает к генетической картине прошлого дополнительные факты, представляя первые данные об образцах древних митохондриальных ДНК лиц, которые населяли современную территорию Болгарии в VIII–X вв. н. э. Результаты показывают, что гаплогруппы, найденные в древних образцах, преимущественно шли из Западной Евразии. Этот вывод поддерживает концепцию западно-евразийского матрилинейного происхождения булгар и входит в противоречие с монголо-алтайской и хунно-татарской теориями.

Анализ полиморфизма митохондриальной ДНК и Y-хромосомы у казанских и туймазинских татар показал, что большинство обнаруженных гаплогрупп мтДНК характерны для народов Западной Евразии. Доля восточно-евразийского компонента у них мала — 11, 4 и 23% соответственно. Западно-евразийский компонент в изученных популяциях представлен гаплогруппами H, HV1, I1a, J1, K1, N, R2, T1a, T2, U1, U2, U4, U5, U5a, U5b, U8, V, V7, V13, W1, W3, W6, X2, Y1. Из них с максимальной частотой встречается гаплогруппа H, относящаяся к числу самых распространенных гаплогрупп мтДНК в Евразии. Среди восточно-евразийских мтДНК обнаружены гаплогруппы A, C, D, G, M*, Z. Полученная картина по распределению линий мтДНК у балкарцев и татар выглядит сходной. У обоих народов отмечается незначительное влияние пришлых кочевых племен (с момента возникновения Золотой Орды и позднее), несущих значительное количество восточно-евразийских линий.

Анализ популяционной структуры поволжских татар по данным о разнообразии мтДНК, в частности, показал, что татары Азнакаевского района не отличаются от башкир, а татары Буинского района — от чувашей. Авторы исследований объясняют это близостью азнакаевцев к Башкортостану, а буинцев — к Чувашии. Но нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что буинские татары в основе ассимилированные чувашаи.

В составе поволжско-приуральских татар выделяют четыре антропологических типа:

- 1) Понтийский тип — это мезокефалии, темная или смешанная пигментация волос и глаз, высокое переносье, выпуклая спинка носа, значительный рост бороды. Рост средний.
- 2) Светлый европеоидный тип — овальная форма головы, светлая пигментация волос и глаз, среднее или высокое переносье носа, среднеразвитая борода и средний рост. Ряд морфологических особенностей (строение носа, размеры лица, пигментация) сближает этот тип с понтийским.
- 3) Сублапоидный (волго-камский) тип — овальная форма головы, смешанная пигментация волос и глаз, широкое и низкое переносье, слабый рост бороды, среднеширокое лицо. Часто встречается складка века при слабом развитии эпикантуса.
- 4) Монголоидный (южно-сибирский) тип — брахикефалия, темный оттенок волос и глаз, широкое и уплощенное лицо, слабое развитие бороды. Рост средний.

Современные антропологи, анализируя краниологические серии волжских булгар домонгольского периода, выделяют морфологические комплексы, которые впоследствии прослеживаются в антропологическом облике поволжских татар. А антропологические материалы по эпохе Казанского ханства и последующим периодам свидетельствуют об их генетической близости к булгарскому населению. Выходит, антропологическая структура татар Среднего Поволжья и Приуралья складывалась в главных чертах еще в домонгольское время. Отсюда следует, что волжские татары являются наследниками булгар, формировавших антропологический тип в кавказский период своей истории. Краниологические данные дают также положительную связь волжских булгар и балканских болгар.

Антропологический тип чувашей различается от татар невооруженным глазом. С антропологической точки зрения, генетическая связь чувашей с булгарами не подтверждается.

Предметы, находимые в центре Волжской Булгарии (например, в могильнике на Бабьем бугре городища Булгары) указывают на прямое продолжение северокавказской археологической культуры конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э. В числе таких предметов называют бронзовое зеркало, серебряные серьги, ножницы. Затем формы серег, мотивы и технические приемы их отделки получают отражение в ювелирном искусстве казанских та-

тар. Наблюдения о сходстве некоторых видов керамики Агач-калы (Буйнакский район Дагестана) с керамическими изделиями Танкеевского могильника (Спасский район Республики Татарстан), относящегося к раннебулгарским памятникам, вполне обоснованы. В верхнечирюртовских могильниках костяки лежат в вытянутом положении на спине, руки расположены вдоль туловища, ноги скрещены в голених. Все эти признаки характерны для погребального обряда ранних булгар: в таком же положении находились костяки в погребениях Большетарханского могильника (Волжская Булгария) и могильника Нови-Пазар (Дунайская Болгария). Ориентировка во всех этих памятниках западная, с некоторыми отклонениями к северу и югу. Археологические работы, проведенные в Казанском Кремле, показали непосредственную преемственность культур домонгольских булгар и казанских татар.

Что касается салтово-маяцкой археологической культуры, то она прекратила свое существование к началу X в. Например, нижней границей существования Дмитриевского комплекса считается середина VIII в., а Маяцкого — конец VIII в. Все эти даты хронологически увязываются с датой ухода булгар на Волгу.

Исследователи пахотных орудий Восточной Европы подчеркивают, что булгарские нарральники полностью идентичны именьковским, их можно рассматривать как продолжение традиции именьковского земледелия. С именьковского времени почти неизменным остается состав культивируемых злаков. А сопоставление технологий сельскохозяйственного производства волжских булгар и Древней Руси выявляет их заметное различие.

По поводу принятия булгарами ислама имеются ссылки и на более ранние периоды, чем 922 г. X. А. Амирханов утверждал, что булгарский народ принял ислам во времена Аббасидов посредством своего письменного обращения. Если более точно — в 210 (832) г., во времена аббасидского халифа Ма'муна. Видимо, такое утверждение имеет частично реальную почву. В это время булгары были уже на Волге. Религия сыграла историческую роль в Волжской Булгарии: она стала одновременно и этнообъединяющей силой, и этноразделительным барьером. При этом наиболее достоверно положение о том, что ислам распространился в Волжской Булгарии среди феодалов, купцов и ремесленников. Позже они составили ядро татарского народа.

По мнению Андраша Рона-Таша, волжские болгары в начале X в. еще говорили на языке чувашского типа. Их язык отражен и в эпитафиях, найденных на территории Волжской Булгарии, датирующихся 1281–1350 гг. Возможно, полагает Андраш Рона-Таш, этот язык не является предком современного чувашского языка, однако к нему очень близок. Отсюда следует, что следы прежнего болгарского языка следует искать в языке чувашей.

О наличии болгарского элемента в чувашском языке и культуре, а равно и чувашских элементов в языке болгар/болгар говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. О хороших соответствиях языка памятников Придунавья конца I тысячелетия чувашскому языку пишут и современные исследователи. Они указывают на прямые соответствия типа: *žit kon* — *çич кон* «семь дней», *tul-çi* — *тулчĕ* «наполнилось», *turtun* — *туртăн* «подтянуться».

В XIII–XIV вв. осуществляется мощное кыпчакское влияние на племена Волжской Булгарии, проникают многочисленные слова монгольского, арабского и персидского происхождения. Общеизвестно также, что татарский язык образовался на болгаро-тюркском субстрате. К середине XIII в., когда образовалась Золотая Орда, болгары начали испытывать влияние «тюрко-татар» и, в конце концов, восприняли их язык.

Основная часть оногуров образовала ядро протобулгар. Под 635 г. Никифор называет Куврата «государем гунно-гундуоров». В оригинале — *Οὐνογοῦρονδοῦρωρον*, т. е. не гунно-гундуоров, а *овноговндоврон*, упрощенно — *уногундуры*. Название *уногундуры* является вариантом наименования *оногуры* (**он ог* — чуваш. *вун йăх* «десять племен»). Когда болгары в Северном Причерноморье вошли в состав Тюркского каганата, их стали называть тюрками, хотя они сохранили свой язык и племенное название.

Именно народные массы, а не племенную верхушку, связанную с Золотой Ордой, следует иметь в виду, когда говорим об истории поволжских татар. Следует разделять два понятия — «болгары» и «сувары» — и не писать их через дефис: «болгаро-сувары» или «болгары-сувары». Следует говорить о суварах только в кон-

кретном значении: «сувары, живущие на юге Булгарии». Булгары и сувары — понятия разделимые и вполне самостоятельные, какими бы близкими родственниками по отношению друг к другу они ни были. Исследователи, когда не могут идентифицировать предков чувашей, прибегают к «хитрости» и пишут «булгары-сувары». Как бы «страхуют» себя и на всякий случай указывают на оба племени в качестве предков. Мол, пусть читатель выбирает по вкусу. Но все это не имеет никакого отношения к научному исследованию. Притом исследователи истории государства Волжская Булгария квалифицируют булгар как кочевых скотоводов, а сувар — как искусных земледельцев.

Естественно, формула формирования казанских татар выглядит так: пришлые булгары + абригены в лице именьковцев и восточных финнов + монголо-татары + кыпчаки + ассимилированные предки чувашей. Но, как свидетельствуют источники, булгары оказались основным этническим компонентом для формирования казанских татар. В силу указанных фактов булгары не могли быть предками чувашей.

Глава 3. ТЮРКО-МОНГОЛЬСКАЯ ВЕРСИЯ

Этнические составляющие — признаки непостоянные. Смена культурообразующих компонентов помогает им преобразовываться, преодолевать кризисы и способствует возрождению. Пере рождаются народы в самом широком смысле. Тюрко-монгольские племена, то объединяясь, то распадаясь на орды, то вовлекая в свои воинские соединения покоренные племена, смогли завоевывать степи. Так исчезали одни народы и возникали другие.

ЭТНОНИМЫ

Этноним *тюрки* появился значительно позже самих древних тюркоязычных племен — в 460 г. Впервые о тюрках в китайскую имперскую канцелярию сообщили согдийские дипломаты. Поэтому есть предположение, что название установилось в согдийской форме *turky*. А согдийское множественное число могло быть *turkyt* = *turkit* или *turkid* [Немет 1976]. Это наименование вначале употреблялось небольшой (сто семейств) алтайской этнической группой. Уже в середине того же века оно преобразовывается в политический термин и становится известным почти всему населению Евразии. В VI в. оно зафиксировано в китайских и византийских источниках (кит. *тукюе*, греч. *тоῦрки*). В VII в. появилось в уйгурском переводе китайской биографии буддийского монаха, в XI в. — на памятнике в честь Кюль-Тегина, в поэме Юсуфа Баласагунского и в словаре Махмуда Кашгарского в форме *türk*. В орхонских надписях термин имеет скорее политическое, чем этнографическое значение. Следует перевести его как «сила», «мощь» [Бартольд 1968: 579]. Возможно, в чувашском языке ему соответствует слово *тёрек* — «опора», «мощь», «сила». Те, на кого опирались монголы?

Слово *татары* впервые встречается в орхонской надписи Кюль-тегина в 731–732 гг. Китайцы называли татар *да-да*, *та-мань* и *да-дань* + *p* — старомонгольский формант множественного числа [Кононов 1958: 84]. В этих же надписях упомянуты два татарских племени («тридцать татар» и «девять татар»), однако этим именем называли часть монголов. Их язык отличался от тюркского [Бартольд 1968: 559]. Название *татары*, встречающееся в источниках,

обозначало конкретные племена. Затем китайцы распространили его на всех монголов и немонголов, обитавших на территории современной Монголии, Западной и Южной Манчжурии [Мэн-да Бэй-лу 1975, примеч. 2]. Источники выделяют 6 татарских племен, имевших свое войско и своего царя. Их перечисляли в таком порядке: тутукулуйт, алчи, чаган, куин, терат, баркуй. Притом племя тутукулуйт считалось самым уважаемым из всех татар [Рашид-аддин 1952: 103]. В XII в. из монгольских племен выделился род татар, кочевавший у озера Буир-нур. Рядом с ними жили монгольские племена кереит и найман.

В период Юань (1280–1367 гг.) китайцы монголов в большинстве случаев называли татарами. За этим словом скрывалось значение «дикий», «грубый». Оно обозначало не только кочевников из татарских родов, но и всех монголов. В истории Юаньской династии «Юань ши» (конец XIII в.) выражение «татарское государство» означало «монгольское государство», т. е. тогдашнюю Монголию с центром в Каракоруме [Далай 1983: 52]. «В Улусе Джучи, выделившемся из Великого Монгольского государства, вместо понятия “монголы” “монголо-татары” постепенно укрепился термин “татары”, ставший, в конце концов, этнонимом» [Исхаков 2016: 436].

Согласно Николаасу Витсену, западные тартары называли восточных тартар общим именем *мугалы* или *мюгалы* [Витсен 2010: 3–4]. Выходит, этноним *монголы* из всех татарских племен сначала получили восточные татары. Вскоре многочисленное монгольское племя татар приобрело известность, и даже другие монгольские племена перед иноземцами стали называть себя славным именем татар. Под этим именем монголы стали известны сначала в Азии, а потом и в Европе. Отсюда становится ясно, что первоначальное имя «татары» не имеет ничего общего с современным этнонимом, тем более с этнонимом казанских татар. «Это название возникло не по языку — во всяком случае, в историческом аспекте... Это название можно толковать как странствующее, переносное и чужое» [Дерфер 1986: 81].

Согласно болгаро-татарской теории происхождения казанских татар, наряду с этнонимом «татары» бытовал синоним «булгары-татары». Название «татары» в Казанском крае привилось только в период капиталистического развития, утверждал Р. М. Раимов. Молодая интеллигенция добивалась «воспитания в своем народе

националистического воинствующего духа, связывала происхождение народа с чигизидами, завоевателями» [Раимов 1948: 145].

В источниках XII–XIII вв. имеется сокращенная форма *мэн-да*, объединившая два этнонима — *мон(голо)-та(тары)*. Так называли китайцы полчища, тревожившие северные границы Китая.

Как видим, этнические имена или этнонимы в силу политических причин часто становятся политическими названиями, которые фактически могут рассматриваться как псевдоэтнонимы. В этих случаях первоначальные значения этнических имен размываются, т. к. племена в основном уже выражают принадлежность к политической организации независимо от этнического происхождения. Такие нетюркские этнические группы, как венгры в IX в. и монголы в XIII в., назывались тюрками и относились к тюркской группе. Этнонимы «тюрки» и «монголы», первоначально относившиеся к небольшой общине, позднее из-за крупномасштабных завоеваний были широко распространены на этнически не тюркские и не монгольские населения. Поэтому современные исследователи предлагают отличать этот тип этнонимов от реальных этнонимов и предупреждают, что надо быть крайне осторожными в использовании этих терминов в качестве показателей этнической принадлежности [Vásáry 2016: 537]. Поэтому, с одной стороны, одни и те же племенные группы могут появиться под разными именами ввиду эфемерного характера кочевых конфедераций, с другой стороны, различные племена и этнические группы могут быть помечены под тем же этническим названием.

В VIII в. в Монголии на памятниках в честь Кюль-тегина и Тоньюкука зафиксирован этноним *огуз*. В орхонских надписях хан обращается к своему народу, называя его «токуз-огузами» или просто «огузами». Отсюда можно заключить, что *огуз* обозначало *тюрков-тукю*, но употреблялось и в более широком смысле в качестве синонима слова *тюрк* [Бартольд 1968: 271]. «Исходной основой собирательного этнического имени *обуз* является *об* (*ок*) “род”, “племя” (чуваш. *йӓх*. А.С.) (а не “стрела”, как у Лигети), которое, в свою очередь, находится в прямой связи со старотюркским словом *ӧг* “мать”; к этой же основе восходят слова *обул* “потомство”, “сын” и *обуш* “сородич”... Слово *обуз* первоначально могло значить просто “племена”, “объединение племен”, которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным

значением, получившим в известных случаях определение как не-обходимый детерминатив: *токуз обуз* “девять [разных] племен”, *уч обуз* “три [разных] племени”» [Кононов 1958: 84]. На енисейских памятниках форма *огуз* не встречается, вместо него мы имеем *окуз*, что в свою очередь усиливает версию изначального *ок* в значении «племя». *Оғур* является отражением общетюркского термина *oğuz*, первоначально обозначавшим «сходные, родственные группы»; «группу в составе сходных племен»; «союз племен» [Golden 2011: 30; 2008a: 258]. В более поздние времена этот термин принял значение этнонима: *oğuz*, *üç oğuz* «три огуза», *sekiz oğuz* «восемь огузов», *toquz oğuz* «девять огузов». Это отражено в китайских источниках, которые представляют этноним *toquz oğuz* как *jiu xing* «девять семей/кланов».

Что касается этнонима *башкиры*, то у него две основные тюркские этимологии: *баш* + *корт* «главный волк» и «хозяин пчел». А. П. Ковалевский склонялся ко второй версии, ибо по-башкирски «волк» все-таки не *корт*, а *буре*, констатировал он [Ковалевский 2015: 41]. В «Сокровенном сказании монголов» башкирский этноним сохранился в форме *баджигит* (*bağigit*), где *t* в конце слова — признак множественного числа, а *u* между *ğ* и *g* в монгольском языке присутствовало во избежание скопления согласных [Zimonyi 2014: 147].

Этноним «кыпчаки» в источниках и литературе встречается в форме *Qivčaq/Qibčaq/Qipčaq*, имеются также варианты *Qanli* и *Cuman* «бледный», «палевый», «светловолосый».

Однако у некоторых современных тюркских народов, несмотря на сугубо тюркское звучание, этнонимы совсем не тюркские. Так, еще Плиний в I в. н. э. в своем труде «Естественная история» зафиксировал племя *карастасеев*, обитавших от берегов Меотиды (Азовского моря) до Ставропольской возвышенности. Исследователи идентифицируют их с современными карачаевцами, издревле обитавшими в этих же местах. Этот этноним в виде *к. р.г(ч).р* и *к. р.г(ч).ре* бытовал в регионе и в VI–X вв. [Каракетов 2014: 29]. Конечно, ни о каком тюркском влиянии на образование этнонима *карачаевцы* (несмотря на заманчивое тюрк. *кара* «черный») речь не может идти.

История

На территорию к западу от Урала первые тюрки прибывают во второй половине V в. С этого времени начинается отсчет венгерско-тюркских контактов [Рона-Таш 2011: 134].

К 540 г. часть степей от Китая до Восточного Туркестана и Байкала находилась под властью жуань-жуаней. А землями на запад от их владений до Аральского моря, включая отдельные области Афганистана и Северо-Восточного Ирана, управляли эфталиты. Тогда тюрки представляли собой небольшое племя, вышедшее за век до этого из Западного Китая и укrywшееся в Алтайских горах. Подчинялись они жуань-жуаням. Но уже в 552 г., создав конфедерацию вместе с другими тюркскими племенами, и в союзе с западной династией Вэй тюрки восстали против жуань-жуаней и захватили их земли. Тогда вождем тюрков был Ту-мен (Бумын), затем его сменил сын Му-хан, контролировавший восточную часть владений отца. Западную часть контролировал младший брат отца — Истеми. Именно он налажил дипломатические отношения с сасанидским императором Ануширваном, отдав ему в жены одну из своих дочерей. Он вместе с сасанидским императором напал на эфталитов и в 565 г. они поделили завоеванные владения [Клосон 1986: 138].

Согласно источникам (Феофан, Никифор, Себеос, Каланкатуаци), наиболее крупное военно-политическое образование Прикаспийского Дагестана — «Страна гуннов» (т. е. савиров) — начиная с VI в. и до 30-х гг. VII в. (т. е. до образования Хазарского каганата) находилось в формальной зависимости от Западно-тюркского каганата. Отсюда тюрки нападали на закавказские провинции Ирана (Дербент, Кавказская Албания, Иверия), а в 629 г. они вторглись в Армению и разбили ее войска. В этих событиях принимали участие и племена, входившие в «страну гуннов» [Гмыря 2012: 3], т. е. савиры. Под эгидой тюркютов страна Сувар-Жидан и местные племена ускоренно консолидировались, а племенная верхушка превращалась в феодальную знать. Владетели Суvara носили титул эльтеберов. Однако зависимость была минимальной. Западно-тюркских каганов и савирских вождей объединяли лишь военные интересы: общая ненависть к Ирану и желание поживиться за счет подвластного Ирану населения Закавказья. Савиры военные по-

ходы предпринимали по собственному почину, вступали в союзные отношения с соседями, нисколько не заботясь об интересах тюркского кагана. Например, в 576 г. хан Турксанф порвал с константинопольским двором, а правитель Суvara направил посольство ко двору византийского императора. К тому же в 581–593 гг. каганат потрясли междоусобица и династические распри. Тем не менее в ходе ирано-византийских войн 623–628 гг. савиры встали на сторону тюркютов. Как видим, если кочевые хазарские племена оказались в непосредственном кругу подданных тюркского каганата, то оседлые савиры были связаны с каганатом лишь общими интересами обороны и нападения [Федоров, Федоров 1978: 197–198; Федоров-Гусейнов 2000: 158–159].

В начале VII в. нависает серьезная арабская угроза над Кавказом. Тюркуты предпринимают ряд мер для защиты. В конце 630-х гг. они занимают Дербент и другие окрестные оборонительные системы. При этом на наиболее ключевых позициях сохраняются иранские и савирские гарнизоны. Для усиления обороны в 32 г. х. (652–653 гг.) тюркуты заключают союз с хазарами. Такие превентивные меры приносят успех [Аликберов 2010: 56]. В ходе кровопролитных боев, сообщает Ибн ал-Асир, был убит арабский полководец ‘Абд ар-Рахман.

В конце VIII в. к западу от реки Иртыш и на Южном Урале появляются кыпчаки [Golden 2014: 183].

Как известно из истории, в 1117 г. булгарами был коварно отравлен половецкий хан Аепа и другие половецкие князья. А в 1164 г. князь Владимирский Андрей Боголюбский, внук князя Владимира и дочери хана Аепы, жестоко отомстил булгарам (взял город Бряхимов, сжег три города, а множество булгар иссек).

Согласно «Сокровенному сказанию монголов», монголо-татарские распри существовали еще до отравления татарами отца будущего Чингис-кагана Есукай-Баатура. В 1202 г. Чингис-каган объявляет татарам беспощадную войну: «Издавна татарское племя было губителем наших отцов и дедов. Отомстим же за них и всех, кто выше колесной чеки, уничтожим. Оставшихся сделаем рабами и поделим между собой!» Вскоре были разбиты такие мощные племена, как цаган-татар, элчи-татар, дутагит-татар и арухай-татар [Сокровенное 1990: 23–24, 77–78, 101; Данзан 1973: 132–133].

В авангарде монгольского нашествия в Европу были кыпчаки и кыпчакизированные племена Дешт-и-Кыпчака. Летом 1219 г. в своей ставке на Иртыше Чингисхан принял дипломатическую миссию союза 7 башкирских племен во главе с Муйтен-бием. Следствием явилось проникновение на территорию Южного Урала и дальнейшее развитие таких крупных родоплеменных подразделений, как катый, кыпчак, мин и табын. Однако о быстром и легком подчинении башкирских племен говорить не приходится. Например, в 1224 г. произошло столкновение башкир с возвращающимися после битвы на Калке монголами. Монах Юлиан, сам побывавший в «стране венгров» (т. е. Башкирии), пересказывал слова очевидцев о том, что татары не могли победить «венгров» на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими. А на время пребывания Юлиана в «Великой Венгрии» татары стояли в пяти днях пути оттуда. Территории, расположенные восточнее (их Юлиан назвал Баскардией), летом 1236 г. уже были подчинены монголо-татарам [Аннинский 1940: 81, 92].

Марко Поло дал характеристику структуры монголо-татарских войск: «Когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого — над сотнею, иного — над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячью поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью. Так-то, как вы слышали, всякий отвечает своему старшине» [Поло 1997: 237]. В походах у них хорошо было поставлено разведочное дело. При первом столкновении в бою стрелы у них не летят, а как бы ливнем льются. На мечах и копьях они сражались менее искусно [Аннинский 1940: 87]. В бою применяли тактику «отступления — наступления». «Убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют», — писал Марко Поло. Таким образом, изрядно побив врага, они поворачивают назад и бьются храбро и побеждают врага. Те же тактические хитрости отмечал и Плано Карпини: «Если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и, если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким

образом ранят и убивают» [Карпини 1997: 56]. Такая манера ведения боя очень напоминает тактику хунских войск.

В 633 г. х. (1235–1236 гг.) Угэдэй-хан посылает Бату, Куюка, Менгу и других полководцев для завоевания Булгара, Руси, башкуртов, черкесов и других народов [Абуль-Гази 1906: 122]. Монголы, завоевавшие огромную территорию от Дальнего Востока до Передней Азии, не извлекли из своих походов никаких выгод. Более того, они в большинстве вернулись к себе в Монголию. «Оставшиеся в завоеванных странах монголы быстро утратили свою национальность» [Бартольд 1928: 17]. После смерти Чингисхана сыновья поделили завоеванные земли, и вскоре монголо-татарское единство распалось. В литературе установилось мнение, что основной стратегической целью монголов являлась унификация и военная мобилизация степных номадов. На пути монголов кыпчаки были наиболее многочисленными степными племенами, сохранившими независимость. Согласно подсчетам историков, в восточноевропейских степях кочевали орды кыпчаков общей численностью до 500–600 тысяч человек [Измайлов, Исхаков 2006: 656]. «Следовательно, покорение кыпчаков, а не завоевание Руси было главной целью западной кампании, начавшейся в 1236 году» [Оллсен 2008: 360]. Что касается движения ойратов со второй половины XIV в., то это явление мало имеет отношение к теме.

В 1243 г. территория Волжской Булгарии была включена в состав Золотой Орды. Бывшие земли Волжской Булгарии стали главной житницей Орды. А восстановленный г. Булгар стал второй столицей Орды и летней резиденцией ханов. В Булгаре с 1251 до 1330-х гг. чеканились золотоордынские монеты.

Согласно Лахутинской степенной книге, после смерти Багья (1255 г.) его преемником стал ордынский царь Саин. Первым делом Саин на самом краю Российской земли, на стыке с Болгарией на Волге, у устья реки Кама, поставил град. «Место зело нарочито, и рыбно, и на всяку потребу угодно, яко не обретется такого во всей Российской земли», — писал летописец [Лахутинская 2012: 241]. Раньше на этом месте стояла болгарская столица Брюхов, опустошенная и одичавшая после разорения князем А. Ю. Боголюбским (1164 г.). «И от сего царя Саина прежде зачаса Казань, и словяше юрт Саинов», — констатирует летопись.

В 1445 г. образовалось Казанское царство. Начало новому ханству положил Махмутек — сын бывшего хана Золотой Орды Уду-Мухаммеда. Он убил казанского вотчича князя Али-бека и овладел городом [Вельяминов-Зернов 1863: 3–6]. С возникновением Казанского царства были переняты основные формы правления в Золотой Орде. Оба государственных образования занимали основную территорию бывшей Волжской Булгарии. В целом в этногенезе татарского народа ключевым явился период Золотой Орды, когда произошло становление его основных этнополитических особенностей [Исхаков, Измайлов 2001: 64]. «В том и другом преобладает татарский элемент в булгаро-магометанских формах» [Фирсов 1866: 11].

В 1469 г. состоялась битва между воинами князя Иоанна Васильевича и царя Обреима около Казани. А в 1487 г. Казань была взята и поставлен туда царем промосковский Махмет-Аминь Избрегимович [Лахутинская 2012: 388, 421].

В начале XVI в. Казанское царство могло выставить войско в 30000 человек, преимущественно пехотинцев. Черемисы и чувашаши (Czubashi, Zuwaschi), входившие в число этих воинов, являлись весьма искусными стрелками [Герберштейн 1988: 170]. В 1551 г. Казань была покорена, «к царю и великому князю приложися половина земли Казанския» [Лахутинская 2012: 499].

География

Территорией обитания древнетюркских племен начала V в. исследователи считают Южный Алтай. Поэтому «попытки некоторых авторов найти тюрков в Восточной Европе и Закавказье в древности не более чем научный курьез» [Новосельцев 1990: 93].

В VI веке тюрки из Азии двинулись на запад. Они преследовали аваров. В 70-х гг. VI в. тюркские племена остановились в причерноморских степях [Кызласов 1997: 24, 28–29]. Как видим, до конца VI в. пути савирских и тюркских племен не пересекались. Поэтому возможным первым их контактом следует считать конец VI в. в восточной части Северного Кавказа. С этого времени в понтокаспийских степях стали доминировать огурские племена [Golden 2008a: 258].

Кыпчаки в VIII в. обитали на Иртыше [Golden 2014: 183]. По состоянию на 30-гг. XIV в. земли, контролируемые ими, в длину простирались от Стамбульского моря (т. е. пролива) до реки Иртыш, а в ширину — от Булгара до Железных ворот [Эломари 1884: 239]. Согласно другому источнику, кыпчаки обитали между реками Доном, Волгой и Яиком [Абуль-Гази 1906: 34].

Приход башкир (или племен, их составлявших) из Сибири подкрепляется и названием двух притоков верхнего Иртыша — *Оло Башкорт* и *Кесе Башкорт* «Большая и Малая Башкурка». Анализ карт X в. и более раннего периода также указывает на размещение башкирских племен в этих местах. Карта Кашгари, по мнению И. И. Умнякова, отражает расселение племен не в XI в., а в более раннее время. На карте вблизи Итиль показаны булгары, сувары и другие племена, а башкиры не обозначены. Они значатся в междуречье верховьев рек Иртыша и Или. По берегам реки Или указаны племена йагма, тухси, джикили, а в непосредственной близости от них — степи башкир [Кузеев 2010: 134]. Все основные источники говорят в пользу того, что предки башкирского народа к X в. занимали примерно те же земли, что и теперь. Такое же представление создалось и у В. В. Бартольда: «Башгурты или башкиры всегда жили гораздо западнее Иртыша: Ибн-Фадлан еще в X в. проезжал через их страну на пути в страну болгар (волжских), следовательно, башкиры жили приблизительно там же, где живут теперь» [Бартольд 1928: 12]. Источник середины XIII в. свидетельствует, что река Ягак (Яик) течет с севера из земли паскатири, а на западе их страна соприкасается с Великой Булгарией [Рубрук 1997: 120]. Однако башкирские кочевья на востоке доходили до притоков реки Тобола. Зауральские башкиры-айлинцы и другие родоплеменные группы вместе с женами и детьми еще в первой половине XVIII в. проводили там зимовки [Шитова 2002: 49].

Морфологические признаки курганов эпохи Золотой Орды свидетельствуют о прохождении западной границы полиэтничного кыпчакского кочевого объединения по Волге [Иванов 2013: 80]. Выходит, в XIII–XIV вв. правобережье Волги еще не подвергалось кыпчакизации. Поэтому есть повод говорить о том, что в язык суваро-чувашей кыпчакские элементы пришли через язык соседних булгаро-татар.

В первой половине XV в. в Среднем Поволжье было два улуса — Булгарский и Казанский — во главе со своими самостоятельными правителями [Загидуллин 2015: 20].

К середине XVI в. чувашское население составляло значительную часть Поволжья. У них были свои князья. Согласно шежере, в Арском округе по состоянию на 1552 г. правил князь Чуваш бек (*Чуваш/Чуаш бек*) [Әхмәтжанов 1995: 12, 26].

В XVII в. происходит интенсивное освоение Дикого поля, т. е. пустыющих земель юга современной Чувашской Республики, Ульяновской и Самарской областей и юго-западной части Республики Татарстан. В том числе в названную зону переселяются татары Казанского уезда и Закамья. К примеру, боярин и воевода Казани Д. А. Борятинский (1689–1694 гг.) дает официальное разрешение на пользование землями, в том числе производить сенные покосы в районе рек Кипели, Черемшана и Сока, где жили чувашаи, черемисы и мордва, жителю деревни Табор Кадырмаметке Илмаметеву [Мельников 1859: 97–102].

Об освоении Дикого поля говорят и другие факты. Например, после взятия Казани Московией предки современных мишарей переселились в эти места. К ним же примкнули мишари из Спасского уезда Нижегородской губернии. Ныне село Шихирданы Батыревского района большое и полностью населено мишарями. В наши дни мишари расселены в основном в Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Тамбовской областях, а также в Татарской и Мордовской Республиках. Больше всего и компактно они проживают в Нижегородской области и в окрестностях Уфы.

Следует учесть, что некоторые тюркизированные народы жили на современных землях издревле, например карачаевцы и балкарцы. Комплекс источников позволяет утверждать об автохтонных истоках карачаево-балкарской этнической общности, уходящих своими корнями в древнекавказскую историю [Каракетов 2014: 25].

Геногеография

Для тюркоязычных этносов Кавказа наиболее мажорными оказались гаплогруппы: R1a1a-M198 в среднем встречается с частотой 24%, G2a-P15–16%, R1b-M343–14%. Для географически близких

тюрков Западного Кавказа (карачаевцев и балкарцев) мажорными оказались гаплогруппы R1a1a-M198 и G2a-P15 [Схалыхо и др. 2013: 34]. При этом следует учитывать, что современные тюрки в генетическом и в языковом отношении далеко не одно и то же.

Карачаевцы и балкарцы, несмотря на их принадлежность к тюркской ветви алтайской языковой семьи, не демонстрируют выраженных отличий от других популяций Кавказа. А это подтверждает гипотезу лингвистического сдвига в данных популяциях без существенного влияния на генофонд суперстата. Выводы генетиков, основанные на детальной характеристике генетической структуры популяций Кавказа, однозначны: основу генетического пула карачаевцев и балкарцев, как и других народов Кавказа, составляет местный автохтонный субстрат [Кутуев, Хуснутдинова 2011: 86,172–173]. По этой причине карачаевцы и балкарцы являются яркими представителями западно-евразийских линий. Сравнительный анализ данных ряда европейских и азиатских популяций показал, что кабардинцы и балкарцы на графике рядом с такими европейскими популяциями, как кумыки, поляки и северные европейцы [Боготова 2009: 8]. Иначе говоря, генетические признаки не позволяют относить карачаевцев и балкарцев к исконным тюркским племенам.

Гаплогруппа O-M175, достигающая высоких значений у народов Океании (до 80%), бурят (46%) и эвенков (38%), на Кавказе представлена в популяциях караногайцев (5,3%), кубанских ногайцев (3,5%) и кумыков (1,4%) [Кутуев и др. 2010: 21, 22]. Это потому, что этническую основу ногайцев составили монгольские племена мангыты, прибывшие на Кавказ из понто-каспийских степей в конце XVIII – начале XIX в. Кубанские ногайцы и караногайцы сохранили так называемые «чингисхановские модальные гаплогруппы» [Yunusbayev et al. 2012]. Так как исторический ногайский хан, имевший мощную власть в конце XIII в. во всей Золотой Орде, действительно был праправнуком Чингисхана, такое совпадение является интригующим фактом.

В целом распределение частот гаплогрупп митохондриальной ДНК в субпопуляциях башкир обнаруживает настолько большой для одного этноса размах вариаций по этому важному показателю, что приближает одни группы башкир к азиатским, другие – к восточноевропейским популяциям [Лейбова (Суворова) 2011: 368].

Среди волго-уральских народов у башкир выявлена самая высокая частота восточно-евразийских линий мтДНК. В популяции башкир резко возрастает частота (42%) и уровень генетического разнообразия «монголоидных» линий мтДНК по сравнению с их ближайшими соседями — татарами (12%), а также чувашами (9%).

Во всех трех этнографических группах башкир достаточно хорошо представлена гаплогруппа M, частота распространения которой составила 28%, что указывает на значительное участие азиатского компонента в этногенезе этого народа [Бермишева и др. 2002: 997–999]. Высокая частота линий G, D, C, Z и F у башкир указывает на значительное участие сибирского и центральноазиатского компонента в этногенезе народов Волго-Уральского региона. Отдельный интерес вызывает высокая частота азиатской линии F (6%) у башкир. Эта линия характерна для народов Средней Азии: казахов, уйгуров и монголов. Можно предположить, во-первых, что существенную роль в формировании данной этнической группы сыграл среднеазиатский компонент, а во-вторых, что башкиры длительное время находились в изоляции даже от ближайших соседей [Хуснутдинова 2003: 618–619].

На сегодня имеются генетические портреты северо-восточных башкир. Две трети их генофонда составляет гаплогруппа R1a-M198 (67%), а также гаплогруппы G2a-P16, R1b-M269 и N1c1-M178 с частотами 8–10%. Из всех северо-восточных башкир табыны представляют наиболее крупное родовое объединение. Общим предком является Майкы-бий. В их генофонде преобладает гаплогруппа R1a (61%). «В генофонде табынцев также фиксируются “переднеазиатские” (J2a-M172, G2a-P303) и “средиземноморские” (E1b-M35, I2a-P37.2) по происхождению гаплогруппы» [Юсупов и др. 2016: 20]. Неожиданной получилась картина по клану упей. В этнографической литературе они ассоциируются с угросамодийскими племенами. Но в их генофонде превалирует гаплогруппа G2a-P16, характерная для народов Центрального Кавказа.

Что касается кыпчаков, то их общей генетической линией является субклад R1b-M73. Он обнаружен у ряда современных народов: у казахов, каракалпаков, части башкир, а также у тубаларов, тобольских и иртышских татар, томских тюрков, тувинцев, монголов, некоторых марийцев, поволжских татар, турков, ногайцев, черкесов, кабардинцев и у некоторой части украинцев [Волков 2016:

298–299]. Данные генетиков практически совпадают с выводами историков, археологов и этнографов.

Еще одним исключением являются калмыки, заселившие современную территорию проживания около трех столетий назад. Судя по частоте восточно-евразийских линий в этой популяции, можно говорить о том, что калмыки практически не подвергались ассимиляции соседними народами [Хуснутдинова, Кутуев 2007: 800].

Антропология

Одной из важных характеристик тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, объясняющей низкое содержание в их генетическом пуле восточно-евразийского компонента, является принадлежность к кавкасионскому типу, сложившемуся на основании местных кавказских антропологических типов, причем без малейшей примеси монголоидного компонента. Наибольшее сходство они имеют с абхазами, черкесами, кабардинцами, абазинами. В то же время одонтологические выборки показали их принадлежность к южному грациальному типу. Что касается их аланизации и тюркизации, то она не сопровождалась сменой населения и нарушением генетической преемственности. За исключением небольших особенностей (в частности, присутствия аланского компонента в одонтологии), карачаевцы и балкарцы не выделяются на общекавказском фоне. Г. Л. Хить называет карачаевцев и балкарцев народами-близнецами. Дерматоглифические показатели объединяют их в один кластер с основными грузинскими субэтносами, а также с греками Кавказа, грузинами, кумыками и армянами. Главный вывод антропологов: карачаевцы и балкарцы имеют аборигенное происхождение [Хуснутдинова и др. 2012: 752; Герасимова 2013: 52, 62; Хить 2015: 160].

В «Полном описании монголо-татар» татары (т. е. монголы) представлены в большинстве случаев не очень высокими показателями. Среди них не было полных и толстых. «Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая» [Мэн-да Бэй-лу 1975: 49]. По состоянию на 20-е гг. XIII в. прикаспийские татары чаще всего люди среднего роста, с широкой грудью. Лица у них широкие, нос плоский, цвет кожи темный

[Меховский 1936: 60]. У монголов, достигших Армении в XIII в., говорится в источнике, борода не росла, у некоторых было несколько волосков на подбородке, глаза узкие [Киракос 1976: 172]. Внук Чингисхана Хубилай (1215–1294 гг.) был «не мал и не велик, среднего роста; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и как роза румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует» [Поло 1997: 249]. По наблюдениям Платона Карпини (1246 г.), у монгалов расстояние между глазами и между щеками шире, чем у других людей: «Щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей... Росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая... Ноги у них также небольшие» [Карпини 1997: 33]. Хан Золотой Орды Берке (1257–1266 гг.) в свои 56 лет выглядел так: «Жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха» [Эль-Муфаддаль 1884: 193].

Когда татаро-монголы завладели кыпчаками, то кыпчаки сделались их подданными. Тогда татаро-монголы смешались и породнились с кыпчаками. Брачные отношения и природные условия взяли вверх над татаро-монголами и «все они стали, точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода» [Эломари 1884: 235]. Западные кыпчаки носили название *куманы*, производное от *куны* «бледные», «болезненные», «желтые». Именно так называли их соседи. Например, русские звали их *половцами* (от др.-рус. *половь* — «светло-желтый»).

«Монголоидный компонент южносибирского облика у татарского населения является следствием оседания на территории Волжско-Камской Булгарии кыпчакских военных дружин из Золотой Орды» [Трофимова 1948: 60]. Основные краниологические показатели татар следует считать средними. Их черепа отличаются среднелинней и среднеширокой коробкой, наклон лба и лицевой скелет также средние. Основой формирования антропологического состава поволжских татар является европеоидный тип с пантийскими соматологическими данными. На него наслоился низколицый монголоидный компонент. А брахикранию золотоордынской серии можно считать аргументом против генетического родства казанских татар с населением Золотой Орды. В целом основной европеоидный тип в составе казанских татар был принесен булгарами, а примесь высоколицего монголоидного типа связана с кыпчаками,

населением Золотой Орды и другими кочевыми племенами первой половины II тысячелетия н. э. Татароязычное население Волго-Уральского региона в дерматоглифическом отношении характеризуется как метисная европеоидно-монголоидная популяция. Европеоидный компонент, обнаруженный в составе всех выборок, представлен двумя вариантами. Один имеет северное происхождение (видимо, субстратный). Второй, южноевропеоидный, отчетливо обнаруживается в северо-западной и северо-восточной окраинах Республики Татарстан. Согласно данным краниологии, он прослеживается на этой территории не ранее второй половины I тыс. н. э. в связи с появлением раннебулгарских племен. Монголоидный компонент в составе большинства татарских популяций связан с появлением на этой территории племен сибирского происхождения [Макеева 2015: 154].

Проверка особенностей в распределении групп крови в Чувашской Республике в 1926 г. была проведена Г. И. Петровым и Г. Д. Селивановым. Затем по этим данным свои соображения высказал Б. Н. Вишневецкий. Оказалось, что у чувашского населения в обследованных Чебоксарской и Цивильской волостях III группа крови преобладала над II. У соседних русских эти показатели оказались противоположными, т. е. у них II группа крови преобладала над III. Но более любопытной оказалась сравнительная таблица с другими народами. Так, у чувашей Цивильского уезда III группа крови составила 36,4%, в Чебоксарском уезде — 33,7%, а калмыков — 40,6%. Таким образом, чувашаи, по сравнению с русскими, характеризуются типом распределения групп крови, свойственным монголоидам. А мишари Шихирданской волости по распределению групп крови отличаются как от чувашей, так и от русских [Вишневецкий 1929: 231, 238–240]. Насколько применим такой подход в современной науке — этот вопрос дискуссионный. Однако с фактами приходится считаться. Пока ясно одно: чувашаи (по крайней мере, в указанных волостях) по показателям групп крови ближе к монголоидам, чем русские. Естественно, это результат исторических контактов начиная с XIII в.

В 1960-е гг. М. С. Акимова впервые выработала типологическую характеристику антропологических вариантов, распространенных среди башкир. Опираясь на соматологический материал, она выделила четыре антропологических типа: понтийский, южносибирский, светлый европеоидный и субуральский. Краниология

и физический тип башкир говорят о древности расогенетических корней башкир в регионе [Юсупов 2009: 60], что позволяет признать предков башкир автохтонами и древнейшими насельниками Южного Урала. А это исключает предметный разговор о связи с исконным тюрко-монгольским миром в плане происхождения башкирского народа. Как утверждают антропологи, период монгольского нашествия на территории Башкортостана не сопровождался массовым проникновением и последующим биологическим смешением пришлых кыпчаков с местным населением. Башкиры продолжали сохранять комплекс признаков, в котором преобладают европеоидные черты населения лесостепной и степной зон конца I тыс. н. э. Видимо, писал Р. М. Юсупов, основы расового типа башкир сформировались к XIII в. [Юсупов 2002: 36, 40]. Более того, сравнительные антропологические данные видны, как говорится, и невооруженным глазом. Так, в начале XX в. П. П. Инфантьев побывал в поселении Полушаим, что на Конде. В пауле из трех семейств жили коренные мансийцы, не подверженные влиянию других народов. Домохозяин, у кого остановились члены экспедиции, был живой, крепкий и высокий старик: «По узким маленьким глазкам, широкому рту и бронзовому цвету лица его можно было принять скорее за башкира» [Инфантьев 2003: 11–12]. Тем не менее монголоидные признаки башкир налицо. Например, монголоидные особенности пальцевых узоров у башкир являются в регионе наиболее выраженными [Шпак и др. 2015: 162]. Массовые краниологические показатели обнаруживают несомненную близость их с поволжскими народами, а не с восточными и юго-восточными соседями [Акимова 1968: 97].

Исследователи единодушно сходятся во мнении о том, что башкиры представляют собой метисную популяцию, занимающую промежуточное положение между народами Восточной Европы и Сибири. К западу от Урала башкиры сближаются лишь с чувашами. В целом мужская выборка башкир по краниологическим признакам обнаруживает близость с представителями уральской и южносибирской рас. А женский краниологический материал, в противоположность мужскому, сближается с данными по финно — и тюркоязычным народам Волго-Камья. Максимально близкими к башкирам по строению лицевого скелета и мозговой коробки оказались чуваша и финны [Лейбова (Суворова) 2011: 367, 368].

Археология

Кыпчакско-половецкая принадлежность немногочисленных погребений XII — начала XIII в. в степях Урало-Поволжья определяется такими признаками, как подбой и восточная ориентация. Наиболее представительными являются курганы золотоордынского времени (XIII–XIV вв.), насчитывающие почти 600 комплексов. Делятся они по типу на две группы: земляные и с использованием камня. Все это свидетельствует о доминировании кыпчаков на этнической карте Урало-Поволжья в XIII–XIV вв. [Иванов 2013: 87, 92, 94].

Раскопки могильников кочевников второй половины XIV в. на бывшей территории Булгарского улуса Золотой Орды проводились в основном у г. Булгара и рядом с г. Джукетау. Большая часть памятников расположена по периметру Куйбышевского водохранилища. Подавляющее большинство этих кладбищ принадлежит населению с традиционными (древними) верованиями. Захоронения по обряду, близкому к мусульманскому, составляют не более 13%. Все они принадлежат единому этнокультурному комплексу кыпчакского населения. Но следует отметить интеграцию кыпчаков с местным населением. По крайней мере, процесс мусульманизации выражен слабо [Руденко 2013б: 189, 209].

Многие села поволжских татар еще к концу XIX в. имели по два-три кладбища. Те, которые называют «старыми кладбищами», относятся к доисламскому времени. Отличительными признаками являются вещи, находимые в могилах, ибо мусульмане не кладут вещи.

Религия

В VIII–X вв. в Восточной Европе происходят резкое изменение религиозной ситуации. Хазары принимают иудаизм, болгары — ислам, русские — православие. Однако говорить о древних корнях ислама среди тюркских племен не приходится. Считается, что первым тюркским правителем, принявшим ислам как государственную религию, стал Абд ал-Карим Сатук Бугра-хан (901–955 гг.), основавший Караханидскую державу в Средней Азии. Именно после него исламизация тюрков принимает не только массовый, но и стремительный характер. У большинства тюркских народов мира теперь

цементирующим, этнообъединяющим фактором (как на уровне общества, так и семьи) является религия.

К XI–XIII вв. христианство сохраняется в западной части Восточной Европы, ислам представлен в Волго-Камье, а древняя религия – в Куманской степи. Источник начала XIII в. констатировал, что башкиры (*басджирты*) – безбожники [Ибн Са'ид 2009: 34]. Однако Ибн Фадлан еще в начале X в. заметил, что в его посольстве служил башкир, уже принявший ислам [Ибн-Фадлан 1956: 130]. Иначе говоря, башкиры ни в X, ни в XIII в. в основном еще не были исламизированы. Такое утверждение можно было распространить на подавляющее большинство населения Поволжья.

С приходом монголов начинается конкуренция между православием и исламом за влияние на кочевников и на оседлое население, ведущих старинный образ жизни.

Бату – сын Туши и внук Чингисхана, получил престол из рук Чингисхана (1208–1246 гг.). «Под его власть подпали все земли племен Туркестана (начиная) от Хорезма, булбар, буртасов и саклабов до пределов Рума» [Ал-Джуджани 1941: 15]. Бату был человеком справедливым и другом мусульман, пишет источник. При нем мусульмане вели привольный образ жизни. В лагере и на землях у подчиненных племен были построены мечети, в них имелись имамы и муэдзины. Знающие люди говорили, что сам Бату тайне сделался мусульманином, но не показывал это. Похоронили его по монгольскому обычаю (устройство большой ниши под землей, обеспечение дорогими вещами, сопровождение близкими людьми, сокрытие места захоронения путем прогона лошадей на месте могилы). В описаниях Плано Карпини от 1246 г. монголо-татары в ставке Бату-хана представлены еще почти классическими приверженцами своих древних традиций. Они имели антропоморфные куклы из войлока, которых помещали с обеих сторон дверей ставки. В их представлениях такие фигуры охраняли стада, обеспечивали обилие молока и приплод скота. Другие фигурки делали из шелка и весьма их почитали. Помещали их на прекрасно оформленных повозках перед входом в ставку. На изготовление таких кукол собирались все пожилые хозяйки, закалывали овцу и сжигали кости. Больным людям над их ложем прикрепляли такие же куклы. Своим божествам монголо-татары приносили молоко, а также часть своих кушаний. А при возвращении с охоты им посвящали

сердце зверя. Они также поклонялись солнцу, луне, огню, воде и земле. Глубоко верили в продолжение жизни в ином мире [Карпини 1997: 35–36].

Имеется описание Гильома де Рубрука крымских татар в 1253 г. Их традиции были во многом схожи с религиозным поведением татар в целом. Отмечается, что дом делится на мужскую и женскую части. Мужская часть находилась на северной стороне. Хозяин сидел на своей постели лицом к югу. Над головами у них были прибиты войлочные куклы: у мужчин — в виде кобыл, у женщин — в виде коров. Назывались они сторожами дома. Всякий раз перед питьем обрызгивали напитком эти изображения [Рубрук 1997: 93].

Берке-хан — сын Джучи (Туши), внук Чингисхана, вступил на престол Северного царства в 652 г. х. (1254–1255 гг.). Еще при рождении отец его сказал: «Этого сына я делаю мусульманином, добудьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином» [Ал-Джужджани 1941: 16]. Был выбран и имам для обучения его Корану. Потом совершили над ним обряд обрезания. А по достижении возмужалости в его войско передали всех мусульман из стана отца (из земель саксинских, булзарских и саклабских). Выросши, он посетил Бухару и встретился с мусульманскими святыми и учеными. Затем отправил доверенных людей к халифу, был облачен в почетные одежды, присланные халифом. Согласно мамлюкским источникам, проблемы с Хулагу вынуждают его развязать войну и поднять ислам до уровня государственной религии. С этой целью он меняет своих администраторов на хорезмских. Следует учесть, что и сам Берке по материнской линии происходит из Хорезмшахов [Фаверо-Думенжу 2011: 112]. В его стане была установлена пятничная молитва. Каждый всадник в его войске имел молитвенный коврик и совершал намаз. Воины не пили вина, при них находились ученые и толкователи Корана. В его дворце происходили диспуты относительно шариата. Так Берке стал первым ханом, кто официально принял ислам. Это было поворотным пунктом в распространении ислама среди кочевников Восточной Европы. Он сам «сделался мусульманином и заставил принять ислам татар, находящихся в его государстве» [Бейбарс 1884: 121]. Он также выступил против неверного Хулаку и нанес ему поражение. На его сторону на защиту мусульманской

религии встали татары северных областей. «Он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманские, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе, держал их вблизи от себя, сдружился с ними, и построил в пределах своего государства мечети и школы» [Эннувейри 1884: 151]. За ним последовало и большинство его народа. Его жена Джиджек-хатун также сделалась мусульманкой. Она построила себе мечеть из шатров и возила с собой. В 661 г. х. (1262–1263 гг.) Берке-хан известил царя стран Египетских и Сирийских, что Аллах благодетельствовал его исламом. Султан поздравил его и отправил весьма дорогие подарки (священное писание, ковры для молитвы, одежды левантские, мечи, булавы золоченые). Берке-хан создал в землях Дештских лучшие условия для развития ислама. Он пригласил к себе ученых и шейхов со всех краев, раздал им богатые подарки [Ибн-Араб Шах 1884: 461].

После Берке в 665 г. х. (1266–1267 гг.) на престол в Сарае вступил сын его брата Менгу-Темир. Его также поздравил сам султан. Заодно султан намекнул, что было бы хорошо выступить против неверного Абаги, сына Хулаку. На сторону мусульманской религии встал и хан Ногай со своим народом. Султан поспешил написать Ногаю признание и призвал его возбудить священную войну против неверующих. К Менгу-Темиру перешло господство над северными, тюркскими, кыпчакскими странами, а также над Железными Воротами.

После Менгу-Темира в 681 г. х. (1282–1283 гг.) вступил на престол Тудан-Менгу. Он также отправил посольство к султану с известием о принятии ислама. Султан известил о своей радости [Эннувейри 1884: 152–153; Бейбарс 1884: 121–122].

При поддержке сторонников ислама в 1313 г. воцарился Узбек-хан. В 720 г. х. (1320–1321 гг.) он сам принял ислам и казнил глав ордынской аристократии, не пожелавших принять новую религию. Он декларировал положение о религии. Ислам стал религией большинства кыпчаков. Суфии и купцы-прозелиты Средней Волги и Средней Азии получили покровительство чингизидской администрации на государственном уровне. Так ислам стал мощным идеологическим оружием кочевников, обращенных в новую веру, против своих же сородичей и соседей, оставшихся в стороне от мировой религии [Голден 2008: 329, 333]. Но после падения Золотой Орды ислам смог удержаться только на Средней Волге и в Крыму.

Еще в 30–50-х гг. XV в. большинство татар оставалось при своих дедовских традициях: они также возили антропоморфные куклы на своих телегах, придерживались культа некоторых животных («имеют обычай поклоняться каждый день какому-нибудь животному, встреченному ими при первом выходе из дома» [Барбаро 1976: 159]). На окраинах мусульманского мира появление прозелитов относится к началу XIX в. Например, до начала XIX в. большинство барабинских татар соблюдали древние обряды и верования [Радлов 1989: 115].

Образование Золотой Орды, а затем и Казанского ханства возродило города. Вместе с городами возродилось и магометанство. Оно объединило татар — бывших болгар — жителей городов Волжской Булгарии. Как считают исследователи, в период Казанского ханства болгары-мусульмане полностью окупчакнулись, этноним *болгар* начинает заменяться термином *татары*. В XV–XVI вв. жившие на территории Казанского ханства мари́йцы, удмурты и чувашаи подвергались влиянию ислама. По данным на вторую половину XVIII в., многие чувашаи по обыкновению татар брили головы, были охотниками до конины, а некоторые свиней не держали [Миллер 1791: 11,22]. Сельской массе, жившей по родовым традициям, приходилось туго. Были поглощены целые поколения нетатарского люда. Принятие ислама для них всегда означало ассимиляцию в татарской этнической среде. В период Казанского ханства среди чувашей были распространены новые административные порядки. Церемонии ханского двора чувашаи переносили на свои божества, которых они стали представлять в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих и прислуживающих ему. Например, *Тәвам ыра* «Божество, заседающее в диване», *Хум кәркекеш* «Кравчий хана», *Тәвам сүртекен* «Божество, ведающее делами дивана», *Мән турра алак ұсакан* «Отворяющий двери жилища» и т. д. Эти явления явно отражают торжественную обстановку ханского двора. Празднование пятницы, перенятое из ислама, также сохранялось среди чувашей долго.

Процесс исламизации среди чувашей шел интенсивным путем. При этом следы исконного прошлого проявлялись весьма скудно. Так, в документе от 1673 г. говорится, что в деревне Ачей Зюрейской дороги ясачные татары похоронили «мертвых чувашу 3 человека» [Исхаков 1998: 90]. Конечно, уже из контекста видно, что

и сами участники похоронной процессии были вчерашними чувашами, недавно принявшими ислам и превратившимися в татар.

Исследователи похоронно-поминальной обрядности чувашей обращают внимание на эпизод под названием «Мост для покойного». Речь идет о символическом мостике между деревней и кладбищем. Его следует перейти душе умершего родственника. Исследователи сравнивают мостик с авестийским мостом-разделителем. Однако совершенно такой же мост имеет место в исламе. Называется он *сират* [Али-заде 2007: 297]. Расположен над огненной преисподней. Такой мост тоньше волоса и острее лезвия меча. Как правило, вступающие на него праведные души пройдут в рай, а грешные упадут в ад.

С точки зрения средневековых чувашей и чувашей нового и новейшего времен тюрки символизируют исламскую культуру. Начиная с XIV в. ислам стал государственной религией на огромной территории, завоеванной монголами. Крымское, Казанское, Астраханское, Казацкое, Узбекское ханства стали сугубо мусульманскими. Парадокс истории в том, что завоевателями земель стали монголы, а религия на этих землях утвердилась исламская. В это непростое время часть предков чувашей сумела сохранить свои традиционные обряды и верования. Однако плохой уровень изученности, вернее, неизученность системы традиционных обрядов и верований предков современных чувашей стала причиной обращения к древнетюркской мифологии с целью удревнения истории болгар, суваров и савиров. Например, вместо того чтобы тщательно изучать божество *Ѕёр амйш*, исследователи прибегали к «чувашизации» образа *Умай*.

Начиная с середины XVIII в. Церковь в Поволжье начинает свою наступательную миссионерскую деятельность. Татарское духовенство в ответ начинает «усиленно насаждать в народе исламистские обычаи и бытовые формы, чтобы этим резче отделить татар от соседей, особенно от русских, изолировать татарскую массу и сохранить свое преимущественное влияние на нее» [Воробьев 1948: 76].

Исламизацию чувашей можно проиллюстрировать на истории ряда деревень. Для примера возьмем деревню Артемьевку Оренбургской области. У этого населенного пункта имеется и татарское название — *Булантамак*. Артемьевка окружена татарскими дерев-

нями. Чувашей этой деревни с татарами связывают тесные экономические отношения. Как и везде, жители Артемьевки никогда серьезно не занимались торговлей и ремесленничеством. Их занятием было земледелие. В то же время чувашаи пользовались услугами татар: портных, валяльщиков, сапожников, красильщиков, мелких торговцев, пастухов. Малоземельные чувашаи брали у татар в аренду землю. Все это позволяло татарам лезть чувашам в душу: вести повседневную пропаганду с целью превращения своих соседей в ислам. При этом использовался назидательный тон, не оставляющий места возражениям. Татары всячески унижали православие и древнюю веру чувашей. Первые сдвиги в сознании чувашей в пользу ислама в Артемьевке начали происходить в 80-х гг. XIX в. [Иванов 1907: 697–700]. А после царского указа от 1905 г. о религиозной реформе чувашаи этой и других местностей начинают повально уходить в ислам. Сначала они сдают свою веру, потом начинают одеваться как татары, затем начинают говорить по-татарски. Все эти сдвиги благополучно подкрепляются строительством мечетей и обучением в школах на татарском языке.

Тема особенно хорошо иллюстрируется на примере Буинского и Симбирского уездов. Многие чувашаи этих местностей не только перешли в ислам, но *de facto* стали татарами. В их числе деревни Буинка, Сиушево, Чепкасы, Ильметево, Чакилдым, Дуваново, Шаймурзино и село Трехбалтаево. Деревня Буинка отатарилась совсем, а остальные — частично или наполовину. Бывали случаи, что чувашаи в таких населенных пунктах возбуждали ходатайство об отделении от татар в отдельное общество в административном и земельном отношениях [Прокопьев 1905: 142–143]. Однако все эти старания не воплощались в жизнь.

Об исламизации чувашей и ее роли в трансформации этничности чувашей имеется целый ряд публикаций. Активно работают в этом направлении Е. А. Ягафова, Т. В. Семенова и Дурмыш Арык. В частности, они считают, что татары, под чьим влиянием находились и находятся чувашаи, понуждают чувашей идентифицировать себя с татарами. К тому же в письменных источниках мусульманизированных чувашей определяли как татар. Чувашаи, придерживающиеся своих традиций, также подпадали под влияние исламской культуры. Это влияние можно увидеть в их обрядах, религиозной практике и терминологии. В ряде селений Урало-Поволжья

исламизация завершилась полной ассимиляцией чувашей и привела к появлению целой группы *янга мусулмэнлар* («новых мусульман») с татарским языком и этническим самосознанием [Ягафова 2015: 11–15; Семенова 2015; Arik 2007: 37–54].

Что касается башкир, то они придерживались своих старинных традиций дольше, чем татары. На конец XVII в., например, имеется такое наблюдение: верования их большей частью древние, хотя часть склоняется к магометанству [Идес, Бранд 1967: 277]. Ислам и восточное влияние среди татарского и башкирского населения долгое время развивались в целом в среде городского населения, интеллигенции и зажиточных крестьян. В сельской местности еще сохранялись древние молитвенные роци.

Среди башкир зафиксировано огромное количество примеров, имеющих прямое совпадение с народными обрядами, мифологическими персонажами и другими традиционными предметами и представлениями чувашей [Хисамитдинова 2010; Салмин 2016]. Например, персонажи *Ай — Уйāх* «Луна»; *Алып — Улап* «Исполин»; *Бисура — Пичура* «Кикимора»; *Ел — Сил* «Ветер»; *Елмауз — Йёлмевёс* «Вампир», *Эйэ — Ийе* «Хозяин бани». Из области представлений о времени можно привести *ахыр заман — ахār саман* «светопредставление», «конец света». Мифологическое дерево *байтирек* (букв. «богатое дерево», точнее, «тополь») отразилось в чувашском названии деревни *Патирек*. Из женских украшений: *дәүәт — тевет* «перевязь, украшенная монетами». Также имеются одинаковые заимствования из персидской (*Аждаһа — Астаха* «змея Аждаха») и арабской (*Кирәмәт — Киремет* «Чудо») мифологий.

Особую нишу в религиозности народов Среднего Поволжья занимают татары-кряшены. Сохранению этнических верований у кряшен способствовали исторические реалии складывания этой общности. С одной стороны, официальное принятие православия способствовало прерыванию у них процесса дальнейшей исламизации. С другой, отсутствие последовательной христианско-просветительской деятельности привело к тому, что кряшены восприняли лишь внешние стороны православия. Благодаря этим факторам отмечается определенная консервация религиозных представлений. Татары-кряшены продолжали соблюдать обряды, связанные с почитанием природных стихий, небесных тел, деревьев и животных, чтить лечебную и вредоносную магию. Примерами могут служить

добывание нового огня, почитание воды, система знахарства и т. д. [Исхаков 2014: 66–67]. У татар-кряшен и чувашей, соблюдающих традиционные обряды и верования, много общего. Некоторые фразы из молитв и заговоров татар-кряшен и чувашей совпадают буквально. Например: «*Чирем-чорым китсен*» — «*Чир-чёр кайтёр*» («пусть болезнь уходит»). Имеет место полное совпадение названий обрядов и божеств, а также содержания и смысла (*Шыйлык* — *Шилёк*; *Корман* — *Учук*; *Шурале* — *Арсури*; почитание четверга в связи с поминовением предков; *мочаур* — *мучавар*). Поэтому сопоставительное изучение религиозности татар-кряшен и обрядов и верований чувашей имеет огромное научно-практическое значение.

По сей день в составе молькеевской группы имеется небольшое число так называемых некрещеных кряшен (20 дворов в селе Старое Тябердино), предки которых придерживаются древних обрядов и верований [Севастьянов 2010: 21]. Система верований некрещеных кряшен и крещеных татар, сохранивших старинные порядки, в целом перекликается с системой обрядов и верований чувашей, что в свою очередь свидетельствует об общих традициях болгарской и суварской культур.

Религиозная жизнь мусульманского мира Симбирской и Казанской губерний имеет специфические черты. Специфичность выражается, прежде всего, в толерантности, взаимном уважении этнических культур, а также во взаимопроникновении. Все эти положительные стороны религий (как официальных, так и этнических) в Поволжье возникают еще в Средневековье. Беда в том, что они мало, плохо или вовсе не раскрыты. Следует отметить, что уход чувашей в ислам, в частности, проходил под знаком протеста против насильственного крещения. Верно и утверждение, согласно которому чувашаи правобережья также не остались вне влияния мусульманства. «Но в общей религиозной структуре чувашей данного региона мусульманское влияние носило лишь поверхностный характер, оно не изменило коренной сущности их ранних представлений и культа. Такой тип религиозного синкретизма можно условно назвать “языческо-мусульманским”, где домусульманский элемент оставался господствующим» [Кудряшов 1974: 65].

Как видим, начиная с X в., особенно — с XIII в., влияние ислама на чувашей велико. Оно имеет и положительные аспекты. Исламизация позволила чувашам сохранить островки населенных

пунктов, придерживающихся и ныне своей исконной религии, а не раствориться в православии. Это было спасением и временным прибежищем. Но это был бытовой ислам. При первой же возможности чуваши, «принявшие» ислам, возвращались к своим традициям. Например, жители деревни Байбахтино Буинского уезда в годы реакции после 1905 г. вынуждены были для вида перейти в ислам. «Как наступила революция в России, байбахтинцы оставили магометанство и вновь объявились чувашами-язычниками, каковыми являются по настоящее время», — писал в 30-х годах XX в. исследователь К. В. Элле [ИИМК. Ф. 2. Он. 2. Д. 1453: 14]. То же самое можно сказать о чувашах Самарской и Ульяновской областей и Татарстана.

Язык

Местом существования тюркского праязыка считается широкая территория между Ордосом и южным Саяно-Алтаем. А временем такого состояния языка считается конец I тыс. до н. э. — первые века н. э. Именно там и тогда пратюркский язык отделился от монгольской и тунгусо-маньчжурской языковых семей [Дыбо 2007: 199–200]. Еще во времена бытования старотюркского языка (Ancient Turkic), считает Андраш Рона-Таш, носители древнечувашского языка отошли далеко от других тюрков. Тюркские языки лингвисты делят на две основные группы: это огурские и огузские языки. Все они, кроме чувашского, имеют маркер множественности *-лар*. Должно быть, обобщение произошло позже, потому что старотюркский язык имел и другие формы множественного числа. Это видно из таких примеров, как *ogul* «сын» > *oglan* «сыновья», *ar* «мужчина» > *arān* «мужчины», а также *be(n)* «я» > *biz* «мы» [Róna-Tas 2007]. У чувашей плюральным суффиксом является *-сам/-сем*, а в башкирском языке — *-тар/-тәр*, *-дар/-дәр*, *-зар/-зәр*.

В китайских династических летописях и на тюркских надписях упоминается целый ряд титулов и должностей, указывающих на их заимствования от жуань-жуаней, из Китая, иранских, тохарских и индийских источников. Например, *yabǵu*, *šad*, *tegin*, *ilteber*, *tudun*, *tutuq*, *khagan*, *khan*, *tegin*, *chor*, *tarkhan* и др. В целом подавляющее большинство раннетюркских титулов и имен (*бек*, *Бумын*, *Истеми*,

Мукан, Таснар, Невар) является нетюркским по происхождению [Golden 2006: 17–38; Zhivkov 2015: 23–24].

Полагают, что огурский/булгарский язык представляет предыдущую форму архаического тюркского, и только потом произошла серия фонетических изменений (т. е. $z > r$, $*\tilde{s}/*\tilde{l} > l$). Возможно, это произошло в I–III вв. Рудименты этого праязыка сохранились на сегодняшний день у чувашей [Golden 2011: 30]. Однако не все орхонские надписи принадлежали тюркским племенам. Особенно это касается татар. И это несмотря на то, что перед их именем ставятся тюркские числительные типа *отуз* «тридцать» и *токуз* «девять». Вильгельм Томсен справедливо считал, что эти татары были монголами [Thomsen 1924: 174]. С ним вполне соглашался В. В. Бартольд [Бартольд 1968: 580]. В ту эпоху степи Восточной Европы населяли такие ираноговорящие кочевники, как скифы, сарматы и аланы. С VI в. здесь стали набирать силу тюркские элементы.

На основе аналитического изучения проявления ротацизма и ламбдаизма в огурской группе языков и в чувашском языке Андраш Рона-Таш констатирует, что чувашеговорящие люди/группы (Chuvash speaking people/groups) пришли из Южной Сибири. Например, в рунической надписи на памятнике *Kejilig ħobu* присутствует название племени *Kümül bodun*, вождем которого был *Kümül üge*. Этот предводитель стал *üge* в 30-летнем возрасте (*otuz yašimga*) и умер на 70-м году жизни (*yetmiş yašimga*). Текст, без сомнения, написан на общем старотюркском языке, но в слове *kümül* «серебро» имеет место ламбдаизм (ср. чуваш. *кёмёл* и общетюрк. *kümüš*). Примечательно, что эти «серебряные люди» говорили на языке чувашского типа, а к VIII–IX вв. от них сохранилось данное название. «Серебряные люди» (*kümül bodun*) упоминаются также в надписи *Kizil Ćira* и в китайских источниках. Такие лингвистические свидетельства показывают, что древние чувашеговорящие группы в Южной Сибири разделились, их основная часть ушла в Европу, но часть осталась в Азии и позже была ассимилирована живущими там тюрками [Róna-Tas 2007]. В енисейской надписи *Кюмюль Оге* — мужское (воинское) имя; его обладатель называет *кюмюлей* «мой народ». Видимо, они состояли из множества родов, ибо *Кюмюль Оге* называет свой народ также «сто кюмюлей» [Айдын 2011: 7–8].

Основные изменения в языке и культуре Восточной Европы произошли в Средние века. В XII–XV столетиях степная зона заполнилась тюркоговорящими племенами. Монгольская правящая элита не адаптировалась среди куманов и быстро тюркизировалась. «Западное название монголов — татары — в XIV столетии обозначало людей, говоривших по-кыпчакски» [Zimonų 2007]. Самым важным источником на кыпчакском языке является «Codex Cumanicus», составленный в XIV в. в полевых условиях. Язык основных преемников куманского (западнокыпчакского) языка — волжских татар — в фонетическом отношении до сегодняшнего дня почти не изменился.

Ряд исследователей, желая придать предкам чувашей древнетюркский субстрат, активно ищет аргументы. Поводов всегда оказывалось предостаточно, ибо термин *татары* был собирательным понятием. Даже в конце XVII в. Николаас Витсен и другие источники именуют чувашей (наряду со всеми финно-угорскими народами) тартарами. «Недалеко от Казани живет малочисленный тартарский народ... Этот народ называют чувашами» [Витсен 2010а: 906]. Однако тартары в данном контексте не более чем инородцы.

Не находя достаточных доказательств наличия тюркского субстрата у предков чувашей, исследователи прибегают к савиро-гуннским связям. Однако и здесь отсутствуют ранние факты, свидетельствующие о тюркизме. «Встречающиеся поныне в литературе ошибочные мнения о более ранней датировке этого явления чаще всего основаны на желательных предположениях, а не на твердых фактах, установленных наукой. Не все еще, к сожалению, осведомлены и убеждены в том, что гунны, как и северо-кавказские племена, не владели тюркской речью, но дело обстояло именно так» [Кызласов 1997: 27–28]. Известно, что Тюркский каганат создан правителями из рода Ашина. Его основатели — Бумын и Истеми. Это середина VI в. В 567 г. Истеми посылает Михаила Согдийца в Византию в целях установления дипломатических связей. Маршрут посольства пролегал по Средней Азии и Кавказу. При возвращении Михаила сопровождал византийский посол Земархос (Зимарх, Земарх) [Ртвеладзе 2015: 357–363]. Естественно, дипломатия не могла обойтись без письменности. Поэтому предполагается, что с этой целью был создан рунический алфавит. В этой связи выдвиги-

гается гипотеза о том, что тюрками был использован иранский алфавит, а к нему добавлены несколько греческих букв для обозначения гласных переднего ряда [Клосон 1986: 138–139, 143]. В 576 г. тюркские войска разгромили византийцев на берегу Босфора и обосновались в Крыму и на Северном Кавказе.

Самый авторитетный «Древнетюркский словарь» содержит лексику VII–XIII вв. Возьмем из этого словаря с первой же страницы самое заветное слово — *aba* — в значениях «мать», «отец», «прародитель» [Наделяев и др. 1969: 1]. *Aba* в значении «мать» взято из словаря Махмуда Кашгарского. *Aba* как «отец» вошло в тюркский язык из тибетских языков и зафиксировано также Махмудом Кашгарским. *Aba* в значении «прародитель», «предок» пришло из арабского языка. Время фиксации всех аспектов слова *aba* — XI в. Есть это слово в верховом диалекте чувашского языка в форме *анай* (в произношении *абай*) и означает «моя мать», «моя теща», «старшая сестра моего мужа», «бабушка по отцу». Появилось оно у чувашей не раньше XIII в. В том же значении в языке имеются слова *атте* «отец», *анне* «мать», *хуняма* «теща», *асанне* «бабушка», букв. «старшая мать» и т. д. Да и сейчас *ана* бытует лишь в северо-западной части Чувашской Республики. Производным является *абуйца* («старик»). У чувашей *упайшка* «муж», «старик» восходит к тому же *aba* «отец». Есть это слово в горномарийском наречии в форме *овышка* «вдовец». Пришло оно туда через чувашский язык [Егоров 1964: 275]. Примеры можно продолжить перечислять. Например, арабское слово *adam* «человек», «мужчина», также причисленное в список древнетюркской лексики. Из персидского языка данное слово вошло во многие кавказские языки (чам., лак, лезг., таб., цах., рут., буд., чам., уд., хин., аг., чеч., анд., кар., багв., ботл., год., цез., бежт., гунз., гин., дарг., дигор.) и приняло формы *hadam*, *adam*, *ädäm*, *ädämi*, *adaw*, *adamina*, *itim*, *adami*, *admi*, *idemi*, *edemi*, *idimi* [Климов, Халилов 2003: 40–41, 52; Таказов 2015: 131]. В чувашский язык слово *этем* пришло через персидское посредство [Дыбо 2015: 419] → горномарийское *эдем*. Таких примеров сотни. Поэтому говорить, что древнетюркская лексика — это и есть древнечувашский лексический фонд, весьма опрометчиво. Да и сам «Древнетюркский словарь» — это сводный словарь языка средневековых, а не древних тюркских наречий. В то же время в нем есть ряд слов, определить происхождение,

хронологию и локус которых практически невозможно. Возьмем, к примеру, *er* в значениях «мужчина», «муж», «супруг». Зафиксировано это слово в орхоно-енисейской надписи в 732 г. [Наделяев и др. 1969: 175]. Слово встречается во всех тюркских и монгольских, а также в шумерском и чувашском языках в формах *ap*, *är*, *эр*, *ир*, *эре* [Егоров 1964: 30; Räsänen 1969: 46a]. Скорее всего, это слово арийское. Даже слово *тимёр* «железо», воспринимаемое теперь как исконно тюркское, восходит к китайскому *tiet-mür* [Федотов 1996а: 232]. Отсюда появилось имя *Тэмуджин* «кузнец». А сам Чингисхан, безграмотный, не знал ни одного языка, кроме родного монгольского.

Слов персидского происхождения, вошедших в чувашский язык через тюркское посредство, много. Чувашское слово *пахча* «огород» восходит к персидскому *bag* «сад», «виноградник». В северном диалекте чувашского языка сохранилась более ранняя (персидская) форма в виде *пахулми* «садовое яблоко», в отличие от *çёр улми* «картофель». Персидское «сад», «огород» зафиксировалось в кавказских языках груз., мегр. *baγ-i*; абх. *a-bahça*; уб., лезг., буд., уд. *baχça*; бацб. *baqč*. Считается, что в современных кавказских языках слово получило распространение через тюрков [Климов, Халилов 2003: 157]. Что касается названия деревни *Бахтиярово*, то оно персидского происхождения (*Бахтияр* — мужское имя), но, видимо, вошло в чувашский язык через тюркское посредство, ибо имя популярно среди тюркоязычных народов. Чувашское слово *тёмен* в значениях «мир», «множество» является среднеиранским заимствованием. Источник — перс. *tūtān* «десять тысяч». В тюркских языках числительное явно связано с названием воинского подразделения [Дыбо 2007: 119, 126].

Густав Рамстедт в своей работе о месте чувашского языка в семье урало-алтайских языков указывал, что ламбдаизм и ротацизм в тунгусском, монгольском и чувашском языках — явление дотюркское [Ramstedt 1922: 32]. Он возводил тюркские и чувашский языки к западохуннской и южнохуннской ветвям языков, что, конечно, не однозначно и требует уточнений в свете последних достижений в области исследования истории гунно-савирских взаимоотношений. Н. Н. Поппе и В. В. Бартольд утверждали, что чувашский язык сложился в тот период, когда еще не установились характерные черты языков тюркской группы. В. В. Бартольд также

считал, что тюркско-чувакская противоположность в виде фонетического перехода $p > z$ и $l > ш$ произошла, возможно, около начала начала эры. [Бартольд 1968: 198, 579]. Но первые контакты носителей чувашского и тюркского языков следует отнести не ранее, чем ко второй половине VI в., когда передовые отряды тюркских племен встретили в Европе савиров. Есть ряд других фундаментальных закономерностей, свидетельствующих о чувашском языке как о дотюркском явлении. Например, надгробные надписи Волжской Булгарии, в которых хорошо отражаются типичные для чувашского языка p - и l -диалекты в противоположность z — и $ш$ -диалектам тюркских языков. Здесь имеем слова *тухур* «девять», *саккар* «восемь», *вутур* «тридцать», *хир* «девушка», *арня кун* «пятница», *биалем* «пятый». Эти слова в других тюркских языках звучат как *тугыз*, *секиз*, *кыз*, *атна кон*, *бишенче*. Сюда же следует отнести примеры типа *сайтап* — *julduz* «звезда», «планета». В целом тюркскому звуку z соответствует не только чувашский, но и монгольский r . Рассуждая о такой фонетической ситуации, Андраш Рона-Таш задается вопросом: «Что помешало бытованию оппозиции $r: z$, $\tilde{s}: l$?». Венгерский лингвист предполагает влияние такого субстратного языка, в котором оппозиции $r: z$, $\tilde{s}: l$ не существовало. Таким субстратным языком он считает прамонгольский [Рона-Таш 1970: 209–228]. Если такая гипотеза верна, то это дополнительный плюс в пользу *саваров/савиров/суваров* как нетюркского племени. Однако следует помнить существенный нюанс. Как мы знаем, одной из традиционных и активно дебатированных проблем алтаистики является вопрос о соответствии между общетюркскими z и r в болгарской (чувашской) ветви тюркских языков, а также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Однако сами же алтаисты признают, что тезис о контактировании предков чувашей «в Сибири с монголами — предположение, не подкрепленное историческими свидетельствами» [Васильев, Хелимский 1987: 76], не более.

Имеет место различие местоимений первого и второго лица единственного числа в тюркских и чувашском языках. Например, в первом лице единственного числа в тюркских языках имеет место *мен*, а в чувашском языке номинативом является *эне*. Говоря о местоимениях в чувашском языке, Н. Н. Поппе заметил, что они стоят как-то особняком и не могут быть прямо сопоставляемы с общетюркскими местоимениями. Некоторые местоимения

в чувашском языке стоят совершенно одиноко. А это лишний раз доказывает, что тюркские языки гораздо ближе друг к другу, чем к чувашскому языку. По мнению Н. Н. Поппе, чувашский язык обособился еще до формирования пратюркского языка [Поппе 1927: 61, 64].

В. В. Радлов в работе «Phonetik der Nördlichen Türksprachen», в частности, писал о переходе гласных звуков *y, u, a* в *a* в тюркизмах. Первый период — это переход *ы (y)* в *a* (например, *хырăм* → *qarun*). На этом этапе слова заимствовались в очень искаженной форме. Второй период: *y (u)* → *a*. Чувашаи заимствовали столько тюркских слов в этот период, что постепенно стали правильно выговаривать тюркские звуки. Тем не менее они имеют искаженный вид. В третий период чувашское *a* начинает соответствовать тюркскому *a*. Таким образом, произношения звуков чувашами и тюрками становятся вполне общими. Поэтому чувашаи начинают тюркские слова выговаривать относительно верно: *кажăк, кашкăр, капкăн, пазар* [Radloff 1882: 90]. Свои впечатления, которые сложились у меня в ходе изучения отношения чувашского языка к тюркским языкам, я вкратце изложил в «Phonetik», писал академик. «И я теперь считаю, что мое предыдущее мнение подтверждается шаг за шагом». Чувашский язык, как и якутский, первоначально был нетюркский, он стал тюркским со временем, суммировал В. В. Радлов. Эти наблюдения он подтвердил еще раз в неопубликованной рукописи, посвященной изучению грамматики чувашского языка, которую он готовил к печати, однако не успел издать. По загадочной причине не изданы они по сих пор.

В первые века контакта с тюркским миром ухо чуваша еще не освоило привычку к чужой речи, заметил Василий Васильевич. К таким словам он отнес примеры типа *хырăм* «der Leib» = *карыи*; *oÿyx* (*yÿyx*) «der Mond» = *аÿык; тoл, тyл* «der Stein» = *таш; вăÿ* «Spiel» = *oÿун aber вyл'a* (v.) «spielen» = *oÿина* (v.) [СПБФ АРАН. Ф. 177. Он. 1. Д. 33: 1–2, 25–26]. Характерно, что в «Классификации тюркских диалектов (языков)», предложенной В. В. Радловым, не упоминаются ни чувашский, ни якутский языки, т. к. носители этих языков, по его мнению, не тюрки, а тюркизированные племена. На это свойство уже было обращено внимание [Кононов 1982: 211]. Не зря Н. Н. Поппе назвал В. В. Радлова самым ярким представителем теории нетюркского происхождения чувашей.

Как писал Н. Н. Поппе, В. В. Радлов считал чувашский язык в нынешнем его состоянии результатом перенесения на нетюркскую почву тюркского диалекта [Поппе 1924: 293]. Хотя В. В. Радлов и не указывал хронологические рамки названных периодов, понятно, что эти явления берут начало с образования Западно-тюркского каганата, но не ранее середины VII в. Как известно, в это время савиры обитали на Кавказе.

Следует согласиться с положением, что на Кавказе северо-западные (абхазо-адыгские), северо-восточные (нахско-дагестанские) и южные (картвельские) языковые семьи являются коренными для этого ареала. А некоторые индоевропейские и тюркские языки, которыми пользуются на Кавказе в настоящее время, дошли до Кавказа вместе с племенами, мигрировавшими из других ареалов позже. Например, предки кумыков, исконные обитатели прикаспийского Дагестана, тюркизировались целое тысячелетие — с VI по XVI вв.

Интересные наблюдения можно делать при помощи сравнения караимского, болгарского и савирского языков. Эти три племени имели пространственно-временную общность на побережье Черного моря, входя в конгломерат Хазарского государства. Поэтому, считает Азгар Мухамадиев, «в караимском языке имеются слова, которые в болгарском (татарском) языке потеряли или сменили свое значение» [Мухамадиев 2011: 85]. Он же дает длинный список таких слов (с ними привожу чувашские слова): *аргмакь* «боевой конь» (кавалеристы в походах садились на запасной *куш ат*, а перед сражением сменяли его на *аргамака*) — чуваш. *урхамах*; *акцицы* «кассир» (видимо, слово имело такое же произношение в цокающем хазарском языке) — чуваш. *уксаçа*; *балкьурт* «пчела» — чуваш. *пыл хурт* «мед» + «червяк»; *кыркын* «служанка» — чуваш. *хърхъм*; *йэргэ* «строй» — чуваш. *йёрке*; *йэр-сув* «родина» — чуваш. *çёр-шыв* «земля-вода»; *цардак* «крыша» — чуваш. *чартак*; *цэлмэци* «гончар» — чуваш. *чълмекçё* «горшечник» и т. д.

Исследователи также обращают внимание на цоканье нижегородских мишарей. При этом они связывают это явление с хазарским влиянием, в частности, племен савиро-хазарского союза [Хайретдинов 2015: 28, 29]. Отсюда напрашивается вывод об исходе предков мишарей из Северо-Кавказского региона. Живут теперь мишари в основном в Кайбицком районе Татарстана

(так называемые молкеевские), Батыревском районе Чувашской Республики и в Нижегородской области.

Отмечается замена звука *ц* в мишарском языке на звук *ч* в казанско-татарском языке. Например, в письме царя Иосифа встречаем этноним *ц-р-мис* вместо более поздней формы *черемисы*. В чувашском языке вместо *ц* и *ч* имеем *с*, *с* или *ш*. Этот список весьма длинный, а чередование звуков последовательно (рус. *беглец*, мишар. *кацкын*, татар. *качкын*, чуваш. *касқан*; рус. *горький*, мишар. *йце*, татар. *йче*, чуваш. *ййӑӑ*; рус. *кричать*, мишар. *кыцкыр*, татар. *кычкыр*, чуваш. *кӑшкӑр*; рус. *лещ*, мишар. *цабак*, татар. *чабак*, чуваш. *супах*; рус. *щука*, мишар. *цуртан*, татар. *чуртан*, чуваш. *сӑрттан*).

В то же время следует констатировать, что образование языка казанских татар начинается с появления на Средней Волге болгар. То, что язык болгар относится к группе звука *к*, а язык чувашей — к группе звука *х*, подтверждается и тем, что русско-славянские и арабо-персидские слова, заимствованные булгарами, утвердились со звуком *к*. Например, *соха* → *сука*, *хазина* → *казна*. А у суваро-чувашей — *суха*, *хысна*. В числе других фактов — переход суварского *дж* в *й* и *р* в *з*. Так, в одной эпитафии болгарского периода читаем параллели *жиат жур* и *йите йоз* (700 г.) [Заляй 1948: 84–85]. Как и многие исследователи, А. П. Ковалевский констатировал, что после того как основная масса населения Булгарского царства в результате усиления здесь кыпчакского элемента стала говорить на татарском языке, этот язык должен рассматриваться как язык кыпчакско-татарской группы [Ковалевский 1956: 7]. В XIII–XIV вв. в Волжскую Булгарию проник кыпчакский язык и «проглотил» болгарский. В результате возник язык поволжских татар [Новосельцев 1990: 72, 74, 97]. Булгария в период Золотой Орды получила статус вассального княжества и находилась в орбите политики Сарая. В условиях, когда положение государственного языка занимал кыпчакский язык, население Булгарии стало пользоваться в интеллектуальных сферах именно этим языком наряду с арабским. И совсем не имел значения вопрос о том, много ли было в это время кыпчаков, проживавших в Волжской Булгарии [Малютин 1996: 60]. Поэтому утверждение о том, что татарский язык образовался на болгаро-тюркском субстрате [Bereczki 1983: 207–236; Дмитриева 2006: 62], является очевидным фактом. Сиро Хаттори по поводу того, почему чувашаи окончательно не переняли тюрко-

татарский язык, считал, что сувары к этому времени уже составляли народность, отличную от булгар [Хаттори 1980: 94].

Об огромном влиянии пришлого языка может свидетельствовать и абхазский язык. Имеется в виду двухсотлетнее пребывание турок в Абхазии, «вследствие чего почти все абхазы овладели турецким языком, и он стал языком общения с другими народами» [Гублиа 2013: 4].

Носители варианта кыпчакского языка вошли в Восточную Европу в начале XI в. А татары (монголо-татары) появились в Волго-Камском регионе после монгольского нашествия. Теперь эти языки сохранились у казанских татар и башкир. Короткое время кыпчаки жили совместно с чувашеговорящими племенами (булгарами и суварам). Другие группы чувашей обитали в лесном регионе, где Волга поворачивает с востока на юг. Кыпчакское население пользовалось тюркским языком хварезмского варианта в качестве литературного, который скоро попал под сильное влияние местного языка. Исследователи называют ряд заимствованных болгарских (чувашских) слов в языках волжских кыпчакков. Например: чуваш. *йёкёр* → *ikiz* («близнецы»), чуваш. *шăпър* («метла») → *sipir* («подмести») [Agyagasi 2002: 26]. Гибридные хварезмско-тюркский и кыпчакский языки можно видеть на эпитафиях волжских булгар. Эти надписи иногда называют надписями первого типа. Второй тип содержит характерные элементы как болгарского, так и кыпчакско-хварезмского языков. Самым интересным является камень усыпальницы, где эпитафия покойной повелительницы написана на одной стороне в первом стиле, а на другой стороне — во втором стиле.

В домонгольский период присутствие кыпчакков в степях Урало-Поволжья было незначительным. По этой причине говорить об их влиянии на ход формирования этнической карты не приходится. А наличие в золотоордынский период отдельных кочевнических захоронений в городских и сельских мусульманских могильниках свидетельствует об интеграции кочевников с местным населением во второй половине XIV в. [Загидуллин 2015: 18].

Естественно, следует соглашаться с Б. А. Серебренниковым, который констатировал, что современные чувашаи — народ, усвоивший язык пришлого тюркского населения, участвовавшего в процессе формирования чувашского народа [Серебренников 1957: 41].

Именно с этого времени начинается складывание современного единого лексического фонда болгаро-татарского и суваро-чувашиского языков. Слова типа *jaš* «зеленый», «молодой» становятся общими. Сюда же относятся общетюркские *jütüaq* (*jümбак*) — «круглый», «шарообразный»; «клубок»; *jütšaq* (*jымшак*, *jумшак*, *jумжак*) — «мягкий, нежный». У Ал-Кашгарй — *йумгак* «что-либо покатое, круглое» и *йумшак* «что-либо мягкое» [Ал-Кашгарй 2005: 774]. В первом случае слово вошло в чувашский язык с отпавшим звуком в конце (*šámxa* — «клубок», «мяч»), а во втором случае конечный звук сохранился (*йымшак* — «болезненный»). Как видим, при этом несколько изменилась и смысловая нагрузка. Выпадение конечного *к* имеет место в ставшем чувашским тюркском слове *булак* «источник», «ключ», «родник»: река *Пала* «Була», деревня *Пала касси*, хотя параллельно произносят и *Палак касси* (в произношении *палаккасси*) «Булаково». Сравните названия рек в Казани и в Батыревском районе: *Булак* — *Була*. То же самое произошло в чувашском языке с тюркским словом *kairak/kairağ*: преобразование *x* → *к* и выпадение конечного согласного звука *к*: *хайра* «точило». Аналогично произошло с чувашским словом *тăпра* «земля», «прах земной»: в казанском наречии татарского языка — *тупрак/топрак*.

Г. Симбирск, расположенный в болгарское время на левобережье Волги, назывался *Şəmpər*, а возникший впоследствии на правобережье — *Чёмпёр* [Димитриев 1993: 36–37], т. е. имеем пример перехода звука *ç* в *ч*. Та же ситуация с чувашским словом *сухър* «кричать», «звать»: в османском и крымском говорах тюркского языка — *чабыр*, *чакыр*, *шакыр*. А также: чуваш. *çуç*, тюрк. *чач* — «волосы на голове человека»; чуваш. *çатан*, тюрк. *чедән* — «плетень»; чуваш. *çавра*, тюрк. *чәврә* — «круг»; чуваш. *çуң*, тюрк. *чөн* — «сор, мусор»; чуваш. *çёрёк*, тюрк. *чүрүк* — «гнилой». Конечно, первый вариант — сугубо чувашское слово, а второй — уже трансформированное под влиянием тюркской речи. В целом фонетические преобразования в виде *с* → *ç* → *ш* → *ч*, *х* → *к* (*сорпа* — *шорпа* «бульон»; *сăхър* — *шăхър* «свистеть»; *сăн* — *чăн* «истина»; *шăлтăр* — *чълтър* «повод»; *шийе* — *чие* «вишня»), а также замены на лексическом уровне (*сытар* — *минтер* «подушка») очевидны.

Есть ряд слов, перешедших в чувашский язык из татарского без изменений (*той/туй* — «чувать», «замечать», «чувствовать»; *бит/*

нит — «лицо») [Дыбо 2015: 325, 383]. Поэтому относительно чувашей есть основания утверждать, что «сии много язык свой татарским повредили» [Татищев 1964: 67].

Чувашско-балкарские соответствия в лексике также имеют существенное место. Например, балкар. *тере*, чуваш. *тӳре* (букв. «правдивый», «судья»); балкар. *сокӟур чеги*, чуваш. *сукӟӑр пыршӑ* (букв. «слепая кишка»); балкар. *бюрче*, чуваш. *пӑрса* «блоха».

Следует упомянуть некрещеных чувашей Бакалинского района (деревня Юльtimiровка и село Ахманово), переходящих на татарский язык и сливающихся с местными нагайбаками. Появились чувашаи в этой местности не позднее XVIII в. [Атнагулов 2017: 77].

По сравнению с тюркскими языками чувашский выглядит далеко отступившим от первоначального типа вследствие всевозможных изменений. Однако некоторые формы этого языка носят более древний характер, чем соответствующие им формы в тюркских наречиях. Сравнивая чувашский язык с тюркскими диалектами, Н. И. Ашмарин выделил несколько характерных особенностей. Во-первых, закон гармонии гласных, свойственный языкам урало-алтайским, у чувашей или не всегда строго соблюдается, или имеет своеобразное применение (например, в курмышском говоре). Во-вторых, в некоторых случаях корень слова претерпевает изменения, вообще не свойственные тюркским наречиям. В-третьих, узкие гласные тюркских языков очень часто переходят у чувашей в широкие, чего нет ни в одном из тюркских языков. В-четвертых, в чувашском языке часто удваиваются согласные (как в корнях, так и в аффиксах), чего опять нет в тюркских языках [Ашмарин 1898: XIX–XX]. Конечно, в число отличий входят ротацизм-зетацизм (*сӑвар* — *авыз* «рот», *пӑр* — *буз* «лед», *хӑр* — *кыз* «девушка»), а также наличие в словарном составе чувашского языка значительного слоя слов, отсутствующих в тюркских языках (*сӑмса* — «нос»; *сатма* — «сковорода»; *тулӑ* — «пшеница»).

Говоря о первом предводителе мадьяр Арпаде, Константин Багрянородный назвал его архонтом Турции [Багрянородный 1991: 163]. Так же в других византийских источниках. Однако венгры называли свою землю *Мадьярорсаг*, что буквально значит «Страна мадьяр» [Шушарин 1991, коммент. 21 к гл. 38]. Вернее даже было бы сказать — *Угорщина* или *Угрия*. Источник от 1253 г. констатирует, что язык паскатир (башкир) и венгров — один и тот же

[Рубрук 1997: 120]. Хотя Рубрук и не оговаривает, что он имеет в виду (угризм или тюркизм башкир), скорее всего, речь идет об угорских элементах в башкирском языке. А в 1236 г. монах Юлиан назвал башкир на реке Этиль восточными венграми, ибо язык у них был венгерским, они понимали его, а он их [Аннинский 1940: 73, 81]. Но правда в том, что тезис башкирско-венгерского родства языкознанием не подтверждается [Zimonyi 2014: 150]. Что касается упоминания арабскими авторами *мадьяр* в форме *моджгар*, то, скорее всего, речь идет о *мишарях*, хотя арабы имели в виду башкир.

Известно, что венгерский язык хранит самые ранние памятники западного древнетюркского языка. Андраш Рона-Таш доказал западно-тюркское происхождение почти 400 венгерских слов. Например, венгерское слово *tenger* («море») во всех тюркских языках встречается в форме *tengiz*, т. е. с *z* в конце слова. Только венгерский язык сохранил древнюю форму. В нем также имеется 115 западно-тюркских слов, отсутствующих в чувашском языке [Рона-Таш 2011: 136]. Чувашский язык содержит меньше западно-тюркских слов, чем венгерский. Выходит, до X в. предки чувашей входили в контакты с тюрками гораздо меньше, чем предки венгров. Савиры к этому времени были менее тюркизированы, чем венгры. Иначе говоря, чем больше углубляемся в историю, чем меньше имеется сходства чувашей с тюрками в языковом отношении. Тотальная тюркизация чувашей происходила уже на Волге путем заимствования из кыпчакских языков через казанских татар и башкир. Говоря словами лингвиста, когда не остается непроницаемых сфер двух неродственных языков, практически трудно разграничить свое и чужое [Щербак 1994: 169].

В начале XIII в. монголо-татарские войска вторгаются в Восточную Европу большими силами. Киракос Гандзакец (ок. 1200–1271 гг.) зафиксировал перечень монгольских слов, услышанных им в Армении. Например: бог — *тангри*, женщина — *эме*, лошадь — *мори*, собака — *нохай*, вода — *усун*, солнце — *наран* и т. д. [Киракос 1976: 173]. Густав Рамстедт, всесторонне исследовав лексику и фонетику, пришел к выводу, что развитие чувашского языка шло без непосредственного контакта с монгольским языком [Ramstedt 1922: 34]. Действительно, имеющиеся монголизмы в чувашском языке занимают незначительное место. Например, г. Булгар был на некоторое время единственным во владениях дома Джучи, где

чеканились монеты монгольских ханов. Однако из надписей на монетах видно, что население к началу XIV в. сохраняло свой прежний язык, следы которого отчетливы в чувашском. В то же время болгарское население начинает подвергаться сильному влиянию кыпчакского языка, который постепенно становится государственным так же, как и в Средней Азии [Бартольд 1968: 136]. Андраш Рона-Таш опубликовал все им замеченные среднемонгольские заимствования в чувашском языке. В словаре оказалось 29 слов (по Н. Н. Поппе, 33 слова). Например: чуваш. *näxta* «недоуздок» — ср. — монг. *noyta*; чуваш. *kěrnüker* «дружка жениха» — ср. — монг. *nöker/nökür* «боец», «солдат»; чуваш. *çurčäka* «ястреб» — ср. — монг. *qarčiya*. Из этих 29 слов 17 встречается и в марийском. Это свидетельствует о том, что большинство чувашских и татарских элементов марийского языка было заимствовано после монгольской эпохи, т. е. позже XIII в. Их главным посредником был татарский язык, а источником некоторых слов — чувашский. Монголизмы делятся на три сферы: коневодство, охота с помощью хищных птиц, общественные отношения [Róna-Tas 1973: 125–141; Дмитриева, Адыгаши 2001: 120–122; Благова и др. 2003: 105–106]. В своей статье Н. Н. Поппе приходит к выводу, что чувашские слова, анализированные Андрашем Рона-Ташем, не были заимствованы непосредственно из среднемонгольского, а пришли через соседние тюркские языки, прежде всего, от казанских татар [Poppe 1977: 111–114].

Сюда же следует отнести монгольское *dalai* «всемирный», «всееленский», «великий». Сохранилось слово как архаизм в чувашских народных песнях. Например: «*Çым тёнче талайран юлнă*». Н. И. Ашмарин определил его как неизвестное слово [Ашмарин 1937а: 165]. В. Г. Егоров перевел все предложение так: «Земля (всееленная) сохранилась (уцелела) от океана» [Егоров 1964: 228–229]. Таким образом, монгольское слово *dalai* бытует у чувашей в форме *talaj* в значении «море», «океан». В венгерском есть *talaj* — «земля» (подсказка Петера Вереша). Зафиксировано *talaj* в XIII в. также в тексте тюркской легенды об Огуз-кагане. Чувашское слово *риуап* «богатый» является эквивалентом монгольского *bayan*. Все эти факты в сумме позволяют констатировать, что из тюркских языков к монгольским ближе всего чувашский, в известных отношениях обнаруживающий особую архаичность [Иванов 1990: 611]. А Н. Н. Поппе и вовсе полагал, что чувашский язык «можно,

с некоторыми оговорками, считать промежуточным звеном между тюркскими языками и монгольским» [Поппе 1925: 31].

Как видим, о тюркизации предков чувашей писали многие исследователи. Так, В. В. Радлов утверждал, что чувашский язык, как и якутский, первоначально был не тюркский, он стал тюркским со временем [СПбФ АРАН. Ф. 177, Оп. 1. Д. 33: 2]. Однако нет последовательных и системных исследований на этот счет. Например, пишут: как и прочее местное угро-финское население, они были тюркизированы, но когда — этого мы не знаем [Новосельцев 1990: 83]. Конечно, тюркизация задела савиров еще на Северном Кавказе, однако этот процесс имел существенное место среди чувашей во времена Золотой Орды, Казанского ханства и Республики Татарстан.

В свете чувашско-тюрко-монгольских языковых отношений ценными представляются взгляды Н. Н. Поппе. Чувашский язык, по его мнению, имеет много общего с тюркскими наречиями, а также много общих черт с монгольским языком. Самым характерным признаком, по которому чувашский язык отличается от тюркских, являются наличие, как и в монгольском, праязыкового **p*, а также соответствие чувашско-монгольского *л* тюркскому *ш*. Считать чувашский язык тюркским невозможно, невозможно его считать и монгольским. Главный вывод Н. Н. Поппе: чувашский язык отделился от алтайских языков в дотюркскую эпоху [Поппе 1925а: 425–426]. Вернее сказать, «чувашеговорящие» люди отделились от урало-алтайских языков в дотюркскую эпоху.

Скорее всего, версию о «чувашеговорящих» племенах в Сибири (Chuvash speaking people/groups) приходится взять в кавычки, указав тем самым на условность термина. На самом деле, тюркизация предков чувашей началась на Кавказе, а усилилась и укрепилась уже на Волге. Поэтому следует говорить о влиянии языка условно «чувашеговорящих» (т. е. носителей *r*, *l* и других признаков, пришедших из Сибири) на предков чувашей через кыпчкизированных болгаро-татар. Исследователи называют их «чувашеговорящими», потому что сами доноры языка растворились в реципиентах. Если бы болгары и савиры смогли сохранить (условно) свой исконный язык, то мы бы увидели, что современные казанские татары и чуваша (как преемники) в плане происхождения исконно не имеют никакого отношения к тюркам, в том числе к кыпчакам.

В пользу такой гипотезы говорят и сведения из истории, географии, геногеографии, антропологии, археологии, религии и других наук. Выходит, тюркский язык для современного чувашского языка является суперстратным, а никак не субстратным, т. е. произошел (и продолжает иметь место) этот процесс не в Сибири, а в Поволжье. Старотюркский язык в основном сохранился только в речи современных чувашей, поэтому исследователи для реконструкции тюркских языков по состоянию до XIII в. прибегают чаще всего к данным чувашского языка. Отсюда и используемая тюркологами терминология «чувашеговорящие группы». Притом такое видение тюркизации чувашей не ново. Послушаем языковеда: «После скрещения предков чуваш с тюрками чувашский язык освоил тюркский грамматический строй и тюркский основной словарный фонд и стал развиваться по внутренним законам тюркских языков. Что касается дотюркского словарного фонда и грамматических форм, то они постепенно отмирали и от них до настоящего времени сохранились только жалкие остатки — единичные лексические и грамматические элементы» [Егоров 1953: 77]. А пока языковедение находится на пути к истине.

Этнография

В V в. происходят большие перемещения племен: в Восточную Европу хлынули шарагуры, огуры и оногуры. На них напали савиры, которых, в свою очередь, теснили авары. В это же время громко заявляют о себе булгары. Питер Голден их всех называет тюрками [Golden 2011: 70]. Притом источники (Феофан, Агафий, Никифор, Багрянородный) часто путают оногуров и булгар.

С образованием в VI в. Тюркского каганата многие племена, входившие в состав новой империи (в том числе гунны, хазары, булгары, савиры, мадьяры), стали называться *тюрками*. Запутанность характерна и для самих источников. Например, византийские источники тюрками называют гуннов, армянские писатели всех кочевников — хонами. В 70-х гг. VI в. тюркские племена упоминаются в причерноморских степях. Однако здесь следует внести уточнение. Феофан под 572 г. пишет не прямо о тюрках, а оговаривает фразой «гунны, которых мы обычно называем турками» [Феофан

1980: 54]. Гардизи, собравший свои сведения из разных книг, в описании тюрков называет карлуков, кимаков, киргизов, обитателей Тибета, жителей Китая, печенегов, хазар, буртасов, болгар, мадьяр, славян, русов, жителей страны ас-Сарир, аланов. Например, византийские источники мадьяров, в 839 или 840 г. вторгшихся в области обитания болгар, называют по-своему *Toḫkoḫi*. К сожалению, и современные исследователи многие племена Кавказско-Прикаспийского региона V–VII вв. относят к кругу тюркоязычных кочевников, например гуннов и болгар. С вторжением на Кавказ тюркоязычных племен в регионе начинается эпоха тюркизации отдельных групп населения.

В VII в. традиции тюркской кочевой империи получили продолжение в новообразованном государстве Хазария. В тесных контактах угров и тюрков верх одерживали последние. Это объясняется постоянным притоком тюркских племен из Азии. Всевозрастающее превосходство тюрков над уграми было характерно для степей Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э.

Весьма полемично происхождение мишарей. В число их предков домонгольского периода включают, помимо тюркизированных мадьяр, хазар, кыпчаков и буртасов [Хайретдинов 2015: 28].

В IX в. печенеги хлынули в степи Восточной Европы, в XI в. там стали доминировать кыпчаки. Средневековые кыпчаки состояли из трех групп: куманов, собственно кыпчаков и канглов. *Куманы* — это, предположительно, от монгольского, калмыцкого и уйгурского «люди», «всадники», «кочевники». У уйгуров и джагатаев *кыпчак* значит «пустой», «пустынный», например, дуплистое дерево. *Канглы* — от тюркского *каңлы* «двухколесная телега», «арба». Конечно, кыпчакские племена были наследниками древнетюркских государственных традиций. Например, род ельбори у кыпчаков (ашина у древних тюрков), разделение Восточно-Кыпчакского государства на центр и крылья, идентичность в древнетюркской титулатуре кимеков и кыпчаков (*шад-тутук*, *байгу*, *хакан*) [Кузембаев 2012: 185]. В Средние века кыпчаки (*Qipçaqs*) были одним из самых значительных тюркских племен, доминировавших в западных и центральных евразийских степях [Golden 2014: 183]. Однако до монголо-татарского нашествия в Поволжье роль кыпчаков еще не была определяющей.

Следует признать, что чингизиды в военном, социально-этнографическом плане и по образу жизни во многом были сходны с гуннами. Даже русов XIII–XIV вв. арабские источники называют тюркским народом [Абу-л-Фида' 2009: 119]. Полагают, так произошло потому, что оба народа считались потомками Иафета. Но правда в том, что сам Чингис был монгольского происхождения. Ему удалось объединить под единое начало два народа: монголов и татар. Однако уходившие далеко от своих исконных земель на запад монголы довольно скоро подвергались отуречиванию, растворяясь в окружающей этнографической среде. Создание Улуса Джучи повлекло за собой крупные перемещения народов. А это привело к преобладанию тюркоязычных кочевников в Поволжье. Прежде всего тюрки-пришельцы занялись распределением должностей для управления местным населением. Кроме того, под крыло Чингиса попадали племена, проживавшие на завоеванных землях. Постепенно многие из них через брачные отношения и оставление своего языка стали этническими татарами. Так, от обитавших на Енисее аринцев к XVIII в. в Красноярске осталось всего 9 семей [Миллер 1999: 167, 183]. Пленных воинов монголо-татары посылали против воли в бой впереди себя, а простых поселян на завоеванных территориях отправляли на обработку земли. Всех их впредь стали именовать татарами. Воины или погибали в бою, или, если отступали, их убивали монголо-татары. Поэтому пленные воины предпочитали смерть в бою. На укрепленные замки монголо-татары не нападали сходу. Сначала они опустошали страну, грабили народ, а затем направляли этот народ на их же замок. Имеются даже статистические данные о монголо-татарских войсках (должно быть, сведения до 1236 г. о находящемся в Европе контингенте): «У них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю» [Аннинский 1940: 88].

В любом случае следует учесть мощный монголо-татарский пласт в формировании казанских татар. Признавая историческую правомерность болгарского субстрата, не надо забывать о золотоордынско-тюркском компоненте. Такая ошибка в исследованиях происходит в значительной мере в результате некомплексного анализа источников. Существующие теории формирования волго-уральских татар («булгаристская» и «татаристская» точки зрения) являются односторонними из-за своих крайностей: в первом

случае обнаруживается недооценка золотоордынско-тюркской, а во втором — дозолотоордынских составляющих татар. «Золотоордынский период, когда началось взаимодействие “татарских” и “дотатарских” этнических групп, предопределил всю дальнейшую этническую эволюцию волго-уральских татар. Именно поэтому эпоху Золотой Орды следует признать ключевой для этноистории татар Волго-Уральского региона» [Исхаков 1998: 249]. Конечно, и в констатации Д. М. Исхакова содержится нюанс: видимо, следует говорить не о ключевой роли Золотой Орды в формировании казанских татар, а о поворотной роли в судьбе древних болгар. Разница в том, с какой стороны посмотреть.

Особое место в истории тюрко-монголов занимают кыпчакские племена ольбери. Первоначально они жили в восточной части Внутренней Монголии, свое название получили от гор Ольбери. Их предки были монголоязычными. В Европу они пришли уже после основного продвижения кыпчаков на запад. По состоянию на XII в. они представляли собой одно из наиболее сильных племен и жили между Волгой и Уралом. В начале XIII в. ольбери были главной военной и политической силой среди восточных кыпчаков и возглавили сопротивление вторжению монголов в Западную Евразию. Однако уже к 1240 г. они капитулировали и были включены в монгольскую армию. Имеется версия, что башкирский род бушман происходит от сторонников Бачмана — одного из воевод ольбери, бежавшего на север после разгрома основных сил [Оллсен 2008: 352, 359].

Во времена Золотой Орды власть монголов осуществлялась через местную родовую знать. Благодаря такому общественному устройству башкиры сохранили свой этноним и домонгольские родовые названия типа бурзян, усерган, тамьян, катай, юматы [Юсупов 2002: 161]. Название племени *юрми* обнаружено также в надписи на колонне IX в., найденной археологами близ древней столицы дунайских болгар г. Плиски в виде слова *ερμιβρης* [Успенский 1905: 192]. *Юрмекей* как родовое прозвище чувашей зафиксировано В. К. Магницким [Магницкий 1905: 10]. В Нурлатском районе Республики Татарстан есть чувашский род *Ерми*, теперь семьи этого рода известны под фамилией *Ермиловы*. Название башкирского племени *юрми/юрматы* находит также отклик в Чувашской Республике в виде названия деревни *Юрмекейкино*. Естественно, деревня была названа

по имени рода *Юрми*. Фамильное прозвище *Юрма* зафиксировано в селе Орауши Вурнарского района [Ашмарин 1930: 9]. У чувашей имелась разновидность супа под названием *юрма яшки* («суп с приправой из кислого молока»). Как на закономерность, Р. Г. Кузеев указал на интересную цепь аналогий: волжско-булгарское и дунайско-болгарское племя *ерми* — чувашская родовая фамилия *Юрма/Ерми* — башкирский племенной термин *юрми*. В северном Башкортостане записано сказание о борьбе башкир с народом *юрми халкы*, который происходил из чувашей-черемисов. Р. Г. Кузеев определяет средневековых юрматынцев как угризированных тюрков, которые вместе с булгарами переселились из Приазовья на Волгу. По его мнению, племя *юрми/ерми* разделилось еще на юге: часть юрмийцев ушла на запад, остальные юрматы вместе с родственными племенами последовали на Волгу. Известно также древневенгерское племенное название *Gyermat* [Кузеев 2010: 123, 124, 126]. Однако правомерна и обратная гипотеза о том, что юрматынцы — это тюркизированные угры. Скорее всего, так и есть, ибо, как известно, тюркизация угров как в Сибири, так и в Восточной Европе была общей тенденцией с начала нашей эры. Угризация тюрков ни в Азии, ни в Восточной Европе не имела места. Неслучайно и то, что в Ядринском районе имеется село под названием *Пушкәрт* «Башкир».

В 1391 г. на южных территориях Башкирии, в долине реки Кондурча, произошло сражение между армиями среднеазиатского эмира Тимура и золотоордынского хана Тохтамыша. Жесткие бои отозвались тяжелыми последствиями для народов Поволжья, в том числе для башкир. Уцелевшее население устремилось за Каму и реку Белую. Тогда же на нынешних территориях Башкирии оказалась часть булгар. Некоторые булгарские роды (буляр, байляр, ельдят) влились в состав башкирского народа [Кузеев 1960: 179]. Эти причеремшанские земли уже после того, как Дикое поле с XVII в. стало безопасным регионом, заняли чувашаи. Кстати, именно на этих землях жили сувары до 922 г.

Как известно, имеется гипотеза об угорском и финском происхождении башкир. Например, так считал М. А. Кастрен [Castrén 1857: 68]. Некоторые об этом заявляют слишком категорично: «Башкыртты — это, без сомнения, отюреченные башкиры-мадьяры, проживающие на данной территории с болгарского времени» [Мухамадиев 2011: 93].

Потерпев политическое поражение от монголов, кыпчаки сумели сохранить свою традиционную культуру. Монголы вскоре сами восприняли кыпчакскую культуру, позабыв свои исконные традиции, освоили язык побежденных. Постепенно монголы и вовсе растворились в местной этнической среде.

Казанские татары, конечно, являются кыпчакизированными волжскими булгарами. Начавшееся еще в XI веке проникновение кыпчаков на территорию Волжской Булгарии в золотоордынское время получает мощный импульс. В Булгарском улусе кыпчаки занимали важнейшие военно-административные посты, из них были скомплектованы размещенные в улусе гарнизоны [Димитриев 1993: 47]. Как видим, современные казанские татары и татары из Монголии — это разные народы.

Слияние болгаро-мусульман с пришлыми золотоордынскими кыпчаками-татарами и смешение этих двух разных групп этносов на физическом, языковом и культурном уровнях приобрели активный характер. А это привело в XV в. к формированию на левобережье Волги народности казанских татар. Совершенно прав В. П. Иванов в том, что огромное, если не сказать определяющее, влияние на формирование психологии, менталитета не только собственно казанских татар, но и чувашей и восточных финнов оказало Казанское ханство. За это время произошла коренная ломка ментальных основ всех местных этнических общностей региона вплоть до потери некоторыми из них своей идентичности. Именно благодаря фактору Казанского ханства и ислама поволжские татары не только получили колоссальный социально-психологический заряд для ускоренной консолидации в достаточно сплоченную этническую общность, но и раньше, чем другие народы региона, сформировались в нацию. Татары в Казанском ханстве чувствовали себя (как, собственно, и русские в Московском государстве) имперским этносом. В процессе образования нации значимую роль сыграли три главных историко-культурных фактора: эпоха Золотой Орды, период Казанского ханства и ислам как этноинтегрирующая идеология [Иванов 2010: 43; 2013: 37].

После покорения тюрко-монголами народов Среднего Поволжья «начался процесс постепенного скрещивания и слияния предков чувашей с пришлыми кочевыми тюрками в единую общую народность с преобладанием тюрков и языка их» [Егоров 1953: 76].

Однако кыпчакизация в основе не задела этногонию чувашей на генном и антропологическом уровнях.

К середине XVIII в. формируются нагайбаки. Их субстратом называют крещеных татар, а суперстратом — некрещеных чувашей, марийцев и удмуртов Уфимского и Мензелинского округов [Атнагулов 2017: 68]. На это указывают и антропологические показатели.

В более чем двухтысячелетней истории чувашей монголы занимают совсем мало места — это XIII–XV вв. Большая часть суваров, компактно проживавших на правом берегу и не причастных к исламу, и вовсе осталась вне золотоордынской культурной и антропологической ассимиляции.

Что касается ногайцев, то они являются представителями Ногайской Орды, в составе которой были и тюрки, и угры, и монголы. Собственно ногайцы сформировались поздно: в конце XIV — середине XV в. Ныне их основная часть, мало ассимилированная соседями, населяет северные районы Дагестана.

Увеличение численности тюрков и татар и расширение занимаемых ими земель происходили за счет самых разных форм ассимиляции других народов. Теперь их единство идентифицируется благодаря мусульманской религии. Многие здесь называют себя по названиям местностей: *тюменлик*, *тарлык*, *туралы*. В конце XVI в. в целях постепенного развития новых русских поселений из Москвы в Сибирь поступило распоряжение способствовать торговле с бухарцами, которых освобождали от таможенных пошлин и оказывали им почет и уважение. В результате города Тобольск, Тюмень, Тара, а затем и Томск стали часто посещаться большими торговыми караванами бухарцев. Сами бухарцы — это в основном тюркизированные персоязычные сарты. В начале XVII в. в Тюменском уезде произошел падеж скота. В итоге многие крестьяне остались без лошадей и не могли обрабатывать землю. Поэтому последовал указ о закупке в Казани 300 волов. Заодно было разрешено татарам, черемисам и чувашам вести с Сибирью беспошлинную торговлю скотом. Так смешивались народы. Например, в источниках XVII в. население на реке Сылве стали называть то татарами, то остяками. На самом деле здесь, как и во многих местах Западной Сибири, в этот период образовалось смешанное угорско-татарское население [Миллер 2000: 16, 17, 643; Радлов 1989: 118–120].

Следует подчеркнуть, что образ жизни тюрков был ориентирован на выживание, подготовку смены поколений, самостоятельность. Описывая события VIII — начала IX в., Ибн ал-Факих ал-Хамадани констатировал, что тюрки ориентируют своих сыновей на исключительную самостоятельность: «Если у кого-либо из них рождается сын, он воспитывает его, кормит, выполняет его желания до тех пор, пока не станет взрослым, а как достигнет зрелости, протягивает он ему лук и стрелы, выводит из своего жилища и говорит ему: “Обеспечивай себя сам!” И после этого сын становится ему как чужой, которого он и не знает. Так требует их обычай обращаться с детьми» [Ибн ал-Факих 1993: 23]. «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы [они] каждый день гонятся и охотятся... Поэтому [у них] нет пеших солдат, а все — конные воины» [Мэн-да Бэй-лу 1975: 67–68]. И вообще, отмечают источники, из оружия у них были только лук, стрелы и кривая сабля. «Удирая, они стреляют гораздо сильнее и точнее, чем в иных обстоятельствах» [Маржерет 2007: 148]. Притом для монголов и тюрков охота была одновременно и отработкой военных действий, и основным источником добычания еды. Монголо-татары странствуют более других, говорится в источнике. Татарин зачастую уйдет на целый месяц без еды. С собой берет только глиняный горшок, чтобы варить мясо. Питается кобыльим молоком, дичью и кровью своего коня, а конь пасется на траве. «Есть у них еще сухое молоко, густое, как тесто, возят его с собою, положат в воду и мешают до тех пор, пока не распухнет, тогда и пьют» [Поло 1997: 237]. В лишениях они были выносливы.

В «Путешествии в Восточные страны» Гильома де Рубрука, в частности, повествуется о нравах и обычаях крымских татар в 1253 г. Конечно, они, как носители степных традиций, вели передвижной образ жизни (отгонное скотоводство, передвижение на больших телегах и крытых повозках, употребление кумыса и т. д.). В то же время в их быту находим черты, свойственные чувашам. Например, способ сбивания масла и употребление кислого молока, получившегося в результате пахтанья (*уйран*), позднее выданье девушек замуж, изображение умыкания невесты. Согласно арабскому путешественнику Ибн Баттуте, жители Дешт-и-Кыпчака вместо дров жгли тезяк [Ибн Баттута 1884: 279]. Тезяк (*māzāk*, *tezāk*) вместо дров использовался многими тюрками: азербайд-

жанцами, крымскими татарами, джагатайцами, тарачинцами, алтайцами, лебединцами, шорцами, киргизами, сагайцами [Радлов 1905: 1103]. Кизяк как сушеный навоз в качестве топлива до конца 60-х гг. XX в. широко использовался и степными чувашами *хирти*. Верховые (горные, лесные) чуваша таким видом топлива почти не пользовались. Собранный в течение года помет шел также на унавоживание огородов.

Много общего у татар с низовыми (вернее, с *хирти* — «степными» или «полевыми») чувашами. Так, те и другие еще до середины XX в. были известны как плохие огородники и садоводы. В 1904 г. учитель Старо-Афонькинской церковной школы Бугульминского уезда Самарской губернии Тимофей Иванов утверждал, что жители этих местностей не разводят сады, не сажают деревья и вообще к данным занятиям не обучены [ЧГИ 151: 45]. Автор этих строк может подтвердить, что у чувашей *хирти* (это как раз жители тех районов, которые входят в понятие «Дикое поле») в 50–60-е гг. XX в. на всю деревню два хозяйства имели сады в виде нескольких яблонь. Можно было видеть одного домохозяина, отводившего часть картофельного участка под бахчевые культуры. Правда, до сильных морозов 1942 г. в южных деревнях были как яблоневые сады, так и пасеки. Аналогично татары (в том числе кряшены) плодовых садов не имели [Багаутдинова, Исхаков 2015: 20]. Видимо, здесь следует говорить не о взаимовлиянии, а об общности культуры, а также о зависимости от природного ландшафта. Чувашей *хирти* и татар объединяло и устройство печного хозяйства: печка, где пекут хлеб, комбинируется с очагом в виде пристройки сбоку, куда вмазывается котел. Часто к печке же пристраивалась голландка для повседневного отопления и варки [Салмин 2016: 345–349]. Н. И. Воробьев писал, что чуваша также используют котел, который подвешивается в особой нише на шестке, а не вмазывается сбоку печи, как у татар [Воробьев 1948: 67]. Такие устройства как рудименты в домах чувашей сохранились почти до конца XX в. Дольше сохранились они в лачугах (в летних кухнях), где летом готовили пищу.

В период существования Волжской Булгарии и Золотой Орды бурно развивается торговля. Купцы-путешественники завозили из чужих стран и информацию о культуре, в том числе книги. Это способствовало развитию культуры, процветавшей в период

Средневековья и в Новое время, а также нашедшей отражение в настоящем времени в элементах традиционной культуры народов Урало-Поволжья [Валеев 2011].

Тем не менее говорить о полном сходстве традиционных занятий чувашей и татар не приходится. Например, татары — исконные ремесленники. А чувашаи к такому роду занятий относились избирательно. Они охотно изготавливали конские сбруи, телеги и сани, но почти не занимались гончарным ремеслом, в чем татары всегда были мастера. Так, тот же учитель Тимофей Иванов из Самарской области в 1904 г. сетовал, что здесь очень мало чувашей, знающих ремесла [ЧГИ 151: 46].

Башкиры, как и угры, широко использовали в пищу рыбу. Как писал Николаас Витсен, «они едят сушеную рыбу вместо хлеба» [Витсен 2010а: 785]. Некоторые рыболовные снасти угров, чувашей и башкир до сих пор сохранили общее устройство и названия (например, *мордă/маратă*).

В предзолотоордынском источнике о татарах (и монголах) говорится о возделывании проса и изготовлении из него теста, а также о множестве у них коней и кобылиц. Ели конину, пили воду, кислое молоко, *араку* и пиво, сваренное из проса. Они не воруют и не терпят воров, но живут грабежом, разоряя соседей. Хитры и вероломны с чужими, но весьма честны со своими [Меховский 1936: 61].

Согласно правилам традиционного родового общества монголов, каждая семья, каждый аил обладал своим индивидуальным имуществом. Достояние отца или матери делилось между сыновьями, причем младшему предоставлялись особые права. Он наследовал основное имущество отца. Поэтому младших сыновей величали *ejen* «хозяин», «владыка». Поскольку они являлись хранителями домашнего очага, то их называли еще *odcigin* «князь огня» [Владимирцов 1934: 54]. В Золотой Орде трон наследовался не от брата к брату, а от отца к сыну, как и было заведено Чингисханом. Четыре его сына получили земли и народы после смерти их отца. Младший из них, будучи *ot-chigin* (*od-chigin*, *ot-tigin*), получил его ставку и земли предков, расположенные в долинах рек Онон и Керулен в Монголии. Джочи, Удегей и Чагатай, как старшие братья, стали правителями недавно завоеванных территорий, расположенных далеко от первоначальной территории земель отца. Эта же прак-

тика была типична для тюрков. Обычное право оставления в доме младшего сына действовало [СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 377: 8] и еще имеет место у чувашей.

В то же время, согласно центральноазиатской традиции, право преемства сына-первенца было не строгое. Обычно властители степи считали: будущий лидер должен проявить себя прежде всего на поле боя, тем самым показывать свои личные достоинства и качества. Чтобы занять место отца на троне, необходимо было добиться успеха. Таким образом, все сыновья покойного суверена могли иметь шанс взойти на престол. Однако с появлением тенденции к централизации власти в степи эта традиционная практика стала применяться реже [Stepanov 2016: 388]. Конечно, это не означает, что она полностью исчезла.

Согласно источнику XII в., башкиры, как и болгары, носили длинные куртки [Ал-Идриси 2006: 124]. У чувашей имеется много общего в одежде с татарами и башкирами. Например, если взять перевязь (у чувашей — *тевет*, у башкир — *дэуэт* (*теуэт*, *бутимар*), у татар — *хаситэ* [Салмин 2016: 571–573]), то у всех трех народов имеется, несомненно, один и тот же субстрат.

Сравнительный анализ казанско-татарских и чувашских традиционных праздников, обрядов и верований дает сходную картину. Например, весенняя традиция проводов льда: здесь все развивается по одинаковому сценарию, начиная от названия самого обряда (татар. *боз озатма*, чуваш. *пӑр ӑсатни* — «проводы льда») вплоть до ритуальных фрагментов [Уразманова 2001: 20–21; Автор].

Из области обрядовых традиций башкир и чувашей: болезнь от ячменя на глазу лечили, тыкая зернами ячменя (ассоциация *арна* — *урна* «ячмень»); одинаково вешали череп лошади на видное место в хозяйстве, чтобы отвести сглаз; при массовых болезнях проводили обряд под названием «девичья пахота»; молодая во дворе свекра, слезая с повозки, должна была опереться на подаренную скотину (обычно на корову или лошадь); во время сева с целью получения хорошего урожая по земле катали яйца; выезжая с невестой за полевые ворота, злым духам бросали монеты [Хисамитдинова 2010; Салмин 2016].

Многие черты брачных правил монголов были сходны с традициями чувашей. Например, иметь столько жен, сколько в состоянии содержать, обязанность женитьбы на жене умершего старшего

брата, калым за невесту [Карпини 1997: 33; Салмин 2016: 132 174]. Марко Поло сообщал детали похоронной обрядности монголо-татар. Так, у них умершую девушку отдавали замуж умершему ранее парню. Притом имитировали свадьбу, ели, разбрасывали кусочки еды, которые как бы предназначались новой паре на том свете [Поло 1997: 238]. Аналогичные действия бытовали у чувашей еще в недавнем прошлом. Например, девушке в гроб клали женский головной убор *сурпан* и другие наряды замужней женщины. Даже называли имя недавно похороненного парня. Незамужнюю на том свете ждали не очень почетные занятия (пастьба птиц и т. д.) [Салмин 2016: 189].

Фольклор

Совершенно уместным следует считать следующий тезис: «Мифология дотюркского времени в ходе продвижения волн кочевников с востока на запад была утрачена, а собственно тюркская под влиянием ислама тоже почти исчезла. На основе анализа изображений фабулу мифов восстановить не удастся» [Березкин 2012: 144]. Поэтому единственный способ реконструкции — это исследование с учетом контактов с соседними народами.

С именем Огуз-хана — легендарного прародителя огузов (туркменов, азербайджанцев и турков) и уйгуров — связано и объяснение этнического названия *кыпчаки*. Некий бек из окружения Огуз-хана выступил в поход и взял с собой беременную жену. В битве муж погиб, а жена спаслась. У нее начались родовые схватки. Поскольку день был холодный, она укрылась в гнилом дуплистом дереве, там и родила. Младенца усыновил сам хан и дал ему имя *Кыпчак*, что на языке древних тюрков означает «дуплистое дерево». Сын вырос, и хан отправил его к берегам Тина (Дона) и Итиля. В этих краях Кыпчак царствовал 300 лет. Все кыпчаки — его потомки. «Со времен Огуз-хана и вплоть до времен Чингиз-хана на Тине, Итиле и Яике, на берегах этих трех рек, других илей, кроме кыпчакского, не было. Они жили в тех местах в течение четырех тысяч лет. Поэтому те места и называют *Дешт-и кыпчак* — Кыпчакская степь» [Жононов 1958: 44].

Следы фольклорного сознания запечатлены и в толковании названий родов и племен, например, в объяснении названия тюркско-

го племени *канглы*. Известно, что *кан* — это телега. А человека, избретшего ее, называли *Канглы*. Его потомков начали называть *канглы*. Так объяснил Абулгази в своей «Родословной туркмен». Однако, скорее всего, мы имеем дело с правдоподобным вымыслом.

В родословном древе тюрков, составленном в XVII в., говорится о происхождении татар и монголов. У потомка Иафета, предка Чингисхана, были два сына-близнеца: старшего звали Татар, младшего — Монгол. В течение многих веков не было вражды между этими двумя ветвями. Каждый царствовал в своем народе. Потомком Татара через несколько поколений стал Байду-хан. Он был нерассудительный, самодержавный и легкомысленный юноша. Байду-хан затеял вражду с преемниками Монгол-хана, стал совершать набеги на их владения. При его сыне Сююнчун-хане огонь вражды между монгольским и татарским народами разгорелся до невероятных размеров [Абуль-Гази 1906: 10–11]. Хотя этот рассказ похож на шежере или даже эпос, многие тюркские народы придерживаются его как за исторической правды.

Как известно, Тюркский каганат создан правителями из рода Ашина. Согласно легенде, род Ашина имеет начало от внука волчицы. Говорят, что сам Чингисхан родился не от семени мужчины, а от луча света. Как повествует «Сокровенное сказание монголов», прародительница Чингис-кагана Алан-Коа зачала от прозрачного желтого человека: «Каждую ночь прозрачный желтый человек входил через щели порога и дверного косяка и гладил мне чрево. Его сияние проникало мне в чрево. Уходил он подобно солнцу и луне, словно желтая собака, озираясь» [Сокровенное 1990: 12]. Так говорила жена Дува-Сокора Алан-Коа. По другой версии, некая вдова зачала и родила сына по имени Цингис. А когда сыновья захотели ее как прелюбодейку убить, она придумала, что зачала от солнечных лучей [Меховский 1936: 66]. Мотив рождения Чингисхана с комком запекшейся крови в руке также имеет фольклорную основу. Ибо количество пролитой по повелению Чингисхана крови поражало и самих монголов. В результате была придумана легенда о таком его появлении на свет. К тому же на то время мировоззрение монголов не имело ясного этического начала, они полагали, что убитые ими люди будут служить им на том свете. А такой подход оправдывал легендарное происхождение любого героя [Бартольд 1968: 452]. В середине XIII в. в Армении также бытовала легенда,

согласно которой луч света проник через отверстие в кровле дома и сказал матери Чингиса: «Ты зачнешь и родишь сына, владыку земли». Говорят, так он и родился. При этом зафиксировавший это сказание Киракос Ганзакеси ссылаясь на конкретных рассказчиков: «Эту (легенду) рассказал нам ишхан Григор, сын Марзпана, брат Асланбега, Саргиса и Амира из рода Мамиконянов, который сам слышал ее как-то от одного знатного человека, по имени Хутун-ноин, из (татарской) высшей знати, когда тот поучал молодежь» [Киракос 1976: 73].

Также известно, что Берке, внук Чингисхана, будучи сам ханом, первым из монголов официально принял ислам. Для оправдания и обоснования такого исторического события появилась легенда. Когда мать родила Берке, то Туши, отец его, якобы изрек: «Сына этого отдайте (кормить) мусульманской кормилице; пусть мусульманин обрежет пуповину его, пусть он (Берке) сосет молоко мусульманское, чтобы сделаться (настоящим) мусульманином, ибо я (этого) сына своего сделал мусульманином» [Ал-Джуджани 1941: 15]. Скорее всего, данное повествование не исторический факт, а придуманный позже события фольклорный мотив. Да и сам автор излагаемого нарратива перс Абу-Омар ал-Джуджани сопровождает свое сочинение оговоркой: «Если этот рассказ верен, то да облегчит Аллах ему (Туши) страдания в аду». Автору сочинения «Насировых разрядов» Ал-Джуджани, занимавшему должность главного казия в Дели, было выгодно представить дело ислама в более ожидаемом виде.

Предания монголов XIII в. отражают отношения между кочевниками и звероловами. Причем оба сословия считали, что жизнь их соседей — это невыносимое рабство. Те же предания являются частью шаманизма, более свойственного охотничьему периоду жизни монголов. «Самыми искусными шаманами еще в то время считались шаманы монголов-звероловов» [Бартольд 1968: 197].

Естественно, исторический процесс предполагает взаимообмен на уровне фольклорных жанров. Так, исследователи указывают на сходства татарских и чувашских пословиц. Например: *Аптырабан үрдәк күйтә чумар — Аптаранә кәвакал кутән чәмнә* «Растревявшаяся утка ныряет задом»; *Бушанбан тауда күүк цук — Шаннә хәвара кайәк сук* «В том тальнике, на который рассчитываешь, не оказывается дичи»; *Ирсјз катын цөгәнсјз ат — Арсәр*

арәм — йёвенсёр кёсре «Женщина без мужа, что лошадь без узды» [Ашмарин 1905: 14].

Таким образом, совершенно правы Абулгази Бахадур-хан и Г.Ф. Миллер, писавшие, что начало истории татарского народа относится к таким далеким временам, какими не может похвалиться ни один из европейских народов. Однако, по их же справедливому мнению, все это основывается на выдуманных рассказах и баснях, а достоверная история татар начинается только с Чингис-хана [Миллер 1999: 166].

Согласно шежере, Чингисхан получил от башкир богатые дары, и они признали его власть над собой. Взамен Муйтен-бий получил ханский ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по обеим сторонам рек Агидель, Яик и Сакмара со всеми притоками, а также на кочевья по восточному склону Уральских гор до рек Ишим и Тобол со всеми притоками. «Башкиры оказались в вассальной зависимости от Чингизидов и выплачивали им дань» [Юсупов 2002: 159].

У башкир, татар и чувашей широко бытуют легенды об исполнении *Ал/Улән*.

Имеются записи о переселении шихирданских мишарей Батыревского района. Так, по рассказу 87-летнего местного жителя Шафеева, его предки пришли в Шихирданы после взятия Казани [Вишневский 1929: 235].

Татаризация

Кыпчакские слова, имеющиеся в чувашском языке, проникли не непосредственно от самих кыпчаков, а через казанских татар, в основном в период Казанского ханства, когда все административные должности среди чувашей занимали татары. Назначенные на должности тарханов чуваша играли второстепенную роль в управлении. Доверие к ним могло быть только при принятии ими исламской веры. Многие населенные пункты получили названия от имен татарских наместников: Шималахи — шейх Амалах, Шибулатово — шейх Булат, Янситово — Ян Сеит, Хозяхмат — Хозя Ахмат и т. д. Целые селения переходили в мусульманство и отатаривались. Так, в Арском районе не осталось ни одного чувашского

селения. Названия должностей переходили даже на названия бо-жеств. Например, *Тайвам ырай* «Божество, заседающее в диване», *Хум кёрекесё* «Кравчий хана», *Чёлтёр тытса сўрен ырай* «Божество, ведущее за повод» и т. д. В период Казанского ханства в чувашский язык массово проникли арабские и персидские слова. Только приход православия остановил это явление [Егоров 1953: 84–86].

Татаризация чувашей особенно интенсивным образом происходила на левобережье Волги от Казани до Ульяновска. Этот процесс преимущественно шел через исламизацию. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. показывает: как только ясачный чуваш становился служилым, он начинал называться служилым татаринном. Например, в деревне Большой Бимер по Галицко-Алатской дороге упоминается чуваш Мансур. Один из его сыновей платил ясак, а другой стал служилым татаринном. «Все это говорит о том, что называемые писцом “ясачные чувашаши” после верстания на службу становились “служилыми татарами”» [Ермолаев 1978: 23]. В списке с грамоты царя и великого князя Михаила Федоровича от 1621 г. имеются сведения о свияжском чувашенине из деревни Чиркино Екбулате Бегишеве. А в прошении царю и великому князю Михаилу Федоровичу фигурирует служилый татарин свияжского уезда Бекбулатка Колчурин [Мельников 1859: 8–9, 26]. Как установил В. К. Магницкий, речь идет об одном и том же ясачном человеке по отчеству Бегишев и по родовой фамилии (по деду) Колчурин. Так получилось потому, объяснял В. К. Магницкий, что чувашей в то время как в Москве, так и в самой Казани именовали татарами [Магницкий 1919: 211–212].

Если до присоединения Казанского ханства к Русскому государству местное население в исламе видело религию господствующего класса и сопротивлялось ее распространению, то после присоединения ислам стал религией, оппозиционной господствующему православию. «Для них теперь отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста эксплуатации русских светских и духовных феодалов, против гнета русского военно-феодалного государства. Во второй половине XVI–XVII в. отпадение восточных чувашей в ислам и переход их в татары приняли очень большие размеры. Согласно писцовым книгам 1556–1558 гг. и 1603 г., а также другим актам XVI – начала XVII вв., в Казанском уезде было свыше сотни чувашских селений – больше, чем татар-

ских. А во второй половине XVII в. бывшие чувашские селения считались уже татарскими» [Димитриев 1969: 245]. Аналогично в XVII в. в Казанском уезде многие чуваша приняли ислам и начали именовать себя татарами. Об этом имеется достаточное количество документов. Так, по состоянию на 1673 г. в деревне Ачи Зюрейской дороги Казанского уезда жили ясачные татары. Но своими родителями (отцами и дедами) они называли ясачных чувашей этой же деревни [Димитриев 1957: 107]. Поэтому правы исследователи, склонные утверждать, что ясачные чуваша Казанского края в XVI–XVII вв. были уже татароязычными [Исхаков 1998: 91].

В значительном размере этот процесс развернулся с 30-х годов XVIII в., в период массового крещения нерусского населения Поволжья. В первой половине XVIII в. В. Н. Татищев отмечал, что чуваша наполнили Казанский и Симбирский уезды. Однако, «сии наиболее язык татарским испортили» [Татищев 1962: 130]. Иначе говоря, к этому времени чувашский язык уже был массово татаризован. М. А. Кастрен в середине XIX в. утверждал, что чуваша уже татаризованы [Castrén 1862: 320]. Часть чувашей, уклонившаяся от принятия православия, обратилась в мусульманство и начала постепенно сливаться с татарами. Любопытны результаты переписи 1897 г., основанной на учете использования родного языка. По ней, доля чувашей резко возросла. Перепись показала, что часть чувашей, принявших магометанство, не совсем слилась с татарами и по языку относилась к чувашам, хотя предшествующие ревизии и исчисления давно уже относили их к татарам [Кабузан 1992: 197].

Быстрый рост татарского населения в XIX — начале XX в. объясняется именно поглощением чувашского населения. Поэтому в бытовой жизни казанских татар до настоящих дней удержались обряды и верования, вполне совпадающие с чувашскими. Конечно, при исследовании традиционных форм обрядов и верований чувашей и их дедов мы должны отметить и 1905 г., когда по манифесту царя была позволена свобода вероисповедания и заодно расширились возможности уйти в ислам. А это означало бесповоротную ассимиляцию с казанскими татарами.

Ислам оставил печать и в бытовой жизни чувашей. Так, особое место занимают каменные надгробные знаки. Они чрезвычайно редки и представляют ценность для исследователей. Они относятся к исламской религии: вначале в среде чувашей они ставились

в тех местах, где находили вечный покой татары, затем, в подражание татарам, — и на могилах чувашей, принявших ислам [Лебедев 1905: 222]. Если древние чуваша отдыхали в среду (среда — *юн кун* — «день крови», т. е. жертвоприношений), то со Средних веков они отдыхали в пятницу. И сейчас в экспедициях встречаем чувашей по документам, но по религиозной принадлежности и внешним атрибутам они оказываются татарами.

Процесс исламизации и отатаривания чувашей, длительное время имевший скрытый характер и не находивший адекватного отражения в официальных статистических и делопроизводственных материалах XIX в., приобрел открытые формы и вызвал усиленный интерес со стороны православных миссионеров и царской администрации. В это время, в особенности со второй половины XIX в., в контактных с татарами зонах отмечаются акции по массовому отпадению чувашей в ислам. Так, в 1866 г. о желании исповедовать мусульманство заявили чуваша селений Средние Алгаши, Дувановка, Три Избы Шемурши, Трех-Болтаево, Чепкас-Ильметьево, Старое Шаймурзино, Новое Дуваново, Буинка, Саушево, Чекильдым Буинского уезда Симбирской губернии. Случаи перехода в ислам отмечаются также среди чувашей деревень Кукушмы, Белой Волошки и Утеево Тетюшского уезда Казанской губернии, Татарское Сунчелево, Салдакаево Чистопольского уезда, Тенеево, Полевое Байбахино, Водоял (Уты) Цивильского уезда Казанской губернии, Нижние Нурлаты Самарского уезда Самарской губернии. В начале XX в. фиксируется сильная исламизация жителей чувашских селений Сугуты Тетюшского уезда, Казябаш, Новое Сережино, Алексеевки, Абдикеево, Рысайкино, Старое Ганькино, Николькино, Булантамака, Сумели Степанкова, Вороний Куст, Иглайкино, Сабакеево, Калмаюр Самарской губернии. Отпадают в ислам чуваша деревень Теневой, Полевое Байбахтино Цивильского уезда Казанской губернии, Старое Афонькино, Артемьевки (Булантамак) Самарской губернии. У жителей этих селений была различная мотивация: от действительного желания исповедовать ислам и «выйти в татары», до попыток сохранить этими действиями свой религиозный и культурный уклад жизни. Это явление наглядно показывало интенсивность процесса культурно-религиозного влияния татар-мусульман на своих соседей-чувашей и, как следствие, их частичную языковую и конфессиональную унификацию [Исхаков 2011: 139–142, 197].

К разряду окончательно отатарившихся относят чувашей деревень Кукшим, Белой Волошки, Утеево-Биково и Сугуты Тетюшского уезда. В начале XX в. с большой доброжелательностью относились к татарам и усваивали их обычаи чуваша Чистопольского уезда. Аналогичная картина складывалась во многих селах и деревнях Цивильского уезда. Так, в деревне Тенеевой была построена мечеть, а в 1905 г. жители деревни Полевое Байбахтино Кошелеевского прихода подали прошение о отнесении их к исламу [Коблов 1910а: 21–22].

Пеструю картину представляют те чуваша, которые исповедуют православие, официально причислены к татарам, а в метрических книгах записаны чувашами. Такие «православные татаро-чуваша» встречаются, например, в селениях Цивильской окружности (Старое Тябердино, Большое Тябердино, Молькеево, Курбаши, Хозеаново, Янгозино). Впрочем, А. Ф. Риттих определил население указанных деревень как мешчеряки (мишари). Но самое интересное то, что говорят они на каком-то среднем наречии между чувашским и татарским языками, но ни тем, ни другим народом не признаются за своих. «Одеваются как чуваша. Женщины носят те же украшения, но с прибавкою к чувашскому наряду пестрых и разноцветных юбок... Они живут среди чуваш, которых большая часть в этом месте исповедует православие. Сами себя мешчеряки называют чувашами, чуждаясь названия татарами именно потому, что они крещены» [Риттих 1870: 39–40]. Как татаризованные и граничащие с Татарстаном, все эти селения в 1921 г. по административно-территориальному переделу были исключены из Чувашской Республики и причислены к Республике Татарстан. Однако еще Я. Д. Коблов на собранном богатом материале констатировал: «Все исторические, лингвистические и этнографические данные говорят за то, что жители означенных селений не татары, а чуваша» [Коблов 1910: 23]. Те же процессы происходили и с мишарями Буинского уезда, где проживает их основная масса. Теперь это регион проживания «продвинутых» исламистов.

Ситуация с этническим и конфессиональным смешением населения в приграничных зонах действительно сложна. С первого взгляда можно и ошибиться в оценке происходящего процесса. Для примера возьмем высказывание студента Казанской духовной академии Николая Зеленцова о Молькеевском кусте поселений

в 1879 г. Эти деревни тогда входили в Цивильский уезд. «Все эти деревни (в количестве 10) населены инородцами, принадлежащими к очувавшимся татарам, у которых от последнего остался, кажется, один лишь язык», — писал Николай Зеленцов. По вероисповеданию они причислены к православным. Мужчины едва понимали русскую речь. Женщины не знали ни одного слова. Днем отдыха у них была пятница. Преимущественно придерживались старых обрядов и верований. Церковь не посещают. С татарами дружат. В заключение Николай Зеленцов признавался, что из-за незнания языка местного населения его наблюдения являются поверхностными [Багаутдинова, Исхаков 2015: 169–171]. Действительно, не смог разобраться в сложной этнической ситуации студент. Отатарившихся чувашей он принял за очувавшихся татар.

Вхождение в бытовую ислам проходило, например, к началу XX в. и среди белебеевских чувашей: «Живя в близком соседстве с татарами, некоторые селения утратили свои национальные особенности и приняли язык и быт татар. Таковы чувашаи в селах: Савалеева, Баткаке, Драгун-Бехметева, Базгиева и др. Есть в некоторых из этих селений и отпавшие в ислам» [Матвеев 1910: 55]. Отатарившиеся чувашаи придумали себе термин *Эпир тутара тухий*, (букв. «мы вышли в татары»), т. е. они отошли от своих традиций и соблюдают религиозные привычки ислама.

Список татарских слов, заимствованных чувашами, весьма длинный. К примеру: татар. *матур*, чуваш. *маттур* (вместо *чипер*) — «красивый»; татар. *дәрт*, чуваш. *терт* (вместо *хән*) — «мучение»; татар. *кујан*, чуваш. *куйан* (вместо *мулкас*) — «заяц»; татар. *миндәр*, чуваш. *минтер* (вместо *сытар*) — «подушка»; татар. *чәчәк*, чуваш. *чечек* (вместо *сәске*) — «цветок»; татар. *јаулык*, чуваш. *явләк* (вместо *тутар*) — «платок» [Ашмарин 1898: VII]. Образование единой чувашско-татарской лексики коснулось и междометий. Например, звукоподражательное слово *крак* и в чувашском, и в татарском языках одинаково означает крик вороны, грача и ворона. Хотя в чувашском наряду с *крак* бытует и *кранк* [Ашмарин 1928а: 16]. Этот процесс в виде татаризации продолжается и сегодня.

Однако любое влияние не бывает без встречных проникновений. И в случае с казанско-татарским наречием не обошлось без чувашских соприкосновений. Этот список немал. Например, чуваш. *вакӑ* → татар. *бәкӗ* («прорубь»); чуваш. *кӑнчала* → татар.

көнцйлә («сверток избитой шерсти, навязанный на прялку»); чуваш. *ясмак* → татар. *цасмык* («чечевица»); чуваш. *кӑмна* → татар. *гӧмбӧ* («гриб»); чуваш. *сӗмӗрт* → татар. *шөмөрт* («черемуха»); чуваш. *сӗмсӗр* → татар. *сӧмсӧр* («нахально лезущий напролом, чтобы получить что-либо»). В своей работе Н. И. Ашмарин указал на фонетические нюансы заимствованных татарами у чувашей слов. Так, в слове *вакӑ* — *бакы* («прорубь») звук *в* перешел в *б* из-за отсутствия такого звука в татарском языке. Если бы это было исконно татарское слово, то мы бы имели *ӱгӱ*. Аналогично в татарских заимствованиях из русского языка: *вагон* → *баӟун*, *буқварь* → *буқбар* [Ашмарин 1905: 8–13].

В чувашских деревнях Республики Татарстан влияние культуры соседей, естественно, велико. Например, возьмем село Старое Суркино Альметьевского района. Здесь проживают чувашаи, придерживающиеся своих традиционных обрядов и верований. Однако с каждым годом процесс потери своих обычаев и усвоения традиций соседей усиливается. Длительное соседство с татарами отразилось на языке суркинцев. Он татаризирован до такой степени, что может считаться смешанным чувашско-татарским языком. Жители Суркино с трудом понимают язык своих соплеменников из Чувашской Республики, зато превосходно изъясняются на татарском языке, особенно люди старшего поколения [Галлямова, Столярова 2010: 111]. В итоге слова типа казанско-татарского *кызыклы* («интересно», «интересный») стали сугубо чувашскими — *кӑсӑкӑ*. Они бытуют не только в смешанных деревнях, но дошли через литературный язык до всех чувашей.

Многие крещеные и некрещеные чувашаи Уфимской провинции к середине XVIII в. слились с местными нагайбаками.

Отатаривание происходило и среди других народов, например среди остяков. Читаем дневники Д. Г. Мессершмидта, 1721 г.: «Прибыли в деревню, называемую *Bochea* (Бохеа). Здесь узнали от одного барабинца, что они (барабинцы) сто лет назад были одним народом с остяками и говорили на их языке. Но так как вокруг них жили одни татары, то они со временем потеряли свой язык» [Мессершмидт 2003: 28]. Аналогичная ситуация у остяков между Енисеем и Ангарой. К началу XVIII в. здесь уже говорили на татарском, скомбинированном из лаак-остякского и тавго-самодийского. А язык татар на реке Кан, говорящих на койбал-киштымском

диалекте, — это язык собственно остяцкий. В. В. Радлов также считал, что тобольские иштеки — это отатарившиеся остяки [Radloff 1893: 247]. А. В. Головнев в термине *остяк* видит религиозную окраску. Он напоминает, что *вогул* на языке коми — «нечистый», «неверный», «язычник». Так тюрки-мусульмане звали «неверных» соседей, например, казахи — башкир и сибирских татар. «Среди сибирских татар до сих пор известен “остяцкий род” *Иштяк тогом*, отличительной чертой которого считается обладание языческими куклами» [Головнев 2010: 47]. Весьма интересно, что в Чувашской Республике есть деревня Иштек. Конечно, слово чисто татарское.

В XVIII в. башкирам запрещалось вступать в брак с казанскими татарами. Цель — не допустить этнического сближения башкир с татарами, т. е. предотвращение сплошной татаризации в стране. Так, именной указ императрицы Анны Иоановны от 1736 г. гласил: «С казанскими татарами башкирцам в сватовство, без челобития и без позволения Казанского губернатора не вступать; а кому по прошению в том позволено будет, у тех брать с каждой свадьбы по лошади драгунской; а кто без позволения женится, с таких брать по три лошади драгунских, а за другую вину, действительно ссылать в ссылку» [ПСЗ, IX: 743–744]. Этот указ действовал до конца XVIII в.

Как известно, марийцам этноним «подарили» соседние татары, назвав их *черемисами* — «воинствующими». Сами же они себя называют *мáри*.

Аналогичную картину обрисовывал в письме в Комиссию по изучению племенного состава населения России Н. А. Бобровников. В частности, он в сердцах писал: «В Приволжском крае есть значительные районы, где живут “новые” татары и башкиры из чуваш, черемис, вотяков; есть районы, где живут башкиры, мещеряки, тепляри, еще не вполне утратившие, под влиянием татар, свои языковые особенности... К какому племени причислить и какому комиссариату отдать, например, просвещение деревни, в которой мужчины обрили головы и говорят по-татарски, женщины вычернили себе зубы, но говорят, особенно старые, по-чувашски, дети говорят на обоих языках? Или как квалифицировать племя каратаи, живущее в Тетюшском у. Казан. губ., бесспорно мордовского происхождения, говорящее на татарском языке и исповедывающее православие?» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 30: 178–178 об.].

Выводы

Согласно источникам (Феофан, Никифор, Себеос, Каланкатуаци), наиболее крупное военно-политическое образование Прикаспийского Дагестана — «страна гуннов» (т. е. савиров) начиная с VI в. и до 30-х гг. VII в. (т. е. до образования Хазарского каганата) находилась в формальной зависимости от Западно-тюркского каганата. Под эгидой тюркютов страна Сувар-Жидан и местные племена ускоренно проходили консолидацию, а племенная верхушка превращалась в феодальную знать. Владетели Суvara носили титул эльтеберов. Однако зависимость была минимальной. Западно-тюркских каганов и савирских вождей объединяли лишь военные интересы: общая ненависть к Ирану и желание поживиться за счет подвластного Ирану населения Закавказья. Савиры свои военные походы предпринимали по собственному почину, вступали в союзные отношения с соседями, нисколько не заботясь об интересах тюркского кагана. Например, в 576 г. хан Турксанф порвал с константинопольским двором, а правитель Суvara направил посольство ко двору византийского императора. К тому же в 581–593 гг. каганат потрясли междоусобица и династические распри. Тем не менее в ходе ирано-византийских войн 623–628 гг. савиры встали на сторону тюркютов. Как видим, если кочевые хазарские племена оказались в непосредственном кругу подданных тюркского каганата, то оседлые савиры были связаны с каганатом лишь общими интересами обороны и нападения.

Морфологические признаки курганов эпохи Золотой Орды свидетельствуют о том, что западная граница полиэтничного кыпчакского кочевого объединения проходила по Волге. Выходит, в XIII–XIV вв. правобережье Волги еще не подвергалось кыпчакизации. Поэтому есть основание говорить о том, что в язык суваро-чувашей кыпчакские элементы пришли через язык соседних болгаро-татар.

Еще в середине XVI в. у чувашей были свои князья. Согласно шежере, в Арском округе по состоянию на 1552 г. правил князь Чуваш бек.

В XVII в. происходит интенсивное освоение Дикого поля, т. е. пустующих земель юга современной Чувашской Республики, Ульяновской и Самарской областей и юго-западной части Республики Татарстан. В том числе в названную зону переселяются

татары Казанского уезда и Закамья. После взятия Казани Москвитиней предки современных мишарей переселились в эти места. К ним же примкнули мишари из Спасского уезда Нижегородской губернии.

Карачаевцы и балкарцы, несмотря на их принадлежность к тюркской ветви алтайской языковой семьи, не демонстрируют выраженных отличий от других популяций Кавказа. А это подтверждает гипотезу лингвистического сдвига в данных популяциях без существенного влияния на генофонд суперстрата. Выводы генетиков, основанные на детальной характеристике генетической структуры популяций Кавказа, однозначны: основу генетического пула карачаевцев и балкарцев, как и других народов Кавказа, составляет местный автохтонный субстрат. По этой причине карачаевцы и балкарцы являются яркими представителями западно-евразийских линий. Сравнительный анализ данных ряда европейских и азиатских популяций показал, что кабардинцы и балкарцы на графике находятся рядом с такими европейскими популяциями, как кумыки, поляки и северные европейцы. Иначе говоря, генетические признаки не позволяют относить карачаевцев и балкарцев к исконным тюркским племенам. Также выяснилось, что по мужской линии чуваша, тюрки Кавказа, а также северо-восточные башкиры (в том числе табыны) имеют мажорную гаплогруппу R1a-M198.

Среди всех исследованных татар преобладает европеоидный (понтийский) тип (33, 5%). Как известно, понтийский тип характеризуется относительной длинноголовостью, темной или смешанной пигментацией волос и глаз, высоким переносом, выпуклой спинкой носа, значительным ростом бороды. Этот тип представлен более чем у трети татар: от 28% у крышен Чистопольского района до 61% у мишарей Нарочатовского и Чистопольского районов. Этот тип у сибирских татар не известен. Сопоставление черепов тюркских племен, входивших в состав Золотой Орды, с черепами чувашского типа приводит к отрицательным результатам. Черепа кочевников, во-первых, шире и брахицефальнее, во-вторых, у них значительно более покатый лоб. Лицо шире и, если даже принять во внимание европеоидную примесь, нос у них все-таки более выступающий. Что же касается болгар, то характерный для них комплекс признаков не улавливается в составе чувашей по краниологическим данным.

Кыпчакско-половецкая принадлежность немногочисленных погребений XII – начала XIII в. в степях Урало-Поволжья определяется такими признаками, как подбой и восточная ориентация. Наиболее представительными являются курганы золотоордынского времени (XIII–XIV вв.), насчитывающие почти 600 комплексов. Делятся они по типу на две группы: земляные и с использованием камня. Таким образом, на этнической карте Урало-Поволжья XIII–XIV вв. кыпчаки стали доминировать.

Раскопки могильников кочевников второй половины XIV в. на бывшей территории Булгарского улуса Золотой Орды проводились в основном у г. Булгара и рядом с г. Джукетау. Большая часть памятников расположена по периметру Куйбышевского водохранилища. Подавляющее большинство этих кладбищ принадлежит населению с традиционными (древними) верованиями. Захоронения по обряду, близкому к мусульманскому, составляют не более 13%. Все они принадлежат единому этнокультурному комплексу кыпчакского населения. Но следует отметить интеграцию кыпчаков с местным населением. По крайней мере, процесс мусульманизации выражен слабо.

Многие села поволжских татар еще к концу XIX в. имели по два-три кладбища. Те, которые называют «старыми кладбищами», относятся к доисламскому времени. Отличительными признаками являются вещи, находимые в могилах, ибо мусульмане не кладут вещи.

В VIII–X вв. в Восточной Европе происходит резкое изменение религиозной ситуации. Хазары принимают иудаизм, болгары – ислам, русские – православие. У большинства тюркских народов мира теперь цементирующим, этнообъединяющим фактором (как на уровне общества, так и семьи) является религия.

Образование Золотой Орды, а затем и Казанского ханства возродило города. Вместе с городами возродилось и магометанство. Оно объединило татар – бывших болгар – жителей городов Волжской Булгарии. По данным на вторую половину XVIII в., многие чуваша по обыкновению татар брили головы, были охотниками до лошадиного мяса, а некоторые свиней не держали. Принятие ислама для них всегда означало ассимиляцию в татарской этнической среде. К тому же в письменных источниках мусульманизованных чувашей определяли как татар. Церемонии ханского двора

чуваши переносили на свои божества, которых они стали представлять в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих и прислуживающих ему. Эти явления явно отражают торжественную обстановку ханского двора. Празднование пятницы, перенятое из ислама, также сохранялось среди чувашей долго.

Свои впечатления, которые сложились в ходе изучения отношения чувашского языка к тюркским языкам, изложил В. В. Радлов. Чувашский язык, как и якутский, первоначально был нетюркский, он стал тюркским со временем, суммировал он. Эти наблюдения академик подтвердил еще раз в неопубликованной рукописи, посвященной изучению грамматики чувашского языка, которую он готовил к печати, однако не успел издать. Не зря Н. Н. Поппе назвал В. В. Радлова самым ярким представителем теории нетюркского происхождения чувашей.

Выходит, тюркский язык для современного чувашского языка является суперстратным, а никак не субстратным, т. е. произошел (и продолжает иметь место) этот процесс не в Сибири, а в Поволжье.

Следует учесть мощный монголо-татарский пласт в формировании казанских татар. Признавая историческую правомерность болгарского субстрата, не надо забывать о золотоордынско-тюркском компоненте. Такая ошибка в исследованиях происходит в значительной мере в результате некомплексного анализа источников. Существующие теории формирования волго-уральских татар («булгаристская» и «татаристская» версии) являются односторонними из-за своих крайностей: в первом случае обнаруживается недооценка золотоордынско-тюркской, а во втором — дозолотоордынских составляющих татар. Слияние болгаро-мусульман с пришлыми золотоордынскими кыпчаками и смешение этих двух разных групп этносов на физическом, языковом и культурном уровнях приобрели активный характер. А это привело в XV в. к формированию на левобережье Волги народности казанских татар.

После покорения тюрко-монголами народов Среднего Поволжья начался процесс постепенного скрещивания и слияния предков чувашей с пришлыми кочевыми тюрками в единую общую народность с преобладанием тюрков и их языка. Однако кыпчакизация в основе не задела этногонию чувашей на генном и антропологическом уровнях.

Кыпчакские слова, имеющиеся в чувашском языке, проникли не непосредственно от самих кыпчаков, а через казанских татар, в основном в период Казанского ханства, когда все административные должности среди чувашей занимали татары. Назначенные на должности тарханов чуваша играли второстепенную роль в управлении. Доверие к ним могло быть только при принятии ими исламской веры. Даже многие населенные пункты получили названия от имен татарских наместников: Шималахи — шейх Амалах, Шибулатово — шейх Булат, Янситово — Ян Сеит и т. д. Целые селения переходили в мусульманство и отатаривались. Так, в Арском районе не осталось ни одного чувашского селения.

В XVII в. в Казанском уезде многие чуваша приняли ислам и начали именовать себя татарами. Так, по состоянию на 1673 г. в деревне Ачи Зюрейской дороги Казанского уезда жили ясачные татары. Но своими родителями (отцами и дедами) они называли ясачных чувашей этой же деревни.

Глава 4. ГУННСКАЯ ВЕРСИЯ

Одна из версий происхождения чувашей предполагает, что основным компонентом, сыгравшим решающую роль в сложении чувашского народа, были гунны, а затем сувары [Каховский 1965]. В то же время имеются возражения против гуннского субстрата предков чувашей [Алексеев 1971: 246–250]. Попробуем разобраться.

Этноним

Хунны занимали обширные территории к северу от Китая. В китайских исторических хрониках их чаще называли *сюнну*. Сам этноним *сюнну* (звучащий так при современном прочтении древних иероглифов) впервые стал известен в 318 г. до н. э. Хотя термин *ху* (во мн. числе *хусцы*) служил для общего наименования северных и северо-западных «варварских» племен, он в первую очередь обозначал *сюннов*. Негативное отношение к *хунну* отразилось в китайском трактате о небесных явлениях: «На северо-западе находились народы *ху*, *ме* и *юэчжи*, которые одеваются в войлок и меха и стреляют из луков» [Сыма-Цянь 1986: 149; Вяткин, Таскин 2003: 464; Кызласов 2011: 15].

Как свидетельствуют исторические источники, в 15 г. н.э. от имени китайского правителя Тянь-фына к сюннускому шаньюю прибыло посольство. Послы подарили шаньюю много золота и драгоценностей, а затем стали убеждать его изменить племенное название *сюнну* на *гунну*. Дело в том, что иероглифы в слове *сюнну* означают «злой раб», а в слове *гунну* — «почтительный раб». Кроме того, китайская сторона настаивала на том, чтобы титул *шаньююй* заменить на *шаньююй*. При этом в первом случае иероглиф *шань* не имеет значения, а во втором варианте иероглиф получает смысл «добрый», тогда титул *шаньююй* обретает значение «добрый юй». В подтверждение шаньюю были вручены печать и пояс. Шаньююй притворно согласился и взял подарки. Но грабительские набеги продолжал по-прежнему [Гу 1973: 62]. Несмотря на то, что сюнну/хусцы не придали значения намерению китайцев изменить племенное название своих беспокойных соседей, новый этноним к ним, видимо, начинает прикреплаться именно с 15 г. Притом на Кавка-

зе гуннов местные племена часто называли хонами. У Птолемея — *Χοῦνοι* [Ptolemaei 1843: 172]. И в середине V в. Аполлинарий называл их хунами (*Chunus*) [Apollinarius 1960: 46, 47; Аполлинарий 1949: 290, 291]. Поэтому утверждение большинства исследователей, что одно и то же племя в Азии называли сюнну/хунну, а в Европе их знали как гуннов, требует корректировки.

Термин «гунны» одновременно имел несколько значений. Два главных из них — язык и этноним. А также это наименование государства и объединения племен.

Гон (*hon*) в древности — общепринятое обозначение кочевников. Гунны, ушедшие в Среднюю Азию, в литературе известны как *эфталиты*, т. е. «белые гунны». По аналогии на Кавказе были «черные гунны». Гуннов, которые обитали в районах, где ранее кочевали киммерийцы, соседние племена и историки часто называли киммерийцами. Гуннов также часто называли массагетами, скифами или просто варварами. Например, некоторые византийские историки гуннов традиционно называли скифами. Этому способствовало, с одной стороны, обитание их на землях прежнего проживания скифов, с другой — интенсивная смена одних племен другими во времена Великого переселения народов. Грузины называли гуннов *hone*, *one*, *une*, что на грузинском языке значит «породистый и хорошо тренированный конь» [Цулая 1979: 91], ибо гунны были олицетворением идеальных всадников.

Насчитывается 20 названий, к которым применялось слово *Οὔνοι*. Среди них гунны империи Аттилы и его предшественники, гунны в обобщающем смысле (кидариты, эфталиты, акациры, савиры/сабиры, оногуры, утигуры, кутригуры, болгары, авары, тюрки, мадьяры, узы, куманы и т. д.). Например, известно, что авары первоначально назывались гуннами, а впоследствии по имени своего короля Авара были названы аварами [Павел 1970: 248; Аноним 2002: 198]. Еще в VII в. савиров продолжали называть гуннами и тюрками [Феофан 1980: 58; Чичуров 1980: 96–97; Гмыря 2002: 169]. Причинами такого обобщения являются сходство этих племен с гуннами в нравах, в образе жизни, одеянии, а также нахождение в подданстве. Иногда древним авторам было достаточно, чтобы те или иные племена просто соседствовали с гуннами. В их числе Иван Стриттер назвал гепидов, славян, волгар/булгар, аваров, команов, угров, турков (тюрков) и узанов [Стриттер 1771: 63]. В то же

время гунны и «гунны, называемые савирами» — разные племена: в первом случае речь идет о собирательном термине, а во втором — о конкретном племени.

История

В 84 г. между северными сюннами и ханьским двором были организованы пограничные рынки. Сюнну пригоняли сюда свой скот, а ханьцы отправляли дары северным сюнну. Однако южный шаньюй организовал рейд с целью ограбления и захвата направляющихся торговать северных сюнну. А северный шаньюй пригрозил напасть на Китай, если ему не возместят ущерб. Ханьский двор приказал южным сюнну возвратить пленников, но согласился выдавать южанам плату за голову или за живого пленника с севера. Вскоре на северных сюнну стали нападать со всех сторон: с востока — сяньби, с севера — динлины, с юга — южные сюнну, с запада — туркестанские племена. В 87 г. сяньби обезглавили северного шаньюя. В результате большинство северян (200 000 человек) убежали на юг. Оставшиеся сюнну разделились на две части: одни примкнули к одному брату убитого шаньюя, другие — к другому его брату. В 89 г. войска сяньби, сюнну и Хань разбили северных сюнну. Сам северный шаньюй убежал еще дальше на север, а большинство северных сюнну (100 000 юрт) примкнули к сяньби и приняли их название [Барфилд 2009: 142]. Из имеющихся сведений можно полагать, что после разгрома суннов/хуннов осталось менее 100 000 человек. После такого тотального поражения от сяньбийских и китайских войск в 93 г. сюнну берут курс на запад [Буданова 2000: 49, 209].

В первой половине II в. н. э. Птолемей фиксирует хоннов (Χοῦνοι) в Восточной Европе между бастернами и роксоланами [Ptolemaei 1843: 172; Птолемей 2009: 187]. Примерно в то же время (117–129 гг.) гуннов фиксирует Дионисий Периегет. Однако Е. В. Илюшечкина полагает, что упоминание Дионисием Периегетом гуннов ошибочно [Илюшечкина 2002: 379]. Исследователи также полагают, что первые упоминания гуннов у европейских авторов относятся к середине II в., когда отдельные группы их проникли в прикаспийские и нижневолжские степи и стали обитать

в этих регионах [Седов 2005: 205]. Как считал Павел Шафарик, гунны в тот период располагались почти на нижнем Днепре [Шафарик 1837: 247]. Некоторые историки отмечают, что в указанное Птолемеем время группа гуннов действительно появилась в Восточной Европе, но их появление еще не повлияло на ход восточноевропейской истории [см.: Петрухин, Раевский 2004: 143]. О появлении гуннов во II в. в Северном Причерноморье писали также В. В. Латышев, Франц Альтхайм, А. Д. Удальцов, Л. Б. Гмыря, А. А. Глашев, С. Г. Боталов и др. Например, относительно упоминания гуннов Дионисием Периегетом говорится, что «многие его сведения о локализации племен являются достоверными и согласуются с древневосточными данными» [Гмыря 1995: 9]. Согласно другому мнению, гунны Дионисия размещались по всему Северному Прикаспию вплоть до Приаралья; их рубежи могли достичь и пределов Причерноморья [Боталов 2007: 153]. Также было высказано мнение об этническом родстве предков чувашей с гуннами. Согласно этому утверждению, предки чувашей переселились из Азии в Европу вместе с гуннами в первых веках нашей эры [Кузнецов 1962: 6]. Но при этом И. Д. Кузнецов не назвал этноним, под которым были известны тогда исторические предки чувашей. По крайней мере, заявление Ивана Стриттера и других историков о том, что гунны лишь в 376 г., оставив Азию, оказались в Европе [Стриттер 1771: 66], не соответствует исторической действительности.

Хунны в Азии имели свою государственность. Строительство государственности происходило благодаря мощному соседу — Китаю, — в столкновение с которым приходилось входить постоянно. В ходе таких стычек, взаимных нападений и захвата территорий и части населения и войск, гунны перенимали систему социального устройства своего опасного соседа. А на просторах восточноевропейских степей они не встречали серьезного сопротивления, и необходимость в организации своей государственности во многом отпала.

В годы правления царя Армении Хосрова (217–252 гг.) были открыты врата аланов и Чора Пахака (т. е. Дарьяльские и Дербентские ворота), через которые хлынули гунны [Агатангелос 2004: 29]. Объединенные войска армян, алванов, иверов и гуннов стали совершать набеги на Персию и Ассирию. Поэтому верно утверждение, согласно которому взаимоотношения между

гуннами и аланами-массагетами имели место от первой трети III в. до второй половины IV в. В основном, конечно, это были совместные походы [Боталов 2013: 37].

Из контекста «Истории Армении» Фавстоса Бузанда выходит, что по состоянию на 335–338 гг. маскутский царь Санесан повелевал многочисленными войсками гуннов. Собрав гуннов и другие кочевые племена (среди них были похи, таваспары, хечматаки и др.), Санесан напал на армянского царя Хосрова. Однако полководец Армении Ваче дал варварам жестокий бой. Армянские полководцы разгромили, как говорится в источнике, войска аланов, мазкутов и гуннов [Бузанд 1953: 14–17].

Иордан, описывая события 360–370 гг., заметил, что взъярилось на готов племя гуннов (*Hunnorum*) — самое страшное из всех своей дикостью. При этом он подкрепил свое высказывание ссылкой на Орозия. Речь идет о появлении гуннов на Северном Кавказе и близ Дона, на территории, занятой аланами. В связи с подсчетом предполагаемой численности войск и населения савиров весьма полезно сообщение Иордана о количестве гуннских войск. Вот эти строки: «После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа (*Bleda*), повелевавший значительной частью гуннов, Атиллы (*Attila*) соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира — римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пяти-сот тысяч» [Jordan 1861: fr. 180–181; Иордан 2013: 95]. Как видим, указанное Иорданом число учитывает воинов всех племен, входивших в войска гуннов. Однако Е. Ч. Скржинская считала, что Иордан преувеличивал реальную численность войск самих гуннов. Тогда можно предполагать, что воинов в гуннских соединениях было менее 500 000. Из них 120 000 тысяч составляли воины-савиры, т. е. примерно четверть. Такая пропорция также свидетельствует в пользу моего подсчета савиров, ибо они в составе гуннов по сравнению с другими племенами имели подавляющую численность.

Около 370 г. под их натиском прекращает существование государство остготов, простиравшееся от Дона до Карпат, Камы и Оки. В 375 г. гунны врываются в Западную Европу [Чичуров 1980: 72]. В том же году гуны (*gens Hunorum*) воспламенились против остго-

тов, и, приведя их в полное смятение, изгнали с прежних мест поселения [Orosius 1991: 90; Орозий 2004: 486]. Эвнапий Сардиец в работе «Продолжение истории Дексиповой», в частности, описывает события 376 г., когда гунны появляются на западе Азовского моря. Тут они накидываются на скифов и изрядно побивают их. «Скифы, побежденные, были истребляемы уннами. Множество их погибло совершенно. Одних ловили и побивали вместе с женами и детьми, и жестокости при убиении их не было меры», — писал историк [Эвнапий 1860: 125]. Изгнанные и побитые остатки скифов оплакивали свои бедствия и подались к римлянам в союзники. С тех пор одно имя гуннов приводило скифов в ужас. Примерно в 395 г. (дата определяется временем убийства префекта Константинополя Руфина) гунны (Οὔννοι) совершили набег на Армению и некоторые восточные территории империи [Sozomen 1864: 1509–1510; Созомен 1851: 543]. Описывая события второй половины IV в., богослов Евсевий Иероним, видимо, не без оснований проклинал гуннов наряду с готами, сарматами, квадами, аланами, вандалами и маркоманами. Он их называл северными волками. «Сколько матрон, сколько дев божиих, знатных и благородных тел послужили игрищем этим чудовищам? Пленены епископы, перебиты пресвитеры и разных чинов клирики. Ниспровергнуты церкви, у алтарей Христовых поставлены в стойла лошади, останки мучеников вырыты из земли» [Иероним 1949: 228].

Не всегда победа была на стороне гуннов. Западные войска гуннского союза имели боевые контакты с византийцами. Более того, они в основном составляли союзнические ромеям войска. Их называли комитасами, букеллариями и федератами. Комитасы — это дружинники. Букелларии были исключительно кавалерией и в основном служили в личной охране римских военачальников. Федератов Олимпиодор определил как беспорядочную смешанную толпу. Так, известно, что в 395–396 гг. гунов (*Hunorum*) привлекли в помощь императорским войскам в войне против гетов [Клавдий 2008: 89]. Гунны оставили после себя славу храбрых и хитрых воинов. Их тактику боев с превосходящими силами врага успешно использовали римские полководцы. Об этом Флавий Вегетий сказал вполне определенно: в конце IV в. оружие императорских воинов улучшилось по примеру готов, аланской и гуннской конницы [Вегетий 1996: 175].

Фактически империя использовала соседние племена для травли друг на друга. Так, в 406 г. римский полководец Стилихон выступил против готов (у Комита Марцеллина — против скифов), т. е. варварского предводителя Радайгаса, с 200-тысячным войском захватившего всю Италию [Комит 2010: 54, 103], имея при себе конницу гуннского рикса Ульдина и готского предводителя Сара. Олимпиодор назвал и число этих федератов в войсках Стилихона: 12 000. В ряду крупных событий начала V в. Проспер Аквитанский в своей «Хронике» отмечал, что гунны (*Chunis*) уничтожили на корню короля бургундионов Гундихария вместе с его народом. А под 411 г. у Проспера называется война римлян против готов с привлечением военной помощи гуннов. Описывая события 412 г., Олимпиодор, сам побывавший у гуннов с посольством, отметил отличное искусство гуннских начальников в стрельбе из лука. В 415–416 гг. гунны свирепым грабежом опустошают Фракию. Однако примерно в эти же годы они были изгнаны ромеями и готами из Паннонии. Тем не менее остrogоты все еще оставались в подчинении гуннов [Проспер. Хроника, ч. II. 1320–1349; Олимпиодор 2003: 154].

В 420-х гг. гунны после смерти их царя Оптара (*Οὐπταρως*), брата отца Атилы Мундзука, потерпели жестокое поражение от бургундов. До этого гунны постоянно нападали на бургундов. В этом бою бургундов было только 3000. А число потерпевших поражение гуннов простиралось до 10 000 [Socrat 1864: 806; Сократ 1996: 294–295]. Тем не менее в 422 г. гунны опустошают Фракию [Комит 2010: 58, 106].

В 441 г. гунны вместе с персами, сарацинами, панами и исаврами грабят римские территории. Их вожди с неисчислимыми тысячами своих людей вторгаются в Иллирик, разрушают здешние города и крепости [Комит 2010: 60, 109]. Да, гунны были стремительны. Они распространили свое владычество от Понта до Каллиполя и Систа. Однако всякий раз они были подкупны. Так, в 442 г., когда они приближались к фракийской крепости Афира, Феодосий отправил посольство к Атиле, «предлагая ему шесть тысяч литр золота, если он удалится, и, сверх того, обязываясь ежегодно платить тысячу литр, если он заключит с ним мир» [Феофан 1884: 82]. В 443 г. Атила повел войска на римского императора Валентиниана. Мотивом послужил отказ императора выдать свою

сестру Гонорию за вождя гуннов. Однако римский полководец Аэций разбил гуннскую армию, а Аттила, потеряв множество воинов, ушел назад.

Власть Аттилы усиливается после убийства родного брата и соправителя Бледы в 445 г. благодаря его богатствам. Он заставляет его людей признать свою власть. У него рождается план сокрушения Западной империи. Полководец принуждает к войне множество соседних племен: знаменитого короля гепидов Андарика, правителя готов Валамира, храбрых свевов, квадов, герулов и т. д. При этом он был лукав и умен. Воинам он объясняет, что выступает против готов как страж римской дружбы. Добиваясь дружбы римлян, он обещает выступить против готов. Его задача — уничтожить врагов поодиночке [Павел. Римская история, кн. XIV. 2–3]. Вскоре римляне объединились с готами и выступили против Аттилы сообща. В произошедшей битве обе стороны понесли несметные потери. Но побежденными следует считать гунов (*Chunos*), ибо отступили назад они [Проспер. Хроника, ч. II. 1364].

В 451 г. римская армия во главе с полководцем Аэцием и гуннские войска во главе с Аттилой вступают в бой на Каталаунских полях. Обе стороны привели сюда максимальное количество воинов. На обеих сторонах выступали их союзники. У римлян в числе сателлитов были франки, сарматы (видимо, имеются в виду аланы), аморицианы. У гуннов также были многочисленные племена, подчинявшиеся их власти, среди них остроготы и гепиды. В историческом бою с обеих сторон погибло 180 000 воинов [Иордан 2013: 97–98]. Об участии в этом бою савирских племен в источниках сведений не имеется. Согласно источникам, основные силы савиров в Западной Европе не были замечены. Савиры оставались на Кавказе. А это весомый аргумент об их полной автономности от гуннов.

В «Истории» Егише Вардапета уделено внимание событиям на Кавказе, в которых принимали участие гунны. Хронологически они охватывают 442–454 гг. В эти годы персидские войска опустошили многие провинции гуннов, набегавших стремительным потоком из ущелья Джора (Чора) на иранские земли. Были мобилизованы армянские князья со своими отрядами для охраны от гуннов Дербентских врат. В то же время гунны в союзе с армянами продолжали совершать набеги на персидские провинции и возвращаться с богатой добычей и множеством пленных. Дербентские

укрепления, построенные персами, были разрушены до основания в ходе экспедиции войск Вартана и гуннов. В этих событиях особо отличился царь гуннов-хайландуров Северного Кавказа Еран. Он вырезал персидское войско в Албании. Его набеги доходили до границ Греческой империи. Из Греции, Армении, Грузии и Албании Еран приводил толпы пленных и привозил богатую добычу. В 454 г. царь гуннов, имея малые силы по сравнению с персидскими, в ходе непрерывных вылазок обессилил войска шаха Иездигерда II. Персы дрогнули и повернули назад. Царь гуннов вошел вслед за ними в Персию, разграбил множество их провинций и благополучно возвратился [Егише 2006: 18–19, 213–216, 224].

Итак, Атила оставил Италию и отступил в свой стан. Чтобы поднять себе и воинам настроение, он решил сыграть свадьбу и взял себе в жены красивую девушку по имени Ильдикко. Судя по имени (*Ildicco*), она была мадьяркой. Выпив как никогда много вина, он уснул, лежа на спине. Во сне вождь гуннов задохнулся кровью, обычно шедшей у него через нос [Павел. Римская история, кн. XIV. 13]. Датой смерти источник называет период с 1 сентября 453 по 31 августа 454 г. Согласно Комиту Марцеллину, «Атила, король гуннов, разоритель земель Европы, был ночью заколот ножом его женой. В действительности, кое-кто рассказывает, что он умер, захлебнувшись кровью» [Комит 2010: 66, 112]. Русский хронограф этот эпизод передает следующим образом: «По сих многих победах начат Атила пити вино паче меры. Единою же в нощи лежащу ему з женою, поиде у него кровь из носа непрестанно, последи же упившуся ему и уснувшу, удавлен бысть от жены, сшел с света» [ПСРЛ 22, 2: 237]. Наступившая смерть Атилы устранила угрозу, нависавшую над Римом. А дети великого гунна не сумели сохранить завоеванные территории, посеяв между собой несогласие. «Пока они (сыновья Атилы. — А.С.), неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и утеряти власть», — констатировал историк [Иордан 2013: 110]. Вскоре отпали от гуннов остроготы, гепиды и прочие племена. А Валамир, король остроготов, учинил среди гуннов резню. С тех пор гунны остерегались остроготов [Павел. Римская история, кн. XV. 11]. Гепиды в союзе с готами, скирами, ругиями и другими племенами в 454 или 455 г. одерживают победу над гуннами в битве на реке Недао. В бою погибает старший сын Атилы Эллак. После этого оставшиеся гунны

расселяются отдельными группами в Причерноморье и Подунавье [Буданова 2000: 83; Golden 2011: 70].

Аполлинарий Сидоний очень образно описал гуннов 50-х годов V в. Их он назвал кочевым скопищем Скифской земли. Гунны, согласно Аполлинарию, отличались дикостью, это суровое, хищное, бурное, кажущееся варварским даже самим варварам племя. Их военачальниками в то время были Гормидак и Тулдила [Apollinarius 1960: 46; Аполлинарий 1949: 288–290].

В 469 г. был убит сын Аттилы Дензик, а его голова была доставлена в Константинополь [Комит 2010: 69, 114].

В год воцарения Пероза (459–484 гг.) гунны вышли через «ворота» (должно быть, через Дарьяльское ущелье) и достигли персидских пределов. Царь испугался и, собрав войска, вышел навстречу. Гунны ему сообщили о причине их прихода: им недостаточно того, что дает персидское государство как подать людям-варварам, император ромейский обещал дать больше, если они разорвут дружбу с персами. Пероз пообещал мир. Они заключили договор и поклялись. Но вскоре Пероз приготовился к войне против гуннов. Однако гунны схватили его самого и убили [Захария 2011: 572–573]. Данный эпизод уточняет Иешу Стилит. Узнав, что царь персидский схвачен, император ромеев Зенон послал гуннам золото и Пероз был освобожден. Пероз заключил с гуннами договор с обещанием больше не ходить на гуннские земли войной. Но свое обещание он не сдержал. Дочь Пероза, поскольку она была дочерью шаха, стала женой гуннского царя. Она родила гунну дочь, которая в 493–494 гг. и стала женой Кавада — сына Пероза. Выходит, Кавад взял себе в жены дочь своей сестры, находившейся в плену у гуннов. Так переплетались судьбы отдельных личностей и народов.

В 502 г. персы, гунны и армяне совместными силами выступили против ромеев [Иешу 2011: 600, 606, 626–627]. В начале 50-х гг. VI в. римский полководец Нарзес в боях с франками применял военную уловку, употребляемую гуннами. Он приказал своим воинам повернуть назад и беспорядочно отступать, как будто они охвачены паникой. Тем самым они завлекли врага из леса на равнину. Франки, обманутые притворством, выскочили из леса и, нарушив свои фаланги, начали преследовать. Они уже почувствовали победный конец. Обе стороны были объаты паникой: одни — мнимой, другие — настоящей. Когда франки были рассеяны по равнине,

Нарзес дал римлянам сигнал повернуть лошадей обратно. Так бегство превратилось в преследование. Конные варвары успели доскакать до своего лагеря, а пешие бесславно истреблялись. Только в одной стычке было истреблено свыше 900 франков [Агафий 1996: 37–38]. В 515 г., пишет источник, гунны пересекли Армению и оставили пустыню на месте Каппадокии, дошли также до Ликаонии [Комит 2010: 82, 123]. Конечно, речь не идет о собственно гуннах, а о «гуннах, называемых савирами». Феофан эти же события относил к 516–517 гг. Притом он так и писал: «Гунны, именуемые савир (Ὀῦννοι οἱ λεγόμενοι Σαβῆρ), переправившись через Каспийские ворота (т. е. Дербентский проход. А.С.), совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту (Малая Азия. А.С.)» [Феофан 1980: 26, 49].

По состоянию на 522 г. гуннский вождь Зильгибис имел 20 000 воинов [Golden 2011: 107]. Между 525 и 527 гг. Кавад стал упрекать императора ромеев, чтобы тот платил ему по 5 кентинариев золота на содержание войска, сторожившего ворота от гуннов. Заодно он время от времени посылал своих арабов в ромейские земли, опустошая их и захватывая людей в плен. То же самое делали и византийцы. Переговоры ни к чему не привели [Захария 2011: 586].

Битву с готами на Нероновом поле в 537 г. римляне выиграли только благодаря гуннам, которые воевали в армии Константина. Не выдержав стрел гуннов, готы устремились в бегство [Прокопий 1996: 116]. Однако после Атилы они уже были не те. Их разрозненные силы использовали и персы. Например, в 547–557 гг. на войну против армян, подданных римлян, персидский шах Хосров I направлял союзные с Ираном племена гуннов [Прокопий 1938: 285]. В 558 г. унны, возглавляемые Заверганом, прогоняются из римских владений. Юстиниан, полагая, что гунны-котригуры опять придут во Фракию, отправлял послов к вождю гуннов-утигуров Сандилху. Он подстрекал Сандилху воевать против Завергана. Взамен Юстиниан обещал передать утигурам жалование, которое котригуры получали от римлян. Сандилх категорически отказался. В 568 г. аварский князь Ваян, разозлившийся в ходе переговоров с римлянами, приказал 10 000 уннам, называемых контригурами (котригурами), перейти реку Саву и разорить Далматию [Менандр 2003: 234–235, 281]. В 573 г. персидский царь Хосров I вторгается в пределы Византийской империи в Армении и поручает командование над

20-тысячным войском военачальнику Гог'ону Михрану. Михран в качестве соратников имел многочисленных гуннов, живших в то время в Кавказских горах. Хосров приказал истребить в Армении всех мужчин, сравнять страну с землей. Спаслись лишь те, кто укрылся в укреплениях и успел убежать в дальние страны. Михран взял город Ангег, расположенный в Араратской долине [Себеос 1939: 31]. Как видим, гунны, в числе которых допустимо наличие большого количества савиров, в 70-х гг. VI в. обитали в горах Кавказа и принимали участие в войнах на стороне Персии.

Византийский военный историк рубежа VI–VII вв. Маврикий советовал нападать на гуннов в феврале или марте, когда у противника лошади ослаблены из-за трудностей зимнего времени [Маврикий 2014: 129]. Конечно, такое замечание верно, ибо кони и гунны являлись неотделимыми понятиями.

В 716 г. арабский халиф Сулейман отправил своего военачальника Мслима к Каспийским воротам. Произошло сражение с гуннами, занимавшими город Дербент, писал Гевонд Вардапет. Арабы разбили гуннов, прогнали их из города и разрушили стены крепости. Сам Мслим преодолел с большим войском проход Чора, грабя страну гуннов. Однако появление крупных сил хазар вынудило Мслима вернуться назад [Гевонд 1862: 28–29]. Конечно, и в данном случае речь идет не о гуннах, отдельные отряды которых к этому времени давно разбрелись по разным странам, а о савирах.

География

«Главная масса хуннов продолжала свое движение через среднеазиатские степи на запад и к концу I века дошла до восточных пределов Европы» [Бартольд 1927: 9].

Птолемей фиксирует хунов (*Χοῦνοι*) «между бастернами и роксоланами» [Ptolemaei 1843: 172; Птолемей 2009: 187]. Речь идет о побережье Меотиды к середине II в. н. э. Есть мнение, что гунны тогда находились «на территории между Днепром и Азовским морем» [Засецкая 2002: 142]. Чуть севернее их обитали аланы, а за ними — савары.

Аммиан Марцеллин утверждал, что по состоянию на 375 г. гунны занимали огромное пространство за Меотийским болотом

в сторону Ледовитого океана [Аммиан 1996: 491]. По расчетам Г. С. Дестуниса, с 376 г. гунны были знакомы с краем, лежащим к западу от Дона [Дестунис 1860: примеч. 78]. По Мовсесу Хоренаци, описавшему деятельность армянского просветителя Месропа Маштоца (ок. 361/362–440 г.), гунны в то время обитали в прибрежных областях северо-западной части Каспийского моря, т. е. севернее Кавказского хребта. Он по этому поводу заметил, что упорствующих в ереси армян Месроп прогнал до владения гуннов [Хоренаци 1990: 202–203]. В самом конце IV в. гунны находились «между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов» и вырвались через Дербентский проход в Южный Кавказ [Иероним 1949: 228].

Гуннские племена утигуры и кутигуры обитали по ту сторону Меотийского болота и его устья (Керченского пролива) [Прокопий 1996: 22–24]. В середине V в. гунны контролировали основные стратегические пункты Кавказа. Однако сам Аттила мог находиться далеко от основных гуннских поселений. Так, в 448 г. акациры, входившие в гуннский союз, обитали в припонтийской Скифии, а лагерь Аттилы находился в западной части Малой Валахии, что на современной карте приходится на юго-западную Румынию. В то же время посольство, в котором принял участие историк Приск, самого Аттилу застаёт в современной Восточной Венгрии. Здесь в огромном селении находился дворец гуннского предводителя [Приск 1860: 50–51; Дестунис 1860: 37, 50]. В 50-х гг. V в. Аполлинарий Сидоний помещает это грозное духом и телом племя в Танаисе. А на земли ромеев они вступили, переехав на колесах замерзший Истр [Аполлинарий 1949: 288].

Согласно Прокопию, в V – первой половине VI вв. гунны занимали огромную территорию, включающую земли от Эвлисии (прибрежные и внутренние районы Приазовской низменности) до Меотийского болота и реки Танаис. Он же указывал, что расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами. Притом кутригуры занимали места к западу от Танаиса и Метиды, а утигуры – к востоку. Кутригуры, переходя через реку Истр, делали набеги на земли императора. Иордан особо выделяет гуннские племена, обитающие близ Херсона. В середине VI в. правитель абасгов Опсит с небольшим отрядом бежал от римлян к гуннам в пределы Кавказского хребта [Прокопий 1998: 32; 1996:

21–26, 41]. Примерно те же координаты на 552–558 гг. указывал Агафий: «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотийского озера, которая обращена к востоку». Затем «гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно» [Агафий 1996: 184–185]. Захария Ритор, описывая события 555 г., отметил, что Каспийские ворота и море находятся в гуннских пределах [Захария 2011: 595].

Дюла Моравчик исследовал гуннов, обитавших в VI–VII вв. к западу от Азовского моря и в районе Дуная [Moravcsik 1983: 232].

Согласно Мовсесу Каланкатуаци, по состоянию на 682 г. к югу от гуннов были земли Алуанк (Албании) и Армении. Анализ источников показывает, что «Страна гуннов» к концу VII в. имела стабильную, оформившуюся территорию, простиравшуюся от низовий Волги на севере до укреплений Дербента на юге. Сюда входили степные и равнинные земли, примыкающие к побережью Каспийского моря, а также предгорные районы [Гмыря 1995: 64]. Речь, конечно, идет о савирских землях.

Антропология

Хунны в антропологическом плане не были однородны еще в Центральной Азии. Принято считать, что они сложились в Центральной Азии в начале I тыс. до н. э. из местных монголоидных и северокитайских европеоидных племен. Хунну Центральной и Западной Монголии были близки к культурам тюркского круга, а хунну Восточной Монголии имеют сходства с хунну Забайкалья и сяньби [Крадин 2012: 115]. По данным А. В. Давыдовой и И. И. Гохмана, жители Иволгинского городища (II в. до н. э. — I в. н. э.) относились к трем антропологическим группам:

- 1) Хуннская (некочевая часть).
- 2) Аборигенная (возможно, потомки «плиточников»).
- 3) Китайские перебежчики и военнопленные.

В 93 г. хуннов разгромили племена сяньби. Большинство северных сюнну добровольно приняло название победителей. Однако невозможно согласиться с мнением китайского историка Чжар Кен, что «в конце I в. северные сюнну *окончательно* (выделено мной. — А.С.) были уничтожены под ударом южных сюнну и Восточной

Хань в союзе с племенами ухуань, сянби, динлин» [Кен 2009: 34]. Это явное преувеличение. Наиболее пассионарные хунну в Приуралье нашли приют у угров и смешались с ними: «Приуральские угры были тем народом, который приютил беглецов и дал им возможность вновь собраться с силами. Именно с угорских территорий начали хунны свой новый поход на запад, причем угорский элемент составлял их основную боевую силу, и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались и слились в один новый народ — гуннов» [Гумилев 1960: 242]. Приходится соглашаться с Л. Н. Гумилевым и его предшественниками, которые писали, что отступающие с боями предки хуннов прибыли в Приуралье в основном без женщин, поскольку их обозы и скот не успевали за ними. Поэтому хунны в Приуралье воспользовались угорскими женщинами. Так произошли разительные изменения во внешнем виде хуннов, трансформировалась их монголоидность. «Обладание степными просторами Западной Сибири, населенными воинственными уграми, усилило северных хуннов» [Малютин 1996: 18]. Во многом хунны сами превратились в угров. Анализируя сведения Иордана о гуннах, А. Ф. Риттих очень кстати обратил внимание на сходство гуннов с осяками и вогулами, вотяками, другими восточными финнами и башкирами: «Все это приводит к предположению, что осяки, спустившиеся с тундр Уральского хребта, увлекли за собою оседлых вотяков, кочевавших вогул и башкир, и составили там массу народа под именем гуннов, громивших южную Европу до половины V века. При этом вторжении могли принять также участие те кочевавшие по восточному берегу Каспийского моря уды алтайские, которые отделились от чуди и примкнули чрез землю башкир, к народному потоку с севера, придав ему этот страшно дикий и клокогающий вид» [Риттих 1870: 25]. Таковым видел картину передвижения и переплетения народов Западной Сибири и Приуралья А. Ф. Риттих. Схема эта вполне приближена к исторической действительности.

Среди просочившихся во II в. в Северный Прикаспий волн азиатских кочевников были и ранние гунны. Например, в Волго-Донье значительную роль продолжало играть сармато-аланское население, находящееся под сильным влиянием поздних сарматов, которых антропологи и археологи называют ранними гуннами. Такая ситуация четко фиксируется антропологическими данными.

В названном регионе женский состав в большинстве своем демонстрирует черты местного населения, а мужской — пришлого. Таким образом, в могильниках алано-сарматских погребений появляются черепа смешанного типа с примесью монголоидности [Федоров, Федоров 1978: 29; Балабанова 2010: 203–206; Боталов 2013: 49].

Описывая события 375–378 гг., Аммиан заметил, что при рождении гунны своим младенцам глубоко прорезают щеки острым оружием. Поэтому на зарубцевавшихся надрезах отсутствуют волосы, из-за чего они доживают до старости без бороды. А тело у них мускулистое и крепкое, шеи толстые. «Их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов» [Аммиан 1996: 491]. То, что Аммиан Марцеллин характеризовал гуннов как коренастых, свойственно не только монголам, но и уграм, что еще раз указывает на смешанность гуннов.

Весьма экспрессивны впечатления Аполлинария Сидония. В его стихах гунны представлены как люди с лицами, внушающими особый ужас. «Над круглой массой тела поднимается узкая голова; под челом в двух щелях есть зрение, но нет глаз; проникающий во вместилище мозга свет едва доходит до впалых глазных яблок, однако не закрытых; ибо через малые своды они видят большие пространства; и зоркие точки в глубоких впадинах возмещают больший орган зрения. Далее, для того чтобы над щеками не выдавались две трубки носа, обвязанная кругом тесьма сдавливает нежные ноздри, чтобы они могли входить под шлемы. Так материнская любовь обезображивает детей, рожденных ради битв, ибо растянутая площадь щек становится шире, если посредине не возвышается нос. Остальные части тела у мужчин отличаются красотой: широкая грудь, могучие плечи, подтянутый под кишками живот. Рост у пешего средний, но становится высоким, если смотреть на всадников: так они часто кажутся высокими, если сидят» [Аполлинарий 1949: 288].

Согласно Иордану, это дикий народ, живший прежде в Уральской тундре. Они были ростом малы и безобразны, смуглые и даже черные, вместо глаз — светящиеся точки. Они широки в плечах, всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. У Аттилы — крупная голова, редкая борода, темная кожа [Иордан 2013: 85; Скржинская 2001: 310]. Как свидетельствуют источники, внешне

гунны походили на аваров. Об этом писал Феофан Византиец по рассказам очевидцев, которые в 550 г. видели явившихся в Византию аваров с просьбой принять их на земли, принадлежащие империи.

Вообще гуннов, обитавших на землях Западной Европы, называли то аварами, то склавинами и гепидами. На это указал, например, Феофан, описывая события 617 г. Такая путаница, как ни странно, вытекает из исторической действительности. Мы уже говорили об антропологическом смешении гуннов с сянъби и уграми в I в. Такая же картина происходила и позже, ее зафиксировал Фредегар в 623 г. В те годы славянское племя вендов долгое время было поданными гуннов. Вендов (венетов) гунны использовали в войнах. Пока венеты сражались, гунны стояли в строю и наблюдали. Если венеты терпели поражение и отступали, то их поворачивали назад и вновь заставляли вступать в бой. Если венеты побеждали, то гунны тоже бросались в бой за добычей. И этим издевательство не заканчивалось. Как утверждал Фредегар, «гунны ежегодно отправлялись зимовать в земли славян и брали себе на ложа жен и дочерей славов; помимо других повинностей, славянки должны были платить гуннам дань» [Фредегар 2015: 212]. От совместной жизни с гуннами у славянских жен и дочерей рождались дети. И вообще, следует констатировать, что кровосмешение с соседними племенами было характерно для гуннов. Этот факт играл им на руку в плане жизнеспособности, способствовал обновлению генов и продлению рода, перерождению в новый народ. Таким образом, происходило антропологическое преобразование племени, возрастала численность контингента под общим названием *гунны*. В этом главный стратегический секрет их военных успехов.

В 628 г. произошел любопытный случай. Войска севера, под которыми имеются в виду хазиры под предводительством Джеббу-хакана и его сына Шата, взяли города-крепости Партав и Чора. И вот они окружили богатый город Тбилиси. Хазиры были, согласно Мовсесу Каланкатуаци, широкоскулы, без ресниц, с длинными распущенными волосами, как у женщин. Однако нюанс в том, что источник называет этих хазиров гуннами. «И вот, когда жители города узнали о том, что те (т. е. хазиры-гунны. — А.С.) собираются снять осаду и удалиться, то еще больше возгордились и затеяли

игру, которая и стала причиной их гибели: принесли они огромную тыкву кангун (метр. — А.С.) в ширину и кангун в длину и нарисовали на ней *лицо царя гуннов* (выделено мной. — А.С.): вместо ресниц провели линии, которые нельзя было заметить, место, где должна быть борода, оставили отвратительно голым, ноздри сделали шириной в пядь, усы — редкие, так что нетрудно было его узнать. Затем принесли [разрисованную] тыкву, поставили на стене лицом к ним и, обращаясь к вражеским воинам, стали кричать: “Вот он здесь, ваш государь-царь, придите, поклонитесь ему. Это Джебу хакан!” И, взяв копья в руки, на их же глазах стали колоть тыкву, изображающую хакана» [Каланкатуаци 1984: 80]. Конечно, в данном эпизоде источник явно путает хазар (скорее, савиров) с гуннами. Гунны к этому времени уже не представляли собой самостоятельное племя. Однако для нас важно, какими помнили их жители Тбилиси. По всем антропологическим параметрам выходит, что гунны внешне были типичными монголоидами. Во всяком случае, такими запомнились гунны жителям Кавказа. Да и результаты костного анализа показывают близость ДНК хунну и современных монголов [см.: Крадин 2012: 114].

В целом следует признать, что «гунны, бывшие типичными монголоидами, составляли ничтожное меньшинство среди предков современных чувашей» [Алексеев 1971: 250].

Археология

Рассмотрение имеющихся археологических материалов позволяет отделять культуuroгенез центральноазиатских гуннов от культуuroгенеза тюркских народов древности: «Присущие достоверно тюркоязычным народам наземные жилища округлых и многоугольных очертаний, как и их шатрово-купольные крыши и открытый очаг в центре, не имеют ничего общего с обликом и обогревом гуннских домов» [Кызласов 2011: 205]. Исследование разнородных, прежде всего археологических источников приводит к необходимости центральноазиатских гуннов вынести за пределы алтайской гипотезы. Такой взгляд археолога совпадает с мнением Герхарда Дерфера, считавшего язык сюнну и не тюркским, и не монгольским.

Во II в. н. э., полагают В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский, хунну двинулись на запад. При этом они привлекли с собой массу тюркоязычных племен, ираноязычных кочевников, угроязычных и самодийских племен юга Западной Сибири и Приуралья. С их миграцией связывают, в частности, гибель саргатской культуры в лесостепи Западной Сибири и расселение отступающих от гуннов самодийцев и угров в таежную зону [Петрухин, Раевский 2004: 142].

Проследить характер и поэтапность трансформаций и концентрации гуннов в Понтийско-Каспийском междуморье в аланской среде в период со II по IV вв. собственно историческими методами весьма трудно. Остается надежда на археологический и антропологический подходы. Основным отличительным маркером является черепная деформация. Также добрую услугу оказывает выработанная Иоахимом Вернером систематизация хронологической типологии. Она выполнена на основе вещевых находок от Сибири до Рейна. В своде Иоахима Вернера указаны особенности гуннских находок. Это меч с характерной каменной петлей для подвешивания и гончарный кувшин с двумя ручками (абсолютные аналоги ханьских образцов), бронзовые треножники и керамические жертвенники. Но при этом следует учитывать единство позднесарматской и раннегуннской культур [Werner 1956: 5–9, 97–106; Боталов 2013: 36, 39, 47].

Археологические материалы, относящиеся ко второй половине IV в., найдены в Северо-Западном Приазовье. Это погребения в деревянном гробу. В погребении имелись зооморфные и антропоморфные изображения, краснолаковый глиняный кувшин, стеклянный кубок, трехгранные наконечники стрел, сарматское зеркальце, медный котелок, сбруйные накладки, череп со следами искусственной деформации [Казанский 2010: 120].

Религия

В 335 г. по приказу аршакидского царя маскутов Санесана — повелителя войск гуннов — был убит епископ Григорис. Юного Григориса привязали к хвосту коня и пустили по полю вдоль берега. Так гунны ответили послу евангельскому, прибывшему из Армении [Бузанд 1953: 14–15]. «Они уклончивы и темны в речах, никогда не связаны уважением к религии», — сообщал Аммиан Марцел-

лин в 375 г. [Аммиан 2009: 261]. В источниках нет свидетельств о шаманстве у гуннов [Дерфер 1986: 89], что, впрочем, согласуется с народными обрядами и верованиями чувашей. Гунны, жившие по традициям своих дедов, во второй половине IV в. начинают пополнять ряды поклонников христианства. Историк Павел Орозий с удовлетворением писал, что наконец варвары, предав проклятию мечи, обратились к сохе и оказывают поддержку римлянам. Он выражал свои чувства по этому поводу в следующих словах: «Впрочем, если только ради того варвары были впущены в римские земли, чтобы повсюду от востока до запада Церкви Христа пополнились в качестве верующих гуннами (*Hunis*), свевами, вандалами, бургундионами и другими бесчисленными народами, милосердие Божье оказывается достойным похвалы и прославления, так как, пусть даже с потрясением для нас, эти племена получили знание об истине, каковое не смогли бы открыть, если бы не случилось все таким образом» [Orosius 1991: 122; Орозий 2004: 504]. Конечно, Орозий как миссионер значительно приукрашивал успехи. Тем не менее тенденция вырисовывалась.

В середине V в. армяне решили встать на защиту своей страны и христианской религии от персов. Они набросились на магов, пришедших сеять семена смуты, отбили крепость страны Албанской. Народ, прятавшийся по горным ущельям, присоединился к воинам. Соединившись, они осадили Ворота гуннов (Дербент), взяли их, а гарнизон перебили. Комендантом Ворот поставили князя Ваана из албанской царской фамилии. Услышав об успехах армянских войск, гунны пришли на место сражения и удостоверились собственными глазами в подвигах христианской армии Вартана Мамиконяна. В знак признания мужества армян гунны заключили союз с ними и обещали принять христианскую клятву [Егише 2006: 128–129]. Должно быть, речь идет о событиях 451 г. Затем в 493 г. Евсевий Иероним писал, что «гунны изучают Псалтырь» [Иероним 1949: 229].

Согласно Феофану Византийцу, в 520-х гг. гуннский царь Гордас присоединился к императору, принял христианство. А тот его осыпал дарами и отправил в собственную страну охранять римские пределы и собирать дань с соотечественников. Он также собрал золотые и серебряные фигурки божеств и переплавил их. Гунны рассердились, убили его, а на его место поставили его брата Муагера

[Феофан 1984]. Военачальник гуннов по имени Суникс крестился, перебежал к ромеям, а в 530 г. он принял участие в войне за крепость Дару на севере Месопотамии [Захария 2011: 589]. Свидетельство Псевдо-Захария о сущности религии племен «пределов гуннов» напрямую относится к савирскому союзу племен [Гмыря 2009: 125]. Албанская миссия среди гуннов на Северо-Восточном Кавказе, известная из достоверных источников, конечно, относится не столько к гуннам, сколько к савирам. Так считают и ведущие исследователи истории гунно-савиров. «Судя по всему, этими “гуннами” являлись савиры» [Семенов 2013: 148].

Как сообщал Константинопольский Патриарх Никифор, в 613 г. государь гуннского (*Οὐννων*) народа вместе со своими правителями и копьеносцами прибыл в Византию и просил крестить их. Император охотно принял их, а ромейские архонты стали восприемниками гуннских (*Οὐννικοῦς*) воевод, а их жены — гуннских жен. Гунны также были одарены и наделены званиями. Гуннский начальник удостоился сана патрикия, после чего они благосклонно были отпущены в свою страну [Nicephor 1880: 12].

Мовсес Каланкатуаци, историк X в., пересказал события VII в. в «Истории страны Алуанк» [Каланкатуаци 1984]. Тогда великим князем Албании (Алуанка) был Вараз-Трдат. Здесь речь идет и о гунно-савирах, столицей которых был г. Варачан на Кавказе, а их князем — Алп-Илитуер, почитали они божество молнии *Куар*. Одним из эпитетов этого божества является «длинноволосый». Видимо, оно символизировало огонь. Исследователи называют его богом неба, солнца, грозы, войны и плодородия [Арутюнова-Фиданян 2012: 292; 2010: 24]. Согласно автору «Истории», этот народ почитал свою религию за великую. Они приносили в жертву огню, воде и высокому густолиственному дубу жареных лошадей. Голову и кожу жертвенной лошади вешали на сучья деревьев (вероятно, сделав чучело?). В то время страна Алуанк терпела бедствия с двух сторон: с юга — от тачиков, с севера — от гуннов. Вараз-Трдат решил отправить к гуннам в г. Варачан своего епископа Исраэля и таким образом обратить гуннов в христиан.

В «Истории страны Алуанк», в частности, пересказаны события 684 г. Великий князь Алуанка Вараз-Трдат отправляет христианскую миссию к гунно-савирам. А великий князь гунно-савиров Алп-Илитвер выходит им навстречу и принимает их с великой

радостью. Население Варачана и близлежащих селений во время своих обрядов и молений приносило божествам коней, било в барабаны, а во время похоронных обрядов наносило себе раны. Они скакали на конях, плясали, почитали огонь, воду и луну. Епископ Израэль денно и ночью молился о спасении этой страны, желал обратить население в христианство. Послушать его собрались вельможи и простой народ. Тогда он начал излагать проповеди из божественных книг. Алп-Илитвер и народ постепенно стали верить его словам, писал Каланкатуаци. Боголюбивый князь обязался вместе со всеми приближенными ежегодно свято соблюдать семь седмиц. Он также обязался разрушить святилища божества *Куар*. И стал он воздвигать во многих местах церкви. Тогда епископ Израэль повелел ему срубить священный дуб, которому приносили лошадей, окропляли кровью жертвы, а голову и шкуру ее вешали на ветви этого дерева. Этот дуб народ варачанский считал дарителем жизни и всех благ. Подняли вой колдуны и чародеи, ворожеи и жрецы вместе с простолюдинами кричали громким голосом: «Что вы думаете, как вы смеете, как вы можете сделать то, что говорит вам наш противник враг богов наших — срубить дерево то!» А епископ приказал священникам взять в руки топоры. Те двинулись в рощу и повалили все деревья. Епископ велел перевезти бревна в Варачан. Из бревен был изготовлен крест. И установлен был крест восточнее царского дворца. Увидел князь Алп-Илитуер, что ничего из того, чем грозили колдуны, не сбылось, не причинили деревья Израэлю никакого вреда. Тогда Илитуер велел схватить своих колдунов и ворожеев и отдал их в руки епископу: «Тот повелел некоторых из них сжечь на кострах на перекрестках дорог и улиц, чтобы показать [всем], как бессильно суетное колдовство, а некоторых бросил в темницы» [Каланкатуаци 1984: 128–130]. Все эти порядки были установлены при многотысячном царском войске гуннов, а было подготовлено и устроено это рукою епископа Израэля. И был назначен Израэль духовным предводителем страны гунно-савилов.

В силу экономического значения в жизни кавказцев, в их верованиях дереву уделяли особое место в сакральной жизни. Здесь оставляли жертвенные предметы: лоскутки, пули, рога и т. д. Перед походами молились у дерева. К нему же приходили в целях излечения и получения заступничества. Особым почитанием пользовались дуб и ореховое дерево [Лавров 1959: 203]. Свои основные

обрядовые моления чуваша также проводили у деревьев. (например, в ритуалах *киремет*, *сёрен* и *чўк*). Молещик и присутствующие опускались на колени, брали шапки под мышки и обращали свои взоры на макушку дерева. В это время они полностью отключались от всего постороннего, ни с кем не разговаривали и не оглядывались. На святилищах кости и шкуры крупных жертвенных животных (лошади, быка, коровы) оставляли висеть на деревьях, что являлось признаком почитания их [Салмин 2016: 500–502].

Как считал исследователь этнической истории Кавказа А. В. Гадло, религия, защитником которой выступала народная масса, представляла систему религиозных воззрений [Гадло 1979: 145–146]. Любопытно, что носители исконных гунно-савирских обрядов и верований готовы были придерживаться религиозного симбиоза: они выразили готовность пойти на компромисс с миссионером Израэлем, но предлагали при этом сохранить старый культ. Так полагал и князь Алп-Илитвер. Однако упорство албанской миссии и решимость епископа Израэля не оставили гунно-савирам шансов для существования на их земле двух религий.

Несмотря на всенародное сопротивление поклонников божества *Куар* (чуваш. *Кавар* — «жар», «горячий уголь»), Израэлю удалось склонить князя Алп-Илитуэра и других вельмож к почитанию христианства. Имя князя расшифровывается как чувашское *Улп-Эльтенер* («исполин-предводитель»). Были сожжены священные рощи, а на этих местах поставлены кресты. Князь гунно-савиров Алп-Илитвер вместе со своими вельможами услышал это увещание: «Он увидел и то, что ничего из того, чем грозили колдуны, не сбылось, и деревья близ капищ не причинили ему [Израэлю] никакого вреда, и не постигли его ни тяжкие недуги, ни смерть. Но, напротив, [епископ] еще больше просветлел и ревностно усердствовал в служении Христу. Тогда и они более укрепились в вере и стали внимать словам его учения» [Каланкатуаци 1984: 127–128]. Конечно, введение монотеистической религии в стране и превращение ее в религию государственную было выгодно для централизации власти самого Алп-Илитвера. Если ко времени событий, переданных Псевдо-Захарием (середина VI в.), население «Страны гуннов» крепко придерживалось своих древних традиций, то к приходу албанского епископа Израэля в стране христиане уже были. На этот факт обращают внимание и другие исследователи [Гмыря 2006: 13].

Историческими фактами, свидетельствующими о дальнейшем укреплении христианства среди гунно-савиров, наука не располагает. А епископ Израэль после первого посещения Варачана больше ни разу не был в стране гунно-савиров. «Обращение князя гуннов Алп-Илитвера было всего только эпизодом, не сыгравшим сколько-нибудь заметной роли в религиозной жизни страны гуннов» [Артамонов 1962: 191]. Весьма важны и нюансы, на которые обратил внимание А. А. Акопян при анализе «Истории страны Алуанк». Он справедливо назвал язык повествования художественным и пышным. В тексте в изобилии присутствуют цитаты из Библии и раннехристианской литературы. Автор, несомненно, знал греческий язык. В сочинении встречаются древнегреческие боги Зевс, Афродита, Арес. Автор сочинения также хорошо осведомлен о событиях. Скорее всего, он сам принимал участие в путешествии епископа Израэля к гунно-савирам. В Варачан миссионерская делегация прибыла в 682 г. Описанные же события могли произойти в том же или в следующем году. В 685 г. произошло ужасное нашествие хазар на Армению, Иверию и Албанию. Тогда описанные события в Алуанке можно датировать между 683 и 685 гг. Поэтому условный год, под которым названы действия Израэля в Варачане, принят как 684-й. Несмотря на старания миссии, «христианизация гуннов не завершилась успехом» [Акопян 1987: 201]. Все восхваления в адрес епископа Израэля и слова об успешности миссии всего лишь умозаключения историка X в., ибо для автора «Истории 684 г.» бог грома *Куар* «был главным противником Христа» [Арутюнова-Фиданян 2012: 290].

Миссионерская деятельность Армении и Албании, целью которых было установление политического и духовного союза с опасным северным соседом, не изменила существовавшую испокон веков ситуацию. Гунны находились в вассальной зависимости от хазар, которые в очередной раз перевалили через Большой Кавказский хребет. Победа «армянского христианства» в Великом княжестве Гуннском длилась недолго — до 685 г. [Шагинян 2013: 9, 11].

В событиях, описываемых Мовсесом Каланкатуаци (вторая половина VII в.), фигурируют гуннский епископ Иунан, святой полководец, принявший по крещению имя Теофил, и его блаженные сыновья Мовсес и Анеролгис [Каланкатуаци 1984: 46, 58–59, 64–65].

Христианизация верхушки гунно-савирского общества епископом Исраэлем не задела масс. Народ как был, так и остался при своих дедовских традициях. Поэтому заявление о том, что епископ Исраэль утвердил в стране христианство [Семенов 2014: 48], не соответствует действительности.

Язык

Относительно определения языка хуннов имеются серьезные затруднения. Большинство исследователей, особенно на Западе, считает сюнну/хунну тюрками. Тем не менее известно, что все племена ху изначально монголы. Лингвист Поль Пельо также был склонен считать хуннов монголами [см.: Бартольд 1968: 197]. Куракичи Ширатори утверждал, что язык гуннов в основе был монгольским, однако содержал лексику тунгусских языков [Shiratori 1923: 71–180]. Эдвин Пуллиблэнк писал, что сюнну говорили на языке енисейской семьи языков, а хуннские слова хорошо расшифровываются при помощи тунгусских языков. Последними представителями этой языковой семьи были кеты. В науке они известны как енисейские остяки. В свое время Матиас Кастрен в экспедиции смог найти последних пятерых кетов и записать их речь. Должно быть, енисейские остяки представляли собой племена отколовшихся сюннов, перекочевавших с Амура на Енисей. Изучая лексику сюнну в китайской транскрипции, Эдвин Пуллиблэнк заметил, что бытование *r* и *l* в начале слов и в первых слогах очень маловероятно, как это встречается в алтайских языках. Гипотеза подтверждается фактом, что сюнну говорили на языке енисейской семьи языков, а монголы и тюрки следовали им [Pulleyblank 1962: 239–265]. Аналогичная закономерность соблюдается у чувашей. В исконной лексике чувашей нет слов, начинающихся со звука *p*, а ко всем заимствованным словам с начальным *p* чувашаи добавляют гласный звук (например, вместо *рахмат* — *ёрахмет*). Пока безрезультатны изыскания по поводу так называемого «двустипшия сюнну», написанного, по правде, на языке цзе. Имеется несколько попыток объяснить его исходя из тюркского языка (Густав Рамстедт, Луи Базен, Аннемари фон Габен). Ни одну и них невозможно назвать успешной, т. к. они построены на произвольном обращении с фонетиче-

скими значениями китайских иероглифов. На Алтае и в Западной Сибири сюнну все больше и больше смешивались с восточными ху, прежде всего с сяньби и ухуань. А последние, как считают лингвисты, говорили, скорее всего, на языке монгольского типа. Аналитический подход позволил Эдвину Пуллиблэнку делать ряд важных заключений. Во-первых, весьма маловероятно, что язык сюнну был алтайским языком. Во-вторых, ряд слов точно соответствует словам с тем же или сходным значением в енисейских языках («сын», «молоко», «камень»), едва ли эти слова являются заимствованными в этих языках. В-третьих, некоторые титулы сюнну и слова («небо», «кислое молоко», «кумыс») также свидетельствуют, что сюнну говорили на языке енисейской семьи, а монголы и тюрки, ставшие хозяевами восточных степей после сюнну, унаследовали элементы культуры и политической организации вместе с соответствующей лексикой [Пуллиблэпк 1986: 32, 61, 62]. Конечно, следует различать племена ху и сюнну в хронологическом и географическом отношениях.

Тюркская версия сюннуского/гуннского языка (в лице Франца Альтхайма и других) встречает серьезные возражения. Их целый ряд. Так, подавляющее большинство слов сюнну не поддается расшифровке и этимологизации на тюркской основе. Приводимые в пользу тюркскости слова на языке сюнну на самом деле относятся ко II в. до н. э., а тюркские — только к VIII в. н. э. Кроме того, в языке сюнну много слов, начинающихся с буквы *l* (21 слово из 190), а в исконных тюркских и монгольских языках таких слов нет. Поэтому речь может идти только о гуннских лексических заимствованиях в тюркских языках, а желание видеть гуннов как тюркоязычных нисколько не способствует установлению истинной природы сюннуского/гуннского языка [Дерфер 1986: 74–75, 77]. Однако та часть хуннов, с которой общались китайцы в I в. до н. э. — I в. н. э., и от которых они заимствовали слова, говорила на тюркском языке. Причем это был пратюркский язык. А вот гунны, жившие в Эфталитском каганате, имели письменность и говорили на бактрийском языке [Дыбо 2013].

В чувашском языке сохранился ряд слов, совершенно одинаковых как в китайском, так и во многих тюркских языках (*лаç* — «лачуга»; *ылтайн* — «золото»; *кёмёл* — «серебро»; *тимёр* — «железо»; *çар* — «войска»; *чайн* — «правда»; *тум* — «одежда»; *кёвё* — «мелодия»;

сǎрǎ — «краска»; *ёнчǎ* — «жемчуг»). А. В. Дыбо, опираясь на фонетические особенности этих заимствований, устанавливает их китайский субстрат. Она же датирует их временем ухода гуннов на запад, т. е. первой половиной I в. н. э. [Дыбо 2006: 770]. Видимо, эти слова были заимствованы савирами от гуннов во II–V вв. н. э. на Северном Кавказе.

Гунны, появившиеся в Европе за четыре века до тюрков, как оказалось, в языковом отношении были и не тюрками, и не могилами. Как установил Герард Дерфер, они, как и последовавшие за ними апары (авары/обры), говорили на языке вымершей языковой семьи [Doerfer 1973: 1–50]. Постулат о том, что чуваши — это гунны, а гунны — это тюрки, поэтому чуваши являются ранними тюрками — в корне ошибочен.

Подлинно известно, что для гуннов в 30-х гг. VI в. миссионерами из Арана была создана письменность, а в 544 г. издано Священное Писание на их языке [Захария 2011: 595; Гмыря 2006: 10]. Однако говорить, что речь идет именно о гуннах, у нас нет серьезных оснований. Ведь после Атиллы у гуннов многое изменилось: дети поделили власть и племя, разбрелись в разные стороны, воевали в разных землях (порой в рядах противоборствующих войск), а гуннами по инерции продолжали называть савиров.

Установлено, что Прокопий, Феофан и другие историки гуннами на Кавказе называли и савиров, и аваров, и болгар, и тюрков [Чичуров 1980: 74]. Близкими в языковом отношении были друг к другу два племени, входившие в гуннскую конфедерацию. Это котригуры и утигуры. Менандр привел весьма характерный эпизод, произошедший в 558 г. Унны, называемые котригурами, были прогнаны далеко от римских провинций. Их предводителем был Заверган. Юстиниан, полагая, что котригуры опять придут опустошать Фракию, то и дело отправлял послов к предводителю утигуров Сандилху с тем, чтобы он, во что бы то ни стало, воевал против Завергана. При этом император обещал Сандилху, что передаст ему то жалование, которое назначено было Завергану, если Сандилх одолеет котригуров. Сандилх, несмотря на то, что он был в дружественных отношениях с римлянами, отказался. Основной причиной он назвал языковое родство утигуров с котригурами [Менандр 2003: 234–235].

А савиры (*Σαβίνορας*) — народ, родственный гуннам, булгарам, хазарам, аварам, мадьярам, алыциагирам, гузам, барсилам, оноуг-

рам, беленджерам, ибо в кавказский период своей истории эти племена постоянно смешивались между собой. Следует полагать, что все эти народы во многом понимали речь своих соседей. Однако причислять их к одной языковой семье было бы опрометчиво. Например, известно, что «язык хазар не похож ни на какой другой известный язык» [Заходер 1962: 35]. Также неверно было бы говорить о гуннах как о конгломерате тюркоязычных масс, ибо европейские гунны, исходно монголы, как этнос сложились в Южном Приуралье из самих гуннов, местных угров и сарматов. Следует учесть мощный пласт иранской (арийской) культуры у этого народа. Максуд Алиханов-Аварский, комментатор «Дербенд-наме», напоминает, что *гун/хун/кхун* на языке лаков или кумухов имеет то же самое значение, какое *hun* и *hune* на древнесеверных наречиях немецкого языка, т. е. «высокий», «великан». Авары (обры), по всей вероятности, составляли одно из гуннских племен. Латинские и немецкие источники часто писали: «Huni Abari dicti», т. е. «гунны, называемые аварами». В Нагорном Дагестане рядом с гуннами-кумухами жило большое племя аваров, бывшая столица которых носила название *Хунзах* («крепость хунов»). Между прочим, слова *obr, obrin* на языке славян, живших в Германии, тоже значили «высокий», «великан» [Мухаммед-Аваби 1898: 57].

Существует мнение, согласно которому *хоннами/хуннами* называли гуннов и савиров, ибо *хон/хун* зафиксировано в чувашском языке в значении «гунн (название народа)» [Ашмарин 1941: 160]. Тем не менее стремление некоторых исследователей представить хуннов как предков чувашей не выдерживает критики. Например, для идентификации двух народов приводят чувашские слова *хуна* «размножайся» и *хунав* «отросток, стебель» [Малютин 1996: 43]. Действительно, слова с основой *хун* сохранились в чувашском языке: *хуняма* — «теща»; *хунякам* — «свояченица»; *хунь касси* — «родное селение жены»; *хунчйкам* — «щурина»; *Хун аси* — название божества; *хуньам* — «тесть»; *Хунчар* — имя мужчины. Едва ли все это действительный отпечаток гуннских времен. Ведь краткое название хуннов — *ху*, т. е. «варвары» (восточных хуннов — *дунху*). Не подтверждается и чувашское прочтение имени предводителя гуннов Аттилы. В литературе отвергается попытка Омельяна Прицака выводить имя *Аттила* от названия реки *Атӓл* [Маенхен-Гельфен 2010: 454]. Были попытки прочесть это имя с помощью

древнекартвельского и мадьярского языков. Но имя Аттилы безусловно и, без малейшего сомнения, этимологизируется на готской почве и означает «батюшка» [Дерфер 1986: 97; Люттвак 2010: 28]. По мнению Герарда Дерфера, не может быть тюркским и имя Μουνδιούχος (так у Приска, а у Иордана — Mundzucus), т. к. имеет в анлауте *m-*. Таково и имя Ruga (дядя Аттилы), где начальное *r-* свидетельствует о нетюркском происхождении, оно зарегистрировано в германских языках. Некоторые исследователи (например, Отто Менхен-Хельфен) за гуннские имена принимали иранские. К таковым относятся Ἀμβρούκης, Ζαβεργαν, Γλώνης, Στύραξ. Дьюла Моравчик объединил их всех под названием Οὔννοι. На самом деле перечисленные имена — аланские, по меньшей мере эти персоны — иранизированные гунны. Во всяком случае, их тюркские этимологии ненадежны. В списке гуннских княжеских имен в период с IV по VI вв. насчитывается 21 имя. Среди них 12 имен гуннских, 8 — готских и одно — иранское [Дерфер 1986: 100, 106–108].

Гунны, в отличие от многих, реку Данапр называли *Vap*, что на языке савиров и современных чувашей значит «овраг». Слово восходит к санскритскому *var(i)* — «вода». Название реки Дон как гуннам, так и другим племенам было известно как *Tanaic*. Оно же было распространено и в Византии [Багрянородный 1991: 175]. Основа — *tan*. Слово сохранилось в современном чувашском языке в двух вариантах: «наледь» (вода, выступающая на поверхность льда); «лед, образуемый наледью» [Ашмарин 1937а: 177].

В. П. Яйленко провел анализ гуннского Именника V в. с Тамани, сравнив их с чувашскими именами и прозвищами. Теперь у нас на руках имеются следующие соответствия: Σευραϋ — Севрак; Μαλδαϋ — Малтих (чуваш. *малта*, *малда* — «впереди», «вначале»); Χορτζαϋ — Хорынай (чуваш. *хӳрӳн* — «сохнуть», «худеть», «беднеть» + аффикс отглагольных имен *-ак*, т. е. возможная семантика имени — «худой», «бедный»); Μιδαχ — Мидек (чуваш. *мӳтӳк* — «короткий», «кургузый»; прозвище *Митак*, *Митака*, в произношении *Мидак*, *Мидага*, (например, в деревне Старое Ахпердино Батыревского района). Имя Μιδαχ(ος) засвидетельствовано еще в трех надписях первой четверти III в. н. э., происходящих из Танаиса), Σαλδιχ — Салдык/Салтай (чуваш. *салт* — «разуваться, развязывать»); Κανδιτζι — Кондеш/Кандуш; Αλμα — чуваш. *улма* — «яблоко»; Ατταει — Атай (Аттай — родовое прозвище), т. е. «мой отец»;

Δαπλαι — Тапай (Таппай — родовое прозвище в Мариинско-Посадском районе, из этого рода профессор Г.И. Тафаев) и далее. Ценность этих имен еще и в том, что они географически привязаны к восточному Приазовью, где обитали предки чувашей [Яйленко 1991: 129–133]. Конечно, некоторые имена и прозвища имеют и тюркские параллели, однако это несколько не уменьшает их связь с предками современных чувашей.

Имя одного из сыновей Аттилы — Денгизих — одни исследователи выводят из тюркского *денгиз* «море», а другие — из венгерского *tenyesses* «плодородие» [Дестунис 1860: 93]. Признать данное слово тюркским нет оснований по той простой причине, что в древнетюркском языке нет слов с начальным *d-*. А переход *t- > d-* (как в турецком *deniz*) — явление очень позднее и лишь совсем в немногих тюркских языках (в османском языке, предшественнике современного турецкого языка, произошло только в XI–XIII вв.) [Дерфер 1986: 109]. В то же время, вне всякого сомнения, это имя восходит к савиро-чувашскому *тинёс*, включающему в себя оба значения: «море» и «широкое, как море» (т. е. «обширное», «неохватное»; «много»). А имя второго сына Аттилы — *Ирнах/Эрнак*, — вполне возможно, соответствует чувашскому имени *Эрнук* (консонантная основа *рн*). Такое имя давали и дают детям, рожденным в пятницу (*эрие*). Предлагаемое Францом Альтхаймом значение «палец» (от тюркского *äñäk*) неубедительно. Имя другого сына Аттилы — *Элак/Эллак* — выводят из тюркского термина, обозначающего страну (*эль*) [Németh 1991: 116]. Опираясь на письма Первой Булгарской империи, написанные по-гречески, на сохранившиеся примеры в греческом и венгерском языках византийского периода, а также на топонимику Балканского и Апеннинского полуостровов, Антоанета Гранберг оценивает чувашский язык в качестве современного представителя одной из ветвей гунно-булгарского языка [Granberg 2008: 6]. Гунно-булгарским называют чувашский язык и некоторые другие исследователи, например Хюн Ким: «Единственным языком, который, вероятно, отражает язык гунно-булгар, является чувашский язык» [Kim 2013: 208].

Описывая передвижения посольства по гуннским землям, Приск, в частности, заметил: «Следующие за нами служители получали просо и добываемое из ячменя питье, которое варвары называют *кámos* (*κόμις*)» [Prisc 1979: 40; Приск 1860: 46]. Полагаю,

что речь идет о слабоалкогольном напитке, по-чувашики называемом *кăмăс*. Слово встречается и ныне у южных чувашей. Активно используется аналогичный напиток *кумышка* удмуртами. Подтверждением, что Приск под *кăмос* полагал вид вина, говорит и предыдущее предложение: «В селениях отпускали нам в пищу — вместо пшеницы — просо, вместо вина, так называемый у туземцев *мѣдос*», т. е. медовуху (корчму). Кстати, ячмень возделывали предки чувашей и на Волге. Наряду с просом он считался основной пищей. Технологию приготовления пива из ячменя находим в иностранной речи старшего дружки [Салмин 2016: 484–488]. Все эти примеры свидетельствуют о присутствии савиров в составе гуннской конфедерации во времена Приска.

Естественно, гунны пользовались и заимствованной лексикой. Приск и Иордан прямо указывают на два славянских слова в языке гуннов. Это «мед» и «страва», свидетельствующие о гунно-славянских контактах в повседневной жизни и похоронной обрядности [Приск 1860: 46; Иордан 2013: 110].

Несомненно, следует говорить о различии восточноазиатских и европейских хуннов/сюнну/гуннов. С лингвистической точки зрения правильно было бы сказать, что европейско-гуннского языка не существует: «Для языкознания “гуннский язык” представляет собой такую же фикцию, как, скажем, “язык варваров” с точки зрения античного грека» [Бенцинг 1986: 12]. Немногочисленные по сравнению с покоренными ими же народами гунны поменяли свой язык и культуру.

Этнография

Учитывая традиции китайской историографии, политоним сюнну-хунну следует относить и к некоторым степным скотоводам, обитавшим в то время к северу от Великой стены [Кызласов 2011: 15].

Находки из могильников саргатской культуры (III в. до н. э. — I в. н. э.) свидетельствуют о наличии у хуннов железных трехлопастных стрел. А во II в. н. э. такие стрелы исчезают [Молодин и др. 2011: 192], что свидетельствует об уходе хуннов из Западной Сибири.

После жестоких поражений в 89–93 гг. от китайцев и сяньби, часть хуннов берет курс на запад. В этом движении без того неоднородное гуннское общество увлекло за собой саков и угров [Новосельцев 1990: 69; Тенишев 1997: 52]. Гунны, как лидеры очередного этапа переселения, формировались в степях Южного Урала, в ираноязычном и угро-финском этническом пространстве [Буданова 2000: 12]. О том, что после разгрома хунну появляются среди угров на Урале и в прилегающих к нему степях, писали и другие исследователи (например: [Федоров, Федоров 1978: 29]). Поэтому говорить об этнической однородности вторгшихся в Европу гуннов не приходится вовсе. Комментаторы Агатангелоса, написавшего историю Армении и частично гуннов первой половины III в., не без основания утверждают, что гунны в то время представляли собой объединение угорских и азиатских племен [Тер-Давтян, Аревшатян 2004: 29]. Гагик Саркисян напоминает, что армяне своих соседей гуннов называли *хон*. Он же присоединяется к мнению, что под гуннами на Кавказе имели в виду конгломерат разноязычных племен: тюркских, финно-угорских и др. [Саркисян 1990, примеч. 363]. По мнению Питера Голдена, как центральноазиатские, так и восточноевропейские гунны происходят из групп сюнну, вытесненных из Монголии китайцами и их союзниками сяньби. По мере продвижения на запад к ним присоединялись другие племена [Голден 1993: 215]. Как видим, гуннский союз в Европе — это конфедерация собственно гуннских, а также угорских, иранских, тюркских и других племен.

Во II в. н. э. оставшаяся на юге Сибири часть хуннов переходит под протекторат Китая и дает начало южной группировке хунну.

Аполлинарий Сидоний назвал гуннов кочевым скопищем [Аполлинарий 1949: 288]. Действительно, на Северном Кавказе гунны совсем разучились возделывать землю, их руки не касались сохи. Вся их жизнь проходила в кибитках: «Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: зачат он в одном месте, рожден далеко от туда, вскормлен еще дальше» [Аммиан 2009: 261]. Гунны, отмечается в том же источнике, пламенеют дикой страстью к золоту, переменчивы характером, могут в один и тот же день и гневаться, и помириться. Римские авторы наделяют их самыми жесткими эпитетами. Гунны, согласно им, отличались дикостью, суровостью, это хищное и бурное племя. Однако отличались дисциплинированностью.

Как только ребенок отнимался от груди матери и становился на ноги, тотчас конь подставлял ему спину [Аполлинарий 1949: 288]. Приск утверждал, что гунны и переговоры ведут, сидя на конях. Они отличались как хорошие стрелки из луков верхом. «Мы живем оружием, луком и мечом», — говорили о себе гунны [Захария 2011: 572]. Римляне, видимо, это искусство переняли от гуннов. Именно отличное владение луком помогало римлянам и их союзникам гуннам одолевать крупные силы готов, которые не были знакомы с этим делом. На важность такого вида военного искусства указывал, например, и римский полководец Велизарий [Прокопий 1996: 106–107].

Аттила и другие начальники имели по несколько жен. Почетным гостям предлагали красивых женщин для обхождения, т. е. у них практиковался гостеприимный гетеризм. Своего предводителя гуннские женщины встречали кушаньями и вином. Он вкушал еду, сидя на коне. Дворец Аттилы был построен из бревна и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой. Дворец имел башни. Недалеко от ограды была большая баня. Из мебели в шатрах и домах гунны неизменно использовали длинные скамейки вдоль стен. И сам Аттила сидел на такой же скамейке [Приск 1860: 20, 41, 45]. Длинные массивные скамейки вдоль восточных стен бытовали в Чувашии до конца XX в.

К началу VI в. гунны, как и многие кочевые и полукочевые орды, переходили к оседлому образу жизни. Происходил процесс образования племенных союзов. Они имели рабов. Рабами были в основном захваченные в бою вражеские воины. Рабы также покупались и перепокупались [Пигулевская 1939: 112–113].

Следует особо обратить внимание на такую подмеченную Аммианом деталь: «Вследствие их необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь» [Аммиан 2009: 260]. Часто можно читать в источниках, что гуннские войска штурмом брали крепости, при этом использовали таранные орудия. При внимательном чтении можно обнаружить, что таранные орудия использовали не гунны, а состоявшие в их войсках савиры. Гунны же искусно использовали луки, мечи и арканы.

Аммиан Марцеллин подчеркивал исключительную закаленность гуннов. Они не нуждались ни в огне, ни в приспособленной

к вкусу человека пище. Как признавались сами же гунны, они подкреплялись всякой мясной пищей. Мясную и другую пищу они готовили в знаменитом гуннском котле. Яркий образчик такого котла найден у балкарского села Хабаз. Этот бронзовый котел орнаментирован, литой, с фигурными ручками. Полагают, что он имел и ритуальное назначение [Чеченов 1987]. У них всегда не доставало хлеба и вина [Аполлинаруй 1949: 289]. Однако в середине VI в. миссионеры завезли к ним пшеницу, лен и другие плоды. Все это жителям понравилось [Захария 2011: 596]. Они избегали каких-либо зданий, пренебрегали ими и не считали, что найдут защиту под кровлей.

Аммиан пренебрежительно писал, что одежда их сшита из шкурок лесных мышей. Фактически он видел на гуннах лоскутное угорское шитье из шкур мелких зверей (белок, куниц). Отто Маенхен-Гельфен считал, что в данном случае имеется в виду *šimor*, т. е. *samor* — «соболь» (слово является заимствованием из иранского языка) [Маенхен-Гельфен 2010: 507]. Свои обросшие волосами ноги они покрывали козьими шкурами. А. Н. Анфертьев выполнил новый перевод «Гетики» Иордана. Если Е. Ч. Скржинская перевела предложение из § 37 как «Хунугуры же известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов», то А. Н. Анфертьев предложил для этого места вариант «Хунугуры же известны оттого, что от них идет торговля пушниной». Он также предложил заменить перевод Ю. В. Кулаковского из Аммиана Марцелина (*Res gestae* XXXI. 2,5) «тело они (гунны) прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей» («ex pellibus siluestrium micum») фразой «шкурок пушных зверей». Между тем правильное понимание словосочетания *pelles murinae* («шкурки пушных зверей», а не «степных грызунов») ведет к важному выводу: хунугуры изначально не степные кочевники, а лесные охотники. Отсюда возникает возможность видеть у них угорские заимствования [Анфертьев 1994: 143].

Обувь, изготовленная без колодки, затрудняла им ходьбу. Поэтому, писал Аммиан, гунны не годятся для пешего сражения. Зато они словно приросли к своим коням. Феофан, говоря об аvaraх, заметил: «Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными, остальная же их одежда подобна [одежде] остальных гуннов» (557–558 гг.) [Феофан 1980: 52].

Выходит, у гуннов волосы сзади не были длинными, не связывались пучками и не переплетались. А одежда их была такая же, как у аваров.

Феофан западных гуннов называл аварами (625–626 гг.) [Феофан 1980: 58]. Аналогично гуннов считал аварами Малала. Феофилакт, наоборот, полагал, что авары и скифы родом были гуннами [Феофилакт 1996: 13, 20]. По мнению Павла Диакона, авары первоначально назывались гуннами (*Hunni*), а впоследствии по имени своего короля Авара были названы аварами [Павел 2008: 614; Harrington 1997: 201]. Фредегар в связи с событиями 623 г. писал, что аваров называли гуннами, в другом месте под 631 г. он же использовал фразу «аваров, то есть гуннов» [Фредегар 2015: 212, 227].

Раннесредневековые армянские авторы именовали гуннов *honk'* и при этом не смешивали их ни с савирами, ни с хазарами, ни с другими этническими группами [Семенов 2014: 43]. Не ушедшие в Западную Европу части гуннов в середине V в. обитали в восточнокавказских степях. Армянские источники называли их еще *хайландурами*. Они совершали рейды на другую сторону Кавказских гор через Чор (Дарбанд). Их использовали Сасаниды для подчинения Закавказской Албании [Егишэ 1971: 31, 71].

Альциагиры, составлявшие одно из основных гуннских племен, кочевали около Херсона. Лето они проводили в степях, а зиму — у понтийских берегов. Согласно Иордану, гунны труп умершего воина помещали в шелковом шатре: «Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен» [Иордан 2013: 109–110]. При этом в погребальных песнопениях поминали подвиги погибшего. Некоторые исследователи допускают, что акациры, возможно, предки современных чувашей [Буданова 2000: 127], что весьма сомнительно.

Власть Аттилы над гуннами позволяла ему объединять многие соседние племена под своим началом. В качестве причины называют легитимность Аттилы, справедливое распределение добычи, его харизматичность, а также немаловажное значение имело устрашение. Так, он привел в повиновение аланов, такие германские племена, как гепиды, герулы, грейтунги (остоготы), руги, скиры и свевы. Все эти племена, которых страшились римляне, стали послушными Аттиле. Сельское хозяйство подчиненных племен помогало

кормить гуннов, а их воины следовали за Атилой в походы, подкрепляя своей немалой численностью военное искусство гуннов [Люттвак 2010: 65]. Гунны создали комплексную квазифеодальную социальную систему, которая позволила им привязать бесчисленные народы (германцев, иранцев, славян, финно-угров, тюрков и т. д.), чтобы расширить их огромную империю и позволить вести непрерывные, успешные захватнические войны в Европе. Абсолютно неслучайно, что гунны создали первую единую империю в европейском Барбарикуме за пределами границ Римской империи и представляли реальную, жизнеспособную альтернативу римскому господству в Европе [Kim 2013: 59].

В этом контексте важен факт устранения Бледы от власти в 445 г. Устранение было насильственным. Об этом источник пишет достаточно ясно: «Бледа, король гуннов, был убит по умыслу своего брата Атилы... Король гуннов Бледа погиб в результате интриг своего брата Атилы» [Комит 2010: 106, 110]. Все источники исторического, географического и этнографического плана говорят о том, что два брата командовали над своими племенами по географическому признаку: Бледа владел землями в Восточной Европе, а Атила — в Западной. Да и после смерти Бледы этот принцип сохранялся: восточные земли оставались под контролем «гуннов, именуемых, савирами», а Атила продолжал оставаться в Западной Европе. Выходит, гуннский предводитель убил своего брата, командовавшего савирами, и таким образом хотел окончательно подчинить савиров. Однако его умысел не мог быть исполнен до конца. Савиры сумели сохранить свое этническое единство и территориальную приверженность.

Помимо савиров и альциагиров, Иордан, Прокопий и Агафий называют множество других племен, входивших в гуннское объединение. Это хунугуры, биттугуры, алпидзуры, алцилдзуры, ултзиндзуры, ангискиры, бардоры, итимары, тункарсы, босики, утигуры, кутригуры. Гуннов иногда называли массагетами и киммерийцами по причине заселения ими бывших массагетских и киммерийских территорий. Приск в 433 г. называл гуннов скифами [Прокопий 1996: 22, 74–79; Приск 1860: 19–20]. Конечно, в случае, когда Прокопий писал о походе гуннов на Иран в 503 г., также следует иметь в виду не собственно гуннов, а «савиров, называемых гуннами». Часть исследователей не без основания полагают,

что западноевропейские и восточнокавказские гунны не имели генетических связей друг с другом [Семенов 2014: 49]. Примеры сохранения этнонима после исчезновения самого носителя имеются. Например, вавилоняне с конца VII в. до н. э. не делали различий между киммерийцами, скифами и саками, ибо это не было существенным, т. к. все они не представляли опасности. «Киммерийцы не обязательно должны были оставаться в это время живой реальностью — достаточно было сохранения воспоминаний о них. Подобные случаи долгого существования этнонима после исчезновения его реального носителя хорошо известны. Так, византийцы называли скифами гуннов, славян и некоторые другие народы спустя многие столетия после исчезновения реальных скифов из степей Причерноморья» [Иванчик 2001: 20]. Название гуннов употреблялось в широком смысле. В целом в государстве Аттилы сами гунны представляли собой скромное меньшинство [Скарильи 2012: 98]. Огурские племена также могли иметь гуннские «метки». Так, происхождение сарагуров/шарагуров маркируют наличием в племенном названии термина *огур*, чаще всего именуемых «гунно-болгарские» или «болгаро-чувакские» племена [Golden 2011: 136]. Весьма любопытно отметить, что огуры и оногуры воспринимаются в литературе и как уйгуры. Так, В. В. Радлов отчетливо писал, что *Оу́ор* — это *уйгуры*, а *Овоуо́ров* и *Одвоуо́ор* следует читать как *он-уйгуры* [Радлов 1893: 114–115]. Все перечисленные огурские племена составляли огромную толпу гуннов и жили в основном вокруг Мэотиды [Скржинская 2001: 219]. Иордан отмечал и то, что после смерти Аттилы его сын Динтцик в трудных ситуациях собирал вокруг себя все еще остававшихся в его подчинении племена ултзингуров, ангискиров, биттугуров, бардоров [Иордан 2013: 85].

Говоря о Кавказской Гуннии эпохи Аттилы и в постгуннский период, авторы нарративных источников и исследователи в большинстве случаев под ее населенниками подразумевают не собственно гуннов, а население аланского и болгарского круга, вошедшего в гуннский союз (хайландуры, барсилы, савиры, беленджеры, хазары) [Боталов 2013: 56].

Некоторые историки полагают, что после Аттилы Гуннская империя распалась на улусы, а гунны из Паннонии распространились по черноморским и азовским степям. Здесь они постепенно стали известны как болгары [Вернадский 1996: 140]. Возможно, частич-

но так и есть. Однако большая часть оставшихся в этом регионе гуннов влилась в савирское общество, получившее после Аттилы военно-политическое преимущество на всем Кавказе.

Древние историки и современные исследователи зачастую характеризуют гуннов и их соседей как дикарей, внешний облик и образ жизни которых приводили в ужас так называемые «цивилизованные народы». Однако все это не более чем мнение обывателей Римской империи, которым казалось, что причины кризиса античной цивилизации исходят от этих варваров, сеющих семена несчастий и бедствий. Археологические разыскания в Прикаспийском Дагестане, наоборот, фиксируют подъем культурно-экономического уровня населения в V–VII вв. [Гадло 1979: 10; Гмыря 1995: 4–5].

В литературе по непонятной до сих пор причине увязали традиции тюрков с хуской традицией, делая их продолжателями хуннов. Видимо, так пошло с легкой руки китайцев, которые придерживались отождествления сюнну и тюрков. Например, известно, что, одержав верх над тюрками, танские власти в 30-х гг. VII в. назначили двух представителей дома Ашина на хуннские должности. Позднее для обозначения племен, входящих в гуннский союз, использовались слова «тюркский» и «тюрко-скифский». Гунны в Восточной Европе представляли собой федерацию различных алтайских, финно-угорских и других племен. Затем они попали под языковое влияние «какого-то тюркского племени» [Aalto 1971: 87]. Однако само слово «тюрк» было совершенно неизвестно до V в. н. э. Аналогично обстоит и со словом «татары». Китайцы использовали это слово, не придавая ему никакого определенного смысла. На самом деле оно относилось только к одному небольшому племени. А скифы Геродота, о которых мы узнаем из столкновений с греками и персами, вели точно такой же образ жизни, как и гунны: ели мясо, пили кумыс, кочевали. Тем не менее между гуннами, скифами и татарами нет никакой этнографической связи [Паркер 2010: 8–9]. Мнение об этнической принадлежности гуннов на ходу менял Павел Шафарик. Он писал, что хунны были племени турецкого (т. е. тюркского), а не монгольского. Но тут же вставлял: их «можно производить от какого угодно в свете народа». Он же полагал, что гунны были народом ветви уральской, племенем восточно-чудским, но еще на своей родине перемешались с турками. К уральской, родственной гуннам, ветви относил он

и сабиров (*Σάβειροι*) [Шафарик 1837: 249–250, 262]. Вот такой безразличный к этническому определению племен исследователь.

В северокавказский период савиров часто именовали гуннским племенем, гуннами из числа так называемых сабиров или гунно-савирами. Например, Иордан четко писал, что савиры (*Saviri*) составляли основное ядро мощного гуннского (*Hunni, Hunuguri*) союза племен: «А там и гунны, как плодovитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие — савирами» [Jordan 1861: 29; Иордан 2013: 67]. Он назвал альтциагириров и савиров могущественными хуннами, словно произрастающими из дерна. Изысканная фраза Иордана восходит к тексту Кассиодора, а сама информация — к Приску. Не следует думать, что альтциагиры и савиры выступают здесь как две ветви гуннов (как понимал Дуглас Данлоп [Dunlop 1954: 27]). «Образ здесь иной, как из дерева, из сплетения корней, вырастают многие растения, так из среды гуннов вырастают могущественнейшие народы, два из которых автор (Приск?) счел нужным упомянуть» [Анфертьев 1994: 142]. В описании племен, обитавших в середине V в. в районе Кавказского хребта, Прокопий также, в частности, отметил: «Тут живут гунны, так называемые сабиры (*Σάβειροι*), и некоторые другие гуннские племена» [Procopius 1905a: 497; Прокопий 1996: 18]. Он так и писал: «*Οὐννοι ἐκ τῶν Σάβειρων*» («Савиры являются гуннским племенем») [Procopius 1905a: 553; Прокопий 1996: 26]. В 17-й главе III книги Агафий говорил о «гуннах, которых называют савирами (*Σάβειρων*)». Он же в другом месте (книга IV, глава 13) указал, что у персов были вспомогательные войска из гунно-савиров (*Οὐννοι Σάβειροι*) (552–558 гг.). Георгиус Кедренус также писал о них как о «гуннах, называемых савирами» («*Οὐννοι οἱ λεγόμενοι Σαβήρ, Οὐννων τῶν λεγόμενων Σαβήρ*») [Cedrenus 1838: 633, 644]. По мнению Феофилакта Симокатты, барсилты, уннугуры и сабиры («*Βαρσῆλι καὶ Οὐννουγοῦθοι καὶ Σάβειροι*») — это гуннские племена (589–596 гг.) [Theophylact 1887: 258; Феофилакт 1996: 189]. Моисей Хоренский под 682 г. писал, что севернее Дербентской стены живут гунны, у которых есть город Варачан [Хоренский 1877: 38]. Однако историкам и этнографам давно известно, что в эти годы гунны уже не имели своей страны, тем более столицы. Савиров, входивших более двух веков назад в гуннскую конфедерацию, так называли по инерции. Тем более с Варачаном

исследователи идентифицируют столицу сави́ров. Под гуннами, которые вместе с хазарами отстаивали крепость Дарбант от армянских дружин в 785 г. [Гевонд 1862: 112], также следует иметь в виду сави́ров. Вхождение сави́ров в гуннскую конфедерацию до середины V в. и использование соседями наименования «гунны» по отношению ко всем племенам в данном сообществе еще не означает этническое обезличивание. Поэтому не вполне корректны утверждения типа «этнически савиры не отличались от гуннов» [Гмыря 2006: 6].

Видимо, частое упоминание в исторических источниках этнонима «гунно-савиры» позволило некоторым исследователям говорить о гуннах как о прямых предках чувашей. Так, Широ Хаттори полагал: «Чувашские племена, возможно, являются одной из ветвей прямых потомков гуннов, давших толчок к 70-м годам IV в. к “Великому переселению народов” и в конце V в. сошедших с исторической арены» [Хаттори 1980: 94]. Племена, известные как *сабиры* и *Sabeiroi*, считал Г. С. Дестунис, родственны гуннам [Дестунис 1860, примеч. 98]. Однако верно обратное утверждение, что в постаттиловское время гунны Дагестана были частью савирских племен. Проще говоря, распавшиеся гунны были поглощены савирами. Многие племена, входившие в гуннский союз, близки к савирам в этническом отношении (например, утигуры, котригуры, хунугуры, уннугуры, барселты и залы). По мнению Е. Ч. Скржинской, хунугуры — это гуннское племя, близкое или сливающееся с савирами, обитателями Северного Кавказа [Скржинская 2001: 219]. У Феофана наименование «гунны» относится не только к самим гуннам, но и гунно-савирам, аварам, болгарам, тюркам. Мовсес Каланкатуаци город Варачан называл метрополией хонов, которую следует считать столицей гунно-сави́ров. Как часто можно встретить в литературе, савиры, кроме г. Варачана, имели города Таргу и Семендер. Однако в «Дербенд-наме» в переводе с тюркского языка на персидский утверждается, что «город Семенд — это крепость Тарху». Следует заметить, что *Тарху* — имя армянского божества, в свою очередь заимствованное из хурритского языка. В конце VII в. у сави́ров был единый на все племя высокопрестольный князь Алп-Илитвер. На местах правило военное сословие в лице тарханов. В то же время следует помнить, что гунны в Европе — это не хунны в Азии. Этнические составляющие гуннской орды в Европе включали многие племена. Среди них

огуры (онногуры, утигуры, кутигуры) и савиры. В целом следует согласиться с утвердившимся в литературе мнением о подразумевании в V–VII вв. под различными гуннскими племенами савиров, занимавших степи от Дербента до Азовского моря и Волги, т. к. в этот период именно савиры возглавляли военный союз полукочевых и кочевых народов степей Предкавказья [Гмыря 1980: 8].

Фольклор

Нарративные устные повествования, зафиксированные в исторических источниках, дополняют представления современников о гуннских племенах. Так, Иордан приводит легенду о происхождении их. Король готов Филимир, находясь в скифских землях, как-то обнаружил среди своих людей несколько женщин-колдуний. Он прогнал их прочь от своих войск в пустыню. Блуждающих женщин увидели нечистые духи и совершили с ними соитие. Таким образом образовалось новое племя. Сначала эти племена жили в болотах. На вид они были малорослы и отвратительны. На людей походили лишь своей непонятной речью [Иордан 2013: 84–85]. Как правильно отмечается в литературе, такая история о происхождении гуннов была придумана самими напуганными готами, находившимися в подчинении у диких властителей. Тем не менее образ предводителя гуннов вошел в германский героический эпос как единственный герой иноплеменного происхождения наряду с Зигфридом, Эрманирихом и Теодорихом. Эпическая жизнь Аттилы была дорога готским певцам, и изображался ими справедливым.

Далее Иордан привел текст о следовании за оленем. Охотясь на берегу Меотийского моря, гунны заметили перед собой оленя. Следуя за ним, люди пешком перешли море, которое до сих пор считалось непроходимым. Как только гунны вышли на другой берег, занятый скифами, олень исчез [Иордан 2013: 85]. Комментатор Иордана Е. Ч. Скржинская настаивала, что речь идет именно об олене, а не лани [Скржинская 2001, примеч. 385, 386]. Тем не менее в оригинале говорится о животном с названием *серна* (*cerva*, *ἀγρία αἰγία*) [Jordan 1861: fr. 123; Иордан 2013: 85]. По Прокопию, несколько юношей киммерийцев (т. е. гуннов) «предаваясь охоте с охотничьими собаками, гнали лань (*ἐλάφον*): она, убегая от них, бросилась в эти

воды. Юноши из-за честолюбия ли, или охваченные азартом, или их побудила к этому какая-либо таинственная воля божества, последовали за этой ланью (*ελάφφ*) и не отставали от нее, пока вместе с ней они не достигли противоположного берега. Тут преследуемое ими животное (кто может сказать, что это было такое?) тотчас же исчезло» [Просорі 1905а: 504; Прокопий 1996: 23]. Как видим, источники оставляют огромный простор для фантазии: легендарное животное с одинаковым успехом могло быть ланью, оленем, серной, а также и лосем. Прокопий поэтому оговаривает: «Кто может сказать, что это было?» Место этих животных в древних легендах занимали также бык, корова или медведь. Исследователи склонны называть этот сюжет легендой книжного происхождения [Петрухин, Раевский 2004: 143]. Аналогичные сюжеты есть у Эвнапия и Агафия. Агафий, например, так и писал: «Они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае, перешли каким-то образом Меотийское болото» [Агафий 1996: 184]. Данный бродячий сюжет имеет место и у Эрмия Созомена. Он прямо указал на его фольклорную основу: «А иные рассказывают, что дорогу, по поверхности закрытую водою, показал гуннам (*Ούννων*) олень (*ελάφος*), за которым они гнались» [Sozomen 1864: 1404; Созомен 2009: 202–203]. Самое интересное у Созомена то, что одни говорят о преследуемом оводом быке, который перешел через озеро и за ним последовал пастух, а другие — о лани, показавшей уннам дорогу, слегка прикрытую сверху водой. В целом мы имеем текст о мифическом абстрагированном звере. Посредством легенды фольклорное мышление объясняет внезапное появление гуннов в скифских землях. Но любопытно, что и античные авторы приняли легенду о предводителе-животном как полуреалистичное повествование и пытались объяснить реальными ситуациями (мол, в этом месте был брод и т. д.). То, что гунны до того, как олениха повела их через Маоетис, были лишь охотниками, в действительности является псевдонаучной реконструкцией. Это с одной стороны. С другой стороны, бытование искаженных текстов обеспечивало гуннам в глазах соседей их невероятное количество. Считаю, что отсутствие достаточных источников о появлении гуннов на Кавказе породило данную легенду. В таком контексте слишком фантастичным выглядит и взгляд самого Иордана. Он полагал, что гуннов к скифам привели «те самые духи, от которых гунны ведут

свое происхождение» [Иордан 2013: 85]. Вот такие строки находим у историка Иордана. Комментаторы справедливо называют данный пассаж нелепой басней [Карамзин 1998: 295].

У Приска и Иордана имеется фольклорный текст о находении Марсова меча, которым воевал Аттила. Некий пастух заметил в своем стаде хромающую телку. Он пошел по следам крови от ноги теленка и нашел место, где животное щипало траву, и наступил на торчащий из земли меч. Выкопав его, пастух тут же принес Аттиле. Тот обрадовался и возомнил, что таким образом ему дан знак власти над миром, а меч будет ему успехом в войнах [Иордан 2013: 96]. Как говорится, комментарии излишни.

У чувашей имеется сюжет, объединяющий два гуннских нарратива: о следовании за оленем и о следовании по следам крови. Информант предваряет этот рассказ преамбулой, что предание бытовало еще во времена Волжской Булгарии. У хана было три сына. Старшего звали *Сёмпёр* (Сембер). Однажды с друзьями на охоте он заблудился и не знал, как пробраться к Волге. Вдруг они увидели волка, напавшего на олененка. Выстрелили охотники из луков и повалили волка. Олененок, облизывая раны и оглядываясь назад, ушел вперед. Сембер и его друзья пошли за ним. Олененок вывел их к Волге. Дóма Сембер рассказал о случившемся отцу. А отец сказал, что олененок вывел их к месту, указанное божеством *Пўлэхсё*. Место это было чистое и хан построил там город и разместил в нем войска. А все земли вокруг подарил сыну. Так возник город *Чёмпёр* (Симбирск). Действительно, в документах XVI–XVIII вв. упоминается Симбирское городище, расположенное на противоположном (левом) современному Симбирску берегу. Этот прежний Симбирск был разрушен Тамерланом [Димитриев 1993: 36–37].

Выводы

Как свидетельствуют исторические источники, в 15 г. н.э. от имени китайского правителя Тянь-фына к сюннускому шаньюю прибыло посольство. Послы подарили шаньюю много золота и драгоценностей, а затем стали убеждать его изменить племенное название *сюнну* на *гунну*. В подтверждение шаньюю были вручены печать и пояс. Шаньюю притворно согласился и взял подарки.

Но грабительские набеги продолжал по-прежнему. Несмотря на то, что сюнну/хусцы не придали значения намерению китайцев изменить племенное название своих беспокойных соседей, новый этноним к ним, видимо, начинает прикрепляться именно с 15 г. При этом на Кавказе гуннов местные племена часто называли хонами. У Птолемея указано *Χοῦνοι*. И в середине V в. Аполлинарий называл их хунами. Поэтому утверждение большинством исследователей, что одно и то же племя в Азии называли сюнну/хунну, а в Европе их знали как гуннов, требует корректировки.

В первой половине II в. н. э. Птолемей фиксирует хоннов в Восточной Европе между бастернами и роксоланами. Исследователи также полагают, что первые упоминания гуннов у европейских авторов относятся к середине II в., когда отдельные группы их проникли в прикаспийские и нижневолжские степи. О появлении гуннов во II в. в Северном Причерноморье писали также В. В. Латышев, Франц Альтхайм, А. Д. Удальцов, Л. Б. Гмыря, А. А. Глашев, С. Г. Боталов и др. Таким образом, заявление Ивана Стриттера и других историков о том, что гунны лишь в 376 г., оставив Азию, оказались в Европе, не соответствует исторической действительности.

Указанная Иорданом цифра 500 000 учитывает воинов всех племен, входивших в войска гуннов. Однако Е. Ч. Скржинская считала, что Иордан преувеличивал реальную численность войск самих гуннов. Тогда можно предполагать, что воинов в гуннских соединениях было менее 500 000. Из них 120 000 тысяч составляли воины-савиры, т. е. примерно четверть. Такая пропорция также идет в пользу моего подсчета савиров, ибо они в составе гуннов по сравнению с другими племенами занимали подавляющую численность.

По хронологическим и географическим раскладкам выходит, что савиры составляли восточное крыло территорий, контролируемых гуннами. На реконструктивном уровне допустимо, что савиры входили в контингент войск под предводительством Бледы. В сражениях под руководством Аттилы они действительно не зафиксированы. И не удивительно, что сразу же после смерти диктатора савиры становятся единоличными лидерами на Кавказе. Однако частенько савиров по инерции соседние племена продолжают называть гуннами и гунно-савирами.

Во II в. н. э., полагают исследователи, хунну двинулись на запад. При этом они вовлекли с собой массу тюркоязычных племен,

ираноязычных кочевников, угрозязычных и самодийских племен юга Западной Сибири и Приуралья. С их миграцией связывают, в частности, гибель саргатской культуры в лесостепи Западной Сибири и расселение отступающих от гуннов самодийцев и угров в таежную зону.

Согласно Иордану, это дикий народ, живший прежде в уральской тундре. Как свидетельствуют источники, внешне гунны походили на аваров. Об этом писал Феофан Византиец по рассказам очевидцев, которые в 550 г. видели явившихся в Византию аваров с просьбой принять их на земли, принадлежащие империи.

Пока самые ранние находки гуннского облика второй половины IV в. известны в Северо-Западном Приазовье. Это — погребения в деревянном гробу. В погребении найдены зооморфные и антропоморфные изображения, краснолаковый глиняный кувшин, стеклянный кубок, трехгранные наконечники стрел, сарматское зеркальце, медный котелок, сбруйные накладки, череп со следами искусственной деформации.

Согласно Феофану Византийцу, в 520-х гг. гуннский царь Гордас присоединился к императору, принял христианство. А тот его осыпал дарами и отправил в собственную страну охранять римские пределы и собирать дани с соотечественников. Он также собрал золотые и серебряные фигурки божеств и переплавил их. Гунны рассердились, убили его, а на его место поставили его брата Муагера. Свидетельство Псевдо-Захария о сущности религии племен «пределов гуннов» напрямую относится к савирскому союзу племен. Албанская миссия среди гуннов в середине VI в. на Северо-Восточном Кавказе, известная из достоверных источников, конечно, относится не столько к гуннам, сколько савирам.

Относительно определения языка хуннов имеются серьезные затруднения. Большинство исследователей считает сюнну/хунну тюрками. Тем не менее известно, что все племена ху изначально монголы. Поль Пельо также был склонен считать хуннов монголами. Куракичи Шпиратори утверждал, что язык гуннов в основе был монгольским, однако содержал лексику тунгусских языков. А Эдвин Пуллиблэпк писал, что сюнну говорили на языке енисейской семьи языков, а хуннские слова хорошо расшифровываются при помощи тунгусских языков.

В чувашском языке сохранилось ряд слов, совершенно одинаковых как в китайском, так и во многих тюркских языках (*лаç* — «ла-

чуга»; *ылтайн* — «золото»; *кёмёл* — «серебро»; *тимёр* — «железо»; *сар* — «войска»; *чан* — «правда»; *тум* — «одежда»; *кёвё* — «мелодия»; *сарай* — «краска»; *ёмчё* — «жемчуг»). А. В. Дыбо, опираясь на фонетические особенности этих заимствований, устанавливает их китайский субстрат. Она же датирует их временем ухода гуннов на запад, т. е. первой половиной I в. н. э. Видимо, эти слова были заимствованы савирами от гуннов в I–V вв. н. э. на Кавказе.

В северокавказский период савиров часто именовали гуннским племенем, гуннами из числа так называемых саби́ров или гунно-савирами. Например, Иордан четко писал, что савиры составляли основное ядро мощного гуннского союза племен. В описании племен, обитавших в середине V в. в районе Кавказского хребта, Прокопий также, в частности, отметил: «Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые другие гуннские племена». Он так и писал: «Савиры являются гуннским племенем». В 17-й главе III книги Агафий говорил о «гуннах, которых называют савирами». Он же указал, что у персов были вспомогательные войска из гунно-савиров. Под гуннами, которые вместе с хазарами отстаивали крепость Дарбант от армянских дружин в 785 г., также следует иметь в виду савиров. Вхождение савиров в гуннскую конфедерацию до середины V в. и использование соседями наименования «гунны» ко всем племенам в данном сообществе еще не означает этническое обезличивание.

У чувашей имеется сюжет, объединяющий два гуннских нарратива: о следовании за оленем и о следовании по следам крови. Информант предваряет этот рассказ преамбулой, что предание бытовало еще во времена Волжской Булгарии. У хана было три сына. Старшего звали *Сёмтёр*. Однажды с друзьями на охоте он заблудился и не знал, как пробраться к Волге. Вдруг они увидели волка, напавшего на олененка. Выстрелили охотники из луков и повалили волка. Олененок, облизывая раны и оглядываясь назад, ушел вперед. Сембер и его друзья пошли за ним. Олененок вывел их к Волге. Дома Сембер рассказал о случившемся отцу. А отец сказал, что олененок вывел их к месту, указанное божеством *Пулёхсё*. Место это было чистое и хан построил там город и разместил в нем войска. А все земли вокруг подарил сыну. Так возник город *Чёмтёр* (Симбирск). Действительно, в документах XVI–XVIII вв. упоминается Симбирское городище, расположенное на противоположном (левом) современному Симбирску берегу. Этот прежний Симбирск был разрушен Тамерланом.

Глава 5. ПЕРСИДСКАЯ ВЕРСИЯ

Влияние иранской (персидской) культуры на Юго-Западную Азию и Восточную Европу никем не оспаривается. Исследователи пишут о южно-иранском потоке, который шел с юга от парфян, от Персии и Закавказья, и североиранском пути, шедшем через Хорезм на Волгу. Например, из трех основных этнических и политических образований в Восточной Европе (аваров, болгар/болгар и хазар) болгары/болгары оказались под наиболее сильным влиянием иранской традиции. Это влияние наиболее четко заметно в именах болгарских правителей. Сюда же относятся раннесредневековые храмы огня на территории современной Болгарии (в Плиске, Мадаре и Преславле), которые имеют неоспоримое иранское происхождение [Stepanov 2014: 165].

Этнонимы

Осетинский антропоним *alan* был реимпортирован из англ. *Alan* и франц. *Alain* < лат. *Alanus* и восходит ко времени Велико-го переселения народов. Английский этноним *Ossetian* происходит от рус. *Осетия, осетин*, в свою очередь, восходит к груз. *Oset'i, Osi*. А *Osi* не что иное, как вариант этнонима **as*-. В древнерусских летописях отражен во множественном числе как *ясы*. Должно быть, и город *Астрахань (As-Tarхан)* первоначально был местом ставки командующего аскими (аланскими) войсками в Хазарском каганате. Происхождение самого термина **as* — остается неясным [Алемань 2003: 32–35].

Сообщения восточных географов позволяют исключить из дешифровки этнонима *буртас* болгарский, хазарский и славянские языки. Термин не укладывается в арабскую графическую систему. Наиболее вероятным считается иранский язык. По мнению Г. Е. Афанасьева, первоначальной формой было написание, встречающееся у Ал-Бакри, — *фурдас*. Такой же этноним в форме *фуртас* есть у персидского историка Рази. Первая часть *фурт* (или *бурт*, санскрит. *пурта*, скиф. *фурт*, осетин. *фырт*, нерсид. *пур*) значит «сын», а вторая часть *ас* — известное подразделение аланской этнолингвистической общности. «Поэтому этноним “фурт-ас”

вполне можно перевести как «сын асский»» [Афанасьев 1985: 93]. Согласно другой точке зрения, *фурд/форд* значит «большая река» [Петрухин, Раевский 2004: 209]. В пользу такой точки зрения говорит и «Худūd ал-‘āлем», где зафиксировано, что к востоку от Волги жили буртасы [Бартольд 1930: 30]. Вне сомнения, слово состоит из двух частей, а вторая — *асы* (или *ясы*) — показывает надежную связь с аланами.

История

В Восточной Европе савиры и болгары как самостоятельные племена первоначально входили в сармато-аланский альянс [Сиротенко 1961: 41].

На рубеже эр ираноязычные племена аорсы были исключительно сильным племенем. Как сообщал Страбон (ок. 64 до н. э. — ок. 23 н. э.), царь аорсов Спадин мог выставить 200 000 всадников, а верхние аорсы — еще больше [Страбон 1994: 480]. В годы после лишения трона царя Боспора Митридата VIII (44 г.) римляне отправляют послов к царю аорсов (*Aorsi*) Эвнону в целях поиска поддержки. В ходе переговоров было условлено, что Эвнон бросит на мятежников свою конницу, а римляне займутся осадой городов [Тацит 1993: 192–193]. Аорсов зафиксировал и Плиний Старший (23/24–79) [Плиний 2009: 240–241].

В числе великих народов, заселявших Сарматию, Птолемей (ок. 87 — ок. 165) назвал и скифов-алуанов (*Ἀλαῖνοι*) [Ptolemaei 1843: 170; Птолемей 2009: 186 гг.]. В годы царя Армении Валарша (ок. 197–216 гг.) хазары и иранское племя базилы во главе с их царем Внасепом Сурхапом вышли из узкого прохода между восточным окончанием Кавказского хребта и Каспийским морем в районе ворот Чора (Дербент) и пошли на юг, перейдя реку Кур. Валарш с большой ратью встретил их, побил многих и погнал до прохода Чора. Однако враги вновь сгруппировались и дали бой, в котором и погиб Валарш от руки искусных лучников. Это случилось в 216 г. [Гаджиев 2016: 7–8].

Согласно Птолемею, Барденсу (154–222 гг.) и Моисею Хоренскому, базилы (*Βασιλῆοι*/барсилы/баслики) обитали в Сарматии, на юге современной России. У Каспийского моря в районе

Дербентской стены кочевали маскуты [Хоренский 1877: 38; Патканов 1877: 37].

На исходе III в. царь Армении Трдат со всем своим войском на Равнине гаргарейцев принимает сражение с северянами. В этом бою он сталкивается с царем базилов и разрушает его пополам. Базилы бегут, а Трдат преследует их до «страны гуннов» [Хоренаци 1990: 130].

Вегетий Флавий на рубеже IV–V вв. свидетельствовал, что оружие ромеев улучшилось по примеру аланской конницы [Вегетий 1996: 175]. Аланы отличались, заметил Иордан, своим тяжелым вооружением [Иордан 2013: 111].

В середине V в. в степях Северного Кавказа сколачивается мощное объединение во главе с савирами. Хотя савиры и принимали участие в военных кампаниях ромеев, но чаще воевали на стороне персов. Об этом сообщали Агафий, Менандр и Приск.

К началу VI в. савирский союз племен пытается пробиться уже за Кавказский хребет. В то время Сасанидский Иран представлял собой находящееся в зените могущества государство. Шах Кавад обладал мощными людскими, материальными и военными ресурсами. Противостоять ему могло только спаянное кочевое объединение. Пока внимание Кавада было сосредоточено на Месопотамии, а ромейская компания только разгоралась, в 503 г. савиры сумели захватить значительную часть северных областей Сасанидского Ирана — Албанию и Иберию. Савиро-персидские столкновения продолжались 5 лет. Однако в 508 г. шаху Каваду удалось отбросить савиров за Кавказский хребет и закрепить за собой оба прохода — Дербент и Дарьял [Джафаров 1985: 71]. В 530–531 гг. в иранском войске находился 3-тысячный отряд «гуннов, так называемых савиров, воинственнейшего племени» [Прокопий 1998: 40]. К середине VI в. между персами и римлянами установился мир в Армении, однако в пределах Колхиды война продолжалась [Агафий 1996: 62–63]. В этих войнах принимали участие и савиры, ибо высоко ценилось их военное искусство. Например, они, как и гунны, отлично владели мечом. Савиры эффективно использовали таранный взлом крепостных ворот и разрушали стены камнеметными орудиями. Источники свидетельствуют, что савиры и аланы часто выступали в коалиции, — как на стороне Персии, так и на стороне Византии. Например, в событиях 549–550 гг.

в Лазике (Западная Грузия). В 551 г. на дороге из Иберии в Колхиду на подмогу персидскому воеводе Мермероесу пришли савиры/сабиры в количестве 12 000. Однако такая большая сила, наоборот, напугала самого Мермероеса (как бы не перестали повиноваться). Он оставил при себе 4000 савиров, а остальных, богато одарив деньгами, отпустил на родину [Прокопий 1996: 56]. В 558 г. авары обратились к вождю аланов Саросию, чтобы тот познакомил их с римлянами [Менандр 2003: 235]. Данный факт говорит о том, что аланы были в одинаково близких отношениях как с персами, так и римлянами.

В связи с участвовавшими случаями вторжения кочевых племен (савиров, тюрков), пытавшихся прорваться через Дербентский проход к богатым странам Закавказья и Передней Азии, в V в. сасанидский Иран предпринял сооружение грандиозного фортификационного комплекса. Городские стены, отходившие от цитадели, полностью перегородили узкую (около 3,5 км) полосу приморской равнины. Они уходили также в море на расстояние около 150 м. Вторым основным элементом дербентской оборонительной системы являлась горная стена, которая начиналась от башни и тянулась в горы на расстояние около 45 км. Оборонительная система должна была полностью исключить возможность проникновения воинственных кочевников на благодатный юг. Таким образом, каменный оборонительный комплекс сменил сырцовые укрепления, возведенные в V в. при Йезигерде II. Начало и завершение каменного оборонительного комплекса в Дербентском проходе датируются 568–569 гг. [Гаджиев, Касумова 2006: 3–4, 117].

Новая серия военных конфликтов между Византией и Персией возобновились в 572 г. До этого Юстин выплачивал персам пятьсот литр золота ежегодно, чтобы те прилежно охраняли крепости в Алании от так называемых турков. Но василевс решил, что ему позорно платить персам и послал патрикия Мартина войной [Феофан 1980: 30, 54]. 589–590-е гг. были особенно плачевными для Армении, Свани и Колхиды. На их землях шли жестокие войны между персами и ромеями. Успех сопутствовал императорским войскам. Был убит начальник персов Афрат. В ходе побед с убитых персов было снято оружие. Трофеи отправлены императору. Но самое печальное — это жестокое опустошение Свани [Феофилакт 1996: 76–77].

Военное искусство персов широко использовалось ромеями. Так, военный стратег Маврикий на рубеже VI и VII вв. настаивал на применении скоростной стрельбы в пешем и конном строю. Медленная стрельба бесполезна, писал он, если даже стрела выпущена в цель. Эффективность скоростной стрельбы заключается в возможности поразить цель на скаку верхом в движении — вперед, назад, вправо и влево. И даже во время вскакивания на коня. При этом важно быстро менять стрелы. Ромейский и персидский способы стрельбы из лука к этому времени отличались не многим: если ромейцы при выстреле два пальца держали «в кольцо», то персы использовали три пальца [Маврикий 2014: 64–65].

VI–VII вв. ознаменованы персидско-ромейскими военными противостояниями, в которых каждая из сторон стремилась закрепить свои экономические и политические интересы на Кавказе. Савиры в них выступали то на одной, то на другой стороне. При этом они сумели сохранить свою целостность и численность. О переменных успехах персов и ромеев писал, например, Феофилакт Симокатта [Феофилакт 1996: 24–26, 76–77, 153–154].

Как отметил Феофан, Юстиниан стремился поссорить алан со своими соседями. Так, в 717 г. он послал своего человека к аланам с деньгами, чтобы тех возбудить против Абазгии, Лазики и Иберии.

История буртасов тесно связана с историей Хазарии. В конце IX — X в. буртасы подчинялись царю хазар и выставляли в поле 10000 всадников. Такое положение можно объяснить их плохой организованностью: у них не было верховного главнокомандующего, из-за отсутствия законов в спорных случаях обращались за судом к старцам. Тем не менее буртасы были сильны и храбры, совершали набеги на булгар и печенегов [Ибн-Даста 1869: 19–20; Ал-Бекри 1879: 62; Марвази 1959: 216]. После знаменитых походов Святослава и заката Хазарского каганата их имя вскоре начинает угасать в исторических хрониках. В 634 (1237) г. буртасов и мокшу завоевали монголы [Golden 2011a: 100].

География

О том, что население Кавказа с I по IX вв. испытывало иранское влияние, говорит и сохранившаяся топонимия. Возьмем провинцию Пайтакаран, располагавшуюся в IV–V вв. на берегу Кас-

пийского моря между низовьями рек Куры и Аракса. «Пайтакаран состоит из двух компонентов: пайтак — искаженное от пайтахт (на перс. яз.) — столица и Аран — местное название Албании. Пайтакаран означает столица Арана» [Ашурбейли 1983: 26]. Название округа Хракот-Перож, входящей в провинцию Пайтакаран, получено путем слияния армянского слова *хракот* «огонь» и иранского имени *Пероз*. Топоним Ротибага означает «река Бога», а Баганрод — «река богов», т. е. река поклоняющихся богу (солнцу, огню). Как справедливо замечает Сара Ашурбейли, эти топонимы свидетельствуют о поселениях вдоль рек и о бытовании культа огня. Вероятно, Баганрод был центром одноименной области, расположенной в районе нынешней реки Булгарчай. Топоним Атеш-и Багаван означает «огни города Бога» и локализуется на территории Баку. Согласно византийскому автору V в. Приску Панийскому, гунны из Мидии в Скифию прошли путем, где «пламя поднимается из скалы подводной». Речь идет о горении газа. Согласно преданию, Джума-мечеть, находящаяся в крепости Баку, построена на месте древнего храма огнепоклонников. По описанию путешественника, видевшего ее в 1873 г., посреди мечети возвышались четыре арки (*чор-так*) без перекрытия. Эти арки остались от храма огнепоклонников, переделанного в мечеть. В свою очередь, топоним Сураханы на персидском и татском означает «источник, бьющий из ямы».

Паласа-сыртское 1-е городище, расположенное в 20 км к югу от Дербента, археологи относят к середине IV — первой половине V в. Его этнокультурную принадлежность определяют как маскутскую. Археологические данные, а также письменные источники позволяют интерпретировать городище как «Царство маскутов» [Малашев и др. 2015: 389–391].

В начале II в. территорию к северу от устьев Истра (Дуная), впадающего в Черное море, занимало множество племен, в их числе сильные аланы [Дионисий 2009: 143]. Согласно Птолемею, выше Дакии жили певкины и бастерны, по всему берегу Меотиды — язиги и роксоланы, а далее за ними внутри страны — гамаксобии и аланы [Птолемей 2009: 186]. В числе народов, прилегающих к побережью, Плиний назвал и аланов [Плиний 2011: 171]. Свое название они получили от гор (имеются в виду Аланские или Алаунские горы, расположенные к северо-западу от Каспийского моря). Однако они не всегда засиживались вблизи Кавказа или на Кавказе. В 288 г.,

к примеру, аланы имели стычки с римскими войсками, возглавляемыми кесарем Константием в Галлиях [Феофан 1884: 7]. Как сообщал Аммиан Марцеллин, на востоке они были рассеяны между многолюдными племенами, их земли простирались до реки Ганг. В 375–378 гг. аланы с целью грабежа и охоты доходят до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии [Аммиан 1996: 494]. Описывая события 39–396 гг., Клавдий Клавдиан называл и аланов. В частности, строка из поэмы «Против Руфина» «алан (*Alanus*), Меотиду отческу пьющий» [Клавдий 2008: 89] позволяет говорить о побережье Меотийского озера как о месте обитания этого иранского племени на данное время. «Нашествие гуннов явилось причиной массового ухода алан в горы Центрального Кавказа и заселения обоих склонов Главного Кавказского хребта. Это была первая крупная волна миграции алан в горы Центрального Кавказа» [Калоев 2009: 79]. В V–VI вв. они обитали к северу от Дербентского ущелья. Сирийский историк Захария Ритор в 555 г. отмечал, что непосредственными соседями алан являются бургары, куртаргары, сабиры и авары [Захария 2011: 595]. В V–VII вв. они занимали северокавказские степи от Кубани до Дагестана [Равеннский 2002: 277; Подосинов 2002: 249]. Практически савиры находились от зихов по другую сторону Кавказского хребта рядом с аланами. На современной карте это — примерно Осетия. В литературе есть мнение, что «Страна гуннов» находилась в Центральном Предкавказье, на территории нынешних Кабардино-Балкарии и Дигории. «Тесное соприкосновение и смешение гуннов (т. е. савиров.А.С.) с аланами происходило на территории Чегемского и Баксанского ущелий» [Глашев 2009: 24].

Другое иранское племя басилы кочевали в пространстве от низовьев Аракса и Куры до ворот Чора включительно [Хоренац 1990: 130]. Их страну источники называют Берзилия (Феофан) или Верилия (Никифор). Михаил Сириец помещал ее на Северном Кавказе. А. П. Новосельцев полагал, что в пределы Берсилии следует отнести также значительную часть Восточного Предкавказья и низовья Волги. В VIII–IX вв. так могла именоваться более ограниченная территория в пределах Северного (Приморского) Дагестана [Новосельцев 1990: 79].

Бургасы занимали равнинную местность между хазарами и булгарами. Об этом, в частности, писали Ибн-Русте, Ал-Бекри

и Гардизи. «Земля буртасов лежит между хазарскою и болгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой» [Ибн-Даста 1869: 19]. А согласно эль-Балхи, от Итиля до границы Буртасии было 20 дней пути [Хвольсон 1869: 79]. «Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке Итилю, на судне; другие едут сухим путем» [Бартольд 1973: 58]. Их страну в ширину и длину можно было обойти за 17 дней [Ибн-Даста 1869: 21]. Ал-Бекри утверждал, что «земля их имеет в длину 1½ месяца пути и в ширину столько же» [Ал-Бекри 1879: 62].

С середины VIII в. до середины X в. археологи отмечают буртасов в бассейне среднего Дона, куда те пришли из предгорий Северного Кавказа. Обитали они в низовьях Волги выше современного Волгограда. Согласно арабским источникам IX–X вв., их страна была расположена между Хазарией и Волжской Булгарией на расстоянии 15-дневного пути от столицы, а от города Исиля до первых рубежей земли буртасов — 20 дней; между хазарами и буртасами не было никакого другого народа [Ал-Идриси 2006: 120, 121]. По Гардизи (XI в.) страна буртасов простиралась на расстояние 17-дневного пути.

Через их земли проходили на север болгары. Как показывают источники, в Волжской Булгарии буртасы оказались значительно позже и болгар, и суваров. Полагают, что и в X в. это племя обитало намного южнее Булгарии. «У них [есть] два города — Буртас и Сувар», — писал Ал-Идриси [Ал-Идриси 2006: 121]. Однако он же до этого констатировал, что Сувар — город болгарский, а не буртасский. Курьезно, что Ибн Фадлан, сам побывавший на среднем течении Волги в 922 г., ничего не говорит о буртасах. Также Ибн Хаукал ничего не сообщал о городах буртасов. Видимо, такой путанице есть объяснение. Известно: буртасы после монголо-татарского нашествия смешались с булгарами, мордвой и чувашами. И во времена Ал-Идриси (1100–1165 гг.) в Волжской Булгарии на севере были болгары, к югу от них — сувары и вплотную к ним на юго-западе — буртасы. Таким образом, Ал-Идриси легко мог спутать принадлежность г. Суvara, расположенного южнее г. Булгар. Одновременно следует допустить, что Ал-Идриси мог не различать буртасов и суваров, занимавших в XII в. соответственно западную и южную окраину Волжской Булгарии. Также известно, что в Пензенской области около г. Городище находятся развалины

г. Бургаса. В Чувашской Республике имеется три населенных пункта под названием Бургасы (*Пӳртас*).

Савиры, живя на Кавказе, имели тесные взаимоотношения с персидским миром. Птолемей, в частности, упоминал реку *Сура* (*Σοσρα*) в Иберии [Ptolemaeus 1845: 46; Птоломей 1884: 168]. По-видимому, об этой же реке, протекающей в Колхиде, писал Плиний (et in Surio Colchidis flumine) [Pline 1950: 101; Плиний 1884: 101]. Можно полагать, что гидроним *Сӳр* (в русском произношении — *Сура*) в Чувашию был принесен суварями. Корень **ser-* / **sor-* / **sr-* значит «двигаться», «струиться», «течь» и восходит к индоевропейской основе *sar*, *sru-*. В Чувашской республике встречается множество топонимов *Сура́м* (по-русски — *Сорма*), также восходящих к понятиям «вода», «течь», «течение». Н. И. Егоров считает, что потоним *Сура*, несомненно, индоарийского происхождения [Егоров 2003: 107]. Преимущественные связи савиров с Ираном объясняются географическим расположением. В то же время с Византией у них общих границ не было, а соседние аланы закрывали горные проходы. В конце IV в. гунно-савиры оттеснили алан, проживавших в степях Предкавказья, в предгорья и горы Кавказа.

Археология

По утверждению археологов, процесс ассимиляции центральной части Северного Кавказа пришлыми ираноязычными племенами завершился в начале нашей эры. Как свидетельствуют археологические материалы центральных районов Северного Кавказа III–V вв., вся исследуемая территория имеет сходную материальную культуру. Из этой общности несколько выпадает (в силу малой исследованности) только территория Дагестана. Общность культуры центральных районов Северного Кавказа можно объяснить многочисленными перемещениями племен Предкавказья в связи с усилившейся активизацией сарматских кочевников алан во II — начале III в. Как считает М. П. Абрамова, эти перемещения привели к нивелировке культуры населения Северного Кавказа. Подтверждает она свой вывод таким фактом, как распространение керамики, тождественной по форме и способам орнаментации керамике терско-сунженского междуречья III–IV вв., в горной зоне Северной Осе-

тии, в том числе и в западных ее районах — Дигории. А это может свидетельствовать то, что отдельные ираноязычные группы населения Предкавказья появились в горах до нашествия гуннов. Проникновение ираноязычных племен в горные районы Северной Осетии послужило причиной распространения погребальных сооружений в виде каменных подземных склепов. М. П. Абрамова уверена, что имеющийся материал позволяет говорить о двух группах ираноязычного населения. «Одна из них жила на территории терско-сунженского междуречья, вторая, очень немногочисленная, в районе Кисловодска» [Абрамова 1997: 155]. Для обеих групп характерен катакомбный обряд погребения. В горной Осетии археологические памятники алан датируются начиная с V в.

«Княжеские» и элитные воинские захоронения позднего сарматского и гуннского периодов, открытые на территории Дагестана, определяются концом IV — первой половиной V в. н. э. Это большие курганы (3–5 м высотой) и каменные гробницы. Первые, считают археологи, принадлежали аланской высшей элите, а вторые — представительнице высшей знати княжества Хайдак. «Воинские элитные погребения относятся как к аборигенному дагестанскому, так и к пришлому кочевому населению» [Гаджиев, Малашев 2014: 9]. Авторы статьи приходят к утверждению, что на территории Дагестана сложился центр по изготовлению кольчуг. Панцири и кольчужные доспехи выступали социальными маркерами, престижным снаряжением военной аристократии. А легковооруженная пехота набиралась из числа рядовых общинников.

В Северной Осетии у села Брут обнаружены аланские княжеские курганы V в. с инвентарем из золота и серебра. Здесь же найдены обломки клинкового оружия. Археологи однозначно утверждают, что брутские курганы оставлены группой воинской элиты, а не простыми воинами. Скорее всего, лучшие образцы золотых находок изготавливались не в местных мастерских, а оказались здесь или в качестве трофея, или, что более вероятно, — дипломатических даров. Драгоценные вещи выполнены в полихромном стиле гуннской эпохи. Важным отличием этого стиля от ювелирных традиций скифской и сарматской эпохи является почти полное отсутствие зооморфных мотивов и свободное расположение на предмете вставок гранатового цвета. В науке справедливо считается, что изменение стиля — результат непосредственных контактов

варварских элит с Ираном и Византией. Причем под влиянием Византии оказались западные области Алании, а под влиянием Ирана — восточные. На Северном Кавказе этот водораздел проходил по линии нынешних Минеральных Вод [Габуев 2014: 95–96].

Алано-ассо-буртасское население относилось к салтово-маяцкой археологической культуре. Согласно исследованиям Г. Е. Афанасьева, буртасов можно считать представителями аланской культуры [Афанасьев 1993: 151–153].

Религия

Сам термин *тён* пришел к предкам чувашей из персидского языка в значениях «религия», «вероисповедание», «право». Та же семантика этого слова в авестийских, согдийских и вавилонских памятниках, а также в китайском, арабском, арамейском, древнееврейском, таджикском и других языках. Например, в авестийских источниках *даёна* значит «правильная, зороастрийская религия» [Стеблин-Каменский 2000: 299]. Отсюда *Денкарт* — «свод религиозных предписаний» (ср. чуваш. *тён* «религия» + *карт* (букв. «зарубка») = «письмена на бирке»).

Естественно, усиление влияния Византии через Албанскую церковь в Закавказье вызывало сильное беспокойство шахского двора, издавна насильственно насаждавшего здесь зороастризм. Поэтому шах Ирана Иездигерд II во всех своих владениях в Армении издал указ следующего содержания: «Чтобы все народы и нации, мне подвластные, немедленно бросили свои ложные религии; чтобы все обратились к единому поклонению солнцу, признали его богом, приносили жертвоприношения приличные и были бы все готовы явиться, куда призовет их служению огню, и во всем и в точности исполняли закон магов» [Егише 2006: 30]. С этой целью он направлял свои полчища на провинции Армении. «Неслучайно, освободительное движение в Закавказье, как правило, носило религиозный характер и было направлено как против политического господства Ирана, так и против его государственной религии» [Джафаров 1985: 87]. На этой основе возникали войны. Албанцы и армяне сопротивлялись, как могли. В целях предотвращения святотатства на церковь они объединяли силы. Агафий, описывая со-

бытия последнего десятилетия V в., отмечал, что армяне боялись мести Кавада за разрушение храмов огня, но не намерены были подчиниться. Тогда Кавад собрал войска и взял верх. Тем не менее он обещал, что не станет принуждать к почитанию огня, если армяне будут его союзниками против ромеев. Из боязни армяне согласились [Иешу 2011: 606].

Одним из отличительных обрядов зороастрийцев был погребальный. Например, Агафий оставил рассказ о прощании с полководцем Мермеросом (VI в.). Обнаженное тело героя близкие вынесли за город и оставили, по отцовскому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами [Агафий 1996: 69]. В результате оставались голые кости. Если птицы и собаки не нападали на тело, то такой человек, считали, был порочных нравов. Тяжелобольных простых людей выносили за город еще дышащих и находящихся в сознании, рядом клали кусок хлеба, воду и палку, чтобы защищаться от хищников. Нередко эти отверженные возвращались домой. О следах зороастризма и о данном конкретно обряде в Армении, Азербайджане и Дагестане писали многие средневековые историки. Например, Ибн Русте и Гардизи. Прямые отклики находим в Волжской Булгарии через четыре столетия после Агафия. Ибн Фадлан, в частности, подметил: «Если заболит из их числа человек... никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него разбивают палатку в стороне от домов, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет. Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него» [Ибн-Фадлан 1956: 128]. Выживший в такой ситуации человек возвращался домой, в противном случае он доставался зверям и птицам. О ком идет у Ибн Фадлана речь (о булгарах, о суварях или о эскелах), неизвестно. Впрочем, обычай вкладывать в руку умершему палку для защиты от злых духов четко зафиксирован у чувашей. С этой целью использовали какой-либо прутик, в основном таволговый. Чуваша заготавливали ее задолго до своей кончины, что свидетельствует о традиционной вере в ее защитную функцию. Например, в начале XX в. в деревне Трехизб-Шемурша (Буинский уезд) берегли таволговые прутики на случай смерти. В качестве заменителей таволги могли выступать мордовник, красная полынь или какая-нибудь засохшая жесткая трава. В тех же целях могли вложить в руку покойника тупой нож [Салмин 2016: 188–189].

Зороастризм на Кавказе имел место как в древности, так и в раннее Средневековье, в том числе в Дагестане — родине сави-ров. Исследователи указывают на следы зороастризма в селе Кубачи и близлежащих селениях, а также в Дербенте. В исторических сочинениях Кубачи упоминается в связи с событиями, относящи-мися к VI в. н. э., под названием Зирихгеран, что означает «коль-чугоделатели». Зирихгеран являлся крупнейшим для того времени центром изготовления оружия и для персов имел стратегическое значение. Поэтому насильственное распространение здесь зо-роастризма проводилось целенаправленно. Об этом источники (ал-Гарнати, ал-Казвини) свидетельствуют однозначно. Курганоо-бразные холмы-дахмы близ села Кубачи сохранились и по сей день [Маммаев 2005: 209–215]. «Совершенно очевидно, что каждый на-род считает лучшим и справедливейшим тот обычай, к которому привык за долгое время его существования, а поэтому избегает, ос-меивает и не доверяет всему тому, что делается в его нарушение», — заключил о причинах такого обычая историк [Агафий 1996: 70].

«У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О бу-дущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайны-ми наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещает-ся» [Аммиан 2009: 263]. Констатацию этого факта от 375 г. в целом можно применить как к гуннам, так и к савирам. Для них объектом поклонения служили отдельно стоящие деревья и другие приме-чательные объекты ландшафта. В это время на Северном Кавказе христианство еще не имело силу. Идолопоклонниками назвал ос-новное население аланов и Гардизи [Бартольд 1973: 61].

Исследователи религии аланов V–IX вв. обращают внимание на динамику количества и разнообразия амулетов-оберегов в ка-такombaх того времени. В V в. такие амулеты представляли собой бусы, браслеты, кольца, серьги, бронзовые зеркала и т. д. Тогда обе-реги носили 32% населения. В VI в. по северному шелковому пути в Аланию активно проникает христианство из Византии. В это вре-мя появляются амулеты в виде птицевидных фибул. К VII в. вво-дятся бронзовые амулеты местного производства (миниатюрные

зеркала, кольца с птичьими головками, кольца с шишечками, а также фигурки оленей и быков). В этих оберегах обозначались культы солнца и неба. В VII в. число людей, носивших амулеты, достигло 54% (в том числе среди женщин — 81%). В VIII–IX вв. на амулетах усилились земледельческие символы. В VIII в. на аланской территории возникают святилища. Например, на Маяцком городище, Мокрой балке, Хумаринском городище. Тогда же божества начинают приобретать человеческие черты и, как и люди, нуждаются в жилище [Албегова 2000: 6–7]. Как известно, в VIII в. как болгары, так и савиры еще продолжали обитать на Северном Кавказе и включались в тесные взаимоотношения с аланами и носителями салтово-маяцкой археологической культуры в целом, что позволяет говорить о религиозных сходных взглядах.

Согласно источникам, своих древних традиций придерживались буртасы. По крайней мере, к началу X в. среди них не было ни мусульман, ни христиан [Ибн-Даста 1869: 20; Хвольсон 1869: 79]. Замечание Якута о приверженцах ислама среди этого народа основано на недоразумении, а слова Истахри о булгарах были ошибочно перенесены на буртасов [Бартольд 1963: 868]. Их традиции Ал-Бекри и Джейхани (Jayhani) считали сходными с верованиями гуззов (огузов) [Ал-Бекри 1879: 62; Golden 2011a: 99]. На уровне реконструкции допустимо, что и персоязычные буртасы вели зороастрийский образ жизни, но в X в. они частично приняли ислам.

Известно также, что божество Солнце характеризует верования скифов, почиталось оно массагетами. Эти народы, как и савиры, приносили в жертву Солнцу лошадь. Персы почитают воду, не моют ею даже лицо и другим образом не касаются, за исключением питья и поливки растений [Агафий 1996: 72].

Гунно-савиры, жившие в VII в. на Кавказе, думали, что почитаемое ими божество *Куар* производил искры громоносных молний и эфирные огни. «Когда молния поражала человека или другое вещество, они приносили ему жертвы» [Каганкатвацци 1861: 93]. Таким образом, *Куар* у «гуннов, называемых савирами», — это божество молнии. Слово *кавар* относится к самому древнему пласту чувашской лексики и имеет этимологические параллели в иранских, европейских, тюркских, кавказских, финно-угорских, балтийских и других языках. В грузинской религии божество *Квириа* управляет огнем. «У мгрелов *k+var-i* “колобок”, “хлебец”, “лепешка”,

в частности “культурная”, св. *kvar* (тавр. говор) “хлебец”... св. *kver-ōl* (халд. говор) “маленький хлебец”, обыкновенно выпекаемый для детей... раньше, несомненно, имевший значение “жертвенного хлеба”» [Марр 1935: 265]. Укажем также на афганское *гвар* — «яркий» (о пламени) [Асланов 1966: 615]. *Куар* (*Куэра*, *Куера*) называют божеством индоевропейского происхождения [Амаякян 1990: 167]. Оно было принесено ираноязычными племенами на Армянское нагорье и вошло в мифологическую систему дохристианской Армении. Иранские племена принимали участие в этногенезе армянского народа еще в IX–VII вв. до н. э. И позже до VII в. н. э. кочевые племена иранского мира вливались на Армянское нагорье [Арутюнова-Фиданян 2012: 266, 285]. В качестве раннего источника этого слова исследователи указывают на язык Авесты. П. И. Лерх в рецензии на книгу «История агван», в частности, писал о том, что *Куар* напоминает иранское слово и ссылаясь на авестийское *hvarē*, означающее «солнце» [Лерх 1861: 490]. В.И. Абаев находил это слово у осетин в форме *xur/xor* и возводил к др. — иран. **hwar* — («солнце») [Абаев 1989: 246–248]. И. М. Стеблин-Каменский, кроме древнеиранского *hvar* и согдийского *xor*, указывает на варианты из ваханского языка и из языков шугнано-рушанской группы: *hvar* «солнце», *xəwər* «солнцек» и *hvar̥tara* «время около полудня» [Стеблин-Каменский 1999: 415, 426]. Таким образом, подтверждается гипотеза В. Г. Егорова о родстве чувашского *кӱвар* с древнеиранским понятием «солнце». В этой связи языковед напомнил древнее название *Хорезма*: персы называли его *Хуваразмис*, арабы — *Хваризм*, т. е. «солнечная страна» [Егоров 1964: 57]. Варианты слова *кӱвар* зафиксированы в IX в. Ибн Хордадбехом: *ал-Хаварустан* (город в иранской провинции Шираз), *Кувар* (округ и город в Иране) [Ибн Хордадбех 1986: 72]. Если учесть, что у чувашей божество грома — это *Аслати* [Салмин 2016: 258–260], то понятию *Кӱвар* соответствует божество молнии у гунно-савилов. По этой же причине нуждается в корректировке утверждение А. Б. Булатова и В. Д. Дмитриева о том, что суварскому божеству молнии и грома *Куара* соответствует *Аслати турӑ* [Булатов, Дмитриев 1962: 233]. Как видим, несмотря на то, что *Кӱвар* у савилов символизировал молнию, а также имел этимологическую и функциональную связь с божеством *Х вел* «Солнце», эти два понятия в последующем не закрепились за ним. Оказавшись в X в. на правом берегу Волги, су-

вары окончательно стали оседлыми земледельцами, а за божеством *Кӑвар* утвердили функцию покровителя очага и семейного благополучия. При этом исконная семантика сохранилась.

Если сразит молния, но при этом человек останется в живых, то осетины его закапывали в землю [Дмитриев 2015: 347]. Аналогично поступали чуваши. Но что здесь первично: или семантика захоронения, или рациональный момент? Чуваши, например, полагали, что таким образом электрический заряд переходит из человека в землю.

В верованиях чувашей имеет место божество *Аша* или *Аша турӑ*. Соответствует авестийскому понятию «Аша — порядок, истина, справедливость (принцип, правящий всем миром)» [Стеблин-Каменский 2003: 334]. Корень чувашского слова — *аш*, т. е. «переходи, преодолевая препятствия» (обычно в виде воды, грязи). В киргизском *ас*, алтайском, башкирском и татарском *аш* означает то же самое: «через, сверх, перейти». Полное совпадение этих терминов наблюдается и на семантическом уровне.

Аша как в чувашском пантеоне, так и в авестийских гимнах является символом разума и наилучшего распорядка. *Айван ашана каçар тире* «Прости нам наше неразумие», — говорят чуваши в молениях. Авестийцы воспевали свое божество *Аша* в специальном гимне «Аша Вахишта-яшт». Поскольку зороастрийская религия в основе дуальная, божеству правды-праведности противостоит божество лжи *Друг*. Согласно зороастрийскому афоризму, «Есть лишь один путь, этот путь Аша, все остальное — беспутье» [Брагинский 1987: 142]. Как божество справедливости, *Аша* может благословить на праведные дела против зла и лжи.

Мост Чинват (чуваш. мостик в обряде *юна*) могут перейти лишь те, кто является преданным последователем *аша* — правды и порядка, т. е. *аша* приравнивается ведическому *рта* — фундаментальному принципу индоиранской религии [Gnoli 1995: 334]. *Аша* «Правда» является ближайшим помощником и опорой Ахура Мазды.

Поскольку любой человек — это всего лишь произведение Творца, а не божественная суть, то он склонен совершать ошибки и подвергаться соблазну. Поэтому рано или поздно придет время раскаяния. Божество *Аша* является тем лицом в пантеоне, к которому обращаются с просьбой простить за неразумные поступки, слова и мысли. Логично у него же просить разум и удачу.

В словосочетании *Аша каşар* слово *каşар* буквально означает «переводи», «способствуй переходу через трудное препятствие», а также приобретает переносное значение «прости». Так, в молении по случаю инициирования дождя, в частности, говорят: «Есть известные нам (правила), есть и неизвестные, Аша, прости». В домашних молениях во время еды каши в финале ритуала обязательно следует произнести: «Аша, прости нас». Позже смысл слова *Аша* был утерян, а выражение «Аша, прости» стали понимать только как «пожалуйста, прости», «прости из снисхождения», «снисходительно прости» [Магнитский 1881: 50, 71, 83].

В «Авесте» на этот счет имеются пространные толкования. Например, основательно объясняется, что перед *Аша* могут молиться только люди без физических и моральных изъянов.

Термин *Аша* в чувашских верованиях и мифологии часто встречается в сочетании *Аша патман карчйак* «старуха Аша патман». Например, в лечебных заговорах: «Из-за Волги, из-за Суры пришла невредимая старуха Аша, она дует, она плюет: пусть ее дуновение, пусть ее плевание будут полезными, пусть не будет нужды больше дуть». Согласно одному из вариантов, старуха эта проживает в озере в темном лесу, а лес — в степи. Волосы у нее золотые (седые, серебряные, медные). Единственный во рту зуб — золотой (серебряный, железный), язык у нее стальной, посох железный, волосы медные, глаза жемчужные. Как писал Н. И. Золотницкий, «старуха эта, по своему значению, должна принадлежать к числу добрых земных божеств» [Золотницкий 1875: 177]. В Авесте *Аша* также женского пола.

Н. А. Андреев-Урхи вместо *патман* советовал читать *атман* и видел связь с древнеиндийским *Атман* (источник и носитель субъективного «Я») [Андреев 1975: 98]. Выходит, одни видят в мифической старухе невредимое божество, способное излечивать, а другие имеют в виду старуху, обладающую магической силой снимать сглазы и наговоры. В принципе, суть одна. К тому же, действительно, в чувашских текстах термин «старуха Атман» имеет место.

Ее лечение всегда имеет положительный исход. Она не фигурирует в ритуалах с отрицательными целями. Например, в тексте заговора, записанном в 1927 г. от Д. Падимировой Н. Я. Золотовым, снимать сглаз из-за Волги приходит старуха *Аша патман*. Волосы у нее золотые, зубы серебряные. Она является в виде грома и мол-

нии, но мощнее грома и молнии. В то же время в заговоре колдуньи, направленном на порчу, вместо *Aша патман* действует злой дух, а является он не из-за Волги, а сквозь три слоя преисподней. Его колдовство, наоборот, приносит облегчение самому злему духу, а адресату — невыносимый недуг [СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 3. 27: 34, 38].

Наличие в чувашских источниках термина *аша юпи* в значении центрального столба в доме дает возможность причислять божество *Aша* к домашним божествам. Ведь и авестийское понятие *аша*, и ведийское **arta-*: *rtá-* «персонифицированное божество истины» [Расторгуева, Эдельман 2000: 207] подразумевают слаженную жизнь в семье. Феномен *аша юпи* / *уша юпи* соотносится также с авестийским божеством утренней зари *Ушахина*.

Аналогичный авестийскому демону *Aži Dahāka* в чувашских верованиях имеется дух *Açтаха*. Армянской формой является *Aždaha*, заимствованная из парфянского языка [Russel 1987: 205].

Совершенно одинаковое представление о домашнем змее у осетин и чувашей. Осетины их держали в жилых помещениях, поили молоком, ибо, согласно верованиям, счастье и благополучие семьи зависит от живущих в доме змеев. Трогать и убивать домашних змеев категорически запрещалось. В некоторых горных селениях Осетии они свободно обитали во дворе. В основе такого благоговейного отношения к домашним змеям лежит представление о том, что в образе змеи дом посещает дух предков [Чибиров 2012: 425, 427]. Аналогичное отношение к змею, обитающему в пределах домашнего хозяйства, было у чувашей. Они также ставили домашнему змею в укромном месте молоко. Он оберегал дом от бед. Обижать его категорически нельзя. Ибо он может покинуть такой дом, уведя с собой благополучие, достаток и изобилие [Ашмарин 1934: 212–213].

К числу заимствованных религиозных персидских терминов следует отнести и понятие *эрие* «неделя», «пятница» у чувашей. Бернат Мункачи возводил его к персидскому **адта* и объяснил изменение $\delta > z > r$ в чувашском [Munkácsi 1926: 42–64]. В других персидских заимствованиях чувашского языка такое изменение не обнаруживается. Оно было характерно для персидского диалекта VII в. в окрестностях Баку и Дербента. Из него древние чуваша и заимствовали это слово в форме *эрие*. Как известно, пятница стала священным днем и для предков чувашей.

Некоторые иранизмы до сих пор бытуют в чувашских деревнях в виде прозвищ. Например, в деревне Старое Ахпердино Батыревского района в недавнем прошлом жил Иван Салмин, более известный в народе как *Ахун Ванюк*. Естественно, *ахун* — слово персидское («старший мулла»), вошло оно через ислам и отражает исторические реалии.

В качестве гипотезы можно предположить, что савиры и предки ведийских и авестийских арий в истории имели культурно-религиозную общность или контакты. Таким контактным пространством были Передняя Азия и Кавказ, временем — V в. до н. э. — VII в. н. э. Например, божество *Армази*, принесенное из Ирана, имело место в дохристианской Грузии [Jong 2015: 125], а в фольклоре чувашей имя этого божества сохранилось как название горы *Арамаџи*.

Рассуждая об исконной религии народов Волжской Булгарии, А. Ф. Лихачев заметил, что «она в силу давности и посторонних влияний очень искажена, но и в том виде, в котором мы ее находим теперь у чувашей, она изобличает свое происхождение от древней парсийской религии и была занесена к булгарам из Персии, вместе с большим количеством слов персидского языка, донные оставшихся в языке чувашей» [Лихачев 1876: 3]. Имело место влияние зороастрийской религии и через Согдиану (на древнеперс. *Suguda*; перс. *Sōgd*; тадж. *Sughd*, греч. *Сугуд*, на чувашском — название ряда деревень и речки *Сăкăт*).

Язык

В зороастрийской и ведийской религиях есть божество воды *Арас/Араһ* [Елизаренкова 1999: 153]. В пехлевийской мифологии имеется божество, иссушающее воду, это *Араоџа*. Корень слова *ар-* означает персонифицированную воду в виде рек, озер и водоемов [Bartholomae 1904: 325–329]. Персона женского пола. Она исцеляет и отвечает за здоровье людей. Ее просили наделять людей жизненной силой. В древних индоарийских языках *ár-* значит «вода». Например, в Ригведе *арás*. В Авесте *ар-* «вода» (ав. AkkPl *apas-čā*), в тохарском языке также *ār* «вода, река, поток» [Maughofer 1986: 81; 1973: 126].

Как известно, имя одного из трех братьев в скифской легенде, зафиксированной Геродотом, — *Араxšaya* [Геродот 1993:

кн. VI, 5–7]. Вторая часть имени определенно из др. — инд. *xṣāya* «повелитель», «владыка», «царь». А этимологию второй части имени впервые расшифровал В. И. Абаев. Она читается через осетинское **āpra-* (< *āp-* «вода») [Абаев 1949: 242–243]. Так считал и Э. А. Грантовский: **Āpaxṣāya* «означает “владыка глубины”, водной и земной, но выражалось это понятие (ср. имя скифской богини земли и воды: **Āpi* — “вода”) через “владыка (водной) глубины, реки или моря”» [Грантовский 1960: 7].

Поучительна история слова *anās*. Н. И. Ашмарин, В. Г. Егоров и М. И. Скворцов по отношению к понятию *anās* использовали термины «жрец», «руководитель», «администратор на жертвоприношении», «глава», «колдун». Как правило, *anāsami* были пожилые женщины и бабушки. Зафиксированные тексты об этом предводителе говорят как о главе молений, ибо она знает молитвы, которые следует произнести на молениях, лучше, чем другие. Ходит по домам, как правило, по приглашению, проводит наиболее сакральные части ритуалов. В своих лечебных наговорах и шептании все время говорит и действует от имени мифической старухи, прибывающей с острова из-за 77 морей, из-за 77 лесов. Использует кружку воды. Вместо жертвенного дара часто использует пиво. Ее же просят совершать и ритуалы с использованием каши. Иначе говоря, жрец *anās* совершает домашние ритуалы, а в качестве лечебных средств использует наиболее древние — наговор, воду, пиво и кашу.

От начальной формы *anās* получилось *anāsла* («как апās», «подобно апāsу», «в манере апаса»). Термином *anāsла* чаще всего обозначали манеру одевания во время ритуала. Из зафиксированных описаний видно, что *anāsy* имели отличительную от повседневной одежду или, в большинстве случаев, надевали обычную одежду не так, как принято. Сохранилась запись, сделанная в 1905 г. среди чувашей Стерлитамакского уезда Башкирии. Некая знахарка Чатук рассказывала: «Перед началом очередного знахарства я одеваюсь как апās: привязываю поясное украшение сарā спереди (обычно прикрепляемое сбоку. — А.С.), (обуваю) лапти носом назад; переворачиваю онучи, распускаю волосы, развязываю ворот рубахи, под ноги кладу метлу» [ЧГИ 152: 87].

Соответствие древнеиранского и индоарийского *āpas* и чувашского *anās*, должно быть, имеет место. Одновременно автор этих строк не склонен воспринимать чувашское *anās* как заимствование

из ислама. Аналогично в персидском *аб*, в таджикском — *об* «вода», а также древнегреческое *ор* (например, в имени *Πηρολόπεια*) [Curtius 1873: 276; Асимов 1985: 112]. Как чувашский жрец, так и зороастрийское божество воды *Āpas*, и ведийское божество *Ārah* в своих лечебных наговорах широко пользовались водой.

Как видим, между чувашским медиумом *ánās*, зороастрийским божеством воды *Āpas*, ведийским божеством воды *Ārah* имеется функциональное, семантическое и этимологическое родство. Контакты предков чувашей и носителей зороастрийских верований относятся, должно быть, к среднеперсидскому и древнеперсидскому временам. Регионом такого взаимодействия следует считать Кавказ.

Чувашское слово *карта* «изгородь» прошло три этапа в истории своего образования. Об этом свидетельствует иранская (персидская) лексика. Так, чувашское *кар* «огородить» имеет прямое соответствие с иран. **kar* — «проводить черту, борозду» (семантика «пахать»). Отсюда названия городов *Шунашкар* (Чебоксары), *Сык-тывкар*, *Кудымкар*, т. е. огороженные города-крепости. Это первый этап в истории слова. Затем при помощи морфемы *-т* образовалось новое слово с сохранением старой семантики: *карт* — «сделать зарубку»; «зарубка», «метка», «бирка». Ему соответствует иранское (персидское) **kart* — «резать», «разрезать», «кроить». Это второй этап. Прибавив к полученному слову еще одну словообразовательную морфему, получили *карта* — «изгородь» (*карташ* — «двор»; т. е. то, что внутри загороженного пространства — это уже дополнительное продолжение). В иранском (персидском) ему соответствует **karta* — «нож», «меч», «кинжал» (т. е. то, чем «зарублено, прочерчено») [Ашмарин 1934: 85–116; Эдельман 2011: 270–314]. Выходит, все три этапа исторического развития слова нашли отражение в персидском и чувашском языках. Несомненно, мы имеем хронологию, соответствующую последним векам до нашей эры — первым векам нашей эры. Иначе говоря, в языке предков чувашей имелся слой персидской лексики.

В ряду селений сартов, живущих на южных склонах Тянь-Шаня, есть и деревня под названием *Эдиль*. Это не что иное, как вариант чувашского названия реки *Атъл*. Сарты сильно отличаются от остального тюркского населения Средней Азии, а внешне они очень похожи на таджиков. У них у всех интенсивно черные волосы, большие, глубоко сидящие черные глаза, с кустистыми черными бровями,

большой изогнутый нос, густая растительность на лице. В Хиве они говорят по-персидски и считаются потомками персидского коренного населения. Все эти факты позволяют предположить, что сарты — туркизированные персидские аборигены. Сами сарты о своем происхождении не могут сказать ничего [Радлов 1989: 102]. На этом основании следует считать, что название селения *Эдиль* также персидское. От сартов до современных чувашей дошли также слова *kijamat* (чуваш. *хăямат* — «иной мир») и *kijamatlik* (чуваш. *хăямат-лăх* — «посажённый отец») [Радлов 1899: 853].

Чувашское слово *кёне* «рубашка» В. Г. Егоров сопроводил оговоркой: «Вероятно, слово это иранского происхождения» [Егоров 1964: 106]. Встречается в языке пехлеви (*канах* — «плащ»), персидском (*каба* — «длинная мужская одежда, надеваемая на рубашку»). В словаре Махмуда Кашгарского упоминается *кўбе* в значении «кольчуга» («защитная рубашка из металлических колец»). В Болгарии близ Преславы найдена гранитная колонна со старинной надписью, где четыре раза повторяется слово *кўне* в значении «кольчуга». Также известно, что из Волжской Булгарии в Хорезм вывозили кольчуги. В кавказских языках имеем варианты этого слова (груз., мегр., бежт., кунз., уд. *kaba*, сван., бацб. *kab* [Климов, Халилов 2003: 174–175]). *Масар* «кладбище» восходит к персидскому этимону *мăзар* «гробница, могила», в лаз. *meza(r)e* «могила».

В конце II–II вв. до н. э. в Центральный Кавказ с Дона и из Нижнего Поволжья вторгаются ираноязычные племена — сарматы. Греческие и римские историки часто упоминают эти племена. Среди них аорсы, одни из близких соседей савиров на Северном Кавказе. Иначе говоря, савиры также подвергались глобальной иранской «переработке», в первую очередь в антропологическом, культурном и лингвистическом отношениях. Например, общее для осетин и чувашей слово *дон/тан* («вода», «река») является наследием скифо-сарматских времен: скифо-сармат. *dānu* (восходит к и. -e.), отсюда *Danuvius*. Притом авестийское название реки сохранилось во многих гидронимах Юга России: *Дон*, *Днепр*, *Днестр*, *Дунай*, *Донец*. На рубеже эр прилегающие территории были заселены скифами.

Осетинское слово *ændon*, а также чечен. *ondu(n)*, ингуш. *ondæ*, убых. *ⁿndān*, грузин. *dana*, даргин. *šandan* в значении «сталь», «твёрдый», «зубило», «нож» заимствованы из иранского (скифского) языка. Произошло это в период скифских (аланских) вторжений

в Закавказье и Переднюю Азию [Абаев 1963: 203–207]. В чувашском языке имеем форму *янтав/янтал* в значении посуды из красной меди, на коротких ножках и с продолговатым трубкообразным рыльцем [Ашмарин 1929б: 198].

Иранское (персидское) слово **h(u)uar-/*x^{ar}-* значит «солнце», чаще — божество Солнце. В Авесте *Hvar* — «имя божества» [Расторгуева, Эдельман 2007: 438–439]. В чувашском ему соответствует *кӱвар* («горячий уголь»).

Персидское **h(u)ua-/x^a-/hu-* — местоимение «сам, себе, себя». В Авесте — *xva* — («свой») [Расторгуева, Эдельман 2007: 422–427]. В чувашском языке имеет соответствие в формах *хуа/хва/хӱв/ху*. Персидское **gay-/gau-* — «бык», «корова» [Расторгуева, Эдельман 2007: 205–215]. В чувашском сохранилось в форме *кав(ле)* «жевать», т. е. жвачное животное.

Показательно слово «сковорода»: персид. *tabag* → чуваш. *туна*. Здесь следует обратить внимание также на армянское *տանակ/մ^hա-ա*. Поэтому вполне допустимо, что слово к предкам чувашей пришло еще в последние века до нашей эры. В современном разговорном языке почти не используется. Вместо понятия «сковорода» сегодня в литературном языке в обиходе слово *сатма*.

Явно осетинский этимон просматривается в чувашском слове *хӱмла* («хмель») ← *x ymællœg* [Абаев 1989: 261–262; Дыбо 2015: 38]. Савирские следы находим в топонимике Осетии. Так, Дигорское ущелье прежде именовалось *Сафари-ком (Савир-ком)*, т. е. «Ущелье савиров». Аналогичное название имело поле у села Тменикау. В том же ущелье есть *Савартизон-хох* («Савирская вершина»). Были известны также солевой источник *Савир* и река *Савир-дон* [Глашев 2009: 27].

В чувашский язык персидское слово *кил* «дом» могло войти через хазарское посредство, вытеснив первоначальное обозначение дома — *ӱв*, — от которого сохранилось единственное производное *авлан* — «жениться», т. е. «заиметь дом». Старая форма **кел* сохранилась во многих ойконимах: *Саркел* (хазарский город IX–X вв. на Дону), *Микушкел* (Исаклинский район Самарской обл.), *Йӱвашкел* (в Комсомольском районе Чувашской Республики и Черемшанском районе Республики Татарстан), *Тускел*, *Пӱтрекел* (Шигонский район Самарской области) и др.

Для иллюстрации приведем еще ряд персидских (осетинских, дигорских) заимствований (соответствий): лошадь — чуваш. *лаша*

← иран.: осет. *lasæg*; конь — чуваш. *ym* ← иран.: перс. *ah̄tā* («конь кастрированный»); бык — чуваш. *вӑкӑр* ← иран. авест. *uxsā*; враг — чуваш. *тӑшман* ← перс. *dūšman*; ясень — чуваш. *каврӑс* ← осет. *kæerz*; борзая — чуваш. *акар* ← осет. *jegar*; коса — чуваш. *çava* ← осет. *сæвææg*; рогоз — чуваш. *чакан* ← осет. *jegen*; плохой, нечистый — чуваш. *харан/харам* (*харамы кай* — «пусть не будет прока»; «бесполезный») ← перс., араб. *harab*; друг — чуваш. *тус/мос* ← перс. *dust/dost*; коса — чуваш. *çивӗч* ← осетин. *čāwāg*; мучение — чуваш. *асан* ← перс. *āzab* (дигор. *azap*) «мучение», «грех»; лошадь — чуваш. (дет.) *пах(ха)* ← дигор. *бӕх*; сыр — чуваш. *чӑкӑт* ← осет. *цыхт*. А также слова *ақтаха* «дракон», *янавар* «животное», *начар* «плохой», *патша* «царь», *пахча* «огород», *тараса* «весы», *чаршав* «занавеска», *вут* «огонь, пламя», *тав* «спор», *ӑнкар* «сообрази», *ниме* «помочь», *тӗрӗ* «вышивка», *шӑртман* «бараний желудок, начиненный мясом», *шерпет* «медовый сироп» и т. д.

Чувашское слово *шӑлавар* «брюки» восходит к иранскому субстрату **šaravāra* «штаны». В кавказских языках: груз., мегр. *šarval-i*, лаз. *ša(r)vali*, сван. *šalbäl, šarval*, чеч., инг., авар., кар. *šarbal*, анд., аг. *šatwar*, чам. *šarbala*, дарг. *šalbar*, аг. *šawelar*, грыз., буд., хин. *šalvar*, буд. *šalval*, уд. *šarval* [Климов, Халилов 2003: 178–179]. Данное слово в том же значении попало в греческий (*σαραβάρα*) и турецкий (*šalvar*) языки.

Янавар «животное» происходит от перс. *джанвӑр* «животное», «зверь», «душа», в авар., цах., таб. *žanawar*, дарг. *žanivar*, лезг., аг. *žanawur*, уд., хин. *žanavar* [Егоров 1964: 353; Федотов 1996а: 500; Климов, Халилов 2003: 225]. Чуваш. *айван* «наивный» имеет этимологическую связь с осетин. *хажван* «домашнее животное». *Халӑх* «народ» происходит от перс. *хӑлг* «народ», «люди», «толпа»; в кавказских языках (груз., мегр., сван., чеч., инг., бацб., авар., анд., кар., ахв., багв., чам., ботл., год, цез., хварш., бежт., гунз., гин., лак., дарг., арч., лезг., таб., аг., буд.) *xalx-i, xalq, xalx, xalqe, xalqi* [Егоров 1964: 285; Климов, Халилов 2003: 264]. Чувашское *пасар* восходит к персидскому *базар* [Егоров 1964: 144; Федотов 1996: 388–389]. В кавказских языках (груз., мегр., лаз., абаз., уб., каб., чеч., инг., бацб., авар., анд., кар., багв., тинд., чам., ботл., год, цез., хварш., бежт., лак., дарг., арч., лезг., таб., аг., цах., рут., крыз., буд., уд., хин.) *bazar-i, bazaar, pazar, bəzər* [Климов, Халилов 2003: 268]. *Паха* происходит от перс. *bāha*, **baga* «цена», «доля» [Федотов 1996: 392;

Расторгуева, Эдельман 2003: 48]. В кавказских языках (анд., кар., ахв., багв., тинд., чам., ботл., год., цез., хварш., бежт., гунз., гин., лак., дарг., арч., лезг., хин.) *baha* [Климов, Халилов 2003: 271]. *Чун* «душа» от перс. *jān* [Егоров 1964: 327; Федотов 1996а: 423]. В кавказских языках (дарг., аг., цах., рут., крыз., буд., хин., азерб.) *žan, žan, žin* [Климов, Халилов 2003: 273]. *Ёмёт* «мечта, надежда» происходит от перс. *omid* [Егоров 1964: 64; Федотов 1996: 150–151]. В кавказских языках (груз., мегр., сван., бацб., лак., дарг., арч., лезг., таб., аг., цах., рут., крыз., буд., уд., хин., тур.) *imed-i, imed, umud, umut, umid, ümüd* [Климов, Халилов 2003: 274–275]. *Тепт* «мучение, страдание» происходит от перс. *dart* «боль, недуг» [Егоров 1964: 243; Федотов 1996а: 209]. В кавказских языках (груз., лаз., лезг., таб., аг., цах., рут., крыз., уд., хин., азерб.) *dard-i, derdi, derd, dard, dārd, dart* [Климов, Халилов 2003: 276]. *Сърнай* «духовой музыкальный инструмент» происходит от перс. *sur* «пир», «свадьба» + *nei* «флейта» [Егоров 1964: 184; Федотов 1996а: 31–32]. В кавказских языках (груз., мегр., лаз., инг., бацб., авар., анд., кар., ахв., багв., тинд., чам., ботл., год., цуз., хварш., бежт., гунз., гин., дарг., лезг., таб., аг., цах., крыз., уд., хин., тур.) *zurna, zurna, zurna, zürna, zürne, surna, zırna* [Климов, Халилов 2003: 302]. *Эхер* «если» происходит от перс. *ägär* «если», «если бы» [Егоров 1964: 347; Федотов 1996а: 482]. В кавказских языках (лаз., лак., дарг., таб., аг., цах., рут., крыз., буд., уд., хин., тур., азерб.) *eger, agar, egär, ägär, ägära* [Климов, Халилов 2003: 375]. *Тамаша* «удивительное зрелище» происходит от перс. *temâšâ* «невидаль» [Егоров 1964: 229; Федотов 1996а: 169]. В кавказских языках (груз., тур.) *tamaš-i, temaşa* [Климов, Халилов 2003: 466]. Чувашское слово *çар* находит прямой отклик в грузинском *žar-i* «войско». Отсюда *žarışkac-i* «войска + мужчина». См. также мегр. (*n*)*žar-i*, сван. *žār*, бацб. *žar* [Климов, Халилов 2003: 259–260]. Однако в конечном счете слово восходит к персидскому *čārik* [Егоров 1964: 203].

Понятие «род» («племя», «клан») у чувашей выражено двояко: *măxăm* и *nesĕl*. Оба слова имеют персидский этимон: *toxm* «семья», «яйцо» и *nâsl* «поколение», «потомство», «племя». В кавказских языках: *măxăm – tuxum, toxum, tohm, toxum* (лак., аг., арм., цах., рут., авар., анд., кар., ахв., тинд., чам., год., ботл., цез., хварш., бежт., гунз., гин., арч., лезг., азерб.); *nesĕl – nesil, nasul, nasil* (лезг., таб., цах.) [Егоров 1964: 138–139, 240; Федотов 1996: 201–202, 373; Климов, Халилов 2003: 266, 268].

Ряд персидских заимствований имеет место как во многих кавказских языках, так и в современном чувашском языке. Например: нищий — чуваш. *мёскён* «бедняжка», «нищий», «жалобный», гин. азерб., гин., дарг. *miskin*, чеч. *miska*; слуга — чуваш. *хёсмет* «служба», лаз. через тур. *hizmetjar* («слуга»); часы — груз., мегр., лаз. *saat-i*, сван. *sät*, абаз., уб., инг. *sahat*, уд. *sahad*, чуваш. *сехем*. Персидское слово *kadi* «судья» вошло в следующие языки: лаз. *kadi*, уб., авар., анд., цез., бежт., гунз., гин. *qadi* [Климов, Халилов 2003: 41, 47, 130]. В чувашском языке *Kamu* (в произношении *каду*) — имя женское и мужское, а также название рода и прозвище. У чувашского слова *катан* (чаще встречается в словосочетании *катан пур* — «холст», «полотно») этимон персидский или арабский. Но, несомненно, имеет переднеазиатскую «прописку». На это однозначно указывал В. И. Абаев. В разных вариантах зафиксировано в ассир. *kitinmu*, сир. *kettānā*, араб., перс. *katān* «лен», «льняной», тюрк. *kātān* «лен», «полотно», арм. *ktan*, груз. *katani*, дарг. *katan*, лезг. *keten*, адыг. *kātān* «холст», инг. *kætæ* «полотенце» [Абаев 1958: 594–595], абаз. *gatan*, уб. *ʔatan* [Климов, Халилов 2003: 147]. Персидское слово *Пейгам-бәр* в адыгских языках имеет форму *Пегьымбар*, в чувашском — *Пихампар*.

Некоторые заимствованные из персидского языка слова в чувашском обрели иные семантические нюансы. Так, если в чувашском *таса* прежде всего понимается как «чистый», то персидское *tāzah* в основном значит «новый» [Дыбо 2015: 401]. Сюда же относится чувашское слово *тупхан* — «тархан» (согд. *trʾn*, *trχʾn*, сак. *ttarkana*, осет. *tærxon*, восточноиран. **tarkanaya-/tarkanī-*).

Н. В. Пигулевская считала, что гуннское и тюркское письмо, которое названо скифским, было письмо согдо-манихейское или согдийское. Епископ Кардост, пришедший в 537 г. из Арана, принадлежал к области, населенной арийцами и, возможно, говорившими на одном из иранских наречий. Тогда вполне допустимо, что он владел согдийской письменностью. Одновременно «много оснований предполагать, что гунны, с которыми имели дело Кардост и Маркар, были гунны-сабиры» [Пигулевская 2011: 310]. Такая гипотеза подтверждается и тем, что византийские историки очень часто писали о «гуннах, называемых савирами». Выходцем именно из их среды был савирский князь Ἄμ(β)ᾶζούχης, носивший иранское имя [Дерфер 1986: 100]. Конечно, имя третьего сына Куврата Аспаруха

также иранское (ср. иран. *asp-*, древне-бактр. *Aspa* — «лошадь»). Пласт ирано-персидских антропонимов у чувашей значителен. Сюда следует отнести всем известное название хазаро-савирского города *Семендер*, находящее прямое соответствие в чувашском имени *Сементер* (звук *t* между гласными произносится как звонкое *ḍ*), ср. также *Автер*, *Мухтер*, *Ухантер* и далее.

С начала X в. в основном через Хорезм происходит приток персидских и арабских слов, главным образом, вместе с исламом. Эти слова помогают нам реконструировать историю средневековых чувашей. Например, словом для понятий «мен», «person», «human being» в чувашском языке является *сын*. Оно происходит от персидского *jān* («душа», «витальный дух»), а не от монгольского *jon* («человек») [Róna-Tas 2007]. Персидское слово *γавуа* вошло во все тюркские языки. Зафиксировано оно и в поэме Юсуфа Баласагунского (XI в.). В чувашском языке *хавха* означает «молва», «слух», «шум». Слово вошло также в арабский язык [Наделяев и др. 1969: 196; Федотов 1996а: 304]. Ср. также: согд. *žayār*, чуваш. *сухӑр* («кричать»); тадж. *савоб*, чуваш. *сӑван* («блаженство», «благодарность») и т. д. Персидское *band* («повязка», «завязка») запечатлелось в чувашском слове *суппан* (женское головное полотенце), **bayra* — («гнедой») — в *пӑвӑр*, **çatçar* («четыре») — в *чатӑр* («навес над постелью»), а *māzā* («вкус», «хороший вкус») — в слове *тутти-маси*.

В древнем и средневековом Ширване проживали как булгары, так и савиры, говорившие на персидском языке, по крайней мере, понимавшие персидскую речь.

Этнография

Смешению савиров с персами способствовало и сотрудничество в военном деле. Так, Хосров имел только ядро регулярной армии, а основную массу в боевых действиях составляли соседние кочевники, в первую очередь — савиры.

Западное побережье Каспийского моря с юга до Дербента контролировали иранские племена маскуты, упоминаемые с I в. н.э. Геродотом и Плинием Старшим.

Под ранними аланскими племенами понимают группы сарматов, которые были современниками первых аланов и которые упо-

минаются в древних источниках под этнонимом, включающим элемент **arusa-* (аорсы) [Алемань 2003: 36]. Птолемей считал аланов (алуанов) скифским племенем и включал их в число великих народов [Птолемей 2009: 186]. Для этнографического описания иранских племен на Северном Кавказе ценным представляется труд Аммиана Марцеллина (330–395 гг.) «Римская история». Он писал, что бесконечные степи Скифии были населены аланами. Аланы изнурили своих соседей постоянными походами и постепенно распространили свое имя и на них.

Лукиан (120 — после 180 г.) отмечал, что аланы не носят длинные волосы, что отличает их от скифов [Лукиан 2009: 174]. Однако Агусти Алемань не согласен и утверждает, что данный факт не достоверен [Алемань 2003: 144–145].

Замечания Аммиана об аланах одинаково применимы и при характеристике соседних племен: «У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми... У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении» [Аммиан 2009: 262].

Однако современные данные дистанционного зондирования Земли и палеоботанические исследования опровергают утверждения историков об отсутствии земледелия у аланов. В связи с поиском агроландшафтов, не потревоженных поздним антропогенным воздействием, особое значение имеет изучение окрестностей Кисловодска. Здесь, как в своеобразном заповеднике, сохранились в неприкосновенности многочисленные следы человеческой деятельности в виде поселенческих памятников разных видов, а также сопровождающие их участки земледелия. Исследователи обращают внимание на следы террасирования, которые связывают с деятельностью аланских племен эпохи раннего средневековья или с сельскохозяйственной активностью населения майкопской культуры. В почвенных разрезах на реке Перепрыжке обнаружены фрагменты керамики разных периодов: найдено 200 фрагментов керамики кобанской культуры предскифского этапа (IX–VI вв. до н. э.) и 57 фрагментов III–IV вв. н. э. Также выяснено, что земельные угодья распахивались плугом или ралом с отвальной доской. Существование отвальных пахотных орудий с упряжкой из нескольких пар волов или

быков подтверждается формой террасных наделов, имеющей слабо выраженный S-образные изгибы в местах разворота упряжки и пахотного орудия. Об этом же говорит высокая концентрация костей крупного рогатого скота [Коробов, Борисов 2012: 50–58].

Обитавшие в степях и на равнинах Кавказа гунны и савиры практически забросили земледельческие занятия. В регионе кочевников ждала благоприятная природа: зеленая трава, дикие фруктовые деревья, полноводные реки. Все племена почти одинаково были привязаны к коням и упражнялись в воинских делах. Счастливым считался тот, кто погибал в бою. Старики не находили уважения, немощных преследовали насмешки. Снежные горные перевалы аланы преодолевали на круглых лыжах-снегоступах [Феофан 1980: 66]. Это были башмаки с прикрепленными на подошвах железными кругами [Чичуров 1980: 139].

Во времена Лукиана (ок. 120–180 г. н. э.) аланы в сражениях в основном пользовались стрелами и дротиками [Лукиан 2009: 175].

Часть аланов и савиров, обитавших в Алвании, в 576 г. стали подданными римлян [Menandr 1829: 317; Менандр 2003: 297]. Этот факт говорит в пользу того, что аланские и савирские племена долгое время жили в тесном соседстве. А это, естественно, сказалось на этнографическом взаимодействии.

Единственными наследниками средневековых аланов являются осетины [Алемань 2003: 32]. С осетинами у чувашей общность даже на уровне этнонимов. Если на Кавказе предков чувашей называли *савары/савиры*, то в языке современных сванов сохранилось название древних осетин — *савиары* [Волкова 1973: 109]. Исследователь духовной культуры осетин А. А. Чибиров подчеркивает, что «весьма существенны аграрные параллели осетин с чувашами» и видит в этом влияние на культуру чувашей скифов и сармато-алан [Чибиров 2008: 556].

Большое значение на ритуальных трапезах осетин имели треногие столики-подносы. На них старшим, возглавлявшим трапезу, подавали престижную пищу. Это три круглых пирога, на которых лежали отварные голова, шея, курдюк или лопатка [Уарзиати 2012: 237]. Аналогичные столики на каждого участника трапезы мы знаем у гунно-савиров и суваров по Приску и Ибн Фадлану.

Имеются сходства в технологии изготовления, ритуального употребления и сакральности ячменного пива у осетин и чувашей [Уарзиати 2012: 231–232; Салмин 2016: 485]. У осетин известны

разновидности ячменного пива. Это хмельной напиток, входивший в комплекс ритуальной пищи осетин, он символизировал соединение в зерне сил земли и солнца. В таком виде он, как и другие пищевые элементы ритуального застолья, приносился в жертву во славу божественных сил. Основными компонентами пива у чувашей являются мука, солод и хмель. Наиболее подходящим зерном считали ячмень. Сам процесс требует стационарных условий. В макроритуальной ситуации, когда каждый участник хочет внести свой вклад в сакральное событие, утварь, продукты и дрова приносят в условленное место. В обряде «народное пиво» несколько старых людей совещаются и собирают солод и муку, а после принесения всеми участниками своей доли дров начинают приготовление.

В аланских катакомбах находят небольшие железные тесла, которыми пользовались во время похоронных церемоний. Аналогично осетины, засыпая могилу родственника, бросают лопаты на могилу, ибо лопаты, принесенные в дом, сулят несчастье. Даже во время рытья могилы лопаты не принято передавать из рук в руки: вместо этого один бросает лопату, а другой поднимает и продолжает копать [Щуциев 2016: 27]. Сходные действия бытуют у чувашей. Уходя с кладбища, они обувь и лопаты очищают от кладбищенской земли, чтобы не захватить домой. Если есть необходимость, то снимают обувь и вытряхивают. При наличии воды моют руки. Также было в обыкновении траурные дровни и телегу оставлять у ворот на трое суток. Там же оставляли лопаты и заступы. Так делали в XIX–XX вв., например, в селе Большая Таяба Тетюшского уезда Казанской губернии, деревне Вомпукасы Чебоксарского уезда. Так делают до сих пор. В XIX в. некоторые сельские жители подводу оставляли в овраге за околицей. В противном случае, объясняли, в доме убавится еще один человек [Салмин 2016: 203].

У осетин в недавнем прошлом бытовало разжигание костра у могилы во время похоронно-поминальных церемоний. Исследователи объясняют этот факт необходимостью передачи частички домашнего очага покойнику в иной мир [Щуциев 2016: 25–26]. Некрещеные чуваше и ныне в дни окончательных проводов души умершего родственника на могиле зажигают небольшой огонь. При этом используется только солома, привезенная в небольшом количестве на телеге. Говорить об использовании дров и полена нет никакого повода [Салмин 2016: 226].

Чрезвычайный интерес представляют осетинские поминальные скачки и стрельба в цель. Несмотря на единый инвариант, обряд имеет множество вариаций. Основной смысл — раздача оставшихся от покойника лошади и вещей. Для этого проводились специальные состязания в виде скачек на конях и стрельбы в цель. Организовывали состязания старики из рода умершего. Участников скачек и стрельбы назначали родственники покойного. «Призы разделяются на три неравные части и состоят из одежды покойника, его оружия, если он мужчина, седла, иногда же лошади, быка, коровы и из денег. Первый приз получает первая прискакавшая лошадь, второй — вторая, третий — третья» [Дзаттиаты 1985: 24]. Фактически мы имеем форму раздачи имущества умершего родственника.

Согласно воззрению чувашей, заколотая на поминках скотина переходит в собственность умершего. Поскольку смерти нет, то перешедшие в иной мир родственники пользуются теми животными, которые были принесены в жертву в их честь. Обязательно учитывают тот факт, что мужчина на том свете ездит на лошади, а женщина — на корове или овце. Г. Ф. Миллер зафиксировал интересный эпизод, согласно которому чуваша и марийцы в день окончательных проводов души умершего (*юна*) на дворе вколачивают «в землю две палки, и между оными протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников, или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первой во оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник ездил; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором, и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную лошадь у черемис на дому, а у чуваш на кладбище, в память умершего заколовши, варят и едят» [Миллер 1791: 79]. Рудименты таких скачек запечатлены в записях XIX — начала XX вв. Например, при возвращении с кладбища всадника, прискакавшего к дому первым, встречают пивом. Позже заклятие лошади после скачек заменили актом дара этой скотины, принадлежавшей умершему, тому, кто скакал на кладбище и обратно. Еще позже стали ограничиваться скачками. Сокращенный, «испорченный» вариант мотива скачек на лошади умершего прослеживается в эпизоде отправления одного всадника на могилу умершего родственника в конце поминок [Салмин 2016: 219–220].

Несомненный интерес представляет терминология рассматриваемого обряда [Багаев 2015: 103–121]. Например, траурный флаг *æлæм* у осетин соответствует чувашскому *эле́м* «флаг», а осетинский *бæх* — детскому названию лошади *пах(ха)*. Чуваша также при подаче корма подзывают лошадей *пэх-пэх-пэх*. Эпизоды аналогичных обрядовых скачек и стрельбы в цель в память умершего имеются у грузин, а также чеченцев и ингушей.

Сильно тюркизированное иранское племя *басилы* в Восточном Предкавказье слилось с хазарами, а в Западном — с булгарами. Тем не менее басилы в составе волжско-булгарских племен уже не считаются. Зато у Ибн Фадлана есть род ал-баранджар, «и это, возможно, подтверждает идентичность тюркизированных басилов (барсилов) и баланджар» [Новосельцев 1990: 84].

Буртасы жили в деревянных домах. Согласно Гардизи, у них в качестве оружия служили два дротика, топор и лук. Панцири и кольчуги не замечены. Лошадей имели не все, а только богатые. Разводили верблюдов и рогатый скот. Занимались земледелием. Вино изготавливали из меда, шапки обвертывали чалмами. Буртасы не прощали нанесенные обиды: если кто обидит (оскорбит или нанесет раны), то не будет примирения, пока не отомстит обидчику. Девушки у них сами выбирали жениха [Ибн-Даста 1869: 20–21; Бартольд 1973: 58; Марвази 1959: 216]. «Главное их богатство мед и куний мех», — писал Ал-Бекри. Они содержали большие стада рогатого скота и овец, а также обширные пашни. Одна группа буртасов сжигала мертвых, другая — хоронила [Ал-Бекри 1879: 62; Ал-Идриси 2006: 121].

У буртасов не успела сформироваться классовая структура общества. Их хозяйственно-культурный тип можно определить как оседлый. Зимой жили в деревянных домах, летом — в шатрах [Заходер 1962: 27]. Занимались животноводством, земледелием, охотой и бортничеством. Такие занятия можно сочетать в лесостепной зоне. В современном обозначении это степи нынешних Луганской и Волгоградской областей [Афанасьев 1985: 89]. Городов у них не было, а жили они в мелких поселках, размещенных вдоль вод. Буртасские земли были покрыты лесами. Оттуда, а также из северных земель поступала драгоценная пушнина. Ее транзитом через Хазарию отправляли в восточные страны. У них существовала имущественная дифференциация, что видно из описания

вооружения, разного у богатых и бедных [Новосельцев 1990: 197]. Ираноязычные буртасы имели родоплеменные отношения. По состоянию на X в. отмечается, что у них деревянные дома и войлочные шатры [Ал-Идриси 2006: 121].

Прослеживаются этнографические параллели чувашей с культурой буртасов. Например, гнездовое селение родовых усадеб, подвесные котлы для варки пищи. *Пӓрт(т)ас/Парт(т)ас* сохранился у чувашей в виде мужского имени, названия населенного пункта и названия рыбы голавль. Исчезнувшие в X в. буртасы легли «в основу не только мордовской, но и других средневожских народностей (в том числе татар, чувашей и др.)» [Заходер 1962: 240]. Но говорить о тождестве буртасов и чувашей, как это встречается в литературе, не приходится. Больше таких параллелей у буртасов с мордвой, а еще больше — с аланами. Так, Г. Е. Афанасьев отмечает: «Найденная в погребениях столовая посуда как две капли воды похожа на сосуды, изготавливаемые в то время северокавказскими аланами, что еще раз свидетельствует о “генетической” связи культуры буртасов, оставивших этот могильник, с аланской культурой Северного Кавказа» [Афанасьев 1985: 92].

Исследователи истории этнического устройства чувашей обращали внимание на социальный термин *турхан*. П. К. Коковцев, А. П. Новосельцев, В. И. Абаев и А. В. Дыбо считают его иранским заимствованием (согдийским *trχ'n*), обозначало оно понятия «судья», «переводчик», «титул». Затем слово перешло в хазарский, тюркский и русский языки. Видимо, такой титул присоединялся к собственному имени. Например, как в Турции титул «паша». В Хазарии термин обозначал привилегированный класс. Присутствует он как антропоним, название селений, околотков и улиц, обозначает привилегированный класс, названия божеств и духов, топонимы, святилища. В Казанской губернии населенных пунктов с таким названием было 15. Из них одно селение татарское, одно — черемисское, остальные все чувашские. Поэтому, полагал А. И. Артемьев, сословие тарханов преимущественно состояло из чувашей. В современной Чувашской Республике населенные пункты *Турхан* есть в Батыревском, Красночетайском, Шумерлинском, Цивильском, Моргаушском и других районах. Р. Г. Кузеев заметил, что этнонимы и топонимы с элементом *тархан* распространены почти на всей территории к западу от Алтая и Центральной Азии. В этно-

генетическом плане этноним *тархан* устанавливает связи между дунайскими болгарами, венграми, волжскими булгарами, чувашами и башкирами. Из работы Мовсеса Каланкатуаци «История страны Алуанк» узнаем, что у гунно-савиров в VII в. был титул *тархан*.

У чувашей центральному столбу даргинцев семантически соответствует столб у печи, где обитает божество *Уша*. Мной зафиксировано более 20 лексических и фонетических вариантов обозначения этого понятия: *Аша юпи, ушшай йопи; улчупи, ольчати, ульса юпи; вата юпи; сентёре юпи; вице юпи; уса юпи; пукане* и др. Ориентиром для указания его места служит печка, в традиционных домах помещается вертикально от пола до потолка в переднем, т. е. в юго-восточном, углу печи. Синонимами являются «столбик», «подпорка», «шест», «стойка». В зависимости от материала могут назвать «доской у печи». В традиционных домах именно на этот столб/доску и вешали полотенце, украшенное вышивкой и не употребляемое в утилитарных целях. Исконно не имел никаких утилитарных целей и сам столб, хотя плотно приставлен к стенке печи. Поскольку *уша юпи* находится в углу печи, позже к нему прикрепляли горизонтальные дощечки и устраивали полочки для мелкой кухонной утвари. Отсюда другое название — *сентёре юпи* («столб полки»). В курных избах на перекладину, идущую вперед от этого столба, клали два шеста, на которых сушили дрова. В некоторых домах параллельно прибавляли другой столб и устраивали более вместительные полки, напоминающие шкаф. От *уша юпи* с восточной стороны печи по направлению к двери размещалась лавка-скамейка, не предназначенная для сиденья. Аналогичный столб имеется и в банях [Поле 90: 222; Автор: 188; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026: 283]. Столб, подпорка, шест в юрте в некоторых тюркских языках называется *багана*. Это же слово в форме *пукане/пуканя* имеется в верховом диалекте чувашей и в марийском языке [Федотов 1990: 214]. Таковы исходные данные об этом объекте.

У даргинцев бытует поверье о необыкновенном существе в женском облике — *Куне*. Местом ее обитания является центральный столб дома. Если это божество есть в доме, то семья приумножалась и благоденствовала. Иногда *Куне* являлась людям и помогала им в трудные минуты. Если она покинет дом, то обрекается на бедствие на весь род [Котович 1983: 9–10]. Несомненно, речь идет о божестве плодородия. В литературе по археологическим культурам и традиционной этнографии этот столб называется «центральным» и «серединным».

«В старинном жилище ряда национальностей Дагестана посередине жилого помещения установлен столб, подпирающий крышу. Конструктивно-технической необходимости в этом столбе нет: расстояния между стенами невелики, а балки достаточно мощны, так что если центральный столб убрать, крыша не рухнет» [Голан 1993: 158]. Ценные выводы получены И. М. Денисовой: «Связь этого столба с печью неслучайна — видимо, уже в глубокой древности эти два неотъемлемых компонента жилища слились в единый семантический комплекс... Например, в центре квадратных жилищ на Почепском селище (бассейн р. Десна, первые века нашей эры) под развалами печей обнаружены глубокие столбовые ямы — видимо, крупный столб здесь уже входил в конструкцию печи» [Денисова 1990: 106].

А в «Авесте» *yua* (*uš* —: *ušāh*) — букв. «заря», «восток» [Боголюбов 1989: 88; Стеблин-Каменский 2003: 60]. Производными от *yua* являются названия двух горных вершин — *Уиуда* и *Уиударна* (букв. примерно «Рассветная», «Восходная»), расположенных, как предполагают, в Систане. Возможно, что вершины эти находились на востоке, и из-за них вставало солнце утром. Определение времени по движению солнца над горными вершинами принято у горцев-иранцев» [Стеблин-Каменский 1993: 203]. Как видим, ведийское *Ushas* и авестийское *Ushā* соответствуют чувашским названиям божества *Yua* и столба у печи. Притом чувашское слово по произношению ближе к авестийскому, чем к ведийскому.

В Грузии около храма II—I вв. до н. э. Деоплис Миндори найдена роскошная треногая ступка, а в помещении храма — изящный пестик от нее. В статье, посвященной им, есть и рисунок [Гагошидзе 1981: рис. 8]. Высокое качество выделки ступки и пестика указывают на их особое, небытовое назначение. Речь, несомненно, идет о зороастрийском обряде приготовления священного напитка *хаомы*, имевшем место как во всей восточной части Анатолии, так и в древней Грузии. Ступы *килѣ* для толчения крупы, соли, кудели (конопли, льна) имелись у чувашей еще в конце XX в. Однако их назначение на этом не заканчивалось. К примеру, ими пользовались при лечении детей от худосочия. Для этого младенца помещают в ступу и изображают толчение. При этом приговаривают: «Ниш (название злого духа, причиняющего страдания ребенку), выходи!» [Салмин 2016: 131]. Само слово *ниш* персидского происхождения и означает «жалю», «острие», «резец». Кроме того, ис-

следователи похоронно-поминальной обрядности чувашей утверждают, что в день окончательного провода души умершего на ступе зажигали символический огонь (в виде свечи или маленького костра из щепок или соломы) [Трофимов 1993]. Таким образом, мы имеем переднеазиатские варианты зороастрийского обряда со ступой в грузинском и чувашском материалах.

Искусство

Само слово *ӳнер* «искусство» пришло в чувашский язык из персидского языка.

В осетинском орнаментальном искусстве часто встречается символика мирового дерева с сидящими симметрично двумя птицами. Изображение имеет место на надгробных стелах и вышивках. Иногда рисунок принимает весьма стилизованный вид. Сюжет особенно был распространен в Дигории. Его древность подтверждается археологическими находками [Цуциев 2015: 50–79].

Также в речи старшего дружки чувашской свадьбы, в частности, есть такой пассаж:

Переехав через лес дремучий в 60 верст,
 Повстречали одно деревцо.
 Взглянешь издали — видится черно,
 Взглянешь около — видится бело,
 Взглянули в высь —
 Увидели гнездо; поднялись туда и посмотрели —
 Не смогли узнать, что там за гнездо.
 Чье же это гнездо?

Публика отвечает:

— Гнездо парня с девицей [Золотов 1928: 76].

Выходит, нахождение птицы на вершине дерева — к счастью, благополучию, а птичье гнездо символизирует семейный комфорт. Действительно, образ птицы на столбе и на дереве в изобразительном искусстве, верованиях и фольклоре дигорцев и чувашей означает порядок и гармонию.

Исследователи орнамента чувашской народной вышивки указывают на сходства в узорах ираноязычных народов и чувашей. Идентичность мотивов и смысл древнейшего орнамента племен первых земледельческих цивилизаций и чувашской вышивки объясняются тем, что в I тысячелетии н. э. ираноязычные племена оказали влияние на формирование чувашского этноса, особенно на Кавказе. Например, как верно писал В.Д. Дмитриев, салтово-маяцкая археологическая культура Придонья и Приазовья одновременно принадлежала и аланам, и суварам, и булгарам [Дмитриев 1977: 6].

Фольклор

Агафий пересказал эпизод, призванный обосновать персидский обряд обращения с телом умершего. Как-то (событие происходило при Хосрове I, VI в.) римские философы возвращались домой после посещения ими Персии. И вот на обратном пути на привале они увидели труп недавно умершего человека, брошенного не погребенным. Философы возмутились варварскому обычаю и погребли труп, предав земле. И вот в эту ночь одному из них приснился во сне неизвестный старый человек. Это старик изрек: «Не погребай того, кто не подлежит погребению. Не препятствуй, чтобы труп сделался пищей собак». Встал философ и рассказал сон всем своим. Но никто из них не понял суть сна. Когда продолжили путь, проходя мимо той местности, они увидели обнаженного мертвеца, снова лежащего на поверхности, будто его выбросила земля [Agathi 1828: 132–133; Агафий 1996: 80–81].

Согласно зороастрийской легенде, пес *Zarringoš* — «Желтые уши» (*zar* = чуваш. *cap* «желтый») — создан Ормуздом для защиты первочеловека. Для нас представляет интерес тот факт, что этот пес нес охрану у Чинватского моста [Литвинский 1984: 166]. Аналогия имеется в похоронной обрядности чувашей. По представлению чувашей, когда умершего опускают в могилу, его нагайкой ударяет черная собака; именно этот удар и отправляет человека в иной мир, т. е. в преисподнюю [Салмин 2016: 527]. Таким образом, в обоих случаях собака определяет дальнейшую иноземную судьбу души умершего.

Некоторые иранские фольклорные сюжеты и персонажи бытуют среди чувашей почти в калькированном виде. Например,

фольк-нарративы в виде легенд и сказок об *аждахе/aždahā/açtaxe* [Omidšalar 1987: 203–204]. В обоих текстах *аждаха* — змеевидное фантастическое огнедышащее животное, обладает человеческой речью и контролирует водоснабжение. Как в осетинском героическом эпосе, так и в чувашских легендах имеет место обучение мифологическими персонажами приготовить хмельное [Уарзиати 2012: 230–231; Сидорова, Шуртаков 1979].

Выводы

Экзоэтноним *савиры* происходит от персидского *sāvar* — «всадник», «наездник», «умелый». С осетинами у чувашей общность даже на уровне этнонимов. Если на Кавказе предков чувашей называли *савиры/савары*, то в языке современных сванов сохранилось название древних осетин — *савиары*. Исследователь духовной культуры осетин А. А. Чибиров подчеркивает, что весьма существенны аграрные параллели осетин с чувашами и видит в этом влияние на культуру чувашей скифов и сармато-алан.

Прямые интенсивные контакты савиоров с иранскими племенами (кроме персов, это аорсы, аланы, осетины, дигорцы, массагеты, басилы и буртасы) имели место, по крайней мере, с IV по IX вв. н. э. На Кавказе савиры установили тесные взаимоотношения с персидским миром.

Генетические исследования северокавказских образцов алан II–IX вв. свидетельствуют о непосредственных связях с Закавказьем, Передней Азией, югом Средней Азии и Карелией.

Как писал И. О. Потоцкий, осетины, называющие себя ирони, принадлежат к мидийской расе. Материалы краниологической серии из Салтовского могильника позволили констатировать, что эта палеогруппа связана с аланским этносом.

Основу языка и культуры местного населения Кавказа до IX в. составлял иранский субстрат. Иначе говоря, савиры также подвергались глобальной иранской «переработке» — в антропологическом, культурном и лингвистическом отношениях.

Глава 6. УГОРСКАЯ ВЕРСИЯ

Исследователи сетуют на то, что очень мало фактов, указывающих на чувашско-угорский симбиоз и субстраты. Однако забываем, как мало таких доказательств в области чувашско-татарского родства. Если от времени ухода сувар от болгар в начале X в. на правобережье Волги нас отделяет одиннадцать веков, то от чувашско-угорских контактов — намного больше. Поэтому ретроспективное изучение общих корней становится все более сложной задачей. Тем не менее исследователей не покидает надежда и даже уверенность в возможности реконструкции достоверной истории чувашско-угорских взаимоотношений.

Этнонимы

Автор этих строк склонен возвести этимологию слова *угры* к основе *uh/oh*. Возможно, так оно звучало в речи обских угров в их ранней истории (до рубежа нашей эры) в значении «племя», «род». Сравните угорское *jaχ* (*ās jaγ* — «обский народ», «обские ханты»; *wau jaγ* — «вахский народ», «вахские ханты» [Шипош 2000: 339]); чувашское *йӑх* — «род», «племя»; «*futuere*» [Ашмарин 1930: 103, 105]. Позже, с появлением в Юго-Западной Сибири и Восточной Европе тюркских племен, слово обрело форму *ук/ок*. Возможно, имеет семантическую связь с омонимом *ух* «стрела» — чуваш. *ух(ӑ)* «лук». Аналогичный взгляд на этимологию этнонима *огузы* был у А. Н. Кононова: «Исходной основой собирательного этнического имени *огуз* является *оџ* (*ок*) “род”, “племя” (а не “стрела”, как у Лигети), которое, в свою очередь, находится в прямой связи со старотюркским словом *ӧг* “мать”; к этой же основе восходят слова *обул* “потомство”, “сын” и *обуш* “сородич”... Слово *огуз* первоначально могло значить просто “племена”, “объединение племен”, которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: *токуз огуз* “девять [разных] племен”, *уч огуз* “три [разных] племени”» [Кононов 1958: 84]. Также следует учесть, что венгерское слово *ук* обозначает «прапрадед» [Эрдели 1967: примеч. 6]. Михай Хайду в *ок-/ог-* вкладывает два

понятия: «стрела» и «племя» [Хайду 2000: 315]. Расшифровка этнонимов *огуры/огузы* как «быки» ошибочна, но на семантическом уровне не противоречит значению «племя, род». Выходит, основное значение *оx/ух, ок/ук, оз/уз* — «племя», имеющее семантические выходы на понятия «стрела» (т. е. «семья»), «бык» (т. е. «оплодотворитель», «отец»), а также «предок».

Говоря о племенах *оn оq*, исследователи указывают, что термин не может быть этимологизирован на базе тюркских языков. В качестве гипотезы происхождения называют роуранцев (жужаней), иранцев или другие неизвестные языки [Golden 2013: 54]. У Питера Голдена имеется и специальная статья, посвященная связи *оq* с *оgur/оguz* [Golden 2012: 155–199]. Он склонен присоединиться к мнению об алтайском корне *uq* [Starostin et al. 2003: 1491], где *-uz* оценивается как маркер множественного числа [Кононов 1980: 145].

История слова *угры* создает впечатление, что это — экзоэтноним, исходивший от южных соседей (скорее всего, от ираноязычных племен) и имеет связь с основой *оq*.

Самоназвание *ḡānti, ḡāntə* восходит, считает В. В. Напольских, к прафинноугорскому **kunta* («община», «сообщество», «объединение») [Напольских 1997: 74]. Указывается также на родственное венгерское слово *had* «войско» [Шипош 2000: 339]. Конечно, первично *хунта*, а *кунта* — результат тюркского влияния.

Что касается названия *вогул*, то это экзоэтноним. Появился он в русских документах с XIV в. Происходит от мансийского гидронима *wōyal'* (манс. «плес», «участок реки между двумя поворотами») [Напольских 1997: 70].

Остяки — более позднее, русское наименование, существовавшее в 1499–1930-х гг. Так называли население севера Башкирии и юга Пермской области. Видимо, полагает, В. В. Напольских, в число остяков включали не принявших ислам башкир и пермских татар. В XVII–XIX вв. это внешнее название применяется уже к хантам и селькупам [Напольских 1997: 74–75]. Здесь народы, писал Г. И. Новицкий в начале XVIII в., «сыроядцы», т. е. их повседневной пищей являются «ости рыбная» (кости рыбные). Поэтому, полагал он, россияне и назвали их *остяками* [Новицкий 1999: 28]. Однако такому объяснению противоречит название *ās jay* («обский народ»). Возможен нейтральный вариант, если допустить, что *ās* одновременно значил и «кости», и «Обь». Но это только версия.

Исследователи (В. И. Чернецов, З. П. Соколова и Петер Вереш) пишут о двух фратриях хантов и манси — *пор* и *мось*. Хотя имеется уточнение, что фратрии *мось* и *пор* свойственны только северным манси и северным хантам [Напольских 2005: 261]. Притом *мось* и восточно-хантыйская *монтъ* тесно связаны с этнонимом *манси*, а также первой частью эндоэтнонима венгров — *tagyar* (*мадь-яр*). Это ностратический корень, означающий «сказать», «говорить». Петер Вереш полагает, что древне-угорская праформа **тай́сэ-* — исходный корень для этнонимов манси и венгров, а также фратриальное название *мось*. В целом мадьяр — «говорящий человек» [Вереш 2010: 57]. До Петера Вереша название фратрии **тай́сэ-*, а также этнонимы *манси* и *tagyar* считались заимствованиями из древнеиранского языка. При этом его предшественники ссылались на аналогии финно-угорских этнонимов *мари*, *меря*, *мордва*, *удмурт*, означающие «человек, мужчина».

Есть вполне исторически обоснованная гипотеза, согласно которой этноним *мадьяры* следует связать с племенным названием *можары*. Можары — этническая группа, зафиксированная на реке Куме. Возможно, первоначально было именем предводителя. В XIII–XIV вв. на месте современного г. Буденновск был золотоордынский город Маджары. В Калмыкии имеется Можарское озеро, по-венгерски — *Možar-tó* [Németh 1991: 307]. В XVI в. можары участвовали в походе на Казань на стороне Московии. Впоследствии смешались с чувашами и другими инородцами. Возможно, сохранились как *мишеры* на юге Чувашии, а теперь вследствие ассимиляции известны как разновидность татар. В Чувашской Республике имеются три деревни с названием *Мучар*, аналогичное мужское имя было у чувашей до крещения. Теперь сохранилось в виде прозвища.

На выяснение этимологии *hungar* могут пролить свет и географические названия в Волго-Уральском регионе. Так, в Чувашии имеется болото с названием *Хоньккар*, святилище *Хоньккар кире-мет*, а также деревня *Укарин ушкән* (русское название — Огаринкино) [Ашмарин 1941: 168; Czeglédi 2010: 74]. Должно быть, все это рудименты савиро-мадьярских исторических контактов.

Согласно венгерской хронике, первым королем Скифии был Магог, сын Яфета, а по имени короля Магога его народ был назван *могер* (мадьяр). Аттилу считают выходцем из этого племени [Аноним 1967: 174]. Этноним *унгар* «венгр» происходит от *оногур* (че-

рез форму *ongr*) [Габор 2005: 81]. Одновременно следует избегать традиционных европейских попыток проведения прямого генетического родства венгров с гуннами. По этому поводу Петер Хайду справедливо заметил, что лат. *hungarus* и восходящие к нему названия венгров в западноевропейских языках (англ. *hungarian*, франц. *hongoris*) содержат вставленный позднее начальный *h*, который появился по недоразумению, из-за путаницы с названием гуннов — *hunni* [Хайду 1985: 15].

История

В качестве начальной родины будущих венгров исследователи определяют междуречье Оби и Иртыша. Это был очень удобный с точки зрения экономической стратегии регион. Там, по мнению некоторых исследователей, мадьяры оставались до 460-х гг. [Pritsak 1976: 30]. Далее предки венгров откочевывают южнее, затем в Европу, облюбовав земли Южного Урала. Со второй половины V в. н. э. начинаются мадърско-тюркские контакты к западу от Урала. В том же веке, охваченные массовыми переселениями, мадьяры уходят в степи Северного Кавказа [Хайду 1985: 196].

Видимо, причины передвижения мадьяр заключаются не только в климатических сдвигах. Как правило, в исторических переломах львиная доля принадлежит лидерам. А. В. Головнев напоминает роль Арпада и других вождей в ранней истории мадьяр. «Бесписьменная праистория, увы, скрывает имена вождей, однако своего рода персонология возможна и применительно к древности» [Головнев 2010: 43]. В нашем случае такие лидеры остались за занавесом истории.

На Кавказе будущие венгры жили совместно с хазарами и довольно долго воевали как их союзники во всех войнах. Они состояли из семи кланов. Конечно, именно к периоду проживания в междуречье Днепра и Дуная относятся замечания Гардизи и Ибн Русте (Ибн-Дастан) о мадьярах [Бартольд 1973: 58]. Эти два автора назвали численность мадьярской орды: Ибн-Русте говорил о 10 000 всадниках, а Гардизи — о 20 000. Если и принять подсчет Гардизи, весь мадьярский народ в регионе составлял не более чем 100 000 мужчин и женщин. Поэтому исследователи справедливо полагают, что приход

мадьяр в черноморские степи не мог вытеснить местное население полностью. Большинство из них осталось, подчинившись господству мадьяр [Вернадский 1996: 254]. В те времена военный начальник мадьяров *кенде* («царь») выступал в поход с 20 000 всадников. Но непосредственно управлял мадьярами и их делами другой царь в звании *джыла*. «Все мадьяры повинуются приказаниям, которые дает им глава их, по имени Джыла, прикажет ли он на врага идти, или врага отражать, или что другое» [Ибн-Дастан 1869: 26]. О схеме управления венграми писали также ал-Джайхани и Ибн Хордадбех. Такая форма правления обществом явно перекликается с формой управления в Хазарском каганате и, скорее всего, была перенята у них.

Очень важна датировка событий, имеющих непосредственное отношение к последнему столетию пребывания мадьяр в восточноевропейских степях. «Отношения между венграми и хазарами в IX в. были очень похожи на отношения между правителем волжских болгар и хазарами в X в. После 800 г. хазарский суверенитет над венграми носил лишь формальный характер» [Рона-Таш 2005: 118]. Первым лидером, объединившим мадьяр, в 830-е гг. был Леvedия/Лебедий. За его смелость и союзничество каган, принц Хазарии, выдал за него благородную хазарскую леди замуж. Примерно в 850 г. мадьяры во главе с их воеводой Леvedией уходят в Этелькез (Ателкузу). Этот факт свидетельствует о явном нежелании находиться под хазарским протекторатом.

В 884 г. семь старейшин во главе с предводителем под именем Алмуш двигаются из Скифии на запад — в Паннонию [Аноним 1967: 175–176]. Андраш Рона-Таш склонен считать, что лояльный по отношению к хазарам Леvedия был отстранен самими же мадьярами, а род Алмуша захватил власть. Несмотря на это, хазарский правитель признал такой переход власти. В 889 г. предводителем мадьяр стал сын Алмуша оногур Арпад. Мадьяры господствовали над соседними славянами и налагали на них тяжелый оброк. Они обращались со славянами как с военнопленными: своих пленников они отвозили морем в Румские земли и обменивали их на парчу, ковры и на другие греческие товары. Об этом писали Ибн Русте, Гардизи, Марвази, а также анонимный *Худуд ал-алам* [Заходер 1967: 55].

К концу 80-х гг. IX в. у будущих венгров ситуация усложняется. В эти годы в районе Ателкузу сухопутный маршрут между хазарами и венграми был заблокирован печенегами. С этим ниче-

го не могли сделать и хазары. Печенеги стали более мощными, их давление на соседние племена становится еще сильнее. Их набеги на местное население учащаются. Не сумев преодолеть давление печенегов, считал Йозеф Маркварт, венгры в 889 г. снимаются с насиженных мест в Ателкузу и берут курс на Дунай. В том же году первые отряды венгров появляются в Паннонии [Marquart 1903: 35, 51]. С.А. Плетнева также полагала, что в первые годы X в. венгров из Ателькузы изгнали печенеги [Плетнева 1982: 112]. Да, печенеги подняли с мест обитания не только мадьяр, но и суваров. Но события эти относятся не к началу X в., а к самому концу IX в. Если совсем точно — на 895 г. Аналогичное понимание имеет место в литературе. Мадыары появились в Среднем Придунавье «в 895–896 гг. под давлением печенегов, а также под влиянием изменения климата, ариадизация которого началась как раз на рубеже IX — X вв.» [Вереш 1998: 170]. Что касается передвижения предков венгров в западном направлении в 80-х гг. IX в., то это были лишь первые небольшие отряды. По мнению Омельяна Притцака, мадыары под предводительством оногуров-булгар переселились в Паннонию в 893–898 гг. Причиной также называется поход печенегов [Pritsak 1965: 384, 389].

Как известно, в 737 г., используя арабское нападение на хазар, сын Кубрата Бат Баян, бывший в мирных отношениях с венграми, во главе своего племени отправился вверх вдоль Волги. С ним шла небольшая группа венгров. Именно потомков этих венгров и встретил в 1235 г. монах Юлиан между Волгой и Камой [Рона-Таш 2011: 134].

География

Лесные (таежные) охотники и рыболовы угры общались со своими южными соседями — кочевниками-скотоводами ариями — на всем пространстве Евразии [Стеблин-Каменский 2009: 14]. А вот с пратюрками угры контактов не имели, ибо угры находились значительно западнее от них [Дыбо 2013].

Кроме тех, кто пришли в Европу до гуннов и вместе с ними, был еще третий мощный поток угорских племен на Запад. Что касается кутригуров (должно быть, и утигуров), то они жили между реками Дон и Днепр [Golden 2008a: 259].

Ряд венгерских исследователей в поисках своих исторических корней, по-моему, преувеличивают значение тюркских субстратов и умаляют собственно угорские. Например, Армин Вамбери [Vámbéry 1870: 109–189]. Чтобы прочнее связать венгров с тюрками, некоторые исследователи передвигают родину тюркских племен из Центральной Азии в Западную Сибирь. Так, Юлиус Немет писал: «Первые предположительные территории тюрков следует искать не в Восточной, а в Западной Азии» [Немет 1963: 128].

Не совсем уточнены пока и места дислокаций предков венгров в Европе. Во второй половине V в. они достигли Нижней Волги и Северного Кавказа. Известно также, что с 670 г. до конца VII в. они защищали западные границы Хазарии [Рона-Таш 2005: 122, 117]. Ибн-Даста (т. е. Ибн-Русте) помещал мадьяров между землями печенегов и волжских эсегелей [Ибн-Даста 1869: 25], что, естественно, ошибочно и получается намного восточнее от реалий. Первоначальным местом жительства мадьяров Д. А. Хвольсон считал обе стороны Уральского хребта, междуречье Волги, Камы и Тобола, а также верхнее течение Яика. По его же мнению, мадьяры одного племени с башкирами, а страну, обитаемую башкирами, путешественники XIII в. называли Major Hungaria [Хвольсон 1869: 102]. Конечно, речь идет о первой половине I тысячелетия н. э., а не о более ранних этапах истории. Некоторые исследователи дают конкретную локализацию угорских племен. Например: «Между Прикаспийской низменностью и владениями алан, причем достаточно близко от Кубани» [Мишин 2014: 592]. Должно быть, речь идет о VI в.

Теорию Волго-Камской прародины венгров следует признать не соответствующей фактам. Небольшая часть их появляется здесь только в IX в. вместе с булгарами и савирами. Их и встретил монах Юлиан в 1235 г. между Волгой и Камой [Рона-Таш 2011: 134]. Дюла Немет же полагал, что Magna Hungaria находилась на правом берегу Волги. Ведь Юлиан на обратном пути ехал не по Волге, а через Мокшу («transivit in fluvio regnum Morduanorum»), которая и была расположена недалеко от Magna Hungaria [Németh 1966]. Однако среди исследователей на сегодняшний день сохраняется гипотеза о том, что область Magna Hungaria следует искать к востоку от Волги [Zimonyi 2014: 143].

По данным Марвази жилища мадьяров располагались между реками Руа (Дунай) и Атил (Волга). Южные границы их стра-

ны достигала Черного моря [Марвази 1959: 216]. Согласно Гардизи, жили мадьяры между реками. А в междуречье была равнина, вся покрытая травой, длина и ширина этой местности составляли 100 фарсахов [Бартольд 1973: 58], т. е. примерно 600 км. Этелькез обычно предполагают в южной зоне Пруто-Днестровского междуречья. Как писал В. П. Шушарин, расположение области и время прихода туда мадьяр окончательно не установлены. Современные исследователи предположительно локализуют Этелькез между Днепром и Сиретом, восточнее Днепра, определенно — западнее Леведии [Шушарин 1991, коммент. к гл. 38]. Имеется мнение, что название г. Лебедина (Сумская область Украины) есть отражение этого топонима [Карамзин 1998: 212]. В. И. Абаев писал, что венгры жили в придонских и северокавказских степях. Время — VI–IX вв. н. э. По пути от уральской прародины в Европу предки венгров надолго задержались между Волгой, Доном и Азовским морем, где много веков жили аланы. Тут же находились тюркские племена. Плодом этого соседства явились осетинские и тюркские элементы в венгерском [Абаев 1965: 517, 529].

Антропология

Антропологические типы современных обских угров и венгров отличаются друг от друга. Первые относятся к уральской расе, вторые — к европеоидной. У хантов и манси имеется примесь европеоидного андроновского типа с ослабевающей тенденцией с юга на север. Формирование антропологического облика коренных народов Западной Сибири произошло не раньше I тысячелетия н. э. [Алексеев 2008: 438].

«Эти мадьяры — люди красивые и видные», — заметил в общих чертах Абу Са'ид Гардизи в XI в. [Бартольд 1973: 59].

Обский тип, распространенный у хантов и манси, отличается от других типов уральской расы преобладанием монголоидных элементов над европеоидными. У них цвет волос скорее темный, маленький рост, голова умеренно брахицефальная, лицо широкое, спинка носа вогнутая [Марк 1999: 403–404]. По краниоскопическим и краниометрическим показателям ханты и манси ближе к ненцам и казахам, а также мордве-мокше. Манси являются самым

«уральским» народом. Хотя на западе и у них отмечается метизация с европеоидами, а на востоке — с монголоидами. Вслед за манси наиболее «уралоидами» считаются мокша и ханты [Козинцев, Моисеев 1995: 85–87]. О большей европеоидности манси, по сравнению с хантами, писали также В. П. Алексеев и И. И. Гохман. Угры более монголоиды, чем поволжские финны. А венгры в южнорусских степях вобрали европеоидность еще больше [Алексеев, Гохман 1984: 124, 166].

То, что заметил И. Б. Мюллер относительно хантов на начало XVIII в., одинаково можно отнести и к чувашам: «Остяки среднего роста, и редко можно найти рослых людей среди них, они обычно достаточно хорошо сложены» [Мюллер 2003]. Согласно П. С. Палласу, остяки ростом больше среднего и малого, сложения слабого и сухого. Волосами рыжие и русые [Паллас 1788: 50].

Следы древнего родства чувашей с западносибирскими племенами действительно находим у угров. Так, среди волжско-булгарских типов антропологи различают чувашские серии с более плоскими носами. У черепов этой серии *fossa canina* развита несколько больше, чем у европеоидных, *fossae praenasales* встречается значительно чаще, лицо выше, но вместе с тем более узко. Но если взять, например, остяков, говорил Г. Ф. Дебец, то найдем у них приблизительно тот же тип, что и у черепов чувашской серии из могильников Волжской Булгарии. Остяки, безусловно, относятся к числу монголоидных типов, хотя и не выраженных, может быть более протоморфных. Поэтому соотнесение черепов чувашской серии и остяцких черепов весьма правомерно, тем более, нам неизвестны европеоидные типы с плоским носом [Дебец 1932: 58]. К тому же, по измерениям М. С. Акимовой, Т. А. Трофимовой и В. В. Бунака, в составе чувашей субуральский компонент является основным.

Учитывая особенное сближение всех групп тоболо-иртышских татар с ханты и манси, общей составляющей генофондов различных территориальных групп тоболо-иртышских татар также видится угорский генетический компонент [Наумова и др. 2009: 1268]. От татар Поволжья чувашаи отличаются главным образом более удлиненной формой головы и более высоким лицом и более узким носом, при этом среди чувашей чаще встречаются вогнутые спинки носа. В связи с этим Т. А. Трофимова сделала замечание: «Возможно, этот компонент был близок к тому, который в настоящее время

отчетливо выступает среди манси, хантов, западносибирских татар, башкир, а дальше на восток на Алтае — среди шорцев» [Трофимова 1950: 55]. Кстати, рыжих остяков и казачью орду башкир одинаково называли *сари иштяки* [Страленберг 1985: 11]. Вообще расовый состав башкир обнаруживает глубокие корни в лице представителей уральского антропологического типа, которые были расселены на Южном Урале до рубежа н. э., т. е. задолго до тюркизации края [Юсупов 2002: 27].

Таким образом, угорская нить протягивается к племенам, составлявшим основное население восточной окраины Волжской Булгарии. Угорские племена занимали и северную периферию средне-волжского государства. Вполне допустимо, что угорские показатели могли частично повлиять на предков чувашей еще на Кавказе.

Археология

Соседи савиrow мадьяры обретали навыки земледелия еще до переселения на Средний Дунай. В Лазике, а также степях Причерноморья они уже обрабатывали землю. Об этом свидетельствуют археологические находки салтово-маяцкой культуры. Навыки земледелия у савиrow и мадьяrow закладываются в VII в. на Кавказе. «Однако их узкоспециализированное скотоводческое хозяйство препятствовало дальнейшему развитию производительных сил, то есть в это время этот уклад здесь уже более или менее исчерпал свои возможности. В этот период производительные силы могли подниматься на более высокую ступень только с помощью распространения нового хозяйственного уклада. Наряду с изменением животноводства, выражающемся в выдвигании на первый план крупного рогатого скота, по сравнению с лошастью, земледелие начало играть более важную роль, особенно с распространением тяжелого степного плуга» [Вереш 1996: 34]. Именно в этот период запрягаются быки. В целях эффективного приучения к сохе и плугу животное, как правило, кастрировалось. Учителями савирам и мадьярам в земледелии, видимо, явились хазары. Как полагает Петер Вереш, выращиванию конопли мадьяры научились именно на Северном Кавказе. У народов Хазарского каганата, пишет он, венгры получили не только слова «конопля», «трепало», «мялка», «учес»,

но и вместе с тем соответствующие этим словам предметы и действия [Вереш 1996: 35]. Однако следует возразить, что продуктами дикой конопли, как и крапивы, они пользовались еще на юге Западной Сибири. Поэтому понятия «конопля», «трепало», «мялка» у предков венгров должны были быть и раньше.

Локальные варианты салтово-маяцкой культуры отражают этническую специфику тех групп населения Хазарии, которые занимали те или иные регионы причерноморской степи и лесостепи. В верховьях Дона и Северного Донца поселения с полуземлянками и юртообразными жилищами расположены гнездами вокруг городищ с белокаменными стенами. Во второй половине IX в. в Подонье появилась группа кочевого населения, практиковавшая обряд трупосожжения с захоронением серебряных накладок и конской сбруи. «Обряд и женские украшения, найденные в этих погребениях, указывают на связь их носителей с угорским населением Зауралья» [Петрухин, Раевский 2004: 207].

В 2007–2013 гг. на правом берегу Волги на городище Тетюши II были раскопки на площади 444 кв. м. Культурный слой составил 1,5–2 м. Археологи выделили шесть стратиграфических слоев, из которых три слоя относятся к VI–VIII вв. н. э. Среди находок 50 артефактов относится к кушнареновской культуре. Для исследования были взяты 20 фрагментов кушнареновской керамики с характерным орнаментом. Удалось выяснить, что керамика угров появилась здесь в культурном слое в VII в. Таким образом, доказано продвижение кочевников-угров в VII в. не только до Волги, но и пересечение ее. Ранее считалось, что угры разрушили поселения аборигенов. Теперь появилась уверенность, что появление кочевников не изменило жизнь городища до начала VIII в. [Руденко 2013а: 58]. Резкие изменения в культуре Среднего Поволжья произошли в VIII – X вв. с появлением здесь булгар, а затем и саваров.

Религия

Два путешественника сказали как бы в один голос. Ибн-Русте в X в.: «Вера мадьяр огнепоклонническая» [Ибн-Даста 1869: 27]. В XI в. Гардизи: «Мадьяры – огнепоклонники» [Бартольд 1973: 59]. Ал-Бекри (XI в.) же охарактеризовал мадьяр как идолопоклонников.

Много общего в религиозных воззрениях у чувашей и угров. Так, одинаковое название главного божества у чувашей и манси — с основой *Тор*. Чувашаи своего главного бога называют *Тор* или *Тур*, а манси — *Нума-Торум*, что буквально сложено из двух слов: финно-угор. *Нума* («бог») (ср. марийск. *юма*) + мансийск. *Торум* («бог»), т. е. получается «бог» + «бог». А это, в свою очередь, говорит о культурной контаминации. Но у манси же встречаем форму *Таром*, где звук *о* уже заменен на *а*. У чувашей в заговорах и молениях встречаются сложные названия божеств *турă*, включающие в свой состав номинацию березы: «*Сўлти шурă хурăн турă*» («божество белой березы, находящееся наверху»); «*Йывăçлă хурăн турри*» («божество дерева березы»); «*Той торри*» («божество, покровительствующее свадьбе») [ЧГИ 581: 106]. Такое сочетание имен божества и конкретного дерева свидетельствует о возможности символизации божества через березу. Аналогично у манси: у них — «береза — это дерево неба, так как оно белое, как небо» [Ромбандеева 1993: 74]. Явный дуализм в религиях обских угров и чувашей: *Тор/Тур* ↔ *Куль* и *Тор/Тур* ↔ *Усал/Киремет/Шуйттан*.

Как угры, так и чувашаи разделяют Вселенную на три уровня: небо, земля и подземный мир [Бауло 2002: 6; Салмин 2016: 334–398].

Чувашаи вытесали из дерева фигурки божества *Йёрех* в виде человеческих голов [Салмин 2016: 279–286]. Деревянные идолы-божества имели коми-пермяки, славяне, саамы, манси, ханты [Смирнов 1891: 11, 16]. Как и чувашаи, финно-угры такие куклы держали в лукошках [Abergromby 1898: 162–173]. Как мадьяры в раннее средневековье использовали лошадиные черепа в качестве оберегов, так и чувашаи вплоть до середины XX в. вешали очищенные белые черепа лошадей на деревья в целях отпугивания злых духов и отведения сглаза [Вереш 1996: 32; Салмин 2016: 467]. Возможно, как мадьяры, так и предки чувашей практиковали данный обычай еще на Северном Кавказе. Основанием может служить осетинская традиция вешать на видное место лошадиные головы [Ковалевский 1886: 72].

Определенный интерес представляет чувашская намогильная антропоморфная дощечка *чѐре калак*. Тут важно заострить внимание на названии намогильной дощечки, буквально означающей «ложечку [под] сердцем». Такое наименование прямо указывает на анатомическую часть человека — ложечку под грудью. По представлению некоторых чувашей, душа человека находится именно

под ложечкой [Салмин 2016: 200]. Антропоморфная дощечка на могиле служит временнымместилищем души до установления антропоморфного столба. Связь между намогильным знаком и физиологической ложечкой проходит на семантическом уровне. Чрезвычайную ценность в сопоставительном плане представляют мансийские изображения умерших, называемые *иттерма*. Работа И. Н. Гемуева о мировоззрении манси снабжена рисунками, очень напоминающими чувашские *чѣре калак*. Они представляют собой дощечки невысокого размера с вырезами, обозначающими конфигурацию человека. Делают их через четыре-пять дней после смерти человека. Изготавливались они из щепки, отколотой непременно от венца с южной, т. е. наиболее сакральной, стены дома [Гемуев 1990: 206–210, 212]. Любопытно, что на деревянную фигурку у предполагаемой груди врезали светлую монетку (ср. монетку на *юпа* у чувашей). По объяснению самих информантов, монета на груди — вместо сердца. Как по мнению чувашей, так и по представлениям манси, душа умершего человека переселяется именно в эту деревянную антропоморфную фигурку.

Язык

Остяков прежде звали *ār-jax* («племя *ār*») или *χanda-jax* («племя (народ) хант» [Patkanov 1900: 414, 426]). Оба слова прозрачно прочитываются с помощью чувашского языка: *ār* («мужчина», «человек», «люди» + *йӓх* («племя», «народ»). Окончание венгерского этнонима также — *ar: Magyar* — «говорящий человек». В числе другой родственной лексики: чуваш. *шур(лӓх)* («болото») — хант. *сюр* («ручей»); чуваш. *юх(ан шыв)* («река») — хант. *лбга iogán* «Irtysch» [Steinitz 1975: 784]; чуваш. *хунь(ама)* («свекровь»), *хунь(аца)* («свекор») — манс. *хон* («царь»); чуваш. *авӓр*, хант. *аор*, манс. *авар*, венг. *ör* («омут»); чуваш. *хум*, манс. и хант. *хумп (кумп* — позднее явление) («волна») и т. д. От хант. *юх*, чуваш. *юх (йух, йох)* получилось производное *jugàn/юхан* — «kleiner fluss». Отсюда и чувашское название гнойной раны — *юхан*. Кстати, у слова *юх/юх (йух, йох)* в угорских и чувашском языках имеется переносное значение: «nach hause, zurück» [Patkanov 1902: 48–50]. В этом же ряду — мифическая прародительница фратрии *мощь (мось)* в образе зайчихи,

именующаяся *Совыр-Най* [Чернецов 1957: 208], которая находит параллель в сакральном образе чувашского сурка *сăвӑр*. Фактически речь об одном и том же мифическом прообразе. Допускаю, что исконно эту священную нишу занимал сурок, замененный позже обско-иртышским уграми на более популярного им зайца.

В хантыйском, венгерском и чувашском языках есть одинаково произносимое и графически изображаемое слово *талай*. У хантов оно значит степь для вольного содержания табуна лошадей [Patkanov 1901: 319]. В венгерском языке *talaj* — «земля». В самом авторитетном 17-томном Словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина написано, что слово *талай* неизвестного происхождения, однако приводится пример, зафиксированный в селе Сунчелеево Чистопольского уезда Казанской губернии: *Вёс, вёс, аккӑш, вёс, аккӑш, талай хирне ўк, аккӑш* [Ашмарин 1937: 165]. В чувашско-русском словаре дается перевод приведенного предложения: «Лети, лети, лебедь, и долети до полей неведомого края» [Скворцов 1985: 440]. Однако *хир* можно переводить и как «поле», и как «степь». Так, низовых чувашей *анатри* вернее назвать *хирти* и лучше переводить как «степные», а не «полевые» чуваша. Хотя чувашский язык к понятию «степь» и имеет более конкретизированное словосочетание *сезен хир*, тем не менее *хир* может быть использовано и без уточняющего слова. Поэтому приведенное предложение вернее переводить так: «Лети, лети, лебедь, лети, лебедь, долети до степного края». Таким образом, можно констатировать, что *талай* как у хантов, так и у чувашей означает степь, где можно выгуливать табуны лошадей. Как известно, у тюрков и монголов значение этого слова утвердилось со значением «море». Например, у телеутов, шорцев, лебединцев, сагайцев, чулымцев и качинцев *талай* — это море или большое озеро [Радлов 1905: 878]. Видимо, сказался семантический аспект понятия «широко», «много».

В языке обских угров, как и в чувашском, происходит замена исконного звука *x* тюркским *k*. Например, река *Xùnda* или *Xanda* [Patkanov 1900: 438] — левый приток Иртыша — теперь более известна как *Konda*, а мифологический персонаж *Хуль-Отыр* — как *Куль-Отыр*. Для иллюстрации в качестве чувашского примера обычно приводят слово «девушка» — *кыз* в тюркских языках и *хёр* в чувашском языке. И в угорских, и чувашском языках имеют место краткая и полная формы числительных. Например, «2»:

хант. *кат* — *каты*, манс. *ким* — *китыг*, венгер. *két* — *kéttő*, чуваш. *ик* — *иккё*. Чувашское название реки Волга — *Атӑл* — также имеет финно-угорское объяснение и означает «река». У Константина Багрянородного оно встречается в венгерской форме *Ателькюзу* (Etelköz). *Ак Идель* еще один вариант того же названия.

Не случайно совпадение племенного названия остяков *иштяк* и деревни и леса *Иштек* в Аликовском р-не Чувашской республики. То, что в Иштекском лесу чувашаи проводили моление одному из самых значительных божеств *Киреметью* [Ашмарин 1929: 163], свидетельствует о сакральности и древности термина *Иштек* у чувашей.

Ханты и манси, как и чувашаи, по природе не выговаривают звонкие согласные (например, *лешат трукые сапоки* и эти звуки в исконных словах отсутствуют).

На этих примерах остановился потому, что и сегодня, изучая этническую историю, имеют место попытки оттолкнуться от ошибочного тезиса Армина Вамбери, утверждавшего: «Венгры, генетические родственники чувашей, — исконный тюркоязычный народ». Еще в начале X в. персидский автор Ибн Русте заявил, что мадьяры — это тюркское племя [Ибн-Даста 1869: 25]. Ввиду того что утверждение не основывалось на собственных наблюдениях автора, его можно считать не более чем произвольной констатацией (хотя к этому времени мадьяры уже испытали влияние тюрков).

Самым близким к мадыарскому языку является язык манси. Лексическое соответствие в мансийском и мадыарском языках составляет 34%. Из 162 специфических угорских слов 135 имеется и в мансийском, и в мадыарском языках (83%). Такая параллель между мадыарским и хантыйским языками составляет 70% (113 слов) [Габор 2013]. Опираясь на опыт предшественников, а также на свои исследования, Золтан Гомбоц утверждал, что венгерский язык правильно определен как член финно-угорской лингвистической семьи, а его тюркские элементы являются заимствованными [Gombocz 1912: 1–34].

Те, кто пишет о ранних общениях с тюрками, придерживаются двух гипотез: прародиной тюрков была Западная Сибирь; в угорских языках имеются тюркизмы, которые вошли до распада угорской общности. Однако Андраш Рона-Таш приводит неопровержимые примеры обратного порядка и приходит к выводу об отсутствии языковых доказательств древних угорско-тюркских

контактов. Что касается западносибирской прародины тюрков, то эта гипотеза всерьез уже не обсуждается никем. Тюркские племена прибывают на западную сторону Урала во второй половине V в. С этого времени можно вести отсчет венгерско-тюркским контактам [Рона-Таш 2011: 131–134]. Андраш Рона-Таш также пришел к выводу о том, что язык венгров был финно-угорским, но их этнос являлся тюркизированным финно-угорским, так как венгры долгое время жили внутри тюркских племенных союзов. В языковом отношении и с точки зрения самосознания они финно-угры, но их вожди и господствующая верхушка общества были тюрками [Róna-Tas 1988a: 107–142]. Венгерский академик доказывает несостоятельность утвердившейся гипотезы о ранних тюрко-венгерских контактах (до периода Великого переселения народов). Он обоснованно пишет о том, что доказательств о древних угорско-тюркских языковых контактах не существует. Им выделяется три этапа западного древнетюркского влияния на венгерский язык. На первом и втором этапах (V–VIII вв.) тюркское влияние было интенсивным, на третьем этапе (IX в.) интенсивность уменьшилась. В это время венгры постепенно стали независимы от Хазарской империи. Как и Золтан Гомбоц, Андраш Рона-Таш считает, что тюрко-венгерские языковые контакты происходили исключительно только с 500 по 1000 гг. Ни раньше, ни позже признаков влияния тюрков венгерский лингвистический материал не содержит [Róna-Tas 1997: 49–60; Дмитриева, Адыгаши 2001: 156]. Если точнее — заимствование и копирование тюркских слов в венгерском языке началось в VI в. и продолжалось до 800 г. Подготовленный Андрашом Рона-Ташем заимствованный из тюркских языков лексический список включает около 450 слов [Рона-Таш 2005: 114–115]. А. В. Дыбо пишет, что особенно интенсивными были тюркские влияния на венгерский язык в V–VII вв. Этот процесс она убедительно показала на фонетическом уровне (на примере палатализации) [Дыбо 2011: 10–21]. В то же время имеется предположение, что в истории венгров тюркские заимствования происходили еще на территории угорской прародины в Южной Сибири с III в. н. э. [Fodor 1981].

Говоря о племенах, населявших Северный Кавказ в VII–VIII вв., В. В. Радлов предков чувашей и венгров относил к носителям угорских наречий [Радлов 1893: 115–116]. С сегодняшней

точки зрения такое высказывание вполне можно принять за нон-сенс, но по состоянию на то время это реалии. Ибо следует брать в расчет сильное угорское влияние на савирав.

Опираясь на работы Золтана Гомбоца, Петер Вереш считает, что те 300 венгерских слов, которые родственны с чувашской лексикой, первоначально заимствованы у предков чувашей во время Великого переселения народов [Вереш 1996: 27]. Это термины земледелия, скотоводства, виноделия и садоводства. А филолог Юдит Дмитриева-Салонтаи в личной беседе утверждает, что у чувашей и венгров 500 общих слов. Более того, логично считать, что в указанное Петером Верешем время, т. е. в период Хазарского каганата, после середины I тысячелетия н. э., предки чувашей и кочевники мадьяры жили в тесном культурно-хозяйственном и языковом симбиозе. Сотни примеров общей чувашско-венгерской лексики ни у кого не вызывают сомнений. Так, дохристианское мужское имя *Tevel* присутствует в обоих языках. В числе однозначно имеющих чувашские критерии Андраш Рона-Таш приводит длинный ряд венгерских слов: *bojju* «теленок», чуваш. *näpy*; *kölcson* «долг», чуваш. *кивсен*; *serke* «гнида», чуваш. *шарка*; *sár* «болото», чуваш. *шур*; *szél* «ветер», чуваш. *шил*; *tiló* «мялка», чуваш. *тыля*; *gyertya* «свеча», чуваш. *шурма*; *sarló (šarlő)* «сепн», чуваш. *шурла* и т. д. [Róna-Tas 1988: 742–759]. Свидетельством существования коневодства у угров и чувашей является наличие общих названий упряжи (венг. *nyereg*, манс. *newrä*, хант. *ноҕер*, чуваш. *йёнер* — «седло»). Среди другой общей лексики: *kecske* — *качака* «коза», *árpa* — *урпа* «ячмень», *oroszlán* — *аряслан* «лев», *gyékény* — *чакан* «рогоз», *gyom* — *шум* «сорняк», *törvény* — *тёр* «закон», *iker* — *йёкёр* «близнецы» [Хайду 2000: 328–329]. Ряд общей венгерско-чувашской лексики имеется в этимологическом словаре венгерского языка: *süllő* — *шяла* «судак», *széni* — *шёрё* «кольцо», *tengely* — *тёнёл* «ось», *tenger* — *тинкер* «напрячь зрение», *térd* — *чёр(кушци)* «колени», *tinó* — *тына* «телка» [Bencő 1994: 1372, 1428, 1502]. Есть явная этимологическая и семантическая связь между чувашским *халал* «благословение» и венгерским *halal* «смерть», «конец», «гибель» — связь между прощанием и благословением, ибо прощание может быть выражено в момент смерти, ухода девушки-невесты из дома и во время проводов в солдаты.

В южнорусских степях и в Междуречье в мадьярском языке под влиянием иранских племен произошли изменения на фонети-

ческом уровне. Эти фонетические признаки не характерны для обских угров: $*p \rightarrow f$, $*t \rightarrow \delta(z)$, $*k \rightarrow h$, $*s \rightarrow h$. Именно в этот период, считает Петер Вереш, возникает новый этнос — венгры [Вереш 1984: 380]. Из списка алано-венгерской лексики, предложенного еще Бернардом Мункачи, В. И. Абаев около 40 слов отнес к безоговорочно признанным (*selbur* — *szél-bőr* «повод», чуваш. *чѣлтѣр*»; *c'iw* — *csibe* «цыпленок», чуваш. *чѣнѣ*; *zæng(xæræg)* — *cseng* «звонить», «звонок», чуваш. *шанкарав* и т. д.). Конечно, наличие в осетинском и венгерском одних и тех же тюркских элементов нельзя считать случайностью. В. И. Абаев справедливо полагал, что такие связи произошли в период алано-венгерского соседства [Абаев 1965: 517–529]. Ответ на вопрос, где и когда заимствовали венгры тюркские слова, будет и ответом на вопрос, где побывали венгры до обретения родины. В этом плане интересный результат дает анализ названий древних растений. Некоторые из них встречаются не только в западнотюркском, но и в осетинском языке. Территория сосуществования этих растений — междуречье Дона и Кубани. Сюда же следует отнести названия рыб севрюга и осетр. Эти рыбы обитали в Черном море и впадающих в него реках [Рона-Таш 2011: 137–138]. Об этом же говорят венгерско-чувашско-осетинские совпадения (*kõris* — *каврăç* — *kærz*; *komló* — *хәмла* — *хумæллæг* и т. д.).

Венгерские исследователи активно разрабатывают тему мадьярско-булгарских культурных связей. Можно считать установленным, что наиболее тесными эти связи были на Северном Кавказе. Так, Иштван Зичи определенно писал: местом древних венгерско-булгарских контактов было не Булгарское царство на Волге, а Юго-Восточная Европа — область к северу от Кавказа [Zichy 1923]. Однако венгерские ученые в основном не отличают болгар от суваров. Так, говоря о системности общей лексики чувашского и венгерского языков, Юлиус Немет тут же заключал, что «эти слова не заимствованы из какого-то одного булгарского диалекта, а отражают многовековое развитие булгарского языка на Кавказе» [Немет 1963: 131]. Но на следующей странице он писал о трех этнонимах венгров, под которыми они были известны соседним племенам — *оногуры*, *тюрк* и *савар*.

Совершенно очевидно, что имя царя Волжской Булгарии — *Алмуш*, мадьярского воеводы — *Алмуц* (отец реально-исторического Арпада [Багрянородный 1991: 163], в традиции раннесредневековых

латиноязычных сочинений — *Almus*), а также венгерский антропоним *Алмош* [Шушарин 1991, коммент. к гл. 38] — звенья одной цепи. Мадыарское имя *Árpád*, должно быть, является производным от слова «ячмень» [Németh 1991: 276] и восходит к савирскому (чувашскому) *урпа*.

Еще Йозеф Буденц и Золтан Гомбоц указывали на специфические тюркские заимствования в венгерском языке. Они обратили внимание на случаи, когда пратюркское *z заменяется посредством *r*. Как писал Йозеф Буденц, по фонетическому облику тюркских заимствований венгерского языка можно установить, какой из тюркских языков служил их источником. Таким источником Йозеф Буденц однозначно определял древнечувашский язык, характерным фонетическим критерием которого является соответствие общетюркского *z* чувашскому *r*, а также исчезновение общетюркского конечного гуттурального *k* с сохранением конечного гласного в чувашском. Общетюркский анлаутный заднеязычный *q*- в чувашском языке соответствует звуку *x* [Budenz 1873: 67–135; Дмитриева, Адыгаши 2001: 13]. Конечно, правило замены тюркского *z* (зетацизм) чувашским *r* (ротацизм) и другие фонетические законы работают и на более ранних источниках, а также в других языках. Это же правило справедливо для лексики хантыйского и мансийского языков, например: чуваш. *пёр*, хант. *пёр* «единый»; чуваш. *торна*, хант. *тор* «журавль»; чуваш. *цёрё*, манс. *сури* «кольцо»; чуваш. *авёр*, манс. *авар*, хант. *аор* «омут»; чуваш. *тар*, хант. *тара* «порох»; чуваш. *пёр*, хант. *пор*, венгер. *fur* «сверлить» и т. д. Таким образом, угорские и чувашский языки следует назвать *r*-языками, а это уже играет серьезную роль в определении их языкового сходства.

Как свидетельствуют раннесредневековые источники, в гуннскую конфедерацию на Кавказе входил ряд угорских племен. О том, что эти племена — угры, говорят их этнонимы. Например, биттугуры (у Иордана и Агафия), кутригуры (у Прокопия, Агафия и Менандра), огуры (у Приска и Менандра), сарагуры (у Приска); притом *огуры* означает «племена». О том, что эти племена не тюрки, свидетельствует ротацизм (у тюрков было бы *огузы*). Так, сараугры означает «желтые угры» (чуваш. *сарй* «желтый» + *йӓх* «племя»). Бернат Мункачи в статье, посвященной происхождению этнонима *ugor*, утверждал, что венгров называли *un-ugur/un-ugor* [Munkácsi

1895: 349–387; Дмитриева 2006: 61]. В то же время имеется мнение, что племенное название *onogur* (чуваш. *вунӑ йӑх* — «десять племен») никогда не имело место в венгерской лексике [Németh 1991: 286]. В Восточной Европе гунно-огуры смешались с другими племенами. Как результат, имеем тюрко-онугорские этнонимы. По мнению К. И. Иречек, хазары также принадлежали к угорскому племени [Иречек 1878: 160], что весьма неоднозначно.

Этнография

Общественная структура древних мадьяр имела дуальную организацию, что в принципе находит отклик в дуальной фратрии обских угров *пор* и *мось*. Так, у них господствовало управление двух вождей, один из которых был военачальником, а другой выполнял гражданскую и религиозную функции. Имеются указания и на другие дуальные формы у степняков — современников мадьяр. Например, скифо-сибирский звериный стиль, изображающий борющихся животных, и «инь-янь» у китайцев. Здесь важен не столько факт заимствования, сколько семантика содержания. Пример оплодотворения соколом мифической праматери венгров — оленихи, — справедливо считает Петер Вереш, отражает мотив противопоставления хищной верхней птицы низшему травоядному зверю — оленю [Вереш 1996: 25–6]. Следует добавить, что верования чувашей называют *ыр-хаяр тӗнӗ* «религией добра-зла». Сюда же следует добавить оппозицию *Торум* ↔ *Куль-отыр* у обских угров и *Турӑ* ↔ *Киремет* у чувашей [Салмин 2016: 255–263, 269–279]. Поэтому следует констатировать, что у чувашей, как и у угров, дуализм — явление древнее. В Чувашии находим рудименты фратрии *пор* в названии селения *Пормас*. Чувашские топонимы с финно-угорскими окончаниями на — *мас/-мес* в Чувашии часты (*Асламас*, *Ителмес*, *Пӑрмас*). Все они добулгарские. Как полагал В. Г. Егоров, в чувашских деревнях с марийскими названиями раньше жили черемисы [Егоров 1971: 13–14]. Иначе говоря, названия с основами на *пор* имеют угорско-восточнофинский субстрат.

Конечно, следует учесть и то, что по пути из Сибири в Европу к воинственным азиатским племенам присоединялись и угры [Седов 2005: 205].

Согласно Аммиану и Прокопию, к 428 г. у гуннского предводителя (до Бледы и Аттилы; видимо, речь идет о Ругиле) остались два сына — Утигур (Οὐτιγούρ) и Кутригур (Κουτριγούρ). После смерти отца они поделили власть, а подданным дали свои имена [Pросорі 1905а: 503; Прокопий 1996: 22–23]. Как отмечено Менандром, котригуры и утигуры говорили на одном языке, вели одинаковый образ жизни и носили одинаковую одежду. Для обоих племен кони играли решающую роль, как в быту, так и на войне. Частью они входили в аварские войска. Следует отметить, что Питер Голден склонен считать вождя гуннов Гордаса (Gordas), крестившегося в 528 г. в Константинополе, происходившим из утигуров [Голден 2008: 331]. Кутригур Заберган во время похода на Константинополь в 558 г. разделил свои войска, один из его корпусов состоял из 7000 всадников [Агафий 1996: 185–186]. В 568 г. аварский князь Ваян нанес сильный урон этим племенам. Часть кутригуров и утигуров бежала, часть пала в сражении, часть была захвачена, остальные истреблены [Менандр 2003: 234–235, 281–282]. Если анализировать эти факты, то следует сказать, что два сына предводителя гуннов, несомненно, носили угорские имена и вели угорский образ жизни. М. И. Артамонов расшифровывал название *утигуры* как «малые угры» [Артамонов 1962: 87], значит, *кутригуры* — «старшие или многочисленные угры». В любом раскладе выходит, что оба сына (Утигур и Кутригур) гуннского предводителя — угры. Получается, родители Утигура и Кутригура, т. е. и сам предводитель гуннов или его жена, были родом угры, и уграми были их предки. Вполне возможно, что еще в конце I в. или в самом начале II в. на юге Западной Сибири ослабевших после сокрушительного разгрома хуннов мог возглавить угорский воевода. Таким образом, Великое переселение привело в Восточную Европу смесь угорских и гуннских племен. В Европе они перемешались со степными иранцами и образовали конгломерат племен. Если верить Аммиану, Прокопию и Менандру (а у нас нет оснований не верить им), то следует констатировать, что поиски утигуров и кутригуров (и фонетические варианты этих этнонимов) до 428 г. и после 568 г. исторически не оправданы. Век утигуров и кутригуров определяется точными датами — 428–568 гг. Никифор и Феофан котрагов (Κότραγοι) считали соплеменниками булгар [Nicephor 1880: 33; Никифор 1950: 363; Феофан 1980: 36, 60]. Кутригуры и утигуры вошли под крыло хана

Куврата. В V–VII вв. они жили в районе Азовского моря. Племенное название *котраги* является вариантом наименования *кутригуры*. Речь, видимо, идет об остатках кутригуров и утигуров, влившихся в состав Аварского, Тюркского и Булгарского союзов.

И. Г. Семенов пишет о том, что на базе утигурского населения возникло Унногундурское государство. Его центр находился в Среднем Поднепровье. Кубрат также присоединил к себе остатки кутригуров. Титулование Кубрата государем не только унногундуров, но еще и кутригуров могло появиться уже в начале его правления. Этноним кутригур в последний раз появляется в источниках как раз в связи с титулованием Кубрата. Выходит, болгары вошли в состав державы Кубрата несколько позднее, т. к. до этого они числились союзниками аваров, т. е. по-прежнему находились в политической зависимости от аварского кагана. Позже, ввиду численного доминирования болгар, Унногундурское государство приобрело болгарский характер, а унногундуры составили ядро этого образования. Притом не следует путать, пишет И. Г. Семенов, оногуров с унногундурами, ибо между ними нет этнических связей [Семенов 2013б: 45, 51, 61].

Видимо, круг угорских племен, ворвавшихся в Европу, был намного шире, чем это принято полагать. Вот какое мнение имел Д. П. Европеус, к примеру, о *биттогурах*. Это название, встречающееся у Иордана, а также другие названия угорских полчищ, писал он, явившихся на земли около Черного моря, «оставались до моих исследований необъяснимыми». Он также полагал, что «имя *биттогур* чисто угорское и значит *Черная Угра* или *Югра*. *Черный* в наречиях березовских и обдорских остяков передается словом *питы*». У венгров имеет форму *fekete*. «Биттогуры, следовательно, были самые близкие родственники прародителям нынешних обдорских и березовских остяков, которые, как показывают мои исследования о названиях местностей, в старину жили около Северной Двины и около ее притока Ваги». Д. П. Европеус также считал, что *саругуры* — это «белые (желтые) угры». По-вогульски в наречии кондинских вогуличей слово *sajr* значит «белый». Он же указал на чувашское соответствие *сарй/шурй* («желтый» / «белый»). Согласно его же мнению, угорское племя *сабангуры*, известное также под названием *сабуры*, восходит к остяцкому и черемисскому *šabur* («род армяка»), по-вогульски — *šur* («рубаха») [Еuropeус 1874: 3–4].

Добавим: у чувашей *шунӑр* — легкая верхняя одежда, ее надевали невесты на свадьбу.

Что касается огуров (букв. «племена») и оногуров («десять племен», по В. В. Радлову, *он уйгуры*), то в своей азиатской истории они также могли быть уграми. В Европе они были завоеваны аварами, а затем — тюрками. Менадр рассказывал, как руководитель огуров стал сторонником тюркского ябгу-кагана. В это время они обитали в регионе от степной полосы Северного Кавказа (зона реки Кубань) до низовий Дона [Golden 2011: 142]. Согласно византийским источникам, после смерти короля гуннов Атиллы (453 г.) и ухода гуннов на Северный Кавказ на их месте появились новые люди. Приск назвал их оногурами, Феофилакт Симокатта — уннугурами. Это было имя племенной конфедерации, состоявшей изначально из 10 огурских племен, как и конфедерация *Tokuz Oguz* из 9 огузских племен. Форма *огур* > *угур* получила отражение в названии сара-гуров (Приск), ути-гуров (утигур, утригур) (Прокопий, Менадр), кутур-гуров (Прокопий, Менадр, Феофилакт Симокатта), кутригуров/котрагеров/куртургуров. Питер Голден допускает, что кутригуры и утригуры позже стали известны под именами *гунны* и, возможно, даже как *булгары* [Golden 2008a: 259]. Любопытно, что урогов, явившихся вместе с сарагурами и оногурами, В. В. Радлов признавал ошибочной транскрипцией этнонима *угур*. М. И. Артамонов в угурах усмотрел огоров (угров) [Артамонов 1962: 76]. В любом варианте мнений кутригуры и утригуры исчезли (ассимилировались) как самостоятельные племена. Иначе говоря, с середины V столетия мы находим огурские племена в регионе, расположенном к северу от Кавказа [Róna-Tas 2007]. Но следует иметь в виду мнение, что оногуры никогда не принадлежали к угорскому миру [Напольских 2005: 242, 243].

Согласно утверждению Г. В. Вернадского, сарагуры влились в хазарское общество. Так, в 627 г. они в количестве 40 000 человек участвовали в строю хазарских войск в походе на Тифлис совместно с византийцами под командованием Ираклия. Как видим, угорские племена, мигрировавшие с Урала и зауральских регионов, в VII в. на Северном Кавказе покорились булгарам и хазарам [Вернадский 1996: 216, 250] и, конечно, савирам.

Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе — *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Дьюла Немет ука-

зывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi*, который он отождествлял с этнонимом *savir* [Németh 1929: 81–86; Дмитриева, Адягаши 2001: 62–63]. Этот этноним в форме *savard* сохранился и в собственно венгерской традиции, а именно в старом личном имени *Zuard/Zoward/Zovard*. В. П. Шушарин полагал, что саварты — это мадьярские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии [Шушарин 1997: 112, 157, 159]. Угорский компонент прослеживается практически у всех народов, сменявших друг друга в степной зоне Южного Урала (сарматов, гуннов, печенегов, башкир, огузов, кыпчаков, золотоордынских татар, ногайцев, кочевых узбеков, казахов). Естественно, угорский компонент в степной зоне был менее значителен, чем в лесостепи. Влившись в состав степняков, угры быстро утрачивали свой язык, а затем и свою культуру, и антропологический тип [Антонов 2013: 6,8].

Конфедерацию во главе с каварами (*kāwar*), ушедшую из Хазарии и прибывшую к венграм, источники передают как *Тод̄ркои*. Но каваров раньше называли *Σάβαρτοι ἄσφαλοι*, т. е. раньше он не были *Тод̄ркои*, а *Σάβαρτοι* = *Sāwart* [Pritsak 1965: 383]. Это означает, что кавары по происхождению и не хазары, и не тюрки.

В Усть-Полуйское время (IV в. до н. э. — II в. н. э.) полуземлянки были почти квадратной формы (10 × 11 м) с очагом посередине и с земляными нарами по обе стороны очага [СПбФ АРАН. Ф. 1004. Он. 1. Д. 69: 17]. Сравните широкие массивные скамейки вдоль стен у чувашей. Поселения Барабинской лесостепи на раннем этапе саргатской археологической культуры отличались жилищами-полуземлянками. К концу эпохи саргатской культуры жилища имели величественный вид. Их площадь составляла свыше 300 кв. м. В наивысших точках ставились опорные столбы (ср. столб у печи в старых домах чувашей), по периметру располагалось два круга столбов (внешний круг столбов имел наклон внутрь жилища). Очаг находился в центре дома в небольшом углублении [Полосьмак 1987: 6, 9].

Угры издревле проводили на Енисее и на других водоемах за ловлей рыбы не только летом, но и в течение круглого года. «Любимое занятие всех угорских групп — рыбную ловлю — венгры не оставили даже в южнорусских степях» [Патканов 2003: 384]. Действительно, как писал Гардизи, в Днестровско-Днепровском междуречье мадьяры занимались рыболовством и этим жили [Бартольд 1973: 58]. Характеризуя быт мадьяр во второй половине IX —

начале X в., Ибн Русте также отметил у них зимнее рыболовство. С наступлением зимнего времени мадьяры перекочевывали ближе к реке и оставались в продолжение зимы, занимаясь рыбной ловлей. «Жить им зимой у тех рек удобнее, чем где-либо», — отметил путешественник [Ибн-Даста 1869: 26]. О том, что «рыба составляет главнейшую пищу» мадьяр, в 880-х гг. писали также летописцы Нотарий Белы и Регино фон Блюм [Хвольсон 1869: 120].

В языке венгров почти нет исконных земледельческих терминов, кроме слова «просо». Вся лексика, связанная с земледелием, а также виноградарством и садоводством (кроме слов, заимствованных в конце IX в. у славян), перенята у предков чувашей. Эти слова, писал Петер Юхас, без сомнения, доказывают, что болгары (сюда он включает и предков чувашей) имели развитое земледелие. Более того, лексика, связанная с виноделием, свидетельствует о продолжительной оседлой жизни [Юхас 1985: 439]. В число таких заимствованных слов Петер Юхас включал и монголизмы. Есть ряд слов, перенятых на Кавказе. Согласно Петеру Верешу, венгерские племена поздно оставили кочевнический характер хозяйства. Поэтому они основные земледельческие термины («плуг», «серп», «пшеница», «ячмень», «жатва», «стог») заимствовали из языка народов, населявших Хазарский каганат между 750–896 гг. Этот важный процесс происходил в южной части территории салтово-маяцкой археологической культуры [Вереш 1984: 382–383]. Здесь страна мадьяр характеризуется деревьями, водоемами, сырой землей и пашнями [Заходер 1962: 30].

В середине VI в. восточноевропейские угры волосы сзади заплетали в несколько кос [Артамонов 1962: 156]. В начале XX в. остяцкие мужчины также носили длинные волосы, а многие заплетали косы. Такого обычая нет ни у одного из других племен, обитающих в Туруханском крае [Анучин 1906: 42, 43]. С этими данными неожиданно перекликается известие, зафиксированное в середине XIII в. у крымских татар. «В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей» [Рубрук 1997: 98]. Источник пишет о сколачивании Ираклием (610–641 гг.) антииранской коалиции. Византии удалось привлечь в свою сторону и «златолюбивый народ косоносцев». Известно, что в Закавказье в походы ходили савиры, хазары и барсилы. К тому же тюркюты не носили кос. У них волосы были распущенными [Каганкатвацци 1861: 105, 109–110]. Об этом же писал другой

источник [Агафий 1996: 21]. Заплетали волосы только угорские племена [Артамонов 1962: 156]. Выходит, у Моисея Каганкатваца речь идет об угорских племенах, обосновавшихся к северу от Дербента. А «из племен, населявших Плоскостной Дагестан, ближе всего к уграм были савиры» [Федоров, Федоров 1978: 63]. Отсюда допустимо, что савиры также в VII в. носили косы.

Еще в XVIII в. относительно вогулков было замечено, что «их убор несколько к чувашскому подходит, и состоит из толстого белого кропивнаго балахона; голову повязывают платками, а зимою носят с верху малахай, девки заплетают и ходят, повязавши повязкою, унизанною разноцветным бисером» [Лепехин 1814: 28–29].

Как и чуваша, остяки остерегались брать жен из своего же рода [Паллас 1788: 68].

Археологи обнаружили в захоронениях венгров — завоевателей родины — остатки своеобразного лицевого покрытия. Череп покрывался кожаным лоскутком. На нем в места глаз и рта помещали серебряные пластинки четырехугольной формы. Близкие аналогии известны и в обычаях обских угров. После наступления смерти, когда покойник обмыт и одет в чистое белье, его глаза закрывали, лицо покрывали платком, всю голову обертывали лоскутом оленьей кожи. К местам ушей, носа, рта и глаз прикрепляли монеты, пуговицы, металлические пластинки. Такие манипуляции направлены на то, чтобы умерший не смог забрать с собой кого-либо из живых, а также был неузнаваем по пути в иной мир. О том, что этот обряд древний, свидетельствуют архаические традиции поклонения медведю, обращения со священными куклами. Как известно, морду ритуально убитого медведя также покрывают берестяными или жестяными щитками, а глаза — монетами. Видимо, данный обряд проник к уграм из южных традиций. Так поступали степные племена — скифы, сарматы, иранцы, аланы. Несомненно одно: обычай наложения маски и монеты был распространен у хантов, манси и венгров во времена их совместного проживания [Dienes 1963: 112]. Однако где: в Зауралье или на Северном Кавказе? Закрывание умершему отверстий (ноздрей, ушей, лунок глаз, рта) шелком чуваша объясняли нежеланием выставить уходящего в иной мир родственника в качестве свидетеля. Если там у него спросят: «Кто за тобой идет?», он мог ответить: «*Курман, илтмен, пѣлместѣн*» («Не видел, не слышал, не знаю») [Салмин 2016: 188].

У Агафия, в частности, имеется пассаж, из которого можно получить представление о выражении горя по погибшим. «Слышался сильный вой варваров: они резали себе даже щеки ножами, выражая тем, по обычаю, свою горесть» [Агафий 1996: 198]. Речь идет о гибели 400 воинов из отряда хана Забергана при отражении римлян. Агафий называет Забергана ханов гуннов. Фактически Заберган является ханом кутригуров. Рудименты таких действий можно увидеть в традиционных обрядовых действиях чувашей [Салмин 2016: 177–232].

Важное значение имеет сравнительное изучение намогильных знаков у угорских народов, а также сопоставление их с антропоморфными знаками у чувашей [Гемуев 1990: 206–212; Хоппал 2015: 198–206; Салмин 2016: 212–219]. Исследователи признают, что в традиции венгров ставить на могилах деревянные антропоморфные памятники довольно четко просматривается продолжение культуры зауральских угров. Все они антропоморфны не только в целом, но и в деталях. Так, в придунайских деревнях у намогильных деревянных памятников как закругленные, так и прямоугольные верхушки символизируют голову человека. Нижняя часть, закапываемая в землю, называлась ногами, средняя часть — туловищем. В некоторых деревнях различают детали памятников: пояс, грудь, плечо, шея, голова и даже пучок волос. Кроме того, людям, умершим в пожилом возрасте, ставились деревянные памятники из толстого бревна, молодым — из тонкого.

Чуваши также готовят столб-юпа из дерева: мужчинам ставят дубовые, женщинам — липовые антропоморфные столбы. Иногда используют сосну. Подбирают такое дерево, чтобы спиленный ствол позволил изготовить столб с размерами, соответствующими росту и полноте умершего. Основная задача изготовителей — придание столбу человеческого облика. Вначале на столбе, «отступая на некоторое расстояние от вершины», высекают вокруг топором углубление, как бы выделяя голову от корпуса [Руденко 1910: 86]. Затем приступают к оформлению основной части — лица: вырезают признаки носа, губ и глаз. Есть упоминание о закрашивании губ, рта и носа красной краской, видимо, для большей реальности и оживления. На более тщательно выполненных столбах имеются обозначения ушей, рук и ног. По возможности подмечают характерные признаки умершего, ибо *юпа* должна вызвать ассоциацию с тем, кто будет лежать под этим столбом.

Но оформление надгробного знака, особенно женских памятников, на этом не заканчивается. *Юна* дополняется орнаментированными надрезами, обозначающими одежду и украшения. Они имеют геометрическую форму. Эта сторона вопроса не прошла мимо внимания исследователей, и мы отсылаем любопытного читателя к работам С. И. Руденко, Г. А. Никитина, Т. А. Крюковой и А. А. Трофимова. Помимо породы дерева, именно орнамент позволяет отличить мужские столбы от женских. Конечно, резьба на них имела символическое значение [Никитин, Крюкова 1960: 64]. Кроме того, каждый столб обладал знаком рода, чтобы впоследствии можно было отличать могилы. Называлась эта метка *тура* и была одинаковой как на меже, так и на сельскохозяйственном инвентаре [Ашмарин 1928: 238].

Основная особенность чувашских надгробных столбов — их предельная антропоморфность (спиливание растущего дерева, придание фигуры и облика новоумершего, обращение как с живым человеком и т. д.). Аналогичная картина описана в X в. Ибн Фадланом на примере русов Волжской Булгарии. То же самое обнаруживал Н. И. Толстой у южных славян [Толстой 1995]. Как и чуваша, остяки обращались со столбом как с живым человеком. Так, жены умерших мужчин специально изготавливали деревянную фигуру человека, кормили ее, оказывали честь и укладывали с собой спать [Паллас 1788: 78].

Питер Голден пишет, что теория финно-угорского происхождения сабиров ошибочна. В частности, он указывает на интересную, но неприемлемую статью Серафима Патканова «Über das Volk der Sabiren» [Golden 1980: 35]. И это верно. Но отрицать угорский слой в этногенезе савиров/чувашей — значит совершить очередную ошибку.

Искусство

В аспекте обсуждаемой темы чрезвычайный интерес представляет традиционная вышивка обских угров. Описывая ее, С. В. Иванов замечал, что основной комплекс вышивок хантов и манси представляет собой совершенно обособленное явление, поскольку ни у ближайших соседей (тобольских татар, селькупов, ненцев), ни у более далеких народов Сибири ничего подобного не встречается. В то же время исследователь писал о широком его распространении у народов восточноевропейской части Советского Союза:

«Мы находим его не только у народов финской группы, но также у ряда славянских и тюркоязычных народов. Так, шов “крест” известен карелам, марийцам и мордве, русским и украинцам, чувашам и башкирам, а за пределами Советского Союза — болгарам. Двухсторонним квадратным швом пользуются карелы, мордва и мари, русские (у которых он носит название “роспись” или “клетка”), украинцы и чувашаи... Гладь с темным контуром встречается в вышивке удмуртов, марийцев и мордвы, русских, украинцев и болгар, чувашей и башкир» [Иванов 1963: 80]. В перечисленный ряд народов можно смело отнести еще белорусов и вепсов.

У хантов есть термин *xanda-xanč*/*ханды-ханч* («хантыйская вышивка» / «остяцкий узор»). Словом *xanč* обозначается прием, используемый при вышивке; также оно имеет значения «метка», «шитье», «узор», «пестрый». Наносилась такая вышивка на головную повязку *saravat* (чуваш. *масмак*) и на женские рубахи [МАЭ. Фонды Сибири. Колл. № 581, Ед. хр. №№ 5, 7, 9, 10/2; Изделия 1911: IV, 60, 65; Пигнатти 1912: 13]. *Xand* или *xanda* — значит «хантыйский», «относящийся к хантам», ибо *xant*, а также *xанти*, *xандэ* — это эндоэтноним, а остяками их звали соседние племена. Из-за того что нитку остяки готовили преимущественно из конопли, а узоры были свойственны только им, *hand* использовался по отношению и к конопле, и к узору — соответственно *handa-pōtin* или просто *hand* [SUS. Kotelo 54: 7, 50]. Однако геометрические рисунки при вышивке *xanda-xanč* очень близки к чувашским узорам: две симметричные птицы или лошади (возможно, олени или лоси) у центрального дерева, крупные линии с изгибами, завершающиеся мелкими отростками. Особый стиль вышивки, поразительно схожий с *xanda-xanč*, широко применялся чувашскими женщинами. Чтобы обе стороны выглядели одинаково, использовалась, так же как у хантов, техника двустороннего шва. «Узор выполнялся по счету ниток основы и был всегда геометрическим» [Трофимов 2010: 196]. Строение используемых тканей, произведенных из крапивы, конопли или льна, позволяло творить точные рисунки. Такое же объяснение давал вышивке *xanda-xanč* С. К. Патканов. Он называл ее образцовой хантыйской вышивкой [Patkanov 1900: 425–426]. Те же дерево, птица, лошадь, та же симметрия, те же геометрические фигуры с двумя и более мелкими отростками на вышивках у чувашей [Ашмарин 1941: 49]. И у хантов, и у чувашей так

называемые отростки могут означать рога оленя или лося. Вышивками техникой шва *хантӓсла* особенно богаты были покрывало невесты *пёркенчӓк* и платок жениха *сулак*. Чувашки наносили такую плотную вышивку также на рубахи в области груди (*кӓскӓ*), на головные уборы *масмак* и *сурпан*, на рукава и подолы. Богато вышитая одежда у обоих народов составляла предмет гордости и свидетельствовала о высоком мастерстве носителя. Такая вышивка у чувашей называется *хантӓсла*. Слово обозначает окончательное нанесение цветных узоров на предварительные контуры рисунка. В слове *хантӓсла* -ла является аффиксом, образующим новое слово, обозначающее прием работы. Конечно, и морфема -ӓс когда-то появилась как аффикс, а теперь воспринимается вместе с *хант* как одно слово. Что касается корня *хант*, то автор этих строк воспринимает его как этноним *хант*, а термин *хантӓсла* в целом переводит как «вышивать по-хантыйски».

У чувашей приемы вышивки способом *хантӓс* сохранились до сих пор. В народе имеются мастера, которые могут исполнить самые сложные виды этой вышивки. А народная мастерица Е. Н. Жачева из деревни Шихамыси Цивильского района даже выпустила книгу с советами начинающим вышивальщицам [Жачева 2011]. Она различает такие виды (типы) этой древней вышивки: *хантӓс* или *чан хантӓс* (букв. «настоящий хантӓс») — «косая мелкая стежка»; *ӓсма хантӓс*, *хантӓсла*, *хантӓсла шывлам* — «верховой косой шов»; *тӓр хантӓс*, *вӓт хантӓс* — «прямая стежка»; *ик чикӓмлӓ хантӓс* — «двойной хантӓс»; *икӓ питлӓ хантӓс* — «двухслойный стебельчатый шов»; *хӓю хантӓс* — «веревочка». По манере исполнения вышивки бывают ажурные (*касман шӓтӓкля* «мережка») и ковровые (*ӓсма хантӓс* — «простой крест»). А по направлению вышивки имеются *вӓт хантӓс* «прямые», *чан хантӓс* «по диагонали», *хӓю хантӓс* «петлеобразные», *ик чикӓмлӓ хантӓс* «косые». По цвету вышивки различают *ӓсма хантӓс* — «двухсторонний крест». Множество названий по виду швов: *хӓю хантӓс* «стебельчатый шов», «шов веревочкой», «пустышный шов», *икӓкӓр хантӓс* «двойной» или «парный шов», *туратлӓ хантӓс*, *масмак тӓрри* «ветвистый шов», *тӓр хантӓс* «прямой хантӓс», *кукӓр-макӓр хантӓс* «зигзаг», *икӓ питлӓ хантӓс* «двухслойный стебельчатый шов», *ик чикӓмлӓ хантӓс* «двойной хантӓс», *вун ик туратлӓ хантӓс* «шов с двенадцатью ветками». Рассматриваемый тип вышивки использовался при

нанесении цветных узоров на старинную одежду (на рубахи, наволочки свадебной подушки, женские поясные украшения *яркач*, *саря* и т. д.). Отсюда и варианты названий вышивки. Например, шов *туратля хантас* еще называли *масмак тёрри*, т. к. широко использовался при нанесении узоров на женский головной убор *масмак*. Шов *саклатмалла хантас* применялся при украшении ворота женских рубашек. Техника вышивки *хантас* разнообразна и сложна. Так, *ик чикёмлё хантас* «двойной хантас» представляет собой верхшов в два ряда. Оба ряда шьются в один прием. На изнанке крайние линии состоят из пунктирных стежков, а средняя линия — из набегающих друг на друга мелких горизонтальных стежков. Двухслойный стебельчатый шов *икё питлё хантас* получается двухсторонний. Шьется в два приема зелеными шерстяными нитками всех оттенков.

Другой тип вышивки у хантов называется *сёвет-ханс*/*сёвэм-ханчь*, т. е. буквально «плести по-хантыйски/узор старины». Это — плетеная вышивка, наносимая крестиками. «Крестики соприкасаются иногда только одним концом, а иногда двумя, покрывая тогда фон почти сплошь» [Изделия 1911: IV, 66]. У чувашей *сёвем* — нитка длиной примерно около метра или в два локтя. Нитками такой длины запасаются чувашки, приступая к очередной вышивке. Корень слова — *сёв* «сдирать, снимать, отделять» (нитку от мотка). В процессе прядения длина каждого закручивания составляет примерно длину в *сёвем*. В чувашских сказках *паттёр* получает из рук волшебного дарителя нитку *сёвем*, с помощью которой добирается до цели. Молодая после брачной ночи идет к роднику, набирает воду, а взамен духам воды оставляет нитку *сёвем*. По три *сёвем* раздают после похорон каждому присутствующему. Согласно верованиям, тот, у кого все три нитки окажутся равной длины, может умереть в течение года [Ашмарин 1936: 293; Салмин 2016: 590–592].

Следует особо отметить, что *сарават* и *масмак*, а также женские рубахи хантов и чувашей почти один к одному — по функциональному назначению, форме, по видам вышивок, раскрою, зонам расположения вышивок, цветовой гамме, геометрическим формам вышивок, да и по технике вышивок (*ханда/хантас*, *сёвэм/сёвем*). Как видим, чувашская вышивка *хантас* богат и разнообразен, главное — имеет древнейшие корни и находит прямой отклик с хантыйской. Так традиционная вышивка двух народов, исполняемая одни-

ми и теми же узорами, одними и теми же способами, обозначаемая одним и тем же словом и имеющая одну и ту же семантику, вскрывает древнейшие контакты.

Можно обратить внимание еще на одну деталь в швейном искусстве хантов. Продавая шкуры и шкурки добытых зверей, они отрезают для себя менее ценные части с краев, например, лапки, участки около брюшка, хвосты и т. д. Такие кусочки используются при украшении одежды, из них шьют шапки, воротники. Иногда из отрезков шьют верхнюю одежду: так, вахские ханты используют отрезанные шкурки белчих лап и оленьих ушек; на одно изделие уходит до 300–400 кусочков. Также шьется одежда из шкурок птиц [Изделия 1911: 26–27]. Аналогичный способ шитья из кусочков существовал у чувашей и назывался *катӑкла* (*катӑк* — «кусок», «лоскут», «отрезок»). Из тканей, собранных из остаточных лоскутков и кусочков, шили, например, одеяла и наволочки. В этой связи вспоминается эпизод из собственной жизни: собирая меня в первый класс, мама сшила *катӑклӑ сумка* — изумительно красивую сумку из разноцветных треугольных кусочков тканей, с двумя ручками. Сшитая мамой сумка была предметом гордости и придавала настрой в учебе.

Сюда можно добавить и другие параллели из области ремесла и рукоделия угров и чувашей. Например, А. А. Попов указал на сходства ткацких станков: «Угорский ткацкий станок имеет усовершенствованную конструкцию, при которой перемещение зева достигается нажатием ноги на педали. По устройству он очень сходен с чувашским (рис. 18) и марийским ткацкими станками. Такого станка нет ни у одного из народов Сибири, кроме юго-западных татар» [Попов 1955: 125]. Использование обскими уграми и чувашами прясла к веретену также не встречается у многих народов. У хантов прясло — это широкое кольцо, надеваемое для увеличения веса веретена и, в результате, усиления и регулирования скорости вращения. Изготавливается из коры, дерева, кости, рога, глины или мягкого камня. Иногда угры изготавливали цельные веретена, когда стержень и пряслице вырезается из одного куска дерева. Как веретено, так и пряслице часто украшаются рисунком [Изделия 1911: 48–49; Попов 1955: 84, табл. XIII]. У чувашей прясло — это литое кольцо из олова или свинца, иногда из рога лося. Его носили и в качестве оберега-амулета [Ашмарин 1930: 139–140].

Исследователи указывают также на общие традиции в музыке и фольклоре чувашей и венгров [Vikár, Bereczki 1979]. Пентатонный квинтовый сдвиг в качестве самостоятельного стиля встречается в трех местах: на территории Венгрии; на марийско-чувашской границе у обоих народов; во Внутренней Монголии сразу у нескольких народов [Sipos 1988: 1–57; Дмитриева, Адягаши 2001: 208–209]. К сожалению, Янош Шипош подробно не останавливается на венгерско-монгольских параллелях. Прослушивание, в том числе в полевых условиях, многих тысяч записей чувашской музыки явилось для Ласло Викара основанием необходимости еще более глубокого ее изучения. Как считает венгерский музыковед, с точки зрения формы, тональности и ритма чувашская музыка ближе к старовенгерской, чем марийской. В ней так же, как и в народной венгерской музыке, переходные формы более типичные, чем чистый тональный ответ, а квинтовый сдвиг не присутствует во всей мелодии. В чувашских песнях, подобно венгерским, тональность не соблюдается так строго, как у марийцев. По сравнению с марийскими мелодиями с квинтовым сдвигом заметны краткость строк и малое количество слогов чувашской музыки, что опять-таки совпадает с венгерской [Vikár 1966: 189–199; Дмитриева, Адягаши 2001: 103]. В чувашской народной музыке широко распространены основы пентатоники и тетратоники. Музыковеды отмечают, что чувашские песни в мелодических линиях, мотивах и структуре сходны или даже тождественны с венгерскими мелодиями [Paksa 1984: 148].

Мелодии традиционной музыки хантов также весьма созвучны чувашским. А венгерская длинная *фуруйя* по звучанию и по форме весьма сходна с башкирским *кураем*.

В IX – XIV вв. через торговые связи шло влияние культуры Волжской Булгарии на обских угров. В частности, на Обь и Иртыш завозили серебряную утварь с нанесенными на них изображениями, которая была включена местным населением в религиозно-обрядовые комплексы. В последние годы эти изделия хорошо проанализированы [Бауло 2009: 6–7].

Фольклор

У хантов и манси широко распространены легенды о сотворении земли. Основными персонажами в них выступают Старик (*Мир сусне хум*) и птица с названием «красношейная поганка». Сюжеты всех вариантов известны в литературе как «миф о ныряющей птице», «миф о сотворении мира», «добывание земли со дна мирового океана» [Напольских 1993: 35–38]. Мотивы легенд о добывании земли имеют место также у венгров, а также у многих народов Европы и Сибири.

В легендах манси (вогулов) говорится о добывании земли со дна мирового океана на поверхность посланцем небесного разума — птицей *лулы*. «Летит с Небес железный Лулы (*тёр Лулы*), прилетел, сел на океан, нырнул на дно доставать землю. На третий раз нырнул, задержался под водой, вынырнул — на клюве кусочек земли (*мā лōмт*), но на темени кровь. Он подплыл к домику Жены и Мужа, на угол прикрепил землицу, отплыл и улетел обратно в Небеса с окровавленным теменем» [Ромбандеева 2015: 61]. Далее в сюжете выясняется, что земной сын Небесных Жены и Мужа становится *Мир-Суснэ-Хум*, т. е. божеством-смотрителем земного порядка. А его отец оказывается *Нуми-Торумом*, т. е. Небесным божеством, а мать — *Кал-тась* «опору делающая». Выходит, миссией Небесных божеств было установление материка на земле. Этот же мотив — небесность — присутств. фратрии *мось-йох*. Данный сюжет имеет древнее североазиатское происхождение. Его справедливо считают прауральским, затем распространившимся и в Восточной Европе. Что касается аналогичных чувашских текстов, то их называют апокрифическими легендами о творении [Напольских 2011: 215–272].

Острые дискуссии вызывают легенды об олене-предводителе. Дьюла Моравчик писал, что данная легенда является странствующим сюжетом. Ему возразил Янош Берзе-Надь, заявив, что легенда о чудесном олене является оригинальной мадьярской традицией. Он обратил внимание не на оленя, а на братьев-близнецов, идущих за зверем, показывающим новую родину. Правда, во многих источниках вместо оленя выступают лань, лось и другие животные. Он же указал на аналогии у манси. Разница между Иорданом и мадьярским вариантом в том, что у Иордана охотники отсутствуют, а в венгерской традиции они присутствуют. Охотники есть

и у Прокопия. Иштван Фодор высказал мнение, что легенда является оригинальной венгерской традицией и она бытовала еще на территории саргатской культуры, отождествляемой с протомадьярами. Габор Дьени, давший историографию изучения сюжета о путеводном олене, полагает, что мифические персонажи легенды отражают ранние этапы этногенетического процесса мадьяр [Габор 2007: 34–43]. Видимо, правда в том, что венгерский текст является оригинальным вариантом, восходящим к инвариантному сюжету об олене-предводителе.

Выводы

Итак, автор склонен возвести этимологию слова *угры* к основе *uh/oh*. Возможно, так оно звучало в речи обских угров в их ранней истории (до рубежа нашей эры.) в значении «племя», «род». Сравните угорское *jaχ* (*äs jaγ* «обский народ», «обские ханты», *waγ jaγ* «вахский народ», «вахские ханты») и чувашское *йӑх* «род», «племя». Позже, с появлением в Юго-Западной Сибири и Восточной Европе тюркских племен, слово обрело форму *ук/ок*. Возможно, оно имеет семантическую связь с омонимом *ух* «стрела» — чуваш. *ух(ӑ)* «лук». Также следует учесть, что венгерское слово *uk* обозначает «прапрадед».

В период I в. до н. э. — V в. н. э. угорские племена друг за другом в огромном количестве мигрировали из Западной Сибири на юг Восточной Европы.

Среди волжско-булгарских типов антропологи различают чувашские серии с более плоскими носами. У черепов этой серии *fossa canina* развита несколько больше, чем у европеоидных, *fossae praenasales* встречается значительно чаще, лицо выше, но вместе с тем более узко. Но если взять, например, остяков, говорил Г. Ф. Дебец, то найдем у них приблизительно тот же тип, что и у черепов чувашской серии из могильников Волжской Булгарии. Остяки, безусловно, относятся к числу монголоидных типов, хотя и невыраженных, может быть, более протоморфных. Поэтому соотнесение черепов чувашской серии и остяцких черепов весьма правомерно, тем более нам неизвестны европеоидные типы с плоским носом.

Много общего у чувашей и угров в религиозных воззрениях. Так, одинаково название главного божества у чувашей и манси — с основой *Тор*. Определенный интерес представляют чувашские надмогильные антропоморфные дощечки *чѣре калак* и мансийские изображения умерших, называемые *иттерма*.

Несколько сот венгерских слов, родственные с чувашским, первоначально заимствованы у предков чувашей во время Великого переселения народов. Это термины земледелия, скотоводства, виноделия и садоводства.

Как угры, так и чувашаи имеют дуальную систему общества, что получило отражение в народных обрядах и верованиях, а также топонимике. Пряслица из камня и глины, находимые на городище Сибир, аналогичны чувашским. Имеются полные совпадения в кройке и названиях повседневной одежды.

У хантов есть термин *xanda-xanč* «хантыйская вышивка». Словом *xanč* обозначается прием, используемый при вышивке. *Xand* (*xanda*) — значит «хантыйский», «относящийся к хантам», ибо *хант* (а также *хантти*, *хандэ*) — это эндоэтноним. Геометрические рисунки при вышивке *xanda-xanč* очень близки к чувашским узором: две симметричные птицы или лошади (возможно, олени или лоси) у центрального дерева, крупные линии с изгибами, завершающиеся мелкими отростками. Особый стиль вышивки, поразительно схожий с *xanda-xanč*, широко применялся чувашскими женщинами. Вышивками техникой шва *хантӓсла* особенно богаты покрывало невесты *пӓркенчӓк* и платок жениха *сулак*. Чувашки наносили такую плотную вышивку также на рубахи в области груди, на головные уборы *масмак* и *сурпан*, на рукава и подола. Главное, такая вышивка у чувашей называется *хантӓсла*. Что касается корня *хант*, то автор этих строк воспринимает его как этноним *хант*, а термин *хантӓсла* в целом переводит как «вышивать по-хантыйски».

Отрицать угорский слой в этногенезе савиров/саби́ров/чувашей — значит совершить ошибку. Межэтнические взаимодействия между уграми и предками чувашей следует отнести к II–IX вв. на Северном Кавказе и в южнорусских степях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе проанализированы основные версии истории (происхождения и формирования) чувашского народа. Рассмотренные в книге племена в той или иной степени взаимосвязаны друг с другом. Однако каждое из них прошло свой исторический путь (см. выводы по главам). Полученные выводы опираются на достоверные источники. Для выяснения корректности имеющихся версий критически проанализирована основная литература по теме.

Согласно первоисточникам, наиболее достоверной является савирская гипотеза происхождения чувашей. Вернее, савары/савиры/сувары составили стержень и ядро предков чувашей. Остальные версии в работе представлены в главах в «угасающей» последовательности по отношению к чувашам (булгарская, тюрко-монгольская, гуннская, персидская, угорская). Тем не менее современных чувашей невозможно назвать «чистыми» потомками савиров. Генетические, антропологические и языковые показатели, а также обряды, верования и другие этнографические элементы в процессе исторических взаимодействий в той или иной степени впитали компоненты исторических соседей.

История предков чувашей состоит из нескольких пространственно-временных периодов:

- 1) Северный Кавказ (II в. н. э. — 737 г.).
- 2) Салтово-Маяцкая культура (737–895 гг.).
- 3) Левобережье Среднего Поволжья (895–922 гг.).
- 4) Правобережье Среднего Поволжья (922 г. — по сегодняшний день).

Факты говорят в пользу того, что *савары/савиры/савиры/савиры/сувары* верно оценивали ситуации на своем стратегическом пути. Ушедшие в 922 г. на правобережье Волги сувары — это ядро предков современных чувашей, сумевшее на своем долгом историческом пути сохранить исконные традиции и избежать участи быть поглощенными исламской культурой. Пройденный предками чувашей путь представляет собой историю поиска себя.

Если даже отложим все предположения, относящиеся к событиям до нашей эры, то остаются сведения начала нашей эры. Это свидетельства Птолемея (II в.), Элия Геродиана (III в.), Аммиана Марцеллина (IV в.), Приска Панийского, Прокопия Кесарийско-

го и Стефана Византийского (V в.). В это время тюрков на Кавказе еще не было. Они появляются в регионе в VI в.

Автор монографии, опираясь на выверенные источники и выводы исследователей смежных дисциплин, строил систему фактов и демонстрировал ее. В книге дается анализ источников и литературы по теме. Автор разбирал гипотезы, версии и факторы, имевшие или имеющие отношение к обсуждаемой теме. Стояла задача — достать из ячеек истории забытые факты и разложить по возможности последовательно и системно так, чтобы читатель сам мог делать (при желании) выводы. Обнаружилось, что большинство работ по обсуждаемой теме написано по имеющимся лекалам.

Архивные источники

Автор — полевые записи и собрания автора в 1967–2004 гг. — 208 с. + коллекция фотографий.

ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1453 — Элле К.В. Древности Чувашской АССР. 1934 г. — 26 л.

МАЭ РАН. Отд. Сибири. Колл. 581 — Одежда и украшения из Меньше-Кондинской волости Тобольского округа, поступившие в 1897–1900 гг. в дар от С.К. Патканова. В 1900–1901 гг. регистрировал Д. А. Клеменц. — 13 ед. хр.

ОР РНБ. Ф. 885. Д. 223 — Дамаскин, епископ Нижегородской и Алаторский. Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих; имянно Россиян, Татар, Чювашей, Мордвы и Черемис... 1785 г. — 447 л.

Поле 90 — экспедиция автора в 1990 г. в Шенталинский р. Куйбышевской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Лл.134–240.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026 — Масленицкий Тимофей. Топографическое зписание губернии Симбирской. 1785 г. — 450 л.

РГИА. Ф. 470. Оп. 4 (83/517). Д. 111 — Гоф-интендантская контора Министерства Императорского двора: Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию от строений из чюваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку. 1755 г. — 7 л.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 30 — Бобровников Н. В Комиссию по изучению племенного состава населения России. 1918 г. — Лл. 177–181.

СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 3. Д. 27 — [Золотов Н. Я. Чувашские] заговоры (приворотные, отворотные). 1927 г. — 40 л.

СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33 — W. W. Radlow. [Die Grammatik der Sprache Chuvash. 1916–1918 JJ. Не опубликовано]. — 35 Blätter.

СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107 — Радлов В.В. Смешанный словарь на карточках. Не опубликовано. Б. д. — 2888 л.

СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 125 — Штеренберг Л. Я. 10 заповедей этнографа. — 4 л.

СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 69 — Руденко С.И. Угры и ненцы Нижнего Приобья: (Историко-этнографические очерки). Не позднее 1960 г. — 192 л.

ЧГИ 21 — Ашмарин Н. И. Археология, этнография, фольклор. 1895–1943 гг. — 611 с.

ЧГИ 151 — Никольский Н. В. Этнография. 1887–1905 гг. — 355 с.

ЧГИ 152 — Кириллов С. История, этнография, топонимика, фольклор. 1905 г. — 190 с.

ЧГИ 154 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1892–1905 гг. — 405 с.

ЧГИ 209 — Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. — 646 с.

ЧГИ 216 — Никольский Н. В. Этнография. 1910–1911 гг. — 570 с.

ЧГИ 309 — Никольский Н. В. Краткие материалы по этнографии. Вторая пол. XIX — начало XX вв. — 526 с.

ЧГИ 319 — Никольский Н. В. Этнография. Вторая пол. XIX — начало XX вв. — 646 с.

ЧГИ 581 — Элле К. В. Древности Чувашской АССР. Т. III. 1934 г. — 281 л.

ЧГИ 623 — Элле К. В. Этнография. 1925–1928 гг. — 132 с.

ЧГИ III-152 — Васильев П. Фольклорные материалы, собранные воспитанником Симбирской чувашской школы. 1886 г. — 226 л.

ЧГИ III-195 — Вершков Д. П. Фольклор с. Шашкары. 1937–1959 гг. 352 л.

ЧГИ III-536 — Материалы экспедиции студентов ЧГУ под руководством автора в Шакуловский с/с Канашского р. Тетрадь Галины Акчуриной. 1976 г. — 96 л.

SUS. Kotelo 54 — Ahlqvist A. Ostjakiska. — 103 p.

SUS. Kotelo 644 — Ramstedt G. J. Tšuvassi. 1922 J. — 16 p.

Опубликованные источники

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: Т. I. — М.; Л.: Изд-во АН, 1958. — 657 с.; Т. III. — Л.: Наука, 1979. — 358 с.; Т. IV: U-Z. — 1989. — 326 с.

Агатангелос. История Армении. Пер. с древнеармян., вступ. ст. и коммент. К. С. Тер-Давтяна и С. С. Аревшатяна. — Ереван: Наир, 2004. — 336 с.

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. — М.: Арктос, 1996. — 256 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. — СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1836. — XV, 491, 12, 25, 4 с.

Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). Пер. со старотатар., вступ. ст. и коммент. А. М. Ахунова. — М.: Марджани, 2010. — 219 с.

Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. Ю. Кулаковского. — М.: Алетейя, 1996. — 569 с.

Аммиан Марцеллин. История. Пер. В. В. Латышева // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009: 259–266.

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940: 71–112.

Аноним. Извлечения из хроники. Пер. и примеч. И. Эрдели // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск, 1967: 172–181.

Аноним Равеннский. Космография // Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. — М.: Индрик, 2002: 161–286.

Аполлинарий Сидоний Гай Соллий. Письма. Стихотворения. Рассказ о заблуждениях Диоскора Александрийского. Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4: 287–293.

Ибн-Араб Шах. Чудеса предопределения в судьбах Тимура // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 455–474.

Артемьев А. [И.], ред. Казанская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1866. — LXXX, 237 с.

Асимов М. С., ред. Русско-таджикский словарь. — М.: Рус. яз., 1985. — 1279 с.

Ибн ал-Асир. Полный свод истории (Ал-Камил фи-т-та'рих). Пер. с араб., коммент., указ. — П. Г. Булгаков. Доп. к пер., примеч. и коммент. Ш. С. Камолиддина. — Ташкент: Узбекистан, 2006. — 590 с.

Асланов М. Г. Афганско-русский словарь (пушту). — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 994 с.

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. I. — Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928. — 335 с.; Вып. III. — Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1929. — 364 с.; Вып. IV. — Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1929б. — 352 с.; Вып. V. — Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1930. — 420 с.; Вып. VI. — Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1934. — 320 с.; Вып. XI. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1936. — 343 с.; Вып. XII. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. — 320 с.; Вып. XIII. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937а. — 320 с.; Вып. XVI. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1941. — 376 с.

Багаутдинова Х. З., Исхаков Р. Р., сост. Религиозный синкретизм и традиционная обрядность татар-кряшен Волго-Уралья (XIX — начало XX в.): Сборник материалов и документов. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2015. — 324 с.

Багратуни Псевдо-Шапух. История анонимного повествования. Пер., сост. и ред. М. О. Дарбинян-Меликян, М. О. Мелик-Оганджян. — Баку: Изд-во АН АрмССР, 1971. — 238 с.

Багрянородный Константин. Об управлении империей. Введение — Г. Г. Литаврин. [Греч.] текст, пер., коммент. — М.: Наука, 1991. — 496 с., карта.

Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод. Пер. с араб. П. К. Жузе. — Баку: Об-во обследования и изучения Азербайджана, 1927. — 42, 48 с.

Аль-Балхи Абу-Зайд Ахмед Ибн-Сахль. Книга видов земли. XXIV (XV) // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. Пер. Л. Е. Куббеля, В. В. Матвеева. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960: 274–278.

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржиской. — Л.: Наука, 1976: 136–187.

Барбаро Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Пер. Е. Ч. Скржинской. — М.: Наука, 1971. — 275 с.

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. — Л.: Наука, 1976: 136–187.

Бартольд В. Введение // Худūd ал-‘алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930: 1–32.

Ибн **Баттута** Абу Абдаллах. Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 278–314.

Бейбарс Рукнеддин. Сливки размышления по части летописания гиджры // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 83–123.

Ал-Бекри. Известия о славянах и их соседях. Издал и перевел барон В. Розен // Записки Императорской Академии наук. Т. 32. — СПб.: Имп. АН, 1879: 1–64.

Беруни Абу Райхан (973–1048). Избранные произведения. Т. VI. Вст. ст., пер. и примеч. Б. А. Розенфельда и А. Ахмерова. — Ташкент: Фан, 1975. — 328 с.

Благова Г. Ф., Левитская Л. С., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». — М.: Восточ. лит., 2003. — 446 с.

Бруин Корнелий де. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1989: 19–188.

Бузанд Фавстос. История Армении. Пер. с др. — армян. и коммент. М. А. Геворкяна. Вступит. ст. Л. С. Хачикяна. — Ереван: АН АССР, 1953. — XVI, 240 с.

Вардан Великий. Всеобщая история. Пер. Н. Эмин. — М.: Лазарев. ин-т восточ. яз., 1861. — 218 с.

Вегетий Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела. Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркетики: Вегетий. — СПб.: Алетейя, 1996: 153–306.

Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. I. — Амстердам: Pegasus, 2010. — XXIII, 621 с.; Т. II. 2010а: 622–1225.

Абуль-Гази, Хивинский хан. Родословное древо тюрков. Пер. и предисл. Г. С. Сабдукова. — Казань: Имп. ун-т, 1906. — XVI, 336 с.

Ал-Гарнати А. Х. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). — М.: Наука, 1971. — 136 с.

Гевонд Вардапет. История халифов. Пер. с армян. К. Патканьян. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1862. — [2], XII, 165, [3] с.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. Пер. А. В. Назаренко. — М.: МГУ, 1988. — 431 с.

Геродиан Элий. Об общей просодии // ВДИ. 1948. № 2: 257–263.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. — М.: Ладомир, 1993. — 600 с.

Грамота великого князя Василия Ивановича на Вятку в Слободской городок 1522 г. июля 29 // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 3. 1905: 81–82.

Гу Бань. История Ранней династии Хань // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. — М.: Наука, 1973: 18–67.

Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. — М.: Рус. яз., 1982. — 556 с.

Данзан Лубсан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. — М.: Наука, 1973. — 439 с.

Ибн-Дафта. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дафта, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. — СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. — XIII, 199 с.

Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чигисхан: История завоевателя мира. Предисл. и библиогр. — Дэвид О. Морган. Пер. текста с англ. на рус. яз. Е. Е. Харитоновой. — М.: Магистр-Пресс, 2004. — LXI, 690 с.

Ал-Джузджани. Насиловы разряды // Тизенгаузен В., сост. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечение из персидских сочинений. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941: 13–19.

Дионисий Периэгет. Ойкумены. Пер. Е. В. Илюшечкиной // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009: 142–145.

Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. — М.: Наука, 2015. — 577 с.

Евнапий Сардиец. Продолжение истории Дексиповой // Византийские историки. Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. — СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1860: 75–174.

Егишэ. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеармян. — И. А. Орбели. — Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1971. — 193 с.

Егише Вардапет. История: Борьба Христианства с учением Зороастровым в пятом столетии, в Армении. Пер. П. Шаншиева. — Днепропетровск: Зоря, 2006. — 344 с.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. — 355 с.

Желтов П. В., **Фомин** Е. В., **Луутонен** Й. Обратный словарь чувашского языка. — Helsinki: SFO, 2009. — 344 с.

Захария Ритор. Хроника // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. Сост. Е. Н. Мещерская. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011: 570–597.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: [П] Горган и Поволжье IX–X вв. — М.: Наука, 1962. — 278 с.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. — М.: Наука, 1967. — 212 с.

Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. — Казань: Имп. ун-т, 1875. — 272 с.

Идес Избрант и **Бранд** Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). — М.: Гл. ред. восточ. лит., 1967. — 404 с.

Ал-Идриси. Отрада страстно желающего пересечь мир // Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. — М.: Восточ. лит., 2006: 108–275.

Иероним Евсевий. Письма // ВДИ. 1949. 4: 227–230.

Иешу Стилит. Хроника // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. Сост. Е. Н. Мещерская. — СПб.: Дм. Буланин, 2011: 598–648.

Инфантьев Порфирий. Путешествие в страну вогулов. — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 13, 201 с.

Иованнес Драсханакертци. История Армении. Пер. с древнеармян., вступ. ст. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. Автор карт С. Т. Еремян. — Ереван: Советакан грох, 1986. — 400 с., 3 карты.

Иордан. О происхождении и деяниях геттов. *Getica*. Вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. — СПб.: Алетейя, 2013. — 512 с.

Ал-Истахри Абу-Исхак. Книга путей и царств. Пер. и примеч. Н. А. Караулова. — Тифлис: Канцелярия Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. — 73 с.

Ал-Истахри. Книга путей и стран. Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III:

Восточные источники. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009: 81–86.

Исхаков Р. Р., Николаев Г. А., сост., предисл. и примеч. Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): Сб. материалов и документов. — Казань: ИИ АН РТ; Чебоксары: ЧГИГН, 2014. — 316 с.

Каганкатвацц Мойсей. История агван. — СПб.: Имп. АН, 1861. — XV, 376 с.

Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк (в 3-х книгах). Пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. — Ереван: Матенадаран, 1984. — 257 с.

Карпини Джованни дель Плано. История монгалов. Вступ. ст. и коммент. — М. Б. Горнунг // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов; Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны; Поло Марко. Книга. Вступ. ст. и коммент. — М. Б. Горнунг. — М.: Мысль, 1997: 29–85, 381–393.

Ал-Кашгарӣ Махмуд. Диван Лугат ат-Турк. Пер., предисл. и коммент. З. — А. М. Ауэзова. Индексы — Р. Эрмерс. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.

Киракос Гандзакеци. История Армении. — М.: Наука, 1976. — 359 с.

Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. Пер., вступ. ст., коммент. и указ. Р. Л. Шмаркова. — Изд-во СПбГУ, 2008. — 838 с.

Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1964. — 306 с.

Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков: Составление основной лексики. — М.: Восточ. лит.-ра, 2003. — 511 с.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932. — XXXVIII, 134 с.

Комит Марцеллин. Хроника. Пер., ред. Н. Н. Болгов. — Белгород: БелГУ, 2010. — 230 с.

Комова Н. Г., Приступа О. И. Серебро древней Югры: Каталог. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2012. — 140 с., илл.

Кононов А. Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 192 с. + текст.

Ксенофонт. Киропедия. Изд. подг. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. — М.: Ладомир, 1993. — 335 с.

Ал-Куфи Абу Мухаммад. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.). Пер. с араб. З.М. Буниятова. — Баку: Элм, 1981. — 84 с.

Лахутинская степенная книга. 1676 год. Отв. ред. Н.Н. Покровский. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 880 с.

Лепехин Иван. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. — СПб.: Имп. АН, 1771. — IV, 538 с., 23 табл.

Лепехин Иван. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. — СПб.: Имп. АН, 1814. — IV, 376, 28 с., рис.

Лукиан. Токсарис, или дружба. Пер. П.И. Прозорова // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009: 162–177.

Лызлов Андрей. Скифская история. Ч. I. — М.: Тип. Компании Типографской, 1787. — 206 с.

Маврикий. Стратегикон. Изд. подг. В.В. Кучма. — СПб.: Алетейя, 2014. — 248 с.

Магницкий В. Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей посланная в 1692-м году, по челобитью ядринского уезду деревень: Сормы, Хотяшевы, Яушевы и Оксыны (Ак-коз-иной) чуваш Пихшички Чебакова с товарищи, в г. Ядрин столнику и воеводе Ивану Киприяновичю Лопухину // Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. IV. — Н. Новгород: Нижегород. губ. учен. архив. комиссия, 1900: 20–24.

Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1905. — 101 с.

Марвази Шараф ал-Заман Тахир. Естественные свойства животных. Глава о тюрках. Публ., пер. и введ. А. Храковского // Труды сектора востоковедения. Т. 1. — М.: АН КазССР, 1959: 209–219.

Маржерет Жак. Состояние Российской империи. — М.: Языки славян. культуры, 2007. — 550 с.

Масуди. Мурудж ад-Дзахаб // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. — М.: Восточ. лит., 1963: 192–201.

Медведев Д.Т. Житие Св. Авраамия, мученика Булгарского: Изложено на крещено-татарском языке, с перефразированным русским переводом. — Казань: Православ. миссионер. об-во, 1878. — 12 с.

Мельников Степан. Акты исторические и юридические и древняя царская грамоты Казанской и других соседственных губерний. Т. 1. — Казань: Иван Дубровин, 1859. — 231 с.

Менандр Византиец // Византийские историки. Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. Примеч. Гавриила Дестуниса. — Рязань: Александрия, 2003: 229–335.

Мессершмидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве // Исторический архив. 2003. № 2: 25–40.

Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. Предисл.: Б. Греков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — XI, 288 с.

Милан Иоанн. Письмо к отцу Иоанну Миллеру, посланное из Москвы 6 августа 1712 года // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. — СПб.: Сенат. тип., 1904: 202–208.

Миллер Б. В., сост. Персидско-русский словарь. — М.: ГИИНС, 1953. — 668 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. — СПб.: Имп. АН, 1791. — VIII, 99, II с.: 8 л. ил.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. — М.: Восточ. лит-ра, 1999. — 630 с.; Т. II. 2000. — 796 с., карты.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. — М.: Памятники историч. мысли, 2009. — 454 с.

Миллер Г. Ф. Дополнения к Географическому лексикону Российского государства // Географический лексикон Российского государства. — М.: Янус-К, 2012: 490–603.

Ал-Мукаддаси. Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939: 184–208.

Ал-Мукаддаси. Лучшее разделение для познания климатов. Пер. с араб., введ., коммент., указ., карта, таблица — Н. И. Сериков // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. — М.: Наука, 1994: 268–334.

Мустафина Д. А., **Амерханова** Э. И., подг. к изд. Казанские документы 1649–1675 гг. — Казань: КГУ, 2008. — 136 с.

Эль-Муфаддаль, сын Абульфадалия. Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Ибнамида // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 176–199.

Мухаммед-Аваби Акташи. Тарихи Дербенд-наме (с 9-ю приложениями): Пер. и ред. М. Алиханова-Аварского. — Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1898. — 192 с.

Мэн-да Бэй-лу: (Полное описание монголо-татар). Пер. Н. Ц. Мункуева. — М.: Наука, 1975. — 286 с.

Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков. — Ханты-Мансийск: Адм. губ. ХМАО, 2003. — CD-R.

Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., ред. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — XXXVIII, 676 с.

Невоструев К. И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. — Казань: Имп. ун-т, 1877. — 88 с.

Никифор, Патриарх Константинопольский. Краткая история со времени после царствования Маврикия. Пер. Е. Э. Липшиц // Византийский временник. Т. 3. М., 1950: 349–387.

Новицкий Григорий. Краткое описание о народе остяцком // Путешествие по Обскому Северу. — Тюмень: Ю. Мандрика, 1999: 1–166.

Олимпиодор Фивянин. Выписки из исторических книг: I Фотиевы // Византийские историки. — Рязань: Александрия, 2003: 147–167.

Орозий Павел. История против язычников. Кн. I–VII. Пер. с латин., вступ. ст., комм. и ук. В. М. Тюленева. — СПб.: Олег Абышко, 2004. — 544 с.

Павел Диакон. Из «Истории лангобардов». Пер. Т. И. Кузнецовой // Памятники средневековой литературы IV–IX веков. — М.: Наука, 1970: 243–256, 429–430.

Павел Диакон. История лангобардов. Пер. с латин., ст. Ю. Б. Циркина. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 316 с.

Павел Диакон. Римская история. Пер. И. Дьяконова // URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P_III/text15.phtml?id=6129

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. [1768 и 1769 гг.] Пер. — Василий Зуев. Ч. 1. — СПб.: Имп. АН, 1773. — X, 115, 657 с., 117 ил.; Ч. 3, кн. 1. 1772 и 1773 гг. 1788. — XVI, 624 с.

Плиний. *Historia naturalis* // Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Ч. 1. — Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1884: 101–112.

Плиний Старший. Естественная история. [Кн. IV, VI]. Пер. М. В. Скржинской // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009: 240–248.

Плиний Старший. «Естественная история» (*Naturalis Historia*) // Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. — М.: Индрик, 2011: 143–382.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты. Перевод. Комментарии. — М.: Индрик, 2002. — 486 с.

Полное собрание Законов Российской Империи, с 1649 года. Т. IX. 1733–1736. — I, 1022 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — VIII, 733 с.; Т. 2: Ипатьевская летопись. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 938, 87, L с.; Т. 4,1: Новгородская четвертая летопись. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — XXXVIII, 686 с.; Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. — М.: ИРИ РАН, 2000. — VIII, 312 с.; Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. — М.: Языки рус. культуры, 2001. — VIII, 446 с.; Т. 8.VII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. — X, 302 с.; Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 288 с.; Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 254, 6 с.; Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). — М.: Языки рус. культуры, 2000. — VI, 266 с.; Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). — М.: Языки рус. культуры, 2000. — VIII, 532 с.; Т. 14: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 154, 286, 158 с.; Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. — М.: Языки рус. культуры,

2000. — 252 с.; Т. 17: Западнорусские летописи. — М.: Языки рус. культуры, 2008. — 384 с.; Т. 18: Летопись Симеоновская. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. — 316 с.; Т. 19: История о Казанском царстве. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 368 с.; Т. 20: Львовская летопись. Ч. 1. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. — IV, 418 с.; Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. — 344–708; Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. — 578 с.; Т. 22: Русский хронограф. Ч. 2: Хронограф западно-русской редакции. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914. — IX, 289, II с.; Т. 23: Ермолинская летопись. — М.: Языки славян. культуры, 2004. — V, 239, 2 с.; Т. 25: Московский свод. Летописный свод конца XV века. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — XV, 463 с.; Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 424 с.; Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 413 с.; Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. — М.: Знак, 2009. — 389, 7 с.; Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. — М.: Наука, 1965. — 240 с.; Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в.. — М.: Наука, 1968. — 263 с.; Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец. — Л.: Наука, 1977. — 251 с.; Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. — М.: Наука, 1978. — 304 с.

Поло Марко. Книга. Примечания — М. Б. Горнунг // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов; Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны; Поло Марко. Книга. — М.: Мысль, 1997: 192–393.

Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. — М.: ФОН, 2010. — 224 с.

Полунин Ф. А., **Миллер** Г. Ф. Географический лексикон Российского государства, или Словарь // Географический лексикон Российского государства. — М.: Янус-К, 2012: 34–489.

Приск Панийский. Готская история. Пер. и примеч. В. В. Латышева // Вестник древней истории. 1948. № 4: 244–267.

Приск Панийский. Сказания. Пер. Г. С. Дестуниса. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1860. — 112 с.

Прокопий. Тайная история // ВДИ. № 4 (5). 1938: 279–307.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. Комментар. С. П. Кондратьева. — М.: Арктос, 1996. — 335 с.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М.: Алетея, 1998. — 544 с.

Проспер Аквитанский. Хроника. Пер. с латин. Д. Суровенкова // URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/text1.phtml?id

Псевдо-Орфей. Поход аргонавтов // ВДИ. 1948. № 3: 267–271.

Птоломей // Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Ч. 1. — Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1884: 166–171.

Птоломей Клавдий. Географическое руководство. [Кн. III, V]. Пер. И. П. Цветкова и Прозорова // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009: 181–195.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. 2. — СПб.: Изд-во Имп. АН, 1899. 1814, 64 с.; Т. III. 1905. — 2204, 98 с.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. — М.: Восточ. лит., 2000. — 328 с.; Т. 2. 2003. — 504 с.; Т. 3. 2007. — 493 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. Пер. с нерсид. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 221 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. Пер. с нерсид. Ю. П. Верховского. Примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. Ред. И. П. Петрушевский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 253 с.

Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Ч. I. — Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1870. — X, II, 111 с., прил.

Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов. Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны. Поло Марко. Книга. Пер. — И. М. Минаев. — М.: Мысль, 1997: 88–189.

Ибн Са'ид ал-Магриби. Книга распространения земли в длину и ширину // Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст. Перевод. Комментарий. — М.: Восточ. лит., 2009: 19–75.

Себеос, епископ. История. Пер. с армян. Ст. Малхасянц. — Ереван: АрмФ АН-А, 1939. — 184 с.

Сидорова Е. С., сост., **Шуртаков С.**, пер. Чувашские легенды и сказки. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. — 221 с.

Сириец Михаил. Хроника. Пер. Р. А. Гусейнова // Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1960: 15–53.

Скворцов М. И., ред. Чувашско-русский словарь. — М.: Рус. яз., 1985. — 712 с.

Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1969: 236–327, 738–739.

Созомен Эрмий Саламинский. Церковная история. — СПб.: Тип. Фишера, 1851. — 636, XXIII с.

Созомен. Церковная история. Пер. В. В. Латышева // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009: 202–204.

Сократ Схоластик. Церковная история. — М.: Росспэн, 1996. — 366 с.

Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Пер. на рус. и калмыц. П. А. Дарваева. Пер. на бурят. Г. Г. Чимитова. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. — 280 с.

Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда: Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). — Казань: Имп. ун-т, 1909. — XIII, 143 с.

Стеблин-Каменский И. М., пер., предисл., примеч. и словарь. Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата. — М.: Дружба народов; Алма-Ата: КРАМДС — Ахмед Ясави, 1993. — 208 с.: ил.

Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. — СПб.: Петербург. востоковед., 1999. — 478 с.: ил.

Стеблин-Каменский И. М., вступ., пер. и коммент. Гаты Заратуштры // Вестник древней истории. 2000. № 2: 290–300.

Стеблин-Каменский И. М., пер. с авест., вступ. ст., коммент. и прил. Гаты Заратуштры. — СПб.: Петербург. востоковед., 2009. — 192 с.

Степанов Р. Н., сост. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текстов. — Казань: КГУ, 1978. — 240 с.

Стефан Византийский. Описание племен. Перевод — П. И. Прозоров. Комментарии — В. В. Латышев // Вестник древней истории. 1948. № 3: 312–330.

Страбон. География в 17 книгах. — М.: Ладомир, 1994. — 940 с.

Страленберг Ф. И. Записки об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии. [Ч. 1.] — М.; Л.: ИИ ЛО АН СССР, 1985. — 220 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IV. — М.: Наука, 1986. — 453 с.

Ат-Табари. История. Пер. с араб. В. И. Беляева. Дополнения к пер. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. — Ташкент: Фан, 1987. — 442 с.

Таказов Ф. М., сост. Дигорско-русский словарь. — Владикавказ: Б. и., 2015. — 869 с.

Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы. Малые произведения. Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Т. 2: История. Изд. подг. Г. С. Кнабе, И. М. Тронский, А. С. Бобович, Е. П. Ореханова. — СПб.: Наука, 1993. — 736 с.

Терентьева О. Н., пухса хатёрлекенё. Чаваш халӑх пултаруляӑхё: Тавралаӑх халапёсем. 1-мёш кён. — Шупашкар: Чаваш. кён. изд-ви, 2013. — 494 с.

Фаверо-Думенжу М. Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263 г.) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. — Казань: ИИ АН РТ, 2011: 101–113.

Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. — Харьков: Харьков. ун-т, 1956: 119–148.

Ибн Фадлан Ахмад. Книга. Пер. с араб. и примеч. Вяч. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. — М.: Издательский дом Марджани, 2016: 18–47.

Ибн ал-Факих ал-Хамадани. Известия о странах. Пер. и коммент. Ф. М. Асадова // Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее Средневековье. — Баку: Элм, 1993: 43–55.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. I. — Чебоксары: ЧГИГН, 1996. — 472 с.; Т. II. 1996а. — 511 с.

Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. — М.: Унив. тип., 1884. — IV, 370 с.

Феофан Исповедник. Хронография. Текст на др.-греч. и рус. яз. Пер. и коммент. И. С. Чичурова // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — М.: Наука, 1980: 24–144.

Феофилакт Симокатта. История. Пер. С. П. Кондратьева. Примеч. К. А. Осиповой. — М.: Арктос, 1996. — 268 с.

Абу-л-Фида'. Таквим ал-булдан (Книга упорядочения стран) // Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст. Перевод. Комментарий. — М.: Восточ. лит., 2009: 76–166.

Фредегар. Хроники. Пер. с латин., коммент., вступ. ст. Г. А. Шмидта. — СПб.: Евразия; М.: Клио, 2015. — 464 с.

Фукус Александра. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. — Казань: Казан. ун-т, 1840. — 329 с.

Фукус К. История города Казани: Из русских и татарских летописей. — Казань: Умид, 1914. — VII, 23 с.

Ибн Хаукал Абу-л-Касым. Книга путей и стран. Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III: Восточные источники. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009: 86–94.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Пер., коммент., исслед., указатели и карты Н. М. Велихановой. — М.: Наука, 1986. — 527 с., карты.

Хоренаци Мовсес. История Армении. Пер. с древнеармян. яз., введ. и примеч. Гагика Саркисяна. — Ереван: Айастан, 1990. — L, 291 с.

Хоренский Моисей. Армянская география VII века по р. X. (приписываемая Моисею Хоренскому): Текст и пер. с присовокуплением примеч. издал К. П. Патканов. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. — XXVIII, 84, 26, 2 карты.

Цулая Г. В., перевод с древнегрузин., предисл. и коммент. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. — М.: Наука, 1979. — 104 с.

Чекалин Ф. Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра-Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. II. Вып. 2. — Саратов, 1890: 247–251.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: А-Н. — М.: Наука, 1977. — 290 с.

Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 4: i-k. — М.: Восточ. лит.ра, 2011. — 415 с.

Эломари Ибн-Фадлаллах. Сочинения // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 207–251.

Эннувейри Шихабеддин. Краткий предел необходимости по части науки благовоспитанности // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884: 128–171.

Яковлев А. И., науч. ред. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2: Социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах XVII в. — Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1950. — 583 с.

Әхмәтжанов Марсель. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). — Казан: Татаркитнәшир, 1995. — 127 б.

Agathiae Myrinaei. Historiarum libri quinque. Ἱστοριῶν. — Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828. — XXXVII, 420 p.

Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem kommentar versehen von Wolfgang Seyfath. Dritter Teil. Buch 22–25. — Berlin: Akademie-Verlag, 1970. — 255 S.

Apollinarius Sidonius. Sidoine Apollinaire T. I: Poèmes. Texte établi et traduit par André Loyen. — Paris: Les belles lettres, 1960. — L, 201 p.

Bartholomae Christian. Altiranisches Wörterbuch. — Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. — XXXII, 2000 S.

Bencő Loránd, Herausgeber. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Lieferung 6. — Budapest: Akadémiai Kiado, 1994: 1367–1683.

Biruni Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad. The Chronology of Ancient Nations: An English Version of the Arabic Text of the Athar-ul-Bakiya of Albiruni or “Vestiges of the Past”. Transl. C. Edward Sachau. — L.: By William H. Allen & Co, 1879. — XIV, 464 p.

Cedrenus Georgius. Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkerro suppletus et emendates. T. I: Historianum Compendium. — Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1838. — XVIII, 802 p.

Curtius Georg. Grundzüge der griechischen Etymologie. — Leipzig: Druck u. Verlag von B. G. Teubner, 1873. — XV, 836 S.

Georgi J.G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1. — St. Petersburg: C. W. Müller, 1776. — XII, 530 S., 95 Taf.

Guilielmi Dindorfii Grammatici Græci. Vol. I. — Lipsiae: In Libraria Kuehniana, 1823. — XXXIV, 443 p.

Iordanis de Getarum sive Gothorum origine et rebus Gestis. Recognovit, annotatione critica instruxit et cum varietate lectionis addidit Carol. Aug. Closs. — Stuttgartiae: Impensis Eduardi Fischhaber, 1861. — XII, 227 p.

Jean Nikiou. La Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg. — Paris: Imperimerie Nationale, 1883. — 264 p.

Lang Mabel L. Herodotean Narrative and Discourse. — L.: Harvard Univ. Press, 1984. — XII, 180 p.

Malalas Joannes Chronographia. — Bonnae: Impensis E. D. Weberi, 1831. — LXXVIII, 798 p.

Al-Masûdî. Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf. — Leiden: E. J. Brill, 1894. — 564 p.

Mayrhofer Manfred. Onomastica Persepolitana: Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. — Wien: Der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. — 358 S.

Mayrhofer Manfred. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. 1. — Heidelberg: Winter, 1986. — 476 S.

Menandri Protectoris Ex Historia // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I. — Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829: 279–444.

Minorsky V., translated and explained. Hudûd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography. 372 A.H. — 982 A.D. — L.: E. J. W. Gibb Memorial, 1970. — LXXXIII, 524 p.

Mommsen Theodorvs, Ed. Monumenta Germaniae Historica. Chronicaorvm Minorum Saec. IV. V. VI. VII. Vol. I: Accedvnt Tabvlae Dvae. — Berolini: Apvd Weidmannos, 1892. — XII, 756 p.

Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opvscvla Historica. Ed. Carolvs de Boor. — Lipsiae: B. G. Tevbnr, 1880. — LII, 280 p.

Orosius Histoires (Conte les Païens). T. III. Livre VII. Index. Texte établi et traduit Marie-Pierre Arnaud-Lindet. — Paris: Les belles lettres, 1991. — 218 p.

Patkanov Szerafim. Irtisi-Osztják szójegyzék (I–V) // Nyelvtudományi közlemények. XXX. kötet. Budapest, 1900: 407–457; XXXI. kötet. 1901: 55–84, 159–201, 291–330, 424–462.

Patkanov Szerafim. Irtisi-Osztják szójegyzék (Vocabularium dialecti Ostjatorum regionis fluvii Irtysch). – Budapest: Kiada a Magyar tudományos Akademia, 1902. – 254 p.

Pline L'Ancien. Histoire Naturelle. Liv. II. Texte établi, traduit et commenté par Jean Beaujeu. – Paris: Les Belles Lettres, 1950. – XXI, 282 p., 4 fig.

Prisci Historica // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829: 156–229.

Prisci Panitae Fragmenta. A cura di Fritz Bormann. – Firenze: Le Monnier, 1979. – LVI, 207 p.

Procopii Caesariensis Opera omnia. Recognovit Jacobus Haury. Vol. I: De bellis libri I–IV. – Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1905. – LXIV, 552 p.; Vol. II: De bellis libri V–VIII. 1905a. – II, 678 p.

Ptolemaei Claudii Geographia. T. I. – Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. – XXIV, 284 p.; T. III. 1845. – 210 p.

Radloff Wilhelm. Aus Sibirien: Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Bd. 1. – Leipzig: T. O. Weigel Nachfolger, 1893. – V, 536 S., die Karte.

Socrates. Historia ecclesiastica // Socratis Scholastici, Sozomeni Hermiae Historia Ecclesiastica. Tomus unicus. Accurante et denuo recognoscente J.-P. Migne. – Paris: J. -P. Migne, 1864: 29–842.

Sozomenus Historia ecclesiastica // Socratis Scholastici, Sozomeni Hermiae Historia Ecclesiastica. Tomus unicus. Accurante et denuo recognoscente J.-P. Migne. – Paris: J.-P. Migne, 1864: 843–1630.

Starostin Sergei, **Dybo** Anna, **Mudrak** Oleg. Etymological dictionary of the Altaic languages. – Leiden, Boston: Brill, 2003. – 2096 p.

Steinitz Wolfgang. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 7. – Berlin: Akad. – Verl., 1975. – S. 737–864.

Stephani Byzantii. Ethnicorum. T. I. – Berolini: Impensis G. Reimeri, 1849. – VI, 818 p.

Strabon. Géographie. T. IX. Livre XII. Introduction générale. Livre I. Texte établi et trad. par François Lassette. – Paris: Les belles lettres, 1981. – VIII, 251 p., maps.

Theophylacti Simocattae Historiae. Ed. Carolvs de Boor. — Lipsiae: I Aedibvs B.G Tevneri, 1887. — XIV, 438 p.

Использованная литература

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 601 с.

Абаев В. И. Об иранских названиях стали // Иранский сборник. — М.: Восточ. лит., 1963: 203–207.

Абаев В. И. К алано-венгерским лексическим связям // Europa et Hungaria: Congressus ethnographicus in Hungaria. — Budapest: Akad. Kiado, 1965: 515–537.

Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. — М.: ИА РАН, 1997. — 165 с.

Адонц Николай. Армения в эпоху Юстиниана. — Ереван: ЕГУ, 1971. — 528 с.

Айдын Эрхан. Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских памятниках // Эпиграфика Востока. — М.: ИВ РАН, 2011: 3–13.

Акиева П. Х. Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла). ДД. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2016. — 425 с.

Акимова М. С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // Краткие сообщения. Вып. 23 / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1955: 78–92.

Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. — М.: Наука, 1968. — 120 с.

Акимова О. А. Комментарии к главе 29 // Багрянородный Константин. Об управлении империей: Введение — Г. Г. Литаврин. [Греч.] текст, пер., коммент. — М.: Наука, 1991.

Акопян А. А. Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. — 304 с.

Албегова З. Х. Этапы развития аланской религии в V–IX вв. // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). — Кисловодск: Наследие, 2000: 5–7.

Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения Центральных предгорий Кавказского хреб-

та // Антропологический сборник. IV. — М.: Изд-во АН СССР, 1963: 28–64.

Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971: 232–271.

Алексеев В. П. Избранное. Т. 3: Историческая антропология и экология человека. — М.: Наука, 2008. — 614 с.; Т. 5: Происхождение народов Кавказа. — М.: Наука, 2009. — 380 с.

Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. — М.: Наука, 1984. — 208 с.

Алексеева Т. И. Антропологический тип населения Чувашии // Краткие сообщения / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. XXIII. — М.: Изд-во АН СССР, 1955: 93–100.

Алексеева Т. И. Очерк этнической антропологии чувашей // Актуальные аспекты антропологии. — Чебоксары: ЧГИГН, 2004: 50–58.

Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. — М.: Менеджер, 2003. — 607 с.

Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. — 400 с.

Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. — М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2010: 42–65.

Амаякян С. Г. Культ божества *Куэра-Куар* на Армянском нагорье // Историко-филологический журнал. Ереван. 1990. 1: 152–167.

Андреев (Урхи) Н. А. Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Труды. Вып. 59. — Чебоксары: НИИ, 1975: 91–113.

Антонов И. В. Об угорском компоненте населения степной зоны Южного Урала // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 57. 2013: 5–10.

Анучин В. Предварительный отчет по поездке к енисейским осяткам в 1905 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом отношениях. № 6. СПб., 1906: 38–50.

Анфертьев А. Н. Комментарии к «Иордан. Getica» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). — М.: Восточ. лит., 1994: 98–160.

Аракелян Б. Н. Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.). — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. — 124 с.

Арнаудов Михаил. Българските сватбени обреди: Етноложки и фолклорни студии. Ч. I. — София: БАН, 1931. — 148 с.

Артамонов М. И. История хазар. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. — 524 с.

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М.: Наука, 1989. — 247 с.

Арутюнова-Фиданян В. А. Имена бога грома в Тароне // Восточная Европа в древности и средневековье. — М.: ИВИ РАН, 2010: 22–25.

Арутюнова-Фиданян В. А. Божество *Куар* и «северные племена» // Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт. — М.: ИВИ РАН, 2012: 266–296.

Атнагулов И. Р. Этническая история нагайбаков в XVIII — начале XX веков: становление и трансформация идентичностей. ДД. — Магнитогорск: МГТУ, 2017. — 468 с.

Афанасьев Г. Е. Исчезнувшие народы: Буртасы // Природа. 1985. № 2: 85–93.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы: Социальные структуры ала-но-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. — М.: Наука, 1993. — 184 с.

Ахмеров Гайнитдин. Экскурсия на место древнего Суvara // ИОАИЭ. Т. XI. 1893: 478–481.

Ахмеров Гайнетдин. Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. — 240 с.

Ахунов А. М. Хусаин Амирхан и его книга «Таварих-е Булгарийа» // Амирханов Хусаин. Таврих-е Булгарийа (Булгарские хроники). Пер. со старотатар., вступ. ст. и коммент. А. М. Ахунова. — М.: Марджани, 2010: 4–13.

Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1; Ч. 2: Учение о звуках (фонетика). Учение о формах (морфология). — Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. — [2], XXXIV, 392, XIX, 24 с.

Ашмарин Н. И. Болгары и чувашаи. — Казань: Имп. ун-т, 1902. — 132 с.

Ашмарин Н. И. Об одном мусульманском камне на «Архиепиевской даче» в Казани. — Казань: Тип. — лит. Имп. ун-та, 1905. — 23 с.

Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. — Казань: Акад. центр ТНKP, 1928а. — 160 с.

Ашмарин Н. И. Заметки по сравнительной грамматике тюркских народов. — Казань: Б. и., 1928б. — 104 с.

Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). — Баку: Элм, 1983. — 344 с.

Багаев А. Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин. — Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВПЦ РАН и РСО-А, 2015. — 168 с.

Багаутдинов Риза, Хузин Фаяз. Ранние булгары на Средней Волге // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань: Рухият, 2006: 116–123.

Балабанова М. А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии. Проверка археологических гипотез // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Вып. III. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010: 184–230.

Балановская Е. В., Агджоян А. Е., Жабагин М. К., Юсупов Ю. М., Схаляхо Р. А., Долинина Д. О., Падюкова А. Д., Кузнецова М. А., Маркина Н. В., Атраментова Л. А., Лавряшина М. Б., Балановский О. П. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2016. № 3: 75–85.

Балановский О. П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографии митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. АДД. — М.: МГНЦ РАМН, 2012. — 45 с.

Балановский О. П. Генофонд Европы. — М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2015. — 354 с.

Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. — СПб.: Имп. АН, 1897. — 151 с.

Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей // Первый Всесоюзный тюркологический съезд. — Баку: Бакин. рабочий, 1926: 21–32.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Л.: Изд-во АН СССР, 1927. — II, 257 с.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. — Ташкент: Казак. высш. пед. ин-т, 1928. — 35 с.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, ч. 1. — М.: Наука, 1963. — 1024 с.; Т. V. — 1968. — 757 с.; Т. VIII. — 1973. — 723 с.

Барфилд Томас Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). — СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2009. — 487 с.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. — М.: ЛКИ, 2008. — 242 с.

Бауло А. В. Культурная атрибутика березовских хантов. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. — 92 с.

Бауло А. В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. — 176 с.

Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. — Пенза: ПГПУ, 2003. — 199 с.

Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология: Вып. I. — М.: Наука, 1986: 1–28.

Березина Н. С., Харитонов В. Г., Ефремова Д. Ю. Предварительные итоги изучения болгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в округе города Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. — Чебоксары: ЧГИГН, 2013: 56–65.

Березкин Ю. Е. Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. 4: 144–155.

Бермишева М., Тамбетс К., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. Разнообразие гаплогрупп митохондриальной ДНК у народов Волго-Уральского региона России // Молекулярная биология. 2002. Т. 36, № 6: 990–1001.

Боголюбов М. Н. Иранские названия утренней звезды // Вопросы языкознания. 1989. № 4: 88–91.

Боготова З. И. Изучение генетической структуры популяций кабардинцев и балкарцев. АДК. — Уфа: ИБГ УНЦ РАН, 2009. — 24 с.

Боготова З. И., Кутуев И. А., Хусаинова Р. И., Валиев Р. Р., Кереева М. К., Хуснутдинова Э. К. Анализ Alu-инсерционного полиморфизма в популяциях кабардинцев и балкарцев // Медицинская генетика. Т. 8. № 1. 2009: 19–24.

Болгов Н. Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. — Белгород: БелГУ, 2002. — 204 с.

Большаков О.Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). — М.: Гл. ред. восточ. лит., 1971: 62–83.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). — Челябинск: ЮУФ ИИА УрО РАН, 2007. — 306 с.

Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум: Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. — Челябинск: ЮУрГУ, 2013: 32–87.

Брагинский И.С. Аша Вахишта // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. — М.: Совет. энцикл., 1987: 142.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. — М.: Наука, 2000. — 540 с.

Бужилова А.П. Донские аланы по данным антропологии // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). — М.: Гриф и К., 2010: 855–866.

Булатов А.Б., **Димитриев** В.Д. Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки. Вып. XXI. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962: 226–236.

Булыгина Е.А., **Соловьев** В.Д. ДНК-филогения и лингвистическое разнообразие тюркских народов // Ученые записки Казанского университета: Естественные науки. Т. 155, кн. 4. 2013: 69–81.

Валеев Р.М. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX — начале XV веков. АДД. — Казань: КГУКИ, 2011. — 42 с.

Васильев Д.Д., **Хелимский** Е.С. XXIX сессия Постоянной международной алтаистической конференции // Вестник Академии наук СССР. 1987. № 5: 72–78.

Васильева Т.А., **Петрова** Н.В., **Тимковская** Е.Е., **Ельчинова** Г.И., **Зинченко** Р.А., **Гинтер** Е.К. Медико-генетическое изучение населения Республики Татарстан. Сообщение VI: Популяционно-генетическое изучение этногеографических групп татар (анализ девяти полиморфных ДНК-локусов ядерного генома) // Медицинская генетика. Т. 12. № 5. 2013: 3–20.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 1. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1863. — 4, XIV, 558 с.

Вереш Петер. Финно-угорская прародина и этногенез венгерского народа // Acta Ethnographica. Vol. 33. Budapest, 1984: 367–384.

Вереш Петер. Древневенгерская эпоха // Acta Ethnographica Hungarica. Т. 41. Budapest, 1996: 11–40.

Вереш П. Т. К вопросу о приаральской прародине древнененгерского этноса // Приаралье в древности и средневековье. — М.: Восточ. лит., 1998: 167–171.

Вереш Петер. Эмпирические и методологические проблемы интердисциплинарного исследования в области финно-угористики // Этнокультурное наследие народов Севера России. — М.: ИЭА РАН, 2010: 56–69.

Вернадский Г. В. История России: Древняя Русь. — Тверь: ЛЕАН, 1996. — 448 с., карты.

Виноградов В. С. Вопросы развития национальных музыкальных культур в СССР. — М.: Сов. композитор, 1961. — 303 с.

Вишневский Б. Н. Антропологическое изучение чуваш: К отчету по исследованиям 1927 г. // Чувашская республика. Сб. 1: Предварительные итоги работ Чувашской экспедиции Академии наук СССР по исследованиям 1927 г. — Л.: АН СССР, 1929: 229–252.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — XI, 223 с.

Волков В. Г. К вопросу о миграциях и прародине кыпчаков. Генетический аспект // Золотоордынская цивилизация. № 9. — Казань: ИИ АН РТ, 2016: 298–308.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М.: Наука, 1973. — 208 с.

Воробьев Н. И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948: 62–80.

Воробьева Е. Е., Федулов М. И. «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги // Поволжская археология. 2016. № 1: 235–248.

Вязов Л. А., Семькин Ю. А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. — Ульяновск: НИИ истории и культуры, 2016. — 227 с.

Вяткин Р. В., Таскин В. С. Комментарий // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. — М.: Вост. лит., 2003: 287–484.

Габор Дьени. Восточные венгры, западные венгры (к проблеме «Югрия») // Finno-Ugrica. №9. Казань, 2005–2006: 81–90.

Габор Дьени. Легенда о чудесном олене: исторические корни и интерпретации мадьярской праистории // Известия Уральского государственного университета. № 49. 2007: 34–43.

Габор Д. Древняя история мадьяр в зеркале истории Евразии // URL: <http://www.enu.kz/repository/repository2013/DREVNIAIA-ISTORIA-MAD'IAR.pdf>

Габуев Т. А. Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. — Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2014. — 184 с.

Гагошидзе Ю. М. Из истории грузино-иранских взаимоотношений (храм II–I вв. до н. э. Деоплис Миндори) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). — М.: Наука, 1981: 102–115.

Гаджиев М. С. О местоположении Варачана // РА. 1995. № 2: 29–35.

Гаджиев М. С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. — М.: Вост. лит., 2002. — 320 с.

Гаджиев М. С. Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. — М.: ИА РАН, 2001: 162–170

Гаджиев М. С. К этнокарте Северо-Западного Прикаспия в позднесарматский период (в контексте сообщения Хоренаци о походе хазир и басил в 216 году) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. — Волгоград: ВГУ, 2010: 69–78.

Гаджиев М. С. Сообщение Хоренаци о походе хазир и басил в 216 г. и этнокарта Северо-Западного Прикаспия в позднесарматский период // Caucaso-Caspica: Труды Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона. Вып. I. — Ереван: РАУ, 2016: 7–24.

Гаджиев М. С., Касумова С. Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. — М.: Вост. Лит., 2006. — 127 с.

Гаджиев М. С., Малашев В. Ю. «Княжеские» и элитные воинские погребения позднесарматского и гуннского времени в Дагестане // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. — М.: Языки славянской культуры, 2014: 9–24.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа: IV–X вв. — ЛГУ, 1979. — 216 с.

Гадло А. В. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего

средневековья // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. 1986. Вып. 1: 11–23.

Газимзянов И. Р. Антропологический облик татар // Татары. — М.: Наука, 2001: 35–40.

Газимзянов И. Р., Набиуллин Н. Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // Ученые записки Казанского университета. Т. 153, кн. 3: Гуманитарные науки. 2011: 21–28.

Галкина Е. С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1: 5–32.

Галлямова А. Г., Столярова Г. Р. Чуваши-язычники Татарстана: этнокультурная отличительность в условиях модернизации // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010: 107–112.

Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). — Баку: Элм, 1986. — 116 с.

Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. — Новосибирск: Наука, 1990. — 232 с.

Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Вып. XXXVI. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941: 81–110.

Герасимова М. М. К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии. 2013. № 3: 52–71.

Глазунова Е. О., Харьков В. Н., Раджабов М. О., Хитринская И. Ю., Степанов В. А. Генофонд коренных народов Дагестана цезской группы по маркерам Y-хромосомы // Медицинская генетика. Т. 15. № 4. 2016: 29–31.

Глашев А. А. О гуннах Северного Кавказа // Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография. — М.: Эльбрусид, 2009: 10–53.

Гмыря Л. Б. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане в IV–VII вв. АДК. — СПб.: ИА АН СССР, 1980. — 20 с.

Гмыря Л. Б. Некоторые сведения о гуннах Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. — Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1980а: 153–169.

Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот: Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. — Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1995. — 287 с.

Гмыря Л. Б. Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. — Казань: Рухият, 2002: 166–173.

Гмыря Л. Б. Явление двоеверия в среде несвободного населения «страны гуннов» Прикаспия (VI–VII вв.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2006. № 1: 3–16.

Гмыря Л. Б. Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. № 18. 2007: 111–118.

Гмыря Л. Б. Клятводоговоры номадов Кавказско-Каспийского региона (V–VII вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/3: 62–67.

Гмыря Л. Б. Родственные браки в системе похоронно-поминальных церемоний гунно-булгар Прикаспийского Дагестана (682 год) // Вестник Челябинского государственного университета. № 24. 2008а: 25–31.

Гмыря Л. Б. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв.: (По данным письменных источников). — Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. — 540 с.

Гмыря Л. Б. «Диковинный» обряд вызова дождя в религиозной практике населения Прикаспийского Дагестана (652/653) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009б. 3: 58–62.

Гмыря Л. Б. Правовые нормы в Хазарском каганате на раннем этапе истории (середина VII — первая треть VIII в.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2012. № 2: 3–20.

Гмыря Л. Б. Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. — М.: Языки славянской культуры, 2014: 25–42.

Гмыря Л. Б. Намеренное искажение убора женского костюма в погребальной практике кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практика. — Зимовники: ЗКМ, 2015: 194–228.

Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Абдулаев А. М., Шаушев К. Б., Магомедов Ю. А., Кузеева З. З. Раскопки нового объекта сасанидской

фортификации на р. Рубас в 2014 г. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2015. № 4: 165–170.

Голан Ариэль. Миф и символ. — М.: Русслит, 1993. — 375 с.: ил.

Голден П. Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. — М.: Наука, 1993: 211–233.

Голден П. Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 6. — Донецк: ДНУ, 2008: 309–340.

Головнев А. В. Антропология движения: (Древности Северной Евразии). — Екатеринбург: Волот, 2009. — 496 с.

Головнев А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009а. № 4: 46–55.

Головнев А. В. Этюд из угорской этноистории // Этнокультурное наследие народов Севера России. — М.: ИЭА РАН, 2010: 41–55.

Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов. — М.: Изд-во восточ. лит., 1960. — 22 с.

Греков Б. Д. Избранные труды. Т. II. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 624 с.

Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1988: 20–40.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Л.: Изд. Учен. комитета МНР, 1926. — VI, 898 с.

Гублия Р. К. Очерки по абхазской этимологии. — Сухум: АГУ, 2013. — 330 с.

Гумилев Л. Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. — М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1960. — 292 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М.: Т-во «Клышников-Комаров и К», 1993. — 526 с.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. — М.: Айрис-пресс, 2007. — 411 с.

Гусейнзаде А. Об одном древнем этнопониме Азербайджана (Biläsuvār) // СТ. 1979. № 5: 30–35.

Гусейнов Г.-Р. А. — К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего Средневековья // Вопросы ономастики. № 2. 2014: 54–67.

Далай Чулууны. Монголия в XIII – XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 232 с.

Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

Дебец Г. Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. М., 1932. № 1: 54–73.

Денисов П. В. Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 408 с.

Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. – 176 с.

Денисова Г. А., **Малярчук** Б. А., **Деренко** М. В., **Кравцова** О. А. Популяционная структура поволжских татар по данным о разнообразии митохондриальной ДНК // Генетика. Т. 47, № 3. 2011: 387–393.

Денисова И. М. Дерево – дом – храм в русском народном искусстве // СЭ. 1990. № 6: 100–114.

Дерфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. – М.: Наука, 1986: 71–134.

Дерюжев Ив. Поминки у чуваш Бугурусланского уезда, Самарской губернии // Миссионер. 1874: 187–188.

Дестунис Г. С., пер. с греч., примеч. Сказания Приска Панийского. – СПб.: Тип. АН, 1860. – 112 с.

Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. – Баку: Элм, 1985. – 124 с.

Дзаттиаты Р. Г. К семантике скачек «дугъ» у осетин // Известия Юго-Осетинского НИИ. Вып. XXIX. – Тбилиси: Мецниереба, 1985: 22–29.

Димитриев В. Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа: Сб. ст. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957: 96–118.

Димитриев В. Д. О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР: Вып. 1. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958: 50–61.

Димитриев В. Д. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства (X – начало XIII веков) // История Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней (краткие очерки). Кн. 1 (дореволюционный период). – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962: 23–33.

Димитриев В. Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков // Ученые записки / НИИ при СМ ЧАССР. Вып. XXVII. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964: 118–132.

Димитриев В. Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX веков // Ученые записки. Вып. 47. – Чебоксары: НИИ, 1969: 242–246.

Димитриев В. Д. Предисловие // Трофимов А. А. Орнамент чувашской народной вышивки: Вопросы теории и истории. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1977: 5–6.

Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. – 448 с.

Димитриев В. Д. История и национальные проблемы чувашского народа // Вестник Чувашской национальной академии. 1994. 2: 26–33.

Димитриев В. Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. – Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. – 120 с.

Димитриев В. Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII веков. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – 180 с.

Димитриев В. Д. Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. – М.: ИНИОН РАН, 2005: 53–71.

Димитриев В. Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 190 с.

Димитриев В. Д. Фальсификация истории // URL: <http://chuvbolgari.ru/index.php/template/kultura-chuvashii/217-falsifikatsiya-istorii>

Дмитриев В. А. Культ молнии в полевых материалах А. А. Миллера по Северной Осетии 1923 г. // Лавровский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2015: 343–348.

Дмитриева Юдит. Тюркологические (чувашские) исследования венгерских финно-угроведов // Вестник Югорского государственного университета. 2006. Вып. 2: 61–63.

Дмитриева Юдит, Адягаши Клара. Hungaro-Tschuvaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. – 239 с.

Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. — Л.: Наука, 1975. — 319 с.

Дубов И. Великий Волжский путь. — Л.: ЛГУ, 1989. — 257 с.

Дубова Н. А. Соотношение биологической и социально-культурной дифференциации человечества (на примере народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья). АДД. — М.: ИЭА РАН, 2002. — 80 с.

Дыбо А. В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. — М.: Наука, 2006: 766–817.

Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд; пратюркский период. — М.: Восточ. лит., 2007. — 222 с.

Дыбо А. В. Отражение болгарских палатализаций в болгаризмах венгерского языка // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации. — Чебоксары: ЧГИГН, 2011: 10–21.

Дыбо А. В. Сюнну-гунну: Кто же они? // URL: [www/http://polit.ru/article/2013/12/01/dibo/print](http://polit.ru/article/2013/12/01/dibo/print)

Дыбо А. В. Современные данные о родственных связях языков Евразии // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2014. — М.: Наука, 2015а: 334–373.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа: История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. — Ереван: ИИ АН АрмССР, 1968. — 264 с.

Европеус Д. П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. — СПб.: Имп. АН, 1874. — 23 с.

Егоров В. Г. К вопросу о происхождении чуваш и их языка // Записки. Вып. VII. — Чебоксары: НИИЯЛИ, 1953: 64–91.

Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. — 204 с.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М.: Наука, 1985. — 246 с.

Егоров Н. И. Заговорят ли абашевцы?.. (К этимологии гидронима *Сура* и проблеме этноязыковой принадлежности создателей Абашевской культуры) // Известия Национальной академии наук Чувашской республики. 2003. 4: 93–114.

Егоров Н. И. Избранные труды: Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. Т. 1. — Астана; Чебоксары: ЧГИГН, 2009. — 1016 с.

Егоров Н. И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: От конфессионального к этнонациональному. — Чебоксары: ЧГИГН, 2012. — 52 с.

Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. — М.: Вост. лит., 1999. — 239 с.

Ельчинова Г. И., Васильева Т. А., Эльканова Л. А., Ревазова Ю. А., Петрова Н. В., Тимковская Е. Е., Зинченко Р. А. Результаты популяционно-генетического изучения населения Республики Татарстан // Генетика. Т. 50. № 5. 2014: 619–624.

Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // СЭ. 1990. № 3: 129–135.

Ермолаев И. П. Писцовая книга Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текстов. — Казань: КГУ, 1978: 5–31.

Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Материалы и исследования по археологии СССР. № 80. — М.: Изд-во АН СССР, 1960: 169–194.

Ефимова С. Г. Краниология чувашей как исторический источник // Чуваш: Актуальные аспекты антропологии. — Чебоксары: ЧГИГН, 2004: 59–80.

Жачева Е. Н. Чувашская вышивка: советы мастерицы. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. — 96 с., ил.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. — М.: Тип. Грачева и К, 1876. — 1174 с.

Загидуллин И. К. К вопросу об образовании Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. № 7. 2015: 18–23.

Заляй Л. З. К вопросу о происхождении татар Поволжья (По материалам языка). Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948: 81–89, 156–158.

Зассецкая Ирина. Гунны на Западе // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I: Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002: 141–152.

Зеленева Ю. А. Этнокультурная история Поволжья в XII–XV вв. АДД. — Казань: ИИ АН РТ, 2013. — 58 с.

Зиливинская Э. Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // Советская археология. 1989. № 4: 223–233.

Зиливинская Э. Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии. АДД. — М.: ИА РАН, 2012. — 40 с.

Златоверховников Иван, сост. Уфимская епархия: Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. — Уфа: Типо-лит. А. П. Зайкова, 1899. — VII, 332 с.

Золотов Н. Я. Краткий очерк народной поэзии чуваш. — Шупашкар: Чăваш кĕн. уйрăмĕ, 1928. — 87 с.

Иванов А. Царство ислама среди чуваш // Самарские епархиальные ведомости. 1907: 697–707.

Иванов В. А. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы). — Казань: ИИ АН РТ, 2013: 77–100.

Иванов Виталий. Этническая история чувашского народа. — Чебоксары: ЧГИГН, 2010. — 88 с.

Иванов В. П. Об этногенетических корнях различий в этнокультурах чувашей и татар // Чувашский гуманитарный вестник. № 8. Чебоксары. 2013: 31–45.

Иванов Вяч. Вс. О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам // Лингвистический сборник. — Тбилиси: Мецниереба, 1979: 111–129.

Иванов Вяч. Вс. Языки мира // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990: 609–613.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — М.; Л.: Наука, 1963. — 501 с.

Ивановский А. А. Население земного шара: Опыт антропологической классификации. — М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1911. — 6 с., 508 стлб.

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред — и раннескифского времени. — М.: Палеограф, 2001. — 323 с.

Избицер Е. В. Еще раз к вопросу о месте происхождения колесного транспорта и его появлении на Северном Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. — М.: Памятники исторической мысли, 2013: 109–116.

Изделия остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского губернского музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIX. 1911: I–IV, 1–136 с.

Измайлов Искандер. Защитники «Стены Искандера»: Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. — Казань: Татар. кн. Изд-во, 2008. — 206 с.

Измайлов И. Л. Распространение и местные особенности ислама в Волжской Болгарии // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы и перспективы. Т. II. — Казань: Intelpress, 2009: 40–50.

Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. Волгоград, 2011. № 2: 34–51.

Измайлов И. Л. Булгары: от племени к средневековому государству // Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 1 (27): 178–185.

Измайлов И. Л. Волжская Булгария в IX — первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества. АДД. — Казань: ИИ АН РТ, 2013. — 68 с.

Измайлов Искандер, **Исхаков** Дамир. Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань: Рухият, 2006: 650–656.

Илюшечкина Е. В. Диатеза племен Северного Причерноморья у Дионисия Периегета // Colloquia classica et indogermanica — III. — СПб.: Наука, 2002: 379–402.

Иностранцев К. Хунну и гунны: (Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). — Л.: Ленинград. ин-т живых восточных языков, 1926. — IV, 152 с.

Иречек К. И. История Болгар. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. — X, 799 с.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). — Казань: Мастер Лайн, 1998. — 276 с.

Исхаков Д. М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. — М.: Наука, 2001: 101–161.

Исхаков Д. М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2: 420–442.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2000. – 136 с.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. // Татары. – М.: Наука, 2001: 41–100.

Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 222 с.

Исхаков Р. Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX вв.). – Казань: Центр инновационных технологий, 2014. – 332 с.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1992. – 216 с.

Казаков Е. О типологии и периодизации древностей Болгарии: VIII–X вв. // Симпозиум «Славяни и прабългари»: Доклады. – София: БАН, 1982: 388–391.

Казаков Евгений. Ранние болгары в Поволжье // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I: Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002: 185–194.

Казаков Е. П., Халиков А. Х., Халикова Е. А. Биляр // Археологические открытия 1967 года. – М.: Наука, 1968: 133–134.

Казанский М. М. Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликовское поле», 2010: 119–127.

Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 288 с.

Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 2009. – 472 с.

Каракетов М. Д. Ранний этап этнической истории. Традиционные верования // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014: 25–29, 394–442.

Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений. Т. 1: История государства Российского. Подг. текста и коммент. А. М. Кузнецова. — М.: Терра-Книжный клуб, 1998. — 576 с.

Каховский Б. В. О язычестве волжских болгар (по археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. — Чебоксары: НИИ, 1983: 26–42.

Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории. — Чуваш. кн. изд-во, 1965. — 484 с.

Каховский В. Ф. Об историко-культурных связях предков чуваш с народами Кавказа по данным этнографии // Ученые записки /ЧГПИ. Вып. XXI. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965а: 189–212.

Каховский В. Ф. Сувары и чувашаи // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972: 200–217.

Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972: 3–73.

Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972а: 116–117.

Кашибадзе В. Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии (одонтологическое исследование). АДД. — Вешенская: ГМЗ М. А. Шолохова, 2007. — 50 с.

Кен Чжар. Основные маршруты и места переселения кочевых племен на севере Китая в эпохи Хань и Тан // Научная и духовно-миссионерская деятельность Н. Я. Бичурина: история и современное значение. — Чебоксары: ЧГИГН, 2009: 26–39.

Климов Г. А., Эдельмай Д. И. К этимологии *Albasty/Almasty* // СТ. 1979: 57–63.

Клосон Дж. Происхождение тюркского «рунического» письма // Зарубежная тюркология. Вып. I. — М.: Наука, 1986: 135–158.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: От древности к новому времени. — СПб.: Петербург. востоковедение, 2009. — 432 с.

Кобищанов Ю. М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии — России // Ответственные науки и современность. 1996. № 2: 91–99.

Коблов Я. Д. Мифология казанских татар // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXVI. — Казань: КГУ, 1910: 415–470.

Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края. — Казань: Центр. тип., 1910а. — 27 с.

Ковалевская В. Б. Кавказ в свете археологии и геногеографии // РА. 2016. № 3: 45–59.

Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. — Чебоксары: НИИ, 1954. — 64 с.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. — Харьков: Харьков. ун-т, 1956. — 347 с.: 1 л. ил.

Ковалевский А. П. Башкиры в X веке по данным Ибн-Фадлана // Хазарский альманах. Т. 13. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015: 35–64.

Ковалевский Максим. Современный обычай и древний закон. Т. 1. — М.: Тип. В. Гатцук, 1886. — VII, 340, II с.

Козинцев А. Г., Моисеев В. Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнографическое обозрение. 1995. № 4: 81–88.

Комар Алексей. Кочевники Восточной Европы VI–IX вв. // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. — Астана: Kul Tegin, 2008: 191–216.

Комар А. В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов межкультурного взаимодействия). — Самара: Офорт, 2010: 169–199.

Кондратьев М. Г. Музыкальные культуры Волго-Уралья как цивилизационная целостность // Проблемы музыкальной науки. 2011. № 1: 6–10.

Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. — М.: Восточ. лит., 2006. — 328 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. — Л.: Наука, 1982. — 360 с.

Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. — М.: Наука, 2004. — 241 с.

Коробов Д. С., Борисов А. В. О земледелии алан Кисловодской котловины в I тыс. н. э. // РА. 2012. № 3: 50–62.

Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. — Махачкала: ИИЯЛ, 1974: 182–196.

Котович В. М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. — М.: Наука, 1983: 4–12.

Кравцова Ольга, Газимзянов Ильгизар. Генетический портрет поволжских татар. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. — 204 с.

Крадин Н. Н. Актуальные проблемы археологии хунну // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 1 (5): 108–122.

Краснов Ю. А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3: 112–124.

Краснов Ю. А. Избранные труды. — М.: ИА РАН, 2011. — 392 с.

Кудрявцев О. В. Племена и народности Кавказа (VI–IV вв. до н. э.) // Всемирная история. Т. II. — М.: Госполитиздат, 1956: 154–158.

Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности: Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. — 356 с.

Кузеев Р. Г., сост., пер., введ. и коммент. Башкирские шежере. — Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1960. — 304 с.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. — Уфа: АН РБ, 2010. — 560 с.

Кузембаев Нуркен Е. Монгольское завоевание кипчакских племен Восточного Дешт-и Кипчака и судьбы кипчакской элиты в составе Монгольской империи и за ее пределами // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 19. Wiesbaden, 2012: 185–198.

Кузнецов И. Д. Чăваш халăх историйĕ çинчен. — Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1962. — 443 с.

Куник А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. — СПб.: Имп. АН, 1878: 118–161.

Кунина А. Семейные обычаи и обряды у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. — МГУ, 1940: 19–22.

Кутуев И. А. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Кавказа. АДД. — Уфа: Ин-т биохимии и генетики УНЦ РАН, 2010. — 46 с.

Кутуев И. А., Боготова З. И., Хусаинова Р. И., Валиева Р. И., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Изучение линий мтДНК в популяциях кабардинцев и балкарцев // Медицинская генетика. Т. 8. № 11. 2009: 16–22.

Кутуев И. А., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Юнусбаев Б. Б., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогеография популяций Кавказа по данным Y-хромосомы // Медицинская генетика. Т. 9. № 3. 2010: 18–25.

Кутуев И. А., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Евразии. — Уфа: Гилем, 2011. — 239 с.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. — М.: Восточ. лит., 1994. — 327 с.

Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. — М.: ИА РАН, 2011. — 256 с.

Кызласов И. Л. Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в Средние века. — М.: Авторская книга, 2016: 249–257.

Кызласов Леонид. Первый тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. Казань, 1997. № 1: 23–30.

Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды Института этнографии. Н. с., т. LI. — М.: Изд-во АН СССР, 1959: 193–236.

Латышев В. В. Пер. и примеч. Приск Панийский. Готская история // Вестник древней истории. 1948. № 4: 244–267.

Лебедев А. Об общественном кладбище села Старых Алгашей Симбирского уезда // Симбирские епархиальные ведомости. 1905: 222–228, 246–255.

Лейбова (Суворова) Н. А. Заключение // Антропология башкир. — СПб.: Алетей, 2011: 366–370.

Лерх П. И. Рец.: История агван Моисея Каганкатвази. СПб., 1861 // Известия Императорского археологического общества. Т. III. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1861: 479–499.

Литвинский Б. А. Погребальный обряд и ритуалы Бактрии — Тохаристана // Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. — М.: Наука, 1984: 150–169.

Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1876. — 50 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 693 с.

Лютвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. — М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2010. — 664 с.

Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губ. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. — V, 266 с.

Магницкий В. К. К истории «присурских» чуваш, черемис, мордвы и Фролищевой пустыни // Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. V. — Н. Новгород: Нижегород. губ. учен. архив. комиссия, 1903: 24–43.

Магницкий В. К. Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (по архивным документам) // ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 2. Казань, 1919: 211–239.

Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. — 164 с.

Маенхен-Гельфен Отто Дж. Мир гуннов: Исследования истории и культуры. Пер. с англ. В. С. Мирзаянова. — Казань: Слово, 2010. — 528 с.

Макеева А. И. Дерматоглифика татароязычного населения Волго-Уральского региона // XI Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. — М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015: 154.

Макеева А. И. Дерматоглифика крышен Поволжья и Урала // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2015а. 1: 49–65.

Макеева А. И. Данные дерматоглифики к проблеме формирования татароязычного населения Волго-Уральского региона: ДК. — М.: ИЭА РАН, 2015б. — 143 с.

Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Гугуев Ю. К., Болелов С. Б. Раскопки Паласа-сыртского 1-го городища // Археологические открытия 2010–2013 годов. — М.: ИА РАН, 2015: 389–391.

Малютин С. Р. Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. 1: Хуннская эпоха. — Чебоксары: ЧГИГН, 1996. — 78 с.

Мамедова Фарида. Кавказская Албания и албаны. — Баку: Центр исследований Кавказской Албании, 2005. — 800 с.

Маммаев М. М. О зороастризме в средневековом Дагестане // Древности Кавказа и Ближнего Востока. — Махачкала: Эпоха, 2005: 209–226.

Марк К. Антропология пермских финнов в связи с вопросами их этногенеза // Acta Ethnographica, 44 (3–4). 1999: 401–410.

Марр Н. Я. Избранные работы. Т. V. — М.; Л.: Гос. соц. — экон. изд-во, 1935. — XXI, 668 с.

Матвеев С. М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. — Уфа: Электрич. губ. тип., 1910. — 57 с.

Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. — Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. — 37 с.

Мерперт Н. Я. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1958: 551–569.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. — М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1963. — 265 с., прил.

Митяев Кр. Крумвизит дворец и други новооткрыти постройки в Плиска // Известия на Българския археологически институт. Т. XIV. — София: Държавна печатница, 1943: 73–135.

Михайлов С. М. Собрание сочинений. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. — 512 с.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. — М.: ИВ РАН, 2002. — 368 с.

Мишин Д. Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. — М.: ИВ РАН, 2014. — 696 с.

Моисеев В. Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. — СПб.: Наука, 1999. — 134 с.

Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей // Советское финно-угроведение. Т. 14. 1978. № 4: 281–282.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука, 1985. — 200 с.

Молодин В. И., Ефремова Н. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Сальникова И. В., Борзых К. Л. Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгеро-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011: 188–194.

Мудрак О. А. Заметки о языке и культуре дунайских болгар // *Orientalia et Classica*. Вып. VI. — М.: РГГУ, 2005: 83–106.

Мудрак О. А. Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // URL: <http://altaica.ru/LIBRARY/mudrak/buyla-zoapan.pdf>

Мухамадеев Алмаз. Объединительная политика Алмыша и сурварский фактор // Эхо веков. 2014. № 3/4: 3–10.

Мухамадиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по источниковедению истории Татарии. — Казань: ИЯЛИ, 1980: 122–135.

Мухамадиев Азгар. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. — 159 с., ил.

Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. — 128 с.

Набиуллин Н. Г. Исследования в Чистопольском районе Республики Татарстан // Археологические открытия 2007 года. — М.: Языки славян. культуры, 2010: 373.

Надырова Х. Г. Хазаро-болгарские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии // Известия КазГАСУ. 2010. № 2: 20–31.

Напольских В. В. Как Вукузе стал создателем суши: Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. — 159 с.

Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. — 268 с.

Напольских В. В. Йӱгра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. № 3. 2005: 240–268.

Напольских В. В. Миф о нырянии за землей (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для...»: К 75-летию Ю. Б. Симченко. — М.: Старый сад, 2011: 215–272.

Напольских В. В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // URL: www.molgen.org/molgenfiles/Napolskic_hNapolskich_Perm_Ugrian_VAU.pdf

Насыров Р. Г. Служилые чуваша Закамья XVII–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 8. — Казань: ИИ АН РТ, 2016: 182–185.

Наумова О. Ю., Рычков С. Ю., Жукова О. В. Изменчивость митохондриальной ДНК в популяциях и территориальных группах тоболо-иртышских татар // Генетика. Т. 45. № 9. 2009: 1260–1269.

Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6: 126–136.

Немет Ю. К вопросу об аvaraх // Turcologica. — Л.: Наука, 1976: 298–305.

Никитин Г. А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. — 167 с.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М.: Наука, 1990. — 263 с.

Оллсен Т. Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Евразии в средневековье. Т. 6. — Донецк: ИА НАНУ, 2008: 351–362.

От издателя // Чуваша: актуальные аспекты антропологии. — Чебоксары: ЧГИГН, 2004: 3–4.

Паркер Эдуард. Татары: История возникновения великого народа. — М.: Центрполиграф, 2010. — 223 с.

Патканов К. П., пер., примеч. и изд. Хоренский Моисей. Армянская география VII века по р. X. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. — XXVIII, 84, 26, 2 карты.

Патканов С. К. Сочинения. Т. 5. — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. — 416 с.

Петров М. П. О происхождении чуваш. — Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. — 62 с.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 415 с.

Пигнатти Вас. Краткое сообщение о поездке на реку Конду (М. Кондинская волость, Тобольского уезда) летом 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XX. — Тобольск: Тип. Епархиального Братства, 1912: 1–15.

Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. № 1. 1939: 113–115.

Пигулевская Н. Мар Аба I: (К истории культуры VI в. н. э.) // Советское востоковедение. Т. V. 1948: 73–84.

Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. Сост. Е. Н. Мещерская. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. — 832 с.

Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981: 62–74.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. — М.: Наука, 1982. — 192 с.

Плетнева Светлана. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. 1997. № 1: 31–60.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. — М.: Индрик, 2002. — 488 с., 16 илл.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск: Наука, 1987. — 144 с.

Полубояринова М. Д. Дома монгольского типа в Болгаре // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. — Азов: АИАПМЗ, 2009: 436–437.

Полубояринова М. Д. Торговый инвентарь с Болгарского городища // Поволжская археология. Казань, 2013. № 2 (4): 252–258.

Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии. XVI. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955: 41–146.

Поппе Н. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XVIII. 1924: 289–314.

Поппе Н. Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. — Чебоксары: Чувашоблиздат, 1925. — 32 с.

Поппе Н. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XIX. 1925а: 405–426.

Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // Вестник научного общества татароведения. № 7. Казань, 1927: 61–64.

Прицак Омелян. Киевское письмо — подлинный документ хазарских евреев Киева: Раздел Б // Голб Норман и Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X века. — Иерусалим: Гешарим, 5763; М.: Мосты культуры, 2003: 53–98.

Прокопьев К. Влияние татар-мусульман на чуваш // Чичерина С. У Приволжских инородцев: Путевые заметки. — СПб.: Тип. В. Я. Мильштейна, 1905: 142–145.

Пуллиблэнк Э. Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. I. — М.: Наука, 1986: 29–70.

Раджабов М. О., **Рабданов** Ш. Х., **Раджабова** Г. М., **Харьков** В. Н. Этногенез коренных малочисленных народов Дагестана по данным молекулярной генетики (ДНК анализа) // Вторые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. — Махачкала: ДГУ, 2014: 217–221.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах: Из Предисловия к изданию Кудатку-Билика. — СПб.: Имп. АН, 1893. — 130 с.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с немец. — К. Д. Цивина и Б. Э. Чистова. — М.: Наука, 1989. — 750 с., карта.

Раймов Р. М. Выступление // Происхождение казанских татар. — Казань: Таггосиздат, 1948: 143–145.

Рашев Рашо. Великая Болгария // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2: Волжская Булгария и Великая степь. — Казань: Рухият, 2006: 36–47.

Рекеев А. Разные чувашские моления. — Казань: Известия по Казанской епархии, 1898. — 11 с.

Ризаханова М. Ш. Аграрные праздники и обряды в традиционном быту генухцев // Лавровские (среднеазиатские) чтения 2002–2003 гг. — СПб.: МАЭ РАН, 2003: 80–81.

Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). — Сургут: Север. дом, 1993. — 208 с.

Ромбандеева Е. И. Кодовая система изложения мифа манси (вогулов) «Ма тэлум ялпың мййт» (Б. Мункачи, запись 1889 года) // Вестник угроведения. 2015. № 4: 60–64.

Рона-Таш А. Основные звуковые изменения в истории чувашского языка // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. — Чебоксары: НИИ, 1987: 43–47.

Рона-Таш Андраш. Хазары и мадьяры // Хазары. — М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005: 111–124.

Рона-Таш А. От Урала до Карпатского бассейна: (Новые результаты исследований по ранней истории венгров) // Алтаистика и тюркология. 2011. № 4 (4): 131–139.

Ртвеладзе Э. В. ΔΑΡΕΝΗΣ ἌΤΡΟΠΟΝ: Маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1 (47): 354–364.

Руденко К. А. Ювелирное искусство Золотой Орды: две серебряные серьги из Татарстана (вопросы атрибуции и датировки) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. — Казань: ИИ АН РТ, 2011: 250–253.

Руденко К. А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2: 19–41.

Руденко К. А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья «в эпоху Великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013а. № 2 (8): 58–74.

Руденко К. А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. Казань, 2013б. № 2: 189–211.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. — Казань: Заман, 2015. — 528 с.

Руденко С. Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. Т. 1. — СПб.: Гос. Рус. музей, 1910: 81–88.

Саидов В. А. Предметы вооружения населения Паласа-Сыртской возвышенности в IV–V вв. (по материалам погребений) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 2: 21–25.

Салмин А. К. «Забывтые» статьи в Чувашской энциклопедии // Музей. Традиции. Этничность. СПб. 2013. № 1: 49–59.

Салмин А. К. Финны Волго-Камья и некоторые вопросы истории чувашей // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4: 105–116.

Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Науч. ред. член-корр. РАН С. А. Арутюнов. — Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2016. — 688 с., илл.

Салмин А. К. Православный фактор в истории чувашей // Вестник Чувашского университета. 2016а. № 2: 120–130.

Салмин А. К. Хазаро-савирские взаимоотношения на Кавказе // Лавровский сборник: Материалы XI Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. — СПб.: МАЭ РАН, 2017: 29–37.

Салько Н. Б. Ковры Южного Дагестана // СЭ. 1951. № 2: 204–213.

Саркисян Гагик. Примечания // Мовсес Хоренаци. История Армении. — Ереван: Айастан, 1990: 217–266.

Свистун Г. Е., Горбаненко С. А. Потребительские предпочтения продуктов земледелия как проявление градообразующих тенденций на примере Чугуевского городища салтово-маяцкого времени // История и археология восточноевропейской деревни. Вып. I. — Брянск: БГСХА, 2011: 34–48.

Севастьянов И. В. Татары-кряшены: православие в «тюркском мире» // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 6: 15–27.

Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2: 5–15.

Седов В. В. Избранные труды. Славяне: Историко-археологические исследования. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. — М.: Знак, 2005. — 944 с.

Семенов И. Г. Восточнокавказские этнонимы в раннесредневековых армянских источниках // Восток (Oriens). 2012. № 5: 27–38.

Семенов И. Г. Ранние этапы христианизации восточнокавказских гуннов // Вопросы истории. 2013. 4: 142–151.

Семенов И. Г. Основные этапы миграций огурских племен в Юго-Восточную Европу // Тюркологический сборник: 2011–2012. — М.: Наука, 2013а: 333–351.

Семенов И. Г. К истории Унногундурского государства // Византийский временник. Т. 72 (97). М., 2013б: 45–67.

Семенов И. Г. Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк'») // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. — М.: Языки славянской культуры, 2014: 43–54.

Семенов И. Г. Основные аспекты концепции протославянской этнической принадлежности древних болгар // Восток. 2015. 6: 12–27.

Семенов И. Г. Кавказ в политических отношениях Ирана с Византией и тюркским каганатом в 556–591 годах // Хазарский альманах. Т. 13. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015а: 234–298.

Семенова Т. В. Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах. — СПб.: ЛЕМА, 2015. — 145 с.

Семыкин Ю. А. Технология изготовления кузнечной продукции из Больше-Тарханского могильника // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. — Казань: Фэн, 2009: 213–233.

Серебренников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957: 28–47.

Серов В. В. Финансовая политика Юстиниана Великого. — Новосибирск: Наука; Барнаул: АЗБУКА, 2011. — 375 с.

Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). — Махачкала: ДИНЭМ, 2009. — 407 с.

Сефербеков Р. И. Мифологический образ «домовой змеи» в верованиях табасаранцев // Вторые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. — Махачкала: ДГУ, 2014: 223–225.

Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV–VII вв. // Ученые записки/ Пермский госуниверситет. Т. XX, вып. 4. — Пермь: ПГУ, 1961: 3–41.

Скарильи П. Готы: язык и культура. — СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2012. — 388 с.

Скржинская Е. Ч. Вступ. ст., пер., коммент. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. — СПб.: Алетейя, 2001. — 512 с.

Смирнов А. П. Сувар: Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. Вып. XVI. — М.: ГИМ, 1941: 135–171.

Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар. Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948: 5–26, 148–151.

Смирнов А. П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б. Таяба Чувашской АССР // Записки. Вып. IV. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1950: 131–153.

Смирнов А. П. Волжские болгары. — М.: ГИМ, 1951. — 375 с., 18 табл., 1 карта.

Смирнов А. П. Археологические исследования в Чувашии в 1958–1959 годах // Ученые записки. Вып. XXV. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1964: 4–28.

Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М.: Наука, 1973: 130–135.

Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Вопросы этногенеза народов Поволжья (По материалам Куйбышевской археологической экспедиции) // Вестник Академии наук СССР. 1955. № 10: 48–53.

Смирнов А. С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI — начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (1): 186–193.

Смирнов И. Н. Пермьяки. — Казань: Имп. ун-т, 1891. — 289 с.

Спасский Н. А. Очерки по родиноведению: Казанская губерния. — Казань: Имп. ун-т, 1912. — 376 с.

Спицын В. А., Бацевич В. А., Ельчинова Г. И., Кобылянский Е. Д. Генетическое положение чувашей в системе финно-угорских и тюркоязычных народов // Генетика. Т. 45. № 9. 2009: 1270–1276.

Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. Т. LXXX. — М.: Наука, 1988: 112–163.

Старостин С. А. Труды по языкознанию. — М.: Языки славян. культуры, 2007. — XXXIV, 924 с.

Сташенков Д. А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). — Самара: Офорт, 2010: 118–127.

Стеблин-Каменский И. М. Перевод и примечания // Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. — СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. — 352 с.

Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 784 с.

Стриттер Иван. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 2: О тотфах, вандалах, гепидах, ерулах, уннах и о аварях. — СПб.: Имп. АН, 1771. — 166 с.

Схаляхо Р. А., Почешхова Э. А., Теучеж И. Э., Дибирова Х. Д., Агджоян А. Т., Утевская О. М., Юсупов Ю. М., Дамба Л. Д.,

Исакова Ж. Т., Момыналиев К. Т., Тагирли Ш. Г., Кузнецова М. А., Коньков А. С., Фролова С. А., Балановская Е. В., Балановский О. П. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. № 2. 2013: 34–48.

Таймасов Л. А. К этнической истории чувашского народа: савиры (сувары) на Северном Кавказе во II–VIII вв. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. — Чебоксары: ЧГИГН, 2001: 7–33.

Таймасов Л. А. Сувары // Чувашская энциклопедия. Т. 4: Си-Я. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011: 140–141.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. Подг. к печати — М. П. Ирошников и З. Н. Савельева. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 501 с.; Т. 2. — 1963. — 352 с.; Т. 4. — М.; Л.: Наука, 1964. — 557 с.

Тенишев Э. Р. Гуннов язык // Языки мира: Тюркские языки. — М.: Индрик, 1997: 52–53.

Тер-Давтян К. С. и Аревшатян С. С., пер. с древнеармян., вступ. ст. и коммент. Агатангелос. История Армении. — Ереван: Наири, 2004. — 336 с.

Тер-Саркисянц А. Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. — М.: Вост. лит., 2008. — 686 с., ил., карты.

Тер-Саркисянц Алла. Армяне Нагорного Карабаха: История. Культура. Традиции. — М.: Русская панорама, 2015. — 918 с.

Теучеж И. Э. Генофонд абхазо-адыгских народов, грузин и армян по данным о полиморфизме Y-хромосомы и фамилий. АДК. — М.: ИОГ РАН, 2013. — 25 с.

Тимофеев Г. Т. Тăхăръял: (Сёве тăршшĕнчи чăвашсем). Этнографии очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ. — Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1972. — 492 с.

Тихонов А. Г. Опыт реконструкции физического типа средневекового населения Поволжья по остеологическим данным // Горизонты антропологии. — М.: Наука, 2003: 218–222.

Тишков В. А. Российская полиэтничность в мировом контексте // X Конгресс этнографов и антропологов России. — М.: ИЭА РАН, 2013: XLII–LII.

Тишков В. А. Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. — М.: ИЭА РАН, 2016: 5–16.

Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. 3: 12–36.

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 512 с.

Тортика А. А. Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII — начало VIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX. — Симферополь: КФУ, 2015: 369–394.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 392 с.

Трофимов А. А. Чувашская народная культовая скульптура. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. — 238 с.

Трофимов А. А. Древнечувашская руническая письменность: Памятники. Алфавит. Дешифровка. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1993а. — 49 с., ил.

Трофимов А. А. Аннотированный словарь // Спиридонов М. С. Чувашский орнамент. — Чебоксары: ЧГИГН, 2010: 196–206.

Трофимова Н. В. Изменчивость митохондриальной ДНК и Y-хромосомы в популяциях Волго-Уральского региона. АДК. — Уфа: ИБГ УНЦ РАН, 2015. — 24 с.

Трофимова Н. В., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Ахметова В. Л., Ахатова Ф. С., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Генетическая характеристика Поволжских татар по данным об однородительских маркерах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. № 3. 2013: 1466–1469.

Трофимова Н. В., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Пенкин Л. Н., Ахметова В. Л., Ахатова Ф. С., Хуснутдинова Э. К. Генетическая характеристика популяций Волго-Уральского региона по данным об изменчивости Y-хромосомы // Генетика. Т. 51. № 1. 2015: 120–127.

Трофимова Т. А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии. Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948: 27–61, 151–154.

Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 264 с.

Трофимова Т. А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // СЭ. 1950. № 3: 54–65.

Уарзиати В. С. Пища и напитки // Осетины. — М.: Наука, 2012: 228–237.

Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира // Труды Самаркандского государственного педагогического института. 1940. Т. 1, вып. 1: 103–131.

Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX — начало XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. — Казань: Дом печати, 2001. — 198 с.

Успенский Ф. И. Надписи староболгарские // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. X. — София: Державна печатница, 1905: 173–242.

Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984. — 216 с.

Фахрутдинов Р. Мелодия камней. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. — 224 с.

Фахрутдинов Р. Г. Волжская Булгария X–XIV вв.: (историко-археологическое исследование). АДД. — МГУ, 1990. — 44 с.

Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана: (Древность и средневековье). — Казань: Татар. кн. Изд-во, 2011. — 303 с.

Федоров Я. А. Хазария и Дагестан // Кавказский этнографический сборник. Вып. V. — М.: Наука, 1972: 18–40.

Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. — М.: МГУ, 1983. — 128 с.

Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (Историко-этнографические очерки). — МГУ, 1978. — 296 с.

Федоров-Гусейнов Г. С. Государственное образование Сувар-Жидан и его роль в истории Юго-Восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и средние века. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000: 155–162.

Федоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. — М.: Изд-во АН СССР, 1962: 49–89.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. — Саранск: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. — 336 с.

Филатов К. А., сост., ред. Византийский словарь. Т. 2. — СПб.: Амфора, 2011. — 592 с.

Филиппов Л. К. Этноним *чуваши* и предыстория чувашского этноса: Историко-лингвистическое исследование. — Саратов: СГУ, 2008. — 340 с.

Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. — Казань: Университет. тип., 1866. — 261, VII с.

Хайду Михай. Венгерский язык // Сородичи по языку. — Будапешт: Фонд им. Ласло Телеки, 2000: 315–332.

Хайду Петер. Уральские языки и народы. — М.: Прогресс, 1985. — 430 с.

Хайретдинов Д. З. Хазары, кипчаки, буртасы: к вопросу об этнических предках нижегородских татар-мишарей // Восток (Oriens). 2015. № 6: 28–37.

Халиков А. Х., отв. ред. Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. — М.: Наука, 1985. — 216 с.

Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. — 222 с.

Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (к вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. — Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971: 64–93.

Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. 1980. № 3: 86–94.

Хвольсон Д. А., пер., введ., коммент. Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгаргах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея. — СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. — XIII, 199 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 455 с.

Хить Г. Л. Современные карачаевцы и балкарцы по данным антропологии // Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. — М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015: 160.

Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. — М.: Изд-во АН СССР, 1962: 93–152.

Хлебникова Т. А. Исследование центра г. Болгары в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в Средние века. — М.: Наука, 1974: 18–23.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. — М.: Наука, 1984. — 240 с., илл.

Хоппал Михай. Шаманы — культуры — знаки. — Тарту: ЭЛМ, 2015. — 241 с.

Худяков М.Г. К вопросу о происхождении чуваш // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 4. Баку, 1927: 135–146.

Хуснутдинова Э.К. Этногеномика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7: 614–621.

Хуснутдинова Э.К., Викторова Т.В., Ахметова В.Л., Мустафина О.Е., Фатхлисламова Р.И., Балановская Е.В., Петрова Н.В., Макаров С.В., Кравчук О.И., Пай Г.В., Гинтер Е.К. Популяционно-генетическая структура чувашей (по данным о восьми ДНК-локусах ядерного генома) // Генетика. Т. 39. № 11. 2003: 1550–1563.

Хуснутдинова Э.К., Кутуев И.А. Гены и языки: есть ли взаимосвязь между данными мтДНК и распространением алтайских и уральских языков? // Молекулярный полиморфизм человека: структурное и функциональное индивидуальное разнообразие биомакромолекул. Т. II. — М.: РУДН, 2007: 782–810.

Хуснутдинова Э.К., Кутуев И.А., Хусаинова Р.И., Юнусбаев Б.Б., Юсупов Р.М., Виллемс Р. Этногеномика и филогенетические взаимоотношения народов Евразии // Вестник Вавиловского журнала генетики и селекции. Т. 10. № 1. 2006: 24–40.

Хуснутдинова Э.К., Литвинов С.С., Кутуев И.А., Юнусбаев Б.Б., Хусаинова Р.И., Ахметова В.Л., Ахатова Ф.С., Метспалу Э., Ротси С., Виллемс Р. Генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа // Генетика. Т. 48. № 6. 2012: 750–761.

Цароева Марет. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. — М.: Триумф, 2016. — 320 с.

Цуциев А.А. Пара птиц на Древе жизни: (Осетинский орнамент как исторический источник). — Владикавказ: СОИГИ ВНЦ РАН и Правительство РСО-Алания, 2015. — 118 с.

Цуциев А.А. Некоторые параллели в погребально-поминальной обрядности североиранских народов (от скифов до осетин) // Известия СОИГИСИ. Вып. 21. 2016: 24–31.

Чекалова А. А. Пер. с греч., вступит. ст., примеч. // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М.: Алетей, 1998. — 544 с.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. — М.: Изд-во АН СССР, 1957: 136–245.

Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. — Нальчик: Эльбрус, 1987: 77–99.

Чеченов И. М. К вопросу о ранних этапах тюркизации Центральнокавказского субрегиона // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. — М.: ИА РАН, 2014: 288–290.

Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. — М.: РОСПЭН, 2008. — 712 с.

Чибиров Л. А. Ранние формы народных верований // Осетины. — М.: Наука, 2012: 423–433.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — М.: Наука, 1980. — 215 с.

Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. — Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1913. — 189 с.

Шагинян А. К. Армяно-Албанская церковная миссия в Великом княжестве Гуннском в 682–685 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. N2. 2013: 3–13.

Шагинян А. К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — 477 с., 5 л. цв. карты.

Шамильоглу Юлай. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань: ИИ АН РТ, 2001: 15–29.

Шамильоглу Юлай. Конец языка волжских болгар // Шпулер Бертольд. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. — Казань: Фэн, 2007: 169–175.

Шамильоглу Юлай. «Джагфар Тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. — М.: ИА РАН, 2011: 275–287.

Шаншиев З. По Сванетии: Путевые очерки. — Тифлис: Заключени-
на, 1931. — 8, 197, 2 с.

Шафарик П. Й. Славянские древности. Пер. с чеш. И. Бодянского. Т. I, кн. 2. — М.: Университет. тип., 1837. — 331 с.

Шипош Мария. Хантыйский язык // Сородичи по языку. — Будапешт: Фонд им. Ласло Телеки, 2000: 339–344.

Шитова С. Н. Скотоводство. Пчеловодство, охота, рыболовство // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. — Уфа: Башкир. энцикл., 2002: 46–74.

Шнирельман В. А. Междисциплинарный подход: соблазны и реалии // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. — М.: МЭА РАН, 2016: 434–439.

Шпак Л. Ю., Славолубова И. А., Юдина А. М. Особенности изменчивости пальцевых узоров народов Волго-Камского региона // XI Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. — М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015: 162.

Шушарин В. П. Комментарии к главам // Багрянородный Константин. Об управлении империей: Введение — Г. Г. Литаврин. [Греч.] текст, пер., коммент. — М.: Наука, 1991.

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. — М.: РОССПЭН, 1997. — 512 с.

Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — СПб.: Наука, 1994. — 192 с.

Эрдели И., пер. и примеч. Аноним. Извлечения из хроники // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск, 1967: 172–181.

Эрдман П. Ф. О надгробных надписях в Болгарах // Заволжский муравей. Ч. 3. Казань, 1832: 1219–1230, 1342–1358.

Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971: 217–231.

Юсупов Р. М. Антропологический состав башкир и его формирование. Башкирское общество: внутренняя организация и структура // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. — Уфа: Башкир. энцикл., 2002: 21–44, 155–186.

Юсупов Р. М. Древние этапы этно- и расогенеза башкир и происхождение этнонимов «башкорт» и «иштяк» // Проблемы востоковедения. Уфа, 2009. № 4: 59–61.

Юсупов Ю. М., Схаляхо Р. А., Агджоян А. Т., Асылгужин Р. Р., Рыскулов Р. М., Сабитов Ж. М., Жабагин М. К., Богунов Ю. В., Дибирова Х. Д., Балановская Е. В. Родовые объединения северо-восточных башкир в свете данных геногеографии (по полиморфизму Y-хромосомы) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2016. Т. 21. № 4: 16–25.

Юхас Петер. Тюрко-българи и маджари: Влияние на тюркско-българската култура върху маджарите. — София: Jusaator, 1985. — 455 с.

Ягафова Е. А. Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей // ЭО. 2015. № 5: 3–18.

Яйленко В. П. Гуннский именьник V в. с Тамани и его чувашские соответствия // Ономастика Поволжья. Вып. 6, ч. 1. — М.: ИЭА РАН, 1991: 126–137.

Якубовский А. Ю. Выступление // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948: 130–133.

Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. — М.: Изд-во АН СССР, 1962: 179–204.

Aalto Pentti. Oriental Studies in Finland: 1828–1918. — Helsinki: Finnish Society of Sciences, 1971. — 174 p., map.

Abercromby John. The Pre — and Proto-Historic Finns, both Eastern and Western, with the Magic Songs of the West Finns. Vol. 1. — L.: David Nutt, 1898. — XXIV, 303 p.

Agyagasi Klara. Some middle Bulgarian loan words in the Volga Kipchak languages // Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2002. Vol. 55 (1–3): 25–28.

Arik Durmus. Islam among the Chuvashes and its Role in the Change of Chuvash Ethnicity // Journal of Muslim Minority Affairs, Vol. 27, N1, 2007: 37–54.

Arnaiz-Villena Antonio, Martinez-Laso Jorge, Moscoso Juan, Livshits Gregory, Zamora Jorge, Gomez-Casado Eduardo, Silvera-Redondo Carlos, Melvin Kristin, Crawford Michael H. HLA genes in the Chuvashian population from European Russia: Admixture of central European and Mediterranean populations // Human Biology. Vol. 75. N3. 2003: 375–392.

Bazin Louis. Les calendriers turcs anciens et médiévaux. — Univ. de Lille, 1974. — 800 p.

Bereczki Gábor. A Volga-Káma vidék areális kapcsolatai // Areális nyelvészeti tanulmányok. — Budapest: Tankönyvkiado, 1983: 207–236.

Beyer H.-V. Великая Булгария как форпост ислама... // Античная древность и средние века. — Екатеринбург: УГУ, 2009: 467–488.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. — London: Trübner & Co., 1910. — XII, 334 p.

Budenz József. Jelentés Vámbéry Ármán Magyar-török szóegyeztéséről // Nyelvtudományi közlemények. X. Budapest, 1873: 67–135.

Castrén M. Alexander. Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker nebst Samojedischen Märchen und Tatarischen Heldensagen. — St. Petersburg: Buchdrucerei der Kaiserlichen Akad. der Wissenschaften, 1857. — XIX, 258 S.

Castrén M. Alexander. Kleinere Schriften. — St. Petersburg: Kaiserlichen Akadeie der Wissenschaften, 1862. — X, 382 S.

Chuvash // The New Encyclopædia Britannica. Vol. 3. — Chicago: Encyclopædia Britannica, 1994: 310.

Czeglédi Katalin. The Name of Hungarian People “hungar” in the Mirror of Geographical Names // Journal of Eurasian Studies. Vol. II. Issue 1. 2010: 72–86.

Dienes István. Honfoglalóink halottas szokásaink egyik ugor-kori eleméről // Archaeologiai Értesítő. Vol. 90. Budapest. 1963: 108–112.

Doerfer Gerard. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Vol. XVII, N1. Wiesbaden, 1973: 1–50.

Dunlop D. M. The history of the Jewish Khazars. — Princeton Univ. Press, 1954. — XV, 293 p.

Fodor István. On the earliest Hungarian-Turkic Contacts // Turkic – Bulgarian – Hungarian Relations: (VIth – XIth centuries). — Budapest: [s. n.], 1981: 145–151.

Frähn M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichten // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. — Pétersbourg. VI série. T. I. S. — P., 1832. S. 527–577.

Gnoli Gerardo. Chinvat Bridge // The Encyclopedia of Religion. Vol. 3. — N.Y.; L.: Macmillan Publ. Co., 1995: 334–335.

Golden Peter B. Khazar studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. — 291 p.

Golden Peter B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Mod-

ern Eurasia and the Middle East. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. – XIV, 483 p.

Golden Peter B. Turks and Iranians: An Historical Sketch // Turkic-Iranian Contact Areas: Historical and Linguistic Aspects. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2006: 17–38.

Golden Peter B. The peoples of the Russian forest belt // The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge Univ. Press, 2008: 229–255.

Golden Peter B. The peoples of the south Russian steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge Univ. Press, 2008a: 256–284.

Golden Peter B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. – București: Editura Academiei Române, 2011. – 424 p.

Golden Peter B. Burtās // Encyclopaedia of Islam. 3. – Wiesbaden: Brill, 2011a: 98–101.

Golden Peter B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz* // Turkic Languages. Vol. 16. Wiesbaden, 2012: 155–199.

Golden Peter B. Some Notes on the Etymology of *Sabir* // KOINON ΔΩΡON: Сборник статей к 60-летию В.П. Никонова. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2013: 49–55.

Golden Peter. Some Notes on the Avars and Rouran // The Steppe Land and the World Beyond them. – Iași: Editura Univ., 2013a: 43–66.

Golden Peter B. Qırçaq // Turcology and Linguistics. Hacettepe Üniversitesi, 2014: 183–202.

Gombocz Zoltan. Die Bulgarisch-Türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. – Helsinki: Soc. Finno-Ougr., 1912. – 251 S.

Goubert Paul. Byzance avant l’Islam. Vol. I: Byzance et l’Occident. – Paris: A. et J. Picard, 1951. – 332 p.

Graf Orion M., **Johnson** Stephen M., **Mitchell** John, **Wilcox** Stephen, **Livshits** Gregory and **Crawford** Michael H. Analysis of Chuvash mtDNA points to Finno-Ugric origin // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 147. Issue Supplement 54. 2012: 17–67.

Graf Orion M., **Mitchell** John, **Wilcox** Stephen, **Livshits** Gregory, and **Crawford** Michael H. Chuvash origins: Evidence from mtDNA Markers // An abstract from a presentation at the April 14–17, 2010 meeting of the American Association of Physical Anthropologists (AAPA).

Granberg Antoaneta. The Hunno-Bulgarian Language // The DSCA Journal: Danish Society for Central Asia's Electronic Year book (= www.centralasien.dk/joomla/images/journal/DSCA2008.pdf): 6–10.

Harrington K. P., Ed. Medieval Latin. — Chicago & Lonon: Univ. of Chicago Press, 1997. — 720 p.

Jong Albert de. Armenian and Georgian Zoroastrianism // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism. — Chichester: John Wiley & Sons, Ltd., 2015: 119–128.

Karachanak Sena, Carossa Valeria, Nesheva Desislava, Olivieri Anna, Pala Maria, Kashani Baharak Hooshiar, Grugni Viola, Battaglia Vincenza, Achilli Alessandro, Yordanov Yordan, Galabov Angel S., Semino Ornella, Toncheva Draga, Torroni Antonio. Bulgarians vs the other European populations: a mitochondrial DNA perspective // International Journal of Legal Medicine. Vol. 126. 2012: 497–503.

Karachanak-Yankova Sena, **Nesheva** Desislava, **Galabov** Angel S., **Toncheva** Draga. Distribution of East Eurasian Y-Chromosome and Mitochondrial DNA Haplogroups across Eurasia: Insights into the Genetic Ancestry of Bulgarians // Advances in Anthropology, 2015. 5: 205–266.

Kim Hyun Jin. The Huns, Rome and the birth of Europe. — Cambridge: CUP, 2013. — VIII, 338 p.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). — Leipzig: Theodor Weicher, 1903. — L, 557 S.

Moravcsik Gyula. Byzantinoturcica. I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. — Leiden: E.J. Brill, 1983. — XXXII, 609 S.

Munkácsi Bernát. Az “ugor” népnevezet eredete // Ethnographia. 6. 1895: 349–387.

Munkácsi Bernát. A volgai bolgárokról // Ethnographia. XIV. Budapest, 1903: 66–76, 147–152, 261–265.

Munkácsi Bernát. Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völker des Wolga-Uralgebietes // Kőrösi Csoma Archivum. II. Budapest, 1926: 42–64.

Munkácsi Bernát. A *dió* szó // Keleti Szemle. XX. Budapest, 1927: 131–135.

Németh Gyula. Szabirok és magyarok // Magyar Nyelv. XXV. Budapest, 1929: 81–88.

Németh J. [Gyula]. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XVI. Fasc. 1–2. Budapest, 1966: 1–21.

Németh Gyula. A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. – 399 p.

Nesheva D. V., Karachanak-Yankova S., Lari M., Yordanov Y., Galabov A., Caramelli D., and Toncheva D. Mitochondrial DNA Suggests a Western Eurasian Origin for Ancient (Proto-) Bulgarians // Human Biology. 2015. Vol. 87. N1: 19–28.

Omidzalar M. *Āždahā* in Iranian Folktales // Encyclopædia Iranica. Vol. III, fasc. 2. – L. a. N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1987: 203–204.

Paksa Katalin. Pentatonic Melodies with a Narrow Range in Hungarian and Chuvash Folk Music // Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXVI. Fasc. 1–4. Budapest, 1984: 147–174.

Poppe Nicholas. Chuvash-Mongolian Linguistic Contacts // Journal of the American Oriental Society 97.2 (1977): 111–114.

Pritsak Omeljan von. *Ювәр* und *Кăвар* *Kăvar* // Ural-Altaische Jahrbücher. Vol. 36. Fasc. 3–4. Wiesbaden, 1965: 378–393.

Pritsak Omeljan. From the Säbirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in honor of Julian Németh. – Budapest: Loránd Eötvös Univ., 1976: 17–30.

Pulleyblank E. G. The Hsiung-nu Language // Asia Major. Vol. IX. Pt. 2. London, 1962: 239–265.

Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. – Leipzig: T. O. Weigel, 1882. – XLV, 320 S.

Ramstedt G. J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXXVIII. Helsinki, 1922: 1–34.

Róna-Tas András. Some Problems of Ancient Turkic // Acta Orientalia Havniae. 32. 1970: 209–228.

Róna-Tas András. Középmongol eredetű jövevényszavok a csuvasban II // Néprajz és Nyelvtuomány. 17–18 (1973–1974): 125–141.

Róna-Tas András. Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences. – Leiden: Brill, 1988: 742–780.

Róna-Tas András. Ethnogenese und Staatsgründung: Die türkische Komponente in der Ethnogenese des Ungartums // Studien zur Ethnogenese. Bd. 2. – Opladen: Walter de Gruyter, 1988a: 107–142.

Róna-Tas András. A honfoglaló magyar nép. – Budapest: Balassi, 1996. – 412 p.

Róna-Tas András. Török nyelvi hatások az ősmagyar nyelvre // Honfoglalás és nyelvészet. – Budapest: Györffy György Balassi Kiado, 1997: 49–60.

Róna-Tas András. The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question // The Turkic Languages. – L.; N.Y.: Routledge, 1998: 67–80.

Róna-Tas András. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. – Budapest: CEU Press, 1999. – 608 p.

Róna-Tas András. Nutshell Chuvash // URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afroturkiskasparakIP2007NUTSHELLCHUVASH.pdf>

Róna-Tas András, **Berta** Árpád, **Károly** László. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. – XX, 1494 p.

Russel J. R. Armenian Aždahak // Encyclopædia Iranica. Vol. III, fasc. 2. – L. a. N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1987: 204–205.

Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. [I]. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1969. – XVI, 533 S.

Salmin A. Kawar e alcune questioni della storia della Chuvashia // Italian Science Review. Milano. 2015. 12 (33): 24–28.

Shamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica: Festschrift für Professor András Róna-Tas. – Szeged: Department of Altaic Studies, 1991: 157–163.

Shiratori Kurakichi. Sur l'origine des Hion-nou // Journal Asiatique. T. CCII. 1923: 71–180.

Sipos János. Újabb adatok a kvintváltás eurázsiai elterjedtségéhez // Néprajzi Látóhatár. VII. Budapest, 1998: 1–57.

Stepanov Tsvetelin. Bulgar, Avar and Khazar Aristocratic Names in the Early Middle Ages (Scytho-Sarmatian and Altaic Heritage in Central and East Europe) // Avars, Bulgars and Magyars on the Middle and Lower Danube. – София-Piliscsaba: National Institute of Archaeology and Museum BAS; Pázmány Péter Catholic University, 2014: 165–172.

Stepanov Tsvetelin. The System of Succession in Qubrat's 'Magna Bulgaria': A New Approach to an Old Problem // Central Asia in

the Viddle Ages: Studies in Honor of Peter B. Golden. — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016: 383–391.

Thomsen Vilhelm. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 78. Lpz., 1924–5: 121–175.

Tuite Kevin. A short descriptive grammar of the Svan language // URL: <http://www.uni-jena.de/unijenamedia/Downloads/faculties/phil/kaukasiologie/Svan%5Bslightlyrevised%5D.pdf>

Vásáry István. Hungarians and Mongols as “Turks”: on the applicability of ethnic Names // *Between Byzantium and the Steppe*. — Budapest: IARCH YAS, 2016: 537–544.

Vámbéry A. Magyar és török-tatar szóegyezések // *Nyelvtudományi közlemények*. VIII. kötet. Budapest, 1870: 109–189.

Vikár László. Egy új csuvas gyűjtés tanulságai // *Az MTA I. Osztályának közleményei*. 23. 1966: 189–199.

Vikár László, **Bereczki** Gabor. Chuvash folksongs. — Budapest: Akad. kiado, 1979. — 579 p., foto.

Werner Joachim. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. — München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. — 138 S., Ill.

Yunusbayev Bayazit, **Metspalu** Mait, **Järve** Mari, **Kutuev** Ildus, **Rootsi** Siiri, **Metspalu** Ene, **Behar** Doron M., **Varendi** Kärt, **Sahakyan** Hovhannes, **Khusainova** Rita, **Yepiskoposyan** Levon, **Khusnutdinova** Elza K., **Underhill** Peter A., **Kivisild** Toomas and **Villems** Richard. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations // *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 29. N1. 2012: 359–365.

Zhivkov Boris. Khazaria in the Ninth and Tenth Centures. — Leiden; Boston: Brill, 2015. — XV, 335 p.

Zichy István. A magyarság őstörténete és műveltsége a honfoglalásig. — Budapest: Akad. Kiadó, 1923. — 82 p.

Zimonyi István. The Origins of the Volga Bulgars. — Szeged: Univ. Szeged, 1990. — 211 p.

Zimonyi István. History of the Turkic speaking peoples in Europe before the Ottomans // URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/ZimonyiIP.pdf>

Zimonyi István. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. — Bucureşti: Brăila, 2014. — 399 p.

Условные сокращения

АДД – Автореферат диссертации докторской.

АДК – Автореферат диссертации кандидатской.

ВДИ – журнал «Вестник древней истории».

ДД – диссертация докторская.

ИИМК – архив Института истории материальной культуры,
г. Санкт-Петербург.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ПСЗ – Полное собрание Законов Российской Империи.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – журнал «Российская археология».

СА – журнал «Советская археология».

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

СТ – журнал «Советская тюркология».

СЭ – журнал «Советская этнография».

ЧГИ – архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.

SUS – Suomalais-Ugrilaisen Seura arkisto. Helsinki.

CONCLUSION

Anton K. Salmin HISTORY OF THE CHUVASH PEOPLE: AN ANALYSIS OF MAJOR VERSIONS

Key words: *ethnogenesis, Chuvash, Savars/Savirs/Suvars, Bulgars/Bolgars, Turks, Mongols, Tatars, Huns, Ugric, ethnonym, history, geography, genogeography, anthropology, archaeology, religion, language, art, ethnography, folklore.*

This work has provided an analysis of the main versions of the origin and formation of the Chuvash people. The tribes examined in the book are all interconnected in some way, but each of them has taken its own historical path (see the conclusions for each chapter). We have based our conclusions on reliable sources, critically analyzing the most important literature to establish the correctness of each of the available versions.

As the primary sources show, the *Savir* hypothesis as to the origin of the Chuvash is closest to the truth. More precisely, the *Savars/Savirs/Suvars* made up the core of the ancestors to the Chuvash. The remaining versions (Bulgar, Turko-Mongol, Hunnic, Ugor, and Persian) have been presented in chapters arranged by diminishing consistency with regard to the Chuvash. Nevertheless, the present-day Chuvash cannot be described as the “pure” descendants of the Savirs. The genetic, anthropological and linguistic data, as well as the rituals, beliefs and other ethnographic features have, to various extents, absorbed aspects of the tribe’s historical neighbors through historical interaction.

The history of the ancestors to the Chuvash can be divided into several spatial and temporal areas: 1) the North Caucasus (2nd century – 737 CE), 2) Saltovo-Mayaki culture (737–895 CE), 3) the left bank of the Middle Volga (895–922 CE), 4) the right bank of the Middle Volga (922 CE – present).

The facts suggest that the *Savars – Sapirs – Savirs – Sabirs – Suvars* made the correct strategic decisions. The *Suvars* who retreated to the right bank of the Volga in 922 formed the core of the ancestors to the present-day Chuvash, a core which over its long history managed to

preserve its age-old traditions and avoid being absorbed by the Islamic culture. The path the ancestors to the Chuvash travelled can be seen as a search for their own personal identity.

Even setting aside any assumptions regarding the events before the Common Era, we still have the evidence from the early centuries CE: the testimony of Ptolemy (2nd century), Aelius Herodianus (3rd century), Ammianus Marcellinus (4th century), Priscus of Panium, Procopius Caesariensis and Stephanus of Byzantium (5th century). At the time, there were no Turkic peoples in the Caucasus, as they only entered the region in the 6th century.

By drawing upon conclusions from allied disciplines, this book has systematized the relevant data and demonstrated it. It has analyzed primary sources and secondary literature on the subject. The author has analyzed the hypotheses, versions of the story, and other factors which have been or are related to the subject of discussion. The objective was to extract forgotten data from the cells of history and, wherever possible, lay them out in sequential order, so that the reader may draw his/her own conclusions. It was found that the majority of works on the subject have been written according to the available mold.

ГЛОССАРИЙ

Аллели — различные формы одного и того же гена.

Аутосомные гены — неполовые гены.

Брахикrania — это градация черепного указателя (свыше 80,0%), характеризующая относительно короткий и широкий череп.

Гаплогруппы — группа схожих гаплотипов.

Гаплотипы — совокупность аллелей на локусах одной хромосомы.

Генетика — наука о закономерностях наследственности и изменчивости.

Генетический пул — понятие из популяционной генетики, описывающее совокупность всех генных вариаций.

Геногеография — раздел генетики, изучающий распространение определенного гена в популяции данного вида в географическом аспекте.

Генофонд — совокупность всех генных вариаций.

Гены — структурная и функциональная единица наследственности живых организмов.

ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов

ДНК-маркеры — маркеры ДНК, с позиций популяционных исследований разделяются на три группы: маркеры митохондриальной ДНК (мтДНК), аутосомные маркеры и маркеры Y-хромосомы

Долихоцефалы (от греч. dolichos — длинный и kephale — голова) — это люди с длинными и узкими головами.

Древние линии гаплогруппы Н — человеческая митохондриальная эталонная последовательность, с которой сравниваются все другие.

Кластер — объединение нескольких однородных элементов.

Лапоноидная раса — антропологический тип, сохранившийся у саамов. Основные черты: низкий рост, иногда встречается эпикантус, преимущественно вогнутая или извилистая спинка носа. Межглазничное расстояние большое. У них светлая кожа и высок процент светлых глаз.

Лейкоцитарные антигены (Human Leukocyte Antigens — HLA) — система тканевой совместимости человека.

Митохондрии — это энергетическая база клеток.

мтДНК — митохондрии человека, наследуемые по материнскому типу.

Нуклеотиды — это строительный материал для нуклеиновых кислот, коферментов и многих других биологических соединений, которые крайне необходимы клетке в процессе ее жизнедеятельности.

Одонтология — это наука, изучающая строение, вариации и эволюцию зубочелюстной системы.

Последний ледниковый максимум (ПЛМ) — примерно XXIV в. до н. э.

Рефугиум — участок земной поверхности или Мирового океана, где вид или группа видов пережили неблагоприятный для них период геологического времени, в течение которого на больших пространствах эти формы исчезли (26 000 лет назад).

Секвенирование — установление последовательности нуклеотидов в молекуле ДНК.

Суперстрат — влияние языка пришлого населения на язык коренного в результате завоевания, культурного господства некоего этнического меньшинства, которому не хватило критической массы для ассимиляции покорённого или подчинённого коренного населения.

Хромосомы — структурные элементы ядра клетки.

Эпикантус, «монгольская складка» — особая складка у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слёзный бугорок.

Ядерный геном — совокупность наследственного материала, заключенного в клетке организма.

Fossa canina — собачья ямка (углубление на передней поверхности тела верхней челюсти).

Fossae praenasales — предносовые ямки.

Y-хромосома — хромосома, определяющая мужской пол организма.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
Методология.....	4
Историография.....	12
Глава 1. САВИРСКАЯ ВЕРСИЯ	18
Этнонимика.....	18
История	36
География	52
Геногеография.....	61
Антропология.....	67
Археология	73
Религия.....	80
Язык.....	88
Этнография.....	94
Искусство.....	114
Фольклор	115
Выводы	117
Глава 2. БУЛГАРСКАЯ ВЕРСИЯ	123
Этноним	125
История	127
География	135
Геногеография.....	140
Антропология.....	146
Археология	149
Религия.....	155
Язык.....	167
Этнография.....	176
Искусство.....	192
Выводы	194
Глава 3. ТЮРКО-МОНГОЛЬСКАЯ ВЕРСИЯ	200
Этнонимы	200
История	204

География	208
Геногеография.....	210
Антропология.....	213
Археология.....	217
Религия.....	217
Язык.....	226
Этнография.....	241
Фольклор.....	252
Татаризация.....	255
Выводы	263
Глава 4. ГУННСКАЯ ВЕРСИЯ	268
Этноним	268
История.....	270
География	279
Антропология.....	281
Археология.....	285
Религия.....	286
Язык.....	292
Этнография.....	298
Фольклор.....	308
Выводы	310
Глава 5. ПЕРСИДСКАЯ ВЕРСИЯ.....	314
Этнонимы	314
История.....	315
География	318
Археология.....	322
Религия.....	324
Язык.....	332
Этнография.....	340
Искусство.....	349
Фольклор.....	350
Выводы	351
Глава 6. УГОРСКАЯ ВЕРСИЯ.....	352
Этнонимы	352
История.....	355

География	357
Антропология.....	359
Археология.....	361
Религия.....	362
Язык.....	364
Этнография.....	371
Искусство.....	379
Фольклор.....	385
Выводы.....	386
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	388
Архивные источники.....	390
Опубликованные источники.....	391
Использованная литература.....	410
Условные сокращения.....	456
CONCLUSION	457
ГЛОССАРИЙ	459

Научное издание

Антон Кириллович Салмин

**История чувашского народа:
анализ основных версий**

Адрес для отзывов: *antsalmin@mail.ru*

Литературный редактор *Б. А. Антонова*

Корректор *Д. М. Соколова*

Оригинал-макет *А. А. Крыласов*

Дизайн обложки *А. А. Крыласов*

Подписано в печать 30.11.2017. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 29

Тираж 300 экз. Заказ № 1084

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28